A-02
ЖС 92

Проверено 1964 г.

- - МАЙ 2008

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

116h

574

9557

БИБЛИОТЕКА
ДОН. ОБЛАСТ. БИБЛИОТЕКИ
ПО ИЗД. ПОСТУПИЛО
ОТД. IX № 574

№2559

ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

№ 5. МАЙ 1901.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Сенатская Типографія.
1901.

Проверено 1948 г

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. **Законодательство:**
   А. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства 1
   Б. Сборникъ постановленій Великаго Княжества Финляндскаго 22
2. **Извлеченіе изъ Высочайшихъ приказовъ** по гражданскому вѣдомству 24
3. **Приказы по вѣдомству Министерства Юстиціи** 32
4. **Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи** 42
5. **Удинцевъ, В. А.** Выкупъ поссессіонныхъ земель и лѣсовъ. 1
6. **Эльяшевъ, М. А.** О способахъ оказанія помощи патронатомъ. 33
7. **Ивановскій, В. В.** Новый трактатъ о государствѣ . . . 82
8. **Городыскій, Я. К.** Наши суды и судебные порядки по даннымъ ревизіи 1895 г. (продолженіе) 115
9. **Мулюкинъ, А. С.** Матеріальный и формальный законъ . 173
10. **Хроника:**
    I. Новое теченіе въ сенатской практикѣ по крестьянскимъ дѣламъ. *А. Гуляева* . . . 189
    II. О вещественныхъ доказательствахъ по проекту новой редакціи уст. угол. суд. *П. Ифлянда* 195
    III. О возбужденіи преслѣдованія за ложный доносъ. *А. Овсяникова* 201
    IV. Вознагражденіе учредителей акціонерныхъ компаній. *Вл. Бѣлинскаго* 206
    V. По вопросу объ охранѣ нашихъ водныхъ богатствъ. *М. Рейнке* 234
    VI. По поводу замѣтки „о заочныхъ приговорахъ“. *Ю. Хейфица* 240
    VII. Отчетъ по Главному Тюремному Управленію за 1898 г. *А. Люблинскаго* 245
    VIII. Изъ дѣятельности юридическихъ обществъ. 253

11. **Взятіе подъ стражу, какъ мѣра пресѣченія уклоненія отъ слѣдствія и суда, въ современномъ западно-европейскомъ законодательствѣ.** *Е. Тарновскаго* 266

12. **Кассаціонная практика.** Вопросы, разрѣшенные Гражданскимъ Кассаціоннымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената въ 1900 г. (Продолженіе). Составилъ *Д. Д. Черновъ* 294

13. **Обзоръ иностраннаго законодательства** 308

Германскій законъ 21 мая 1900 г. о повѣренныхъ по дѣламъ о патентахъ на открытія и изобрѣтенія.—Германскій законъ 18 декабря 1899 г. о телеграфныхъ сообщеніяхъ.

14. **Письма изъ Англіи.** XXIV. *Сесиль-Мидъ-Аллена* . . . 322

15. **Литературное обозрѣніе** 335

1) М. П. Чубинскій. Мотивъ преступной дѣятельности и его значеніе въ уголовномъ правѣ. — *Е. Давыдова.* 2) Briefe eines Unbekannten über die Rechtswissenschaft.—*Н. Гредескула.* 3) А. Ф. Волковъ и Ю. Д. Филиповъ. Словарь юридическихъ и общественныхъ наукъ. Т. I. Вып. 1.—*I. Гессена.* 4) Г. Блосфельдтъ. Сборникъ законовъ о россійскомъ дворянствѣ.—*С. Б.* 5) Списокъ поступившихъ въ редакцію книгъ и брошюръ.

16. **Объявленія** . . . . . I—IV

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

А. СОБРАНІЕ УЗАКОНЕНІЙ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

1901. № 28, III, 20; № 29, III, 23; № 30, III, 27; № 31, III, 30; № 32, IV, 3; № 33, IV, 6; № 34, IV, 10; № 35, IV, 13; № 36, IV, 17; № 37, IV, 20.

I. Узаконенія, подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

Т. II. Общ. Учр. Губ. № 32, ст. 633. Мн. Гос. Сов. О квартирномъ довольствіи становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ (I, II, III). № 37, ст. 749. Мн. Гос. Сов. О дополненіи правилъ о порядкѣ призыва войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ.

Т. II. Гор. Пол. № 35, ст. 682. Мн. Гос. Сов. О распространеніи на промышленныя предпріятія, добывающія золото или платину, положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ (III). № 37, ст. 751. Мн. Гос. Сов. О распространеніи на нѣкоторыя губерніи и области узаконеній о казенной продажѣ питей (V).

Т. II. Пол. Акмолинск., Семипалатинск., Семирѣченск., Уральск. и Тургайск. № 35, ст. 677. Мн. Гос. Сов. О мѣрахъ къ охраненію лѣсовъ Тургайской области отъ истребленія.

Т. III. Уст. Служб. Прав. № 32, ст. 633. Мн. Гос. Сов. О квартирномъ довольствіи становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ (I, II). № 35, ст. 675. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи временнаго штата чиновъ для учета нефти на казенныхъ земляхъ Апшеронскаго полуострова (шт., прим. 1). № 35, ст. 686. Выс. пов.

О порядкѣ изданія списковъ гражданскимъ чинамъ первыхъ четырехъ классовъ. № 37, ст. 750. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Горецкаго ремесленнаго училища (II, ст. 17—20).

Т. III. Уст. Пенс. № 31, ст. 625. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Бессарабскихъ низшихъ сельскохозяйственныхъ училищъ и объ утвержденіи штата оныхъ (I, ст. 7). № 37, ст. 750. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Горецкаго ремесленнаго училища (II, ст. 19).

Т. III. Пол. Особ. Преим. Служб. № 31, ст. 624. Мн. Гос. Сов. По вопросу о десятипроцентномъ вычетѣ въ инвалидный капиталъ изъ пособій, назначаемыхъ за десятилѣтнюю службу въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи.

Т. IV. Уст. Воин. Пов. № 37, ст. 750. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Горецкаго ремесленнаго училища (II, ст. 9—11).

Т. IV. Уст. Зем. Пов. № 32, ст. 633. Мн. Гос. Сов. О квартирномъ довольствіи становыхъ приставовъ и полицейскихъ урядниковъ (III). № 35, ст. 682. Мн. Гос. Сов. О распространеніи на промышленныя предпріятія, добывающія золото или платину, положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ (III). № 37, ст. 751. Мн. Гос. Сов. О распространеніи на нѣкоторыя губерніи и области узаконеній о казенной продажѣ питей (V).

Т. V. Уст. Прям. Налог. № 35, ст. 676. Мн. Гос. Сов. Объ освобожденіи принадлежащихъ попечительствамъ о народной трезвости недвижимыхъ имуществъ въ городахъ отъ государственнаго налога. № 35, ст. 682. Мн. Гос. Сов. О распространеніи на промышленныя предпріятія, добывающія золото или платину, положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ (I, II).

Т. V. Уст. Акц. Сбор. № 35, ст. 678. Мн. Гос. Сов. Объ установленіи казенной продажи питей въ губерніяхъ Енисейской и Иркутской и областяхъ Забайкальской, Якутской и Дагестанской. № 37, ст. 751. Мн. Гос. Сов. О распространеніи на нѣкоторыя губерніи и области узаконеній о казенной продажѣ питей (I—IV, VI, VII).

Т. VI. Уст. Тамож. № 30, ст. 621. Выс. пов. О распространеніи постановленій протокола $\frac{\text{21 сентября}}{\text{3 октября}}$ 1851 г., объ искорененіи контрабанднаго промысла (прил. къ ст. 1383, примѣч. т. VI Свода Зак., изд. 1857 г.), на всѣ таможенныя учрежденія по русско-австрійской границѣ. № 37, ст. 750. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Горецкаго ремесленнаго училища (II, ст. 22).

Т. VI. Общ. Тамож. Тариф. № 30, ст. 616. Мн. Гос. Сов. О запрещеніи вывоза огнестрѣльнаго оружія и припасовъ къ нему изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей.

Т. VII. Уст. Горн. № 35, ст. 675. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи временнаго штата чиновъ для учета нефти на казенныхъ земляхъ Апшеронскаго полуострова (III; шт., прим. 2, 3). № 35, ст. 682. Мн. Гос. Сов. О распространеніи на промышленныя предпріятія, добывающія золото или платину, положенія о государственномъ промысловомъ налогѣ (I, II, IV, V, VI). № 35, ст. 683. Мн. Гос. Сов. О свободномъ обращеніи шлиховаго золота (I, II, III). № 36, ст. 719. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи порядка сдачи въ частное содержаніе казенныхъ соляныхъ источниковъ Восточной Сибири.

Т. VIII, ч. 1. Уст. Лѣсн. № 35, ст. 677. Мн. Гос. Сов. О мѣрахъ къ охраненію лѣсовъ Тургайской области отъ истребленія. № 35, ст. 681. Мн. Гос. Сов. О преміяхъ за труды по лѣсоразведенію (I).

Т. X, ч. 1. Зак. Гражд. № 36, ст. 710. Мн. Гос. Сов. О порядкѣ охраненія наслѣдствъ послѣ умершихъ воинскихъ чиновъ (I, III) [1]).

I. Въ измѣненіе, дополненіе и отмѣну подлежащихъ узаконеній, а также статей свода военныхъ и военно-морскихъ постановленій, постановить:

1. Въ случаѣ смерти состоящаго на дѣйствительной военной или военно-морской службѣ въ офицерскомъ званіи чина арміи или флота на войнѣ, въ походѣ, лагерѣ или на военномъ суднѣ, командиръ полка, экипажа, судна или отдѣльной части, въ которой состоялъ на службѣ умершій, по полученіи о его смерти донесенія, въ тотъ же день, если къ тому не встрѣтится особыхъ препятствій, наряжаетъ одного штабъ-офицера и двухъ оберъ-офицеровъ для составленія описи оказавшимся при покойномъ наличнымъ деньгамъ, письменнымъ документамъ и иному движимому имуществу.

2. Въ случаѣ смерти состоящаго на дѣйствительной военной службѣ нижняго чина арміи или флота на войнѣ, въ походѣ, лагерѣ, на военномъ суднѣ, въ казармѣ, военномъ госпиталѣ или вообще въ такомъ мѣстѣ, которое находится въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго или военно-морского начальства, командиръ полка, экипажа, судна или отдѣльной части, въ которой состоялъ на службѣ умершій, по полученіи о его смерти донесенія, въ тотъ же день, если къ тому не встрѣтится особыхъ препятствій, наряжаетъ оберъ-офицера и въ помощь ему нижняго чина, состоявшаго ближайшимъ начальникомъ покойнаго, для составленія описи оказавшимся при немъ наличнымъ деньгамъ, письменнымъ документамъ и иному движимому имуществу.

---

[1]) См. ниже узак. къ Уст. Гражд. Суд.

3. Одновременно съ назначеніемъ производства описи (ст. 1 и 2), командиръ полка, экипажа, судна или отдѣльной части распоряжается о собраніи свѣдѣній относительно казенныхъ бумагъ, денегъ и вещей, ввѣренныхъ по службѣ и сданныхъ на руки умершему, а также о томъ, сколько ему причитается по день его смерти жалованья и другихъ по службѣ денежныхъ выдачъ и сколько числится за нимъ неупотребленныхъ по назначенію войсковыхъ или экипажныхъ либо судовыхъ суммъ, а также иныхъ выданныхъ по службѣ казенныхъ денегъ. Оказавшіяся на рукахъ умершаго казенныя бумаги, деньги и вещи изъемлются изъ состава описываемаго наслѣдственнаго имущества.

4. Составленная опись утверждается подписью всѣхъ участвовавшихъ въ ея составленіи лицъ (ст. 1 и 2) и представляется командиру полка, экипажа, судна или отдѣльной части. Командиръ распоряжается объ охраненіи описанныхъ денегъ, документовъ и движимаго имущества.

5. Указанные въ статьѣ 3 долги покойнаго, по приведеніи ихъ въ точную извѣстность, распоряженіемъ командира полка, экипажа, судна или отдѣльной части немедленно пополняются изъ слѣдующихъ умершему жалованья и другихъ по службѣ денежныхъ выдачъ, а также изъ описанныхъ суммъ и имущества (ст. 1 и 2).

6. По удовлетвореніи долговъ (ст. 3) умершаго на дѣйствительной военной или военно-морской службѣ въ офицерскомъ званіи чина арміи или флота (ст. 1), все остальное движимое его имущество, по распоряженію командира полка, экипажа, судна или отдѣльной части, не долѣе мѣсячнаго, со дня смерти покойнаго, срока, а во время войны, похода или плаванія—при первой къ тому возможности, передается подлежащему, по мѣсту постояннаго жительства умершаго, уѣздному члену окружнаго суда или мировому либо гминному судьѣ, по принадлежности, для дальнѣйшаго охраненія наслѣдства и поступленія съ нимъ на общемъ основаніи.

7. По удовлетвореніи долговъ (ст. 3) умершаго на дѣйствительной военной службѣ нижняго чина арміи или флота (ст. 2), если стоимость остальнаго описаннаго военнымъ начальствомъ движимаго имущества покойнаго превышаетъ *сто* рублей, или если относительно онаго обнаружено духовное завѣщаніе умершаго, или же если по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ оказалось послѣ умершаго иное, кромѣ описаннаго (ст. 2), наслѣдство, то все означенное въ описи движимое имущество покойнаго, оставшееся свободнымъ за удовлетвореніемъ его долговъ (ст. 3), по распоряженію командира полка, экипажа,

судна или отдѣльной части, не долѣе мѣсячнаго, со дня смерти покойнаго, срока, а во время войны, похода или плаванія—при первой къ тому возможности, передается подлежащему, по мѣсту постояннаго жительства или приписки умершаго, уѣздному члену окружнаго суда или мировому либо гминному судьѣ, по принадлежности, для дальнѣйшаго охраненія наслѣдства и поступленія съ нимъ на общемъ основаніи.

8. Въ тѣхъ случаяхъ, когда описанное военнымъ начальствомъ движимое имущество умершаго на дѣйствительной военной службѣ нижняго чина (ст. 2) не подходитъ ни подъ одно изъ условій, указанныхъ относительно такихъ имуществъ въ предшедшей (7) статьѣ, командиръ полка, экипажа, судна или отдѣльной части распоряжается объ уплатѣ изъ описаннаго имущества надлежащимъ образомъ удостовѣренныхъ частныхъ долговъ покойнаго, если такіе долги окажутся. Остальное засимъ имущество выдается наслѣдникамъ умершаго нижняго чина.

9. О вызовѣ наслѣдниковъ умершаго нижняго чина къ оставшемуся послѣ него имуществу, упомянутому въ предшедшей (8) статьѣ, публикацій не производится, но командиръ полка, экипажа, судна или отдѣльной части сносится съ подлежащею, по мѣсту постояннаго жительства или приписки покойнаго, полиціею о розысканіи и оповѣщеніи наслѣдниковъ, сообщая при этомъ подробныя, по возможности, свѣдѣнія о составѣ наслѣдственнаго имущества. Всѣ вещи, составляющія это имущество, въ теченіе одного года со дня смерти нижняго чина, хранятся въ подлежащей воинской части, а по прошествіи сего времени могутъ быть, въ случаѣ надобности, распоряженіемъ командира означенной части обращены въ наличныя деньги.

10. По указанному въ статьѣ 9 сообщенію, полиція дѣлаетъ распоряженіе о розысканіи и надлежащемъ оповѣщеніи наслѣдниковъ, посылая объявленія о смерти наслѣдодателя изъ сельскихъ обывателей въ подлежащія, по мѣсту его приписки, волостныя, гминныя и сельскія управленія, для выставленія сихъ объявленій при дверяхъ означенныхъ управленій, а также для иныхъ, съ ихъ стороны, соотвѣтственныхъ къ обнаруженію наслѣдниковъ умершаго, распоряженій. Относительно смерти наслѣдодателя не изъ сельскихъ обывателей указанныя объявленія выставляются при дверяхъ подлежащихъ (ст. 9) полицейскихъ управленій.

11. Если наслѣдники умершаго нижняго чина (ст. 8) не будутъ обнаружены полиціею въ теченіе одного года по полученіи ею сообще-

нія командира полка, экипажа, судна или отдѣльной части (ст. 9), то полиція извѣщаетъ о томъ командира.

12. Если наслѣдники умершаго нижняго чина (ст. 8) будутъ обнаружены до истеченія указаннаго въ предшедшей (11) статьѣ годоваго срока, то полиція объявляетъ наслѣдникамъ объ оставшемся послѣ покойнаго наслѣдственномъ имуществѣ и о времени такого объявленія доноситъ командиру полка, экипажа, судна или отдѣльной части. Если въ теченіе трехъ лѣтъ со дня упомянутаго объявленія наслѣдники явятся за полученіемъ наслѣдственнаго имущества, то оно имъ выдается за удовлетвореніемъ изъ онаго долговъ покойнаго (ст. 3 и 8). По просьбѣ наслѣдниковъ, въ указанный выше срокъ заявленной, и за ихъ счетъ, подлежащее выдачѣ имъ имущество можетъ быть переслано изъ воинской части въ мѣстную полицію для передачи по назначенію.

13. Въ случаѣ необнаруженія наслѣдниковъ (ст. 11) или неявки ихъ въ теченіе трехъ лѣтъ со дня объявленія имъ полиціею объ оставшемся послѣ умершаго нижняго чина наслѣдственномъ имуществѣ (ст. 12), послѣднее распоряженіемъ командира полка, экипажа, судна или отдѣльной части обращается въ наличныя деньги, если этого не было сдѣлано на основаніи статьи 9, и затѣмъ поступаетъ въ инвалидный капиталъ.

14. Постановленія, изложенныя въ статьяхъ 1—5, примѣняются также къ имуществу безъ вѣсти пропавшихъ чиновъ арміи или флота (ст. 1 и 2) въ случаяхъ, означенными статьями предусматриваемыхъ.

Т. XI, ч. 1 Уст. Уч. Завед. № 36, ст. 713. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи женскаго училища графа Д. Н. Блудова въ городѣ Острогѣ, Волынской губерніи (I). № 36, ст. 714. Пол. Ком. Мин. Объ изданіи новыхъ правилъ о народныхъ чтеніяхъ.

Т. XI, ч. 2. Уст. Кред. № 28, ст. 561. Выс. пов. О возложеніи на С.-Петербургскую ссудную казну операціи храненія золота, серебра и всякихъ драгоцѣнныхъ вещей.

Т. XI, ч. 2. Уст. Торг. № 31, ст. 627. Мн. Гос. Сов. Объ установленіи обязательной пріемки на вѣсъ зерновыхъ хлѣбовъ, размольныхъ продуктовъ и сѣмянъ (I, III, IV) [1]).

Т. XII, ч. 1. Уст. Пут. Сообщ. № 36, ст. 727. Выс. пов. Объ изданіи временныхъ санитарныхъ правилъ для судовъ и плотовъ, плавающихъ по внутреннимъ водянымъ путямъ.

---

[1]) См. ниже узак. къ Уст. Наказ.

Т. XIII. Уст. Врач. № 35, ст. 674. Имен. ук. О признаніи общественнаго значенія за Налэнчовскими минеральными источниками.

Т. XV. Уст. Наказ. № 31, ст. 627. Мн. Гос. Сов. Объ установленіи обязательной пріемки на вѣсъ зерновыхъ хлѣбовъ, размольныхъ продуктовъ и сѣмянъ (II).

Постановлено:

II. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, дополнить слѣдующимъ правиломъ:

За пріемку покупаемаго зерноваго хлѣба, муки, крупы, солода, толокна, отрубей и вообще молотаго и толченаго хлѣба, а также масличныхъ, посѣвныхъ и иныхъ сѣмянъ, не на вѣсъ, а инымъ способомъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пріемку ихъ установлено производить на вѣсъ, виновные въ томъ торговцы подвергаются:

денежному взысканію не свыше ста рублей [1]).

Т. XVI, ч. I. Уст. Гражд. Суд. № 36, ст. 710. Мн. Гос. Сов.

---

[1]) Отдѣлами I, III и IV этого узаконенія опредѣлено:

I. Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановить:

1) Въ расположенныхъ въ городахъ торговыхъ помѣщеніяхъ, на всѣхъ базарахъ, ярмаркахъ, желѣзнодорожныхъ станціяхъ и пристаняхъ и въ находящихся при оныхъ лавкахъ и складахъ пріемка торговцами покупаемаго ими всякаго рода зерноваго хлѣба, муки, крупы, солода, толокна, отрубей и вообще молотаго и толченаго хлѣба, а также масличныхъ, посѣвныхъ и иныхъ сѣмянъ,—производится на вѣсъ.

2) Въ губерніяхъ, въ коихъ введены земскія учрежденія, губернскимъ земскимъ собраніямъ, а въ прочихъ мѣстностяхъ—губернскому или областному начальству предоставляется установлять, издаваемыми ими на общемъ основаніи обязательными постановленіями, пріемку на вѣсъ покупаемаго торговцами всякаго рода зерноваго хлѣба, муки, крупы, солода, толокна, отрубей и вообще молотаго и толченаго хлѣба, а также масличныхъ, посѣвныхъ и иныхъ сѣмянъ, въ такихъ, не означенныхъ въ ст. 1, мѣстахъ, куда продукты сіи свозятся на продажу.

III. Предоставить Министру Финансовъ, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, вводить настоящее узаконеніе (отд. I и II) въ дѣйствіе постепенно въ различныхъ мѣстностяхъ Имперіи съ 1 января 1903 г. съ тѣмъ, чтобы окончательное введеніе онаго въ предѣлахъ Европейской Россіи послѣдовало въ теченіе пяти лѣтъ, и чтобы о срокѣ вступленія въ силу сего узаконенія въ каждой мѣстности было заблаговременно представляемо въ Правительствующій Сенатъ, для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

IV. Предоставить губернскимъ земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ входить въ установленномъ порядкѣ съ ходатайствами о введеніи въ дѣйствіе настоящаго узаконенія (отд. I и II) въ подлежащихъ губерніяхъ или городахъ, въ избранный ими, въ предѣлахъ означеннаго въ предъидущемъ (III) отдѣлѣ пятилѣтія, срокъ.

О порядкѣ охраненія наслѣдства послѣ умершихъ воинскихъ чиновъ (II).

Постановлено:

II. Уставъ Гражданскаго Судопроизводства дополнить слѣдующими статьями:

1401¹. Въ отношеніи охраненія движимаго имущества состоящихъ на дѣйствительной военной или военно-морской службѣ въ офицерскомъ званіи чиновъ арміи или флота, умершихъ на войнѣ, въ походѣ, лагерѣ или на военномъ суднѣ, а также нижнихъ чиновъ, умершихъ на войнѣ, въ походѣ, лагерѣ, на военномъ суднѣ, въ казармѣ, военномъ госпиталѣ и вообще въ такомъ мѣстѣ, которое находится въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго или военно-морскаго начальствъ, соблюдаются особыя правила [1]).

1404¹. Во всѣхъ случаяхъ, кромѣ указанныхъ въ статьѣ 1401¹, при составленіи описи движимаго имущества умершихъ на дѣйствительной военной или военно-морской службѣ чиновъ арміи или флота, можетъ присутствовать командированное подлежащимъ военнымъ или военно-морскимъ начальствомъ должностное лицо военнаго или военно-морскаго вѣдомства, которому предоставляется требовать изъятія изъ состава описываемаго имущества казенныхъ бумагъ, документовъ, денегъ и вещей.

1646¹. Въ отношеніи охраненія движимаго имущества состоящихъ на дѣйствительной военной или военно-морской службѣ въ офицерскомъ званіи чиновъ арміи или флота, умершихъ на войнѣ, въ походѣ, лагерѣ или на военномъ суднѣ, а также нижнихъ чиновъ, умершихъ на войнѣ, въ походѣ, лагерѣ, на военномъ суднѣ, въ казармѣ, военномъ госпиталѣ или вообще въ такомъ мѣстѣ, которое находится въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго или военно-морскаго начальствъ, соблюдаются правила статей 1401¹ и 1404¹.

1907¹. Въ отношеніи охраненія движимаго имущества состоящихъ на дѣйствительной военной или военно-морской службѣ въ офицерскомъ званіи чиновъ арміи или флота, умершихъ на войнѣ, въ походѣ, лагерѣ или на военномъ суднѣ, а также нижнихъ чиновъ, умершихъ на войнѣ, въ походѣ, лагерѣ, на военномъ суднѣ, въ казармѣ, военномъ госпиталѣ или вообще въ такомъ мѣстѣ, которое находится въ исключительномъ вѣдѣніи военнаго или военно-морскаго начальствъ, соблюдаются правила статей 1401¹ и 1404¹.

---

[1]) См. выше узак. къ Зак. Гражд.

II. Узаконенія, не подлежащія внесенію въ Сводъ Законовъ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи. № 30, ст. 615. Мн. Гос. Сов. Объ отнесеніи на средства города Люблина расхода по содержанію одной должности мироваго судьи въ этомъ городѣ.

По вѣдомству Министерства Военнаго. № 28, ст. 559. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи штатовъ инженерныхъ учрежденій въ Туркестанскомъ и Казанскомъ военныхъ округахъ. № 28, ст. 560. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи штата главнаго инженернаго склада. № 29, ст. 574. Пол. Воен. Сов. Объ отпускѣ средствъ военно-топографическому училищу для ризвитія научныхъ и физическихъ занятій юнкеровъ, № 29, ст. 575. Пол. Воен. Сов. Объ установленіи денежнаго отпуска на развитіе научныхъ и физическихъ занятій юнкеровъ юнкерскихъ училищъ. № 29, ст. 576. Пол. Воен. Сов. О прикомандированіи офицеровъ къ управленіямъ отдѣловъ Терскаго и Кубанскаго казачьихъ войскъ. № 29, ст. 577. Пол. Воен. Сов. Объ упраздненіи Кизлярской мѣстной команды и мѣстнаго лазарета и объ установленіи штатовъ Новороссійской и Майкопской мѣстныхъ командъ. № 31, ст. 629. Мн. Гос. Сов. О дополненіи статьи 29 правилъ объ особыхъ преимуществахъ государственной службы по военному вѣдомству въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи. № 32, ст. 635. Пол. Воен. Сов. О разрѣшеніи наказному атаману Оренбургскаго казачьяго войска назначать къ имѣющимся въ станицахъ пріемнымъ покоямъ почетныхъ попечителей изъ числа лицъ, избираемыхъ для сего станичными сборами соотвѣтствующихъ станицъ. № 32, ст. 636. Пол. Воен. Сов. О путевомъ довольствіи военнаго духовенства. № 32, ст. 637. Пол. Воен. Сов. О содержаніи чиновъ военнаго вѣдомства. № 32, ст. 638. Пол. Воен. Сов. Объ учрежденіи управленія Оренбургскаго кизачьяго дивизіона. № 33, ст. 648. Выс. пов. Объ утвержденіи распоряженія командующаго войсками Приамурскаго военнаго округа о формированіи на время военныхъ дѣйствій частей, учрежденій и командъ. № 33, ст. 649. Выс. пов. О производствѣ военно-конской переписи въ 1901 году. № 34, ст. 650, Пол. Воен. Сов. О командированіи отъ войска Донскаго молодыхъ казаковъ въ учебную кузницу при офицерской кавалерійской школѣ. № 34, ст. 651. Пол. Воен. Сов. Объ отпускѣ суммъ на усиленіе физическихъ и научныхъ занятій юнкеровъ казачьихъ юнкерскихъ училищъ. № 34, ст. 652. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи примѣчанія 4-го къ штату

учебнаго унтеръ-офицерскаго баталіона. № 34, ст. 654. Пол. Воен. Сов. Объ увеличеніи офицерской кавалерійской школѣ отпуска денегъ на наемъ учителя фехтованія. № 34, ст. 685. Пол. Воен. Сов. Объ учрежденіи при техническомъ комитетѣ главнаго интендантскаго управленія испытательной станціи для техническаго изслѣдованія писчей бумаги и чернилъ, употребляемыхъ въ военномъ вѣдомствѣ для служебной переписки. № 36, ст. 722. Пол. Воен. Сов. О переименованіи завѣдывающаго интендантскою частью областнаго интендантскаго управленія Квантунской области въ „областнаго интенданта". № 36, ст. 723. Пол. Воен. Сов. Объ учрежденіи въ Квантунской области временнаго интендантскаго вещеваго склада. № 36, ст. 724. Пол. Воен. Сов. О сформированіи въ мирное время штаба 4 Забайкальской казачьей льготной батареи.

По вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. № 28, ст. 557. Пол. Ком. Мин. О разрѣшеніи производства г. Тверью облигаціоннаго займа. № 30, ст. 611. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи хозяйственныхъ и канцелярскихъ средствъ нѣкоторыхъ городскихъ и уѣздныхъ полицейскихъ управленій. № 30, ст. 612. Мн. Гос. Сов. Объ учрежденіи должности помощника полиціймейстера въ составѣ Костромской городской полиціи и объ усиленіи канцелярскихъ средствъ мѣстнаго полицейскаго управленія и двухъ приставовъ г. Костромы. № 30, ст. 613. Мн. Гос. Сов. О раздѣленіи Минусинскаго уѣзда, Енисейской губерніи, на пять становъ. № 30, ст. 614. Мн. Гос. Сов. Объ увеличеніи кредитовъ на личный составъ и хозяйственные расходы управленія перевозки почтъ по желѣзнымъ дорогамъ. № 31, ст. 628. Мн. Гос. Сов. О назначеніи суммъ на канцелярскіе расходы участковыхъ врачей въ областяхъ Акмолинской и Семипалатинской. № 32, ст. 631. Мн. Гос. Сов. Объ усиленіи Одесской городской полиціи. № 33, ст. 647. Выс. пов. О воспрещеніи жительства и пребыванія въ гор. Царицынѣ лицамъ, подвергаемымъ по судебнымъ приговорамъ надзору полиціи. № 36, ст. 707. Имен. ук. Объ отчужденіи земель въ Волоколамскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, для сооруженія шоссе отъ дер. Масленниковой до Стрѣлковой слободы. № 36, ст. 711. Мн. Гос. Сов. Объ измѣненіи штатовъ больницъ св. Викентія и с. Іоанна въ г. Люблинѣ. № 36, ст. 726. Выс. пов. О кредитѣ на содержаніе 8 должностей конно-полицейскихъ урядниковъ въ Астраханской губерніи.

По вѣдомству Министерства Императорскаго Двора. № 29, ст. 579. Выс. пов. О переименованіи одной должности чиновника особыхъ порученій V класса при Главномъ Управленіи Удѣловъ въ

юрисконсульта при томъ же Управленіи. № 29, ст. 580. Выс. пов. Объ учрежденіи должностей управляющаго Императорскими Московскими театрами и управляющаго Московскою конторою Императорскихъ театровъ. № 37, ст. 756. Выс. пов. Объ утвержденіи положенія по управленію музеемъ Севастопольской обороны.

По вѣдомству Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 31, ст. 623. Мн. Гос. Сов. Объ увеличеніи кредита на хозяйственные расходы Ольгинской низшей сельскохозяйственной школы. № 31, ст. 625. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Бессарабскихъ низшихъ сельскохозяйственныхъ училищъ и объ утвержденіи штата оныхъ. № 31, ст. 630. Мн. Гос. Сов. Объ увеличеніи суммы, назначенной на изслѣдованія и развѣдки въ Кавказскомъ краѣ. № 32, ст. 632. Мн. Гос. Сов. О кредитѣ на содержаніе судовъ для рыболовнаго надзора въ восточной части Закавказскаго края. № 34, ст. 675. Мн. Гос. Сов. Объ утвержденіи временнаго штата чиновъ для учета нефти на казенныхъ земляхъ Апшеронскаго полуострова. № 37, ст. 750. Мн. Гос. Сов. О преобразованіи Горецкаго ремесленнаго училища.

По вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. № 31, ст. 620 Мн. Гос. Сов. О дополненіи штата С.-Петербургскаго женскаго медицинскаго института. № 32, ст. 634. Мн. Гос. Сов. О кредитѣ на увеличеніе окладовъ содержанія личнаго состава женскихъ, ремесленныхъ и городскихъ училищъ Приамурскаго края. № 34, ст. 657. Выс. пов. О предоставленіи Ярославскому губернскому земству права избирать почетнаго попечителя при Ярославской гимназіи и имѣть въ ней 20 безплатныхъ вакансій для земскихъ стипендіатовъ. № 34. ст. 658. Выс. пов. О принятіи Жиздринскаго городскаго училища подъ Августѣйшее покровительство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Александровича.

По вѣдомству Министерства Путей Сообщенія. № 30, ст. 608. Имен. Ук. Объ отчужденіи земель и имуществъ для улучшенія водоснабженія станцій Караси и Сызрань, Сызрано-Вяземской желѣзной дороги. № 30, ст. 609. Имен. Ук. Объ установленіи исключительнаго права участія частнаго въ пользованіи землею, потребной къ занятію для увеличенія карьера на 100-й верстѣ Вильно-Ровенскаго участка Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ. № 30, ст. 610, Имен. Ук. Объ устройствѣ водоснабженія станціи Елецъ Сызрано-Вяземской желѣзной дороги. № 36, ст. 709. Имен. Ук. Объ отчужденіи земель подъ сооруженіе рельсоваго пути отъ г. Варшавы до гор. Калиша и Прусской границы.

По вѣдомству Министерства Финансовъ. № 29, ст. 581. Выс. пов. Объ учрежденіи въ Кіевскомъ коммерческомъ училищѣ двухъ стипендій. № 34, ст. 655. Выс. пов. Объ учрежденіи въ Кіевскомъ коммерческомъ училищѣ одной стипендіи имени дѣйствительнаго статскаго совѣтника Самофалова. № 34, ст. 679. Мн. Гос. Сов. Объ установленіи дополнительнаго 1/2 копѣечнаго сбора въ доходъ казны съ нагружаемыхъ и выгружаемыхъ въ Потійскомъ портѣ товаровъ. № 34, ст. 680. Мн. Гос. Сов. Объ оставленіи безъ измѣненія на 1901 г. существующихъ окладовъ государственной оброчной подати съ сельскихъ обществъ Степныхъ областей. № 36, ст. 708. Имен. ук. Объ отчужденіи изъ частнаго владѣнія одной десятины шестидесяти квадратныхъ саженей земли для постройки зданій поста „Олесецъ" Калишской бригады Отдѣльнаго Корпуса Пограничной Стражи. № 36, ст. 712. Мн. Гос. Сов. О кредитѣ на образованіе капитала для воспособленія винодѣлію и виноградарству въ Притеречныхъ станицахъ и Кизлярскомъ округѣ Терской области.

По Корпусу Жандармовъ. № 34, ст. 653. Пол. Воен. Сов. Объ измѣненіи штатовъ нѣкоторыхъ полицейскихъ жандармскихъ управленій желѣзныхъ дорогъ.

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи. № 29, ст. 578. Выс. пов. О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ составѣ и окладахъ содержанія административнаго и учебно-воспитательскаго персонала Императорскаго Александровскаго Лицея. № 32, ст. 639. Пол. Опек. Сов. О предоставленіи воспитательницамъ малолѣтнихъ отдѣленій С.-Петербургскаго и Московскаго сиротскихъ институтовъ Императора Николая I права пользованія казеннымъ освѣщеніемъ. № 32, ст. 640. Пол. Опек. Сов. Объ установленіи категорій воспитанницъ институтовъ, имѣющихъ право на безплатное обученіе музыкѣ, и о порядкѣ опредѣленія размѣра платы за обученіе этому искусству.

По вѣдомству Православнаго Исповѣданія. № 36, ст. 725. Выс. пов. О принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Константиновичемъ подъ свое покровительство Омскаго общества хоругвеносцевъ.

По Комитету попечительства о русской иконописи. № 29, ст. 569. Имен. ук. Объ утвержденіи Комитета попечительства о русской иконописи и объ утвержденіи положенія о семъ Комитетѣ.

По дѣламъ частныхъ лицъ, обществъ и установленій. № 28, ст. 556. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава товарищества производства русскихъ минеральныхъ маслъ и другихъ химическихъ продуктовъ, подъ фирмою „С. М. Шибаевъ и К°". № 28, ст. 558.

Пол. Соед. Присут. Ком. Мин. и Деп. Гос. Эконом. Объ окончательномъ разсчетѣ съ акціонерами общества Ивангородо-Домбровской желѣзной дороги. № 29, ст. 570. Пол. Ком. Мин. Объ образованіи учрежденія взаимной помощи рода Татищевыхъ. № 29, ст. 571. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава товарищества Олымскаго свеклосахарнаго и рафинаднаго завода. № 29, ст. 572. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава русскаго нефтепромышленнаго общества. № 29, ст. 573. Пол. Ком. Мин. Объ измѣненіи устава фабрично-торговаго товарищества братьевъ Крестовниковыхъ. № 30, ст. 617. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава товарищества кожевеннаго и клееваренаго заводовъ и торговли Ильи Тимофеевича Вахрушева съ сыновьями. № 30, ст. 618. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества машиностроительнаго завода „И. Г. Нейфельдъ и К°". № 30, ст. 619. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава нефтянаго общества „Бенкендорфъ и К°". № 30, ст. 620. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества Рижской керамической фабрики. № 33, ст. 646. Имен. ук. Объ обращеніи части принадлежащихъ егермейстеру Высочайшаго Двора графу Сергію Шереметеву недвижимыхъ имѣній въ заповѣдное. № 34, ст. 656. Выс. пов. О принятіи Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ званія Почетнаго Предсѣдателя Новороссійскаго общества почтово-голубинаго спорта. № 34, ст. 684. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи бельгійскаго акціонернаго (анонимнаго) общества, подъ наименованіемъ „Ярославскіе Трамваи". № 36, ст. 715. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи англійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ „Грозненское керосиновое общество" съ ограниченной отвѣтственностью. № 36, ст. 716. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи англійскаго, акціонернаго общества, подъ наименованіемъ: „общество для храненія въ бакахъ и перевозка нефти, съ ограниченною отвѣтственностью". № 36, ст. 717. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи французскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ „анонимное общество марганцевыхъ копей въ Дарквети (Кавказъ)". № 36, ст. 718. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи англійскаго акціонернаго общества, подъ наименованіемъ „русское марганцевое общество съ ограниченною отвѣтственностью". № 36, ст. 720. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества „Гурзуфъ". № 36, ст. 721. Пол. Ком. Мин. Объ увеличеніи основнаго капитала общества Брянскаго рель-

сопрокатнаго, желѣзодѣлательнаго и механическаго завода. № 37, ст. 752. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава общества Николаевскаго арматурнаго и литейнаго завода. № 37, ст. 753. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава нефтепромышленнаго и торговаго общества „Шихово". № 37, ст. 754. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава акціонернаго общества табачной фабрики „Миръ" въ Тифлисѣ. № 37, ст. 755. Пол. Ком. Мин. Объ утвержденіи устава товарищества Никольскихъ рядовъ въ Москвѣ.

III. Опредѣленіе Правительствующаго Сената.

№ 35, ст. 687. О порядкѣ выдачи прогонныхъ денегъ состоящимъ на службѣ въ Царствѣ Польскомъ русскимъ чиновникамъ при командировкахъ и перемѣщеніяхъ.

1897 года, февраля 6 дня и 1900 года, марта 22 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло по жалобѣ Коммисара по крестьянскимъ дѣламъ Варшавскаго уѣзда, Статскаго Совѣтника князя Трубецкаго на Министра Финансовъ за отказъ въ ходатайствѣ о выдачѣ ему прогоновъ по чину Статскаго Совѣтника. Приказали: Изъ дѣла видно, что Варшавскимъ Губернскимъ по воинской повинности Присутствіемъ предположено было выдать Коммисару по крестьянскимъ дѣламъ Варшавскаго уѣзда, Статскому Совѣтнику князю Трубецкому, согласно циркуляру Министра Внутреннихъ Дѣлъ 22 августа 1894 года за № 23, прогонную плату на разъѣзды по пріему новобранцевъ 1894 года на 6 лошадей, по чину Статскаго Совѣтника, но Варшавская Казенная Палата удовлетворила князя Трубецкаго прогонами только на 3 лошади по присвоенному занимаемой имъ должности VI класса. Князь Трубецкой ходатайствовалъ передъ Министромъ Финансовъ объ отмѣнѣ этого распоряженія и о выдачѣ ему дополнительныхъ прогонныхъ денегъ въ суммѣ 64 рубл. 32 коп., ссылаясь въ подкрѣпленіе своего ходатайства, на указы Правительствующаго Сената по дѣламъ Статскихъ Совѣтниковъ Стеценко и Добродѣева, въ коихъ было выражено, что Высочайше утвержденное 12 мая 1870 года постановленіе Комитета по дѣламъ Царства Польскаго объ удовлетвореніи служащихъ въ этомъ краѣ прогонами по классамъ должностей, а не по чинамъ, относится лишь къ служащимъ польскаго происхожденія. Министръ Финансовъ, основываясь на указахъ Правительствующаго Сената отъ 2 апрѣля 1885 года за № 4047 и 14 февраля 1895 г. за № 1389,

призналъ, что, согласно точному смыслу п. п. 1 и 2 приведеннаго узаконенія 12 мая 1870 года, правило это дѣйствуетъ по отношенію ко всѣмъ находящимся на гражданской службѣ въ Царствѣ Польскомъ должностнымъ лицамъ, слѣдовательно оно одинаково касается чиновниковъ, какъ польскаго, такъ и русскаго происхожденія; а потому оставилъ ходатайство князя Трубецкаго безъ удовлетворенія. Въ жалобѣ Правительствующему Сенату князь Трубецкой объясняетъ, что служебныя права его опредѣляются не уставомъ о гражданской службѣ въ Царствѣ Польскомъ, но положеніемъ объ особыхъ преимуществахъ гражд. службы въ отд. мѣстн., а также въ губ. Царства Польскаго 13 іюня 1886 года и т. III Свода Законовъ, въ который эти правила включены, и что узаконеніе 12 мая 1870 года не можетъ къ нему относиться, такъ какъ указами Правительствующаго Сената по дѣламъ Стеценко и Добродѣева разъяснено, что узаконеніе это относится только къ чиновникамъ польскаго происхожденія, а чиновники русскаго происхожденія должны получать прогонныя деньги примѣнительно къ ст. 613 Уст. о службѣ гражд. (Св. Зак. т. III, изд. 1876 г.). Сообразивъ вышеизложенную жалобу съ законами, Правительствующій Сенатъ находитъ, что въ п. 2 узаконенія 12 мая 1870 года содержится указаніе, что прогоны служащимъ въ губерніяхъ Царства Польскаго выдаются по классамъ должностей, при чемъ не сдѣлано никакой оговорки относительно изъятія изъ этого правила лицъ русскаго происхожденія, а потому слѣдуетъ признать, что законъ этотъ долженъ примѣняться ко всѣмъ чиновникамъ, состоящимъ на гражданской службѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго; что правильность такого заключенія подтверждается и представленіемъ по этому вопросу бывшаго Статсъ-Секретаря по дѣламъ Царства Польскаго въ Учредительный Комитетъ по дѣламъ Царства, въ каковомъ представленіи сказано: въ виду тѣхъ затрудненій и недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть изъ установленія такого разнообразія въ самомъ существѣ закона и способѣ его примѣненія, предполагалось, въ видѣ временной мѣры, постановить: „всѣ лица, состоящія въ гражданской службѣ въ этомъ краѣ, во время служебныхъ командировокъ и переѣздовъ, получаютъ въ установленныхъ закономъ случаяхъ и размѣрахъ, пособія и денежное довольствіе соотвѣтственно классамъ занимаемыхъ ими должностей“; изъ содержанія же этого представленія и составились статьи дѣйствующаго закона о выдачѣ путеваго довольствія по классамъ должностей; и что Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніяхъ своихъ по вопросу о выдачѣ путеваго довольствія чиновникамъ Царства Польскаго, разъяснялъ: 1) что за-

конъ 12 мая 1870 года установилъ упомянутое довольствіе для служащихъ въ губ. Царства Польскаго соотвѣтственно классу должностей (указъ 2 апрѣля 1885 года, № 4047) и 2) что, „въ отличіе отъ общихъ имѣющихъ силу въ Имперіи постановленій, въ Царствѣ Польскомъ служащія лица получаютъ прогоны соотвѣтственно классамъ занимаемыхъ ими должностей, и согласно точному смыслу п. 1 и 2 Высочайше утвержденнаго Положенія 12 мая 1870 года начало это дѣйствуетъ по отношенію ко всѣмъ находящимся на гражданской службѣ въ Царствѣ Польскомъ должностнымъ лицамъ, слѣдовательно оно одинаково касается какъ чиновниковъ польскаго, такъ и русскаго происхожденія" (указъ Правительствующаго Сената 14 февраля 1895 года № 1389). Принимая во вниманіе, что толкованіе п. 1 и 2 узаконенія 12 мая 1870 года въ смыслѣ примѣненія таковаго лишь къ должностнымъ лицамъ польскаго происхожденія явилось бы преимуществомъ лишь для нѣкоторой небольшой части чиновниковъ русскаго происхожденія, состоящихъ въ классныхъ чинахъ, превышающихъ классы занимаемыхъ ими должностей, и наоборотъ, повело бы къ существенному уменьшенію путеваго довольствія для должностныхъ лицъ съ чинами ниже классовъ занимаемыхъ ими должностей, или тѣхъ, у которыхъ совсѣмъ нѣтъ чиновъ, Правительствующій Сенатъ признаетъ жалобу князя Трубецкаго на невыдачу ему въ 1894 году прогоновъ при разъѣздахъ по пріему новобранцевъ по чину Статскаго Совѣтника незаслуживающей уваженія, а потому опредѣляетъ: оставить таковую безъ послѣдствій. О чемъ, для объявленія просителю, а равно и въ разрѣшеніе рапортовъ за №№ 8290 и 2892, Министру Финансовъ послать указъ, каковымъ увѣдомить и Министра Внутреннихъ Дѣлъ и Государственнаго Контролера, въ виду же установленія единообразнаго и закономѣрнаго порядка выдачи прогонныхъ денегъ состоящимъ на службѣ въ Царствѣ Польскомъ русскимъ чиновникамъ при командировкахъ, такъ и при перемѣщеніяхъ въ предѣлахъ этого края, приведенное опредѣленіе распубликовать, установленнымъ порядкомъ, по всеобщее свѣдѣніе, о чемъ Сенатской Типографіи дать извѣстіе.

IV. Опредѣленія Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

№ 28, ст. 562. О возстановленіи упраздненнаго Березвечскаго мужскаго монастыря и обращеніи его въ общежительный женскій.

№ 28, ст. 563. О разрѣшеніи принять отъ мѣщанина Павла Демидова пожертвованіе на содержаніе кладбищенской церковно-приходской школы города Стараго Оскола, Курской епархіи, и о наименованіи сей школы „Симоновскою". № 29, ст. 582. О присвоеніи устроенной въ Суздальскомъ Спасо-Евфиміевомъ монастырѣ церковно-приходской школѣ особаго наименованія. № 29, ст. 583. Объ учрежденіи женской общины при Кирико-Іулитинской церкви въ Ладвинскомъ приходѣ Петрозаводскаго уѣзда. № 29, ст. 584. Объ учрежденіи при Николаевской церкви въ пустоши Лукино женской общины. № 29, ст. 585. Объ обращеніи въ женскую общину женскаго общежитія въ Кассинскомъ заводѣ, Екатеринбургской епархіи. № 29, ст. 586. О присвоеніи Якутскому епархіальному попечительству о бѣдныхъ духовнаго званія наименованія Иннокентіевскаго. № 34, ст. 659. О присвоеніи церковно-приходской школѣ въ деревнѣ Нелединѣ, Арзамасскаго уѣзда, особаго наименованія. № 34, ст. 660. Объ открытіи при Георгіевской города Рыбинска церкви церковно-приходской школы. № 34, ст. 661. О присвоеніи учрежденной въ городѣ Владиміръ-Волынскѣ при возобновленномъ Мстиславскомъ храмѣ второклассной мужской церковно-приходской школѣ наименованія „Свято-Владимірской". № 34, ст. 622. Объ учрежденіи мужскаго чувашскаго монастыря въ имѣніи доктора Стельмаховича, Уфимской епархіи. № 36, ст. 728. О присвоеніи особаго наименованія Курашевской, Бѣльскаго уѣзда, церковно-приходской школѣ.

V. Распоряженія, предложенныя и объявленныя Правительствующему Сенату.

Министромъ Юстиціи. № 34, ст. 688. О переводѣ въ с. Некоузъ Мологскаго уѣзда, Ярославской губерніи, одной изъ двухъ существующихъ въ гор. Мологѣ, той же губерніи, нотаріальныхъ конторъ. № 34, ст. 689. О таксѣ платы за помѣщаемыя въ Сенатскихъ объявленіяхъ публикаціи по несудебнымъ дѣламъ, а также за объявленія частныхъ лицъ.

Въ виду п. 2 ст. 14 прил. въ ст. 318 (прим.) Учр. Сенат., изд. 1892 г., и примѣчанія 2 къ означенной (14-й) статьѣ, Министръ Юстиціи, по соглашенію съ Министерствомъ Финансовъ и Государственнымъ Контролемъ, призналъ соотвѣтственнымъ установить таксу платы за помѣщаемыя въ Сенатскихъ объявленіяхъ публикаціи по несудебнымъ дѣламъ, а также за объявленія частныхъ лицъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

„За напечатаніе въ установленномъ числѣ разъ, въ Сенатскихъ объявленіяхъ казенныхъ и правительственныхъ публикацій по несудебнымъ дѣламъ, а также объявленій частныхъ лицъ взимается въ казну за каждыя 90 и менѣе печатныхъ строкъ нынѣшняго формата названнаго изданія по три рубля, такъ что за объявленіе въ 90 и менѣе строкъ взимается 3 рубля, за объявленіе, превышающее 90 строкъ и до 180 включительно 6 руб. и т. д.".

Объ этомъ Министръ Юстиціи, 14 марта 1901 г., предложилъ Правительствующему Сенату для распубликованія.

Военнымъ Министромъ. № 28, ст. 568. Объ утвержденіи устава пріемнаго покоя для приходящихъ больныхъ Ростовскаго на Дону медицинскаго общества. № 34, ст. 669. Объ утвержденіи устава Ейскаго медицинскаго общества. № 34, ст. 670. Объ упраздненіи должности полицейскаго урядника въ имѣніи Крюкова въ области войска Донскаго. № 34, ст. 671. Объ учрежденіи 11 должностей полицейскихъ урядниковъ въ областяхъ: войска Донскаго и Кубанской. № 34, ст. 672. Объ учрежденіи должности полицейскаго урядника въ Кавказскомъ имѣніи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича. № 34, ст. 704. Объ утвержденіи инструкціи для экономическихъ капиталовъ артиллерійскихъ частей. № 34, ст. 705. О пользованіи больныхъ по военному вѣдомству.

Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ. № 29, ст. 606. Объ утвержденіи устава общества взаимнаго страхованія отъ градобитія „Церера". № 29 ст. 607. Объ утвержденіи устава учрежденія взаимной помощи рода Татищевыхъ. № 34, ст. 699. Объ учрежденіи должности конно-полицейскаго урядника при селѣ Богоявленскомъ, Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи. № 35, ст. 742. Объ учрежденіи въ Астраханской губерніи 8 должностей конно-полицейскихъ урядниковъ. № 35, ст. 743. Объ учрежденіи должностей околоточныхъ надзирателей въ Бахмутскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи. № 35, ст. 744. Объ учрежденіи должности полицейскаго стражника при желѣзнодорожной станціи „Карачи". № 35, ст. 745. Объ учрежденіи въ имѣніи Бергъ, Пермской губерніи, должности пѣшаго полицейскаго урядника. № 35, ст. 746. Объ учрежденіи двухъ должностей земскихъ стражниковъ въ имѣніи Мѣдзна, Сѣдлецкой губерніи. № 35, ст. 747. Объ учрежденіи трехъ должностей младшихъ пѣшихъ земскихъ стражниковъ въ имѣніи Осѣцкъ, Сѣдлецкой губерніи. № 35, ст. 748. Объ учрежденіи должности младшаго городоваго въ Солдатской слободкѣ Александровской волости, Саратовскаго уѣзда.

Министромъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. № 28, ст. 567. Объ утвержденіи устава Камско-Волжскаго сельскохозяйственнаго товарищества. № 33, ст. 644. О закрытіи для частнаго горнаго промысла лѣсныхъ дачъ Сухумскаго лѣсничества Кутаисской губерніи. № 32, ст. 645. О закрытіи вновь нѣкоторыхъ кварталовъ Березовской дачи бывшаго Екатеринбургскаго казеннаго округа, для частной золотопромышленности. № 34, ст. 668. Объ измѣненіи устава товарищества Прибалтійскихъ дворянскихъ имѣній подъ фирмою „Помѣщикъ". № 34, ст. 695. Объ измѣненіи устава сельскохозяйственнаго товарищества „Фрамъ". № 34, ст. 696. О принятіи къ руководству Вязьевской сельскохозяйственной школы устава Плещеевской сельскохозяйственной школы. № 34, ст. 697. Объ измѣненіи § 12 правилъ для веденія горныхъ работъ въ видахъ ихъ безопасности. № 34, ст. 698. Объ утвержденіи новаго округа охраны Ессентукскихъ водъ.

Министромъ Народнаго Просвѣщенія. № 34, ст. 700. Объ утвержденіи разсчетныхъ таблицъ къ уставу пенсіонной кассы народныхъ учителей и учительницъ.

Министромъ Путей Сообщенія. № 34, ст. 701. Объ объединеніи постановленій, касающихся пар. 1-го правилъ о срокахъ доставки грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. № 34, ст. 702. Объ измѣненіи правилъ о преміи имени заслуженнаго профессора П. Н. Андреева. № 34, ст. 703. О дополненіи росписанія контрольныхъ желѣзнодорожныхъ станцій.

Министромъ Финансовъ. № 28, ст. 564. Объ утвержденіи правилъ, нормирующихъ дѣятельность повѣрочныхъ палатокъ. № 28, ст. 565. Объ утвержденіи устава артели портныхъ въ гор. Царицынѣ. № 28, ст. 566. О выпускѣ двухъ новыхъ, 230—231, серій свидѣтельствъ государственной 4% ренты на нарицательный капиталъ въ двадцать милліоновъ рублей. № 29, ст. 587. Объ утвержденіи правилъ о двухъ стипендіяхъ имени Авраама Ильича Волковича, учрежденныхъ при Кіевскомъ коммерческомъ училищѣ. № 29, ст. 588. Объ утвержденіи устава Валуйской сельской ремесленной учебной мастерской. № 29, ст. 589. Объ утвержденіи правилъ о торговлѣ въ казенныхъ винныхъ лавкахъ и о соблюденіи въ нихъ благочинія. № 29, ст. 590. Объ утвержденіи устава Томскаго коммерческаго училища, учрежденнаго Томскимъ купеческимъ обществомъ. № 29, ст. 591. Объ утвержденіи устава Лохвицкой сельской ремесленной учебной мастерской. № 29, ст. 592. О продленіи срока для взноса 25% акціонернаго капитала общества Мальцовскихъ жел. дор. № 29, ст. 593.

Объ измѣненіи устава акціонернаго общества горныхъ развѣдокъ и гидротехническихъ буровыхъ работъ. № 29, ст. 594. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ по акціямъ акціонернаго общества пароходства „Русь". № 29, ст. 595. Объ опредѣленіи размѣра премій по паямъ дополнительнаго выпуска товарищества производства русскихъ минеральныхъ маслъ и другихъ химическихъ продуктовъ подъ фирмою С. М. Шибаевъ и К°. № 29, ст. 596. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества Елисаветинскаго сахарнаго завода. № 29, ст. 597. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества пивовареннаго завода „Либидза". № 29, ст. 598. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи общества машиностроительнаго и котельнаго завода „Сотрудникъ" въ Саратовѣ. № 29, ст. 599. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества фабрики портландъ-цемента „Высока". № 29, ст. 600. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго общества заводовъ „Нептунъ и Вулканъ". № 29, ст. 601. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи общества торговли и пароходства по рѣкѣ Ленѣ и ея притокамъ. № 29, ст. 602. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Таузскаго акціонернаго общества для производства цемента и другихъ строительныхъ матеріаловъ и исполненія бетонныхъ работъ. № 29, ст. 603. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи Кѣлецкаго акціонернаго общества горной, желѣзодѣлательной и лѣсной промышленности. № 29, ст. 604. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи акціонернаго Варшавскаго общества паровой фабрики шоколада, какао, конфектъ и англійскихъ бисквитовъ. № 29, ст. 605. О продленіи срока для первоначальнаго взноса денегъ за акціи Одесскаго домовладѣльческаго и строительнаго общества. № 30, ст. 622. О клейменіи иностранныхъ товаровъ, обложенныхъ при ввозѣ въ предѣлы Приамурскаго генералъ-губернаторства таможенною пошлиною. № 32, ст. 641. Объ освобожденіи табачныхъ фабрикъ въ Закаспійской области отъ обязательной годовой выборки бандеролей. № 32, ст. 642. О переводѣ изъ III въ IV классъ мѣстностей, по платежу государственнаго промысловаго налога, села Каракушино, Вятской губерніи. № 32, ст. 643. О дополненіи росписи неподлежащихъ обложенію государственнымъ промысловымъ налогомъ казенныхъ предпріятій, служащихъ отчасти для частныхъ надобностей, № 34, ст. 663. О продленіи срока для взноса денегъ за пай товарищества паровой мельницы въ Воронежѣ. № 34, ст. 664. Объ измѣненіи

устава каменноугольнаго общества Нижней Крынки. № 34, ст. 665. О продленіи срока для взноса денегъ за паи товарищества Московской Вознесенской мануфактуры. № 34, ст. 666. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества бумажныхъ мануфактуръ Гейнцеля и Куницера. № 34, ст. 667. Объ измѣненіи устава Кѣлецкаго акціонернаго общества искусственныхъ удобреній и другихъ химическихъ продуктовъ. № 34, ст. 690. О продленіи срока для взноса акціонернаго капитала общества Бѣлгородъ-Сумской жел. дороги. № 34, ст. 691. Объ измѣненіи устава Кременчугскаго общества писчебумажнаго и лѣсопильнаго дѣла. № 34, ст. 692. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества Вестингауза. № 34, ст. 693. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества гостиницы „Савой". № 34, ст. 694. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи Терско-Волжскаго нефтепромышленнаго общества. № 36, ст. 729. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества „Электрическая Сила". № 36, ст. 730. Объ утвержденіи устава вспомогательной кассы служащихъ въ товариществѣ торговли русскими и иностранными товарами подъ фирмою „Оборотъ" въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. № 36, ст. 731. О продленіи срока для взноса денегъ за акціи акціонернаго общества Опоченскихъ известковыхъ заводовъ А. М. Тыктинъ и К°. № 36, ст. 732. О продленіи срока для оплаты капитала по акціямъ дополнительнаго выпуска акціонернаго общества машиностроительнаго, чугуно-литейнаго и котельнаго завода „Августъ Ренпганъ" въ Варшавѣ. № 36, ст. 733. О продленіи срока для оплаты капитала дополнительнаго выпуска товарищества Ташина желѣзодѣлательнаго завода. № 36, ст. 734. Объ измѣненіи устава акціонернаго общества Рыбинскаго лѣсопромышленнаго завода. № 36, ст. 735. Объ измѣненіи устава русскаго товарищества торговли металлами Износковъ, Зуккау и К°. № 35, ст. 736. О продленіи срока для собранія второй части основнаго капитала Варшавскаго торговопромышленнаго банка. № 36, ст. 737. Объ измѣненіи устава товарищества Курскихъ свеклосахарнаго и рафинаднаго заводовъ. № 36, ст. 738. Объ измѣненіи устава земскаго банка Херсонской губерніи. № 36, ст. 739. Отъ измѣненіи устава Томашовскаго общества взаимнаго кредита. № 36, ст. 740. Объ измѣненіи устава товарищества для изготовленія механическимъ способомъ мѣшечнаго полотна и мѣшковъ. № 36, ст. 741. О дополненіи § 17 инструкціи о порядкѣ оплаты гербовымъ сборомъ бумагъ, актовъ и документовъ. № 37, ст. 757. Объ измѣненіи устава товарищества Ржевской писчебумажной фабрики. № 37, ст. 758. Объ измѣненіи устава С.-Петербургской компаніи „Надежда".

Главноуправляющимъ Государственнымъ Коннозаводствомъ. № 34, ст. 673. Объ измѣненіи положенія о коммисіи по дѣламъ рысистаго спорта при Главномъ Управленіи Государственнаго Коннозаводства. № 34, ст. 706. Объ измѣненіи нормальнаго устава обществъ охотниковъ конскаго бѣга.

Б. СБОРНИКЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ФИНЛЯНДСКАГО.

1900. № 41, II, 20 (1901 г.); № 42, III, 8 (1901 г.) (н. ст.).

№ 41. *Выс. объяв.* относительно табелей довольствія финскихъ войскъ разными новыми предметами снаряженія.—*Предп. Фин. Сен.*: а) и. д. Улеоборгскаго губернатора о выдѣленіи Симоскаго прихода въ особый ленсманскій округъ; б) Абоскому губернатору о причисленіи всего Орипяскаго капелланства къ Пейтисскому ленсманскому округу и о перечисленіи Брункаласкаго капелланства къ Лундоскому ленсманскому округу; в) о добавкѣ жалованья отъ казны герадсгевдингу Руовесиской юрисдикціи; г) финляндской статсъ-конторѣ, объ отсрочкѣ впредь до времени проведенія въ канцеляріи Генералъ-Губернатора установленнаго Высочайшимъ постановленіемъ отъ 3 мая 1899 года преобразованія кассоваго устройства и счетоводства финляндской казны; д) духовной консисторіи Абоской архіепархіи, объ измѣненіи въ нѣкоторыхъ частяхъ формы таблицы о численности населенія [1]); е) Абоскому гофгерихту, о добавкѣ жалованья отъ казны герадсгевдингу Лейміокиской юрисдикціи; ж) относительно учрежденія временнаго отдѣленія финляндскаго банка въ городѣ Тавастгусѣ; з) финляндской статсъ-конторѣ, касательно отсрочки введенія новыхъ правилъ счетоводства въ Статсъ-Секретаріатѣ Финляндіи и въ Финляндской Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

№ 42. *Резол. Фин. Сен.* объ утвержденіи устава акціонернаго общества хозяйственнаго банка.—*Предп. Фин. Сен.* и. д. Улеаборгскаго губернатора, о раздѣленіи Соданкюляскаго ленсманскаго округа.

---

[1]) Предписанія по сему предмету даны также прочимъ духовнымъ консисторіямъ, православной духовной консисторіи въ Выборгѣ и статистическому центральному бюро.

1901. № 1, III, 14; № 2, III, 9; № 4, III, 20 (н. ст.) [1]).

№ 1. *Выс. объяв.* объ увеличеніи числа округовъ губернскихъ ветеринаровъ въ Финляндіи и о преобразованіи этихъ округовъ.— *Предп. Фин. Сен.*: а) депутатамъ участниковъ вдовьей и сиротской кассы финляндскаго гражданскаго вѣдомства, относительно разрѣшеннаго второму городскому врачу города Куопіо права участія въ означенной кассѣ; б) (по экспедиціи путей сообщенія) главному управленію дорожныхъ и водяныхъ сооруженій, о примѣненіи устава о порядкѣ плаванія по Каутускому каналу также къ плаванію у поворотнаго моста въ Хапасальми.

№ 2. *Выс. объяв.* объ отмѣнѣ учебныхъ сборовъ запаса въ 1901 году.

№ 4. *Выс. объяв.*: а) относительно ассигнованій, назначенныхъ земскими чинами сейма 1900 года на содержаніе народныхъ училищъ; б) о причитающихся учителямъ и учительницамъ сельскихъ народныхъ училищъ добавочныхъ окладахъ жалованья.

---

[1]) № 3 не полученъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ

ВЫСОЧАЙШИХЪ ПРИКАЗОВЪ

ПО ГРАЖДАНСКОМУ ВѢДОМСТВУ.

№ 19, марта 27 дня 1901 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Уѣздный Членъ Орловскаго Окружнаго Суда, по Орловскому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Кистеневъ**, Члены Окружныхъ Судовъ: С.-Петербургскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Берхманъ**, Петроковскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Крюгеръ** и Ревельскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Высоцкій** и Товарищъ Прокурора С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Мясоѣдовъ**—Товирищами Предсѣдателей Окружныхъ Судовъ: первый—Орловскаго, второй—С.-Петербургскаго, третій—Петроковскаго, четвертый—Ревельскаго и послѣдній—Новгородскаго, изъ нихъ первые четыре согласно прошеніямъ; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Звенигородскаго уѣзда, округа Московскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Коржавинъ**—Уѣзднымъ Членомъ того же Окружнаго Суда, по названному уѣзду; Товарищъ Прокурора Иркутскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Тунгусовъ** и Секретарь Кіевской Судебной Палаты, Коллежскій Ассесоръ **Жеваховъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Иркутскаго, а второй—Уманскаго; Добавочный Мировой Судья Кобрино-Пружанскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ **Карагадаевъ**—Мировымъ

Судьею Рѣчицко-Мозырскаго округа; Мировой Судья г. Волковышекъ, 2-го округа Сувалкской губерніи, Статскій Совѣтникъ **Ласточкинъ** и Добавочный Мировой Судья г. Лодзи, 3-го округа Петроковской губерніи, Коллежскій Ассесоръ **Озеровъ**—одинъ на мѣсто другаго; Причисленный къ Министерству, Коллежскій Ассесоръ **Илличъ**, Ямпольскій Уѣздный Предводитель Дворянства, Поручикъ запаса **Кривошеинъ**, Мировой Посредникъ 1-го участка Ямпольскаго уѣзда, Корнетъ запаса князь **Голицынъ** графъ **Остерманъ**, Дѣйствительный Студентъ Императорскаго Университета **Думанскій**, Новоалександровскій Уѣздный Врачъ, Коллежскій Совѣтникъ **Сутуловъ**, Исправляющій должность Новоалександровскаго Городоваго Врача, Титулярный Совѣтникъ **Лауне** и отставной Статскій Совѣтникъ **Лишинъ**—Почетными Мировыми Судьями округовъ: первые четыре—Ямпольскаго, а три послѣднихъ—Новоалександровскаго, всѣ на текущее, съ 1 Апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Иллича причисленнымъ къ Министерству, а Кривошеина, князя Голицына графа Остермана, Сутулова и Лауне—въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Туккумскій Уѣздный Врачъ, Коллежскій Совѣтникъ **Торбанъ**, въ званіи Камергера Высочайшаго Двора, Статскій Совѣтникъ графъ **Паленъ**, графъ Александръ **Кошкуль** и баронъ Карлъ фонъ-деръ **Рекке**—Почетными Мировыми Судьями Туккумъ-Тальсенскаго округа, всѣ на текущее, съ 1 Декабря 1898 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ Торбана въ занимаемой имъ должности, а графа Палена въ придворномъ званіи; Дворянинъ Михаилъ фонъ-**Бремзенъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею по Астраханскому уѣзду, на текущее, съ 1 Апрѣля 1900 г., трехлѣтіе; Причисленные къ Министерству: Надворный Совѣтникъ **Дравертъ**, Коллежскіе Ассесоры: **Трояновскій** и **Григорьевъ** и Титулярные Совѣтники: **Скорина**, **Дунка** и **Карновичъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Дравертъ—Вятскаго, Трояновскій—Бакинскаго, Григорьевъ—Екатеринбургскаго, Скорина—Калишскаго, Дунка—Эриванскаго и Карновичъ—Либавскаго.

Перемѣщаются: Предсѣдатель Якутскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Антоновъ**—Предсѣдателемъ Благовѣщенскаго Окружнаго Суда; Членъ Рижскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Сабуровъ**—Членомъ Пензенскаго Окружнаго Суда, согласно прошенію; Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей и Участковый Мировой Судья Ямпольскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Навроцкій**—въ Каменецкій округъ Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей, на текущее, съ 1 Апрѣля 1899 г., трехлѣтіе, и Участковымъ Мировымъ Судьею; Мировые Судьи: 6-го участка Перново-Феллинскаго

округа, Надворный Совѣтникъ **Нестеровъ** и 5-го участка Юрьево-Верроскаго округа, Надворный Совѣтникъ **Ивченко**—Мировыми Судьями: Нестеровъ—12-го участка Рижско-Вольмарскаго округа, а Ивченко—1-го участка Венденъ-Валкскаго округа; Почетный Мировой Судья Гродненскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Кошелевъ**—Почетнымъ Мировымъ Судьею Бѣльскаго округа, согласно прошенію, на текущее, съ 1 Апрѣля 1899 г., трехлѣтіе; Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Калишскаго, Надворный Совѣтникъ **Матросовъ**, Эриванскаго, Коллежскій Ассесоръ **Ланшинъ** и Либавскаго, Коллежскій Ассесоръ **Фрейгангъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Сѣдлецкаго, второй—Екатеринодарскаго и послѣдній—Рижскаго; Мировые Судьи: 4-го участка Барнаульскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Милошевскій** и 3-го участка Каинскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Розентретеръ**—Мировыми Судьями: Милошевскій—1-го участка Кузнецкаго уѣзда, а Розентретеръ—2-го участка Омскаго уѣзда.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ*: Членъ Виленскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Мартенсъ**, по случаю назначенія его Нотаріусомъ г. Вильны; Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округа Воронежскаго Окружнаго Суда: 1-го участка Воронежскаго уѣзда, Статскій Совѣтникъ **Яновскій** и Бобровскаго уѣзда, 2-го участка, Статскій Совѣтникъ **Лукомскій** и 3-го участка, Надворный Совѣтникъ **Новиковъ** и Товарищъ Прокурора Вятскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Наумовъ**, всѣ четыре по случаю причисленія ихъ къ Министерству; Мировые Судьи: 4-го участка Омскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Тартышевъ** и 2-го участка Казалинскаго уѣзда, Титулярный Совѣтникъ **Лупандинъ**, изъ нихъ первый по случаю назначенія его Нотаріусомъ г. Омска, а второй по случаю причисленія его къ Министерству; Почетный Мировой Судья округа Томскаго Окружнаго Суда, Титулярный Совѣтникъ **Тутуринъ**.

Умершіе *исключаются изъ списковъ*: Старшій Предсѣдатель Ташкентской Судебной Палаты, Тайный Совѣтникъ **Бартеневъ**; Уѣздный Членъ Черниговскаго Окружнаго Суда, по Козелецкому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Щавинскій**; Товарищъ Прокурора Екатеринбургскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Котеловъ**; Мировой Судья Геокчайскаго отдѣла, Коллежскій Совѣтникъ **Бакрадзе**.

№ 20, марта 30 дня 1901 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Прокуроръ Ташкентской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Дедюлинъ**—Старшимъ Предсѣдателемъ той же Судебной Палаты; Предсѣдатель Ташкентскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Чебышевъ**—Прокуроромъ Ташкентской Судебной Палаты; Предсѣдатель Варшавскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Банихъ**—Предсѣдателемъ Департамента Варшавской Судебной Палаты; Товарищъ Прокурора Варшавской Судебной Палаты, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Степановъ**—Предсѣдателемъ Плоцкаго Окружнаго Суда; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя Козелецко-Остерскаго участка, округа Черниговскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Сорока**—Уѣзднымъ Членомъ того же Окружнаго Суда, по Козелецкому уѣзду; Мировой Судья Батумскаго отдѣла, Статскій Совѣтникъ **Примо** и Секретарь Саратовской Судебной Палаты, Коллежскій Ассесоръ **Боссинъ**—Членами Окружныхъ Судовъ: первый—Кутаисскаго, а второй—Троицкаго; Старшіе Врачи отдѣловъ: Кизлярскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Любимовъ** и Моздокскаго, Коллежскій Совѣтникъ **Полисадовъ**—Почетными Мировыми Судьями Кизлярскаго округа, на текущее, съ 1 января 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ ихъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ; Правитель Канцеляріи Иркутскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Булатовъ**, Иркутскій Вице-Губернаторъ, Статскій Совѣтникъ **Цѣхановецкій**, Штатный Смотритель училищъ Киренскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Кокоулинъ**, отставной Тайный Совѣтникъ **Юрьевъ**, Статскій Совѣтникъ **Лялинъ**, Коллежскій Совѣтникъ **Сукачевъ**, Горные инженеры, Титулярные Совѣтники: **Аникинъ**, **Грауманъ** и **Кошкаровъ**, Губернскій Секретарь **Карзаковъ**, дворянинъ **Пирожковъ**, Коммерціи Совѣтникъ **Сибиряковъ**, потомственный почетный гражданинъ **Колыгинъ**, купцы: **Пятидесятниковъ** и **Дьячковъ**, мѣщане: **Скретневъ** и **Балакшинъ** и крестьянинъ **Мишаринъ**—Почетными Мировыми Судьями округа Иркутскаго Окружнаго Суда, на текущее, съ 1 іюля 1900 г., трехлѣтіе, съ оставленіемъ изъ нихъ первыхъ трехъ въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Утверждается: Исправляющій должность Юрисконсульта Министерства, Надворный Совѣтникъ **Милютинъ**—въ исправляемой имъ должности.

Перемѣщаются: Предсѣдатели Окружныхъ Судовъ: Люблинскаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Ковалевскій** и Плоцкаго, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Кочубей**—Предсѣдателями Окружныхъ Судовъ: первый—Варшавскаго, а второй—Люблинскаго.

По Межевому управленію.

Перемѣщаются, *согласно прошеніямъ*: Межевые Члены Окружныхъ Судовъ: Бакинскаго, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Азбукинъ** и Кутаисскаго, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Розановъ**—одинъ на мѣсто другаго.

№ 21, апрѣля 1 дня 1901 года.

По Правительствующему Сенату.

Назначается Членъ Совѣта Министра Финансовъ, Тайный Совѣтникъ **Жуковскій**—къ присутствованію въ Правительствующемъ Сенатѣ.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначается Вице-Директоръ Перваго Департамента Министерства, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Щегловитовъ**—Членомъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, съ оставленіемъ его въ занимаемой имъ должности.

№ 24, апрѣля 7 дня 1901 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляется *на службу, изъ отставныхъ*, Коллежскій Ассесоръ **Луневскій**—Предсѣдателемъ Съѣзда Мировыхъ Судей Кизлярскаго округа, на текущее, съ 1 января 1900 г., трехлѣтіе, и Участковымъ Мировымъ Судьею того же округа.

Назначаются: Товарищъ Предсѣдателя Саратовскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Львовъ**—Предсѣдателемъ Красноярскаго Окружнаго Суда; Прокуроръ Варшавскаго Окружнаго Суда, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ баронъ **Раденъ**—Товарищемъ Прокурора Варшавской Судебной Палаты; Членъ Самарскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Вакаръ** и Товарищъ Прокурора

С.-Петербургскаго Окружнаго Суда, Надворный Совѣтникъ **Камышанскій**—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Томскаго, а второй—Витебскаго, изъ нихъ Вакаръ согласно прошенію; Членъ Курскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Вайхтъ** и Уѣздный Членъ Смоленскаго Окружнаго Суда, по Бѣльскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Кедровъ**—одинъ на мѣсто другаго, согласно прошеніямъ; Помощникъ Дѣлопроизводителя X класса Управленія Эмеритальной Кассы вѣдомства Министерства Юстиціи, Коллежскій Секретарь фонъ-**Дезенъ**—Добавочнымъ Мировымъ Судьею Кобрино-Пружанскаго округа; Причисленные къ Министерству: Коллежскій Ассесоръ **Шавердовъ**, Коллежскій Секретарь **Коленко** и Губернскій Секретарь **Аристовъ** и Мировые Судьи: 1-го участка г. Красноярска, Коллежскій Секретарь **Головченко** и 5-го участка Канскаго уѣзда, Коллежскій Секретарь **Сафаревичъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первый—Уманскаго, второй—Могилевскаго, третій—Томскаго, четвертый—Омскаго и послѣдній—Якутскаго; Причисленный къ Министерству, Надворный Совѣтникъ **Ярошевскій**, Секретарь Самарскаго Окружнаго Суда, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Университетѣ съ дипломомъ 1-ой степени **Колышкинъ** и Старшій Кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Одесской Судебной Палатѣ, Титулярный Совѣтникъ **Соловьевъ**—Городскими Судьями: Ярошевскій — Кушвинскаго завода, Верхотурскаго уѣзда, **Колышкинъ**—г. Ставрополя, Самарской губерніи, и Соловьевъ—1-го участка г. Оргѣева, Бессарабской губерніи.

Перемѣщаются: Прокуроры Окружныхъ Судовъ: Ковенскаго, Статскій Совѣтникъ **Бажановъ**, Каменецъ-Подольскаго, Надворный Совѣтникъ **Крыловъ**, Тифлисскаго, Надворный Совѣтникъ **Нимандеръ** и Гродненскаго, Надворный Совѣтникъ **Шульгинъ**—Прокурорами Окружныхъ Судовъ: первый—Гродненскаго, второй—Ковенскаго, третій—Варшавскаго и послѣдній—Виленскаго; Уѣздный Членъ Пензенскаго Окружнаго Суда, по Чембарскому уѣзду, Коллежскій Совѣтникъ **Брюхановъ**—Уѣзднымъ Членомъ Кишиневскаго Окружнаго Суда, по Хотинскому уѣзду, согласно прошенію.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ*: Участковый Мировой Судья Литинскаго округа, Титулярный Совѣтникъ **Закревскій** и Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка Старооскольскаго уѣзда, округа Курскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Сидоренко**, оба по случаю причисленія ихъ къ Министерству.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ*: Мировые Судьи: 1-го участка г. Иркутска, Надворный Совѣтникъ **Кудрявый** и 19-го участка округа Читинскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Бѣльскій**.

Умершій *исключается изъ списковъ*: Исправлявшій должность Судебнаго Слѣдователя 1-го участка Ветлужскаго уѣзда, округа Костромскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Смирновъ**.

№ 26, апрѣля 16 дня 1901 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Назначаются: Причисленный къ Министерству, Титулярный Совѣтникъ **Вершковскій**—Товарищемъ Прокурора Сувалкскаго Окружнаго Суда; Исправляющій должность Судебнаго Слѣдователя 2-го участка 1-го Донскаго округа, округа Новочеркасскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Ассесоръ **Родевичъ**—Городскимъ Судьею 2-го участка г. Тулы; Добавочный Мировой Судья по Архангельской губерніи, Титулярный Совѣтникъ **Борисовъ** и Мировой Судья Александровскаго уѣзда, означенной губерніи, Губернскій Секретарь **Слѣпородскій**—одинъ на мѣсто другаго.

Перемѣщаются: Товарищи Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: Калужскаго, Коллежскій Ассесоръ **Бибиковъ**, Смоленскаго, Коллежскій Ассесоръ **Стремоуховъ** и Петроковскаго, Коллежскій Ассесоръ **Ланшинъ**—Товарищами Прокуроровъ Окружныхъ Судовъ: первые два—С.-Петербургскаго, а послѣдній—Варшавскаго.

Увольняются *отъ должности, согласно прошеніямъ*: Исправляющіе должность Судебнаго Слѣдователя округовъ Окружныхъ Судовъ: Могилевскаго, 1-го участка Рогачевскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Стратановичъ**, Кишиневскаго, 4-го участка Кишиневскаго уѣзда, Надворный Совѣтникъ **Родзевичъ** и Астраханскаго, 3-го участка Царевскаго уѣзда, Коллежскій Ассесоръ **Лугаевъ**, всѣ три по случаю причисленія ихъ къ Министерству.

Увольняются *отъ службы, согласно прошеніямъ, по болѣзни*: Товарищъ Прокурора Гродненскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Туруповъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ; Городской Судья 2-го участка г. Полтавы, Коллежскій Ассесоръ **Стеценко**.

Исключается *изъ списковъ* Участковый Мировой Судья Ямпольскаго округа, Коллежскій Совѣтникъ баронъ **Дальгеймъ**, за во-

шедшимъ въ законную силу приговоромъ Одесской Судебной Палаты отъ 11 октября 1900 г., присудившимъ его за преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя ст. 411 Улож. Наказ., къ удаленію отъ должности.

Умершій *исключается изъ списковъ* Предсѣдатель Съѣзда Мировыхъ Судей Виндаво-Гольдингенскаго округа, Статскій Совѣтникъ **Свидерскій**.

№ 27, апрѣля 16 дня 1901 года.

По вѣдомству Министерства Юстиціи.

Опредѣляется *на службу, изъ отставныхъ*, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ **Михайловъ**—Членомъ Тифлисской Судебной Палаты.

Назначаются: Членъ Иркутской Судебной Палаты, Статскій Совѣтникъ **Будзилевичъ** и Товарищъ Предсѣдателя Тверскаго Окружнаго Суда, Коллежскій Совѣтникъ **Захаровъ**—Предсѣдателями Окружныхъ Судовъ: первый—Якутскаго, а второй—Ташкентскаго; Товарищъ Предсѣдателя Петроковскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Изензе**—Членомъ Варшавской Судебной Палаты, согласно прошенію; Причисленный къ Министерству, Статкій Совѣтникъ **Манжевскій**—Членомъ Виленскаго Окружнаго Суда.

Перемѣщаются, *согласно прошеніямъ*: Уѣздный Членъ Острогожскаго Окружнаго Суда, по Богучарскому уѣзду, Статскій Совѣтникъ **Поповъ**—Уѣзднымъ Членомъ Сумскаго Окружнаго Суда, по Лебединскому уѣзду; Членъ Ташкентскаго Окружнаго Суда Коллежскій Ассесоръ **Будный**—Членомъ Рижскаго Окружнаго Суда.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію по болѣзни*, Членъ Екатеринославскаго Окружнаго Суда, Статскій Совѣтникъ **Вукашевъ**, съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ.

ПРИКАЗЫ

ПО ВѢДОМСТВУ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ.

№ 11, отъ 17-го марта 1901 года.

Опредѣляется *въ службу*: Окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени **Парфеновъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи съ причисленіемъ къ первому департаменту сего Министерства и съ откомандированіемъ для занятій въ первое уголовное отдѣленіе, съ 6 марта 1901 года.

Причисляются *къ Министерству*: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 1 марта 1901 года за № 13 отъ должностей, согласно прошеніямъ, участковый мировой судья Пинскаго округа, губернскій секретарь **Володковичъ**, исправлявшій должность судебнаго слѣдователя 3 участка Кавказскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Саливановъ**, мировые судьи: 2 Мервскаго участка, округа Асхабадскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Лебедевъ** и 2 участка Акмолинскаго уѣзда, округа Омскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Прэль**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Володковичъ—1 участка Бѣлостокскаго уѣзда, округа Гродненскаго окружнаго суда, Саливановъ—4 участка Темрюкскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда, Лебедевъ—округа Асхабадскаго окружнаго суда и Прэль—округа Омскаго окружнаго суда, всѣ четверо—съ 1 марта 1901 года;

секретарь Тобольскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Бончковскій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должности судеб-

наго слѣдователя Тарскаго уѣзда, округа Тобольскаго окружнаго суда;

младшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургской судебной палатѣ, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломомъ первой степени **Сафоновъ**—съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: 4 участка Темрюкскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Паша-бекъ-Султановъ**, 6 участка Оренбургскаго уѣзда, округа Оренбургскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Алефинъ**—и 2 участка Трокскаго уѣзда, округа Виленскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Барановъ**—къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Паша-бекъ-Султановъ—3 участка Кавказскаго отдѣла, округа Екатеринодарскаго окружнаго суда, Алефинъ—1 участка Ровенскаго уѣзда, округа Луцкаго окружнаго суда и Барановъ—3 участка Трокскаго уѣзда, округа Виленскаго окружнаго суда, изъ нихъ Паша-бекъ-Султановъ съ 1 марта 1901 года.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію судебнаго департамента Правительствующаго Сената, губернскій секретарь **Лиръ**.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначаются: старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству при окружныхъ судахъ: Тифлисскомъ, коллежскій секретарь **Джанибековъ** и Елисаветпольскомъ, коллежскій ассесоръ **Сараджевъ**—помощниками мировыхъ судей: первый—Горійскаго отдѣла, завѣдывающимъ Сурамскимъ слѣдственнымъ участкомъ, округа Тифлисскаго окружнаго суда, а послѣдній—Шаруро-Даралагезскаго отдѣла, округа Эриванскаго окружнаго суда;

помощникъ секретаря Варшавскаго коммерческаго суда, надворный совѣтникъ **Гильченко**—секретаремъ сего суда.

Перемѣщается: помощникъ мироваго судьи Шаруро-Даралагезскаго отдѣла, округа Эриванскаго окружнаго суда, губернскій секретарь **Лордкипанидзе**—помощникомъ мироваго судьи Эчміадзинскаго отдѣла, округа Эриванскаго окружнаго суда.

Опредѣляется *въ службу*: окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени **Гобинъ**—секретаремъ крѣпостного отдѣленія при съѣздѣ мировыхъ судей Митаво-Баускаго округа.

№ 12, отъ 29-го марта 1901 года.

Опредѣляется *въ службу*: отставной коллежскій секретарь **Вельсбергъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству.

Назначается: причисленный къ Министерству Юстиціи, коллежскій совѣтникъ **Яковлевъ**—младшимъ дѣлопроизводителемъ перваго департамента сего Министерства, съ 27 октября 1900 года.

Причисляются *къ Министерству*: секретари: С.-Петербургскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Лаговскій** и при прокурорахъ окружныхъ судовъ: Рижскаго, титулярный совѣтникъ **Назаровъ**, Люблинскаго, коллежскій секретарь **Дьячанъ** и Могилевскаго, коллежскій секретарь **Ельницкій**, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Кіевской судебной палатѣ, коллежскій секретарь **Дородницынъ** и при окружныхъ судахъ: Каменецъ-Подольскомъ, губернскій секретарь **Шмидтъ** и Симферопольскомъ, коллежскій секретарь **Пастакъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Лаговскій—2 участка Полоцкаго уѣзда, округа Витебскаго окружнаго суда, Назаровъ—2 участка Новоржевскаго уѣзда, округа Великолуцкаго окружнаго суда, Дьячанъ—Томашовскаго уѣзда, округа Люблинскаго окружнаго суда, Ельницкій—2 участка Мстиславскаго уѣзда, округа Могилевскаго окружнаго суда, Дородницынъ—3 участка Сквирскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, Шмидтъ—3 участка Ольгопольскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда и Пастакъ—Кашинскаго уѣзда, округа Кашинскаго окружнаго суда;

младшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при С.-Петербургской судебной палатѣ, коллежскій секретарь **Акимовъ**—съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію перваго департамента Правительствующаго Сената.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должностей: старшаго нотаріуса Черниговскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Раевскій** и судебныхъ слѣдователей: 1 участка Могилевскаго уѣзда, округа Моги-

левскаго окружнаго суда, надворный совѣтникъ **Сущинскій**, Сѣрадзскаго уѣзда, округа Калишскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Тихоцкій**, по важнѣйшимъ дѣламъ округа Кашинскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Живописцевъ**, 2 участка Астраханскаго уѣзда, округа Астраханскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Георгіевскій**, 2 участка Могилевскаго уѣзда, округа Могилевскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Гусаревичъ**, 2 участка Новоржевскаго уѣзда, округа Великолуцкаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Колотовъ**, Холмскаго уѣзда, округа Люблинскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Масловъ**, Томашовскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, коллежскій секретарь **Ползиковъ**, 3 участка Сквирскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Глуздовскій**, 3 участка Ольгопольскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Тодоровичъ** и Кашинскаго уѣзда, округа Кашинскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Родзяновскій**—къ исправленію должностей: старшихъ нотаріусовъ окружныхъ судовъ: Раевскій—Ярославскаго и Сущинскій—Могилевскаго и судебныхъ слѣдователей: Тихоцкій—по важнѣйшимъ дѣламъ округа Петроковскаго окружнаго суда, Живописцевъ—3 участка Рязанскаго уѣзда, округа Рязанскаго окружнаго суда, Георгіевскій—4 участка города Астрахани, Гусаревичъ—1 участка Могилевскаго уѣзда, округа Могилевскаго окружнаго суда, Колотовъ—2 участка Верроскаго уѣзда, округа Рижскаго окружнаго суда, Масловъ—по важнѣйшимъ дѣламъ округа Люблинскаго окружнаго суда, Ползиковъ—Холмскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, Глуздовскій—2 участка Чигиринскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, Тодоровичъ—2 участка Брацлавскаго уѣзда, округа Каменецъ-Подольскаго окружнаго суда и Родзяновскій—2 участка Балтскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Отзывается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя Зубцовскаго уѣзда, округа Тверскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Гавецкій**—изъ означенной командировки, съ отчисленіемъ отъ сего Министерства, по случаю назначенія нотаріусомъ при ипотечной канцеляріи мироваго судьи г. Бендина.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: причисленный къ Министерству Юстиціи, титулярный совѣтникъ **Сурменевъ**.

Умершій *исключается изъ списковъ*: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности

судебнаго слѣдователя 4 участка Орскаго уѣзда, округа Оренбургскаго окружнаго суда, статскій совѣтникъ **Успенскій**.

По Правительствующему Сенату: назначаются: причисленные къ Министерству Юстиціи: статскій совѣтникъ **Савченко-Маценко** и командированный для занятій въ канцелярію второго департамента Правительствующаго Сената, коллежскій секретарь **Фустовъ**—помощниками оберъ-секретарей: первый—общаго собранія кассаціонныхъ и соединеннаго присутствія перваго и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената, съ 13 февраля, а послѣдній—втораго департамента Сената, съ 1 марта 1901 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначаются: *гминными судьями: по Калишской губерніи*: Сигизмундъ **Качковскій**—I округа Кольскаго уѣзда и *по Люблинской губерніи*: Емельянъ **Янчевскій**—I округа Красноставскаго уѣзда, Александръ **Покровскій**—IV округа Холмскаго уѣзда, губернскій секретарь Митрофанъ **Баркаловъ**—III округа Замостскаго уѣзда, Илья **Ляшукъ-Лишкевичъ**—II округа и Ѳеофилъ **Талалайскій**—III округа Бѣлгорайскаго уѣзда, Антонъ **Боруцкій**—IV округа Томашовскаго уѣзда, Владиміръ **Литинскій**—II округа и Георгій **Бурцевъ**—IV округа Грубешовскаго уѣзда.

Утверждаются *гминными судьями, по выборамъ: по Варшавской губерніи*: Антонъ **Ковалевскій**—IV округа Плонскаго уѣзда и *по Люблинской губерніи*: Францъ **Волинскій**—II округа и Владиславъ **Графъ**—III округа Люблинскаго уѣзда, Людовикъ **Эпскайтъ**—IV округа Любартовскаго уѣзда, Владиславъ **Сташевскій**—I округа и Владиславъ **Зембржускій**—II округа Яновскаго уѣзда, Александръ **Панецкій**—II округа и Генрихъ **Верцинскій**—IV округа Ново-Александрійскаго уѣзда, Иванъ **Лопатинскій**—IV округа Замостскаго уѣзда и Филаретъ **Улянницкій**—II округа Томашовскаго уѣзда.

Увольняется *отъ должности*: гминный судья I округа Влощовскаго уѣзда I округа Кѣлецкой губерніи Антонъ **Щепковскій**—по случаю назначенія секретаремъ Пинчовскаго уѣзднаго ипотечнаго отдѣленія, съ 8 февраля 1901 года.

По Высочайше учрежденному Николаевскому Комитету для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ: назначаются: дворянинъ **Гинтылло** и канцелярскій чиновникъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка, коллежскій секретарь **Шаволовъ**, первый—старшимъ сотрудникомъ, а послѣдній—сотрудникомъ сего комитета, изъ нихъ: Гинтылло—съ 3 марта

1901 года, а Шаволовъ—съ оставленіемъ канцелярскимъ чиновникомъ Крестьянскаго Поземельнаго Банка.

№ 13, отъ 12-го апрѣля 1901 года.

Назначаются: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій во второе уголовное отдѣленіе перваго департамента сего Министерства, коллежскій секретарь **Сеньковъ** и канцелярскій чиновникъ второго департамента того же Министерства, коллежскій регистраторъ **Власовъ**—помощниками дѣлопроизводителей X класса департаментовъ Министерства Юстиціи: Сеньковъ—перваго, съ 16 марта, а Власовъ—втораго, съ 1 января 1901 года.

Причисляются *къ Министерству*: помощникъ секретаря Кіевскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Можаловскій**, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Кіевской судебной палатѣ, коллежскій секретарь **Бедровъ** и при Уманскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Лозинскій**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Можаловскій—2 участка Каневскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, Бедровъ—2 участка Липовецкаго уѣзда, округа Уманскаго окружнаго суда и Лозинскій—2 участка Таращанскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: 2 участка Каневскаго уѣзда, округа Кіевскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Борисовъ**—во 2 участокъ Кіевскаго уѣзда и 2 участка Липовецкаго уѣзда, округа Уманскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Багриновскій**—въ 1 участокъ Звенигородскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда;

причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный для занятій въ канцелярію гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената, окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени, **Юскинъ**—для занятій въ канцелярію уголовнаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената.

Отзывается: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности старшаго нотаріуса Бакинскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Вишневскій**—изъ означен-

ной командировки, съ отчисленіемъ отъ сего Министерства, съ 16 марта 1901 года, по случаю назначенія нотаріусомъ города Баку.

По первому департаменту Министерства Юстиціи: увольняется *отъ службы, согласно прошенію:* причисленный къ первому департаменту Министерства Юстиціи, надворный совѣтникъ баронъ **Штромбергъ**—съ 26 марта 1901 года.

По Правительствующему Сенату: назначается: лекарь, коллежскій ассесоръ **Семеновъ**—врачемъ при Правительствующемъ Сенатѣ, съ 21 марта 1901 года.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни:* врачъ при Правительствующемъ Сенатѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ **Рымовичъ**—съ 1 марта 1901 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначаются: причисленный къ Министерству Юстиціи, командированный къ исправленію должности судебнаго слѣдователя 6 участка Верхотурскаго уѣзда, округа Екатеринбургскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Дудкинъ**—помощникомъ мироваго судьи Сурмалинскаго отдѣла, округа Эриванскаго окружнаго суда;

гминными судьями: Ромуальдъ **Гоголевскій**—1 округа Пултускаго уѣзда, Варшавской губерніи и Здиславъ **Петржиковскій**—1 округа Маковскаго уѣзда, Ломжинской губерніи.

Перемѣщается: помощникъ мироваго судьи Сурмалинскаго отдѣла, округа Эриванскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Чичинадзе**—помощникомъ мироваго судьи Нухинскаго отдѣла, завѣдывающимъ Нухинскимъ слѣдственнымъ участкомъ округа Елисаветпольскаго окружнаго суда.

По Высочайше учрежденному Николаевскому Комитету для разбора и призрѣнія нищихъ въ С.-Петербургѣ: назначается: Николай **Зуевъ**—сотрудникомъ сего комитета.

№ 14, отъ 18-го апрѣля 1901 года.

Опредѣляется *въ службу:* окончившій курсъ юридическихъ наукъ въ Императорскомъ Новороссійскомъ университетѣ, съ дипломомъ второй степени **Башиловъ**—въ вѣдомство Министерства Юстиціи, съ причисленіемъ къ сему Министерству и съ откомандированіемъ для занятій въ канцелярію судебнаго департамента Правительствующаго Сената.

Причисляются *къ Министерству*: уволенные Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству отъ 19 марта 1901 года за № 18, отъ должностей, согласно прошеніямъ, исправлявшіе должности судебныхъ слѣдователей: 2 участка Александровскаго уѣзда, округа Ставропольскаго окружнаго суда, коллежскій совѣтникъ **Неклюдовъ** и 2 участка Каргопольскаго уѣзда, округа Петрозаводскаго окружнаго суда, коллежскій ассесоръ **Дмитріевъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Неклюдовъ—2 участка Ставропольскаго уѣзда, округа Ставропольскаго окружнаго суда и Дмитріевъ—1 участка Череповецкаго уѣзда, округа Череповецкаго окружнаго суда, оба—съ 19 марта 1901 года;

секретарь Ставропольскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Семеновъ**, старшіе кандидаты на должности по судебному вѣдомству: при Одесской судебной палатѣ, титулярный совѣтникъ **Москальскій** и при окружныхъ судахъ: Костромскомъ, коллежскій секретарь **Козловъ**, Екатеринославскомъ, коллежскій секретарь **Золотницкій**; Екатеринбургскомъ, коллежскій секретарь **Вешняковъ** и Сувалкскомъ, коллежскій секретарь **Похилевичъ**—съ откомандированіемъ къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: Семеновъ—1 участка Благодаринскаго уѣзда, округа Ставропольскаго окружнаго суда, Москальскій—Ѳеодосійскаго уѣзда, округа Симферопольскаго окружнаго суда, Козловъ—1 участка Ветлужскаго уѣзда, округа Костромскаго окружнаго суда, Золотницкій—3 участка Бахмутскаго уѣзда, округа Екатеринославскаго окружнаго суда, Вешняковъ—2 участка Ирбитскаго уѣзда, округа Екатеринбургскаго окружнаго суда и Похилевичъ—Августовскаго уѣзда, округа Сувалкскаго окружнаго суда.

Командируются: причисленные къ Министерству Юстиціи, командированные къ исправленію должностей судебныхъ слѣдователей: 1 участка Благодаринскаго уѣзда, округа Ставропольскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Кулешовъ**—во 2 участокъ Александровскаго уѣзда, округа того же окружнаго суда, 1 участка Череповецкаго уѣзда, округа Череповецкаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Троицкій**—во 2 участокъ Каргопольскаго уѣзда, округа Петрозаводскаго окружнаго суда, Ѳеодосійскаго уѣзда, округа Симферопольскаго окружнаго суда, титулярный совѣтникъ **Птицынъ**—въ Симферопольскій уѣздъ, округа того же окружнаго суда, изъ нихъ Троицкій—съ 19 марта 1901 года.

По Губернскимъ Учрежденіямъ: назначается: старшій кандидатъ на должности по судебному вѣдомству при Бакинскомъ окружномъ судѣ, коллежскій секретарь **Поантенъ**—помощни-

комъ мироваго судьи Шаропанскаго отдѣла, округа Кутаисскаго окружнаго суда.

Перемѣщается: помощникъ мироваго судьи Шаропанскаго отдѣла; округа Кутаисскаго окружнаго суда, коллежскій секретарь **Георгизонъ**—помощникомъ мироваго судьи Кутаисскаго уѣзднаго отдѣла.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію, по болѣзни:* помощникъ мироваго судьи 2 отдѣла г. Тифлиса, завѣдывающій особымъ участкомъ, коллежскій совѣтникъ **Алихановъ**, съ правомъ ношенія въ отставкѣ мундира, занимаемой имъ должности присвоеннаго.

По межевой части.

№ 3, отъ 23-го марта 1901 года.

По Межевой Канцеляріи: Опредѣляется *на службу*, окончившій курсъ въ Пензенскомъ Землемѣрномъ Училищѣ, съ званіемъ частнаго землемѣра и съ правомъ на чинъ XIV класса **Сафоновъ**—Младшимъ Землемѣрнымъ Помощникомъ съ откомандированіемъ для занятій во Владимірскую Губернскую Чертежную.

Назначаются: Уѣздные Землемѣры губерній: Виленской—Надворный Совѣтникъ **Труневъ**, Кіевской—Надворный Совѣтникъ **Журавлевъ** и Коллежскій Ассесоръ **Янковскій** и Таврической—Титулярный Совѣтникъ **Свѣтловъ**—Младшими Землемѣрами 2 разряда, съ откомандированіемъ для исполненія обязанностей Уѣздныхъ Землемѣровъ въ означенныхъ губерніяхъ, всѣ съ 20 марта 1901 года.

Умершіе *исключены изъ списковъ*: Младшій Землемѣръ 1 разряда, Коллежскій Совѣтникъ **Орловъ** и командированный для занятій въ Псковскую Губернскую Чертежную, Младшій Землемѣрный Помощникъ, Коллежскій Регистраторъ **Соботовскій**.

По межевымъ учебнымъ заведеніямъ: Оставляется *на службѣ*: Старшій Преподаватель Константиновскаго Межеваго Института, Межевой Инженеръ, Статскій Совѣтникъ **Бикъ**—на пять лѣтъ, съ 3 марта 1901 года.

По губернской межевой части: Опредѣлены *на службу*: окончившіе курсъ въ Землемѣрныхъ Училищахъ: Пензенскомъ, съ званіемъ частнаго землемѣра и съ правомъ на чинъ XIV класса **Боченковъ** и Тифлисскомъ, съ званіемъ частнаго землемѣра **Введенскій**—Младшими Помощниками Землемѣровъ при Тифлисской

Судебной Палатѣ; изъ нихъ: первый съ 21 февраля, а послѣдній съ 1 марта 1901 года.

Назначаются: Младшій Землемѣръ 2 разряда Межевой Канцеляріи, Межевой Инженеръ, Титулярный Совѣтникъ **Саранчовъ**, Старшіе Землемѣрные Помощники той же Канцеляріи, Губернскіе Секретари: Петръ **Муфель** и Антонъ **Муфель** Уѣздными Землемѣрами губерній: первый—Харьковской, второй—Новгородской и третій—Вологодской; Помощники Землемѣровъ Терской Областной Чертежной: Старшій—Губернскій Секретарь **Макаровъ** и Младшій—Губернскій Секретарь **Сливицкій**: первый—Младшимъ Землемѣромъ, а второй—Старшимъ Помощникомъ Землемѣра означенной Чертежной, оба съ 1 марта 1901 года; Помощникъ Столоначальника Коммисіи Народнаго Продовольствія, неимѣющій чина **Холодкевичъ**—исправляющимъ должность Дѣлопроизводителя Кіевской Губернской Чертежной съ 9 марта 1901 года: *по Тифлисской Судебной Палатѣ*: Старшіе Землемѣры, Коллежскіе Совѣтники: **Лебедевъ**, **Гризо** и **Филипповъ**—Старшими Землемѣрами для исполненія обязанностей Помощниковъ Завѣдывающихъ межевыми работами въ межевыхъ округахъ: первый—1 Кутаисскомъ, второй—II Кутаисскомъ и третій—Бакинскомъ, Младшіе Землемѣры, Надворные Совѣтники: **Щербининъ**, **Ивановъ** и **Калеуховъ**—Старшими Землемѣрами, Старшіе Помощники Землемѣровъ: Коллежскіе Ассесоры: **Анисимовъ**, **Кочмержевскій**, **Подсѣдловскій**, **Корневъ** и **Бенкевичъ** и Коллежскій Секретарь **Шебалдаевъ**—Младшими Землемѣрами, изъ нихъ Бенкевичъ—сверхъ штата, Старшіе Помощники Землемѣровъ для работъ въ Чертежной: Коллежскій Регистраторъ **Каленкевичъ** и неимѣющій чина **Дзильна** и Младшіе Помощники Землемѣровъ: Коллежскій Регистраторъ **Рудневъ** и неимѣющіе чина: **Цинцадзе** и **Лебедевъ**—Старшими Помощниками Землемѣровъ и Младшіе Помощники Землемѣровъ: Коллежскіе Регистраторы: **Гриневскій** и **Леонтьевъ** и неимѣющіе чина **Ломидзе**, **Ждановъ** и сверхштатный **Мамуловъ**—Старшими Помощниками Землемѣровъ для работъ въ Чертежной.

Разрѣшается *носить въ отставкѣ мундиръ*, послѣдней должности присвоенный: бывшему Младшему Землемѣру при Тифлисской Судебной Палатѣ, Надворному Совѣтнику **Кульновичу**.

Увольняется *отъ службы, согласно прошенію*: Уѣздный Землемѣръ Могилевской губерній, Коллежскій Секретарь **Крафтъ**.

ЦИРКУЛЯРНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ
МИНИСТРА ЮСТИЦІИ
за 1901 годъ.

IV. Марта 6 дня 1901 г. № 7440.

Предсѣдателямъ окружныхъ судовъ.

По разсмотрѣніи возбужденнаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вопроса о примѣненіи закона 25-го ноября 1896 г. (Собр. узак. 1897 г. № 37, ст. 537) къ составу коммисій для разбора архивныхъ дѣлъ уѣздныхъ полицейскихъ управленій, Правительствующій Сенатъ (по 1-му Департаменту) опредѣленіемъ, состоявшимся 12-го октября 1899 г., разъяснилъ, что, примѣнительно къ этому закону, помянутыя коммисіи должны составляться изъ представителя губернской администраціи, въ лицѣ совѣтника губернскаго правленія или другого чиновника, по назначенію губернатора, изъ начальника (или его помощника) того учрежденія, дѣла котораго подлежатъ разбору и уничтоженію, и по одному изъ представителей отъ вѣдомствъ судебнаго и народнаго просвѣщенія, а также отъ ученыхъ архивныхъ коммисій и обществъ въ тѣхъ городахъ, гдѣ таковыя имѣются, съ тѣмъ, чтобы назначеніе представителей судебнаго и учебнаго вѣдомствъ производилось по соглашенію мѣстнаго губернатора съ подлежащимъ попечителемъ учебнаго округа и предсѣдателемъ окружнаго суда, по принадлежности.

О таковомъ опредѣленіи Правительствующаго Сената Второй Департаментъ Министерства Юстиціи сообщаетъ Вашему Превосходительству для свѣдѣнія.

ВЫКУПЪ ПОССЕССІОННЫХЪ ЗЕМЕЛЬ И ЛѢСОВЪ.

В. А. Удинцева.

I.

Подъ выкупомъ поссессіонныхъ земель и лѣсовъ разумѣется операція, посредствомъ которой горнозаводчики-поссессіонеры должны сдѣлаться собственниками отведенныхъ имъ отъ казны для заводскаго дѣйствія земель и лѣсовъ. Возбуждаемый этой операціей общественный интересъ легко объясняется какъ исключительнымъ качествомъ поссессіонныхъ земель и лѣсовъ, залегающихъ главной своей массой въ лучшей части Урала, такъ и количествомъ этихъ земель и лѣсовъ, простирающихся на четыре съ половиною милліона десятинъ.

Вопросъ о превращеніи права пользованія казенными землями и лѣсами въ горнозаводскихъ цѣляхъ въ право собственности имѣетъ свою продолжительную исторію. Она началась въ эпоху паденія крѣпостнаго права, когда неизбѣжно долженъ былъ возникнуть вопросъ объ устройствѣ быта приписанныхъ и купленныхъ къ фабрикамъ и заводамъ такъ называемыхъ поссессіонныхъ крестьянъ, каковыхъ числилось по десятой ревизіи 186 тыс. душъ. Если для насъ теперь вполнѣ ясно, что такъ называемые поссессіонные крестьяне, прикрѣпленные къ фабрикамъ и заводамъ, не имѣютъ ничего общаго съ отведенными изъ казны къ тѣмъ же фабрикамъ

и заводамъ землями и лѣсами, то, напротивъ того, въ XVIII вѣкѣ, когда появился и самый терминъ „поссессія“, правительство посмотрѣло на земли и лѣса и на приписныхъ крестьянъ одинаково какъ на пособіе, отъ казны данное, и объединило два вполнѣ разнородныхъ явленія въ одномъ понятіи поссессіи. Неудивительно, что и освобожденіе поссессіонныхъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости затронуло вопросъ о поссессіонномъ правѣ во всей его искусственной цѣлости. Что касается въ частности освобожденія фабричныхъ крестьянъ, то оно прежде всего выдвигало небезразличный для поссессіонеровъ вопросъ о томъ, кому должны пойти крестьянскіе выкупные платежи. А затѣмъ возникалъ и другой болѣе общій вопросъ: какое вліяніе должно оказать освобожденіе поссессіонныхъ крестьянъ на условія поссессіоннаго владѣнія? И тѣмъ и другимъ вопросомъ затрогивались самые существенные интересы фабрикантовъ. Казалось бы, что нельзя того же самаго сказать относительно заводчиковъ, ибо если многія фабрики только потому и числились поссессіонными, что имѣли приписныхъ крестьянъ, то горнозаводчики были поссессіонерами, если не исключительно, то, главнымъ образомъ, потому, что имъ отведены были обширныя казенныя пространства земель и лѣсовъ. Мы увидимъ однако, что изъ вопроса объ освобожденіи поссессіонныхъ крестьянъ возникаетъ вопросъ о выкупѣ поссессіонерами отведенныхъ имъ казенныхъ земель и лѣсовъ. Поссессіонеры хорошо понимали, что крестьянская реформа еще разъ сталкиваетъ ихъ интересы съ интересами крестьянъ и даетъ поводъ къ новому и теперь уже рѣшительному расширенію своихъ правъ на казенныя земли и лѣса. Поэтому то поссессіонеры-заводчики и выразили непремѣнное желаніе принять участіе въ выработкѣ условій, на которыхъ горнозаводскіе крестьяне должны были получить свободу. Имъ дозволено было образовать три комитета, труды которыхъ надлежало представить какъ въ Пермскій губернскій комитетъ, такъ и въ особую коммисію при министерствѣ финансовъ, вѣдавшемъ тогда горное дѣло. Въ результатѣ работъ комитетовъ и коммисій явился прежде всего имен-

ной указъ Сенату 16 марта 1861 г., которымъ признано было справедливымъ устроить бытъ крестьянъ и фабричныхъ людей, числящихся при поссессіонныхъ фабрикахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять мѣры къ освобожденію владѣльцевъ поссессіонныхъ фабрикъ отъ стѣснительныхъ для фабричной промышленности ограниченій въ распоряженіи сими фабриками. Указомъ этимъ повелѣно было: 1) для устройства быта поссессіонныхъ крестьянъ распространить на нихъ вполнѣ дѣйствіе утвержденныхъ 19 февраля 1861 г. „Дополнительныхъ правилъ о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ"; 2) поссессіонныя фабрики, при коихъ не имѣется ни крестьянъ, приписанныхъ отъ казны, ни земель, отведенныхъ казною, исключивъ изъ разряда поссессіонныхъ, предоставить въ распоряженіе ихъ владѣльцевъ на основаніи общихъ узаконеній, съ отмѣною тѣхъ ограниченій, кои сопряжены съ поссессіоннымъ владѣніемъ; 3) относительно же освобожденія отъ условій поссессіоннаго владѣнія владѣльцевъ тѣхъ фабрикъ, при коихъ состоятъ крестьяне, приписанные отъ казны, или находятся отведенныя казною земли, предоставить министру финансовъ составить особыя предположенія и внести оныя, установленнымъ порядкомъ, на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. И уже въ 1863 г. мая 27 [1]) Государственный Совѣтъ, въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ заключеніе соединеннаго присутствія главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія и департаментовъ законовъ и государственной экономіи, по представленіямъ министровъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, мнѣніемъ положилъ, что „владѣльцы поссессіонныхъ фабрикъ, при которыхъ состоятъ крестьяне, приписанные отъ казны, освобождаются отъ условій поссессіоннаго владѣнія, а владѣльцы такихъ фабрикъ, при которыхъ имѣются отведенныя казною земли, сверхъ освобожденія отъ условій поссессіоннаго владѣнія, получаютъ сіи земли въ свою полную собственность".

Чтобы понять такой упрощенный способъ разрѣшенія поссессіонныхъ отношеній, необходимо принять во вниманіе

---

[1]) 2-е П. С. З., т. XXXVIII, № 39675.

незначительность казенныхъ земель, приписанныхъ къ фабрикамъ. Такъ, въ податной коммисіи было удостовѣрено, что „по всей Россіи отведено было такимъ фабрикамъ 21 тыс. десятинъ земли, въ томъ числѣ одной Панаевской (писчебумажной) въ Тобольской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, цѣнность земли не велика, до 13 тыс. дес.“ [1]). Очевидно, что такого же способа нельзя было примѣнить къ поссессіоннымъ заводскимъ землямъ, рѣшительно отличающимся отъ фабричныхъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ. Вотъ почему въ 1863 г. 9 декабря Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта положено было [2]): „впредь до окончательнаго рѣшенія о томъ, на какомъ основаніи могли бы быть освобождаемы отъ поссессіонныхъ условій заводы, имѣющіе въ поссессіи отъ казны земли и лѣса, принять нынѣ же въ отношеніи поссессіонныхъ заводовъ слѣдующія мѣры: 1) оставить въ числѣ поссессіонныхъ тѣ заводы, коимъ даны отъ казны въ поссессію земли и лѣса; 2) предоставить министру финансовъ сдѣлать распоряженіе объ исключеніи изъ числа поссессіонныхъ и перечисленіи во владѣльческія относительно какъ размѣра подати, такъ и всѣхъ правъ по владѣнію и распоряженію—заводовъ, не имѣющихъ отъ казны пособія въ земляхъ, лѣсахъ или людяхъ; заводовъ, кои имѣли пособіе въ данныхъ отъ казны работныхъ людяхъ; наконецъ, заводовъ, пользующихся только отведенными на казенныхъ земляхъ рудниками. Но освобожденіе отъ условій поссессіоннаго владѣнія въ этихъ послѣднихъ трехъ случаяхъ ставится въ непремѣнную зависимость отъ предоставленія состоящимъ при заводахъ мастеровымъ усадьбы въ собственность безвозмездно, покосовъ же и топлива на первые три года въ безвозмездное пользованіе, а на слѣдующіе три года за половину установленной платы.

Окончательное же рѣшеніе вопроса о томъ, на какомъ

---

[1]) Труды коммисіи Высоч. учр. для пересмотра системы податей и сборовъ. Т. XIII ч. IV. С.П.Б. 1868, стр. 191—192.

[2]) 2-е П. С. З., т. XXXVIII, № 40358.

основаніи могли бы быть освобождаемы отъ поссессіонныхъ условій заводы, имѣющіе въ поссессіи отъ казны земли и лѣса,—передано было въ коммисіи горную (для пересмотра горнаго устава) и податную (для пересмотра системы податей и сборовъ).

Прежде всего съ вопросомъ о поссессіонномъ правѣ столкнулась горная коммисія, въ которую приглашены были двѣнадцать поссессіонеровъ. Было бы не вполнѣ точнымъ утвержденіе, что въ это время поссессіонное право разсматривалось только съ точки зрѣнія интересовъ заводчиковъ. Въ коммисіяхъ горной и податной были горячіе защитники общественнаго интереса, и среди нихъ первое мѣсто должно быть отведено приглашенному въ качествѣ эксперта корпуса горныхъ инженеровъ подполковнику Н. И. Михайлову. Нельзя однако же не признать, что въ обѣихъ коммисіяхъ, какъ и въ полемической литературѣ, въ связи съ коммисіями возникшей, интересы поссессіонеровъ, такъ хорошо всегда представленные, получили предоминирующее значеніе.

Горная коммисія, изучивъ исторію и природу поссессіоннаго права, пришла къ убѣжденію, что, во-1-хъ, „съ отмѣною крѣпостнаго труда поссессіонное право перестаетъ уже соотвѣтствовать тѣмъ цѣлямъ и потребностямъ, въ виду которыхъ оно установилось“; во-2-хъ, „принимая во вниманіе, что интересъ собственника служитъ вѣрнѣйшимъ и наилучшимъ обезпеченіемъ производительнаго употребленія имѣнія, коммисія полагаетъ, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ побужденія заводчиковъ къ правильному употребленію данныхъ имъ отъ казны пособій было бы обращеніе поссессіонныхъ горнозаводскихъ имѣній въ полную собственность владѣльцевъ, съ правомѣрнымъ соблюденіемъ какъ казенныхъ, такъ и частныхъ интересовъ“. Наконецъ, въ-3-хъ, „коммисія пришла къ убѣжденію, что для измѣненія нынѣшняго характера владѣнія поссессіей, съ соблюденіемъ при семъ интересовъ казны, обращеніе поссессій въ собственность можетъ быть допущено не иначе, какъ посредствомъ выкупа“, „для коего справедливой оцѣнкой будетъ капита-

лизація добавочной подати, ежегодно причитающейся съ имѣнія, во всегдашнее владѣніе предоставленнаго" [1]). Если горная коммисія въ концѣ концовъ находила несправедливымъ „поссессіонные заводы, владѣющіе чрезвычайно обширными пространствами данныхъ отъ казны земель и лѣсовъ, подводить подъ Высочайше утвержденныя 27 мая 1863 г. правила о поссессіонныхъ фабрикахъ, пользовавшихся ничтожными, сравнительно съ поссессіонными горными заводами, пособіями", то въ податной коммисіи поссессіонеры, во главѣ съ Д. А. Огродзинскимъ, представителемъ Невьянскихъ заводовъ, еще разъ попытались провести предложеніе—„право казны въ поссессіонныхъ заводахъ уступить владѣльцамъ безмездно". Но предложеніе это было отвергнуто большинствомъ голосовъ, и въ общемъ приняты тѣ основные принципы освобожденія заводчиковъ отъ условій поссессіоннаго владѣнія, какіе предложены были горной коммисіей.

Выработанный на этихъ положеніяхъ проектъ выкупа, согласно предложенію министра финансовъ отъ 11 сентября 1865 г. и по постановленію горной коммисіи въ засѣданіи 10 мая 1866 г. переданный горной коммисіей въ податную, подвергся переработкѣ въ особой подготовительной коммисіи подъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Герцога Лейхтенбергскаго. А затѣмъ этотъ проектъ былъ исправленъ и дополненъ въ общемъ собраніи податной коммисіи, съ сохраненіемъ основныхъ положеній, выставленныхъ горной коммисіей.

Составленный на указанныхъ главныхъ основаніяхъ проектъ былъ переданъ [2]) въ 1868 г. на заключеніе министровъ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и государственнаго контролера. Предположенія о выкупѣ сообщены были также на заключеніе многихъ поссессіон-

---

[1]) Труды коммисіи Высоч. учр. для пересмотра системы податей и сборовъ. Т. XIII. О горномъ промыслѣ. Ч. III. Проектъ горнаго устава, составленный особою коммисіею, съ объяснительною запискою. С.П.Б. 1868, стр. 135, 137, 138.

[2]) См. дѣло горнаго департамента, отд. частн. зав., ст. 2, 1878 г „о выкупѣ уральскихъ поссессіонныхъ горнозаводскихъ имѣній въ собственность ихъ владѣльцевъ".

ныхъ заводоуправленій, изъ коихъ однако весьма немногія доставили свои отзывы. Между тѣмъ слухъ о предстоящемъ переходѣ поссессіонныхъ заводовъ въ собственность ихъ владѣльцевъ побудилъ нѣкоторыхъ заводскихъ крестьянъ просить министра финансовъ прежде допущенія выкупа поссессіонныхъ земель принять во вниманіе необезпеченность ихъ быта. И министерство финансовъ нашло въ указанныхъ просьбахъ достаточно основаній пріостановиться выкупомъ поссессій до разрѣшенія общаго вопроса о мѣрахъ къ обезпеченію быта приписаннаго къ горнымъ заводамъ населенія. Хорошо извѣстно, что дополнительныя правила и положеніе 1866 г. (о государственныхъ крестьянахъ, жившихъ на поссессіонныхъ земляхъ) далеко не разрѣшили земельнаго вопроса, въ особенности, что касается нѣдръ земныхъ, каковыя заводчики хотѣли удержать за собой. Въ концѣ концовъ они въ значительной степени достигли своего по закону 19 мая 1893 г., завершившему борьбу интересовъ и правъ поссессіонеровъ и крестьянъ къ пользѣ заводчиковъ-поссессіонеровъ. Но за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ къ этой давней борьбѣ относились иначе, и въ инструкціи 19 мая 1875 г. [1]) было признано, что поссессіонныя земли, предоставленныя бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, „составляютъ ихъ собственность. А потому крестьяне-собственники имѣютъ право пользоваться и распоряжаться, на основаніи общихъ законовъ, находящимися въ ихъ земляхъ ископаемыми“. Правда, поссессіонеры постарались ограничить эти невыгодныя для нихъ права крестьянъ-собственниковъ, что̀ и было сдѣлано въ инструкціи 10 марта 1876 г. о порядкѣ отграниченія земельнаго и лѣснаго надѣловъ государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ въ казенныхъ и поссессіонныхъ горнозаводскихъ дачахъ [2]). Тѣмъ не менѣе земельныя отношенія между поссессіонерами и крестьянами все болѣе и болѣе опредѣлялись. Инструкція 12 марта 1877 г. о порядкѣ отграниченія надѣловъ мастеровыхъ и сельскихъ ра-

---

[1]) 2-е Полн. Собр. Зак., т. L, № 54718.

[2]) 2-е Полн. Собр. Зак., т. LI, № 55687.

ботниковъ казенныхъ заводовъ [1]), казалось, подавали надежду на скорое и окончательное рѣшеніе вопроса объ обезпеченіи быта горнозаводскаго населенія. На основаніи этого именно соображенія министръ государственныхъ имуществъ статсъ-секретарь Валуевъ, въ 1878 г. призналъ своевременнымъ предположеніямъ о выкупѣ поссессій дать дальнѣйшее движеніе, съ цѣлью прекращенія отношеній, давно уже признанныхъ тягостными будто бы не только для владѣльцевъ, но и для казны, и вредными для дѣла. Горный департаментъ, которымъ управлялъ тогда т. с. Рассели, усматривалъ въ предположенныхъ правилахъ выкупа поссессіонныхъ имѣній развязку поссессіонныхъ отношеній между казною и заводовладѣльцами, съ прочнымъ устройствомъ быта горнозаводскаго населенія и съ возможными облегченіями выкупа для заводчиковъ. Льготность предположенныхъ правилъ для поссессіонеровъ позволяла департаменту ожидать, что всѣ они не замедлятъ обратиться къ выкупу и не заставятъ обратиться къ иному пути для прекращенія поссессіоннаго владѣнія, неудобства котораго для правительства и владѣльцевъ настолько велики, что сохраненіе его на сколько-нибудь продолжительное время является совершенно нежелательнымъ.

Не встрѣчая возраженій противъ доставленныхъ министромъ финансовъ, статсъ-секретаремъ Рейтерномъ, замѣчаній и сдѣлавъ въ проектѣ правилъ о выкупѣ поссессій тѣ измѣненія, кои вызываются сими замѣчаніями, министръ государственныхъ имуществъ, статсъ-секретарь Валуевъ, полагалъ: 1) представляемый проектъ правилъ о выкупѣ уральскихъ поссессіонныхъ горнозаводскихъ имѣній въ собственность ихъ владѣльцевъ утвердить и 2) предоставить министру государственныхъ имуществъ о тѣхъ поссессіонныхъ заводахъ, кои не приступятъ къ выкупу въ теченіе трехъ лѣтъ со времени изданія означенныхъ правилъ, войти въ установленномъ порядкѣ съ особымъ представленіемъ, клонящимся къ прекращенію поссессіоннаго владѣнія сими имѣ-

---

[1]) 2-е Полн. Собр. Зак., т. LII, № 57054.

ніями инымъ путемъ и къ надлежащему устройству быта ихъ населенія. Министръ представилъ о семъ, съ Высочайшаго соизволенія, на благоусмотрѣніе Государственнаго Совѣта, который однако же не призналъ возможнымъ утвердить представленный проектъ, въ виду устройства въ то время (1879) Уральской горнозаводской желѣзной дороги, и предложилъ министру выждать послѣдствій для мѣстной горной промышленности отъ проведенія означенной дороги, и затѣмъ возобновить представленіе по сему предмету въ то время, когда онъ, по ходу дѣлъ, признаетъ сіе полезнымъ.

А затѣмъ на долгое время прекращается обсужденіе всякихъ вопросовъ, связанныхъ съ поссессіоннымъ владѣніемъ. Это не значитъ, конечно, чтобы такіе вопросы не ставились и не разрѣшались горной административной практикой. Напротивъ того, начиная со второй половины семидесятыхъ годовъ до начала девяностыхъ, возникло нѣсколько весьма важныхъ дѣлъ по поссессіоннымъ заводамъ. Исторія этихъ дѣлъ еще разъ обнаружила энергію поссессіонеровъ къ расширенію своихъ правъ на чужія земли; она указала на нѣкоторыя колебанія высшей административной горной практики въ пониманіи, повидимому, вполнѣ ясныхъ законовъ. Но за то та же исторія дала примѣры энергичной защиты справедливыхъ интересовъ казны противъ притязаній поссессіонеровъ—со стороны суда, министерства юстиціи, финансовъ, государственнаго контроля. А во второй половинѣ девяностыхъ годовъ заговорили о поссессіонномъ правѣ и въ печати, въ направленіи, благопріятствующемъ казнѣ и болѣе соотвѣтствующемъ общественному интересу. Въ эту эпоху горячаго обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ поссессіоннымъ правомъ, насколько извѣстно, раздался лишь одинъ, правда, весьма энергичный голосъ извѣстнаго публициста и бывшаго директора горнаго департамента (1891—1896) т. с. К. А. Скальковскаго въ пользу священныхъ и давностью освященныхъ правъ поссессіонеровъ. Голосъ этотъ встрѣтилъ горячій отпоръ въ прессѣ столичной и мѣстной—уральской [1]).

[1]) См. полемику съ одной стороны „Новое Время“ № 7946, съ другой—

Едва ли по простой случайности это новое дебатированіе вопросовъ поссессіоннаго права совпало и съ нѣкоторыми шагами поссессіонеровъ, сдѣланными ими въ 1895—1896 г., когда они, быть можетъ, усматривая въ направленіи горной административной практики благопріятныя для того условія, обратились къ министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ съ двумя прошеніями, въ послѣднемъ изъ коихъ (отъ 6 марта 1896 г.) заводчики излагаютъ въ легко объяснимомъ направленіи исторію поссессіоннаго права и, суммируя законы о поссессіонномъ владѣніи, заявляютъ, что они, „не имѣя свободы въ реформѣ своихъ заводовъ и не зная, какое количество лѣса будетъ въ ихъ распоряженіи на заводское дѣйствіе навсегда, за отсутствіемъ нормы отпуска таковаго населенію, не могутъ приступить къ расширенію производства. Пойти на новыя милліонныя затраты, не имѣя права собственности даже на землю подъ заводскими устройствами, не дозволяютъ экономическія соображенія". Поссессіонеры предлагаютъ „выкупить" казенныя земли и лѣса на условіяхъ, необыкновенно выгодныхъ для нихъ, и обѣщаютъ „съ устраненіемъ существующихъ стѣсненій непремѣнно усилить производство на привозныхъ извнѣ матеріалахъ". Въ заключеніе своего прошенія поссессіонеры покорнѣйше просятъ министра „предоставить ознакомиться съ предположеніями по этому вопросу предварительно внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ, и сохранить въ нихъ, по примѣру прежнихъ проектовъ, условіе подчиненія заводовъ новымъ правиламъ, лишь при добровольномъ на то согласіи владѣльцевъ". Въ виду истеченія почти 20 лѣтъ со времени открытія движенія по Уральской желѣзной дорогѣ и возобновленія поссессіонными заводчиками ходатайства о разрѣшеніи имъ выкупа ихъ имѣній въ полную собственность, горный департаментъ нашелъ возможнымъ дать ходъ этому дѣлу и препроводилъ 22 марта 1897 г. означенное ходатайство главному начальнику уральскихъ горныхъ заводовъ для его заключеній по

„Уралъ" 1898 г. № 351; солидарны съ послѣднимъ: „С.Петерб. Вѣдомости", „Гласность".

вопросамъ: „какія послѣдствія имѣло устройство Уральской желѣзной дороги на положеніе горнозаводскаго дѣла на Уралѣ и, въ частности, въ поссессіонныхъ имѣніяхъ; измѣнились ли условія заводскаго производства въ сихъ послѣднихъ имѣніяхъ настолько, чтобы требовалось въ настоящее время ввести какія-либо измѣненія въ основныхъ положеніяхъ проектированныхъ въ 1879 году правилъ о выкупѣ, и если да, то въ чемъ именно измѣненія эти должны выразиться, а также какое значеніе можетъ имѣть въ дѣлѣ выкупа постройка Сибирской желѣзной дороги и соединеніе съ нею Уральской горнозаводской, которая, такимъ образомъ, введена нынѣ въ общую сѣть желѣзныхъ дорогъ въ Имперіи“.

А вслѣдъ затѣмъ въ 1898 г. въ газетахъ сообщалось, что при горномъ департаментѣ образована коммисія подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго автора ученыхъ работъ по горному праву т. с. А. А. Штофъ для разсмотрѣнія вопроса о выкупѣ поссессіонныхъ заводовъ въ собственность теперешнихъ владѣльцевъ. Газета „Уралъ“, неустанно освѣщающая вопросы горнозаводскаго землевладѣнія и энергично борющаяся противъ одностороннихъ стремленій поссессіонеровъ, привѣтствовала назначеніе коммисіи т. с. А. А. Штофъ и выразила твердую надежду, что „домогательства поссессіонныхъ заводчиковъ, какъ явно убыточныя для государства, уважены не будутъ“. Но направленіе дѣятельности коммисіи остается пока совершенно неизвѣстнымъ.

Означенная коммисія однако не является еще послѣдней стадіей въ исторіи вопроса о выкупѣ. Въ самомъ концѣ 30-хъ годовъ въ пользу выкупа поссессіонныхъ земель владѣльцами ихъ энергично высказалась ученая коммисія, связавшая домогательства заводчиковъ съ интересами горнаго дѣла и съ „общимъ благосостояніемъ богатаго края“. Отчетъ коммисіи [1]), совершившей лѣтомъ 1899 г. поѣздку на Уралъ,

---

[1]) Уральская желѣзная промышленность въ 1899 г. по отчетамъ о поѣздкѣ, совершенной съ Высочайшаго соизволенія: С. Вуколовымъ, К. Егоровымъ, П. Замятченскимъ и Д. Менделѣевымъ, по порученію г. министра финансовъ, статсъ-секретаря С. Ю. Витте. Редактировалъ Д. Менделѣевъ. Изд. м—ства финансовъ, по д—ту торговли и мануфактуръ. С.ПБ. 1900 г.

редактированный проф. Д. И. Менделѣевымъ, уже получилъ оцѣнку въ текущей печати и не подлежитъ нашему разсмотрѣнію во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Но тотъ вопросъ, который составляетъ предметъ настоящей работы и который ставится въ центрѣ отчета ученой коммисіи, не можетъ быть обойденъ и долженъ быть еще разъ поставленъ на очередь для провѣрки выводовъ ученой коммисіи. Правда, отчетъ въ общемъ повторяетъ уже хорошо извѣстные доводы поссессіонеровъ-заводчиковъ, но эти доводы получаютъ теперь научную санкцію и потому становятся наиболѣе опасными для общаго благосостоянія богатаго края.

Какъ уже многимъ извѣстно, коммисія имѣла порученіе „посильно освѣтить давно назрѣвшій вопросъ объ уральской желѣзной промышленности и разузнать на мѣстѣ, гдѣ должно искать коренныя причины малой подвижности уральской желѣзной промышленности, чтобы можно было соотвѣтственными мѣропріятіями направить дѣло къ лучшему, чѣмъ до нынѣ, успѣху“. Задача, на проф. Д. И. Менделѣева возлагавшаяся, формулирована имъ въ слѣдующихъ пяти болѣе опредѣленныхъ вопросахъ: 1) Въ чемъ должно искать причину медленнаго развитія желѣзнаго дѣла на Уралѣ? 2) Какое количество чугуна и желѣзныхъ товаровъ можно ожидать впредь отъ Урала, исходя изъ его естественныхъ запасовъ, если переработка рудъ достигнетъ тамъ возможно полнаго своего развитія? 3) Могутъ ли и на сколько дешевѣть желѣзные товары? 4) Какія правительственныя мѣропріятія могутъ содѣйствовать удешевленію и возрастанію производства чугуна, желѣза, и стали на Уралѣ? и 5) Какое при этомъ значеніе могутъ имѣть казенные уральскіе заводы? (Часть 1, глава 1, стр. 11—12). Вопросы и задачи, поставленные коммисіи, такъ велики, обширны и важны, что можно было бы впередъ усомниться въ ихъ разрѣшеніи и исполненіи въ такой короткій промежутокъ времени, какимъ воспользовались авторы отчета, если бы въ составъ коммисіи не входили столь авторитетные ученые, находившіеся въ особо благопріятныхъ условіяхъ изслѣдованія. И дѣйствительно, ученые авторы не поколебались дать самые рѣшительные и категорическіе отвѣты на эти вопросы,

указавъ и главнѣйшія причины медленности развитія уральской горнозаводской промышленности. Эти причины, по словамъ отчета, заключаются въ слѣдующемъ. Первая,—что крупные заводы „не пущаютъ“ на свои земли постороннихъ предпринимателей. Вторая,—что до сихъ поръ „не надѣляютъ“ поссессіонеровъ и крестьянъ землей. Третья,—что гужевой провозъ не замѣненъ желѣзнодорожнымъ. Четвертая,—что не принимаютъ надлежащихъ мѣръ къ сохраненію казенныхъ рудъ и лѣсовъ. Пятая—наконецъ, заключается въ недостаточности спеціальнаго образованія на Уралѣ.

Нельзя не признать, что отчетъ не ставитъ новыхъ вопросовъ; но онъ не даетъ и новаго освѣщенія старымъ. Авторитетный составъ коммисіи и импонирующій внѣшній видъ книги, въ которой мы видимъ длинный рядъ изслѣдованій спеціалистовъ, цѣлую серію записокъ и свѣдѣній, полученныхъ коммисіей отъ представителей заводовъ и оффиціальныхъ лицъ, къ сожалѣнію, не оправдываетъ надеждъ читателя. Объясняется это обстоятельство всецѣло, какъ кажется, тѣмъ методомъ изслѣдованія, къ какому обратились ученые авторы.

Въ заключительной главѣ отчета (ч. 3, гл. III, стр. 98) проф. Д. И. Менделѣевъ, между прочимъ, говоритъ: „когда наша поѣздка кончилась, и всѣ мы, четверо, собрались и столковались, стало яснымъ, что главные выводы у всѣхъ тождественны, и что они сложились не въ концѣ, даже не въ срединѣ пути, а при самомъ его началѣ, отъ первыхъ личныхъ впечатлѣній, только подтвердившихся и дополнившихся послѣдующими,—до того многое однородно по всему Уралу. Обстоятельства все укладывали въ одну рамку. Если бы вмѣсто недѣль мы ѣздили годы, вышло бы въ концѣ то же самое заключеніе“. Такимъ способомъ изслѣдованія легко объясняется отсутствіе связи важнѣйшихъ выводовъ заключительной главы отчета съ матеріалами предшествующихъ частей. Тотъ же способъ изученія, само собой разумѣется, исключилъ и всякую необходимость въ ознакомленіи авторовъ отчета съ литературой затронутыхъ ими вопросовъ. Едва ли надо говорить, насколько неудобенъ

избранный авторами методъ и въ какой степени рискованно полагаться на личныя впечатлѣнія въ особенности тамъ, гдѣ слишкомъ обострилась борьба интересовъ.

Изъ всѣхъ вопросовъ, затронутыхъ коммисіей проф. Д. И. Менделѣева, первое мѣсто долженъ занимать земельный вопросъ—этого требуютъ жизнь и насущныя нужды Урала. А изъ этого общаго вопроса въ данное время мы выдѣлимъ вопросъ о „надѣленіи“ поссессіонеровъ землей, какъ снова сдѣлавшійся современнымъ, да и въ мысляхъ авторовъ отчета занимающій не послѣднее мѣсто. По мнѣнію проф. Д. И. Менделѣева, права поссессіонныхъ заводовъ на землю и ихъ обязательныя отношенія къ казнѣ и крестьянамъ такъ неопредѣленны, запутаны и условны, что эти отношенія нынѣ сильно задерживаютъ промышленное развитіе Урала. Поэтому „слѣдовало бы“, говоритъ авторъ, „совершенно покончить съ такимъ устарѣлымъ способомъ движенія промышленности, какъ поссессія, но это дѣло Державной воли не можетъ осуществиться безъ нарушенія правильнаго теченія дѣлъ, если въ концѣ концовъ поссессіонеры не будутъ сдѣланы полными владѣльцами своихъ земель, оставшихся за надѣломъ крестьянъ. Нынѣ поссессіонные заводы уплачиваютъ въ $1^1/_2$ раза болѣе горной подати, сравнительно съ частными владѣльцами. Возвышенная горная подать составляетъ какъ бы арендную плату за право поссессіи. Эту плату, казалось бы, можно было капитализировать и чрезъ то покончить съ вмѣшательствомъ казны во владѣніе поссессіонеровъ“ (стр. 126).

Такова исторія вопроса о выкупѣ поссессіонныхъ земель. Безспорный выводъ, какой можно сдѣлать уже изъ представленнаго внѣшняго обзора, заключается въ томъ, что за столь продолжительное время вопросъ о выкупѣ поссессіонныхъ земель нисколько не подвинулся впередъ, и теорія выкупа, какъ мы въ томъ убѣдимся еще, не получила никакихъ новыхъ подкрѣпленій. Нельзя лишь не признать одного: въ послѣдней стадіи исторіи поссессіоннаго права старые доводы въ защиту интересовъ поссессіонеровъ-заводчиковъ приводятся съ большей убѣжденностью въ ихъ истин-

ности, чѣмъ когда-либо прежде, и уже по этому одному не могутъ быть оставлены безъ разсмотрѣнія.

II.

Въ качествѣ довода въ пользу выкупа поссессіонныхъ земель и лѣсовъ въ собственность ихъ владѣльцевъ указываютъ на неясность и неопредѣленность поссессіоннаго права. „Законы о поссессіонномъ владѣніи“, говоритъ проф. Д. И. Менделѣевъ, „вообще не отличаются полнотой и ясностью, ждутъ Державной воли для завершенія и, конечно, не прямо, а косвенно задерживаютъ развитіе желѣзнаго и многихъ другихъ дѣлъ на Уралѣ, потому что владѣльцу не ясно, что̀ ждетъ его впереди“ (стр. 101). Нельзя не признать такого утвержденія въ значительной степени преувеличеннымъ. Авторы различныхъ направленій, начиная съ 60-хъ годовъ XIX-го столѣтія, стали обращаться къ историческому изученію нашего института и, можно думать, общими усиліями успѣли выяснить его природу. Не предполагая входить въ подробности вопроса, изученнаго мною въ другомъ мѣстѣ, не могу однакожъ не повторить здѣсь общихъ выводовъ историческаго изученія, чтобы еще разъ настаивать на полной ясности и опредѣленности поссессіоннаго права. Исторія русскаго горнаго законодательства составляетъ одну изъ замѣчательныхъ страницъ въ исторіи нашего права. А исторія горнаго землевладѣнія въ частности представляетъ изъ себя нѣчто совершенно цѣльное и самостоятельное, разработанное на самостоятельныхъ принципахъ, въ то же время вполнѣ гармонирующихъ съ общей земельной политикой. Поставленное въ связь съ общимъ развитіемъ горнозаводскаго землевладѣнія поссессіонное право окажется не чѣмъ инымъ, какъ правомъ пользованія поверхностью земли и лѣсомъ съ горнозаводской цѣлью. Для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, прежде всего необходимо замѣтить, что искусственный и ничего не выражающій терминъ „поссессія“ появился лишь въ 1797 г., „тогда какъ отношенія, которыя

этимъ терминомъ обозначались, существовали еще въ XVI в. (Строгановы), особенно же начиная съ 1632 г., когда по жалованной грамотѣ Царя Михаила Ѳеодоровича голландскіе купцы братья Виніусъ съ купцомъ Вилькенсомъ получили дозволеніе построить мельничные заводы для дѣланія изъ желѣзной руды чугуна и желѣза. Первые заводы устроены были на наемной землѣ, но уже въ 1639 г. къ заводамъ отводятся „дворцовая Соломенская волость со крестьяны и со всѣми угодьи". Въ 1640 г. у „Пыснорскаго монастыря на (наше) мѣдное дѣло взято изъ монастырской земли и угодій подъ плавильну, и подъ заплату и подъ сарай"... А уже въ 1644 г. приказано было заводы заводить „на Великаго Государя порозжихъ, а не на мірскихъ и не на помѣстныхъ земляхъ" [1]). Эта практика раздачи „порозжихъ" казенныхъ земель утвердилась и получила особенно широкое примѣненіе, начиная съ царствованія Петра Великаго и до позднѣйшаго времени. Но для пониманія такъ называемаго поссессіоннаго права необходимо далѣе принять во вниманіе, что первоначальный горный отводъ въ отличіе отъ новѣйшаго (напр., по правиламъ о частной горной промышленности на свободныхъ казенныхъ земляхъ 1887 г.) запутанъ въ отношенія иного порядка, обязательно осложненъ привилегіями, монополіями, а соотвѣтственно тому и службой. Типичными служилыми солепромышленниками были Строгановы, на которыхъ за отводъ казенныхъ земель возложена была колонизація и защита Уральскаго края. Горнозаводчики эпохи царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича дѣлаютъ „государево самопольное дѣло" и поставляютъ все годное на царскій обиходъ. Что же касается Демидова, то онъ отпускается съ Тулы на Верхотурье именно для изготовленія „государевыхъ припасовъ". Но эти отношенія по службѣ не мѣшаютъ однако же распознать тутъ отводъ—уступку поверх-

---

[1]) Гамель. Описаніе Тульскаго оружейнаго завода въ историческомъ и техническомъ отношеніи. Москва 1826 г., стр. 7 и сл.; Берхъ.—Путешествіе въ городъ Чердынь и Соликамскъ для отысканія историческихъ древностей. Спб 1821 г., стр. 41—42; Дополненіе къ Актамъ Историческимъ, т. V, № 9, стр. 55 и 57.

ности для горнозаводскихъ цѣлей. Казенныя земли отводились изъ оброка исключительно „для руднаго копанья къ желѣзному дѣлу и лѣсного угодья на заводное строеніе и для дровъ на углесженье“. Въ случаѣ остановки заводовъ всѣ угодья и волости, „которыя къ тѣмъ заводамъ отказаны, принять въ Великаго Государя казну; а что на тѣхъ заводахъ въ то время объявится у отдачи ихъ желѣза и ратныхъ запасовъ, буде что доведется у нихъ взяти въ нашу казну, имъ за то заплатити по оцѣнкѣ“ (1665). Демидову рекомендуется „конечно радѣть, чтобы безпрерывочно и впредь, дондеже Государь благоволитъ, тѣмъ заводамъ и инымъ во благополучномъ ходу стояли и шествіе свое имѣли“. Онъ обнадеживается, что „оный заводъ не возьмется у него, и у дѣтей, и у наслѣдниковъ, покамѣстъ они оный заводъ содержать будутъ въ добромъ состояніи“, и если „лѣсъ однолично беречь и сѣчь сряду будетъ“, „на высѣченныхъ мѣстахъ копаней копать не будетъ“ [1]).

Если даже ограничиться этими отрывками изъ основныхъ грамотъ, не обращаясь къ другимъ актамъ, еще ближе выясняющимъ природу горнозаводскаго землевладѣнія XVII и XVIII в.в., то, кажется, можно сказать, что правительство того времени прекрасно понимало земельныя заводскія отношенія. Ясности и опредѣленности этихъ отношеній еще не мѣшала явившаяся въ 1797 г. искусственная терминологія, породившая позднѣе у заводчиковъ-поссессіонеровъ мысль о поссессіонномъ владѣніи, какъ исторически-особенномъ и нигдѣ не повторявшемся институтѣ. Впрочемъ, уже и теперь правительство не могло не знать о непредусмотрѣнныхъ захватахъ „пустопорожнихъ“ земель заводчиками. И что особенно важно: правительство не могло не сознавать вреда отъ развившейся монопольной системы горнозаводскаго дѣла. Петръ Великій, только что допустившій „тридцативерстные“ отводы Демидову, уже въ 1719 г. рѣшаетъ поставить ихъ въ границы и путемъ установленія нормальныхъ отводовъ

---

[1]) Шишонко. Пермская лѣтопись. Пер. 5 ч. 3. Пермь, 1889, стр. 1 сл., 32 сл., 292 сл.

въ 250 кв. саж. вызвать къ существованію среднюю горную промышленность. Но легко понять, какія препятствія встрѣтила на своемъ пути Бергъ-Привилегія 1719 г., попытавшая подчинить себѣ практику отводовъ. Съ одной стороны, заводы заводятся и земли отводятся „по печатной Привилегіи", къ которой отсылаютъ (1737) и Демидова, и (1757) Твердышева. А съ другой стороны, при постройкѣ Выйскаго завода [1]), тому же Демидову отводятся „для копки рудъ земли противъ Привилегіи три дачи по 260 саж. долготы и ширины, а лѣсъ на тотъ мѣдный заводъ велѣно рубить, гдѣ та мѣдная руда за рѣкою Выею для его Тагильскаго завода, изъ государева порозжаго лѣсу". Татищевъ въ донесеніи объ устройствѣ и размноженіи мѣдныхъ заводовъ въ Сибири [2]) предложилъ даже общій вопросъ: „ежели изволите"—пишетъ онъ—„тотъ промыселъ прикладомъ саксонскихъ или шведскихъ учрежденій, то надлежитъ компаніи токмо одно мѣсто рудное отдать... Ежели же изволите все оное мѣсто отдать въ одну компанію и плавильны позволить имъ самимъ строить, то нуждно послѣдующее: 1) отдать оныя мѣста совсѣмъ, кромѣ понтонныхъ рудъ, въ оную компанію, со всѣми угодьи и къ тому лѣсовъ отъ завода по границу башкирскую, а къ сибирскимъ слободамъ по 15 верстъ" и 2) приписать деревни. И 13 февраля 1724 г. Императоръ положилъ резолюцію: „саксонскій маниръ отставить". Само собой разумѣется, что этой резолюціей отмѣнялся лишь 5 п. Бергъ-Привилегіи, ибо отводъ угодій и лѣсовъ сверхъ руднаго мѣста въ 250 кв. саж. допускался и по закону 1719 г. (п. 7). Но здѣсь важно принципіальное отношеніе къ тому, что Татищевъ безъ достаточнаго основанія называетъ „саксонскимъ маниромъ".

По Бергъ-Регламенту 1739 г. этотъ маниръ былъ уже совсѣмъ „отставленъ", ибо дозволено было дѣлать отводы „по усмотрѣнію, сколько къ которому заводу за потребное

---

[1]) Германъ. Историческое начертаніе горнаго производства въ Россійской Имперіи. Екатеринбургъ, 1810, стр. 31—32.

[2]) Сборникъ Русскаго Императорскаго Общества, т. XI. Спб. 1873.

признано будетъ". Если этотъ п. 5 закона 1739 г. поставить рядомъ съ введеніемъ къ закону, принципіально рѣшившимъ „казенные рудокопные заводы, которые нашимъ иждевеніемъ построены и дѣйствительно дѣломъ производятся, такъ и необысканныя рудныя мѣста, въ которыхъ заводовъ еще не построено, отдать въ разныя компаніи или партикулярнымъ людямъ россійскимъ и иностраннымъ",—то легко будетъ понять послѣдующій ходъ событій.

Едва ли нужно здѣсь повторять уже не разъ пересказанную единственную въ своемъ родѣ исторію раздачи безъ счета и мѣры казенныхъ заводовъ и земель въ руки случайныхъ горнозаводчиковъ, составившихъ кадръ поссессіонеровъ. Говорить здѣсь о какихъ-либо ограниченіяхъ или о нормальныхъ отводахъ, конечно, не приходится. При отдачѣ заводовъ „въ содержаніе" бергъ-директору Шембергу, гр. Шувалову, гр. Ягужинскому, гр. Воронцову и др. упоминается объ обязательствѣ выплаты за строенія, инструменты и припасы, но, какъ извѣстно, заводчики не отличались исправностью въ этихъ платежахъ.

Послѣ раздачи казенныхъ заводовъ въ партикулярное содержаніе монополія крупныхъ горнопромышленниковъ утвердилась окончательно; и правительство, утративъ въ эту замѣчательную эпоху всякое воспоминаніе о саксонскомъ манирѣ, конечно, меньше всего думало о привлеченіи всякаго чина людей къ горному промыслу. Его занимала другая сторона дѣла—плата за пользованіе отведенными изъ казны землями и лѣсами, о которой говорилось въ общихъ горныхъ законахъ, и которая не вносилась ни Демидовымъ, по свидѣтельству фискала Косова [1]), ни другими промышленниками, которымъ „какъ подъ желѣзные, такъ и прочіе минеральные заводы отведены мѣста изъ государственныхъ земель и угодья, и тѣ заводчики лѣсъ и дрова употребляютъ на свои заводы изъ государственныхъ угодей" [2]). И только въ 1794 году введена была та самая добавочная горная

---

[1]) Германъ, стр. 18, 19.

[2]) Арх. горн. д-та, дѣла б.-коллегіи, кн. $^{711}/_{1394}$, д. № 5 (1744—1767).

подать, о капитализаціи которой говорятъ сторонники выкупа поссессіонныхъ земель. Они подверглись неоднократнымъ измѣненіямъ, особенно что касается золота, и получили опредѣленіе въ ст. 771, 803 и 804 устава горнаго, получившихъ измѣненія въ 1899 (отмѣна подати съ серебра) и въ 1898 г. Въ этомъ послѣднемъ были отмѣнены подати съ мѣди, ртути и цинка. Но сохранена была въ размѣрѣ 50 и 25 к. съ пуда добавочная горная подать съ мѣди, добываемой на поссессіонныхъ земляхъ, разсматриваемая, какъ уплата за право пользованія поссессіей (Высоч. утв. 8 іюня 1898 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта отд. VI). Горная подать съ чугуна остается неотмѣненной. Что же касается золота, то на очереди стоитъ вопросъ о подчиненіи сборовъ съ золотопромышленныхъ предпріятій, одинаково съ горнозаводскими (ст. 1 полож. о госуд. промысл. налогѣ 1898 г.), промысловому налогу.

При этомъ министры финансовъ и земледѣлія находятъ вполнѣ справедливымъ, съ отмѣной горной подати съ золота и платины, сохранить за казной тотъ излишекъ означенной подати, который составляетъ въ настоящее время плату за пользованіе поссессіонными землями.

Но возвратимся къ указу 1794 г. Добавочной податью, имъ введенною, облагаются „заводы, которые заведены частными людьми съ пособіемъ отъ казны, получивъ для того земли и лѣса, или же приписанныхъ изъ вѣдомства казеннаго людей“ [1]). Этотъ фискальный интересъ, смѣнившій собой заботу о развитіи средней горной промышленности, кажется, больше всего содѣйствовалъ затемненію горнозаводскихъ земельныхъ отношеній. Если бы начинать исторію этихъ послѣднихъ съ царствованія Павла I, когда законодатель заговорилъ о „вспоможеніяхъ“, „пособіяхъ“, а въ 1797 г. и о „поссессіяхъ“, то, пожалуй, можно было говорить о неясности и неопредѣленности поссессіоннаго права. Искусственный и безсодержательный терминъ, заимствованный изъ юго-западныхъ арендныхъ отношеній, неясенъ, но

---

[1]) 1-е Полн. Собр. Зак., т. XXIII, № 17225.

за то совершенно ясна и очевидна сущность дѣла, подъ этимъ терминомъ скрытая.

Фискальный интересъ, которымъ руководствовалось правительство, нисколько не мѣшалъ однако тому же правительству заботиться о судьбѣ казенныхъ пособій. Такъ, въ указѣ 1797 г. [1]), гдѣ впервые законодатель употребляетъ новый терминъ, повелѣно было „учинить повсемѣстно свидѣтельство о казенныхъ земляхъ и прочихъ поссессіяхъ, къ частнымъ фабрикамъ и заводамъ приписанныхъ, точно ли оныя употребляются для тѣхъ надобностей, которыя къ непремѣнному и дѣйствительному существованію заводовъ и фабрикъ необходимы и для которыхъ къ онымъ приписаны“.

Проектъ горнаго положенія 1806 г. возстановилъ принципы Бергъ-Привилегіи и хотя подвергается строгой критикѣ поссессіонеровъ, между прочимъ и въ прошеніи ихъ отъ 6 марта 1896 г., на самомъ дѣлѣ является однимъ изъ лучшихъ памятниковъ нашего горнаго права. Но и независимо отъ проекта 1806 г., послужившаго основаніемъ дѣйствующаго законодательства, можно сдѣлать изъ историческаго изученія одинъ безспорный выводъ: поссессія есть уступка поверхности и лѣса съ горнозаводской цѣлью. Ничто лучше исторіи не выясняетъ существа поссессіоннаго права и ничто болѣе исторіи не опровергаетъ мнѣнія тѣхъ, которые считаютъ поссессіонное право неяснымъ и неопредѣленнымъ.

Впрочемъ, не для всѣхъ исторія представляется достаточно убѣдительной. Одинъ авторъ говоритъ: „я не присоединяюсь даже къ тѣмъ нападкамъ на поссессіонное право, которые нерѣдко встрѣчаются въ печати, и всѣ разсужденія о существѣ этого права отношу лишь къ области толкованій, имѣющихъ для нашего времени исключительно научно-историческое значеніе“. Ученая коммисія проф. Д. И. Менделѣева, повидимому, также не въ пользу научно-

---

[1]) 1-е Полн. Собр. Зак., т. XXIV, № 18211. окт. 18-го 1797 г.; раньше, но только о фабричныхъ поссессіяхъ, № 18087 авг. 11-го 1797 г.

историческихъ толкованій. Для выясненія сущности поссессіоннаго права, прекращенія котораго посредствомъ выкупа требуетъ коммисія, послужили этой послѣдней „полученная 17 сентября 1899 г. изъ Екатеринбурга при письмѣ отъ главнаго начальника Павла Петровича Боклевскаго, въ отвѣтъ на мое (т. е. проф. Д. И. Менделѣева) просительное письмо“ — „свѣдѣнія о законахъ и инструкціяхъ, коими опредѣляются отношенія поссессіонныхъ заводовъ къ правительству и населенію“. Приложеннымъ къ отчету свѣдѣніямъ о законахъ и инструкціяхъ, ознакомиться съ которыми до начала поѣздки и въ Петербургѣ коммисіи, очевидно, не пришлось, нельзя отказать въ полнотѣ. И, какъ кажется, только по этимъ свѣдѣніямъ можно было составить вполнѣ ясное и опредѣленное понятіе объ институтѣ, судьба котораго рѣшается безъ всякихъ колебаній. По ст. 224 устава горнаго (1893) недвижимое имущество частныхъ (поссессіонныхъ) горныхъ промысловъ и заводовъ, имѣющихъ отъ казны пособіе, есть неотдѣлимая принадлежность оныхъ. Выстроить вновь, усилить, уменьшить или вовсе прекратить дѣйствіе заводское содержатель поссессіоннаго завода не можетъ (ст. 248). Интересы заводскаго дѣйствія требуютъ отъ содержателя правильной и соразмѣрной разработки рудника и добычи руды въ предупрежденіе обезсиленія рудника и упадка или остановки завода (ст. 246). Въ тѣхъ же видахъ „государственные лѣса, приписанные къ частнымъ промысламъ, заводамъ и фабрикамъ“, подлежатъ контролю на основаніи устава лѣснаго (см. ст. 424 сл. т. VIII изд. 1893). Соотвѣтственно цѣли отвода, ограничивающей право поссессіонера опредѣленной рудой, „всякій имѣетъ право въ земляхъ, отведенныхъ отъ казны къ поссессіонному заводу, искать руды другаго металла, кромѣ того, который выплавляется или выдѣлывается на заводѣ, и сіи руды принадлежатъ казнѣ“, за исключеніемъ однакожъ предоставленнаго (съ 1824 г.) поссессіонерамъ золота (ст. 197 уст. горн.). За пользованіе казенной землей и лѣсомъ заводчики уплачиваютъ добавочную подать (ст. 771 и 804 уст. горн.). Такимъ представляется поссессіонное право по дѣйствующимъ

законамъ, на которые указано и въ „свѣдѣніяхъ“ главнаго начальника. Поссессіонное право и здѣсь отводъ, уступка поверхности съ горнозаводской цѣлью. Горный департаментъ въ 1878 г. совершенно правильно объяснилъ сущность поссессіоннаго права: „казна предоставила частнымъ лицамъ для заводскихъ цѣлей земли и лѣса подъ условіями: 1) уплаты добавочной подати съ металловъ и 2) постояннаго поддержанія заводскаго дѣйствія, въ размѣрѣ, опредѣленіе котораго правительство оставило въ извѣстной степени за собою“ [1]). А когда въ 1894 г. тотъ же горный департаментъ сталъ защищать мнѣніе, что поссессіонное право не отличается по своему содержанію отъ права собственности, то министерство юстиціи, къ мнѣнію котораго обратились, совершенно правильно поставило пользованіе поссессіей въ непремѣнную связь съ заводскимъ дѣйствіемъ и выяснило, что съ прекращеніемъ заводскаго дѣйствія прекращается поссессіонное владѣніе и на казнѣ, при возвращеніи земель и лѣсовъ, лежитъ лишь одна обязанность вознагражденія поссессіонеровъ за принадлежности и зданія (отъ 27 мая 1894 г.) [2]).

Несмотря на смыслъ закона и авторитетныя разъясненія, ученая коммисія вслѣдъ за поссессіонерами продолжаетъ думать, что „Строгановы стали собственниками занятыхъ земель, Демидовы же, Яковлевы и др.—поссессіонерами, а по существу между ними разницы нѣтъ“. Но необоснованное утвержденіе, противорѣчащее неоднократнымъ заявленіямъ правительства о правѣ собственности казны на поссессіонные земли и лѣса, не измѣнитъ существа дѣла. Да оно и не къ пользѣ поссессіонеровъ: если нельзя усмотрѣть разницы между поссессіоннымъ владѣніемъ и правомъ собственности, то выкупъ, какъ превращеніе поссессіи въ собственность, дѣлается совершенно непонятнымъ.

Право собственности на поссессіонные земли и лѣса принадлежитъ казнѣ—въ этомъ лучше всего убѣждаютъ ст. 4 и 5 устава горнаго (изд. 1893 г.), на который коммиссіи

---

[1]) Дѣло горн. д—та, отд. частн. зав., 2 ст., 1878 г. о выкупѣ.

[2]) Дѣло горн. д—та, по 3 отд., 1 ст. $^{62}/_{1863}$.

было указано въ „свѣдѣніяхъ“ главнаго начальника. Поэтому за казной же остается и вся совокупность правомочій, за исключеніемъ уступленнаго поссессіонерамъ права пользованія землей и лѣсомъ для горнозаводскихъ цѣлей. Поссессіонеры называютъ эти „условія поссессіоннаго владѣнія“ зависимостью, какъ бы несправедливой, а отчетъ ученой коммиссіи говоритъ даже о „вмѣшательствѣ казны во владѣнія поссессіонеровъ“ (стр. 126). Но если поссессіонеры добиваются освобожденія ихъ отъ „условій поссессіоннаго владѣнія“, то не знаю, почему всякій пользующійся сервитутомъ не можетъ требовать снятія съ него „условій пользованія“, т. е. превращенія его изъ пользователя въ собственника. И ужъ во всякомъ случаѣ предлагаемое освобожденіе отъ „условій поссессіоннаго владѣнія“ дастъ надежду и право всѣмъ горнопромышленникамъ, пользующимся отводами казенныхъ земель по правиламъ 1887 г., добиваться пріобрѣтенія права собственности на отведенныя земли.

Если казна — собственникъ, поссессіонеръ же только пользователь, то очевидно можетъ быть рѣчь лишь о продажѣ казной заводчикамъ поссессіонныхъ земель. Казна могла бы далѣе откупиться отъ поссессіонеровъ, могла бы „выкупить“ уступленное имъ право пользованія. Наконецъ, если бы кто-нибудь нашелъ это соотвѣтствующимъ общественному интересу, поссессіонеры могли бы откупиться отъ добавочной подати. Но какимъ образомъ поссессіонеры будутъ „выкупать“ принадлежащую казнѣ землю, одностороннее пользованіе которой принадлежитъ заводчикамъ?

Правда, слово „выкупъ“, по первоначальному значенію — обратное пріобрѣтеніе проданнаго имущества, — нерѣдко употребляли въ болѣе широкомъ смыслѣ. Извѣстны, напр., случаи выкупа повинностей, лежащихъ на имѣніи, хотя здѣсь надо было бы говорить объ откупѣ; но ясно, что подмѣна словъ тутъ не оказываетъ вліянія на практическія послѣдствія. Мы знаемъ далѣе, что выкупали у помѣщиковъ крестьяне свои земли. И здѣсь терминъ употребленъ не вполнѣ точно. Но, въ виду историческаго происхожденія правъ по-

мѣщиковъ на крестьянскія земли, быть можетъ, и не безсознательно операція названа была выкупомъ. Что же касается практическихъ послѣдствій, то они и здѣсь не могли быть значительными отъ подмѣны „покупки"—„выкупомъ", въ виду, съ одной стороны, ничтожности „выкупаемаго" надѣла и, съ другой—высоты выкупной платы.

Между тѣмъ какія важныя послѣдствія подмѣны покупки выкупомъ получаются въ нашемъ случаѣ. Ошибочная квалификація сдѣлки, прекращающей отношенія поссессіонеровъ къ казнѣ, влечетъ за собой рядъ другихъ ошибочныхъ положеній и въ общемъ отнюдь не гарантируетъ справедливыхъ интересовъ одной изъ сторонъ, именно казны.

Если бы дѣло шло о покупкѣ-продажѣ поссессіонныхъ земель и лѣсовъ горнозаводчикамъ, то прежде всего возникъ бы вопросъ о таксаціи этихъ земель и лѣсовъ. Съ какимъ бы приближеніемъ къ дѣйствительному количеству десятинъ ни были измѣрены горнозаводскія имѣнія, отношенія сторонъ были бы установлены на основаніяхъ, неизмѣримо болѣе справедливыхъ, чѣмъ при выкупѣ, чуть ли не принципіально исключающемъ опредѣленіе количества и качества отчуждаемаго имущества. Горная коммисія [1]), выдвинувшая теорію выкупа, дала примѣръ отрицательнаго отношенія къ „оцѣнкѣ поссессіонныхъ имѣній, связанной съ таксаціей земель и лѣсовъ". По мнѣнію коммисіи, такая оцѣнка „не только представила бы большія затрудненія, но и не имѣла бы за собой строгаго справедливаго основанія, потому что прежняя цѣнность пустопорожнихъ земель, весьма незначительная въ то время, когда онѣ отведены были въ поссессіонное владѣніе, возвысилась въ теченіе времени единственно вслѣдствіе развитія въ нихъ горнаго производства и большой затраты капиталовъ; посему не совсѣмъ справедливо было бы нынѣ требовать выкупа поссессіоннаго имѣнія по той стоимости, которую оно пріобрѣло по причинѣ долговременной затраты въ оное частныхъ капиталовъ заводовладѣльцевъ". Въ податной коммисіи были мнѣнія противъ вы-

---

[1]) „Труды", XIII, III, 139.

купа земель и лѣсовъ, ибо количество тѣхъ и другихъ не опредѣляетъ еще дѣйствительной доходности заводовъ; весьма часто многоземельные заводы—вмѣстѣ съ тѣмъ самые бездоходные [1]). Горный департаментъ въ 1878 г. [2]) былъ убѣжденъ, что „ни нормальная доходность завода, ни цѣнность его естественныхъ богатствъ, на которыхъ иные члены податной коммисіи предполагали основать выкупной разсчетъ, не могутъ служить такимъ основаніемъ, такъ какъ, не говоря уже о практической трудности ихъ исчисленія, нѣтъ никакихъ данныхъ для опредѣленія того, какая именно часть этого дохода или этой цѣнности должна подлежать выкупу, а вся ихъ совокупность, очевидно, не можетъ быть предметомъ выкупа". Въ опроверженіе мнѣнія о невозможности оцѣнки отчуждаемыхъ горнозаводскихъ имѣній можно указать на крестьянскую выкупную операцію, при которой былъ опредѣленъ minimum надѣльной десятины въ 10—12 рублей. А въ податной коммисіи съ полной убѣдительностью доказывалась возможность оцѣнки поссессій, и былъ указанъ способъ таксаціи лѣса по средней величинѣ прироста въ лѣсныхъ дачахъ [3]). Спеціалисты, вѣроятно, не затруднились бы указать и на другіе, быть можетъ, болѣе цѣлесообразные пріемы оцѣнки. Но „выкупъ" не нуждается въ этихъ указаніяхъ, а для достиженія преслѣдуемыхъ выкупомъ цѣлей такая оцѣнка прямо даже невыгодна и неудобна. Въ силу своей неопредѣленности и юридической необоснованности „выкупъ" не ставитъ никакихъ ограниченій въ выборѣ эквивалента, который получитъ казна за обширныя и богатѣйшія земли.

Горная коммисія думала [4]), что „казенные земли и лѣса, предоставленные частнымъ лицамъ подъ условіемъ производства въ нихъ горнозаводскаго промысла, отданы были на поссессіонномъ правѣ въ безсрочное владѣніе и обложены

---

[1]) „Труды" XIII, IV, 195.

[2]) Дѣло горнаго департамента, отд. частн. зав., 2 ст. 1878 г., о выкупѣ.

[3]) „Труды" XIII, IV, 197.

[4]) „Труды" XIII, III, 138—139.

въ пользу казны только добавочною податью съ добываемыхъ металловъ, такъ что въ настоящее время казна владѣетъ собственно добавочной податью, которая и опредѣляетъ для нея стоимость каждаго поссессіоннаго имѣнія; посему, для выкупа сего послѣдняго, справедливою оцѣнкою будетъ капитализація добавочной подати, ежегодно причитающейся съ такого имѣнія, во всегдашнее владѣніе предоставленнаго. Коммисія полагаетъ, что сія капитализація можетъ быть опредѣлена изъ 5%, т. е. надлежитъ исчислить такой капиталъ, съ коего пять процентовъ равнялись бы суммѣ ежегодной добавочной подати, слѣдуемой съ имѣнія, по десятилѣтней сложности (1851—1860).

Не входя пока въ оцѣнку предлагаемой операціи по существу, нельзя лишь не отмѣтить, что добавочная подать не составляетъ сущности поссессіоннаго права.

Хорошо извѣстно, что, правильно или неправильно—это вопросъ другой—заводчики долгое время воздерживались отъ уплаты этой подати, и поссессіонное право однако же не превратилось въ право собственности. Горный департаментъ [1]), видѣли мы, къ добавочной подати присоединилъ уже заводское дѣйствіе, какъ второе условіе поссессіоннаго права. Поэтому, повторяя горную коммисію, онъ дѣлаетъ оговорку относительно заводскаго дѣйствія, которая однако не только не оправдываетъ „выкупа“, но еще и свидѣтельствуетъ о недостаточномъ пониманіи авторомъ значенія заводскаго дѣйствія для поссессіоннаго права. „Какъ бы важно ни было это второе условіе“—говоритъ департаментъ о заводскомъ дѣйствіи—„и какія бы выгоды ни доставила владѣльцамъ заводовъ отмѣна его и сопряженной съ нимъ правительственной опеки надъ хозяйствомъ заводовъ, но выразить значеніе этого условія въ какой-либо денежной суммѣ не представляется, конечно, никакой возможности. Такимъ образомъ, остается основывать выкупъ на добавочной подати“.

Горный департаментъ вслѣдъ за горной и податной коммисіями, а вмѣстѣ съ ними и отчетъ проф. Д. И. Мен-

---

[1]) Дѣло горн. д-та 1878 г. о выкупѣ.

делѣева—забыли лишь то обстоятельство, что помимо требованія заводскаго дѣйствія за казной остается еще кое-что: право земельной собственности. Ошибочность основанія и недостаточно твердое пониманіе поссессіоннаго права ведетъ ихъ всѣхъ къ одному заблужденію: подмѣнѣ отчуждаемаго права собственности выкупомъ—можно было ожидать—заводскаго дѣйствія, но оно не поддается оцѣнкѣ.

Не остается ничего больше, какъ выкупить подать или, какъ выражается отчетъ ученой коммисіи, „арендную плату за право поссессіи". И, казалось бы, одно это выраженіе должно было навести авторовъ на мысль объ ошибочности принятаго основанія. Но мы увидимъ сейчасъ и дальнѣйшія послѣдствія, къ которымъ приводитъ теорія выкупа. Какая подать выкупается? Говорятъ, добавочная; но съ какого металла? Неопредѣленность основанія дала отличный поводъ поссессіонерамъ низвести до minimum'а выкупаемую подать. Уже въ горной коммисіи высказано было желаніе понизить подать съ мѣди [1]). Въ отчетѣ Е. И. В. Герцога Лейхтенбергскаго (1866) [2]) уже проводится мысль, что въ горномъ дѣлѣ за постоянный источникъ дохода можетъ быть принимаемо только развѣ желѣзо, запасы котораго неистощимы, но никакъ не мѣдь, золото и платина, какъ явленія случайныя и преходящія. Въ виду этихъ обстоятельствъ проектъ, составленный въ горной коммисіи, подвергся измѣненіямъ въ особой подготовительной коммисіи, постановившей, что 1) подать съ золота и платины вовсе изъемлется изъ выкупнаго разсчета, 2) излишекъ подати, платимой заводчиками съ мѣди, исчисляется по среднимъ цифрамъ годовой выплавки мѣди за 6-лѣтіе 1861—66 г., но съ этихъ среднихъ цифръ складывается одна треть для заводовъ, добывающихъ мѣдь изъ коренныхъ мѣсторожденій, и двѣ трети для заводовъ, добывающихъ мѣдь изъ мѣсторожденій песчаныхъ; 3) излишекъ подати съ чугуна исчисляется на основаніи среднихъ цифръ за 6-лѣтіе 1861—66 г. безъ уменьшенія.

---

[1]) „Труды" XIII, ч. III, 261—263. и Т. XIII ч. IV Прил. XV, 53.
[2]) „Труды" XIII, ч. IV. Прилож. XIX, 22.

Горный департаментъ въ 1878 г. пошелъ еще дальше. Такъ какъ къ указанному году „мѣдное производство на поссессіонныхъ заводахъ пришло въ еще большій упадокъ“, то департаментъ нашелъ возможнымъ вовсе исключить подать съ мѣди изъ выкупнаго разсчета. Поссессіонеры въ своемъ прошеніи 6 марта 1896 г., конечно, вполнѣ примкнули къ этому мнѣнію и лишь рѣшительнѣе мотивировали его, утверждая, что „включеніе въ выкупной разсчетъ добавочной подати съ мѣди, золота и платины, добыча которыхъ или крайне неустойчива, или явно убыточна, равнялось бы нынѣ мѣрѣ взысканія съ заводчиковъ за прошлое ихъ трудолюбіе“. Поссессіонеры согласны сдѣлать выкупной разсчетъ только на основаніи добавочной подати лишь съ чугуна, но выразили при этомъ еще новое желаніе, „чтобы таковая подать съ чугуна, выплавленнаго на привозномъ извнѣ углѣ, была исключена изъ выкупной операціи“. Эта исторія постепеннаго, но весьма энергичнаго умаленія той выкупной суммы, которую должна получить казна за продаваемый Уралъ, съ очевидностью указываетъ на неопредѣленность, а слѣдовательно и неправильность принципа, на которомъ строится выкупная операція. Горная коммисія еще говорила, что выкупъ долженъ быть произведенъ „безъ ущерба казеннаго интереса“. Податная коммисія хотѣла уже только одного: „всячески облегчить выкупную операцію“ и, очевидно, нашла горячую поддержку въ участвовавшихъ въ коммисіи поссессіонерахъ.

Но не въ этомъ одномъ обнаруживается ошибочность самаго основанія выкупной операціи. Какъ извѣстно, и понятно само собой, выкупъ поссессіонныхъ горнозаводскихъ имѣній въ собственность ихъ владѣльцевъ предлагается въ интересахъ горнозаводскаго дѣла. Объ этомъ говорятъ всѣ коммисіи, и ничего другаго не могли бы говорить сами поссессіонеры. Но если на поссессіонныхъ имѣніяхъ по прежнему будетъ лежать обязательное производство заводскаго дѣйствія, то, очевидно, выкупъ не достигнетъ своей цѣли, и вся реформа окажется безрезультатной: часть ограниченій будетъ снята съ заводчиковъ, но часть все же оста-

нется. Если же поссессіонныя имѣнія поступятъ въ полное и безусловное распоряженіе владѣльца, безъ всякихъ указаній на заводское дѣйствіе, то утрачивается весь смыслъ реформы, предпринимаемой будто бы въ интересахъ горнаго дѣла. Очевидно, что заводчикъ, сдѣлавшись собственникомъ поссессіоннаго имѣнія, получаетъ возможность уменьшить, даже прекратить заводское дѣйствіе, замѣнивъ его, напр., добычей золота, каковая, если и занимаетъ теперь въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ фактически первое мѣсто, то все же противозаконно. Затѣмъ, какъ извѣстно, въ составъ поссессіонныхъ имѣній входитъ не мало угодій, которыя должны быть причислены къ сельскохозяйственнымъ. И, очевидно, съ превращеніемъ поссессіи въ собственность для владѣльца открывается возможность расширенія этой сельскохозяйственной части имѣнія на счетъ горнозаводской. Поссессіонныя имѣнія въ такомъ случаѣ, въ прямое противорѣчіе съ основной задачей реформы, выкупаются уже не въ качествѣ горнозаводскихъ, а какъ сельскохозяйственныя, по крайней мѣрѣ въ извѣстной своей части. А если такъ, то не очевидно ли непримиримое противорѣчіе въ пріобрѣтеніи *сельско-хозяйственнаго* имѣнія путемъ выкупа добавочной *горной* подати. Разъ пріобрѣтеніе заводчиками горнозаводскихъ поссессіонныхъ имѣній основывается на выкупѣ добавочной горной подати, то къ горнозаводчикамъ должны поступить только тѣ земли и лѣса, которые нужны для заводскаго дѣйствія.

За государствомъ должны остаться, и при всякой другой операціи, кромѣ выкупа, непремѣнно остались бы, всѣ прорубленныя лѣсныя пространства, потерявшія значеніе для заводскаго дѣла. Покойный Е. И. Красноперовъ еще въ 1881 г. въ своемъ прекрасномъ трудѣ [1]) констатировалъ, что „факты ужаснаго малоземелья встрѣчаются не гдѣ-либо, въ тѣсно населенныхъ мѣстностяхъ, а въ Верхотурскомъ уѣздѣ, поражающемъ пустынностью на всемъ его пространствѣ, гдѣ казна и землевладѣльцы на земскихъ собраніяхъ многократно

---

[1]) Е. И. Красноперовъ. Сельско-хозяйственныя нужды Пермскаго края. Пермь. 1881 г., стр. 162.

заявляли и заявляютъ о бездоходности огромныхъ прорубленныхъ лѣсныхъ площадей. Сколько такихъ бездоходныхъ прорубленныхъ пространствъ прибавилось за ближайшее по времени десятилѣтіе, если въ 1893 г. помощникъ управляющаго государственными имуществами А. А. Бернацкій „безъ затрудненія могъ бы указать не одно заводоуправленіе, ведущее нынѣ вполнѣ сознательно опустошительныя, сплошныя рубки лѣса не только безъ всякой надежды на возможность безостановочнаго дѣйствія заводовъ, но даже въ совершенно ясномъ предвидѣніи прекращенія работъ съ окончаніемъ лѣсопотребленія“ [1]). Корреспондентъ „Недѣли“ (1900 № 12) дорисовываетъ эту картину гибели казенныхъ лѣсовъ, сообщая, что, напр., въ Саранинской дачѣ ежегодно вырубается по выборочной системѣ строеваго лѣсу 50.000 деревъ, а на Суксунскихъ заводахъ ежегодно вырубается 60.000 деревъ, при чемъ вырубка значительно превышаетъ приростъ. Всѣ эти прорубленныя пространства, какъ не служащія болѣе заводскому дѣйствію, свободны отъ условій поссессіоннаго владѣнія и „вмѣшательства“ поссессіонеровъ въ права казны. За государствомъ должны остаться и „значительныя пространства казенныхъ земель, вошедшія въ рудные отводы, безъ всякаго вознагражденія и безъ дѣйствительнаго ихъ употребленія въ ущербъ интересамъ горнаго дѣла“, какъ требовалъ того еще въ 1893 г. министръ государственныхъ имуществъ [2]).

За государствомъ должны бы остаться и отдаленныя лѣсныя дачи, остающіяся недоступными для эксплоатаціи. Горный департаментъ въ 1878 г. совершенно правильно разъяснилъ, что „лѣса были ею (казною) отданы заводамъ подъ условіемъ горнозаводскаго дѣйствія, и неисполнимость этого условія по отношенію къ той или другой дачѣ должна бы, строго говоря, влечь за собой простое возвращеніе ея казнѣ, безъ всякаго вознагражденія заводчика.“ Выкупъ горнозаводскихъ поссессіонныхъ имѣній, какъ операція, построенная

---

[1]) А. Бернацкій. Важнѣйшія задачи лѣсоохраненія въ Пермской губерніи. Пермь. 1893 (извл. изъ „П. Губ. В)., стр. 7.

[2]) Дѣло горн. д-та, отд. частн. зав., 1 стр. $^{54}/_{1892}$.

безъ всякаго соотвѣтствія съ количествомъ и качествомъ пріобрѣтаемыхъ земель, не даетъ никакихъ указаній насчетъ всѣхъ только что указанныхъ частей поссессіонныхъ владѣній. Заводчики, видѣли мы, давно уже говорятъ о бездоходности прорубленныхъ пространствъ. Г. В. Бѣловъ („Новости" 1889 № 188) удостовѣряетъ, что „обширныя владѣнія поссессіонеровъ, вызывающія значительную долю накладныхъ расходовъ и сложное хозяйство, при настоящихъ условіяхъ, всегда будутъ служить чувствительной помѣхой въ ихъ конкуренціи съ современными порядками веденія дѣла". Г. Бѣловъ не рѣшается „совѣтовать имъ отказаться отъ своихъ обширныхъ владѣній", такъ какъ „это прежде всего ихъ личное дѣло". Но необходимо принять во вниманіе, что поссессіонеры энергично отстаиваютъ въ борьбѣ съ крестьянами и съ закономъ 19 мая 1893 г. всякія лѣсныя поросли и лѣсныя поляны, квалифицируя ихъ въ качествѣ лѣсовъ. Надо припомнить далѣе, что „бездоходныя" пространства нерѣдко обращаются на добычу золота, каковая легко отодвигаетъ на задній планъ то, ради чего земли и лѣса были отведены, хотя эта добыча и оказывается, какъ увѣряютъ поссессіонеры въ своемъ прошеніи отъ 6 марта 1896 г., „крайне неустойчивой или явно убыточной". Въ виду всего этого, конечно, не приходится разсчитывать на иниціативу заводчиковъ. Одной изъ привлекательныхъ для поссессіонеровъ сторонъ выкупной операціи оказывается именно то, что въ ихъ собственность поступаютъ всѣ земли и лѣса, такъ или иначе удерживаемые ими подъ именемъ поссессіонныхъ, безъ всякаго соотвѣтствія выкупной суммы съ количествомъ, качествомъ и отношеніемъ этихъ земель и лѣсовъ къ заводскому дѣйствію. Въ этомъ и осужденіе „выкупа поссессіонныхъ горнозаводскихъ имѣній", выгоднаго для кого угодно, кромѣ государства, и совершенно не оправдываемаго ни интересами горнаго дѣла, ни „общимъ благосостояніемъ богатаго края".

(Окончаніе слѣдуетъ).

О СПОСОБАХЪ ОКАЗАНІЯ ПОМОЩИ ПАТРОНАТОМЪ.

М. А. Эльяшева.

I.

Наука уголовнаго права на нашихъ глазахъ переживаетъ совершенно новыя вѣянія и вступаетъ въ эру новой жизни, обѣщающей радикально измѣнить существовавшія столько вѣковъ понятія какъ о существѣ преступленія, такъ и о борьбѣ съ нимъ: о цѣляхъ и видахъ наказанія. Послѣ того, какъ убѣдились, что es war zu viel gestraft, zu viel gekerkert, (по выраженію одного выдающагося криминалиста), что, несмотря на обиліе и суровость наказаній, преступность почти вездѣ не только не уменьшается, а возрастаетъ въ громадномъ большинствѣ странъ быстрѣе роста населенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и рецидивъ, какъ страшный бичъ общества,—прежніе отвлеченные принципы наказанія стали все болѣе и болѣе утрачивать свое значеніе; теоріи возмездія и устрашенія, принятыя до того въ основаніе наказанія, начинаютъ уступать теоріи цѣлесообразности. Съ легкой руки антрополого-позитивной школы, пробудившей научную мысль, появились дальнѣйшія изслѣдованія, направленныя къ провѣркѣ и критикѣ ея доктринъ, расчистившія почву третьему направленію въ уголовномъ правѣ—соціологическому и вызвавшія цѣлый рядъ новыхъ, научныхъ и позитивныхъ работъ въ области изслѣдованія преступленія, какъ явленія

соціальнаго. Изслѣдованія Кетле [1]), Герри [2]), фонъ Эттингена [3]) выяснили, съ какою непреложностью и желѣзною необходимостью общество извергаетъ изъ себя ежегодно неуравновѣшенныхъ въ соціальномъ отношеніи членовъ своихъ почти въ одинаковомъ количествѣ, соразмѣрно съ населеніемъ и состояніемъ общественныхъ условій, а послѣдователи ихъ съ достаточною опредѣленностью указывали вліяніе, которое въ этомъ отношеніи оказываютъ причины физическія, психическія, космическія и соціальныя. Стало ясно, что преступленіе есть понятіе не абстрактное, не только юридическое даже, а сложное соціальное явленіе, стоящее въ извѣстномъ соотношеніи къ общественному строю и слагающееся изъ множества факторовъ: наслѣдственности и стоящихъ съ нимъ въ связи темперамента и алкоголизма, возраста, характера, бѣдности, состоянія культуры, дурнаго примѣра, заброшеннаго, безпріютнаго дѣтства, отсутствія воспитательныхъ мѣръ и принциповъ, состоянія законодательства, вліянія среды, безработицы, промышленныхъ кризисовъ, неурожая, экономической эволюціи, положенія общественнаго призрѣнія и мн. др.

Изъ всѣхъ этихъ причинъ для государства и общества доступнѣе борьба съ соціальными причинами преступности, чѣмъ съ космическими и психофизическими, почему и заботы законодателя, а вмѣстѣ съ нимъ и общества, должны быть направлены прежде всего на улучшеніе соціальныхъ условій и на принятіе цѣлаго ряда мѣръ, могущихъ предупредить самую преступность. Между тѣмъ было замѣчено, что „современное правосудіе превращается въ какой-то формализмъ и вмѣсто того, чтобы изслѣдовать извилины дѣйствительнаго міра, уединяется въ вершины отвлеченности, касаясь только поверхности вещей, но не проникая въ ихъ внутреннюю сущность [4])“; практика же тюремныхъ жесто-

---

[1]) Quetelet. Essai de physique sociale.
[2]) Guerry. Essai sur la statistique morale.
[3]) Von Oettingen. Moralstatistik.
[4]) Принсъ. Преступность и репрессія.

костей, создававшая изъ мѣстъ наказанія лишь чистилище страданій, убѣдила, съ одной стороны, въ ея несостоятельности и нецѣлесообразности, а съ другой—въ необходимости такого воздѣйствія на людей съ порочнымъ прошлымъ или съ израненною совѣстью, которое давало бы возможность возвратить ихъ рано или поздно, по отбытіи наказанія, въ то общество, членами котораго они состояли. „Страны и столѣтія самыхъ лютыхъ казней", какъ замѣтилъ еще Беккарія [1]), „были всегда и поприщемъ самыхъ кровавыхъ и безчеловѣчныхъ преступленій". Такимъ образомъ, въ настоящее время общество уже не можетъ оставаться глухимъ къ интересамъ тюремъ съ ихъ многочисленнымъ населеніемъ. Въ сознаніе общественное начинаетъ проникать необходимость изученія факторовъ преступности и борьбы съ нею, которому посвятила себя въ послѣднее время наука уголовнаго права, признающая уже теперь, въ лицѣ ея выдающихся представителей, что предупредительныя соціальныя мѣры гораздо болѣе дѣйствительны въ борьбѣ съ преступленіемъ, чѣмъ самые лучшіе карательные законы. Разрѣшеніе цѣлаго ряда соціальныхъ вопросовъ уже доказало, какое громадное воздѣйствіе оказываютъ наука и литература на общественное правосознаніе: стоитъ вспомнить хотя-бы освобожденіе негровъ отъ рабства, чтобы убѣдиться, что цѣлесообразныя и гуманныя идеи быстро распространялись въ обществѣ и получали надлежащее осуществленіе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ соотвѣтствовали существовавшему въ дѣйствительной жизни запросу и движенію и разрѣшали этимъ задачи, то движеніе вызвавшія. Къ числу такихъ идей безспорно должно быть отнесено классическое изреченіе: punimus non quia peccatum est, sed ne peccetur, ибо никакія наказанія и мученія не могутъ сдѣлать несуществовавшимъ уже разъ совершеннаго преступленія, и никакія муки преступниковъ не могутъ вырвать, изгладить совершившагося изъ времени, которое ничего не возвращаетъ и никогда не повторяется. Отнынѣ борьба съ преступностью должна вестись мѣрами

[1]) О преступленіяхъ и наказаніяхъ, § XV.

столь же раціональными, сколь и человѣчными, правильная организація которыхъ должна составить главнѣйшую задачу дѣятельности въ этомъ отношеніи какъ государства, такъ и общества, и карательная система должна столько же преслѣдовать цѣли наказанія, сколько и возстановленія въ обществѣ положенія отбывшихъ наказаніе, дабы препятствовать переходу случайныхъ преступниковъ въ преступники по ремеслу. Идея возмездія, руководящая современною пенитенціарною системою, должна быть замѣнена правовымъ институтомъ помощи и опеки, сохраняющей уваженіе къ человѣческой личности; всякое уголовное возмездіе, по справедливому замѣчанію Варга, должно имѣть главною цѣлью, столько же моральною, сколько и раціональною—улучшить, сдѣлать преступника безвреднымъ [1]). Общество, карающее преступника, чтобы оградить спокойствіе, безопасность и установленный общественный строй отъ потрясеній со стороны лицъ, впавшихъ въ преступленіе, не можетъ упускать совершенно изъ виду, что оно само до нѣкоторой степени является косвеннымъ, невидимымъ сообщникомъ преступленія, какъ остроумно замѣчаетъ въ одной изъ своихъ лекцій итальянскій ученый Энрико Ферри; нерѣдки случаи, гдѣ общество подготовляетъ преступленіе, такъ сказать, а преступникъ лишь выполняетъ его, чему жизнь и литература даютъ частые и наглядные примѣры и доказательства. Конечно, преступленіе не должно быть средствомъ проживанія пенсіонеромъ на счетъ государства и общества, но еще болѣе необходимо, чтобы преступникъ, по отбытіи наказанія, встрѣчалъ благопріятныя условія для начала новой трудовой жизни: какія-либо заботы о немъ и извѣстный надзоръ, незримый для постороннихъ, чтобы его не постигали, чуть-ли не на другой день по выходѣ изъ мѣста заключенія, тѣ безпомощность и униженность, которыя равняютъ его иногда съ безпріютнымъ животнымъ. Прочно же организовавшаяся система исправленія преступниковъ и борьбы съ преступностью невозможны безъ надлежащей организаціи покровительства освобожден-

---

[1]) Varghas. Die Abschaffung des Strafknechtschaft.

нымъ изъ мѣстъ заключенія (и условно осужденнымъ), состоящаго изъ цѣлаго ряда мѣръ матеріальной и духовной помощи и направленнаго къ облегченію ихъ перехода изъ тюремной жизни въ среду свободнаго общества и къ обезпеченію благотворности результатовъ, которыхъ должна достигать всякая разумная пенитенціарная система съ исправительными заведеніями.

Сознаніе не только полезности, но и необходимости этого института правовой опеки и покровительства, называемаго патронатомъ въ тѣсномъ смыслѣ, въ значительной степени уже усвоенное и осуществленное въ дѣйствительности въ западной Европѣ и въ Америкѣ, заняло также выдающееся мѣсто и въ нашемъ отечествѣ какъ въ трудахъ его лучшихъ научныхъ представителей, такъ и въ воззрѣніяхъ высшихъ представителей судебнаго вѣдомства. Двумя циркулярами Министра Юстиціи отъ 19 декабря 1894 года и 12 октября 1895 года, по поводу содѣйствія судебнаго вѣдомства Попечительству о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, уже признано, что „существенною задачею уголовнаго правосудія должно быть признаваемо не одно лишь правомѣрное возмездіе за причиненное зло, но и воздѣйствіе къ обращенію преступника на путь нравственнаго исправленія и честной трудовой жизни, такъ какъ съ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ вопроса о доставленіи лицамъ, выпускаемымъ изъ мѣстъ заключенія, по отбытіи наказанія, способовъ пріисканія честнаго заработка, справедливо связывается надежда не только на значительное сокращеніе числа случаевъ повторенія преступленій, но и на общее уменьшеніе преступности среди населенія.“ Указавъ, затѣмъ, на значеніе домовъ трудолюбія, циркуляръ продолжаетъ: „споспѣшествуя удержанію на стезѣ честнаго труда людей, изнемогающихъ подъ бременемъ нужды, эти полезныя учрежденія являются въ то же время вѣрнымъ прибѣжищемъ для тѣхъ впавшихъ въ преступленія, но исправившихся лицъ, которыя, по отбытіи наказанія, не могутъ найти себѣ занятій, вслѣдствіе недовѣрія работодателей къ ихъ честности и трудолюбію. Отсюда очевидно, какую важность имѣетъ устройство

домовъ трудолюбія не только для интересовъ общественнаго призрѣнія, но и для успѣшнаго достиженія цѣлей уголовнаго правосудія."... И далѣе: „кому не приходилось считаться съ мыслью о тщетности борьбы правосудія съ преступленіемъ до тѣхъ поръ, пока преступникъ, искупившій наказаніемъ свою вину,почти лишенъ возможности вернуться къ честному труду?" Съ другой стороны, и комитетъ русской группы Международнаго союза криминалистовъ, исполняя постановленіе втораго съѣзда ея, состоявшагося въ Петербургѣ 17—19 февраля 1900 года, предложилъ на обсужденіе слѣдующаго съѣзда вопросъ о патронатѣ, этомъ „élément vital" для примѣненія уголовнаго закона, по выраженію Принса. При этомъ, въ видахъ болѣе детальной разработки вопроса, онъ расчлененъ на пять отдѣльныхъ темъ, среди коихъ особое мѣсто отведено „способамъ оказанія помощи патронатомъ", обсужденіе коихъ составляетъ предметъ настоящей работы, касающейся остальныхъ темъ этого вопроса и связанныхъ съ патронатомъ вопросовъ тюремной политики, пенитенціарной системы и общественнаго призрѣнія, въ связи съ трудовою помощью, лишь постольку, поскольку это оказывается неизбѣжнымъ, въ силу существующей по самой природѣ ихъ органической между ними связи.

II

Патронатъ является, такимъ образомъ, учрежденіемъ, примыкающимъ, съ одной стороны, къ пенитенціарной системѣ, а съ другой—однимъ изъ звеньевъ общественнаго призрѣнія и трудовой помощи, съ которою онъ органически связанъ, и важнѣйшіе виды и формы которой заключаются, вообще, въ слѣдующемъ: посредническихъ бюро по найму рабочихъ, справочныхъ конторахъ для той же цѣли, домахъ трудолюбія, общественныхъ работахъ и мастерскихъ, учрежденіяхъ по выдачѣ въ ссуду или безвозвратно рабочимъ инструментовъ и матеріаловъ, обезпеченіи сбыта произведеній и заказовъ, дешевыхъ и здоровыхъ жилищахъ для рабочихъ, вре-

менныхъ баракахъ для переселенцевъ и отхожихъ промышленниковъ, питательныхъ станціяхъ, дешевыхъ столовыхъ, чайныхъ и т. п. учрежденіяхъ, заведеніяхъ для леченія алкоголизма и другихъ болѣзней, требующихъ возстановленія трудоспособности лицъ, ими страдающихъ, народныхъ чтеніяхъ, библіотекахъ, читальняхъ и другихъ подобныхъ разумныхъ развлеченіяхъ, учебныхъ мастерскихъ, ремесленныхъ и тому подобныхъ школахъ, курсахъ и другихъ заведеніяхъ для улучшенія труда, организаціи взаимопомощи: потребительныхъ обществахъ, похоронныхъ кассахъ, кассахъ взаимопомощи, производительныхъ и другихъ ассоціаціяхъ, артеляхъ, складчинахъ, коопераціяхъ и тому подобныхъ учрежденіяхъ [1]).

Еще Говардъ сказалъ: „make men diligent, and they will be honest". Къ этой цѣли должна быть направлена всякая разумная пенитенціарная система, при которой воздѣйствіе на арестанта должно начинаться еще во время его пребыванія въ мѣстахъ заключенія, и главными девизами тюремной политики должны быть, съ одной стороны, разумная и прочная организація тюремнаго труда, а съ другой—принятіе цѣлаго ряда воспитательныхъ мѣръ, направленныхъ къ исправленію преступника. Тюрьма безъ труда, занятій и работъ является лишь разсадникомъ порока и преступленія, источникомъ нравственной заразы, фабрикой преступленій и постояннымъ, какъ бы желаннымъ, притономъ и убѣжищемъ для наиболѣе порочныхъ элементовъ общества. Совершенно правильнымъ должно быть признано изреченіе извѣстнаго тюрьмовѣда (Дункана), что „трудъ есть сама жизнь хорошей тюрьмы", не тотъ, конечно, тяжкій, принудительный, изъ подъ палки трудъ, который не можетъ быть полезнымъ и производительнымъ, а трудъ разумный, посильный и правильно организованный. Сущность наказанія должна выражаться въ лишеніи свободы, а не въ изнурительныхъ рабо-

---

[1]) „Трудовая Помощь" 1898 г., книга X, ст. г. Филантропа—„Задачи и формы трудовой помощи".

тахъ; тюремный же трудъ долженъ явиться при этомъ лишь привходящимъ элементомъ наказанія, въ значеніи не столько карательной, сколько исправительной мѣры, направленной ко благу самого наказываемаго. Заключенный только тогда можетъ охотно исполнять тѣ или другія работы, когда онѣ, съ одной стороны, разумны, цѣлесообразны и производительны, а съ другой—когда онѣ приносятъ и ему лично участіе въ извѣстной долѣ выгодъ, доставляемыхъ его трудомъ, большую или меньшую плату, которая должна служить основнымъ устоемъ всякой правильной системы тюремныхъ работъ: „нѣкоторый заработокъ долженъ выдаваться заключенному для поощренія, которое полезно, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился“, какъ это признано на V международномъ пенитенціарномъ конгрессѣ. Заработокъ этотъ, составляющій лишь часть его валоваго заработка, который прежде всего долженъ идти на покрытіе тюремныхъ расходовъ по содержанію самого же заключеннаго, конечно, не долженъ быть выдаваемъ въ значительной части сейчасъ же на руки заключеннымъ, а долженъ накапливаться, въ видѣ сбереженій, на образованіе фонда, для распоряженія имъ со стороны арестанта, по отбытіи имъ наказанія, когда ему придется начинать новую жизнь,—но и тогда можетъ быть выдаваемъ лишь постепенно, въ предупрежденіе скорой растраты. Далѣе, трудъ долженъ соотвѣтствовать силамъ и способностямъ заключенныхъ, какъ равно и мѣстнымъ условіямъ ихъ содержанія, въ зависимости отъ коихъ земледѣльческій трудъ и ремесленныя занятія, а также и работы на удовлетвореніе нуждъ самой тюрьмы должны найти въ каждомъ случаѣ преобладающее примѣненіе. Съ этой цѣлью необходимо устройство при тюрьмахъ ремесленныхъ мастерскихъ, среди коихъ сапожная, столярная, переплетная, корзиночная и ткацкая, по сравнительной ихъ несложности, могутъ занять видное мѣсто. Надлежащее мѣсто среди тюремныхъ работъ должны найти и работы наружныя, внѣ тюремнаго зданія, такъ какъ онѣ весьма важны для здоровья заключенныхъ и, кромѣ того, болѣе всего соотвѣтствуютъ силамъ и способностямъ большинства ихъ, происходящихъ у насъ изъ лицъ сельскаго

сословія, а обученіе ремесламъ, какъ бы искусственно переводитъ въ городское населеніе. Но на ряду съ трудомъ долженъ, конечно, примѣняться еще цѣлый рядъ воспитательныхъ мѣръ, посвященныхъ воздѣйствію на душу арестанта. Первое мѣсто среди нихъ должно быть отведено посѣщенію храма Божьяго, съ правомъ для заключенныхъ, съ разрѣшенія тюремной администраціи и священника, въ воскресные и праздничные дни, прислуживать въ церкви: читать часы, каѳизмы и т. п. Затѣмъ, должна слѣдовать школа, для первоначальнаго обученія грамотѣ, такъ какъ вліяніе грамотности и образованія можетъ считаться почти доказаннымъ. Стоитъ обратиться къ интересному докладу профессора, сенатора И. Я. Фойницкаго „О женской преступности", чтобы убѣдиться въ этомъ изъ слѣдующихъ цифръ: въ то время, какъ среди неграмотныхъ женщинъ относительный % преступности достигалъ 11,33, онъ среди грамотныхъ понижался до 2,36, а среди получившихъ какое-либо образованіе—до 1,33. Къ аналогичнымъ выводамъ приводятъ и другія изслѣдованія, предпринятыя въ послѣднее время въ отношеніи къ общей преступности. Вмѣстѣ со школой должно быть признано полезнымъ учрежденіе при мѣстахъ заключенія библіотекъ, бесѣдъ и чтеній съ заключенными и экономическія, сельско-хозяйственныя объясненія, могущія современемъ принести отбывшимъ наказаніе существенную помощь въ жизни, для которой нужна сила, заключающаяся въ знаніи и черпаемая изъ труда. Эти мѣры могутъ примѣняться ко всѣмъ преступникамъ, за какое бы тяжкое преступленіе они ни судились, до тѣхъ поръ, пока они обиліемъ своихъ рецидивовъ не докажутъ безплодности такихъ мѣръ въ борьбѣ съ ихъ преступностью и необходимости для нихъ иныхъ мѣръ, болѣе суровыхъ и продолжительныхъ. Реформаторія города Конкорда, гдѣ содержатся и опаснѣйшіе преступники, во время заключенія допускаетъ обученіе арестантовъ не только религіи и общеобразовательнымъ предметамъ, но и—музыкѣ, рисованію, постройкѣ моделей, работамъ на деревѣ, желѣзѣ и камнѣ. Заключенными же тамъ набирается и издается при тюрьмѣ газета; ими же

обработывается имѣющаяся при тюрьмѣ ферма, мѣрою въ сто акровъ.

Всѣ воспитательныя мѣры, вкратцѣ перечисленныя выше, направленныя къ исправленію преступника и предупрежденію рецидива и нашедшія себѣ отчасти примѣненіе въ разныхъ видахъ въ пенитенціарныхъ системахъ въ западной Европѣ и, въ особенности, въ Англіи и Америкѣ, для нашей родины остаются лишь въ стадіи pia desideria и являются пока еще больше предметомъ ученыхъ сужденій, чѣмъ картиной дѣйствительности. По изслѣдованіямъ С. К. Гогеля [1]), въ Россіи работами занято было въ 1893 году въ губернскихъ тюрьмахъ $28^1/_5$ и въ уѣздныхъ $20^{19}/_{20}$% общаго числа арестантовъ, а за три года 1891—1893 г. (включительно) число ихъ достигаетъ едва лишь 19% (въ 1898 г. процентъ арестантовъ, занятыхъ работой, составляетъ лишь 17,8), въ то время, какъ въ Англіи и Бельгіи количество занятыхъ работой арестантовъ доходитъ до 75% общаго числа ихъ. Въ Пруссіи, Франціи и Австріи въ центральныхъ тюрьмахъ занята работами большая часть арестантовъ, но за то въ провинціальныхъ, такъ называемыхъ, мѣстныхъ тюрьмахъ, губернскихъ и уѣздныхъ, работъ или вовсе нѣтъ, или онѣ производятся въ ничтожномъ размѣрѣ, что̀ имѣетъ особое значеніе, при сопоставленіи самаго числа центральныхъ и мѣстныхъ тюремъ и количества содержавшихся въ тѣхъ и другихъ арестантовъ: въ первыхъ содержалось за 1894 годъ въ Пруссіи 26281 человѣкъ, во Франціи—13329 и въ Австріи 10351, а во вторыхъ—въ Пруссіи 33734 человѣка, во Франціи 26741 и въ Австріи 13863 [1]). При этомъ средній заработокъ арестанта исправительныхъ арестантскихъ отдѣленій у насъ, гдѣ работы считаются безусловно обязательными, далеко не окупаетъ содержанія его, достигая вообще 27 р. 70 к., за исключеніемъ Петербурга, гдѣ онъ достигаетъ 78 р. 26 к.; въ Пруссіи средній зара-

---

[1]) Арестантскій трудъ въ русскихъ и иностранныхъ тюрьмахъ. Жур. Мин. Юст. 1897 г., кн. 2 и 3.

[1]) О замѣнѣ ссылки въ Сибирь С. К. Гогеля, Жур. Мин. Юст. 1899 г. № 9.

ботокъ арестанта въ центральныхъ тюрьмахъ достигаетъ 134 марокъ 23 пфенинга, считая общее число обязанныхъ къ работѣ, а не только дѣйствительно занятыхъ, и притомъ продуктивно; въ обыкновенныхъ же тюрьмахъ средній заработокъ равняется 65 марк. 41 пфен. на каждаго содержавшагося; въ Австріи средній заработокъ арестанта составляетъ $33^2/_5$ флорина въ годъ; во Франціи—на одного арестанта приходилось чистаго дохода въ годъ въ однѣхъ тюрьмахъ 94 р. 80 к., а въ другихъ 109 р. 20 коп., принимая эти данныя для центральныхъ тюремъ; въ Бельгіи дохода отъ работъ центральныхъ тюремъ поступило на среднесуточнаго арестанта 112 франк. 23 сантима; въ Англіи—на каждаго арестанта, не считая хозяйственныхъ работъ, поступило въ доходъ тюремъ въ 1894 году по 191 р. 31 коп. и, наконецъ, въ Америкѣ—въ государственныхъ тюрьмахъ, въ которыхъ отбываются самыя строгія наказанія уголовныя, производительность арестантскаго труда опредѣляется (по мѣстнымъ отчетамъ) стоимостью произведенныхъ въ теченіе 1886 года товаровъ и работъ и достигаетъ на каждаго арестанта суммы $558^1/_2$ долларовъ или 1117 руб., принимая общее число арестантовъ, а не только тѣхъ, которые заняты промышленнымъ трудомъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и въ отношеніи религіозныхъ и образовательныхъ мѣръ воздѣйствія: не при всѣхъ тюрьмахъ имѣются церкви; школъ и библіотекъ, за единичными исключеніями, вовсе нѣтъ, а о бесѣдахъ, чтеніяхъ, картинахъ и т. п. въ провинціальныхъ тюрьмахъ до самаго послѣдняго времени почти вовсе и не слыхали, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда дѣлались попытки устраивать учрежденія и развлеченія этого рода, онѣ всегда вызывали особенное вниманіе заключенныхъ, увеличивали ихъ прилежаніе и влекли за собой особую ихъ за то признательность [1]). При такихъ условіяхъ, наши мѣста заключенія удовлетворяютъ только одной цѣли: сдѣлать преступника безопаснымъ и безвреднымъ лишь на время самаго содержа-

---

[1]) „Тюремный Вѣстникъ“ 1899 г. кн. III (стр. 132--133).

нія его въ заключеніи (и то не абсолютно, такъ какъ нерѣдки разныя преступленія и внутри тюремной ограды); ни исправленія, ни улучшенія, ни даже, наконецъ, устрашенія преступниковъ такія тюрьмы не достигаютъ и, при нынѣшнемъ ихъ состояніи, достигать не могутъ; это уже вполнѣ сознано не только людьми науки и высшаго государственнаго управленія, но и проникло даже достаточно въ сознаніе всего общества, сдѣлавшись избитымъ мѣстомъ, повторяемымъ чуть ли не въ каждой сессіи уголовнаго суда съ присяжными засѣдателями въ глухихъ губернскихъ и уѣздныхъ даже городахъ. И вотъ, изъ такихъ-то мѣстъ заключенія выходятъ ежегодно тысячи и десятки тысячъ людей, одни изъ коихъ утратили честь и энергію, а другіе вошли въ сдѣлки со своею совѣстью, выходятъ только для того, чтобы, спустя нѣкоторое время, войти снова въ эти мѣста отдохновенія и спокойнаго пристанища и усилить въ ужасающемъ размѣрѣ рецидивъ; не удивительно, что у насъ, какъ и на западѣ, за исключеніемъ Англіи, Австріи (и отчасти Швейцаріи), преступность растетъ быстрѣе населенія, а число рецидивистовъ все увеличивается: за вторымъ преступленіемъ, обыкновенно, слѣдуетъ третье, четвертое и послѣдующія,—создающія особый типъ постоянныхъ, такъ сказать, жителей тюрьмы. До чего усиливается тяготѣніе наказанныхъ къ мѣстамъ заключенія, по мѣрѣ рецидивовъ, видно изъ цифръ, касающихся Англіи за 1895 годъ: изъ числа осужденныхъ въ первый разъ возвратилось обратно въ тюрьму 30%, во второй 48%, въ третій 64%, въ четвертый 71% и въ пятый 79% отбывавшихъ уже наказаніе.

Естественно, что такое состояніе нашихъ тюремъ способно въ значительной степени парализовать дѣятельность тѣхъ учрежденій, которыя задаются цѣлью предупредить новое преступленіе, основанною столько же на разсчетѣ и экономіи, сколько и на началахъ религіи и морали. Послѣ того, какъ мѣста наказанія, вызывающія трудно поправимое разобщеніе преступника съ обществомъ, отрываютъ его отъ семьи, въ конецъ разоряющейся, во время содержанія главы ея подъ стражею, и часто впадающей въ безысход-

ную нищету (которая ведетъ, въ свою очередь, къ преступленію), бываетъ чрезвычайно трудно водворить въ ряды нормальнаго общества человѣка, бросившаго, во время отбыванія наказанія, честныя занятія, забывшаго объ обязанностяхъ своихъ къ обществу, къ семьѣ и къ себѣ самому, и важнѣйшую изъ нихъ—заработывать себѣ хлѣбъ трудомъ, пріучившагося къ лѣни и прожившаго долгое время въ мѣстѣ скопленія преступныхъ и порочныхъ элементовъ. Поэтому, необходимымъ условіемъ благотворнаго дѣйствія патроната, не успѣвшаго еще получить у насъ въ Россіи, несмотря на явную въ немъ необходимость, надлежащаго развитія, является, съ одной стороны, общее улучшеніе нашей пенитенціарной системы, ожидаемое въ недалекомъ будущемъ, а съ другой,—предоставленіе учрежденіямъ патроната права, во-первыхъ,—ознакомленія, изученія и, такъ сказать, испытанія заключенныхъ, еще во время отбыванія ими наказанія и нахожденія ихъ въ мѣстахъ заключенія, съ каковою цѣлью членамъ правленія этихъ обществъ или избираемыхъ ими особыхъ коммисій должно быть предоставлено право посѣщать заключенныхъ, знакомиться съ ихъ личностью, наблюдать за перемѣнами въ ихъ характерѣ, получать всѣ необходимыя свѣдѣнія отъ тюремной администраціи и даже ознакомляться, въ случаѣ надобности, съ дѣлопроизводствомъ о заключенныхъ, о чемъ подробнѣе еще будетъ сказано ниже; во-вторыхъ, тѣмъ же учрежденіямъ должно быть предоставлено и право приходить на помощь тюремной администраціи какъ въ устраненіи вредныхъ вліяній, такъ и въ надлежащей организаціи труда и мѣръ тюремнаго воспитанія, дабы тюрьма давала, по выраженію извѣстнаго англійскаго тюрьмовѣда, не только хорошихъ арестантовъ, но и хорошихъ людей. Общеніе и взаимодѣйствіе между тюремной администраціей и обществами патроната можетъ проявляться черезъ обязательныхъ, непремѣнныхъ членовъ обществъ патроната по должностямъ: изъ 1) директоровъ тюремнаго комитета: участковаго товарища прокурора, лица судейскаго сословія (уѣзднаго члена окружнаго суда, мироваго или городскаго судьи), тюремнаго инспек-

тора, гдѣ онъ имѣется, 2) священника и 3) начальника тюрьмы. Такимъ образомъ, еще во время содержанія отбывающихъ наказаніе въ мѣстахъ заключенія, уже должны начинаться тѣ заботы, которыя имѣютъ конечною цѣлью оказать имъ возможное содѣйствіе въ дѣлѣ устройства ихъ будущности; независимо отъ необходимыхъ совѣтовъ и наставленій, уже тогда существенно позаботиться объ обученіи заключенныхъ ремеслу или какому-либо труду, которые дали бы ему возможность, по выходѣ изъ мѣстъ заключенія, добывать честно средства къ пропитанію, найти способъ къ жизни, для предупрежденія необходимаго, въ противномъ случаѣ, рецидива. Совокупность этихъ мѣръ еще до выхода заключеннаго на свободу должна создать въ самомъ преступникѣ готовность подчиниться законамъ, вызвать въ немъ желаніе честной и трудовой дѣятельности и предоставить ему возможность таковой въ рядахъ нормальнаго общества, отъ котораго онъ оторванъ своимъ преступнымъ прошлымъ; безъ этого слишкомъ трудно даже и надѣяться на исправленіе преступника, голоднаго и отторгнутаго отъ среды, въ которой онъ жилъ до совершенія преступленія.

III.

Съ того момента, какъ преступникъ отбылъ наказаніе, оканчиваются обязанности государства по призрѣнію его, и наступаетъ время для попеченія и надзора за нимъ со стороны общества. Попеченіе и надзоръ этотъ осуществляются обществомъ, черезъ учрежденіе патроната, который долженъ существовать лишь подъ покровительствомъ и контролемъ правительства, благодаря иниціативѣ, усиліямъ и трудамъ частныхъ лицъ изъ разныхъ слоевъ общества, коихъ слѣдуетъ привлечь къ этому благому дѣлу въ возможно большемъ количествѣ и изъ разныхъ вѣроисповѣданій, при дѣятельномъ участіи городскаго и земскаго самоуправленія; по условіямъ нашей жизни весьма полезными въ этомъ дѣлѣ могутъ оказаться священники всѣхъ культовъ, сельскіе учи-

теля и землевладѣльцы, и, въ особенности, ихъ содѣйствіе можетъ явиться необходимымъ въ надзорѣ за отбывшими наказаніе. Попеченіе и надзоръ патроната, начинаясь еще со времени содержанія преступника въ заключеніи, должны продолжаться, главнымъ образомъ, въ первое время по выходѣ его изъ карательнаго заведенія: опытъ показалъ, что опасность впаденія въ новое преступленіе и трудность реклассифицироваться для преступника—особенно велики въ первые же мѣсяцы (первый даже годъ) по отбытіи имъ наказанія [1]), а прегражденіе преступнику возможности нанести обществу новый ущербъ и предупрежденіе злодѣяній, какъ леченіе соціальнаго зла, соціальной болѣзни, должно занимать въ системѣ наказаній болѣе видное мѣсто, чѣмъ самая кара за грѣхи и преступленіе. Въ первое время своей самостоятельной жизни, когда всякій нуждается въ совѣтѣ и нѣкоторомъ покровительствѣ, они важнѣе всего для выпущеннаго на свободу, и потому срокъ этого надзора, который въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ долженъ сообразоваться съ особенными его условіями, не можетъ, во всякомъ случаѣ, быть слишкомъ краткимъ, достигая, по крайней мѣрѣ, полугода, а если возможно,—то и дольше (подобно тому, какъ устанавливается продолжительная связь исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ съ ихъ питомцами). Насколько плодотворна дѣятельность обществъ патроната, свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, заявленіе бывшаго начальника центральной полиціи въ Женевѣ Кену, удостовѣрившаго на бывшемъ международномъ конгрессѣ антропологовъ, что, благодаря этимъ то попеченіямъ, коими удается удерживать отъ возвращенія на путь преступленія отбывшихъ наказаніе на первое время, стало замѣтно въ Швейцаріи значительное пониженіе преступности въ послѣдніе годы, а съ другой—лорда Марлея, при второмъ чтеніи билля о предупрежденіи преступленій въ 1871 году, объявившаго отъ имени правительства въ палатѣ лордовъ, что „справедливость требуетъ, чтобы добрыя дѣла по истинѣ благодѣтельныхъ

---

[1]) Tarde—La criminalité comparée, стр. 90.

обществъ пособія освобожденнымъ изъ мѣста заключенія, приносящихъ громадную пользу, были извѣстны всему свѣту" [1]). Поэтому съ тѣхъ поръ, какъ опытъ на западѣ уже доказалъ, что принятіе правительствомъ въ свое непосредственное завѣдываніе этого дѣла почти всегда оканчивалось полною неудачею, тогда какъ частныя, неоффиціальныя общества этого рода быстро развивались и укрѣплялись, общество живо откликнулось на эту нужду, и число учрежденій патроната стало быстро возрастать. Въ настоящее время ихъ имѣется въ Англіи свыше 120, при общемъ количествѣ 61 тюрьмы: 56 мѣстныхъ и 5 каторжныхъ, въ Бельгіи почти нѣтъ округа, гдѣ бы не было патроната, въ Баденѣ—60, въ Баваріи 144, въ Пруссіи 231, не считая провинціальныхъ и центральныхъ [2]).

Обращаясь къ нашему отечеству, необходимо упомянуть, что сколь печально общее состояніе нашей пенитенціарной системы, столь же ничтожно и имѣющееся у насъ количество обществъ патроната: при среднесуточномъ составѣ содержащихся въ тюрьмахъ, превышающемъ въ среднихъ цифрахъ за послѣднія 10 лѣтъ 100,000 человѣкъ въ 889 мѣстахъ заключенія, у насъ имѣется для всей Россіи лишь 6 патронатствъ для отбывшихъ наказанія (изъ коихъ старѣйшее—Кишиневское, возникшее въ 1878 году, а новѣйшее въ Перми—въ 1896 году), не считая исполняющихъ тѣ же функціи, въ отношеніи къ малолѣтнимъ, исправительныхъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ колоній. Патронатства эти находятся въ Петербургѣ, Москвѣ, Одессѣ, Кишиневѣ, Ярославлѣ и Перми. Изъ нихъ Кишиневское и Ярославское имѣютъ цѣлью пособія лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, Одесское—покровительство отбывшимъ наказаніе и безпріютнымъ, Московское—покровительство безпріютнымъ и освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія несовершеннолѣтнимъ, Петербургское—оказаніе помощи ли-

---

[1]) И. Я. Фойницкій, Ученіе о наказаніи.

[2]) С. К. Гогель. О развитіи и правильной постановкѣ патроната въ Россіи. Жур. Мин. Юст. 1900 г. кн. IX.

цамъ, освобождаемымъ изъ подъ стражи, и, наконецъ, Пермское,—обратившее всѣ свои заботы на устройство дома трудолюбія и оставившее совершенно попеченіе освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія. Несмотря, однако, на такое почти полное отсутствіе патронатствъ въ Россіи въ настоящее время, есть полное основаніе надѣяться, что съ выработкою и утвержденіемъ нормальнаго устава для нихъ и съ постепеннымъ проникновеніемъ въ общественное правосознаніе необходимости и цѣлесообразности этого рода учрежденій, путемъ распространенія и популяризаціи ихъ въ общей періодической печати, а равно и въ отдѣльныхъ изданіяхъ и брошюрахъ, общества и частныя лица сердечно отзовутся на этотъ призывъ и починъ, и недалеко то время, когда патронатства покроютъ широкою сѣтью нашу обширную родину, подобно тому, какъ вслѣдъ за утвержденіемъ нормальныхъ уставовъ и популяризаціей идей общественнаго призрѣнія, благотворительности и безопасности, возникли чуть ли не по всей Россіи общества пособія бѣднымъ разныхъ исповѣданій, вольно-пожарныя дружины и отчасти дома трудолюбія, которые можно найти теперь во всякомъ, маломальски крупно населенномъ административномъ или торговомъ центрѣ. Съ 1886 года однихъ домовъ трудолюбія устроено въ Россіи къ 1899 году—133, а предполагалось къ открытію въ ближайшемъ будущемъ еще свыше 60 [1]), при чемъ они имѣлись уже тогда въ такихъ селеніяхъ, какъ с. Бѣлое (Боровичскаго уѣзда, Новгородской губерніи), пос. Сольцахъ (Псковской губерніи), а въ числѣ мѣстъ, предназначенныхъ къ открытію въ нихъ домовъ трудолюбія, значатся такія захолустья, какъ Варнавинъ, Кологривъ, Кунгуръ, село Пузская слобода, Сенгилей, Сердобскъ, Уржумъ, Якшуръ-Бодье и др. Съ утвержденіемъ нормальнаго устава обществъ патроната и съ открытіемъ главнаго, генеральнаго его общества, явится возможность приступить къ насажденію его въ разныхъ концахъ нашей родины: отъ крупныхъ административныхъ и торговыхъ центровъ до уѣздныхъ даже

[1]) Н. Н. Дмитріевъ. Дома трудолюбія. Спб. 1900.

городовъ, опредѣляя дѣятельность ихъ цѣлями и способами, намѣченными въ нѣсколькихъ проектахъ примѣрнаго устава главнаго и мѣстныхъ обществъ патроната и уже провѣренными въ нѣкоторой степени на опытѣ западныхъ странъ и отчасти только, конечно, и въ дѣйствующихъ учрежденіяхъ этого рода у насъ въ Россіи.

IV.

Изъ всѣхъ примѣрныхъ уставовъ патроната, опубликованныхъ къ предстоящему съѣзду русской группы Международнаго союза криминалистовъ [1]), способы и мѣры оказанія помощи патронатомъ очерчены, въ общихъ словахъ, полнѣе всего въ докладѣ В. В. Микляшевскаго и заключаются въ употребленіи всѣхъ возможныхъ средствъ нравственной и матеріальной помощи лицамъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, а именно: въ ознакомленіи съ арестантомъ въ тюрьмѣ, подготовленіи его къ выходу, отправленіи на домъ не по этапу, облегченіи проѣзда, снабженіи пищею, одеждою и обувью и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отчасти—даже деньгами, временнымъ помѣщеніемъ, инструментами, матеріалами, товарами, заказами на издѣлія и пр., въ пріисканіи мѣста, службы или работы, содѣйствіи къ оставленію въ городѣ, если въ немъ можно найти заработокъ и достаточныя средства содержанія, ходатайствѣ о паспортахъ и документахъ для подопечныхъ, содѣйствіи въ помѣщеніи престарѣлыхъ въ богадѣльни, особые пріюты и др. учрежденія, нравственномъ и религіозномъ вліяніи на каждаго въ отдѣльности или группами, посредствомъ назидательныхъ чтеній, оказаніи помощи семействамъ заключенныхъ, во время содержанія подъ стражей ихъ главы и на первое время по выходѣ оттуда, устрой-

---

[1]) С. К. Гогель—Проектъ нормальнаго устава мѣстныхъ обществъ патроната. Тюр. Вѣстн. 1900 г. Кн. IX, стр. 532—534. Г. С. Фельдштейнъ—„Проектъ нормальнаго устава попечительнаго общества объ освобожденныхъ“. Ж. М. Ю. 1900 г. кн. 4.—В. В. Микляшевскаго—Нѣкоторыя положенія для нормальнаго устава патроната. Ж. М. Ю. 1901 г., кн. 1.

ствѣ пріютовъ для дѣтей арестантовъ и заведеній для исправленія малолѣтнихъ преступниковъ и, наконецъ,—въ надзорѣ за освобожденнымъ въ теченіе нѣкотораго времени, по возвращеніи его въ общество.

Ближайшія мѣры, коими общества патроната должны оказывать помощь освобождаемымъ, подвергались также обсужденію Антверпенскаго конгресса обществъ патроната, происходившаго въ 1897 году и создавшаго „Международное общество учрежденія патроната". Мѣры эти для борьбы съ рецидивомъ, по докладу Batardy [1]), должны заключаться въ слѣдующемъ: „Прежде всего необходимо помѣщать освобожденнаго, тотчасъ по выходѣ его изъ тюрьмы, въ честную и нравственную среду. Наиболѣе же могущественнымъ факторомъ возстановленія является примиреніе освобожденнаго съ семьею, которое должно быть подготовляемо постепенно, во время содержанія его въ тюрьмѣ. Если интересъ общества или самого освобожденнаго требуетъ, чтобы онъ былъ изъятъ изъ подъ вліянія той среды, въ которой онъ совершилъ преступленіе, то можетъ явиться необходимымъ запрещеніе пребывать въ этой средѣ или въ видѣ наказанія, или въ видѣ одного изъ условій условнаго осужденія. Примѣненіе этой мѣры должно быть всегда факультативно и сообразно съ положеніемъ даннаго лица. Конгрессъ возобновилъ при этомъ возбужденное имъ уже въ 1897 году ходатайство объ уничтоженіи спеціальнаго полицейскаго надзора и принялъ слѣдующія постановленія: 1) общества патроната должны стараться находить освобожденнымъ работу къ моменту ихъ выхода изъ тюрьмы, или, въ случаѣ невозможности, облегчить имъ, по крайней мѣрѣ, розыски работы. Весьма желательно устройство небольшихъ временныхъ убѣжищъ или домовъ трудолюбія и раціональная организація и распространеніе бюро по пріисканію работы и биржъ труда. 2) Не желая вторгаться въ область занятій пенитенціарнаго съѣзда, конгрессъ не можетъ, однако, не отмѣтить, что выборъ работы во время заключенія и организація обученія могли

[1]) „Трудовая Помощь" 1898 г., кн. X стр. 426, 427.

бы уменьшить число неспособныхъ ни къ какому полезному труду, помѣщеніе которыхъ на мѣста является почти совершенно невозможнымъ. 3) Освобожденный, чтобы быть поставленнымъ въ условія, которыя дали бы ему возможность искать мѣста, долженъ быть снабженъ удостовѣреніемъ личности, одеждой и орудіями производства. Было бы полезно, чтобы нѣкоторыя общества организовали мѣста снабженія одеждою. 4) Помощь, оказываемая обществами патроната здоровымъ освобожденнымъ, должна быть ограничена лишь насколько это вызывается необходимостью розыска работы. 5) Такъ какъ растрата сбереженій является одной изъ частныхъ причинъ рецидива, то ограниченіе свободы распоряженія имѣющимися у освобожденнаго при выходѣ средствами необходимо какъ въ интересахъ общества, такъ и въ интересахъ самого освобожденнаго. 6) Чтобы предотвратить возможность вреднаго вліянія со стороны старыхъ товарищей по заключенію, необходимо воспретить всякое общеніе между заключенными и избѣгать регулярныхъ дней и часовъ освобожденія изъ тюрьмы. 7) Необходима организація самой широкой пропаганды, которая бы дала обществу понять все значеніе патроната".

Такимъ образомъ, ближайшей заботой объ освобожденныхъ, подготовленныхъ, такъ сказать, къ выходу предъидущими мѣрами, изученныхъ и расклассифицированныхъ членами правленій или особыхъ коммисій и комитетовъ патроната еще во время содержанія отбывающихъ наказаніе въ мѣстахъ заключенія, должна быть забота о снабженіи ихъ надлежащею одеждою и обувью. Еще до выхода изъ мѣста заключенія патронатству необходимо озаботиться, чтобы надлежаще прикрыть наготу освобожденнаго, въ случаѣ отсутствія у него собственной одежды; снабдить его хотя дешевою, но прочною и чистою одеждою и обувью, соотвѣтственно погодѣ и времени года, дабы, съ одной стороны, оградить его отъ вліянія погоды, а съ другой—внушить и видомъ его довѣріе работодателямъ и нанимателямъ; народная мудрость не даромъ опредѣляетъ одежду, какъ обликъ человѣка, по которой его впервые встрѣчаютъ, и въ особенности въ

новой, мало знакомой ему средѣ. Съ улучшеніемъ постановки тюремнаго труда въ карательныхъ заведеніяхъ, одежда и обувь эта можетъ заготовляться самими же заключенными, а при организаціи работъ для освобожденныхъ патронатствами. изготовленіе ими при одномъ или при нѣсколькихъ учрежденіяхъ этого рода одежды и обуви для нуждъ самихъ же патронатствъ можетъ найти надлежащее мѣсто и примѣненіе. Изготовляемыя, такимъ образомъ, одежда и обувь должны, конечно, болѣе или менѣе соотвѣтствовать и той мѣстности, и тому слою общества, изъ которыхъ вышелъ освобожденный, чтобы внѣшній видъ его не носилъ никакихъ особенностей и отпечатковъ, могущихъ отличать его отъ остальныхъ свободныхъ членовъ той мѣстности и того общественнаго круга, въ которые онъ неминуемо долженъ возвратиться. Когда освобожденный одѣтъ и обутъ сколько-нибудь удовлетворительно, предстоитъ рѣшить вопросъ, какой изъ освобожденныхъ безъ вреда для общества и для себя можетъ оставаться въ городѣ, и для какого, съ одной стороны, въ городѣ не имѣется соотвѣтствующей работы, а, съ другой,—условія домашней жизни могутъ создать болѣе целѣсообразную и благотворную обстановку. Для этого, при изученіи и испытаніи заключенныхъ, членамъ комитетовъ патроната предстоитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тщательная необходимость, еще до освобожденія, изслѣдовать и выяснить какъ характеръ, причины и степень нужды, такъ и степень физическаго и нравственнаго развитія заключеннаго, занятія, образъ жизни, привычки, склонности и, на ряду съ этимъ, семейное и общественное положеніе его, для рѣшенія, нѣтъ ли такихъ благонадежныхъ лицъ, которыя пожелали бы оказать освобожденному помощь и взять его подъ свой надзоръ, или являлись по закону на то уполномоченными; вмѣстѣ съ тѣмъ, обществамъ патроната весьма полезно имѣть вѣрныя свѣдѣнія о состояніи рабочаго рынка, чтобы знать, гдѣ освобожденный можетъ лучше всего устроиться, и оказываемая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ помощь соотвѣтствовала бы индивидуальнымъ условіямъ его. Съ этой цѣлью въ Ярославскомъ обществѣ пособія лицамъ, освобожденнымъ изъ тюремнаго

заключенія, о каждомъ освобожденномъ, получающемъ пособіе отъ общества, ведется особый справочный листокъ, въ которомъ обозначаются: 1) имя, отчество, фамилія, званіе, лѣта, мѣсто приписки, вѣроисповѣданіе; 2) судимость: за какое преступленіе, по приговору какого судебнаго мѣста и который разъ въ тюрьмѣ; 3) занятіе и ремесло; 4) образованіе или грамотность; 5) семейное и имущественное положеніе и количество заработанныхъ въ тюрьмѣ денегъ, а также количество и качество собственныхъ вещей; 6) поведеніе въ тюрьмѣ; 7) предположенія освобождаемаго объ устройствѣ своего будущаго; 8) родъ предполагаемаго къ выдачѣ коммисіей пособія (выдать такія-то вещи, или билетъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ, или пароходѣ и т. п.); 9) опредѣленіе правленія: выдать или отказать по такимъ то причинамъ; 10) отмѣтка объ исполненіи: выдано такому-то, тогда-то, росписка получателя. Листки эти съ надлежащими свѣдѣніями о каждомъ лицѣ, получившемъ пособіе, представляются ежемѣсячно особой коммисіей въ правленіе общества, которое составляетъ на основаніи ихъ ежегодный отчетъ, при чемъ признается желательнымъ вести алфавитъ всѣхъ лицъ, получающихъ пособіе.

Тщательное обсужденіе въ каждомъ случаѣ вопроса о томъ, гдѣ оставить или куда направить освобожденнаго, имѣетъ особое значеніе въ нашемъ отечествѣ, гдѣ деревенское населеніе столь значительно преобладаетъ надъ городскимъ. Хотя деревни имѣютъ и свою отличительную преступность, связанную съ укоренившимися въ нихъ насиліемъ и грубостью нравовъ, тѣмъ не менѣе пока человѣкъ, принадлежащій къ крестьянству, живетъ въ деревнѣ, онъ легче поддается наблюденію со стороны своихъ односельцевъ и самъ же долженъ больше слѣдить за собой. Съ переселеніемъ же его въ мало-мальски значительные города, онъ теряется, попадаетъ въ полную безвѣстность, перестаетъ слѣдить за собой и, попадая въ среду пролетаріата, судьба котораго предоставлена случаю, подвергаясь возбужденіямъ уличной жизни, обостряющей животные инстинкты, и сомнительному вліянію смѣшаннаго обще-

ства, встрѣчаясь, наконецъ, ежеминутно съ громадными контрастами между значительнымъ богатствомъ и крайнею нищетою, легче предается пороку и разврату и быстрѣе впадаетъ въ преступленіе, какъ это уже, въ общемъ, замѣчено было великимъ англійскимъ экономистомъ Адамомъ Смитомъ [1]) и подтверждается статистическими изслѣдованіями для Франціи [2]), доказывающими, что въ то время, какъ среди деревенскаго населенія относительный процентъ осужденныхъ составляетъ 8, среди городскаго онъ достигаетъ 16. Бросая соху и направляясь въ городъ за заработкомъ, нашъ крестьянинъ встрѣчаетъ здѣсь значительную конкуренцію, хотя и меньшую, чѣмъ въ западныхъ странахъ, но все же изъ года въ годъ возрастающую и понижающую заработокъ, а на ряду съ этимъ—случайность этого заработка и частые соблазны на каждомъ шагу легко склоняютъ его къ бродяжничеству и нищенству, стоящимъ уже на рубежѣ преступленія, между тѣмъ, какъ близость къ природѣ, вызывающая и любовь къ ней, пробуждаетъ въ человѣкѣ лучшія чувства. Города всасываютъ въ себя, такимъ образомъ, эти нечистые элементы, но не поглощаютъ ихъ совсѣмъ, а сдѣлавъ преступность страстнѣе и утонченнѣе, частью извергаютъ ее въ другіе населенные центры, а частью возвращаютъ обратно въ деревни. Здѣсь же, въ городахъ, на мѣстахъ большаго скопленія населенія, находитъ себѣ наибольшее примѣненіе вліяніе примѣра и подражательности, съ чѣмъ также необходимо сообразоваться.

Опредѣливъ, въ зависимости отъ всѣхъ этихъ условій, тѣ случаи, гдѣ, по индивидуальности освобожденнаго, признается необходимымъ возвращеніе его на мѣсто родины или послѣдняго жительства, общество патроната озабочивается снабженіемъ отбывшаго наказаніе паспортомъ или инымъ какимъ-либо документомъ, средствами на проѣздъ и необходимою пищею на время до прибытія на мѣсто назначенія. Кому изъ юристовъ-практиковъ не приходилось неоднократно слышать отъ содержащихся подъ стражею и рецидивистовъ,

---

[1]) Богатство народовъ, т. I.

[2]) Fouillée—Revue des Deux Mondes, Septembre, 1884.

судимыхъ въ особенности за мелкія кражи, ихъ стереотипныя объясненія о томъ, что на новое преступленіе ихъ толкнуло отсутствіе работы, въ связи съ отсутствіемъ паспорта или иного какого-либо законнаго документа, удостовѣряющаго ихъ личность? Хотя въ большинствѣ случаевъ эти іереміады бываютъ значительно преувеличены (ибо, на ряду съ отсутствіемъ въ Россіи, по сравненію съ нѣкоторыми странами запада, такихъ острыхъ кризисовъ безработицы,—и вопросъ о документахъ обстоитъ у насъ въ послѣднее время, сравнительно, удовлетворительно, такъ какъ на паспортахъ лицъ, отбывшихъ наказаніе безъ лишенія правъ, это въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не отмѣчается лицами и учрежденіями, ихъ выдающими, а немедленно, по освобожденіи изъ мѣстъ заключенія, передаваемые полиціи снабжаются ею проходными свидѣтельствами),—тѣмъ не менѣе нельзя, однако, не признать, что уже одно предъявленіе отбывшимъ наказаніе этого проходнаго свидѣтельства правительственнымъ учрежденіямъ, а въ случаѣ надобности и частнымъ лицамъ, внушаетъ сразу такое подозрѣніе и недовѣріе къ предъявителю, которое не располагаетъ ни къ снабженію его надлежащею работою, ни къ обыкновенному сочувствію и состраданію, какъ къ человѣку, находящемуся въ нуждѣ. Для перемѣны же проходнаго свидѣтельства на паспортъ освобожденному бываетъ необходимо часто отправиться на мѣсто приписки, отстоящее отъ мѣста его судимости и отбытія наказанія на разстояніи, достигающемъ иногда нѣсколькихъ сотъ верстъ. Въ такихъ случаяхъ и когда патронатъ признаетъ возможнымъ, согласно съ желаніемъ освобожденнаго, оставить его въ томъ же городѣ или отправить его куда-либо въ другую мѣстность, нѣсколько отдаленную отъ мѣста его приписки, забота о своевременномъ снабженіи освобожденнаго надлежащимъ паспортомъ или иными необходимыми документами должна считаться дѣломъ крупной важности. Документы эти могутъ быть добыты путемъ надлежащей, съ кѣмъ слѣдуетъ, въ отдѣльныхъ случаяхъ переписки, конечно, столь заблаговременно, чтобы они были заготовлены, приведены въ порядокъ и доставлены въ

мѣсто отбыванія наказанія еще до выхода заключеннаго на свободу, въ виду возможныхъ ошибокъ, недоразумѣній и необходимыхъ отсюда исправленій и новой переписки съ разными лицами и учрежденіями, а также,—чтобы имѣть возможность своевременно пристроить освобождаемыхъ къ какому нибудь занятію; иногда даже отдѣльные дни, въ зависимости отъ условій той или другой мѣстности, времени года, праздниковъ, сезона и др. причинъ могутъ вліять на степень трудности или удобства подыскать спросъ на предложеніе того или другаго труда, той или иной работы. Подготовленный къ выходу изъ мѣстъ заключенія и признанный уже патронатомъ, по предыдущему ознакомленію со всей его личностью и поведеніемъ, во время содержанія въ заключеніи, достойнымъ оказываемой ему помощи и поддержки, съ документомъ въ рукахъ, одѣтый и обутый освобожденный оставляется или въ мѣстѣ отбытія имъ наказанія, т. е. въ городѣ, или направляется въ иное мѣсто, или же, наконецъ, на родину, по усмотрѣнію патроната, въ зависимости отъ условій, могущихъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ вліять на разрѣшеніе этого вопроса въ томъ или иномъ смыслѣ, о коихъ сказано было уже выше, и сообразуясь, по возможности, съ разумными желаніями самого освобожденнаго.

При отправленіи его куда-либо изъ мѣста отбытія наказанія, разумѣется, важнѣе всего предоставить ему средства и возможность добраться до мѣста его назначенія и избавить отъ необходимости отправляться, за отсутствіемъ таковыхъ, этапнымъ порядкомъ, ввергающимъ слѣдующаго съ нимъ часто въ еще худшія условія и болѣе порочную среду пересыльныхъ, бродягъ и преступниковъ по ремеслу, чѣмъ та, изъ которой онъ столь недавно вышелъ, дабы на первыхъ же порахъ дурной примѣръ, подражательность, искушенія и соблазны не парализовали усилій, уже до того затраченныхъ обществомъ на освобожденнаго, и дабы поддержать въ немъ уваженіе къ себѣ и человѣческое достоинство. Способъ отправки и вольнаго слѣдованія освобожденнаго на мѣсто назначенія въ каждомъ случаѣ долженъ опредѣляться индивидуальными условіями: на близкихъ раз-

стояніяхъ отъ города онъ можетъ прослѣдовать пѣшкомъ, а на болѣе дальнія—свыше 25—30, примѣрно, верстъ—онъ долженъ быть снабженъ правомъ и возможностью проѣзда и пищею. Въ тѣхъ случаяхъ, когда путь этотъ предстоитъ ему по желѣзнымъ дорогамъ или инымъ организованнымъ, систематически дѣйствующимъ путямъ сообщенія, право это выразится въ покупкѣ для него билета на проѣздъ, по возможности именнаго, и безъ права передачи; въ другихъ—оплатою его проѣзда, производимою, также по возможности, послѣ доставки его на мѣсто назначенія и, во всякомъ случаѣ, непосредственно на руки возчика, а не самого отправляемаго. Въ случаѣ необходимости остановки по пути слѣдованія по тѣмъ или инымъ уважительнымъ причинамъ, было бы полезно обязывать освобожденнаго доводить о томъ какимъ-либо путемъ до свѣдѣнія патроната, принявшаго въ немъ участіе, или же отдѣленій и агентовъ, членовъ его на мѣстѣ, или же, наконецъ,—учрежденія патроната въ мѣстѣ остановки, съ цѣлью сохранить возможный надзоръ за освобожденнымъ.

Вмѣстѣ съ этимъ необходима забота объ учрежденіи и открытіи въ разныхъ мѣстахъ возможно большаго количества рабочихъ постоялыхъ дворовъ, рабочихъ гостиницъ, на подобіе „станцій для вспомоществованія натурой“ (Naturalverpflegungstationen), возникшихъ въ Германіи—первые въ 50-хъ годахъ нашего столѣтія, а вторыя немножко раньше, по иниціативѣ Теодора Бертеса. Будучи по цѣлямъ своимъ и задачамъ направлены, собственно, для борьбы съ бродяжничествомъ, онѣ съ большою пользою могутъ служить и дѣлу патроната. Въ Германіи такія станціи призрѣнія имѣются во многихъ общинахъ, одна отъ другой въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ ходьбы, для оказанія гостепріимства слѣдующему въ теченіе не болѣе трехъ дней; при многихъ изъ нихъ устроены бюро, гдѣ сосредоточиваются спросъ и предложеніе на работу, и гдѣ нуждающійся въ таковой направляется по принадлежности, получая адресъ лица или мастера, согласившагося принять на себя обязанности сближать спросъ и предложеніе работъ по

извѣстной спеціальности. Эти своеобразныя гостиницы имѣютъ цѣлью дать убѣжище и снабдить пищею находящихся въ пути и перебирающихся изъ одной мѣстности въ другую въ поискахъ работы и должны оказывать странствующимъ не только матеріальную помощь, но и нравственное вліяніе, освобождая ихъ отъ необходимости пользоваться гостепріимствомъ грязныхъ и порочныхъ кабаковъ и притоновъ. За кровъ, пріютъ, завтракъ, обѣдъ и ужинъ, доставляемые всѣмъ странникамъ, независимо отъ вѣроисповѣданія, національности, сословія, пола и возраста (кромѣ пьяныхъ), имѣющій менѣе 3 марокъ въ наличности и не могущій найти въ той мѣстности въ данное время работы долженъ или исполнить какую-либо, хотя бы самую простую и несложную, работу, какъ-то: наколоть дровъ, надробить камень, мыть бутылки, мести улицы и т. п., или же внести весьма небольшую плату; но за то во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ учреждены этого рода заведенія, строго воспрещается и преслѣдуется нищенство, о чемъ при входѣ въ каждую такую общину имѣются на видныхъ мѣстахъ прибитыя къ столбамъ объявленія. Насущность нужды въ такихъ станціяхъ и постоялыхъ дворахъ доказывается тѣмъ, что въ Германіи число ихъ, достигшее за нѣсколько десятковъ лѣтъ къ 1884 году 595, уже въ 1887 году увеличилось чуть ли не вдвое—до 917, при чемъ содержаніе каждой изъ нихъ, оказывающей гостепріимство среднесуточно 5,5 человѣкамъ, составляло въ среднемъ итогѣ 774,8 марокъ, въ счетъ коихъ покрывалось работою 38,2 марки, и, значитъ, на счетъ благотворительности приходилось около 735 марокъ [1]). Простота и разумность этой идеи, быстрое и широкое ея распространеніе въ Германіи могутъ служить доказательствомъ ея жизненности и нѣкоторымъ опытомъ ея плодотворности въ оказаніи помощи нуждающимся. Въ надлежащемъ приспособленіи ихъ къ особымъ условіямъ нашего обширнаго отечества и мѣстнымъ такія станціи и рабочія гостиницы могли бы служить для временныхъ остановокъ отбывшимъ наказаніе, отправляемымъ патронатствами

---

[1]) В. Ѳ. Дерюжинскій—Замѣтки объ общественномъ призрѣніи. М. 1897.

въ ту или иную мѣстность, и черезъ завѣдывающихъ этими станціями полнѣе и вѣрнѣе могъ бы осуществляться надзоръ за передвиженіемъ отбывшихъ наказаніе въ первое время, въ моментъ слѣдованія ихъ на мѣста, указанныя или избранныя ими для жительства; само собою разумѣется, что общества патроната, классифицируя немедленно по выходѣ изъ заключенія освобожденныхъ, оставляя однихъ на мѣстѣ и высылая другихъ, должны при этомъ прежде всего оцѣнить работоспособность ихъ, въ зависимости отъ возраста и состоянія здоровья, отдѣляя здоровыхъ, молодыхъ и сильныхъ отъ стариковъ, дѣтей и немощныхъ, дабы престарѣлыхъ, больныхъ, увѣчныхъ и дѣтей не ввергать съ перваго же момента въ необходимость бродяжничать.

Здѣсь цѣли патроната вполнѣ совпадаютъ съ общими цѣлями общественнаго призрѣнія: всѣ нетрудоспособныя лица, по причинѣ ихъ старости или увѣчья, должны найти себѣ постоянный пріютъ въ богадѣльняхъ, больные—въ общественныхъ или казенныхъ больницахъ и лечебницахъ, а дѣти—въ пріютахъ или же подъ надлежащимъ надзоромъ родителей, родственниковъ или частныхъ лицъ, которыя на это согласятся, сообразно тому, какой способъ покажется лучшимъ обществамъ патроната, по изслѣдованіи всѣхъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая. Для престарѣлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ—людей по истинѣ несчастныхъ—должно быть каждый разъ, безъ исключенія, обезпечено мѣсто въ богадѣльняхъ, благотворительныхъ фермахъ и лечебныхъ заведеніяхъ; каждый городъ, каждая деревня должны помогать своимъ бѣднымъ, такъ какъ отказъ общинъ въ малѣйшей жертвѣ, по вѣрному выраженію Лютера, приводитъ весьма часто къ слишкомъ обременительнымъ и весьма часто опаснымъ для общества послѣдствіямъ. Для этого должно быть обращено надлежащее вниманіе на обязательныя правила общественнаго призрѣнія, изложенныя въ уставѣ общественнаго призрѣнія и другихъ узаконеніяхъ, и на неуклонное ихъ исполненіе со стороны общества и отдѣльныхъ лицъ. Статья 580 этого устава вмѣняетъ въ обязанность содержать престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣч-

ныхъ членовъ сельскаго общества ихъ родственникамъ, а при отсутствіи таковыхъ, или въ случаѣ бѣдности послѣднихъ, такія лица должны быть призрѣваемы на счетъ крестьянскихъ обществъ, при чемъ призрѣніе этихъ лицъ, а равно и круглыхъ сиротъ, составляетъ обязательную мірскую повинность тѣхъ обществъ (ст. 581 и 582), осуществляемую подъ надзоромъ сельскихъ старостъ и волостныхъ старшинъ по принадлежности (583 ст.); для призрѣнія лицъ духовнаго званія православнаго исповѣданія функціонируютъ по закону (ст. 483—554) въ каждой епархіи попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія; въ отношеніи къ городскимъ сословіямъ и разночинцамъ тѣ же обязанности возлагаются на городское и земское самоуправленіе (ст. 2 п. 5 город. полож. и ст. 2 п. 7 полож. о земск. учрежд.). При этомъ нынѣ дѣйствующее уложеніе о наказаніяхъ облагаетъ установленнымъ наказаніемъ общества, отпустившія такихъ людей, которые по старости, дряхлости, очевидному изнуренію и болѣзни или калѣчеству не въ силахъ исправлять работъ и снискивать себѣ пропитаніе трудомъ. Неуклонное примѣненіе этого закона дѣлало бы призрѣніе такихъ лицъ болѣе дѣйствительнымъ, но, въ виду невозможности сохранить въ будущемъ уложеніи эту статью, устанавливающую групповую отвѣтственность, вопреки требованіямъ науки и уголовной политики, казалось бы полезнымъ возложить эту отвѣтственность на тѣхъ лицъ, на коихъ законъ возлагаетъ обязанность надзора за призрѣніемъ, а также и на состоятельныхъ ближайшихъ родственниковъ тѣхъ инвалидовъ, которые окажутся лишенными призрѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности родственниковъ и обществъ по призрѣнію, установленныя закономъ для крестьянскаго сословія, должны быть распространены въ законодательномъ порядкѣ и на всѣ другія сословія, при чемъ городамъ и земствамъ должны быть указаны источники, изъ которыхъ они должны будутъ получать средства на дѣло общественнаго призрѣнія; ими могли бы быть средства городовъ, которыя останутся свободными, за предполагаемымъ освобожденіемъ городовъ отъ нѣкоторыхъ, доселѣ обязательныхъ расходовъ, какъ-то: по содер-

жанію полиціи и пр., а равно и суммы, которыя имѣютъ образоваться отъ предполагаемой передачи въ пользу городовъ до сего времени государственнаго квартирнаго налога. Но тогда же городамъ и земствамъ должно быть разъяснено, что устройство заведеній для общественнаго призрѣнія составляетъ не только ихъ право, какъ это понималось до сихъ поръ [1]). Хотя и при нынѣшнихъ условіяхъ земства 34 губерній въ 1890 году истратили на общественное призрѣніе свыше $2^1/_2$ милліоновъ рублей, а число заведеній для призрѣнія неспособныхъ къ труду и леченія больныхъ, со времени передачи этого дѣла изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, гдѣ дѣло призрѣнія находилось въ состояніи крайняго упадка, въ руки земства, возросло въ 1891 г. отъ 784 въ 55 губерніяхъ до 4500 въ 44 губерніяхъ, но въ дальнѣйшемъ будущемъ, съ реформой общественнаго призрѣнія и сознаніемъ обязательности его для городскаго и земскаго самоуправленія, при наличности на то источниковъ, слѣдуетъ ожидать еще болѣе плодотворной дѣятельности этихъ муниципальныхъ учрежденій, при которой передача престарѣлыхъ, увѣчныхъ, дряхлыхъ и больныхъ лицъ изъ отбывшихъ наказаніе въ распоряженіе учрежденій общественнаго призрѣнія не представитъ для патронатствъ значительныхъ затрудненій.

V.

Немедленно, по надлежащемъ распредѣленіи отбывшихъ наказаніе и дальнѣйшемъ направленіи ихъ въ тѣ или другія мѣста, наступаютъ заботы патроната о средствахъ обезпеченія имъ примѣненія ихъ труда. Какъ уже было сказано выше, патронатъ стоитъ въ весьма тѣсной связи съ организаціей общей трудовой помощи, составляя лишь одинъ изъ элементовъ ея, а также съ общественнымъ призрѣніемъ для всего населенія, принудительнымъ воспитаніемъ дѣтей и съ борь-

---

[1]) Рѣш. Гражд. Касс. Д—та, 1876 г. № 480 и указъ 1 Д—та Прав. Сената 1890 г. № 1183.

бою противъ пьянства, нищенства и бродяжничества. Но при этомъ онъ имѣетъ во многомъ и свои особыя, спеціальныя цѣли, и потому въ составъ способовъ, коими должна быть оказываема помощь патронатамъ, съ одной стороны, войдутъ не всѣ виды трудовой помощи, а съ другой—на нѣкоторыхъ изъ нихъ должны быть сосредоточены особенныя заботы и главное вниманіе патроната. Ихъ главною цѣлью должно быть лишь устраненіе условій, препятствующихъ трудовой жизни, какъ-то, отсутствія орудій труда и матеріаловъ производства, отсутствія или недостатка сбыта произведеній, а также поддержка и помощь во временныхъ затрудненіяхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ, вызываемыхъ неблагопріятной обстановкой для труда, недостаточностью трудоваго умѣнья и трудностью сохраненія рабочей силы. Общество и государство, наказывая тѣхъ, кто не желаетъ работать, а предпочитаетъ жить тунеядцемъ на чужой счетъ и пользоваться нерѣдко лучшими въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ условіями, чѣмъ милліоны трудящихся и полезныхъ гражданъ, неуклонно должно приходить на помощь тѣмъ, кому независящія отъ него и случайныя условія мѣшаютъ трудиться, найти работу и предаться ей. Уже замѣчено, что всякое улучшеніе въ общественномъ строѣ и всякое увеличеніе законныхъ и честныхъ способовъ удовлетворенія необходимыхъ потребностей человѣка понижаетъ количество преступленій, и, наоборотъ, экономическіе кризисы и потрясенія, безработицы, зависящія отъ исторической эволюціи труда, культуры, способовъ производства и торговли, сразу значительно увеличиваютъ преступность. Лишенный орудій и средствъ своей работы, спроса и примѣненія ея, изъ чувства самосохраненія, обращается къ незаконнымъ способамъ добыванія себѣ средствъ къ существованію и пропитанію и невольно впадаетъ въ преступленіе. Въ Бельгіи, этой странѣ крупнаго производства и техническихъ изобрѣтеній, гдѣ борьба съ бродяжничествомъ и нищенствомъ нашла себѣ талантливую разработку и надлежащее примѣненіе по закону 27 ноября 1891 года, населеніе рабочихъ домовъ быстро уменьшается съ появленіемъ въ большемъ

обиліи работы. Точно также и въ Германіи замѣчается уменьшеніе числа преступленій и проступковъ въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ имѣется достаточное количество рабочихъ колоній, на 25 и даже на 30%. То же явленіе, несомнѣнно, можетъ быть замѣчено и у насъ. Хотя въ Россіи примѣненіе пара, электричества, крайнее развитіе законовъ раздѣленія труда и механическое производство, при которыхъ человѣческій трудъ все болѣе и болѣе вытѣсняется бездушными машинами, не достигли еще такихъ проявленій, какъ на западѣ, но уже и теперь въ большинствѣ случаевъ и у насъ бываетъ мало одного только желанія предоставить свою трудовую силу въ распоряженіе нанимателей и распорядителей и обладанія рабочими руками: требуется, обыкновенно, уже, сверхъ того, и наличность извѣстныхъ знаній, необходимыхъ для разныхъ отраслей труда, въ зависимости отъ характера, существа и организаціи, и столь же—обладаніе необходимыми орудіями каждаго производства, матеріалами и какимилибо средствами производства или ремесла, какъ оборотнымъ капиталомъ. И вотъ, начиная отъ простѣйшихъ даже работъ, коими занято у насъ большинство простолюдиновъ, именующихся чернорабочими, какъ то, земляныхъ, рубки лѣса, плетенія лаптей и половиковъ, продолжая плотницкими, каменными и штукатурными, и заканчивая разнаго рода ремеслами и различными видами кустарнаго производства, рабочія руки становятся лишними, если онѣ не снабжены, въ однихъ случаяхъ, орудіями своего труда и ремесла, а въ другихъ—нѣкоторыми оборотными средствами. Вообще, при покупкѣ матеріаловъ и орудій производства у обычныхъ торговцевъ, покупщики нерѣдко переплачиваютъ значительный барышъ на самомъ товарѣ и почтенный процентъ на открываемомъ кредитѣ, а, сверхъ того, иногда даже принимаютъ на себя обязанность и самыя издѣлія своего производства продавать тѣмъ же торговцамъ по невыгодной для производителя цѣнѣ. Возможные при этомъ обсчеты, недомѣры и недовѣсы также нерѣдко служатъ ко вреду работы.

Въ виду всего этого является весьма желательнымъ пре-

доставленіе покровительствуемому возможности пользоваться болѣе льготными, болѣе справедливыми условіями покупки матеріаловъ и орудій своего производства, для чего учрежденія трудовой помощи могли бы открывать склады и пользоваться посредническими конторами, на подобіе нѣкоторыхъ земствъ, сельскохозяйственныхъ обществъ и товариществъ. При этомъ лицамъ, не имѣющимъ обычной или законной кредитоспособности, долженъ быть предоставленъ на правильныхъ началахъ мелкій кредитъ, предназначенный для начала или поддержанія трудовой жизни. Освобожденный же изъ мѣстъ заключенія и принятый подъ покровительство патроната, какъ только найдетъ себѣ самъ, или при содѣйствіи общества или отдѣльныхъ его членовъ, мѣсто и приложеніе своего труда, неизбѣжно долженъ быть снабженъ орудіями, матеріалами и инструментами для начала новой жизни.

Орудія и инструменты эти въ большинствѣ случаевъ бываютъ столь несложны, просты и недороги, что пріобрѣтеніе ихъ не можетъ ложиться тяжелымъ бременемъ на патронатства; для предупрежденія же неразумнаго или преступнаго распоряженія ими было бы крайне желательно снабжать выдаваемые инструменты и орудія такими внѣшними знаками и условными примѣтами, которые бы нелегко сглаживались или стирались, что̀ можетъ въ значительной степени воспрепятствовать принятію ихъ въ залогъ или за водку, или дешевой скупкѣ ихъ, со стороны пристанодержателей, скупщиковъ и укрывателей какъ порочныхъ элементовъ, такъ и продуктовъ ихъ преступной дѣятельности. Матеріалы же и товары должны выдаваться въ самомъ ограниченномъ количествѣ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы они, съ одной стороны, не могли сдѣлаться предметомъ мѣны и торговли въ рукахъ освобожденныхъ, а съ другой,—чтобы они возможно скорѣе перерабатывались и укрѣпляли связь между освобожденнымъ и покровительствующимъ ему обществомъ; какъ правило, допускающее въ отдѣльныхъ случаяхъ исключенія, можно было бы принять снабженіе освобожденныхъ такими матеріалами и товарами, достаточными для обра-

ботки на время не свыше одной недѣли, въ предупрежденіе легко возможныхъ растратъ и злоупотребленій ввѣренными товарами и матеріалами. Въ случаѣ же необходимости въ повторномъ оказаніи такой помощи, стоимость выдаваемыхъ товаровъ и матеріаловъ должна быть постепенно оплачиваема получающими таковые, дабы выдачи эти постепенно превращались изъ безвозвратныхъ въ условныя ссуды. Вмѣстѣ съ орудіями, матеріалами и инструментами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и товарами, освобожденный долженъ быть снабжаемъ и необходимыми средствами, для поддержанія своего существованія на первое время: пищею и кровомъ въ натурѣ, по возможности избѣгая выдачи ему на руки денегъ, а замѣняя ихъ въ необходимыхъ случаяхъ именными ордерами, талонами или особыми квитанціями и записками, которые не подлежали бы передачѣ въ другія руки и не имѣли бы рыночной цѣны и общаго обращенія.

Независимо отъ всѣхъ названныхъ способовъ оказанія помощи патронатомъ, общества его, чтобы обезпечить трудовой помощи характеръ крупнаго и важнаго дѣла, должны употребить всѣ усилія къ облегченію неимѣющему заработка возможности найти работу, къ направленію его туда, гдѣ въ данное время имѣется большій спросъ на тотъ или иной трудъ, и, наконецъ, къ созданію, когда это оказывается возможнымъ, новыхъ работъ и большаго спроса на нихъ тамъ, гдѣ примѣненіе рабочихъ рукъ полностью не можетъ быть осуществлено, въ силу постоянныхъ условій или временныхъ причинъ, наличнымъ спросомъ на трудъ или на тѣ или другія области его, въ особенности. Даже при весьма значительномъ численномъ увеличеніи своемъ, одни дома трудолюбія могутъ быть не въ силахъ занять всѣ свободныя руки и удовлетворить спросу на трудъ всего количества безработныхъ. Поэтому дома трудолюбія служатъ прежде всего для временнаго предоставленія работъ, и притомъ, преимущественно, для лицъ, нуждающихся въ закрытомъ призрѣніи. Въ интересахъ же другихъ безработныхъ необходимо посредничество въ пріисканіи и доставленіи имъ соотвѣтствующихъ занятій, съ цѣлью уста-

новленія постоянныхъ сношеній съ крупными работодателями и обмѣна требованій. Предоставленіе работы человѣку, въ ней способному и желающему трудиться, но не находящему, по народному изреченію, „муки на свои руки“, является наиболѣе желательнымъ и необходимымъ видомъ помощи; арестантъ, дѣйствительно, исправившійся, озабочиваясь своимъ будущимъ, обыкновенно, желаетъ и стремится лишь получить подходящее занятіе, разсчитывая въ остальномъ на свои собственныя силы.

Однако, такое посредничество въ пріисканіи работы, и въ особенности стремленіе къ тому, чтобы оно было устроено вполнѣ цѣлесообразно, бываетъ нерѣдко чрезвычайно затруднительно, такъ какъ необходимо тщательно изучать и взвѣшивать индивидуальныя особенности работодателя и работника, чтобы работа и работодатель соотвѣтствовали работнику, и обратно. Спеціальная организація учрежденій для пріисканія труда, въ видѣ справочныхъ и рекомендательныхъ конторъ, возникла прежде всего въ Парижѣ, въ царствованіе короля Іоанна Добраго, и носила промышленный характеръ: первоначальною цѣлью ихъ была рекомендація, по установленной таксѣ, кормилицъ, являвшихся въ столицу, чтобы брать на прокормленіе въ деревню грудныхъ дѣтей, а потомъ дѣятельность этихъ конторъ стала распространяться на всякую женскую прислугу. Затѣмъ, въ царствованіе Людовика XIII, лейбъ-медикъ Ренодо получилъ въ 1613 году концессію на устройство посредническаго справочнаго бюро для всѣхъ подданныхъ тогдашняго французскаго королевства по всѣмъ возможнымъ дѣламъ и потребностямъ. При этомъ Ренодо, проникнутый философіей Монтаня, какъ врачъ и генеральный коммиссаръ бѣдныхъ, внесъ въ идею посредничества заботу объ участи тѣхъ, которые, „пріѣхавъ въ Парижъ искать счастья или работы, не находятъ ни того, ни другаго, проживаются, гибнутъ, впадаютъ въ преступленія, или своими болѣзнями заражаютъ воздухъ“. Это справочное бюро сохранилось до конца вѣка, но утратило характеръ монополіи: въ XVIII вѣкѣ рекомендательныя бюро стали размножаться въ Парижѣ, не касаясь

лишь пріисканія работы ремесленникамъ, въ виду существовавшаго цеховаго устройства. По уничтоженіи же цеховъ революціею въ 1789 году, во Франціи еще болѣе развились частныя посредническія конторы, пока законодательство не стало допускать въ разныхъ странахъ союзовъ, ассоціацій рабочихъ и работодателей, которые стали также заниматься посредничествомъ; тогда рабочіе синдикаты, появившіеся во Франціи, на основаніи закона 1884 года, допустившаго свободу ассоціацій для рабочихъ, какъ и подобныя имъ „рабочія палаты" въ Италіи, взяли дѣло пріисканія мѣстъ въ свои руки. Начало этихъ рабочихъ союзовъ положила Англія, trade unions которой, основанныя съ цѣлью взаимопомощи, стараются пріискивать своимъ членамъ мѣста и занятія, собирая черезъ нихъ же по округамъ свѣдѣнія о свободныхъ мѣстахъ, и ежемѣсячно обнародываютъ ихъ, печатая списки работодателей, къ которымъ можно обратиться, или списки ищущихъ работы и назначая въ нѣкоторыхъ случаяхъ вознагражденіе тому изъ своихъ членовъ, кто поставилъ другаго на мѣсто. На подобіе англійскихъ trade unions, въ 60-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія возникли и въ Германіи союзы, усвоившіе и самое ихъ названіе „Gewerkverein", которые на общемъ съѣздѣ 1879 года сдѣлали пріисканіе занятій обязательнымъ для каждаго такого общества. Вскорѣ затѣмъ принятіе заботъ по пріисканію мѣстъ и занятій безработнымъ становится вопросомъ общественнымъ и, выходя изъ рукъ профессіональныхъ обществъ, дѣлается предметомъ попеченія городскихъ управленій, правительственныхъ лицъ и частныхъ обществъ, преслѣдующихъ общеполезныя цѣли. Это произошло впервые въ Германіи, гдѣ вопросъ о пріисканіи мѣстъ и занятій и объ устройствѣ для этой цѣли особаго справочнаго бюро выдвинулся на степень крупнаго экономическаго и административнаго вопроса. Благодаря этому, въ настоящее время справочныя бюро—общественныя и коммунальныя,—между которыми существуетъ тѣсная связь, покрываютъ всю Германію цѣлою сѣтью. Старѣйшее справочное бюро общественнаго характера возникло въ Штутгартѣ съ 1865 года, при участіи нѣсколькихъ мѣстныхъ

ферейновъ, не ограничивавшихся однимъ посредничествомъ, но и оказывавшихъ рабочимъ всякую дѣятельную помощь во время безработицы, снабжая ихъ тогда средствами для переѣзда, помѣщая учениковъ и т. п. До 1894 года, когда въ томъ же городѣ было открыто городское справочное бюро, дѣятельность перваго бюро опредѣляется 513112 нумерами, въ числѣ которыхъ было 246581 требованій работы, 188081 требованій рабочихъ, 70764 лица, которымъ оказана помощь, остальные касались требованія или помѣщенія учениковъ. Въ 1883 году возникло Берлинское центральное общество для пріисканія работы, дѣятельность котораго за 1896 годъ выразилась въ 27465 требованіяхъ работы и 20619 доставленіяхъ ея, противъ 23573 требованій и 17095 доставленій ея въ 1895 году, а по послѣднему отчету заявленій о работѣ въ этотъ ферейнъ поступило 29803. Подъ вліяніемъ Штутгартскаго бюро и по почину „Общества попеченія объ отпущенныхъ на волю заключенныхъ“ возникло такое же бюро, но еще съ болѣе обширною организаціею въ Карлсруэ, сдѣлавшееся вскорѣ существеннымъ для благоденствія жителей учрежденіемъ, безъ котораго городъ не могъ бы обойтись, по словамъ головы этого города Кремера, сказаннымъ имъ на первомъ съѣздѣ представителей справочныхъ бюро 13 сентября 1897 года. Успѣшно дѣйствуетъ такое же бюро въ Кельнѣ, доставившее въ 1897 году 13409 мѣстъ и удовлетворившее этимъ путемъ 74% мужчинъ и 95% женщинъ, обращавшихся къ нему за работою; бюро это получаетъ отъ города пособіе въ размѣрѣ 6600 марокъ и даровое помѣщеніе, стоимостью въ 1400 марокъ. Другой типъ справочныхъ бюро составляютъ городскія бюро, явленіе самаго послѣдняго времени, починъ коихъ также принадлежитъ городу Штутгарту, открывшему 1 апрѣля 1895 года, по предложенію предсѣдателя тамошняго промышленнаго суда (Gewerbegericht), городское безвозмездное справочное бюро при этомъ судѣ, удовлетворившее за 9 мѣсяцевъ своего существованія при 5637 заявленіяхъ со стороны работодателей и 12664 со стороны рабочихъ мужчинъ, 58% первыхъ и 44% вторыхъ; по отношенію къ женщинамъ на 3947 предложеній мѣстъ и 3215

предложеній услугъ удовлетворено 47,5% первыхъ и 85,3% вторыхъ. Примѣру Штутгарта послѣдовалъ немедленно цѣлый рядъ нѣмецкихъ городовъ, и въ числѣ устроенныхъ, такимъ образомъ, бюро одно изъ наиболѣе успѣшныхъ является Мюнхенское, открытое 1 ноября 1895 года [1]). Бюро это дѣйствуетъ совершенно безвозмездно, хотя расходы на него достигаютъ 15576 марокъ. Оно старается удовлетворить желаніе работодателя, то давая ему молодыхъ и самостоятельныхъ рабочихъ, то подходя къ его требованіямъ, въ отношеніи возраста, семейнаго положенія и другихъ индивидуальныхъ особенностей рабочаго. Дѣятельность этого бюро въ 1897 году выразилась въ слѣдующихъ цифрахъ: предложено мѣстъ для мужчинъ 20611, для женщинъ—14115, а всего 34726, изъ коихъ удовлетворено 88,2% первыхъ и 75,6% вторыхъ; просьбъ о мѣстахъ поступило: мужскихъ 26,809 и женскихъ 15935, и изъ нихъ удовлетворено 67,8% первыхъ и 67% вторыхъ. Общая цифра удовлетворенныхъ просьбъ о посредничествѣ составляла въ 1897 году 74,5 всѣхъ просьбъ, сравнительно съ 64,9 въ 1896 году. Столь же успѣшно функціонируетъ бюро при помѣщеніи рабочихъ на мѣста внѣ Мюнхена, такъ какъ оно было главнымъ учрежденіемъ пріисканія работы для всего округа Верхней Баваріи, при чемъ процентъ удовлетворенныхъ предложеній мѣстъ чернорабочихъ, внѣ Мюнхена, былъ гораздо выше процента удовлетворенныхъ предложеній въ самомъ Мюнхенѣ. Оно является, такимъ образомъ, типомъ учрежденія, служащаго интересамъ земледѣлія и занимающагося посредничествомъ, при доставленіи заработка въ деревни Верхней Баваріи, населеніе которой занимается преимущественно земледѣліемъ [2]). По примѣру первыхъ городскихъ бюро пріисканія труда, такія же возникли во всѣхъ значительныхъ городахъ Бадена и Баваріи. Въ Баденѣ во всѣхъ крупныхъ городахъ устроены особыя

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія почерпнуты изъ статьи В. Герье. „О способахъ помощи безработнымъ". „Трудовая Помощь" 1898 года, кн. X.

[2]) „Городское бюро указанія работы въ Мюнхенѣ". Трудовая Помощь 1898 года, кн. 11, стр. 530—532".

„Städtische allgemeine Arbeitsnachweis-Anstalten“, дающія всѣ указанія безплатно. Мѣстныя учрежденія связаны съ центральнымъ „Landesverband“ въ Карлсруэ, куда они посылаютъ ежемѣсячные и ежегодные статистическіе отчеты, печатающіеся затѣмъ въ особомъ общемъ изданіи, а также и—въ журналѣ „Arbeitsmarkt“. Всѣ Баденскія бюро устроены почти по одному типу: они функціонируютъ почти вездѣ отъ 9 до 12 часовъ утра и отъ 2 до 6 часовъ дня; въ каждомъ изъ нихъ имѣются книги, особыя для мужчинъ и для женщинъ, куда записываются лица, предлагающія трудъ и ищущія его, по слѣдующимъ пяти отраслямъ: для женщинъ: 1) сельская работа, 2) ремесла, 3) хозяйственный персоналъ: кухарки, кельнерши и проч., 4) прачки, поденщицы и 5) домашняя прислуга, а для мужскаго рабочаго персонала еще 40 по разнымъ спеціальностямъ: 1) полевая работа, молочное и пчельное хозяйства, 2) садовое и виноградное хозяйства, 3) выдѣлка глиняныхъ издѣлій, кирпичное и изразцовое дѣла, постановка печей, 4) золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, граверы, полировка и выдѣлка металла, бронзировка, никелировка, гальванизація, 5) жестяныя издѣлія, 6) кузнечное дѣло, 7) слесарное дѣло, выдѣлка шкафовъ для кассъ, 8) выдѣлка ножей, иголокъ, булавокъ, проволокъ и проволочныхъ издѣлій, 9) приготовленіе издѣлій изъ желѣза: котловъ и пр. (сюда относятся машинисты, механики и электротехники), 10) работа по устройству роялей, органовъ и пр. музыкальныхъ инструментовъ, выдѣлка часовъ, чертежныхъ и оптическихъ инструментовъ, 11) вагонная работа, выдѣлка экипажей, 12) переплетное, брошюровочное и картонажное дѣла, 13) кожевенное дѣло, 14) выдѣлка сѣделъ и ремней, обойщики и декораторы, 15) столярное дѣло, выдѣлка и полировка мебели и паркета, 16) выдѣлка щетокъ, корзинъ, гребней, палокъ, зонтовъ, мелкихъ деревянныхъ издѣлій; приготовленіе машинъ для такой работы, позолота дерева, 17) бочарное дѣло, 18) рѣзьба по дереву, токарное дѣло, 19) пекарни, 20) кондитеры, рабочіе на сахарныхъ и шеколадныхъ фабрикахъ, 21) мясники и колбасники, 22) выдѣлка солода и пива, 23) портняжное

дѣло, 24) сапожное дѣло, 25) парикмахеры, 26) каменныя работы, 27) плотники, 28) отдѣлка камня и рѣзьба по немъ, 29) стекольщики, 30) столяры и лакировщики, 31) кровельщики и мостовщики улицъ, асфальтовыя и цементныя работы, 32) типографскія работы, 33) фабричный трудъ, 34) торговое прикащичество, 35) посыльные, упаковщики и черныя домашнія работы, 36) кучера, 37) повара, кельнеры, отельная прислуга, 38) землекопы и поденщики, 39) всѣ остальныя профессіи и 40) ученики по всѣмъ спеціальностямъ. Для каждой группы имѣются двѣ разноцвѣтныя тетради: а) предлагающихъ трудъ и б) ищущихъ его. Въ книгахъ первой категоріи—графы: 1) текущій №, 2) мѣсяцъ и день поступленія требованія; 3) имя и фамилія работодателя; 4) родъ занятій; 5) мѣстожительство; 6) число требуемыхъ рабочихъ силъ; 7) особыя побочныя отрасли труда; 8) графа, куда заносится № по другому списку посланнаго на мѣсто рабочаго; 9) число посланныхъ рабочихъ; 10) особыя замѣчанія о требуемой степени опытности рабочаго, о высотѣ заработной платы, о времени, на которое требуется трудъ, и пр. Въ книгахъ для рабочихъ значатся графы: 1) текущій №; 2) мѣсяцъ и день; 3) имя и фамилія рабочаго; 4) его спеціальная профессія; 5) мѣстожительство; 6) подданство; 7) возрастъ (въ годахъ); 8) № по первому списку работодателя, которому посланъ рабочій; 9) свѣдѣніе о поступленіи рабочаго на мѣсто (да, нѣтъ, неизвѣстно); 10) сколько времени былъ безъ работы: а) менѣе одной недѣли; б) 1—4 недѣль; в) 4—8 недѣль; г) 8—13 недѣль; д) болѣе 13 недѣль; е) неизвѣстно или неуказано; 11) особыя замѣчанія о томъ, ученикъ или мастеръ, почему не имѣлось заработка и пр. Каждый рабочій получаетъ изъ бюро особый отпечатанный на красной бумагѣ билетъ, „Anweisung der Städtlichen Arbeitsnachweis“. Билетъ этотъ предъявляется работодателю, который въ одной изъ находящихся въ нижней части его графъ долженъ своего подписью засвидѣтельствовать, что: а) предъявитель билета принятъ; или б) предъявитель не принятъ потому, что не отвѣчаетъ требуемымъ условіямъ, или в) не принятъ, потому что мѣсто

уже занято. Затѣмъ, удостовѣреніе это должно быть немедленно возвращено въ бюро, которое, получивъ его обратно, заноситъ указанныя свѣдѣнія въ соотвѣтствующія книги и графы. Практикуются также, для ускоренія, сношенія съ сосѣдними мѣстностями по телефону. Для обмѣна мыслей по текущимъ вопросамъ ежегодно образуются собранія или съѣзды управляющихъ бюро, а на основаніи закона 1 мая 1898 года сдѣлана централизація въ этомъ дѣлѣ всей Баваріи съ ея 3.000.000 населеніемъ на 1378 квадр. миляхъ [1]). Съѣздъ представителей „Союза Германскихъ бюро указанія работы", засѣдавшій въ Мюнхенѣ 15—27 сентября 1898 г., между прочимъ, призналъ желательнымъ оказаніе бюро посредничества помощи въ обезпеченіи рабочими силами сельскаго хозяйства, для уничтоженія безработицы въ городахъ. Съ этой цѣлью Союзъ рекомендовалъ распространять свою дѣятельность на сельско-хозяйственныя работы, при чемъ временно на эти работы могли бы быть посылаемы и горожане, коимъ для работъ въ городахъ, вообще, должно быть оказываемо предпочтеніе передъ пришлымъ элементомъ; стараться посылать въ деревню лицъ, нѣсколько знающихъ сельско-хозяйственное дѣло, сообщать органамъ печати, въ особенности провинціальной, о переполненіи рабочаго рынка, съ цѣлью удержать поселянъ отъ переселенія въ города и установить правильныя сношенія съ администраціею, сельско-хозяйственными обществами и бюро указанія работы ближайшей мѣстности. Кромѣ того съѣздъ считалъ необходимымъ сообщать два раза въ недѣлю по округамъ о спросѣ и предложеніи рабочей силы и доставлять эти свѣдѣнія черезъ администрацію во всѣ волости и округи, съ тѣмъ, чтобы и волости, еще не включенныя въ раіонъ дѣятельности для указанія работы, сообщали о спросѣ и предложеніи рабочихъ рукъ въ ближайшія бюро [2]).

---

[1]) Трудовая Помощь 1898 г., № 9, стр. 306—308. „Бюро для пріисканія работъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Германіи".

[2]) Первый съѣздъ представителей „Союза Германскихъ бюро указанія работы",—сообщеніе К. Н. Гулькевича. Трудовая Помощь. 1898 г., кн. XII, стр. 615—619.

VI

Эти совѣты могли бы имѣть особенно важное значеніе въ Россіи, въ виду полнаго почти отсутствія организаціи переселенія и отхожихъ промысловъ, для сельско-хозяйственныхъ работъ, въ смыслѣ ихъ упорядоченія, и въ виду того, что благотворительныя бюро по пріисканію труда находятся у насъ еще въ зачаточномъ состояніи и встрѣчаются лишь въ единичныхъ случаяхъ, хотя Комитетъ Попечительства о домахъ трудолюбія, по докладу гофмейстера Танѣева, и призналъ заслуживающею особаго вниманія „ту пользу, которую могло бы принести временно нуждающемуся въ работѣ населенію устройство (независимо отъ открываемыхъ при домахъ трудолюбія отдѣловъ для справокъ, въ числѣ другихъ, вспомогательныхъ къ нимъ учрежденій), особыхъ справочныхъ конторъ, основанныхъ благотворительными обществами или общественными учрежденіями, въ коихъ сосредоточились бы свѣдѣнія о спросѣ и предложеніи на трудъ. Конторы эти, при согласованіи ихъ дѣйствій, могутъ принести существенную пользу, облегчая установленія правильныхъ отношеній между работодателями и рабочими и направляя послѣднихъ въ тѣ мѣста, гдѣ въ нихъ ощущается недостатокъ“ [1]). Въ 1896 году Пречистенское и Хамовническое участковыя въ Москвѣ попечительства о бѣдныхъ открыли посредническія конторы, для пріисканія мѣстъ и занятія лицамъ, нуждающимся въ заработкахъ. Хотя они дѣйствовали успѣшно, но скоро оказалось, что подобныя конторы только тогда могутъ достигать своей цѣли, въ дѣйствительности, если они станутъ учрежденіями городскими и распространятъ свою дѣятельность на всю территорію столицы. Въ виду этого, князь В. М. Голицынъ, по ходатайству городскихъ попечителей, предложилъ г. М. В. Духовскому представить соображенія по поводу организаціи такой посреднической конторы. По этому проекту контора должна служить посредницею между

---

[1]) Трудовая Помощь 1897 г., № 1. Попечительство о домахъ трудолюбія (1895—1897).

нанимателями и ищущими труда и, по мѣрѣ возможности, наводить справки о нравственныхъ качествахъ лицъ, нуждающихся въ заработкѣ, доставляя нанимателю только такихъ рабочихъ, отзывы о которыхъ удовлетворяютъ требованіямъ нанимателей. Контора должна оказывать свое содѣйствіе безплатно, но городскому управленію предоставляется право устанавливать плату съ нанимателей, желающихъ имѣть справки о нравственныхъ качествахъ лицъ, указываемыхъ конторою. Она, по мѣрѣ возможности и средствъ, принимаетъ всѣ мѣры для пріисканія мѣстъ и занятій нуждающимся въ нихъ, не ограничиваясь только однимъ посредничествомъ между ищущими занятія и обращающимися въ контору нанимателями [1]). Въ Москвѣ же, для оздоровленія Хитрова рынка, городскія попечительства 2 и 3 участковъ Мясницкой части, въ связи съ устройствомъ городскихъ ночлежныхъ домовъ для контингента обитателей Хитрова рынка, еще въ 1898 году предположили постройку зданія для „биржъ труда", т. е. безплатныхъ пристанищъ для дневнаго пребыванія рабочаго люда, гдѣ можно было бы продовольствоваться дешевою и здоровою пищею и находиться въ ненастную, холодную пору до пріисканія труда, для чего въ этихъ биржахъ будутъ устроены и конторы для пріисканія труда [2]). Въ Петербургѣ, гдѣ благотворительность городскаго общественнаго управленія до послѣдняго времени ограничивалась за исключеніемъ больничнаго дѣла призрѣніемъ сиротъ и образованіемъ бѣдныхъ дѣтей столицы, 20 марта 1897 года внесенъ былъ въ городскую думу городскимъ головою В. А. Ратьковымъ-Рожновымъ проектъ объ учрежденіи въ Петербургѣ городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ, въ составъ которыхъ должна войти и организація главнаго городскаго бюро, положенія о коихъ очерчены слѣдующимъ образомъ: § 13 п. в.: „обязанности попечительства заключаются . . . . въ изыскиваніи,

---

[1]) „Русскій Листокъ" 1888 г.

[2]) „Русскія Вѣдомости" 1898 г.

во-1-хъ, способовъ помощи бѣднымъ устройствомъ соотвѣтственныхъ благотворительныхъ заведеній и, во-2-хъ, средствъ для доставленія неимущимъ работы и занятій, обезпечивающихъ имъ самостоятельное существованіе, съ каковою цѣлью попечительство должно имѣть постоянныя сношенія съ существующими въ С.-Петербургѣ домами трудолюбія" [1]). Въ 1898 году предположено было также учредить центральное рабочее бюро въ одномъ изъ городовъ Поволжья, въ которыхъ бываетъ наибольшее скопленіе пришлаго рабочаго люда (Самара, Саратовъ, Царицынъ и Астрахань), съ тѣмъ, чтобы въ это бюро поступали со всѣхъ волжскихъ пристаней, изъ главнѣйшихъ станцій приволжскихъ желѣзныхъ дорогъ свѣдѣнія о размѣрѣ урожая, цѣнахъ на рабочія руки, числѣ свободныхъ рабочихъ и требованіяхъ на нихъ. Эти свѣдѣнія бюро будетъ разсылать въ биржевые комитеты, земскія управы, рабочія биржи, пристани и пр., гдѣ рабочимъ, часто безплодно странствующимъ въ поискахъ работы, будутъ сообщаться необходимыя указанія, какія стоятъ цѣны на рабочія руки, гдѣ искать работы и пр. Подобное же бюро устроено, по почину начальника губерніи, въ Уфѣ, въ 1898 году, для пріисканія работъ крестьянамъ и башкирамъ.

Вотъ—въ общихъ чертахъ—почти все, что сдѣлано у насъ обществами и учрежденіями для созданія особыхъ бюро по пріисканію работы. Слѣдуетъ лишь прибавить, что справочныя конторы этого рода имѣются при нѣкоторыхъ домахъ трудолюбія, какъ то: въ Твери, Ельцѣ и др. При такихъ условіяхъ полнаго почти отсутствія у насъ учрежденій этого рода, обществамъ патроната приходится явиться почти первыми піонерами ихъ, но въ виду громадной и, можно сказать, первостепенной важности этихъ бюро, именно для цѣлей патроната, общества его должны немедленно и неуклонно приступить къ организаціи ихъ въ возможно большемъ количествѣ. Теоретически даже желательно было бы открывать при каждомъ патронатствѣ бюро для пріисканія труда, въ которомъ, по возможности, должны собираться и храниться свѣдѣнія о

---

[1]) Трудовая Помощь, № 3, Январь 1898 г., стр. 266.

положеніи рабочаго рынка, о производимыхъ въ данной мѣстности или по близости государственныхъ, общественныхъ и частныхъ крупныхъ работахъ, о рынкахъ и способахъ наиболѣе легкаго и выгоднаго сбыта тѣхъ или иныхъ издѣлій, цѣнахъ на разныя отрасли труда, матеріалы, орудія и товары. Съ этой цѣлью патронатства должны входить въ возможно частыя сношенія какъ съ главнымъ обществомъ патроната, такъ и другъ съ другомъ, а въ особенности—съ ближайшими, сосѣдними бюро, съ городскими и земскими учрежденіями, управленіями разныхъ казенныхъ вѣдомствъ, завѣдывающими казенными подрядами, поставками и работами, съ податной инспекціею, крестьянскими учрежденіями, управленіями желѣзныхъ дорогъ и вообще путей сообщенія, администраціями домовъ трудолюбія и другихъ благотворительныхъ учрежденій, и наконецъ, съ частными лицами, изъ коихъ, по преимуществу, важно содѣйствіе землевладѣльцевъ, могущихъ снабжать полевыми и сельскохозяйственными работами, а также—занимающихся подрядами и поставками. Въ отношеніи организаціи такихъ справочныхъ конторъ и бюро, порядка ихъ дѣйствій и отчетности, дѣлопроизводства и внутренняго устройства, можно было-бы воспользоваться имѣющимся опытомъ баварскихъ или баденскихъ бюро этого рода, съ соотвѣтственными измѣненіями и приспособленіями къ особенностямъ нашей родины, къ числу коихъ относится прежде всего громадность нашихъ разстояній, и принять въ руководство своей дѣятельности порядки, существующіе въ такихъ учрежденіяхъ въ Мюнхенѣ, Штутгартѣ и Гейдельбергѣ, о которыхъ обстоятельно было сказано выше.

Но нельзя при этомъ скрывать отъ себя тѣхъ трудностей и обилія средствъ, которыя потребуются на это дѣло, особенно въ первое время, въ виду совершенной почти новизны его у насъ; поэтому, въ тѣхъ городахъ, гдѣ уже существуютъ подобныя учрежденія, при обществахъ, домахъ трудолюбія и благотворительныхъ учрежденіяхъ, мѣстнымъ патронатствамъ необходимо лишь войти въ тѣсныя и постоянныя сношенія съ этими конторами и бюро и, путемъ нѣкоторыхъ

субсидій на содержаніе ихъ, обезпечить за собою право пользованія обязательными ихъ услугами: въ тѣхъ же городахъ, гдѣ учрежденій по пріисканію труда вовсе нѣтъ, патронатствамъ необходимо войти въ соглашеніе съ существующими мѣстными благотворительными обществами— пособія бѣднымъ разныхъ исповѣданій, городскими и сельскохозяйственными,— чтобы сообща, на общія средства и совмѣстными усиліями положить начало такимъ конторамъ и бюро, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. До того же времени могутъ быть полезны также услуги и содѣйствіе агентовъ по пріисканію труда и посредничеству за извѣстную плату, могущихъ указать какъ нанимателей личныхъ услугъ, такъ и мѣста сбыта разныхъ издѣлій и способствовать полученію и принятію заказовъ отъ разныхъ лицъ и учрежденій. Плата эта должна быть отнесена на средства патронатствъ и подлежитъ лишь постепенному возврату отъ лицъ, получившихъ трудъ и занятіе черезъ такихъ наемныхъ агентовъ или ихъ конторы, дабы воспрепятствовать образованію особаго класса лицъ, которыя могутъ обратить въ промыселъ полученіе отъ патронатствъ денегъ за мнимыя услуги при содѣйствіи самихъ же освобожденныхъ изъ заключенія. Кромѣ того, средства на это могутъ еще получаться и отъ платы, взимаемой отъ нанимателей и работодателей. Тѣ изъ освобожденныхъ, которые не имѣютъ познаній ни въ какомъ ремеслѣ или особыхъ работахъ, требующихъ особой подготовки, могутъ быть съ пользою употребляемы на исполненіе простѣйшихъ работъ, по соглашенію съ мѣстными представителями разныхъ поименованныхъ выше учрежденій—на земляныя, полевыя и сельскохозяйственныя работы, для чистки улицъ и снѣга, для исправленія и мощенія дорогъ, улицъ и площадей, для плетенія корзинъ и лаптей, рубки и пилки лѣса и, наконецъ, для нѣкоторыхъ услугъ и разныхъ другихъ занятій.

Одновременно съ тѣмъ одною изъ существенныхъ и важныхъ заботъ общества должно быть устройство мастерскихъ и ремесленныхъ школъ, для обученія въ нихъ возможно большаго количества освобожденныхъ мастерству или ремеслу, которыя находятъ легчайшій или удобнѣйшій сбытъ въ той

или иной мѣстности въ данное время, съ тѣмъ, чтобы таковыя заведенія, по возможности, сами окупали себя, какъ относительно матеріаловъ и погашенія ихъ, такъ и пріобрѣтенія инструментовъ и ремонта ихъ, а также и найма учителей и мастеровъ. До устройства же патронатствами такихъ мастерскихъ и ремесленныхъ заведеній, было бы полезно помѣщеніе освобожденныхъ, для этой цѣли, въ существующія частныя мастерскія и ремесленныя заведенія, по соглашенію съ содержателями и хозяевами ихъ, съ допущеніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже особой небольшой платы за обученіе. Во время этого обученія, сами заключенные должны получать за свои труды лишь поденную плату, достаточную на удовлетвореніе насущнѣйшихъ только потребностей и соотвѣтствующую, по количеству, приблизительно среднему заработку чернорабочаго въ данной мѣстности. Выборъ ремеслъ и мастерства долженъ зависѣть, конечно, отъ условій мѣстности и времени, относительно спроса и сбыта произведеній, а распредѣленіе отдѣльныхъ лицъ къ обученію того или другаго ремесла или мастерства, должно, сверхъ того, сообразоваться, по возможности, съ желаніями, способностями и силами освобожденныхъ, такъ какъ такой трудъ всегда окажется наиболѣе привлекательнымъ, цѣлесообразнымъ и производительнымъ. Это же положеніе должно быть по тѣмъ же основаніямъ руководящимъ и при подъисканіи, вообще, какого-либо труда для лицъ, отбывшихъ наказаніе. Изучившихъ какое-либо ремесло или мастерство и испытанныхъ въ пріобрѣтеніи необходимѣйшихъ въ каждой отдѣльной области познаній патронатства оставляютъ на мѣстѣ или же направляютъ въ другія мѣста, гдѣ, по имѣющимся у нихъ свѣдѣніямъ, каждый въ отдѣльности освобожденный можетъ найти скорѣйшее и вѣрнѣйшее примѣненіе своего труда къ изученному имъ ремеслу или мастерству, какъ говорено было выше, избѣгая, по возможности, группировки ихъ и собиранія ихъ кучками въ одномъ мѣстѣ. Помѣщеніе освобожденныхъ и устройство ихъ вдали отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они отбыли наказаніе, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ можетъ быть весьма полезнымъ и даже

необходимымъ, но вводить такое положеніе, въ видѣ общаго правила, едва ли было бы всегда полезнымъ и желательнымъ: всякій, по знанію мѣстныхъ условій, обычаевъ и людей, окажется почти всегда болѣе приспособленнымъ къ жизни и работѣ въ своей мѣстности, а его прошлое, въ этомъ случаѣ, не можетъ служить ему большимъ препятствіемъ къ устройству и пріисканію работъ на мѣстѣ, такъ какъ покровительствомъ патронатства будутъ пользоваться не профессіональные преступники, а случайные, и притомъ достаточно ему извѣстные, изученные еще во время заключенія доказавшіе свое раскаяніе и готовность вернуться на путь честнаго заработка, признанные, наконецъ, имъ достойными общественныхъ заботъ и попеченія на этомъ пути, что̀ дастъ уже нѣкоторую презумпцію въ пользу такихъ покровительствуемыхъ лицъ въ глазахъ остальныхъ согражданъ и должно вызвать съ ихъ стороны достаточное довѣріе.

Къ тому же, переселеніе въ мѣста, болѣе или менѣе дальнія отъ родины, должно повлечь громадныя затрудненія, матеріальныя затраты, потрясеніе семейнаго строя переселяемыхъ, а также подвергнуть ихъ тяжкой неизвѣстности и многимъ случайностямъ, при заболѣваніяхъ и иныхъ непредвидѣнныхъ бѣдствіяхъ на новомъ мѣстѣ. Между тѣмъ, въ интересахъ какъ пенитенціарныхъ, такъ и общественныхъ является весьма желательнымъ не только не отторгать освобожденнаго отъ его семейства, но—наоборотъ—стремиться къ возможно большему приближенію его къ семьѣ, къ сліянію съ нею. Въ этомъ отношеніи можно сослаться съ достаточною убѣдительностью, между прочимъ, и на цитированное уже выше изслѣдованіе сенатора, профессора И. Я. Фойницкаго „О женской преступности“, которое, воочію, открываетъ благотворное вліяніе семьи на пониженіе, по крайней мѣрѣ, женской преступности: въ то время, какъ относительный процентъ преступныхъ дѣвицъ достигаетъ 7,9%, а состоящихъ въ бракѣ—8,1%, число это возрастаетъ между вдовами до 31,2% и между разведенными—до 28,9%. На ряду съ этимъ, во многихъ случаяхъ примиреніе освобожденнаго съ семьею и возвращеніе его въ благопріятную

семейную среду часто бываетъ достаточнымъ для обращенія случайнаго преступника и обездоленнаго бродяги въ ряды честныхъ работниковъ. Такимъ образомъ, не удаленіе освобожденнаго отъ родины, во что бы то ни стало,—а съ нею, большею частью, и отъ семьи,—должно входить въ цѣли патроната, а—наоборотъ—поддержаніе этой благотворной связи и даже забота о самой семьѣ освобожденнаго.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НОВЫЙ ТРАКТАТЪ О ГОСУДАРСТВѢ.

По поводу новаго труда Георга Еллинека—Das Recht des modernen Staates. Erster Band. Allgemeine Staatslehre. 1900.

В. В. Ивановскаго.

I.

Современная политическая наука, по мнѣнію нѣкоторыхъ ея представителей, переживаетъ тяжелый кризисъ. Такъ, дижонскій профессоръ Морисъ Десландръ въ одной изъ своихъ статей, помѣщенной въ журналѣ Revue du droit public et de la science politique, прямо говоритъ объ упадкѣ политической науки, ищетъ причины этого печальнаго явленія и предлагаетъ средства къ возрожденію науки. По его мнѣнію, политическая наука, въ современномъ ея видѣ, никого почти не интересуетъ; наибольшее вниманіе современный интеллигентный человѣкъ обращаетъ на вопросы этическіе, религіозные, хозяйственные; вопросы же политическіе его не привлекаютъ, какъ будто бы они были лишены всякаго живаго интереса. Соображенія Десландра во многомъ оказываются справедливыми. Въ самомъ дѣлѣ, политическая ученая литература послѣднихъ десятилѣтій направлена, главнымъ образомъ, на изученіе, систематическое изложеніе и интерпретацію положительнаго права разныхъ странъ, при чемъ даже сравнительному изученію законодательствъ удѣлялось весьма мало вни-

манія; такова политическая литература Франціи, Германіи, Италіи, Англіи и Россіи. Работы по вопросамъ теоретическимъ представляютъ рѣдкое исключеніе; между тѣмъ въ обладаніи науки находится несомнѣнно неисчерпаемый матеріалъ, а съ другой стороны—современная политическая жизнь раскрываетъ предъ нами новыя явленія, ставитъ новые вопросы, требующіе научнаго разрѣшенія; старыя теоріи мало кого уже удовлетворяютъ; если наука не даетъ отвѣтовъ на запросы жизни, то естественно создается отчужденіе отъ нея; люди, не посвященные въ тайны научныхъ методовъ, склонны обвинять науку въ отсталости и даже въ нежизнеспособности. Хотя въ подобнаго рода обвиненіяхъ кроется обыкновенно заблужденіе, обусловливаемое незнаніемъ научныхъ пріемовъ, тѣмъ не менѣе въ затронутомъ нами вопросѣ дѣйствительно значительная доля вины должна падать на представителей науки, не дерзающихъ пользоваться синтетическими пріемами изъ боязни впасть въ ошибку и измѣнить научной истинѣ. Какъ ни похвальна сама по себѣ научная осторожность, все же нельзя вѣчно оставаться при описательномъ методѣ, и попытки примѣненія высшихъ методовъ, ведущихъ къ научнымъ обобщеніямъ и выводамъ, должны все же получить нѣкоторое мѣсто въ работахъ ученыхъ государствовѣдовъ.

Весьма отрадное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ послѣдній солидный трудъ Гейдельбергскаго профессора Георга Еллинека, заглавіе котораго мы выше выписали. Имя Георга Еллинека достаточно извѣстно въ нашей ученой литературѣ, и новый, можно сказать, капитальный трудъ его тѣмъ болѣе привлекаетъ наше вниманіе. Послѣ теоретическихъ работъ Лоренца Штейна названный трудъ Еллинека занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ и не только по тому одному, что онъ всецѣло посвященъ теоріи государственной науки, но и по тѣмъ методологическимъ пріемамъ, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ; въ особенности же замѣчательнымъ слѣдуетъ признать то, что Еллинекъ впервые, можно сказать, строитъ соціологическое ученіе о государствѣ, признавая законность такого ученія на ряду съ юридическимъ

ученіемъ. Такимъ образомъ, если до сихъ поръ Еллинекъ считался однимъ изъ самыхъ выдающихся и ревностныхъ послѣдователей юридическаго направленія въ разработкѣ вопросовъ государственной науки, то теперь, по выходѣ въ свѣтъ его капитальнаго теоретическаго труда, такое мнѣніе о немъ должно считаться уже одностороннимъ, такъ какъ на ряду съ юридическимъ пониманіемъ государства онъ допускаетъ и соціологическое или, какъ онъ выражается, историко-политическое; при этомъ онъ не только допускаетъ такое пониманіе, но и развиваетъ его въ цѣлую систему. Хотя добрая половина названнаго труда посвящена также теоріи государственнаго права, но въ нижеслѣдующемъ изложеніи мы ограничимся разсмотрѣніемъ выводовъ автора, поскольку они касаются лишь соціологическаго пониманія государства.

Выступая съ новыми взглядами на государство, Еллинекъ, по весьма понятной причинѣ, долженъ былъ предварительно установить свою точку зрѣнія; вотъ почему своему общему соціальному ученію о государствѣ, равно какъ и ученію о государственномъ правѣ, онъ предпосылаетъ обширное введеніе, гдѣ знакомитъ насъ со своими взглядами на задачи государственной науки, ея методъ, исторію и отношеніе ея къ другимъ наукамъ.

Основной характерной чертой міровоззрѣнія Еллинека въ отношеніи соціальной жизни служитъ то, что выдающуюся роль въ явленіяхъ этой жизни онъ отводитъ человѣческой волѣ; вотъ почему всѣ соціальныя явленія онъ раздѣляетъ на двѣ категоріи—тѣ, которыя подчиняются руководящей волѣ людей, и тѣ, которыя ей не подчиняются; въ первомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ планомѣрными и цѣлесообразно организованными явленіями; въ послѣднемъ, если элементъ организаціи и не всегда устраняется, то по крайней мѣрѣ организація не покоится на единствѣ воли. Такъ, напримѣръ, языкъ, народное хозяйство, нравы, искусство и многое другое принадлежитъ къ явленіямъ, не руководимымъ волей; напротивъ, государство и другіе общественные союзы являются образцами общественныхъ явленій, подчиненныхъ волѣ. Такимъ образомъ, государственная наука, по мнѣнію Еллинека, имѣетъ

дѣло съ явленіями, направляемыми человѣческой волей. При этомъ надо принять во вниманіе, что воля понимается имъ какъ нѣчто абсолютное и свободное; по крайней мѣрѣ нигдѣ въ книгѣ мы не нашли указаній на то, чтобы воля человѣка опредѣлялась, по мнѣнію Еллинека, какими-либо причинами; такимъ образомъ, авторъ разсматриваемаго труда стоитъ на точкѣ зрѣнія индетерминизма. Правда, эта принципіальная точка зрѣнія не вездѣ выдержана, и Еллинекъ иногда смотритъ на общественныя явленія съ прямо противоположной точки зрѣнія; такъ какъ, однако, стоять на обѣихъ точкахъ зрѣнія въ одно и то же время невозможно, то поэтому мы и находимъ у него стремленіе примирить эти противоположности.

Общая наука о государствѣ распадается на двѣ части: на соціальную науку о государствѣ и на государственное право; первая изучаетъ государство, какъ общественное явленіе; послѣдняя изучаетъ его съ юридической стороны. Такое раздѣленіе науки надо признать весьма правильнымъ и цѣннымъ; оно свидѣтельствуетъ въ то же время, что Еллинекъ не можетъ быть обвиненъ въ одностороннемъ взглядѣ на государство. Весьма правильнымъ слѣдуетъ признать также и то заявленіе автора, что государственное право, изолируя юридическую сторону государства, должно все же исходить изъ принциповъ, покоящихся на всесторонней природѣ государства. Такимъ образомъ, Еллинекъ, повидимому, выражаетъ ту мысль, что юридическое пониманіе государства не должно противорѣчить соціологическому, или, по крайней мѣрѣ, должно находиться къ нему въ соотвѣтственномъ отношеніи. Установляя, далѣе, принципіальное различіе между обѣими науками, авторъ находитъ, что государственное право, какъ наука, имѣетъ объектомъ своего изученія юридическія нормы, которыя должны найти свое проявленіе въ реальномъ бытіи государства. Самыя нормы не всегда представляютъ собою нѣчто дѣйствительное, но иногда лишь желательное и долженствующее осуществиться; въ этомъ отношеніи право приближается къ политикѣ, отличаясь отъ нея, однако, своимъ обязательнымъ характеромъ, благодаря чему, до извѣстной

степени могутъ быть опредѣлены и результаты правоваго воздѣйствія; политическія нормы признаются, напротивъ, въ силу лишь свободнаго убѣжденія и по своему содержанію могутъ быть весьма разнообразными. Соціальная наука о государствѣ изучаетъ послѣднее, какъ естественное явленіе; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ и юридическая сторона государства съ ея нормами должна быть разсматриваема, какъ естественное явленіе. Кстати здѣсь замѣтимъ, что юридическія нормы, поскольку онѣ являются нормами права публичнаго, несомнѣнно касаются всѣхъ тѣхъ сторонъ государства, которыя должны изучаться въ соціальной наукѣ о государствѣ; таковы вопросы объ организаціи государственной власти, о суверенитетѣ, о государственномъ устройствѣ и управленіи и проч. Всѣ эти вопросы дѣйствительно мы находимъ у Еллинека въ его государственномъ правѣ; но непонятнымъ представляется то обстоятельство, что въ его соціальномъ ученіи о государствѣ этихъ вопросовъ онъ вовсе не касается; такимъ образомъ, каковъ соціологическій характеръ государственной власти, суверенитета, государственныхъ органовъ, мы не узнаемъ, а встрѣчаемъ по этому поводу лишь попутно нѣкоторыя замѣчанія весьма общаго характера. Съ другой стороны, въ соціальномъ ученіи о государствѣ авторъ трактуетъ о такихъ вопросахъ, разсмотрѣніе которыхъ было бы, повидимому, болѣе умѣстно въ государственномъ правѣ; таково ученіе о разумныхъ основаніяхъ государства, ученіе о цѣляхъ государства. При такомъ распредѣленіи вопросовъ между двумя указанными научными областями изложеніе довольно много проигрываетъ, и читатель не находитъ въ соціальномъ ученіи о государствѣ того, что̀ его наиболѣе можетъ интересовать.

Установляя свои принципіальные взгляды на науку, авторъ не обходитъ молчаніемъ и того, что̀ называется политикой. Подъ именемъ политики онъ разумѣетъ практическую науку о достиженіи опредѣленныхъ государственныхъ цѣлей, разсматривающую государственныя явленія съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности. Говоря другими словами, политика есть наука о государственномъ искусствѣ. Хотя основная задача

политики—отысканіе цѣлесообразныхъ мѣръ для будущаго, однако она можетъ обсуждать съ точки зрѣнія цѣлесообразности также явленія настоящей и прошедшей жизни, въ видахъ извлеченія полезныхъ указаній для будущаго. Конечно, признаніе политики наукой, хотя бы и въ томъ случаѣ, когда она изучаетъ прошедшее, возможно лишь условно: истинная наука не преслѣдуетъ никакихъ практическихъ и житейскихъ цѣлей; ея задача—познаніе міровыхъ явленій по началу причинности, внѣ какихъ бы то ни было цѣлей; поэтому трудно согласиться съ Еллинекомъ, когда онъ утверждаетъ, что теоретическая наука о государствѣ не можетъ обходиться безъ практической, т. е. безъ политики, такъ какъ въ этомъ случаѣ она превращается будто бы въ чистую схоластику. Это утвержденіе постольку же невѣрно, поскольку было бы невѣрно утвержденіе, что физика не можетъ существовать безъ механики, анатомія и физіологія безъ медицины, геометрія безъ строительнаго искусства и т. д. Соціальныя теоретическія науки изучаютъ явленія, а не понятія, не имѣющія ничего общаго съ жизнью, и потому, даже и не будучи связаны съ политикой, онѣ не превращаются въ схоластику. Скорѣе слѣдуетъ допустить, что политика должна основываться на теоріи для того, чтобы получить сколько-нибудь научный характеръ.

Исходя изъ того неоспоримаго положенія, что достовѣрная исторія занимаетъ сравнительно небольшой періодъ времени и что возникновеніе государствъ и ихъ первоначальная исторія навсегда сокрыты отъ любопытнаго взора науки, Еллинекъ приходитъ къ тому положенію, что предметомъ государственной науки должны быть только современныя цивилизованныя государства; древнія восточныя государства, а равно нецивилизованныя государства нашего времени, находящіяся въ Америкѣ, Африкѣ и Австраліи (и Азіи?), не должны служить предметомъ изученія для государственной науки; они могутъ приниматься во вниманіе лишь постольку, поскольку могутъ служить для уясненія современныхъ явленій. Съ такими взглядами излагаемаго автора трудно согласиться; если еще въ государственномъ правѣ позволитель-

но было бы ограничиваться современными цивилизованными государствами, то въ общей наукѣ о государствѣ это уже рѣшительно недопустимо; изученіе государственной жизни нецивилизованныхъ народовъ нашего времени вполнѣ возможно и въ дѣйствительности производится; оно именно даетъ возможность какъ бы проникнуть въ глубину вѣковъ, свѣдѣнія о которыхъ до насъ не дошли, такъ какъ несомнѣнно и цивилизованные народы въ свое время стояли на такой же низкой ступени культуры, какъ и современные дикари. При изученіи только современныхъ цивилизованныхъ государствъ, никогда не можетъ быть построена наука о государствѣ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ эволюціонной теоріи.

Значительное вниманіе Еллинекъ обращаетъ на вопросы методологіи. Прежде всего онъ старается установить различіе между соціологическими и натуралистическими изысканіями. Естественныя явленія, говоритъ онъ, отличаются отъ соціальныхъ тѣмъ, что въ нихъ результаты дѣйствія общихъ законовъ могутъ быть констатированы въ каждомъ отдѣльномъ явленіи, которыя, такимъ образомъ, служатъ представителями цѣлаго рода явленій. Относительно соціальныхъ явленій этого, по мнѣнію автора, сказать нельзя; хотя и много, говоритъ онъ, установлено соціальныхъ законовъ, но всѣ они неточны, и это объясняется тѣмъ, что въ соціальныхъ явленіяхъ преобладаетъ индивидуальное начало, которое безконечно разнообразно; напротивъ, въ области естественныхъ явленій мы находимъ силы однородныя, что̀ и даетъ возможность точнаго ихъ изученія. Такимъ образомъ, по мнѣнію Еллинека, соціальный міръ представляетъ собою нѣчто совершенно и принципіально отличное отъ міра физическаго; въ немъ господствуетъ индивидуальное, слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи объ общихъ законахъ. Странно какъ-то слышать подобное заявленіе отъ выдающагося ученаго и въ особенности послѣ всего того, что̀ сдѣлано въ отношеніи уясненія зависимости человѣческихъ дѣяній отъ внѣшнихъ причинъ; стремясь къ отысканію правильныхъ научныхъ методовъ, авторъ въ своихъ сужденіяхъ

самъ допускаетъ методологическія ошибки, сравнивая между собою величины несоизмѣримыя; въ отношеніи естественныхъ явленій онъ говоритъ объ однородности силъ, въ отношеніи соціальныхъ о разнообразіи индивидуальностей; но вѣдь и въ области естественныхъ явленій также имѣются въ безчисленномъ количествѣ индивидуальности, и также каждая индивидуальность не похожа на другую; это не мѣшаетъ существованію здѣсь закономѣрности; съ другой стороны, развѣ возможно отрицать наличность тѣхъ или другихъ силъ въ области явленій соціальныхъ. Разница между явленіями той и другой категоріи не принципіальная, какъ думаетъ Еллинекъ, но обусловливается лишь большею сложностью явленій соціальной жизни, сравнительно съ явленіями жизни физической. Только отсутствіе надлежащихъ методовъ не даетъ возможности познавать въ индивидахъ общее постольку же, поскольку оно познается въ остальной физической природѣ. Если далѣе авторъ разсматриваемаго труда заявляетъ, что ни одно соціальное явленіе не служитъ представителемъ рода, но всегда есть нѣчто существующее одинъ разъ, нѣчто не повторяющееся, то для всякаго очевидно, что онъ впадаетъ въ заблужденіе; каждое соціальное явленіе, по опредѣленнымъ своимъ признакамъ, является представителемъ родоваго соціальнаго явленія; такъ, есть индивидуальныя явленія религіознаго, юридическаго, хозяйственнаго характера, и мы не затруднимся каждое изъ нихъ отнести къ надлежащему родовому явленію; соціальныя явленія такъ же постоянно повторяются, какъ и физическія; такъ, лица, исповѣдующія одну религію, всегда одинаковымъ образомъ, т. е. по правиламъ своей вѣры, совершаютъ богослуженіе; лица другой вѣры прибѣгаютъ къ другимъ пріемамъ, но всегда къ однимъ и тѣмъ же; такъ же и во всѣхъ другихъ областяхъ соціальной жизни. Если Еллинекъ хочетъ подтвердить свое мнѣніе тѣмъ, что въ повторяемости соціальныхъ явленій нѣтъ тождества, которое будто бы имѣется въ повторяемости явленій физической жизни, то и въ этомъ онъ заблуждается; соціальная жизнь въ этомъ отношеніи не отличается отъ физической, такъ какъ и въ этой послѣдней нѣтъ тождества въ

повторяемости явленій, какъ нѣтъ его и вообще въ природѣ. Безпрерывно повторяются дни и ночи, времена года, различныя атмосферическія явленія и масса другихъ физическихъ явленій, но никогда ни одно изъ нихъ не бываетъ тождественно съ другимъ; если же и говорятъ о тождественности физическихъ явленій, то только благодаря поверхностному наблюденію, дозволяющему схватить только наиболѣе общіе одинаковые признаки явленія и не открывающему признаковъ отличныхъ, индивидуальныхъ. Эти индивидуальные признаки въ физическихъ явленіяхъ бываютъ часто настолько трудно распознаваемы, что игнорируются даже при производствѣ опытовъ; явленія считаются тождественными, хотя на самомъ дѣлѣ они только однородны. Повторяемъ, вся разница лишь въ томъ, что соціальныя явленія представляются, повидимому, болѣе сложными сравнительно съ физическими, что̀ не даетъ еще права установлять между ними принципіальную разницу, состоящую въ томъ, что въ естественныхъ явленіяхъ господствуетъ, будто бы, начало однородности и даже тождества, въ соціальныхъ—начало индивидуальности и разнообразія.

Въ видахъ изученія, соціальныя явленія должны быть изолируемы; такъ, юристъ изучаетъ право и правовыя явленія, подводя ихъ подъ опредѣленные типы. Юридическій характеръ сдѣлки купли-продажи, говоритъ Еллинекъ, имѣетъ одни и тѣ же юридическіе признаки, но въ другихъ отношеніяхъ, напр. въ хозяйственномъ, статистическомъ и проч., каждая изъ такихъ сдѣлокъ представляетъ большое разнообразіе. Равнымъ образомъ, и для изученія такого сложнаго явленія, какъ государство, надо его изолировать; но въ чемъ должна проявляться изоляція государства и какъ она можетъ быть осуществлена, объ этомъ авторъ не даетъ намъ надлежащихъ разъясненій. Онъ заявлетъ только, что должны быть установлены типическіе элементы и ихъ отношенія въ государственныхъ явленіяхъ, при чемъ типы могутъ быть или идеальными—совершенными и недостижимыми, или средними, возникающими путемъ сравненія явленій по ихъ общимъ признакамъ; задача науки

въ томъ именно и заключается, чтобы отыскивать средніе типы государственныхъ отношеній путемъ сравненія и индукціи, но при этомъ въ область сравненія надо вводить лишь соотвѣтствующія явленія въ государствахъ, стоящихъ на одинаковой ступени развитія и имѣющихъ общія историческія и соціальныя основы. Такъ какъ типы государствъ и государственныхъ явленій развиваются въ исторіи, то слѣдуетъ различать типы развитія и типы сосуществующихъ явленій. Первые изучаются при помощи историческаго метода, который, по мнѣнію автора, долженъ захватывать соціальныя явленія лишь постольку, поскольку между ними можетъ быть указана преемственная связь, поскольку, слѣдовательно, можетъ быть прослѣжено развитіе явленія. Если учрежденіе перестало удовлетворять той цѣли, ради которой оно возникло и существовало, если его дѣятельность направилась на достиженіе совершенно другихъ цѣлей, то по этому можно судить, что развитіе учрежденія прекратилось; наступили видоизмѣненія учрежденія, не относящіяся уже къ понятію эволюціи. Это объясняется, по мнѣнію автора, тѣмъ, что никакое учрежденіе не можетъ возникнуть безъ участія планомѣрной и сознательной воли людей, всегда предполагающей опредѣленную цѣль. Авторъ забываетъ, однако, о томъ, что сама-то сознательная и волевая дѣятельность людей есть нѣчто закономѣрное, чуждое произвола, что̀ и подтверждается существованіемъ у разныхъ народовъ, стоящихъ въ одинаковыхъ условіяхъ развитія, одинаковыхъ учрежденій. Впрочемъ, авторъ, повидимому, склоненъ допустить это, такъ какъ и самъ утверждаетъ, что и изъ сознательныхъ цѣлей возникаютъ часто безсознательные результаты, которыхъ невозможно предусмотрѣть. Въ какомъ направленіи должно происходить изученіе соотвѣтствующихъ типовъ, Еллинекъ не разъясняетъ. Такимъ образомъ, ученіе о методѣ для изученія спеціальныхъ, и въ частности государственныхъ, явленій заставляетъ желать очень многаго; при всей претензіи на новизну, оно ничего новаго въ эту важную научную область не вноситъ, такъ какъ общія положенія о томъ, что соціальныя явленія должны изучаться пу-

темъ сравнительно - историческимъ, можно найти въ любомъ учебникѣ.

Не лучше дѣло обстоитъ и съ юридическимъ методомъ. Юридическій методъ, говоритъ Еллинекъ, служитъ къ установленію положеній науки государственнаго права въ видахъ развитія содержанія юридическихъ нормъ.

Государственное право есть наука о нормахъ, чѣмъ она строго различается отъ соціальной науки о государствѣ, имѣющей дѣло съ бытіемъ государства какъ явленія. Право, какъ соціальная функція, относится къ соціологическому ученію о государствѣ, догматическое же содержаніе юридическихъ нормъ раскрывается при помощи юридическаго метода—метода абстрактнаго и дедуктивнаго.

Исторія развитія государственной науки изложена слишкомъ сжато, съ указаніемъ лишь главнѣйшихъ направленій. Къ новѣйшему соціологическому направленію авторъ относится отрицательно.

Еллинекъ весьма подробно говоритъ объ отношеніяхъ государственной науки къ другимъ наукамъ, установляя между ними тѣсную связь и находя, что государственная наука, въ видахъ всесторонняго пониманія государства, должна многое заимствовать изъ наукъ негосударственныхъ. Самостоятельная сторона государства заключается въ разнообразныхъ отношеніяхъ господства, изученіе которыхъ и составляетъ задачу государственной науки; послѣдняя ищетъ въ такомъ отношеніи господства покоящуюся въ немъ юридическую мысль; но государство имѣетъ и другія стороны—этическую, хозяйственную, психическую и т. д., всѣ онѣ изучаются также особыми самостоятельными науками, способными во многомъ и разносторонне выяснить государственныя отношенія и ихъ значеніе въ жизни, самое же понятіе объ этихъ отношеніяхъ можетъ быть установлено только путемъ изолированнаго изученія этихъ отношеній. Государственная наука заимствуетъ указанія изъ физической и политической географіи и этнографіи, физической антропологіи, этнологіи, психологіи и соціологіи. Болѣе подробно разсматриваются отношенія между госу-

дарственной наукой и другими соціальными науками, при чемъ предварительно установляется понятіе объ обществѣ, излагается это понятіе въ томъ видѣ, какъ развивалось, начиная съ Платона и Аристотеля, до нашихъ дней; этотъ, хотя и довольно бѣглый, очеркъ надо признать весьма цѣннымъ, такъ какъ въ немъ сгруппированы и поставлены въ преемственную связь всѣ разнообразныя понятія объ обществѣ, поскольку они выразились въ ученой литературѣ. Авторъ даетъ и свое опредѣленіе общества, не представляющее, впрочемъ, ничего новаго, но въ то же время совершенно правильное. Общество—это совокупность лицъ, связанныхъ какою-либо связью; съ этой точки зрѣнія понятіе общества совпадаетъ съ понятіемъ государства, или, лучше сказать, съ этой точки зрѣнія государство является обществомъ; но общество можетъ быть понимаемо и какъ противоположность государству; здѣсь Еллинекъ становится на точку зрѣнія тѣхъ писателей, которые признаютъ общественную борьбу изъ-за политическаго господства.

II.

Вторая книга разсматриваемаго труда посвящена общему соціальному ученію о государствѣ. Мы уже выше замѣтили, что это ученіе автора не оправдываетъ ожиданій. Вмѣсто того, чтобы дать возможныя объясненія государственныхъ явленій, поскольку они опредѣляются не правомъ, но всей совокупностью условій жизни, поскольку самое право является результатомъ тѣхъ же условій, Еллинекъ находитъ нужнымъ трактовать о сущности государства, о его разумныхъ основаніяхъ и цѣляхъ и т. п. Весьма непонятнымъ представляется, между прочимъ, его стремленіе и здѣсь, въ соціальномъ ученіи, прибѣгать къ юридической точкѣ зрѣнія; повидимому, этотъ способъ разсмотрѣнія предмета слѣдовало всецѣло приберечь для государственнаго права.

Въ видахъ уясненія природы государства Еллинекъ излагаетъ различныя теоріи о государствѣ, подраздѣляя ихъ на

слѣдующія три категоріи: 1) теоріи объ объективной природѣ государства; 2) теоріи о субъективной его природѣ и 3) юридическія теоріи. Авторъ разсматриваетъ каждую теорію и дѣлаетъ ихъ оцѣнку. Въ отношеніи теорій объ объективной природѣ государства онъ высказываетъ прежде всего ту мысль, что объективное познаніе государства невозможно, что всегда привходитъ элементъ субъективности. Противъ такого заявленія никто, конечно, спорить не будетъ, и въ этомъ отношеніи не только государство, но и все въ мірѣ субъективно. О такой субъективности можно было бы, однако, и не упоминать, такъ какъ она разумѣется сама собою; но есть объективное и въ предѣлахъ человѣческой субъективности; то, что̀ есть продуктъ исключительно нашего сознанія, можетъ быть названо субъективнымъ, что̀ лежитъ внѣ насъ, хотя бы и подвергаясь нашей субъективной оцѣнкѣ, получаетъ значеніе объективнаго. Что природу вещей въ нихъ самихъ мы не знаемъ и знать не можемъ, такъ какъ для этого требовалось бы перестать быть людьми, это, конечно, извѣстно всякому, и всякій знаетъ, что если есть на землѣ наука, то наука человѣческая и въ этомъ смыслѣ субъективная; слѣдовательно, говорить объ объективномъ можно только въ предѣлахъ человѣческой субъективности; все это не мѣшаетъ существованію наукъ, открывающихъ законы міровыхъ явленій, не мѣшаетъ существованію доказанныхъ (опять же людьми) научныхъ положеній въ смыслѣ объективной человѣческой истины, не мѣшаетъ познавать, изъ чего состоитъ вода, воздухъ, чѣмъ обусловливается горѣніе, какъ дѣйствуетъ электричество, и т. п. Почему же соціальныя явленія не могутъ быть объективными въ томъ же смыслѣ? Еллинекъ думаетъ, что множество или совокупность предметовъ или явленій мы можемъ представить какъ единство только путемъ субъективнаго синтеза, которому не будутъ соотвѣтствовать реальныя явленія. Дѣлаемыя нами обобщенія многихъ явленій въ единства представляютъ собою конечно абстракціи, поскольку онѣ являются состояніями нашего ума или результатомъ нашей психической дѣятельности; но изъ того, что въ силу несовершенства нашей психики мы не въ со-

стояніи представлять сложныя явленія иначе, какъ путемъ субъективнаго синтеза, еще не слѣдуетъ, чтобы эти явленія не представляли и не могли бы представлять реальнаго единства.

Къ теоріямъ объ объективной природѣ государства Еллинекъ относитъ слѣдующія: 1) теорію, считающую государство фактомъ; 2) теорію, считающую государство состояніемъ господства; 3) теорію, отождествляющую государство съ однимъ изъ его элементовъ. Первая теорія недостаточна въ силу ея неопредѣленности, такъ какъ она не объясняетъ, къ какого же рода фактамъ принадлежитъ государство. Теорія, признающая государство состояніемъ господства, забываетъ, по мнѣнію Еллинека, то обстоятельство, что такое состояніе господства, въ сущности, есть не что иное, какъ совокупность волевыхъ отношеній, которыя никогда не могутъ быть чѣмъ-либо только объективнымъ, что это господство не есть что-либо конкретное, но абстракція отъ множества индивидуальныхъ волевыхъ отношеній; взглядъ Еллинека едва ли можно признать вполнѣ правильнымъ; государство, понимаемое въ смыслѣ состоянія господства, все же немыслимо внѣ такихъ объективныхъ данныхъ, какими являются народъ и территорія; кромѣ того, и самое отношеніе господства, хотя бы оно и было совокупностью волеизъявленій, все же есть нѣчто реальное, дѣйствительное; единство въ отношеніи господства заключается въ томъ, что всѣ индивиды даннаго государства подчиняются одной власти; такое подчиненіе опять же не есть абстракція, такъ какъ выражается въ цѣлой массѣ конкретныхъ явленій; если, въ силу недостатка нашей чувственной стороны, мы не имѣемъ возможности воспринимать впечатлѣніе о сложныхъ явленіяхъ, какъ конкретныхъ, или, по крайней мѣрѣ, реальныхъ единствахъ, то отсюда, повторяемъ, не слѣдуетъ, чтобы въ природѣ и дѣйствительно такихъ единствъ не существовало; по крайней мѣрѣ, мы не имѣемъ права отрицать возможность существованія такихъ единствъ; на помощь недостаточности нашихъ чувствъ приходитъ разумъ и путемъ субъективнаго синтеза, т. е. уже безъ помощи чувственной стороны, объ-

единяетъ многообразіе въ единство. Эта абстракція будетъ состояніемъ нашего ума, соотвѣтствующимъ чувственно не познаваемой, или не вполнѣ познаваемой, объективной дѣйствительности. Такая абстракція тѣмъ болѣе понятна, что и вполнѣ конкретныя, т. е. чувственно познаваемыя, реальности складываются въ нашемъ умѣ какъ абстракціи; такъ, если мы видимъ лѣсъ, рѣку и т. п. предметы, то понимаемъ ихъ какъ единства.

По поводу теоріи, отождествляющей государство съ однимъ изъ его органовъ, съ народомъ или съ правительствомъ, Еллинекъ заявляетъ, что эта теорія имѣла и имѣетъ широкое распространеніе съ древнѣйшихъ временъ и до настоящаго времени; въ послѣднее время на ней основано понятіе народнаго суверенитета. Теорія эта, по мнѣнію Еллинека, страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ, что и предшествующая; она смѣшиваетъ совокупность индивидовъ съ народомъ; но такая совокупность дѣлается народомъ, по его мнѣнію, только благодаря объединяющей ее организаціи; организація же возможна только въ силу признанныхъ положеній о юридическомъ волеобразованіи совокупности индивидовъ; только благодаря этому совокупность получаетъ характеръ единства. Такимъ образомъ, Еллинекъ не хочетъ допустить реальнаго единства нѣкоторой совокупности явленій или предметовъ. Народъ, по его мнѣнію, не есть реальность, а только юридическое понятіе; народъ заключаетъ въ себѣ не только живущихъ, но и вновь рождающихся, поэтому онъ непрерывенъ; Еллинекъ придаетъ слишкомъ узкое толкованіе понятію реальнаго; все, что не поддается грубому чувственному воспріятію, то, по его мнѣнію, не составляетъ уже реальности.

Съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ съ этой точки зрѣнія, пожалуй, не останется ничего реальнаго; вполнѣ конкретные предметы состоятъ, въ сущности, изъ безчисленнаго множества частицъ, отношенія между которыми трудно уловимы и во всякомъ случаѣ не поддаются чувственному воспріятію; правда, они тѣсно связаны и потому производятъ на насъ впечатлѣніе единства; однако, связь можетъ

и не быть такой тѣсной; такъ, лѣсъ мы представляемъ также какъ одно цѣлое и изъ того, что элементы въ этомъ случаѣ связаны между собою не столь уже тѣсно, какъ въ предшествующемъ случаѣ, мы не имѣемъ права сказать, чтобы въ этомъ второмъ случаѣ предъ нами была уже не реальность, но абстракція, не имѣющая ничего соотвѣтствующаго въ дѣйствительности; наконецъ, народъ, въ которомъ связь между членами представляется еще менѣе тѣсной, отъ этого не перестаетъ быть реальностью и единствомъ. Вся разница въ степени и характерѣ связи, а не въ томъ, что одни явленія реальны, другія абстрактны. Конечно, есть и вполнѣ абстрактныя понятія, которымъ нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ дѣйствительности; такъ, народная воля есть абстракція, такъ какъ мы знаемъ только индивидуальную волю и не можемъ даже мысленно представить такую волю, какъ нѣчто реальное; точно также всѣ родовыя понятія абстрактны, хотя бы они относились къ конкретнымъ явленіямъ; такимъ образомъ, понятіе народа вообще есть абстракція, но понятіе даннаго народа соотвѣтствуетъ реальному явленію. Каждый индивидуумъ даннаго народа связанъ съ цѣлымъ сознаніемъ своей принадлежности къ народу, или, если дѣло идетъ о государствѣ, то связанъ сознаніемъ своей подчиненности той же самой власти, которой подчинены и всѣ прочіе члены народа. Такимъ образомъ, психологическій моментъ сознанія индивидовъ о принадлежности ихъ къ опредѣленной общественной группѣ и дѣлаетъ эту группу единствомъ. Кромѣ того, сюда привходятъ и нѣкоторые другіе связующіе элементы, болѣе внѣшняго характера, въ видѣ, напримѣръ, однообразной для всѣхъ и каждаго политической и административной организаціи. Еллинекъ совершенно правильно заявляетъ, что изъ многихъ волеизъявленій не можетъ образоваться одна реальная воля; казалось бы, въ соціальномъ ученіи о государствѣ, гдѣ оно изучается какъ явленіе, на этомъ и можно было бы остановиться, но, по странному смѣшенію методовъ, Еллинекъ вмѣсто реальной воли ставитъ юридическую, подъ именемъ которой можно разумѣть все, что угодно. Въ со-

ціальномъ ученіи вовсе и не должно быть рѣчи объ общей волѣ и нѣтъ надобности ставить вмѣсто нея вымышленную волю, т. е. юридическую; въ государствѣ можетъ проявляться вполнѣ реальная воля индивидовъ; единство воли многихъ можетъ быть понимаемо лишь въ отношеніи содержанія или направленія воли въ томъ именно случаѣ, когда такое содержаніе воли является однороднымъ.

Оспаривая реалистическую теорію Зейделя, Еллинекъ прибѣгаетъ къ тѣмъ же пріемамъ, утверждая, что господствующій правитель есть юридическая абстракція, но не реальность, такъ какъ, еслибы правитель былъ реальностью, то съ его смертью должно было бы погибнуть и государство. Однако, изъ того, что организація власти измѣняется, одни органы замѣняются другими, еще не слѣдуетъ, чтобы эта организація была абстракціей; не надо забывать, что реальныя явленія могутъ находиться въ состояніи динамики.

Переходя къ обзору теорій о субъективной природѣ государства, Еллинекъ останавливается прежде всего на органической теоріи и однимъ изъ существенныхъ недостатковъ считаетъ отсутствіе твердаго и точнаго понятія организма. Лучше всего, по его мнѣнію, понятіе организма опредѣляется цѣлью; цѣлесообразность опредѣляетъ связь частей въ организмѣ и отношеніе этихъ частей къ цѣлому, и наоборотъ. Такъ какъ цѣлесообразность есть понятіе человѣческое, то оно, по нашему мнѣнію, и не можетъ опредѣлять природу организма, развивающагося внѣ всякаго вліянія со стороны человѣка; притомъ же люди находятъ множество примѣровъ цѣлесообразности и въ явленіяхъ физико-химическихъ, такъ что съ точки зрѣнія Еллинека и физико-химическія, или даже просто физическія, явленія пришлось бы считать органическими. Вопросъ о томъ, какъ можно понимать слово организмъ, въ особенности по отношенію къ человѣческимъ обществамъ, разрабатывался въ особенности французскими учеными, на которыхъ авторъ почему-то не дѣлаетъ никакихъ ссылокъ.

Теорія о государствѣ, какъ коллективномъ единствѣ, опровергается Еллинекомъ при помощи того же самаго пріема,

т. е. путемъ утвержденія, что коллективное единство есть абстракція. Такимъ образомъ, изъ разсмотрѣнія различныхъ не-юридическихъ теорій Еллинекъ приходитъ къ выводу, что на основаніи ихъ не можетъ быть объяснено государственное единство; эта послѣдняя цѣль достигается только при помощи юридической теоріи; по этому поводу онъ разсматриваетъ различныя юридическія теоріи, давая предварительно характеристику юридическаго пониманія государства.

Субстратомъ для юридическихъ понятій, говоритъ Еллинекъ, служатъ объективныя соціальныя явленія, отражающіяся во внутреннемъ мірѣ человѣка; право всегда должно исходить изъ реальныхъ фактовъ, такъ какъ оно имѣетъ цѣлью быть примѣненнымъ къ реальнымъ фактамъ; но юридическія понятія не есть факты, а лишь абстракціи, выводимыя изъ опредѣленныхъ юридическихъ нормъ, имѣющія цѣлью упорядоченіе многообразія нормъ путемъ подведенія ихъ подъ опредѣленныя категоріи. Юридическимъ понятіямъ, продолжаетъ Еллинекъ, не соотвѣтствуетъ ничего реальнаго внѣ насъ. Юридическое изученіе государства заключается не въ познаваніи его реальнаго бытія, но имѣетъ задачей установить понятіе, въ которомъ объединялись бы всѣ юридическіе признаки государства. Такъ какъ предметомъ изученія соціальной науки о государствѣ служитъ, конечно, реальное бытіе государства, то и непонятно, почему Еллинекъ даетъ въ своемъ соціальномъ ученіи о государствѣ такъ много мѣста вопросу о юридическомъ пониманіи государства. Не отрицая возможности и законности юридическаго пониманія, мы полагаемъ, однако, что наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для развитія такого пониманія должно быть государственное право.

Съ юридической точки зрѣнія государство можетъ быть разсматриваемо въ троякомъ направленіи: какъ объектъ права, какъ юридическое отношеніе и какъ субъектъ права. Пониманіе государства, въ качествѣ объекта права, не выдерживаетъ, по мнѣнію Еллинека, критики, такъ какъ каждый объектъ долженъ имѣть субъекта; если же право создается государствомъ, то послѣднее и не можетъ быть объектомъ.

Пониманіе государства въ качествѣ юридическаго отношенія также неправильно, такъ какъ не даетъ возможности обосновать государственное единство; это то же, что̀ и въ отношеніи государственнаго господства. Утверждать единство государственнаго господства, говоритъ Еллинекъ, значитъ не стоять на почвѣ опыта; если, однако, не понимать реальнаго единства господства въ грубо чувственномъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Еллинекъ, то оно не представляетъ ничего невозможнаго, проявляясь въ реальныхъ формахъ:—подчиненіе всѣхъ и каждаго однимъ и тѣмъ же учрежденіямъ и законамъ, внутреннее сознаніе каждымъ своей, общей со всѣми другими, подчиненности государственной власти въ ея реальной формѣ,—вотъ внѣшніе, констатируемые въ дѣйствительности признаки, по которымъ мы можемъ судить о государственномъ единствѣ. Только пониманіе государства въ качествѣ субъекта права даетъ возможность, по мнѣнію автора, обосновать государственное единство. Понятіе субъекта права есть юридическое понятіе, составляющее по своей сущности не реальное качество, но отношеніе; свойство быть субъектомъ права создается волей юридическаго порядка; оно можетъ быть дано и совокупностямъ лицъ, а слѣдовательно и государству. Къ сожалѣнію, Еллинекъ не разъясняетъ, какимъ образомъ государство, въ качествѣ юридическаго порядка, дѣлаетъ само себя субъектомъ права.

Наиболѣе интереснымъ для насъ должно представляться соціологическое пониманіе государства, установляемое самимъ Еллинекомъ. Мы сейчасъ увидимъ, что его попытка совершенно не увѣнчалась успѣхомъ, что̀, впрочемъ, и понятно при его склонности смотрѣть на государство по преимуществу съ юридической точки зрѣнія. Объективными элементами государства, по мнѣнію Еллинека, служатъ человѣческія отношенія и человѣческая дѣятельность, имѣющія психическій характеръ; государственная дѣятельность есть не что иное, какъ массовая психическая дѣятельность. То же самое касается языка, искусства, религіи, права, хозяйства и т. д.; все это явленія внутренняго міра человѣка, которыя, хотя и производятъ измѣненія въ мірѣ

внѣшнемъ, все же первоначально (?) состоятъ въ рядѣ психическихъ актовъ. Въ силу этого соціальными науками являются науки о человѣческихъ отношеніяхъ и ихъ внѣшнихъ воздѣйствіяхъ; различные виды сознательной внутренней жизни человѣка дѣлаются объектами изученія разныхъ наукъ; разсматривая государство, какъ объектъ изученія особой науки, слѣдуетъ признать его не чѣмъ инымъ, какъ функціей человѣческаго общенія. Государство, продолжаетъ Еллинекъ, состоитъ въ волеотношеніяхъ множества людей; люди повелѣвающіе и повинующіеся образуютъ субстратъ государства, даже территорія, въ противоположность земной поверхности, является продуктомъ внутренняго міра человѣка. Единство волеотношеній повелѣвающихъ и повинующихся образуетъ собою государство, но это единство устанавляется путемъ синтеза и, слѣдовательно, является абстракціей. Тѣмъ не менѣе и для установленія единства волеотношеній путемъ психологическаго синтеза необходимо отысканіе объединяющей связи. Единства, по характеру связующихъ элементовъ, бываютъ, по мнѣнію Еллинека, различныя—причинныя, гдѣ составные элементы цѣлаго обусловлены одной причиной, формальныя, характеризующіяся постоянствомъ нѣкоторыхъ формальныхъ элементовъ; однако, ни та, ни другая категорія единствъ не объясняетъ намъ природы государства; это объясненіе мы находимъ въ третьей категоріи единствъ, въ единствахъ телеологическихъ, или въ единствахъ, гдѣ объединяющимъ началомъ служитъ цѣль. По мнѣнію Еллинека, на телеологическомъ принципѣ покоится для нашего мышленія не только природа государства, но даже и совокупность біологическихъ процессовъ. Вся дѣятельность людей имѣетъ въ своемъ основаніи принципъ цѣлесообразности; государство есть также единство по цѣли, и притомъ единство вполнѣ упроченное, такъ какъ государство преслѣдуетъ наибольшее число постоянныхъ цѣлей и обладаетъ наиболѣе развитой и обширной организаціей; государство связано съ землей, и потому это союзъ осѣдлыхъ людей, волеотношеніе въ государствѣ есть отношеніе господства; государство имѣетъ власть господства; господство-

вать—значитъ имѣть способность безусловно принуждать другихъ слѣдовать своей волѣ; такую власть имѣетъ только государство; оно является единственнымъ союзомъ, который господствуетъ въ силу принадлежащей ему первоначальной, ни изъ какой другой силы юридически не проистекающей, власти. Послѣ всего сказаннаго Еллинекъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ государство съ соціологической точки зрѣнія: „государство есть союзъ осѣдлыхъ людей, имѣющій первоначальную власть господства". Къ этому авторъ считаетъ нужнымъ добавить, что лица, образующія господствующую волю, являются органами цѣлаго; многочисленныя волеотношенія путемъ синтеза возводятся нами въ единство, причемъ естественныя проявленія воли индивидуумовъ относятся нами ко всему единству.

Вотъ все самое существенное, что̀ говоритъ Еллинекъ о соціальной природѣ государства. Развѣ мы не въ правѣ были сказать, что его попытка дать соціологическое понятіе государства не увѣнчалась успѣхомъ, такъ какъ въ этомъ понятіи у него совершенно ясно просвѣчиваетъ понятіе юридическое. Въ частности ошибки Еллинека, на нашъ взглядъ, сводятся къ слѣдующему. Государство, какъ явленіе, онъ считаетъ исключительно совокупностью психическихъ актовъ людей. Что психическая дѣятельность людей есть предположеніе всякой вообще ихъ дѣятельности, это, конечно, не требуетъ доказательствъ, но, за всѣмъ тѣмъ, государство состоитъ все же не изъ однихъ психическихъ актовъ людей, но и изъ ихъ дѣяній, выразившихся во внѣшней формѣ; отношеніе господства также выражается во внѣ, отчасти въ матеріальныхъ, отчасти въ нематеріальныхъ, но во всякомъ случаѣ реальныхъ, формахъ. Государственная территорія, войско, какъ физическая сила государства, уплата налоговъ, осуществленіе судебныхъ приговоровъ и многое, что̀ неразрывно связано съ государствомъ, входитъ, можно сказать, въ его плоть и кровь, все это можно ли признать только совокупностью психическихъ актовъ? Конечно, нѣтъ. Если же государство съ его явленіями не есть совокупность только психическихъ

актовъ, то и установленіе государственнаго единства возможно, хотя бы и при помощи синтеза, однако, не въ смыслѣ такой абстракціи, которой нѣтъ ничего соотвѣтствующаго въ реальномъ мірѣ, но въ смыслѣ реальнаго единства, т. е. такой совокупности явленій, въ которой они объединены реальной, слѣдовательно дѣйствительной, а не воображаемой только, связью. Если Еллинекъ считаетъ государство такимъ единствомъ, въ которомъ связующимъ началомъ является цѣль, то, очевидно, онъ смотритъ въ этомъ случаѣ на государство не съ соціологической, но съ юридической точки зрѣнія и возвращается къ давно отжившимъ теоріямъ, приписывавшимъ государству ту или другую цѣль. Государство, какъ явленіе, не можетъ имѣть никакой цѣли, такъ какъ въ явленіяхъ могутъ быть констатируемы лишь причины и слѣдствія; цѣль же есть нѣчто, приписываемое явленіямъ человѣческимъ разумомъ, есть одна изъ формъ мышленія, лежащая, слѣдовательно, внѣ самихъ явленій. Если же авторъ полагаетъ, что цѣлесообразность свойственна даже біологическимъ процессамъ, а мы прибавимъ, что она свойственна и всей природѣ, то все же говорить объ этой цѣлесообразности, объ этомъ разумѣ природы, съ научной точки зрѣнія, мы не имѣемъ никакой возможности, такъ какъ это значило бы оперировать въ области метафизики. Еллинекъ не стоитъ на почвѣ дѣйствительности, если заявляетъ, что государство преслѣдуетъ наибольшее число постоянныхъ цѣлей; цѣлесообразная дѣятельность есть свойство людей, но количество и постоянство преслѣдуемыхъ цѣлей зависятъ не отъ государства, а отъ степени развитія людей и отъ формъ общественной организаціи. Если современныя европейскія государства дѣйствительно преслѣдуютъ наибольшее число цѣлей, то это потому, что они находятся на высокой ступени культуры; но нѣсколько столѣтій тому назадъ число этихъ цѣлей было весьма ограничено, а нѣкоторыя африканскія и азіатскія государства и въ настоящее время преслѣдуютъ менѣе значительное число постоянныхъ цѣлей, чѣмъ многіе изъ союзовъ негосударственнаго характера въ цивилизованной

Европѣ. Такимъ образомъ, число и постоянство преслѣдуемыхъ государствомъ цѣлей характеризуетъ не природу государства, но лишь степень его развитія. Впрочемъ, и самому Еллинеку не удалось извлечь какой-либо пользы изъ своего ученія о цѣли государства для построенія понятія о природѣ государства.

Еллинекъ опредѣлилъ государство, какъ союзъ осѣдлыхъ людей, имѣющій первоначальную власть господства. Но откуда же взялась власть господства? Если съ юридической точки зрѣнія можно сказать, что такая власть необходима для достиженія высшихъ цѣлей государства, то съ соціологической этого недостаточно; цѣль, какъ нѣчто потенціальное и идеальное, не можетъ объяснить самаго процесса развитія явленія и его природы. Что Еллинекъ далъ намъ не соціологическое, но лишь юридическое понятіе государства, въ этомъ мы убѣждаемся еще больше изъ заявленія автора о томъ, что лица, образующія господствующую волю, являются органами цѣлаго, что естественныя проявленія воли индивидовъ относятся нами ко всему цѣлому. Совершенно ясно, что союзъ лицъ, имѣющій волю и выражающій эту волю чрезъ посредство какихъ бы то ни было органовъ, есть юридическое лицо, или, по крайней мѣрѣ, нѣчто, создаваемое юридической мыслью и не имѣющее ничего себѣ соотвѣтствующаго съ дѣйствительностью; воля союза можетъ быть только юридической волей, слѣдовательно вообще не волей, но юридической конструкціей.

III.

Не вполнѣ можетъ быть согласованъ съ соціологическимъ пониманіемъ государства и вопросъ о разумномъ основаніи государства, или о томъ, почему государство должно существовать, вопросъ, разсмотрѣнію котораго Еллинекъ посвящаетъ особую главу своего соціальнаго ученія о государствѣ. Разные писатели признаютъ и разныя основанія, въ силу которыхъ государство считается необходимымъ; такими осно-

ваніями являются основанія религіозныя, юридическія, моральныя, психологическія и физическія. Авторъ подробно останавливается на каждой теоріи, стараясь выяснить ихъ слабыя стороны. Теологическая теорія видитъ основаніе государства въ божественной волѣ, теорія власти—въ господствѣ сильнаго надъ слабымъ, юридическая—въ правѣ; она, въ свою очередь, распадается на семейную или патріархальную, патримоніальную и договорную; этическая теорія видитъ основаніе государства въ необходимости государства для нравственнаго совершенствованія людей; психологическая теорія видитъ въ государствѣ историко-психологическое явленіе. Всѣ эти указанія Еллинека имѣютъ значеніе не въ отношеніи уясненія соціальной природы государства, но лишь для построенія исторіи государственной науки. Однако, и самъ авторъ также стремится отыскать разумное основаніе для государства. По его мнѣнію, вопросъ сводится не къ оправданію государства, но къ оправданію власти; почему одни люди подчиняются и должны подчиняться другимъ? Органическое или естественное развитіе государства, допускаемое многими, не объясняетъ власти, такъ какъ мы всегда видимъ людей, сознательно властвующихъ и сознательно подчиняющихся; свести эту принудительную власть къ органическому побужденію (силѣ) невозможно, потому что неестественно стремиться подчинить себя посторонней силѣ. Разумную необходимость существованія принудительной государственной власти авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: успѣхъ человѣческой дѣятельности обусловливается организаціей, т. е. постояннымъ и прочнымъ соединеніемъ воль; при преслѣдованіи всѣхъ жизненныхъ цѣлей, составляющихъ задачу государства, такая организація въ особенности необходима; въ качествѣ такой организаціи и служитъ юридическій строй. Чтобы всѣ могли преслѣдовать свои цѣли лично для себя и не въ ущербъ другимъ, необходима юридическая принудительная организація, которая и опредѣляетъ границы частной дѣятельности. Эта мысль, конечно, не новая; она высказывалась, напр., Лоренцомъ Штейномъ и многими другими; она правильна лишь для идеальнаго

государства или государства, юридически конструированнаго, но въ дѣйствительно существующихъ государствахъ, гдѣ власть обыкновенно сосредоточивается въ рукахъ одного или нѣсколькихъ господствующихъ классовъ, роль, приписываемая государству теоретиками, далеко не выполняется, и, слѣдовательно, разумное опроверженіе существованія государства указаннымъ путемъ не достигаетъ цѣли. Границы частной дѣятельности опредѣляются весьма неодинаково. Въ сущности и самъ авторъ, незамѣтно для себя, приходитъ къ заключенію, что государственная власть развивается съ необходимостью, такъ какъ общество не можетъ существовать безъ власти; эти соображенія основаны на самой жизни; власть уничтоженная немедленно возстановляется въ той или другой формѣ. Не слѣпые инстинкты, но право и власть обезпечиваютъ человѣческую жизнь; то и другое имѣетъ въ своемъ основаніи человѣческій разумъ и свободную самостоятельную волю людей. Свои индетерминистическіе взгляды Еллинекъ не считаетъ нужнымъ развивать и не останавливается на разсмотрѣніи вопроса о томъ, откуда возникаетъ свободная воля и почему человѣкъ является исключеніемъ въ природѣ, гдѣ все закономѣрно.

Особая глава посвящена Еллинекомъ вопросу о цѣли государства. Въ настоящее время уже очень рѣдко можно встрѣтить въ научныхъ трактатахъ о государствѣ разсмотрѣніе вопроса о цѣляхъ государства, такъ какъ установлено, что удовлетворительнаго отвѣта на этотъ вопросъ не можетъ быть дано.

При разсмотрѣніи вопроса о цѣли государства Еллинекъ не выдерживаетъ одной опредѣленной точки зрѣнія, а становится то на почву политики, то на почву соціологіи. Сказавши, что для государства не можетъ быть опредѣлена одна объективная цѣль, авторъ все же заявляетъ, что для каждаго государства въ опредѣленное время должна существовать одна высшая цѣль, не противорѣчащая отдѣльнымъ цѣлямъ; какъ опредѣлить эту высшую цѣль, авторъ намъ не разъясняетъ, сознаваясь, что взгляды на цѣли, преслѣдуемыя государствомъ, могутъ быть весьма различны. Въ под-

твержденіе своего ученія о цѣли государства онъ ссылается на писаныя конституціи, въ которыхъ дѣйствительно иногда содержится указаніе на цѣль, преслѣдуемую государствомъ. Мы признали бы подобное соображеніе правильнымъ, если бы оно было высказано въ государственномъ правѣ, но не въ соціальномъ ученіи о государствѣ. Цѣли, указанныя въ законодательствѣ, могутъ и не совпадать съ результатами государственной дѣятельности. Когда авторъ говоритъ объ опредѣленной и высшей цѣли государства, онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія политики, когда же онъ утверждаетъ, что цѣли государства должны познаваться изъ изученія государственныхъ учрежденій и ихъ дѣятельности, гдѣ и отражается государственная цѣль, то авторъ стоитъ, очевидно, на соціологической точкѣ зрѣнія; изученіе цѣли въ этомъ смыслѣ вполнѣ возможно и научно, такъ какъ въ этомъ случаѣ цѣль представляется уже не какъ нѣчто достигаемое и предполагаемое, но какъ нѣчто уже достигнутое; наука должна уяснить, въ силу какихъ причинъ данное государство въ данное время преслѣдовало тѣ, а не другія цѣли. Такимъ образомъ, обѣ точки зрѣнія у Еллинека смѣшиваются. Сказавши, что одна объективная цѣль для государства не можетъ быть указана, онъ все же не могъ удержаться отъ того, чтобы не указать на такую цѣль. Всякая государственная дѣятельность, говоритъ онъ, имѣетъ своей конечной цѣлью содѣйствіе прогрессивному развитію. Согласно съ сказаннымъ, авторъ опредѣляетъ телеологическое понятіе государства: „оно есть союзъ одного народа, удовлетворяющій, благодаря планосообразной, централизованной и дѣйствующей при помощи внѣшнихъ средствъ дѣятельности, индивидуальнымъ, національнымъ и общечеловѣческимъ солидарнымъ интересамъ, въ направленіи общаго прогрессивнаго развитія“. Въ старыхъ нѣмецкихъ учебникахъ найдется, вѣроятно, не мало подобнаго рода опредѣленій.

Разсмотрѣніе вопроса о возникновеніи и паденіи государствъ какъ нельзя болѣе входитъ въ соціальное ученіе о государствѣ. Еллинекъ различаетъ вопросъ объ историческомъ возникновеніи государствъ отъ вопроса о возникновеніи но-

выхъ государствъ среди уже существующихъ. Первый вопросъ, по его мнѣнію, не можетъ быть разрѣшенъ въ виду недостатка данныхъ; свѣдѣнія, касающіяся современныхъ примитивныхъ государствъ, онъ считаетъ также недостаточными, а потому эти государства оставляетъ безъ вниманія; такой пріемъ едва ли можно признать правильнымъ; если современныя примитивныя государства мало изслѣдованы, то ничто не мѣшаетъ подвергнуть ихъ болѣе тщательному изученію; позволительно даже думать, что современныя соціологическія изслѣдованія пролили уже достаточно свѣта на эти примитивныя организаціи для того, чтобы и государствовѣдъ могъ удостоить ихъ своимъ вниманіемъ. Что касается возникновенія новыхъ государствъ, то авторъ справедливо утверждаетъ, что они возникаютъ фактически, но не юридически, при этомъ самостоятельно, т. е. внѣ зависимости отъ какого-либо другаго государства. Въ соціальномъ ученіи о государствѣ было бы, однако, весьма умѣстнымъ намѣтить по крайней мѣрѣ главныя черты въ развитіи государствъ какой-либо культуры, чего авторъ не дѣлаетъ; онъ характеризуетъ лишь главные историческіе типы государствъ—древне-азіатскія государства, греческое, римское, средневѣковое и современное; характеризуя состояніе каждаго изъ такихъ типовъ въ отношеніи власти, правъ гражданъ и т. д., онъ не пытается установить преемственность политическихъ формъ и не ставитъ себѣ задачей уяснить хотя бы въ общихъ чертахъ характеръ политической эволюціи. Характеристики же историческихъ типовъ, въ особенности древне-греческаго и римскаго, сдѣланы весьма основательно и талантливо, при чемъ авторъ доказываетъ несостоятельность нѣкоторыхъ ходячихъ мнѣній, напр. о томъ, что въ классическихъ государствахъ личность поглощалась государствомъ; онъ выясняетъ, что Греція пережила весьма продолжительный періодъ времени, въ теченіе котораго претерпѣвала различныя модификаціи, такъ что и свобода гражданъ была такъ же извѣстна древнимъ грекамъ, какъ и современнымъ народамъ; разница состоитъ, по мнѣнію автора, только въ томъ, что древніе греки не дошли до сознанія юридической природы этой свободы и до призна-

нія человѣческой личности, какъ таковой. Современное государство характеризуется, наоборотъ, тѣмъ, что человѣческая личность сознаетъ свое юридическое положеніе въ государствѣ. Авторъ вообще даетъ хорошія и мѣткія характеристики различныхъ типовъ государствъ; дѣлаетъ даже сопоставленія, отличающія одинъ типъ отъ другаго, но не пытается уяснить послѣдовательный ходъ развитія государства, хотя бы въ предѣлахъ одного типа. Въ его характеристикахъ много цѣннаго, но съ точки зрѣнія соціальнаго ученія о государствѣ онѣ все же недостаточны.

Въ послѣдней главѣ своего соціальнаго ученія о государствѣ Еллинекъ разсматриваетъ вопросъ объ отношеніи между государствомъ и правомъ—вопросъ несомнѣнно глубоко интересный. Отличительный признакъ права надо искать, по мнѣнію автора, въ его цѣли, которая состоитъ въ защитѣ благъ и интересовъ. Юридическія нормы характеризуются слѣдующими признаками: 1) онѣ суть правила, регулирующія внѣшнія отношенія между людьми; 2) онѣ исходятъ отъ внѣшней признанной власти; 3) обязательность ихъ гарантирована этой властью. Психологическая дѣйствительность всякой юридической нормы лежитъ въ убѣжденіи о ея обязательности, но тѣмъ не менѣе эта психологическая дѣйствительность права должна быть гарантирована, т. е. мотивирующая сила правоположеній должна быть упрочена соціально-психологическими силами такъ, чтобы создавалась надежда, что эти нормы въ состояніи будутъ служить мотивами дѣятельности, несмотря на вліяніе противоположныхъ индивидуальныхъ мотивовъ. Въ общемъ, положенія Еллинека должны быть признаны правильными, только напрасно онъ затемняетъ ихъ такими выраженіями, какъ „соціально-психологическія силы“; было бы проще сказать, что психологическое убѣжденіе въ обязательности юридическихъ нормъ, на случай его недостаточности, подкрѣпляется указаніемъ на эту обязательность со стороны власти, издающей такія нормы; въ этомъ и сосредоточивается принудительная сила юридическихъ нормъ, состоящая въ угрозѣ тѣми или другими неблагопріятными послѣдствіями въ случаѣ неисполненія этихъ

нормъ. Что касается заявленія Еллинека о томъ, что убѣжденіе въ обязательности нормъ есть среднее убѣжденіе народа, то очевидно, что такое заявленіе ни научнаго, ни практическаго значенія не имѣетъ и относится всецѣло къ области метафизики. Убѣжденіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть несомнѣнно убѣжденіе каждаго индивида.

Переходя къ разсмотрѣнію государственнаго права, Еллинекъ ставитъ вопросъ о томъ, обязательно ли оно для государства, и отвѣчаетъ на него утвердительно. Его аргументація представляется, однако, неубѣдительной, въ особенности потому, что здѣсь онъ становится на психологическую и соціологическую точку зрѣнія, тогда какъ вопросъ о юридической обязательности нормъ можетъ быть рѣшенъ только съ юридической точки зрѣнія. Аргументація автора въ краткихъ словахъ слѣдующая. Государственная воля есть человѣческая воля, поэтому рѣчь идетъ о томъ, существуютъ ли обязательныя нормы для людей, представляющихъ государство или государственную волю; если существованіе такихъ нормъ признается какъ со стороны управляющихъ, такъ и со стороны управляемыхъ, то значитъ эти нормы существуютъ, такъ какъ право основывается на убѣжденіи о его юридической силѣ; право, по мнѣнію автора,—все то, что считается правомъ. Какое-либо правило существуетъ фактически, а затѣмъ, въ силу постояннаго повторенія, превращается въ юридическую норму; но въ то же время право есть компромиссъ между различными борющимися интересами; въ основаніи права лежатъ фактическія отношенія власти; но фактическимъ отношеніямъ присуща нормативная сила, вслѣдствіе чего они превращаются въ юридическія; итакъ, власть возникаетъ фактически, а затѣмъ превращается въ юридическую власть; самый процессъ этого превращенія обусловливается индивидуальными условіями каждаго отдѣльнаго государства. Государственный порядокъ превращается въ правопорядокъ подъ вліяніемъ двухъ психологическихъ факторовъ—консервативнаго, заставляющаго признавать фактическое за нормативное, и раціональнаго, покоящагося на естественномъ правѣ и требующаго измѣненій даннаго юридическаго порядка

въ другой, лучшій. Если Еллинекъ и высказалъ ранѣе мысль, что юридическія нормы создаются государственной властью и ею гарантируются, то это надо относить лишь къ современному развитому государственному строю, такъ какъ, по мнѣнію того же автора, государство лишь постепенно концентрируетъ въ своихъ рукахъ все право, тогда какъ древнее право было семейнымъ; вотъ почему все современное право раздѣляется на двѣ группы нормъ—право, созданное государствомъ, и право, допущенное государствомъ. Положенія автора объ обязательности юридическихъ нормъ для самой издающей ихъ государственной власти надо признать весьма сомнительными; его аргументація въ этомъ случаѣ весьма поверхностна. Кромѣ приведенія голословныхъ заявленій о томъ, что только одинъ Богъ стоитъ внѣ юридической зависимости, или что такая зависимость государственной власти есть условіе культуры, что государство обязывается въ самомъ актѣ творчества права и т. п., авторъ стремится доказать свою мысль, исходя, какъ онъ заявляетъ, изъ соціально-психологическихъ основаній. Послѣднее основаніе всякаго права, говоритъ онъ, лежитъ въ убѣжденіи о его дѣйствительности, такъ что, въ концѣ концовъ, зависитъ отъ общей культуры народа, что̀ считать правомъ, чего не считать. Если народъ находится въ убѣжденіи, что государство должно себя обязывать, то значитъ и юридическія нормы для государства обязательны; въ настоящее время такое убѣжденіе развивается все болѣе и болѣе; складывается взглядъ, что парламентъ не всемогущъ, что онъ не можетъ отмѣнять судебные приговоры или постановлять обвинительные приговоры помимо суда; въ народѣ складываются основныя юридическія убѣжденія, которыя не могутъ быть отмѣнены никакой властью. Вотъ главнѣйшіе аргументы Еллинека, приводимые имъ въ подтвержденіе установляемаго имъ положенія объ обязательности юридическихъ нормъ для самой созидающей ихъ власти.

Основное положеніе автора о томъ, что правомъ надо считать все то, что̀ считается правомъ по среднему убѣжденію народа, опровергается, намъ кажется, заявленіемъ са-

мого автора о томъ, что нормы права суть гарантированныя нормы и эти гарантіи сосредоточиваются не въ народномъ убѣжденіи, но въ организаціи власти и въ ея принудительной дѣятельности; слѣдовательно, одного убѣжденія недостаточно; далѣе, когда рѣчь идетъ объ обязательности нормъ для государственной власти, то, согласно ученію Еллинека, прежде всего сама эта власть или воплощающая ее организація должна быть убѣждена въ обязательности для нея ею же издаваемыхъ юридическихъ нормъ, въ противномъ случаѣ эти нормы не будутъ для нея юридическими; мотивирующая сила правоположеній можетъ быть, однако, упрочена, какъ говоритъ авторъ, соціально-психологическими силами; но, во-первыхъ, для этого должны существовать самыя положенія объ обязательности нормъ для власти, что̀ встрѣчается развѣ только по исключенію; во-вторыхъ, соціально-психилогическія силы, говоря проще, принудительная власть не можетъ въ этомъ случаѣ оказать никакого вліянія на упроченіе мотивирующей силы правоположеній, въ виду того, что принудительная власть сосредоточивается въ рукахъ той же самой власти, противъ которой предполагается дѣйствовать принужденіемъ; въ результатѣ обнаруживается необходимость самопринужденія, т. е. отсутствіе всякихъ гарантій, а слѣдовательно, и отсутствіе обязательности. Разсужденія Еллинека о народномъ убѣжденіи, или о среднемъ народномъ убѣжденіи, относятся, какъ сказано, къ области метафазики; народъ, какъ цѣлое, не можетъ имѣть никакихъ убѣжденій; заявленіе автора о томъ, что отъ степени культуры народа зависитъ считать что-либо правомъ или не считать, опять-таки неправильно, такъ какъ едва ли найдется хотя бы одинъ народъ, всѣ члены котораго стояли бы на одной ступени культуры; обыкновенно наблюдается въ этомъ отношеніи большое разнообразіе, и взгляды на право могутъ быть весьма различны. Приводимыя авторомъ указанія относительно общности воззрѣній касаются, главнымъ образомъ, высшихъ интеллигентныхъ слоевъ населенія; въ другихъ общественныхъ группахъ могутъ существовать иныя воззрѣнія, а многочисленному большинству низ-

шихъ рабочихъ классовъ, разумѣется, даже и въ голову никогда не приходитъ вопросъ о томъ, обязательны ли юридическія нормы для верховной власти, или необязательны; здѣсь, въ этомъ отношеніи, не существуетъ никакихъ убѣжденій, а слѣдовательно и опираться на нихъ нельзя.

Намъ думается, что Еллинекъ не достаточно ясно разграничиваетъ понятіе юридической обязательности нормъ отъ фактической необходимости имъ слѣдовать. Съ юридической точки зрѣнія не можетъ быть доказана обязательность юридическихъ нормъ для издающей ихъ власти; ее нельзя обосновать ни на моментѣ убѣжденія, ни на моментѣ принужденія. Но если юридическія нормы не обязательны для государственной власти съ юридической точки зрѣнія, то отсюда вовсе не вытекаетъ, чтобы власть эта не находилась вынужденной въ дѣйствительности слѣдовать издаваемымъ ею нормамъ; такое слѣдованіе нормамъ обусловлено не правомъ, но условіями фактическими, т. е. всей совокупностью условій, опредѣляющихъ характеръ эволюціи права и власти. Государство, какъ въ своей организаціи, такъ и въ дѣятельности верховной власти, не исчерпывается одними правоотношеніями; право—весьма важный, но не единственный факторъ государственной жизни. Государство съ его элементами есть живущій и развивающійся общественный союзъ. Организація верховной валсти, являясь лишь однимъ изъ государственныхъ элементовъ, участвуетъ не только активно, но и пассивно въ процессѣ этого развитія, терпя на себѣ всю совокупность предшествовавшихъ и сопутствующихъ вліяній и условій окружающей жизни и модифицируясь согласно съ этими условіями и вліяніями. Тому же самому началу подчинена и дѣятельность носителя власти верховной. Если мы говоримъ о неподчиненіи этого носителя власти законамъ, о верховенствѣ этой власти, о ея юридической независимости, то отсюда вовсе еще не вытекаетъ всемогущество власти; будучи юридически свободною, она подчиняется другимъ вліяніямъ, между которыми можно отмѣтить вліянія—религіозное, нравственное, умственное, экономическое. Вотъ эти вліянія и заставляютъ каждаго носителя

верховной власти, будетъ ли то одно физическое лицо, или особая организація, сообразоваться въ своей юридически свободной дѣятельности съ существующими законами, которые, въ свою очередь, возникли не безъ вліянія тѣхъ же факторовъ. Такимъ образомъ, юридическія нормы, не будучи для верховной власти обязательными юридически, становятся обязательными, такъ сказать, естественно-исторически.

Сдѣланныя нами нѣкоторыя указанія на слабыя стороны новаго труда Георга Еллинека не мѣшаютъ намъ признать этотъ трудъ весьма цѣннымъ и выдающимся въ современной политической литературѣ. Если автору не вполнѣ удалось разграничить юридическое пониманіе государства отъ соціологическаго, то заслуживаетъ вниманія установленіе по крайней мѣрѣ принципіальнаго различія, рѣшительная и ясная постановка вопросовъ, которые обыкновенно до сихъ поръ вовсе не находили мѣста въ политическихъ трактатахъ. Мастерское изложеніе разнообразныхъ теорій о государствѣ, характеристика различныхъ типовъ государствъ, попытка конструировать право на психологическихъ основаніяхъ— все это и многое другое заставляетъ дать труду Еллинека одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду другихъ трудовъ, посвященныхъ вопросамъ правовѣдѣнія и государствовѣдѣнія.

НАШИ СУДЫ И СУДЕБНЫЕ ПОРЯДКИ ПО ДАННЫМЪ РЕВИЗІИ 1895 ГОДА.

Я. К. Городыскаго.

(Продолженіе) [1]).

III.

Гражданское судопроизводство.

Предъявленіе иска. По установившейся практикѣ, поступающія въ судъ исковыя прошенія получаютъ должное направленіе, оставляются безъ движенія или возвращаются просителямъ, въ большинствѣ случаевъ, по распоряженію предсѣдательствующаго въ отдѣленіи. Иногда нѣкоторые вопросы, связанные съ направленіемъ прошенія, разрѣшаются въ засѣданіи суда. Количество прошеній, оставляемыхъ безъ движенія, весьма значительно. Оставленіе исковыхъ прошеній безъ движенія почти всегда обусловливается непредставленіемъ разнаго рода сборовъ или копій съ документовъ. Неисполненіе просителями всѣхъ необходимыхъ для удовлетворенія ходатайства требованій очень часто встрѣчается также и при подачѣ участвующими лицами разныхъ другихъ бумагъ во время производства дѣла. Въ 1894 г.

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1901 г., Апрѣль, стр. 1.

во всѣхъ окружныхъ судахъ число оставленныхъ безъ движенія прошеній, отзывовъ и другихъ бумагъ по исковымъ дѣламъ достигло 22.123 и возвращенныхъ просителямъ—7.094 (т. VI, стр. 358). Если принять во вниманіе, что въ упомянутомъ году поступило въ окружные суды всего 55.829 исковыхъ прошеній, то приведенныя цифры бумагъ, оставленныхъ безъ движенія или возвращенныхъ просителямъ, несомнѣнно, составляютъ огромный процентъ всѣхъ вообще бумагъ по исковымъ дѣламъ.

Въ изложеніи исковыхъ прошеній строгаго соблюденія формы, приложенной къ 256 ст. уст. гражд. суд., не требуется. Для принятія прошенія къ производству достаточно, чтобы въ немъ были указаны имена, фамиліи и мѣста жительства истца и отвѣтчика, изложены въ краткихъ чертахъ обстоятельства дѣла и опредѣлены требованія истца и цѣна иска въ томъ порядкѣ, въ какомъ пожелаетъ составитель прошенія, и въ томъ видѣ, въ какомъ сочиненіе означенной бумаги можетъ быть для него доступно.

Въ нѣкоторыхъ судахъ встрѣчались единичные случаи, когда судъ затруднялся въ разрѣшеніи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли по возбуждаемому исковымъ прошеніемъ дѣлу признать наличность спора, подлежащаго разрѣшенію на основаніи законовъ гражданскихъ. Такія затрудненія встрѣчались главнымъ образомъ по дѣламъ, которыя соприкасаются съ сферою вѣдомства властей административныхъ, напр., о припискѣ къ мѣщанскому обществу, о снятіи опеки, о возвратѣ переборовъ и т. п.

Наблюденія даютъ основаніе предполагать, что тяжущіеся иногда злоупотребляютъ правомъ обращаться къ судебной защитѣ и возбуждаютъ дѣла, при отсутствіи какого-либо спора между истцомъ и отвѣтчикомъ, ради достиженія особыхъ цѣлей. Такія злоупотребленія встрѣчаются главнымъ образомъ въ видѣ предъявленія ко взысканію безденежныхъ долговыхъ обязательствъ. Этимъ путемъ достигается передача или уступка правъ однимъ лицомъ другому въ тѣхъ случаяхъ, когда по какимъ-либо препятствіямъ такая передача или уступка въ законномъ порядкѣ невозможны. Напр.,

собственникъ, не обладающій крѣпостными актами на недвижимое имѣніе и потому не имѣющій возможности продать его крѣпостнымъ порядкомъ другому лицу, обыкновенно выдаетъ послѣднему долговыя обязательства для обращенія взысканія на означенное имѣніе. Ревизіонными отчетами отмѣчены случаи, въ которыхъ отвѣтчики сами являлись въ судъ въ день подачи исковаго прошенія и ходатайствовали о немедленномъ назначеніи дѣла къ слушанію, ссылаясь на убыточность проживанія въ городѣ, въ ожиданіи назначенія дѣла къ разбору, а затѣмъ признавали исковыя требованія подлежащими удовлетворенію и даже, въ виду забывчивости истцовъ, просили о допущеніи предварительнаго исполненія. Въ такихъ случаяхъ фиктивность иска, конечно, говоритъ сама за себя. Иногда же она сказывается лишь при исполненіи рѣшенія, напр., когда отвѣтчикъ, при врученіи ему повѣстки по 1095 ст. уст. гражд. суд., проситъ судебнаго пристава немедленно приступить къ описи его имущества и затѣмъ къ продажѣ таковаго, заявляя, что онъ отъ двухмѣсячнаго срока для уплаты долга отказывается и никакого другаго имущества, кромѣ предназначеннаго къ описи, на удовлетвореніе претензіи истца не имѣетъ. Пріобрѣтеніе недвижимости путемъ предъявленія ко взысканію долговыхъ обязательствъ сопряжено для покупщика съ нѣкоторымъ рискомъ, такъ какъ на публичные торги могутъ явиться конкуренты, которые предложатъ болѣе высокую цѣну. Поэтому покупщикъ, вошедшій въ соглашеніе съ продавцомъ, иногда прямо предъявляетъ къ нему по какому-либо основанію искъ о правѣ собственности на продаваемое имущество, а затѣмъ—явившійся въ судъ отвѣтчикъ не оспариваетъ иска, и цѣль достигается. Иногда же мнимые истецъ и отвѣтчикъ яко бы входятъ въ мировую сдѣлку, обусловливая послѣднею все то, чего имъ желательно было достигнуть путемъ фиктивнаго иска. Вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтчикъ не только не оспариваетъ иска, но своими дѣйствіями способствуетъ скорѣйшему рѣшенію дѣла въ пользу истца, и въ особенности, когда онъ признаетъ явно неоснователь-

ный искъ, имѣется полное основаніе предполагать, что между истцомъ и отвѣтчикомъ состоялось особое соглашеніе и что предъявленный искъ служитъ лишь средствомъ для осуществленія заключенной ими сдѣлки (т. IV, р. 2, стр. 8—18).

Ревизіонными отчетами отмѣчены нѣкоторыя, хотя и рѣдко встрѣчавшіяся на практикѣ, затрудненія при возбужденіи гражданскихъ дѣлъ по искамъ, имѣющимъ связь съ уголовными преступленіями или проступками. Такія затрудненія возникаютъ главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда удовлетвореніе исковыхъ требованій зависитъ отъ признанія въ извѣстномъ фактѣ наличности преступнаго дѣянія, а между тѣмъ уголовное дѣло объ этомъ дѣяніи почему-либо не можетъ быть разсмотрѣно, напр., за истеченіемъ давности или за смертью обвиняемаго. Въ одномъ случаѣ, по иску матери объ истребованіи содержанія незаконно прижитому отъ умершаго отвѣтчика сыну былъ возбужденъ вопросъ, возможно ли предъявленіе такого иска въ гражданскомъ судѣ, когда уголовное преслѣдованіе не могло уже имѣть мѣста. Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ судомъ отрицательно. Вообще, взгляды практики по такъ называемымъ преюдиціальнымъ вопросамъ значительно колеблятся. Съ изданіемъ закона 24 мая 1893 г. о ростовщичествѣ возникъ вопросъ, какимъ именно судомъ, уголовнымъ или гражданскимъ, должна быть первоначально установлена наличность ростовщическихъ дѣйствій. Вопросъ этотъ ко времени ревизіи разрѣшался различно.

Въ судебныхъ установленіяхъ до сихъ поръ не выработано еще единообразной практики по вопросу о правѣ несовершеннолѣтнихъ, отъ 17 до 21 г., предъявлять самостоятельно отъ своего имени иски въ защиту своихъ имущественныхъ интересовъ. Большинство судовъ признаетъ такое право за несовершеннолѣтними и ограничиваетъ ихъ лишь въ правѣ совершать на судѣ, безъ согласія попечителей, мировыя сдѣлки по недвижимому имуществу. Изъ меньшинства нѣкоторые суды допускаютъ несовершеннолѣтнихъ къ самостоятельному веденію исковыхъ дѣлъ лишь по находящемуся въ ихъ пе-

посредственномъ распоряженіи имуществу или въ случаѣ требованія вознагражденія за личныя услуги либо платежа по долговымъ обязательствамъ; нѣкоторые же суды вообще отрицаютъ за несовершеннолѣтними право самостоятельнаго веденія судебныхъ дѣлъ (т. IV, р. 2, стр. 43—50).

Иски, относящіеся совокупно къ движимому и недвижимому имуществамъ, по большей части предъявляются по мѣсту нахожденія недвижимаго имущества. Обратное явленіе замѣчалось въ весьма немногихъ судахъ. При этомъ ревизіонными отчетами отмѣчены значительныя неудобства, вызываемыя предъявленіемъ совокупнаго иска о движимомъ и недвижимомъ имуществахъ (на основаніи 219 ст. уст. гражд. суд.) по мѣсту жительства отвѣтчика. По дѣламъ о недвижимости, по самому свойству ихъ, почти всегда неизбѣжны осмотры, дознанія чрезъ окольныхъ людей и допросы свидѣтелей на мѣстѣ нахожденія спорнаго имущества, и потому, въ случаѣ предъявленія иска не по мѣсту нахожденія недвижимаго имущества, а по мѣсту жительства отвѣтчика, производство дѣла значительно замедляется, такъ какъ исполненіе упомянутыхъ дѣйствій на мѣстѣ требуетъ предварительнаго сношенія судебныхъ установленій.

Подъ упоминаемымъ въ 215 ст. уст. гражд. суд. мѣстомъ, гдѣ „открылось наслѣдство“, на практикѣ обыкновенно подразумѣвается послѣднее мѣсто жительства наслѣдодателя, и такъ какъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ это мѣсто совпадаетъ и съ мѣстомъ нахожденія наслѣдственнаго имущества (или хотя бы нѣкоторой части его), то предъявленіе исковъ о наслѣдствѣ по упомянутой статьѣ устава никакихъ практическихъ неудобствъ не вызываетъ. Рѣдкія исключенія встрѣчаются въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдодатель умираетъ внѣ мѣста своего постояннаго жительства, находясь во временной отлучкѣ. Поэтому нѣкоторые практики признаютъ желательнымъ внесеніе въ уставъ гражданскаго судопроизводства категорическаго постановленія о томъ, что иски о наслѣдствѣ должны быть предъявляемы по мѣсту нахожденія наслѣдственнаго имущества (т. V, стр. 346).

Въ ревизіонную программу, между прочимъ, былъ внесенъ вопросъ, какія изъ просьбъ, подаваемыхъ въ настоящее время не иначе, какъ письменно, могли бы быть заявляемы въ коллегіальныхъ судахъ на словахъ, со внесеніемъ въ протоколъ. Въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ по этому предмету приведены слѣдующія соображенія.

Практика указываетъ на возможность и цѣлесообразность установленія правила, по которому неграмотные или малограмотные истцы могли бы заявлять на словахъ свои исковыя требованія. Судя по практикѣ мировыхъ судебныхъ учрежденій, можно безошибочно заключить, что правомъ словеснаго заявленія иска не стали бы злоупотреблять и имъ пользовались бы лишь тѣ изъ тяжущихся, которые теперь принуждены обращаться къ содѣйствію непризнанной закономъ адвокатуры. Заявленіе объ искѣ можетъ принимать дежурный членъ суда, роль котораго въ настоящее время ограничивается, по большей части, лишь помѣткою подаваемыхъ ему прошеній и запискою ихъ въ книгу. Всякое заявленіе объ искѣ записывалось бы дежурнымъ членомъ въ особый протоколъ, при чемъ подобный протоколъ, составленный съ соблюденіемъ всего того, что требуютъ законъ и обстоятельства дѣла, не только вполнѣ обезпечивалъ бы тяжущагося, но и во многомъ облегчалъ бы судъ; тяжущіеся, заявляющіе свои исковыя требованія члену суда, не могли бы скрывать отъ него тѣхъ фактовъ, которые, имѣя большое вліяніе на исходъ дѣла, нынѣ открываются только при словесномъ состязаніи. Такой порядокъ повліялъ бы и на ускореніе самаго процесса, устранивъ совершенно столь часто встрѣчающіеся въ настоящее время формальные недостатки въ исковыхъ прошеніяхъ (т. V, стр. 355).

Мысль о возможности предоставленія тяжущимся заявлять въ коллегіальныхъ судахъ словесныя просьбы раздѣляется, однако, далеко не всѣми практиками. Нѣкоторые изъ судебныхъ дѣятелей рѣшительно высказались противъ такого порядка.

Допущеніе въ коллегіальныхъ судахъ, читаемъ по этому вопросу въ другомъ отчетѣ, словеснаго заявленія какихъ бы

то ни было прошеній, въ особенности съ запискою ихъ въ протоколъ, повело бы ко многимъ неудобствамъ. Конечно, пріемъ словесныхъ прошеній и записка ихъ въ протоколъ были бы возложены на предсѣдательствующаго и членовъ суда, такъ какъ участіе канцеляріи въ такомъ дѣлѣ, по причинамъ, не требующимъ объясненія, не можетъ быть признано удобнымъ. Желающихъ воспользоваться скорымъ и безплатнымъ способомъ словеснаго принесенія просьбъ и облеченія ихъ въ письменную форму при посредствѣ такихъ компетентныхъ лицъ, какъ сами судьи, которымъ предстоитъ рѣшать дѣло, оказалось бы очень много. Если занесеніе въ протоколъ показанія свидѣтеля требуетъ иногда значительнаго времени и труда, то несравненно больше времени и труда потребуетъ записка такихъ прошеній и жалобъ, какъ исковое прошеніе, отзывъ на заочное рѣшеніе или апелляціонная жалоба. Добросовѣстное исполненіе этой обязанности поведетъ къ крайнему обремененію судей, формальное отношеніе къ дѣлу вызоветъ справедливое неудовольствіе и нареканія со стороны просителей. Канцелярія также была бы обременена списываніемъ множества копій протоколовъ о поданныхъ прошеніяхъ и жалобахъ для сообщенія противной сторонѣ. Далѣе, нельзя допустить, чтобы судья, при запискѣ въ протоколъ словесныхъ просьбъ, являлся слѣпымъ орудіемъ просителя и былъ обязанъ записывать всякія бездоказательныя или безсодержательныя заявленія или же явно неосновательные доводы; поэтому судьѣ неизбѣжно пришлось бы входить въ продолжительныя объясненія съ просителемъ, разбираться въ его соображеніяхъ и доводахъ и излагать тѣ и другіе въ смыслѣ и видѣ, благопріятныхъ для просителя. Такимъ образомъ, судья становился бы въ несвойственное ему положеніе юрисконсульта тяжущихся (т. V, стр. 358).

Затѣмъ былъ поставленъ другой, касающійся предъявленія иска, вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли, въ отмѣну 258 ст. уст. гражд. суд., и въ какихъ предѣлахъ, допустить соединеніе двухъ или болѣе исковыхъ требованій, предъявленныхъ къ одному и тому же лицу, въ одномъ прошеніи,

хотя бы требованія эти и проистекали изъ разныхъ основаній. Большинство нашихъ практиковъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ отрицательномъ смыслѣ. Соображенія въ пользу цѣлесообразности соединенія исковъ, истекающихъ изъ разныхъ основаній, встрѣчаются въ весьма немногихъ отчетахъ. Сторонники этого взгляда утверждаютъ, что воспрещеніе соединенія въ одномъ исковомъ прошеніи исковъ, истекающихъ изъ разныхъ основаній, въ томъ безусловномъ видѣ, какъ оно выражено въ 258 ст. уст. гражд. суд., не вызывается необходимостью и противорѣчитъ даже интересамъ и цѣлямъ правосудія, увеличивая число дѣлъ, открывая возможность постановленія противорѣчивыхъ рѣшеній и затрудняя какъ судебныя мѣста, такъ и тяжущихся разъясненіемъ въ каждомъ дѣлѣ особо такихъ вопросовъ, которые гораздо проще могутъ быть разрѣшены въ одномъ процессѣ. Нѣкоторые изъ практиковъ допускаютъ возможность соединенія исковъ, истекающихъ изъ разныхъ основаній, лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. По ихъ мнѣнію, въ такихъ случаяхъ, во-1-хъ, должно быть сохранено тождество подсудности, ибо нельзя допустить соединеніе въ одномъ исковомъ прошеніи требованій, изъ коихъ одно подсудно одному окружному суду, по мѣсту жительства отвѣтчика, а другое—другому суду, по мѣсту нахожденія недвижимаго имущества, и, во-2-хъ, нельзя соединять исковыя требованія, хотя бы и подсудныя одному и тому же суду, но подлежащія разсмотрѣнію въ разныхъ порядкахъ судопроизводства, напр., одно въ общемъ порядкѣ, а другое въ упрощенномъ, сокращенномъ или исполнительномъ. Кромѣ того, допущеніе соединенія исковыхъ требованій должно быть поставлено въ зависимость отъ возраженій отвѣтчика и въ то же время отъ усмотрѣнія суда (т. V, стр. 369).

Во многихъ окружныхъ судахъ были случаи предъявленія такъ называемыхъ „правоохранительныхъ“ исковъ, сущность которыхъ сводится къ ходатайству истца о признаніи извѣстнаго юридическаго отношенія существующимъ или несуществующимъ, напр., о признаніи той или другой сдѣлки, завѣщательнаго распоряженія и т. п. обязательными для отвѣтчика или необязательными для истца (ревизіонными отчетами

отмѣчены иски о признаніи: отвѣтчика—обязаннымъ уплатить по роспискѣ извѣстную сумму въ срокъ, указанный въ роспискѣ; даннаго лица—родившимся отъ извѣстныхъ родителей; сдѣлки по договору неосуществившеюся; духовнаго завѣщанія необязательнымъ для истца въ части, касающейся оцѣнки завѣщаннаго имущества). Въ Прибалтійскихъ губерніяхъ такіе иски принимаются судебными мѣстами къ разсмотрѣнію на точномъ основаніи 1801 ст. уст. гражд. суд., по которой къ спорамъ о правѣ гражданскомъ относятся и иски о признаніи существованія или несуществованія юридическаго отношенія, коль скоро истецъ, въ данное время, имѣетъ законный интересъ въ подтвержденіи сего отношенія судомъ. Въ остальныхъ судахъ по такого рода искамъ существуетъ разнообразная практика. Впрочемъ, значительное большинство судовъ признаетъ эти иски неподлежащими разсмотрѣнію, находя, что, во-1-хъ, разрѣшеніе спора о правѣ гражданскомъ предполагаетъ рѣшеніе, возстанавливающее нарушенное право, между тѣмъ какъ въ случаяхъ предъявленія иска о признаніи извѣстнаго юридическаго отношенія существующимъ или несуществующимъ право пока не нарушено, и требованіе истца имѣетъ цѣлью предупредить споръ, могущій возникнуть въ будущемъ при нарушеніи отвѣтчикомъ права истца, и, во-2-хъ, подобныя требованія не могутъ быть предметомъ состязательнаго производства. Въ Варшавскомъ судебномъ округѣ такимъ искамъ на практикѣ придается значеніе provocationis ad agendum, при чемъ самое разсмотрѣніе иска ставится иногда въ зависимость отъ наличности возраженія противъ исковаго требованія, т. е. неявка отвѣтчика въ судъ или вообще оставленіе имъ прошенія безъ отвѣта предполагаетъ отсутствіе спора или нарушенія правъ истца (т. IV, р. 2, стр. 163—165). Нѣкоторые судебные дѣятели, ссылаясь на примѣры практики, находятъ, что сама жизнь требуетъ допущенія правоохранительныхъ исковъ, и потому признаютъ желательнымъ распространеніе правила, изложеннаго въ 1801 ст. уст. гражд. суд. и дѣйствующаго нынѣ лишь въ Прибалтійскомъ краѣ, на всѣ мѣстности Имперіи (т. V, стр. 434).

Признаніе за истцомъ права бѣдности, освобождающаго отъ взноса денегъ на судебныя издержки (880 ст. уст. гражд. суд.), въ общемъ встрѣчается сравнительно рѣдко. Болѣе или менѣе частые случаи такого признанія отмѣчены отчетами лишь по нѣкоторымъ, весьма немногимъ, судамъ. Иски, по которымъ за участвующими лицами признавалось право бѣдности, касались главнымъ образомъ вознагражденія за причиненіе смерти, увѣчья или поврежденія въ здоровьѣ на желѣзныхъ дорогахъ, фабрикахъ и заводахъ, возмѣщенія убытковъ и частью малоцѣнной недвижимости. Назначеніе присяжныхъ повѣренныхъ для безмезднаго хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся на судѣ правомъ бѣдности, практикуется, на основаніи 4 п. 367 ст. учр. суд. уст., всякій разъ по ходатайству каждаго изъ сихъ лицъ. По отзывамъ нѣкоторыхъ практиковъ, просители встрѣчаютъ иногда затрудненія въ полученіи удостовѣренія относительно своего имущественнаго и семейнаго положенія, такъ какъ мировые или городскіе судьи и земскіе начальники не всегда знаютъ ихъ и потому не рѣшаются выдавать такія удостовѣренія. На ряду съ приведенными отзывами имѣются указанія на то, что право бѣдности, дающее возможность веденія гражданскаго дѣла безъ всякихъ денежныхъ затратъ, способствуетъ увеличенію числа совершенно неосновательныхъ и безнадежныхъ исковъ, которыми напрасно обременяются судебныя мѣста и причиняется ущербъ интересамъ казны. Поэтому нѣкоторые изъ судебныхъ дѣятелей находятъ желательнымъ установить правило, по которому судъ, предварительно разрѣшенія ходатайства о признаніи за просителемъ права бѣдности, входилъ бы въ обсужденіе вопроса объ основательности иска и имѣлъ бы право отклонять упомянутое ходатайство въ случаѣ признанія иска явно неосновательнымъ или вообще лишеннымъ юридической почвы (т. V, стр. 513—515).

Перенесеніе въ окружный судъ возникшаго у единоличнаго судьи дѣла, вслѣдствіе предъявленія отвѣтчикомъ встрѣчнаго иска на сумму свыше 500 р. (39 ст. уст. гражд. суд.), встрѣчается сравнительно рѣдко. Въ 1894 г. такихъ случаевъ во всѣхъ округахъ было 604 (т. VI, стр. 386). При

этомъ замѣчено, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ встрѣчные иски на сумму свыше 500 р. предъявлялись у единоличныхъ судей явно неосновательно, съ несомнѣнною цѣлью измѣнить подсудность дѣла и тѣмъ отдалить время окончательнаго его рѣшенія.

Случаи обращенія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ непосредственно въ окружный судъ, согласно 369[1] ст. уст. гражд. суд., съ просьбою объ обезпеченіи доказательствъ принадлежатъ къ числу весьма рѣдкихъ, исключительныхъ явленій, что̀ несомнѣнно зависитъ отъ сложности производства дѣлъ въ окружномъ судѣ. Къ тому же заинтересованнымъ лицамъ гораздо удобнѣе и ближе къ цѣли обращаться съ просьбами объ обезпеченіи доказательствъ къ мѣстнымъ судьямъ. Въ 1894 г. у всѣхъ единоличныхъ судей возникло дѣлъ по обезпеченію доказательствъ 2.362 (т. VI, стр. 387).

Повѣренные. Судебное представительство пока не получило у насъ желательнаго развитія. Какъ видно изъ добытыхъ ревизіею данныхъ судебной практики, тяжущіеся очень часто пользуются услугами негласныхъ адвокатовъ, которые не имѣютъ права являться въ судъ въ качествѣ повѣренныхъ. Въ такихъ случаяхъ, тяжущіеся, заручившись наставленіями означенныхъ адвокатовъ, обыкновенно лично являются въ судъ для защиты своихъ интересовъ. Число дѣлъ, которыя ведутся участвующими лицами безъ содѣйствія легальной адвокатуры, въ нѣкоторыхъ судахъ весьма значительно и въ одномъ изъ округовъ достигло въ 1894 г. $^3/_4$ всего количества бывшихъ въ производствѣ суда дѣлъ. Безъ участія легальной адвокатуры обыкновенно ведутся дѣла охранительныя, особенно по вводамъ во владѣніе; безспорныя дѣла о взысканіяхъ по векселямъ, закладнымъ и заемнымъ письмамъ; дѣла, производящіяся въ порядкѣ упрощеннаго и сокращеннаго производствъ, и наиболѣе простыя исковыя дѣла. Въ частности, весьма рѣдко встрѣчается участіе легальной адвокатуры по дѣламъ крестьянъ и крестьянскихъ обществъ. Болѣе или менѣе частое представительство легальной адвокатуры отмѣчено ревизіонными отчетами по 11 окружнымъ судамъ, главнымъ образомъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ

и въ округѣ Варшавской судебной палаты (т. IV, р. 1, стр. 15).

Лица, не имѣющія права заниматься веденіемъ чужихъ дѣлъ, нерѣдко являются въ судъ подъ видомъ управляющихъ имѣніями или дѣлами тяжущихся или же соучастниковъ въ тяжбѣ (389 ст. учр. суд. уст.). Такіе мнимые управляющіе обыкновенно имѣютъ надлежащія довѣренности, а мнимые участники въ тяжбѣ необходимые документы, и такимъ образомъ съ формальной стороны очень часто бываютъ неуязвимы. Въ отношеніи управляющихъ сомнѣнія возникаютъ сами собою въ тѣхъ случаяхъ, когда ходатай представляетъ довѣренности разныхъ лицъ на управленіе многими имѣніями. Во исполненіе циркулярнаго указа Правительствующаго Сената по Гражданскому Кассаціонному Департаменту за 1878 г., № 120, суды въ сомнительныхъ случаяхъ требуютъ отъ управляющихъ представленія удостовѣреній, какими именно имѣніями своихъ довѣрителей они управляютъ, съ какого времени, на какихъ условіяхъ и т. п., и на практикѣ бывали далеко не единичные примѣры устраненія мнимыхъ управляющихъ отъ веденія дѣлъ. Въ одномъ городѣ всѣ судебныя дѣла мѣстнаго городскаго общественнаго банка велъ неимѣющій свидѣтельства отъ суда ходатай, подъ видомъ помощника бухгалтера банка, между тѣмъ какъ извѣстно было, что онъ означенной должности вовсе не занималъ. Для появленія въ качествѣ соучастника въ тяжбѣ ходатай пріобрѣтаетъ отъ тяжущагося по формальному документу право на самую незначительную часть исковыхъ требованій или даже на часть вознагражденія за веденіе дѣла. Кромѣ мнимыхъ управляющихъ и соучастниковъ въ тяжбѣ, являются еще и мнимые пріобрѣтатели представляемыхъ ко взысканію долговыхъ обязательствъ. Получая обязательство по передаточной или бланковой подписи, яко бы въ собственность, ходатай выдаетъ своему кліенту росписку въ томъ, что долженъ передать ему взысканныя деньги, за удержаніемъ условленнаго вознагражденія, судъ же лишенъ всякой возможности устранить такого ходатая отъ веденія дѣла даже при несомнѣнности факта фиктивной уступки ему исковаго требованія (т. IV, р.2, стр.27.)

Лица, не имѣющія установленныхъ свидѣтельствъ на право веденія чужихъ дѣлъ, въ значительномъ большинствѣ округовъ не допускаются къ ходатайству по всѣмъ вообще дѣламъ, въ нѣкоторыхъ же округахъ такимъ лицамъ разрѣшается веденіе дѣлъ охранительныхъ, а также участіе въ исполнительномъ производствѣ у судебныхъ приставовъ (т. IV, р. 2, стр. 31).

По дѣламъ, производящимся у единоличныхъ судей, въ качествѣ повѣренныхъ, выступаютъ иногда неграмотныя лица. Это—по большей части близкіе родственники тяжущихся или выборные отъ сельскихъ обществъ. По отзывамъ многихъ судебныхъ дѣятелей, появленіе такихъ повѣренныхъ у единоличныхъ судей по обыденнымъ дѣламъ особенныхъ затрудненій не причиняетъ, а нѣкоторые признаютъ допущеніе подобныхъ повѣренныхъ къ участію въ дѣлѣ даже полезнымъ, какъ средство къ устраненію подпольныхъ адвокатовъ, къ которымъ тяжущіеся обращались бы, если бы ихъ неграмотные повѣренные не были допущены (т. IV, р. 2, стр. 35).

Защита на судѣ интересовъ малолѣтнихъ и другихъ лицъ, состоящихъ подъ опекою, по отзывамъ практиковъ, должна быть признана весьма неудовлетворительною. Опекуны въ большинствѣ случаевъ не обладаютъ необходимыми для веденія судебныхъ дѣлъ юридическими познаніями и опытомъ и, кромѣ того, они не всегда заинтересованы въ благопріятномъ для подопечнаго исходѣ дѣла и потому нерѣдко относятся къ своимъ обязанностямъ, если не индиферентно, то по меньшей мѣрѣ чисто формально. На практикѣ встрѣчались даже примѣры, дававшіе основаніе заключать, что неблагопріятный для подопечнаго лица исходъ судебнаго дѣла обусловливался прямо неблаговидными дѣйствіями опекуновъ (т. IV, р. 1, стр. 17).

Ревизіонными отчетами отмѣченъ цѣлый рядъ случаевъ, въ которыхъ явно неосновательные иски, предъявленные къ малолѣтнимъ, удовлетворялись исключительно потому; что опекуны не только не оспаривали этихъ исковъ, но, напротивъ, признавали на судѣ требованія истцовъ правильными. Подобныя явленія обусловливаются прежде всего и главнымъ

образомъ неудачною постановкою у насъ опекунскаго дѣла. Наблюденія указываютъ, что опекунами, въ случаѣ смерти обоихъ родителей опекаемаго и отсутствія ближайшихъ родственниковъ, очень часто назначаются одни и тѣ же лица, обыкновенно изъ отставныхъ чиновниковъ, которые обращаютъ такимъ образомъ опекунство какъ бы въ ремесло. Такіе профессіональные опекуны, конечно, стремятся къ извлеченію изъ опеки только своихъ личныхъ выгодъ, а признаніе на судѣ предъявленнаго къ малолѣтнему явно неправаго иска, при извѣстныхъ условіяхъ и комбинаціяхъ, можетъ быть очень даже прибыльно... (т. IV, р. 2, стр. 36—43).

Въ виду такихъ указаній практики, въ нѣкоторыхъ ревизіонныхъ отчетахъ приведены мнѣнія о необходимости принятія мѣръ къ обезпеченію интересовъ малолѣтнихъ на судѣ. Для достиженія желательныхъ результатовъ въ этой области признается полезнымъ: введеніе обязательной защиты интересовъ малолѣтнихъ примѣнительно къ порядку, принятому при производствѣ дѣлъ уголовныхъ, или же предоставленіе прокурорскому надзору права активнаго участія въ процессѣ.

Такъ какъ легальное представительство тяжущихся на судѣ признается весьма желательнымъ, то ревизорамъ поставленъ былъ вопросъ, возможно ли, при существующихъ у насъ условіяхъ, введеніе обязательнаго посредничества адвокатуры хотя бы въ общихъ судебныхъ мѣстахъ (8 вопр. по дополнит. программѣ). По этому вопросу нашими практиками высказаны различныя мнѣнія.

Многіе изъ судебныхъ дѣятелей находятъ, что введеніе обязательнаго посредничества адвокатуры не можетъ быть достигнуто за малочисленностью личнаго состава присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ. Число присяжныхъ повѣренныхъ болѣе или менѣе достаточно лишь въ университетскихъ городахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ значительныхъ городскихъ центрахъ, въ остальныхъ же мѣстностяхъ чувствуется недостатокъ въ присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ указываютъ на нежелательность обязательной адвокатуры и съ принципіальной точки зрѣнія, такъ какъ съ введеніемъ такой адвокатуры тяжущіеся были бы ограничены въ правѣ вести свои

судебныя дѣла лично. Трудно найти, говорятъ по этому поводу, оправданіе такому положенію вещей, при которомъ лицо, имѣющее, по уровню своего развитія и степени образованія, полную возможность вести лично свое судебное дѣло, быть можетъ, сознающее даже, что оно проведетъ его лучше, чѣмъ любой адвокатъ, будетъ вынуждено, несмотря на это, поручать веденіе своего дѣла повѣренному и платить ему большія деньги за посредничество, навязанное данному лицу, вопреки его волѣ. Съ другой стороны, лица, которыя и въ настоящее время считаютъ нужнымъ обращаться къ содѣйствію присяжной адвокатуры, отъ введенія обязательнаго посредничества ничего не выиграютъ, а тѣ изъ нихъ, которыя желали бы прибѣгнуть къ помощи адвоката, но не имѣютъ для этого достаточныхъ средствъ, и при обязательной адвокатурѣ, разъ только трудъ ея не будетъ оплачиваться казною, о чемъ, повидимому, не можетъ быть и рѣчи, будутъ встрѣчаться съ тѣмъ же препятствіемъ, что̀ и нынѣ,—съ недостаткомъ денегъ на оплату адвокатскаго содѣйствія. Вмѣненіе тяжущимся въ обязанность вести дѣла непремѣнно чрезъ адвокатовъ повело бы къ излишнему обремененію тяжущихся новымъ налогомъ по вознагражденію адвокатовъ и заставило бы ихъ ввѣрять дѣла свои не тому лицу, которому они довѣряютъ, а адвокату, можетъ быть, имъ вовсе неизвѣстному и не пользующемуся съ ихъ стороны довѣріемъ. Наконецъ, нѣкоторыя дѣла, по своей простотѣ, не требуютъ спеціальныхъ знаній и съ успѣхомъ ведутся самими тяжущимися, при чемъ послѣдніе могутъ даже и не являться въ судъ и просить о разсмотрѣніи дѣла въ ихъ отсутствіи.

Нѣкоторые изъ практиковъ высказываются за введеніе обязательнаго посредничества адвокатуры лишь по дѣламъ лицъ, состоящихъ подъ опекою, а также крестьянъ и крестьянскихъ обществъ. Въ подтвержденіе необходимости обязательной адвокатуры по дѣламъ какъ отдѣльныхъ крестьянъ, такъ и сельскихъ обществъ, въ особенности по спорамъ о недвижимости, сторонники означеннаго взгляда указываютъ на то, что тяжущіеся крестьяне въ огромномъ большинствѣ случаевъ попадаютъ въ сѣти подпольныхъ адвокатовъ, ко-

торые, съ одной стороны, эксплоатируютъ своихъ кліентовъ и, изъ личныхъ выгодъ, способствуютъ увеличенію числа совершенно неосновательныхъ исковъ, а съ другой—не могутъ давать болѣе или менѣе полезныхъ совѣтовъ для правильной постановки даже основательныхъ исковъ.

На ряду съ такими отзывами встрѣчаются также мнѣнія въ пользу обязательнаго посредничества адвокатуры по всѣмъ вообще тяжебнымъ дѣламъ, производящимся въ общихъ судебныхъ мѣстахъ. Обозрѣніе гражданскаго дѣлопроизводства окружныхъ судовъ, какъ значится въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ, представляетъ достаточно данныхъ для вывода о томъ, что сложныя дѣла ведутся съ успѣхомъ только при посредствѣ адвокатуры. Тѣ сложныя дѣла, которыя велись самими тяжущимися безъ посредства присяжной адвокатуры, но при содѣйствіи подпольной адвокатуры, стоящей за дверьми суда, отличаются запутанностью, обиліемъ возбужденныхъ вопросовъ, не идущихъ къ дѣлу, плохимъ и даже иногда малопонятнымъ изложеніемъ состязательныхъ бумагъ, неумѣлостью постановки требованій, ихъ основаній и доказательствъ. Судъ долженъ быть доступенъ для каждаго, но эта доступность не умаляется, если требуется, чтобы съ судомъ говорили при посредствѣ тѣхъ людей, которые въ состояніи ясно, кратко и отчетливо изложить требованіе тяжущагося и въ свою очередь понять требованіе суда. Опытъ указываетъ, что большинство тяжущихся не знаетъ самыхъ обычныхъ и простыхъ правилъ веденія судебныхъ дѣлъ, даже несложныхъ. Разъяснить тяжущемуся то или другое недоразумѣніе, направить его на вѣрную дорогу не всегда возможно. Вообще, суды испытываютъ большія затрудненія по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, которыя ведутся самими тяжущимися. Нельзя, конечно, стѣснять человѣческой свободы, но нельзя усматривать такого стѣсненія въ томъ случаѣ, когда, по необходимости, запрещаютъ человѣку дѣлать то, чего онъ не въ состояніи сдѣлать. Далѣе, нѣтъ основанія думать, что обязательное участіе адвокатуры въ гражданскомъ процессѣ увеличитъ издержки тяжущихся. Дѣло въ томъ, что и въ настоящее время въ тѣхъ случаяхъ,

когда тяжущіеся не имѣютъ своего представителя на судѣ, дѣла ихъ въ сущности ведутся не ими, а тайными, подпольными адвокатами, плата которымъ въ концѣ концовъ обходится, какъ показываетъ опытъ, дороже, чѣмъ присяжному повѣренному. Плата подпольному адвокату производится, такъ сказать, поштучно, за каждое отдѣльное дѣйствіе, а посему такой адвокатъ старается, чтобы его кліентъ подалъ какъ можно больше бумагъ: онъ составитъ исковое прошеніе съ формальными недостатками, чтобы это прошеніе было оставлено безъ движенія, и чтобы кліентъ снова обратился къ нему за совѣтомъ, какъ исправить упущеніе; заставитъ кліента подать, безъ всякой нужды, всѣ установленныя состязательныя бумаги, а если кліентъ его—отвѣтчикъ то убѣдитъ его не явиться въ засѣданіе, чтобы рѣшеніе было заочнымъ; затѣмъ напишетъ отзывъ на заочное рѣшеніе, опять съ формальными недостатками, и наконецъ такую же апелляціонную жалобу. За каждое дѣйствіе онъ беретъ отдѣльную плату, и эта плата, будучи небольшою въ отдѣльности, въ общей сложности превыситъ вознагражденіе присяжному повѣренному. Въ настоящее время присяжная адвокатура развилась достаточно, и обязательное участіе ея въ гражданскомъ процессѣ ослабило бы подпольную адвокатуру, повліяло бы на уменьшеніе неосновательныхъ исковъ, избавило бы тяжущихся отъ непроизводительныхъ тратъ и даже уменьшило бы расходы на веденіе дѣлъ (т. V, стр. 310—326).

Производство до слушанія дѣла. Вызовъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ къ суду производится въ установленномъ порядкѣ, посредствомъ врученія повѣстокъ. По отзывамъ практиковъ, существующій способъ врученія повѣстокъ обставленъ недостигающими цѣли и обременительными формальностями, которыя поэтому очень часто не исполняются. Къ числу этихъ формальностей относится вывѣшиваніе копіи съ повѣстки на имя отсутствующаго лица у дома полицейскаго управленія, сельскаго старосты или десятскаго и приглашеніе свидѣтелей для присутствованія при врученіи повѣстки, въ случаѣ уклоненія лица, коему она адресована,

или его домашнихъ отъ принятія повѣстки (282, 283, 285 и 286 ст. уст. гражд. суд.). Кромѣ того, доставленіе повѣстокъ чрезъ судебныхъ приставовъ и разсыльныхъ, по своей дороговизнѣ, весьма обременительно для тяжущихся, и въ особенности для малоимущихъ крестьянъ. Какъ установлено ревизіею, оставленіе безъ движенія, а затѣмъ и возвращеніе исковыхъ прошеній сельскихъ обывателей въ большинствѣ случаевъ обусловливаются непредставленіемъ причитающагося судебнымъ приставамъ на врученіе повѣстокъ путеваго довольствія, которое по своимъ размѣрамъ не соотвѣтствуетъ ни матеріальному положенію истцовъ, ни стоимости самаго предмета иска.

На практикѣ встрѣчались рѣдкіе, впрочемъ, случаи указанія истцами невѣрныхъ адресовъ отвѣтчиковъ съ тѣмъ очевиднымъ намѣреніемъ, чтобы повѣстки были вручены подставнымъ лицамъ, и чтобы такимъ образомъ были постановлены заочныя рѣшенія противъ отвѣтчиковъ, которые, быть можетъ, не подозрѣвали и самой возможности предъявленія къ нимъ этихъ исковъ. Поэтому, въ нѣкоторыхъ судахъ судебнымъ приставамъ и разсыльнымъ вмѣнено въ обязанность, при отсутствіи лица, коему адресована повѣстка, и оставленіи послѣдней другимъ лицамъ для передачи по принадлежности, предварительно удостовѣряться чрезъ разспросъ мѣстныхъ жителей, дѣйствительно ли вызываемое лицо проживаетъ въ данномъ мѣстѣ.

Въ посылаемыхъ отвѣтчикамъ повѣсткахъ принято означать не только предметъ, но и основаніе иска („по иску такого-то о взысканіи такой-то суммы по такому-то документу“).

Вызовъ отвѣтчиковъ чрезъ публикаціи признается безполезнымъ, главнымъ образомъ, потому, что оффиціальныя изданія, въ которыхъ печатаются публикаціи, не имѣютъ распространенія въ публикѣ, да и вообще подобныя публикаціи рѣдко читаются. Явка отвѣтчиковъ, вызывавшихся чрезъ публикаціи, относится къ числу крайне рѣдкихъ, исключительныхъ случаевъ, при чемъ и въ этихъ случаяхъ, какъ это отмѣчено нѣкоторыми отчетами, отвѣтчики узнаютъ

о вызовѣ не изъ публикацій, а случайно (т. IV, р. 2, стр. 95).

Постановленія 291 и 292 ст. уст. гражд. суд., по которымъ о вызываемыхъ въ судъ отвѣтчикахъ выставляются въ пріемной комнатѣ суда объявленія, въ большинствѣ окружныхъ судовъ не соблюдаются, такъ какъ практика доказала совершенную безполезность подобныхъ объявленій. Въ нѣкоторыхъ судахъ вывѣшиваются объявленія лишь о лицахъ, вызываемыхъ чрезъ публикацію. Отмѣченный въ этомъ отношеніи недочетъ восполняется вывѣшиваніемъ, согласно 323 ст. уст. гражд. суд., списковъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію. Ревизіею установлено, что правило, изложенное въ этой послѣдней статьѣ устава, за незначительными исключеніями, исполняется въ точности.

Врученіе тяжущимся повѣстокъ, объявленій и разныхъ судопроизводственныхъ бумагъ производится иногда чрезъ полицію и волостныя правленія. Допускается это преимущественно по дѣламъ лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, а также по малоцѣннымъ искамъ, въ видахъ сокращенія расходовъ тяжущихся, которые очень часто не располагаютъ достаточными средствами для внесенія денегъ на командировки судебныхъ приставовъ. Ревизіонными отчетами констатировано нѣсколько случаевъ посылки тяжущимся объявленій въ заказныхъ письмахъ. Практикуется также посылка телеграммъ при условіи внесенія тяжущимся необходимыхъ на это денегъ (т. IV, р. 1, стр. 18). Вопросъ о томъ, не представляется ли желательнымъ и возможнымъ узаконить порядокъ вызова тяжущихся посредствомъ посылки имъ повѣстокъ въ заказныхъ пакетахъ по почтѣ, равно какъ и врученіе имъ тѣмъ же способомъ объявленій и другихъ бумагъ, большинствомъ практиковъ разрѣшается отрицательно. При этомъ указывается, главнымъ образомъ, на невозможность установленія такихъ правилъ, которыя вполнѣ гарантировали бы вѣрное и своевременное врученіе корреспонденціи адрессату. Отвѣтчикъ, безъ вызова коего судъ не можетъ приступить къ разрѣшенію дѣла, заинтересованный въ томъ, чтобы уклониться отъ полученія вызова, при

существующихъ почтовыхъ правилахъ легко можетъ этого достигнуть. Кромѣ того, вызовъ отвѣтчика, какъ весьма важный актъ гражданскаго процесса, долженъ быть обставленъ такими формальностями, которыя исключали бы всякую возможность сомнѣваться въ дѣйствительности вызова, между тѣмъ почтовыя правила достаточныхъ въ этомъ отношеніи гарантій не представляютъ. Далѣе, сдѣланы указанія еще и на то обстоятельство, что значительное число тяжущихся проживаетъ въ селеніяхъ и не имѣетъ возможности всякій разъ непосредственно получать корреспонденцію изъ почтоваго учрежденія. Посылаемая по почтѣ корреспонденція на имя деревенскихъ жителей очень часто доходитъ до адрессатовъ „при оказіи", чрезъ посредство знакомыхъ или сельскихъ властей, а при такихъ условіяхъ отправка въ деревню по почтѣ срочныхъ бумагъ не всегда достигала бы цѣли.

Нѣкоторые же изъ судебныхъ дѣятелей, имѣя въ виду, что существующій способъ врученія повѣстокъ и другихъ бумагъ сопряженъ съ значительными, а иногда даже и непосильными расходами для тяжущихся, признаютъ весьма желательнымъ установленіе непосредственнаго сношенія суда съ тяжущимися по почтѣ, заказными пакетами, „съ обратною роспискою". Сторонники такого порядка находятъ, что для устраненія возможныхъ недоразумѣній надлежало бы обязать почтовыя учрежденія пакеты съ надписью „вызовъ къ суду" доставлять немедленно по назначенію и вручать только самимъ адрессатамъ или ихъ домашнимъ (т. V, стр. 385).

По внесенному въ ревизіонную программу вопросу о томъ, не представляются ли слишкомъ длинными установленные 299 ст. уст. гражд. суд. сроки для явки въ судъ, высказаны различныя мнѣнія. Нѣкоторые практики находятъ эти сроки слишкомъ длинными, нѣкоторые же, ссылаясь на значительность разстояній, неудобства во многихъ мѣстностяхъ путей сообщенія, трудность для жителя деревни пользоваться содѣйствіемъ дѣльнаго адвоката и т. п., признаютъ ихъ едва достаточными.

Требованіе 309 ст. уст. гражд. суд. относительно заявле-

нія тяжущимися или ихъ повѣренными въ канцеляріи суда объ избранномъ ими мѣстѣ пребыванія въ томъ городѣ, гдѣ находится судъ, очень часто не исполняется тяжущимися, несмотря на дѣлаемыя въ повѣсткахъ о вызовѣ къ суду предваренія о послѣдствіяхъ неисполненія этого требованія. Ревизіонными отчетами отмѣчены случаи подачи участвующими лицами прошеній о скорѣйшемъ разборѣ уже рѣшенныхъ дѣлъ, по которымъ вызывныя повѣстки, за неуказаніемъ тяжущимися объ избранномъ каждымъ изъ нихъ мѣстѣ пребыванія въ городѣ, гдѣ находится судъ, были оставлены въ канцеляріи и затѣмъ приложены къ дѣламъ (т. V, стр. 397). Точное исполненіе упомянутаго требованія 309 статьи нерѣдко бываетъ затруднительно для тѣхъ тяжущихся, которые ведутъ свои дѣла безъ посредства повѣренныхъ. Крестьяне довольно часто обращаются въ судъ съ просьбою посылать имъ вызывныя повѣстки и другія бумаги чрезъ мѣстное волостное правленіе. Просьбы эти иногда исполняются въ отступленіе отъ правила, изложеннаго въ 311 ст. уст. гражд. суд. Въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ указывается, что возложенная на тяжущагося обязанность избранія фиктивнаго (иногда говорятъ „судебнаго“, „юридическаго“) мѣста пребыванія въ городѣ, гдѣ находится судъ, ведетъ иногда къ весьма нежелательнымъ явленіямъ. Практика убѣждаетъ, что тяжущіеся, не располагающіе достаточными матеріальными средствами и не имѣющіе въ данномъ городѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ, обыкновенно обращаются къ лицамъ, которыя пользуются требованіемъ 309 ст. уст. гражд. суд., какъ доходною для себя статьею. Лица эти, повидимому, принадлежатъ къ негласной адвокатурѣ, такъ какъ часто, вслѣдъ за отсылкою копіи съ бумаги на имя тяжущагося, избравшаго себѣ у даннаго лица мѣсто пребыванія, въ дѣлѣ появляется бумага отъ имени этого тяжущагося, писанная и подписанная за него хозяиномъ квартиры. Встрѣчались даже случаи, когда оба противника, истецъ и отвѣтчикъ, избирали свое мѣсто пребыванія въ квартирѣ одного и того же лица (т. IV, р. 2, стр. 99).

Предварительная подготовка дѣла къ слушанію произ-

водится въ установленномъ порядкѣ. Практика показываетъ, что стороны сравнительно рѣдко и лишь по особенно сложнымъ дѣламъ общаго порядка пользуются правомъ подачи всѣхъ состязательныхъ бумагъ. При этомъ постановленіе 320 ст. уст. гражд. суд. относительно права каждой изъ тяжущихся сторонъ, по пропускѣ противною стороною срока на представленіе своего объясненія, просить о немедленномъ назначеніи засѣданія для слушанія дѣла примѣняется окружными судами въ буквальномъ смыслѣ и никакихъ затрудненій не вызывало.

Практикою большинства окружныхъ судовъ принято удовлетворять ходатайства отвѣтчиковъ о назначеніи дѣла къ слушанію и безъ представленія отвѣта на исковое прошеніе. Такая практика основана на томъ соображеніи, что письменный отвѣтъ на исковое прошеніе, по духу закона, не составляетъ для отвѣтчика обязанности, которая подлежала бы безусловному съ его стороны исполненію, а составляетъ лишь его право и служитъ ему средствомъ для защиты своихъ интересовъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые суды удовлетворяютъ ходатайства отвѣтчиковъ о назначеніи дѣла къ слушанію лишь по истеченіи срока на подачу письменнаго отвѣта. Практика тѣхъ немногихъ судовъ, въ которыхъ не допускается назначеніе дѣла къ слушанію по просьбѣ отвѣтчика, если послѣдній не представилъ своего отвѣта на исковое прошеніе, исходятъ изъ того положенія, что, коль скоро отвѣтчикъ не исполнилъ требованія, изложеннаго въ 313 ст. уст. гражд. суд., право просить о слушаніи дѣла должно принадлежать только его противнику, т. е. истцу (т. IV, р. 2, стр. 104).

При ревизіи выяснились, между прочимъ, слѣдующіе, внесенные въ программу, вопросы:

1) не слѣдуетъ ли ввести предварительную подготовку дѣла у предсѣдателя съ вызовомъ сторонъ или ихъ повѣренныхъ?

2) не отнести ли къ этому предварительному производству разсмотрѣніе всѣхъ формальныхъ отводовъ, допросъ свидѣтелей, а также примиреніе сторонъ? и

3) не представляется и при такихъ условіяхъ возможнымъ ограничиться въ процессѣ двумя состязательными бумагами?

По этимъ вопросамъ, какъ и по многимъ другимъ вопросамъ, касающимся измѣненій существующихъ правилъ гражданскаго судопроизводства, высказаны различныя мнѣнія.

Тѣ изъ судебныхъ дѣятелей, которыми вышеприведенные вопросы разрѣшаются отрицательно, приводятъ слѣдующія соображенія.

Предварительная подготовка дѣлъ отнимаетъ у суда много времени, и если всю работу по подготовкѣ дѣлъ сосредоточить у предсѣдателя, у котораго и безъ того много занятій по пріему просителей, направленію дѣлъ, участію въ засѣданіяхъ, гдѣ ему принадлежитъ руководительство, исполненію рѣшеній суда, надзору за канцеляріею и т. п., то онъ не справится со всею этою работою, а послѣдствіемъ сего явится медленность въ дѣлопроизводствѣ. Затѣмъ, вопросы объ отводахъ и допустимости того или другаго рода доказательствъ бываютъ иногда очень затруднительны, какъ указываетъ практика, и для правильнаго разрѣшенія ихъ полезно коллегіальное обсужденіе. Къ тому же могутъ произойти столкновенія въ мнѣніяхъ предсѣдателя и суда по этимъ вопросамъ, и судъ, по необязательности для него частныхъ постановленій предсѣдателя, будетъ измѣнять одни его распоряженія и игнорировать другія, а отсюда произойдетъ колебаніе судебныхъ опредѣленій и дѣйствій, подрывъ авторитета предсѣдателя. Такое нововведеніе уменьшитъ устность и непосредственность, ибо судъ, рѣшающій дѣло, будетъ знакомиться съ показаніями свидѣтелей и заключеніями свѣдущихъ людей изъ письменнаго матеріала, изложеннаго въ протоколѣ предсѣдателя. Примиреніе сторонъ во время предварительнаго производства у предсѣдателя при самомъ возникновеніи дѣла неудобно въ виду какъ неясности дѣла при началѣ его, такъ и возможности со стороны тяжущихся представленія новыхъ доказательствъ по дѣлу и словесныхъ на судѣ объясненій, могущихъ измѣнить обстоятельства дѣла въ пользу той или другой стороны. Кромѣ того, прими-

реніе сторонъ, излагаемое въ протоколѣ, который, по 337 ст. уст. гражд. суд., имѣетъ силу окончательнаго, не подлежащаго обжалованію рѣшенія, по самому характеру этого акта, безусловно должно состояться въ присутствіи суда, разсматривающаго дѣло по существу.

Мнѣнія, клонящіяся къ утвердительному разрѣшенію обсуждаемыхъ вопросовъ, подкрѣпляются, главнымъ образомъ, указаніями на то, что въ подготовительной стадіи гражданскаго процесса очень часто встрѣчается необходимость въ такихъ распоряженіяхъ, зависимость коихъ отъ предварительнаго коллегіальнаго обсужденія въ присутствіи суда представляется совершенно лишнею, напр., устраненіе неграмотнаго повѣреннаго, за силою 1 п. 246 ст. уст. гражд. суд.; выдача тяжущемуся свидѣтельства по 452 статьѣ, измѣненіе срока допроса свидѣтелей; направленіе дѣла къ прокурору, въ случаѣ заявленія стороною прямого обвиненія въ подлогѣ, и т. п. (т. V, стр. 400—413).

Слушаніе дѣла. Дѣла общаго порядка назначаются къ слушанію обыкновенно не ранѣе мѣсяца по ихъ вступленіи. Иногда этотъ срокъ увеличивается до нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Дѣла сокращеннаго порядка назначаются къ слушанію не позже мѣсяца и въ большинствѣ случаевъ немедленно по вступленіи. Вообще же, при назначеніи засѣданія по дѣлу, независимо отъ исполненія установленныхъ формальностей, принимается во вниманіе время, необходимое для врученія повѣстокъ вызываемымъ лицамъ и на явку ихъ въ судъ. Значительное большинство дѣлъ, производящихся въ сокращенномъ порядкѣ, получаетъ такое направленіе въ силу закона, а не по желанію сторонъ. Такъ, въ 1894 г. изъ общаго числа 36.268 дѣлъ сокращеннаго порядка только 1.143 дѣла производились въ этомъ порядкѣ по желанію сторонъ, а остальныя 35.125 дѣлъ подлежали сокращенному производству въ силу самаго закона (т. VI, стр. 358).

Предъявленіе въ судебномъ засѣданіи встрѣчнаго иска почти всегда ведетъ къ отсрочкѣ разбора дѣла. При этомъ замѣчено, что отвѣтчики заявляютъ иногда такіе иски съ явною цѣлью затянуть производство. Для этого отвѣтчикъ

обыкновенно проситъ о назначеніи ему срока для письменнаго изложенія встрѣчныхъ исковыхъ требованій; затѣмъ, въ послѣдній день срока подаетъ прошеніе безъ приложенія копій, судебныхъ пошлинъ или денегъ на повѣстки, что вызываетъ новую отсрочку, и т. д., и въ концѣ концовъ отдаляетъ разсмотрѣніе дѣла по существу на значительное время (т. IV, р. 2, стр. 122).

Разборъ дѣла при закрытыхъ дверяхъ, на основаніи 326 ст. уст. гражд. суд., по просьбѣ о томъ обѣихъ сторонъ, относится къ числу весьма рѣдкихъ явленій. Во многихъ окружныхъ судахъ такихъ случаевъ за три предшествовавшіе ревизіи года вовсе не было. Ходатайства сторонъ о закрытіи дверей заявляются обыкновенно по дѣламъ, требующимъ выясненія семейныхъ отношеній тяжущихся или вообще такихъ обстоятельствъ, оглашеніе которыхъ для нихъ нежелательно. Въ видѣ примѣровъ ревизіонными отчетами указаны дѣла о взысканіи женою содержанія съ мужа, объ обязаніи жены вернуться къ совмѣстному жительству съ мужемъ, о законности рожденія, объ обезпеченіи незаконнорожденныхъ и о возвратѣ дѣтей. Къ числу дѣлъ, по которымъ, въ виду необходимости выясненія интимной жизни участвующихъ лицъ, стороны просятъ иногда о закрытіи дверей, принадлежатъ также дѣла о признаніи духовныхъ завѣщаній недѣйствительными (т. IV, р. 2, стр. 105).

Просьбы тяжущихся о разсмотрѣніи дѣла въ ихъ отсутствіи заявляются преимущественно по производящимся въ сокращенномъ порядкѣ дѣламъ о взысканіяхъ по безспорнымъ долговымъ обязательствамъ—векселямъ, заемнымъ письмамъ, закладнымъ и т. п. Иногда такія просьбы вызываются не характеромъ дѣла, а мѣстными условіями, затрудняющими тяжущемуся возможность явиться въ судъ (дальность разстоянія, неудобства путей сообщенія и т. п.). Замѣчено также, что правомъ не являться въ судъ пользуются преимущественно тѣ изъ истцовъ, которые ведутъ дѣла при содѣйствіи подпольныхъ адвокатовъ. Не имѣя возможности явиться въ судъ лично или не будучи въ состояніи давать на судѣ объясненія, означенные истцы ограничиваются подачею со-

чиненныхъ подпольными адвокатами прошеній. Присяжные повѣренные просятъ иногда о разсмотрѣніи дѣла въ ихъ отсутствіи съ цѣлью обезпечить движеніе дѣла на случай, если бы какія-либо непредвидѣнныя обстоятельства лишили ихъ возможности явиться въ засѣданіе суда. На практикѣ возникъ весьма интересный вопросъ о томъ, имѣетъ ли повѣренный право вообще просить о разсмотрѣніи дѣла въ его отсутствіи. Согласно выработанному нѣкоторыми судами взгляду, означенное право принадлежитъ исключительно лишь самимъ тяжущимся, а не ихъ повѣреннымъ, которые, по свойству своихъ отношеній къ довѣрителямъ, должны во всемъ ограждать ихъ интересы и поэтому безусловно обязаны являться къ слушанію дѣла для опроверженія могущихъ послѣдовать возраженій противной стороны (т. IV, р. 2, стр. 221).

Случаи, когда судъ, на основаніи 719[1] ст. уст. гражд. суд., требуетъ личной явки сторонъ, встрѣчаются весьма рѣдко. Въ практикѣ 26 окружныхъ судовъ въ теченіе 1892—1894 г. такихъ случаевъ вовсе не было. Требованіе о личной явкѣ обращается обыкновенно къ лицу, ведущему дѣло. Ревизіонными отчетами отмѣчено нѣсколько исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ судъ, по особымъ обстоятельствамъ дѣла, признавалъ безусловно необходимою личную явку самихъ тяжущихся, а не ихъ повѣренныхъ.

Примиреніе сторонъ по дѣламъ, производящимся въ окружныхъ судахъ, вообще достигается рѣдко. Иногда тяжущіеся просятъ отложить дѣло для переговоровъ о мирѣ, и такія просьбы обыкновенно удовлетворяются. Бывали случаи, когда судъ, усматривая наклонность сторонъ къ миролюбивому окончанію дѣла, по собственному почину откладывалъ разбирательство на нѣсколько часовъ, чтобы дать сторонамъ возможность сговориться объ условіяхъ прекращенія спора (т. IV, р. 2, стр. 108).

Отсрочка судебнаго засѣданія въ общемъ встрѣчается довольно часто. Согласно собраннымъ статистическимъ даннымъ, въ 1894 г. во всѣхъ окружныхъ судахъ было 16.655 случаевъ отсрочки розбора назначенныхъ къ слушанію

дѣлъ (т. VI, стр. 358). Отсрочка обыкновенно вызывается: 1) просьбою о томъ самихъ тяжущихся, 2) необходимостью предоставленія сторонамъ возможности собрать новыя доказательства, 3) неврученіемъ повѣстокъ вызываемымъ лицамъ или невозвращеніемъ обратныхъ экземпляровъ повѣстокъ при неявкѣ вызываемыхъ, 4) необходимостью повѣрки доказательствъ внѣ судебнаго засѣданія (осмотры, экспертиза, окольныя дознанія), 5) предъявленіемъ встрѣчнаго иска 6) просьбою о привлеченіи третьяго лица и 7) случайною неявкою лица прокурорскаго надзора (по дѣлу, по которому требуется его заключеніе) или внезапною болѣзнью члена-докладчика.

Въ практикѣ встрѣчаются случаи, когда судъ, удалившись, по окончаніи состязанія сторонъ, въ совѣщательную комнату для постановленія рѣшенія и обсудивъ данныя разсматриваемаго дѣла, находитъ, что нѣкоторыя обстоятельства этого дѣла недостаточно выяснены. Такъ какъ при такомъ условіи судъ не можетъ быть увѣренъ въ правильности своего рѣшенія или даже лишенъ возможности постановить вполнѣ обоснованное рѣшеніе, то въ подобныхъ случаяхъ принято возобновлять судебное засѣданіе, при чемъ судъ предоставляетъ сторонамъ выяснить возбуждающія сомнѣніе обстоятельства путемъ дополнительнаго состязанія или же обязываетъ ихъ, на основаніи 368 ст. уст. гражд. суд., представить новыя данныя въ подтвержденіе того или другаго обстоятельства.

Участіе прокуратуры въ разсмотрѣніи тѣхъ гражданскихъ дѣлъ, по которымъ требуется заключеніе прокурора (343 ст. уст. гражд. суд.), по отзывамъ практиковъ, въ значительномъ большинствѣ случаевъ имѣетъ чисто формальное значеніе. Не имѣя возможности изучить обстоятельства каждаго даннаго дѣла во всѣхъ подробностяхъ, лица прокурорскаго надзора обыкновенно даютъ весьма краткія заключенія по существу исковыхъ требованій, раздѣляя доводы той или другой стороны. Прокурорскія заключенія бываютъ болѣе или менѣе обстоятельны и имѣютъ вліяніе на движеніе дѣла лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда при разсмотрѣніи

гражданскаго иска обнаружатся данныя, указывающія на признаки преступленія. За исключеніемъ такихъ именно случаевъ, прокурорскія заключенія по гражданскимъ дѣламъ признаются безполезными (т. IV, р. 2, стр. 125). Какъ значится въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ, постановленіе закона, по которому прокуроръ даетъ въ судѣ заключенія по дѣламъ казенныхъ управленій и разныхъ другихъ учрежденій, ведетъ только къ тому, что установленія эти, разсчитывая на прокурорскую помощь, не заботятся о приглашеніи для веденія этихъ дѣлъ опытныхъ повѣренныхъ, а посылаютъ въ судъ чиновниковъ, совершенно неподготовленныхъ къ веденію судебныхъ дѣлъ и проигрывающихъ эти дѣла, что̀ вызываетъ неосновательныя нареканія на судебныя мѣста. По мнѣнію многихъ судебныхъ дѣятелей, надлежало бы уменьшить кругъ дѣлъ, по которымъ прокуроръ долженъ давать въ гражданскомъ судѣ свое заключеніе, оставивъ въ числѣ ихъ лишь нѣкоторыя, перечисленныя въ 343 ст. уст. гражд. суд., категоріи, а именно дѣла, затрогивающія публичный интересъ, а также опекунскія. Вмѣстѣ съ тѣмъ многіе изъ практиковъ высказались въ пользу утвердительнаго разрѣшенія внесеннаго въ ревизіонную программу вопроса о томъ, не желательно ли предоставленіе прокурорскому надзору активнаго вмѣшательства въ дѣла, нуждающіяся въ надзорѣ и покровительствѣ государства (предъявленіе процессуальныхъ требованій, равносильныхъ требованіямъ покровительствуемой стороны, право жалобы въ защиту подопечныхъ даже при отсутствіи жалобъ отъ опекуновъ).

При ревизіи во всей подробности выяснялся вопросъ объ иниціативѣ суда въ установленіи истины по каждому данному дѣлу. Согласно значительному большинству ревизіонныхъ отчетовъ, практика придерживается распространительнаго толкованія 368 ст. уст. гражд. суд., вслѣдствіе чего выясненіе по иниціативѣ суда всѣхъ, необходимыхъ для установленія истины, обстоятельствъ гражданскаго дѣла составляетъ обычное явленіе. Такая иниціатива проявляется въ особенности по дѣламъ, въ которыхъ участвующими лицами являются крестьяне или вообще малограмотные люди, ведущіе

свои дѣла безъ посредства адвокатуры, и по спорамъ о подлогѣ документовъ. Признавая, что для правильнаго рѣшенія даннаго дѣла необходимо выяснить тѣ или другія обстоятельства, судъ въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущійся самъ не постигаетъ значенія этихъ обстоятельствъ и не дѣлаетъ на нихъ ссылки, обыкновенно требуетъ ихъ выясненія, на основаніи упомянутой выше статьи устава, и при этомъ нерѣдко прямо указываетъ на необходимость допроса свидѣтелей или представленія того или другаго документа къ дѣлу. Означенная практика находитъ много сторонниковъ именно потому, что безъ собственной иниціативы судъ очень часто не могъ бы постановить правильнаго, соотвѣтствующаго чувству справедливости, рѣшенія по дѣлу. Встрѣчающійся въ видѣ рѣдкаго исключенія противоположный взглядъ основанъ, главнымъ образомъ, на томъ соображеніи, что въ состязательномъ процессѣ судъ долженъ, при постановленіи рѣшенія, оставаться въ предѣлахъ требованій и доводовъ сторонъ, иначе могла бы быть нарушена равноправность сторонъ, а судъ исполнялъ бы несвойственныя ему обязанности юрисконсульта тяжущихся. Малочисленность сторонниковъ такого взгляда въ средѣ судебныхъ дѣятелей, несмотря на кажущуюся основательность его съ чисто формальной точки зрѣнія, объясняется жизненнымъ значеніемъ суда, задачи коего состоятъ не въ томъ, чтобы съ педантичною точностью примѣнять къ каждому конкретному случаю букву закона, а прежде всего творить судъ „правый и милостивый“ и постановлять рѣшенія по совѣсти и съ полною увѣренностью въ соотвѣтствіи таковыхъ чувству справедливости, что̀ безъ иниціативы суда въ выясненіи истины не всегда достижимо.

Многіе изъ судебныхъ дѣятелей признаютъ желательнымъ внести въ уставъ гражданскаго судопроизводства категорическое постановленіе, которое предоставляло бы суду право указывать сторонамъ, какія именно доказательства важны для разрѣшенія дѣла. Стороны, говорится въ одномъ изъ отчетовъ, не имѣя возможности путемъ добровольнаго соглашенія разрѣшить свой споръ и достигнуть возстановленія своихъ правъ, обращаются въ судъ съ ходатайствомъ о раз-

рѣшеніи ихъ спора, будучи убѣждены, что въ судѣ они найдутъ удовлетвореніе своихъ требованій. Въ виду сего суду какъ учрежденію, возстановляющему правду и справедливость во всемъ томъ, въ чемъ онѣ были нарушены, необходимо предоставить самое широкое право указывать сторонамъ на всѣ тѣ доказательства и способы защиты, которые почему-либо сторонами или ихъ повѣренными упущены, но весьма существенны и важны для правильнаго и справедливаго разрѣшенія спора; въ противномъ же случаѣ судъ не будетъ достигать своего высокаго назначенія и вынужденъ будетъ постановлять рѣшенія, несогласныя съ матеріальною истиною. Судъ, читаемъ въ другомъ отчетѣ, не можетъ и не долженъ быть нѣмымъ созерцателемъ попранія истины и закона. Расширеніе почина суда въ цѣляхъ справедливаго рѣшенія дѣлъ вполнѣ согласовалось бы и съ началомъ гласности судопроизводства, въ виду коей не представляется никакой необходимости оставлять подъ покровомъ мнѣніе суда о пригодности для цѣлей правосудія того или другаго доказательства (т. V, стр. 415 и 417).

По мнѣнію нѣкоторыхъ практиковъ, раскрытію матеріальной истины въ гражданскомъ процессѣ очень часто препятствуетъ правило, по которому содержаніе письменныхъ документовъ не можетъ быть опровергаемо показаніями свидѣтелей (410 ст. уст. гражд. суд.). Жизнь даетъ массу письменныхъ обязательствъ, происхожденіе которыхъ не соотвѣтствуетъ содержанію. Раскрытіе истины въ подобныхъ случаяхъ возможно почти исключительно только при помощи свидѣтелей,—таковы, напр., дѣла о взысканіяхъ по векселямъ, выданнымъ людьми неторговаго званія въ обезпеченіе какихъ-нибудь договоровъ (т. IV, р. 2, стр. 116). Затѣмъ, указывается, что выясненію матеріальной истины можетъ препятствовать содержащееся въ 4 п. 373 ст. уст. гражд. суд. правило, въ силу котораго, по отводу противной стороны, устраняются отъ свидѣтельства лица, имѣющія тяжбу съ одною изъ сторонъ. Этимъ правиломъ иногда пользуются изворотливые и изобрѣтательные тяжущіеся для того, чтобы обезоружить своихъ противниковъ, лишивъ ихъ главнаго, а

иногда даже единственнаго средства защиты своихъ интересовъ устраненіемъ изъ числа доказательствъ по дѣлу опаснаго для нихъ свидѣтельскаго показанія. Стоитъ только предъ засѣданіемъ суда заявить къ опасному свидѣтелю какой-нибудь, хотя бы и самый ничтожный, неосновательный, и даже завѣдомо недобросовѣстный, искъ, чтобы пріобрѣсти неотъемлемое право предъявленіемъ отвода, на основаніи указанной статьи закона, устранить допросъ этого свидѣтеля. Въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ отмѣчено, что требованіе 367 ст. уст. гражд. суд., по которой судъ самъ ни въ какомъ случаѣ не собираетъ доказательствъ, а постановляетъ рѣшеніе исключительно на основаніи доказательствъ, представленныхъ сторонами, нерѣдко ставитъ судъ въ очень тяжелое положеніе, когда тяжущіеся ведутъ дѣло безъ посредства повѣренныхъ, и особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда, съ одной стороны, является во всеоружіи знанія опытный адвокатъ, а съ другой—мало или вовсе неграмотный крестьянинъ, не знающій законовъ, не понимающій объясненій своего противника и не умѣющій даже точно изложить свои требованія. Въ другомъ мѣстѣ по тому же предмету говорится, что, при безграмотности значительнаго большинства нашего населенія, при недостаткѣ людей съ юридическимъ образованіемъ, строгое проведеніе въ нашемъ уставѣ гражданскаго судопроизводства состязательнаго начала имѣетъ нежелательныя послѣдствія, затрудняя суду возможность обнаруженія матеріальной истины; что состязательное начало получило въ нашемъ гражданскомъ процессѣ слишкомъ преувеличенное значеніе (какъ реакція противъ дореформеннаго слѣдственнаго начала), дѣлая судъ нѣмымъ зрителемъ очень часто неравной борьбы тяжущихся и препятствуя ему оказывать съ своей стороны содѣйствіе обиженному и тѣмъ достигать торжества правды, и что судебная практика, подъ давленіемъ потребностей жизни и ради справедливости, обнаруживаетъ стремленіе къ отступленію отъ строгаго состязательнаго начала, придавъ распространительное толкованіе 368 ст. уст. гражд. суд. (т. IV, р. 2, стр. 115).

Доводы эти встрѣчаютъ, однако, и возраженія. Существующія процессуальныя правила установлены исключительно для выясненія формальной правды, формальной истины, единственно доступной для суда гражданскаго въ настоящей его постановкѣ. Разъясненіе дѣйствительной матеріальной истины возможно для суда гражданскаго лишь настолько, насколько эта истина совпадаетъ съ правдою формальною. Если поставить задачею суду гражданскому отыскиваніе матеріальной истины, независимо отъ правды формальной, то не только долженъ быть измѣненъ весь существующій судопроизводственный порядокъ, но и въ области матеріальнаго права необходимо было бы отказаться отъ тѣхъ чисто формальныхъ рамокъ и границъ, въ которыя этимъ правомъ укладываются юридическія отношенія (т. V, стр. 415).

Упрощенный порядокъ судопроизводства. Едва ли не большинство практиковъ признаетъ, что польза и удобства, ожидавшіяся отъ введенія упрощеннаго порядка производства, представляются весьма сомнительными. Прежде всего, означенная форма гражданскаго процесса примѣняется гораздо рѣже, чѣмъ можно было предполагать вначалѣ, при изданіи новеллы 1891 г. Достигаемая въ порядкѣ упрощеннаго производства быстрота рѣшенія дѣла, какъ показываетъ опытъ, не составляетъ достаточной побудительной причины къ предпочтенію этого способа взысканія сокращенному порядку въ окружномъ судѣ или общему у единоличнаго судьи, такъ какъ и при этихъ порядкахъ полученіе удовлетворенія по безспорному документу обыкновенно достигается также довольно скоро. Къ тому же недобросовѣстный отвѣтчикъ имѣетъ возможность затормозить производимое въ упрощенномъ порядкѣ взысканіе путемъ обращенія дѣла къ производству въ общемъ порядкѣ или пріостановить исполненіе состоявшагося въ упрощенномъ порядкѣ рѣшенія путемъ предъявленія иска объ освобожденіи его отъ отвѣтственности по присужденному требованію (365^{15}, 365^{22} и 365^{23} ст. уст. гражд. суд.), и въ такихъ случаяхъ окончательное рѣшеніе дѣла наступаетъ гораздо позже, чѣмъ

при условіи первоначальнаго предъявленія иска въ сокращенномъ порядкѣ въ окружномъ судѣ или въ общемъ—у единоличнаго судьи. Малочисленность исковъ, предъявляемыхъ въ упрощенномъ порядкѣ, объясняется еще и тѣмъ, что при этомъ порядкѣ взыскатель получаетъ лишь $^1/_5$ вознагражденія, причитающагося по таксѣ за веденіе дѣла въ общемъ порядкѣ (примѣч. 2 къ ст. 1 прилож. VII къ ст. 396 учр. суд. уст.). Несомнѣнно, что многіе взыскатели примиряются съ нѣкоторымъ замедленіемъ въ производствѣ дѣла, лишь бы получить полностью опредѣленное таксою вознагражденіе за веденіе дѣла и тѣмъ возмѣстить неукладывающіеся въ форму судебныхъ издержекъ расходы, напр., на поѣздки въ судъ, переписку бумагъ и т. п. По отзывамъ нѣкоторыхъ практиковъ, къ упрощенному порядку судопроизводства тяжущіеся прибѣгаютъ преимущественно при осуществленіи фиктивныхъ сдѣлокъ, весь успѣхъ которыхъ въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ немедленнаго полученія исполнительнаго листа и обращенія взысканія на составляющее предметъ сдѣлки имущество. Въ одномъ изъ отчетовъ сдѣлано указаніе на весьма своеобразный пріемъ, практикуемый на почвѣ упрощеннаго судопроизводства лицами, которыя занимаются отдачею денегъ въ ростъ подъ лихвенные проценты. Пріемъ этотъ состоитъ въ томъ, что написанное еще до займа долговое обязательство предъявляется ко взысканію въ упрощенномъ порядкѣ и деньги выдаются заемщику лишь послѣ полученія кредиторомъ исполнительнаго листа, т. е. заемъ въ сущности обезпечивается не обязательствомъ, а исполнительнымъ листомъ, о скорѣйшей выдачѣ котораго хлопочетъ самъ же заемщикъ. Ростовщики предполагаютъ, что этимъ путемъ они могутъ обезпечить для себя безопасность отъ обвиненія въ ростовщичествѣ (т. IV, р. 1, стр. 27).

Доказательства. Во многихъ ревизіонныхъ отчетахъ имѣются указанія на то, что участвующія въ дѣлѣ лица, по большей части, представляютъ въ судъ свои доказательства не сразу, а постепенно, при чемъ каждая изъ сторонъ обыкновенно выжидаетъ представленія всѣхъ доказательствъ противною стороною. Такая практика вызываетъ частыя отсроч-

ки судебныхъ засѣданій и вообще ведетъ къ замедленію процесса.

Свидѣтельскія показанія, какъ судебное доказательство, встрѣчаются въ гражданскихъ дѣлахъ, даже по искамъ, основаннымъ на документахъ, весьма часто. Относительно порядка допроса свидѣтелей по дѣламъ, производящимся въ окружныхъ судахъ, существуетъ различная практика. Въ большинствѣ случаевъ свидѣтели допрашиваются въ очередныхъ судебныхъ засѣданіяхъ, иногда же для допроса свидѣтелей назначаются особыя засѣданія. Затѣмъ значительное число свидѣтелей допрашивается въ порядкѣ повѣрки доказательствъ, на мѣстѣ, при предъявленіи имъ спорнаго имущества или при исполненіи другихъ дѣйствій (369 ст. уст. гражд. суд.). По вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли допустить допросъ свидѣтелей въ коллегіальныхъ судахъ чрезъ одного члена-докладчика, высказаны различныя мнѣнія. Въ пользу установленія такого порядка приводятся, между прочимъ, слѣдующія соображенія. Допросъ свидѣтелей по гражданскимъ дѣламъ въ засѣданіи суда представляется крайне обременительнымъ не только для послѣдняго, но и для публики, ожидающей разсмотрѣнія своихъ дѣлъ въ томъ же засѣданіи, ибо всѣ показанія свидѣтелей вносятся въ подписываемый ими протоколъ, составленіе котораго отнимаетъ очень много времени. Между тѣмъ, содержаніе свидѣтельскихъ показаній ограничивается, въ большинствѣ случаевъ, удостовѣреніемъ тѣхъ или другихъ событій по вопросамъ, предлагаемымъ сторонами, и рѣдко нуждается въ провѣркѣ посредствомъ перекрестнаго допроса при участіи всего состава суда. Такой именно характеръ свидѣтельскихъ показаній доказывается и тѣмъ, что, по просьбѣ сторонъ, многіе свидѣтели, не живущіе въ мѣстѣ нахожденія суда, допрашиваются единоличными судьями—уѣздными членами, и судъ не находитъ необходимымъ подвергать свидѣтелей передопросу въ судебномъ засѣданіи. Въ виду сего, не только не встрѣчается никакихъ препятствій, но было бы весьма желательно, чтобы свидѣтели, проживающіе въ мѣстѣ пребыванія суда, по порученію послѣдняго, допрашивались, въ

присутствіи сторонъ, однимъ изъ членовъ гражданскаго отдѣленія по очереди (т. V, стр. 436). Мнѣніе это подкрѣпляется еще и тѣмъ соображеніемъ, что судъ не всегда рѣшаетъ дѣло по существу въ томъ засѣданіи, въ которомъ были допрошены свидѣтели. Въ такихъ случаяхъ, не говоря уже о возможности перемѣнъ въ личномъ составѣ присутствія суда, непосредственное впечатлѣніе, произведенное на судей показаніями свидѣтелей, пока назначено будетъ новое засѣданіе по дѣлу, изглаживается, и, такимъ образомъ, цѣль закона, установившаго допросъ свидѣтелей въ засѣданіи суда, не достигается.

Судебные дѣятели, придерживающіеся противоположнаго взгляда, указываютъ на то, что, во-1-хъ, торжественная обстановка судебнаго засѣданія безусловно вліяетъ на свидѣтелей и заставляетъ ихъ осторожнѣе относиться къ даваемымъ ими показаніямъ и, во-2-хъ, при допросѣ свидѣтелей въ коллегіальномъ составѣ суда самый допросъ можетъ быть произведенъ обстоятельнѣе и подробнѣе, въ виду предоставленнаго каждому члену присутствія суда права предлагать свидѣтелю свои вопросы.

Случаи, въ которыхъ свидѣтели отказывались давать показанія по гражданскимъ дѣламъ въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, ссылаясь на свою обязанность сохранить служебную или профессіональную тайну, за послѣдніе предъ ревизіею три года, имѣли мѣсто лишь въ четырехъ судахъ. Ревизіонными отчетами, между прочимъ, отмѣчены случаи, въ которыхъ свидѣтели отказывались не отъ дачи показаній, а отъ принятія присяги, мотивируя отказъ религіозными убѣжденіями, при чемъ стороны освобождали ихъ отъ присяги (395 ст. уст. гражд. суд.).

Такъ какъ показанія свидѣтелей оцѣниваются по внутреннему убѣжденію судей, то болѣе или менѣе подробныхъ и вообще твердо установленныхъ правилъ для оцѣнки этихъ показаній практикою не выработано. Во всякомъ случаѣ, тождественныя и согласныя между собою показанія нѣсколькихъ свидѣтелей по одному и тому же предмету признаются болѣе достовѣрными, чѣмъ показанія разнорѣчивыя; яснымъ

и категорическимъ показаніямъ отдается предпочтеніе предъ показаніями неопредѣленными, сбивчивыми или уклончивыми; равнымъ образомъ отдается предпочтеніе показаніямъ очевидцевъ предъ показаніями, даваемыми со словъ другихъ лицъ; показанія, основанныя на слухахъ, отвергаются. Причины, по которымъ судъ не придаетъ значенія достовѣрнаго доказательства тому или другому свидѣтельскому показанію, обыкновенно излагаются въ постановленномъ по дѣлу рѣшеніи. Слѣдуетъ замѣтить, что многіе практики крайне скептически относятся къ свидѣтельскимъ показаніямъ. Въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ имѣется слѣдующій отзывъ. „Можно съ увѣренностью сказать, что каждый, задавшійся мыслью доказать предъ судомъ наличность несуществующаго факта, съ успѣхомъ и безъ особаго труда найдетъ потребное количество „достовѣрныхъ свидѣтелей“ и даже „очевидцевъ“. Практика окружныхъ судовъ убѣждаетъ, что по всѣмъ дѣламъ, по которымъ обѣ стороны выставляютъ свидѣтелей, всегда являются двѣ партіи, дающія діаметрально противоположныя показанія“ (т. V, стр. 449).

Дознанія чрезъ окольныхъ людей, по самому характеру и условіямъ исполненія этого судебнаго дѣйствія, всегда производятся въ порядкѣ повѣрки доказательствъ на мѣстѣ. Показанія окольныхъ людей, избираемыхъ по жребію изъ мѣстныхъ жителей и въ огромномъ большинствѣ случаевъ находящихся внѣ вліянія заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ, вообще почитаются болѣе достовѣрнымъ и надежнымъ доказательствомъ, чѣмъ показанія выставленныхъ сторонами свидѣтелей. Многіе изъ судебныхъ дѣятелей находятъ весьма желательнымъ предоставить суду право назначать дознанія чрезъ окольныхъ людей по собственной иниціативѣ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда означенный способъ установленія доказательствъ можетъ быть признанъ, по мнѣнію суда, необходимымъ, и не только по дѣламъ исковымъ, но и охранительнымъ (т. V, стр. 450).

Письменнымъ доказательствамъ придается то значеніе, какое они имѣютъ въ силу самаго закона. На практикѣ, какъ это выяснено ревизіею, встрѣчаются случаи, когда сторона,

отъ которой требуется представленіе документа, не отрицая нахожденія у нея этого документа, отказывается его выдать. Такіе отказы встрѣчаются по большей части со стороны правленій желѣзныхъ дорогъ, въ распоряженіи которыхъ имѣются документы (накладныя, разсчеты и т. п.), служащіе къ подкрѣпленію предъявляемыхъ къ желѣзнымъ дорогамъ исковъ объ убыткахъ. Если повѣренный желѣзной дороги въ судъ не является, требуемыхъ документовъ не представляетъ и никакихъ объясненій по дѣлу не даетъ, то обыкновенно примѣняется 444 ст. уст. гражд. суд. Кромѣ прямаго отказа бывали случаи уклоненія стороны отъ категорическаго отвѣта на вопросъ о томъ, находится ли у нея требуемый документъ (т. IV, р. 2, стр. 172).

Ревизіонными отчетами отмѣчены также случаи, въ которыхъ неучаствующія въ дѣлѣ лица отказывались представить въ судъ имѣвшіеся у нихъ документы (445 ст. уст. гражд. суд.). Подобныя явленія объясняются, съ одной стороны, тѣмъ, что закономъ не установлено взысканія за уклоненіе неучаствующаго въ дѣлѣ лица отъ исполненія требованія суда о выдачѣ документа, а съ другой—бывшими въ практикѣ примѣрами наложенія на означенныхъ лицъ весьма значительныхъ гербовыхъ штрафовъ за написаніе представленныхъ ими документовъ съ нарушеніемъ постановленій гербоваго устава. Боязнь подвергнуться гербовому штрафу можетъ въ значительной мѣрѣ обусловливать уклоненіе неучаствующихъ въ дѣлѣ лицъ отъ представленія въ судъ имѣющихся у нихъ документовъ, тѣмъ болѣе, что лица эти нисколько не заинтересованы въ исходѣ каждаго даннаго дѣла, по которому требуется документъ (т. IV, р. 2, стр. 174). Въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ по этому поводу замѣчено, что, такъ какъ 445 ст. уст. гражд. суд. не имѣетъ надлежащей санкціи, и судъ лишенъ возможности принимать какія-либо понудительныя мѣры, если неучаствующее въ дѣлѣ лицо откажется отъ добровольнаго представленія находящагося у него документа, то надлежало бы вовсе исключить упомянутую статью изъ устава гражданскаго судопроизводства, какъ заключающую въ себѣ законоположеніе, испол-

няемое только при условіи добровольнаго согласія неучаствующаго въ дѣлѣ лица; въ другомъ отчетѣ, наоборотъ, говорится, что желательно было бы подвергать третье лицо штрафу за уклоненіе отъ представленія въ судъ требуемаго отъ него документа. Это послѣднее предположеніе могло бы, однако, встрѣтиться съ нѣкоторыми практическими затрудненіями. Ревизіею констатированъ случай, въ которомъ неучаствующее въ дѣлѣ лицо заявило, что указаннаго стороною документа вовсе не существуетъ, почему оно и не можетъ его представить. Здѣсь, предварительно наложенія штрафа, предстояло бы рѣшить вопросъ, дѣйствительно ли требуемый документъ находится въ распоряженіи даннаго лица, а для этого, быть можетъ, нужно было бы произвести цѣлое разслѣдованіе, едва ли могущее входить въ задачи суда гражданскаго.

При ревизіи, между прочимъ, выяснялся вопросъ, нельзя ли установить правило, по которому самъ судъ, по просьбѣ тяжущагося, требовалъ бы отъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ нужные для дѣла документы и удостовѣренія (54 вопр. по дополн. программѣ). По этому вопросу, какъ и по многимъ другимъ предметамъ, высказаны различныя мнѣнія. Практики, разрѣшающіе этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, утверждаютъ, что такой порядокъ значительно облегчилъ бы тяжущимся возможность пользоваться нужными имъ документами. При настоящемъ положеніи вещей,—говорится далѣе по этому поводу,—тяжущійся долженъ взять изъ суда свидѣтельство, представить это свидѣтельство въ подлежащее присутственное мѣсто, находящееся иногда въ значительномъ разстояніи отъ его мѣста жительства, и затѣмъ хлопотать о своевременной выдачѣ требуемаго документа или удостовѣренія. Переложеніе этой обязанности съ тяжущихся на судъ не только избавило бы тяжущихся отъ массы хлопотъ, потери времени и расходовъ на поѣздки, но значительно способствовало бы упрощенію самаго производства дѣла въ судѣ. Назначеніе срока на представленіе документа не можетъ обезпечивать своевременное полученіе документа изъ подлежащаго устано-

вленія. Между тѣмъ, за истеченіемъ опредѣленнаго срока, дѣло назначается къ слушанію и неизбѣжно откладывается, въ виду представленія сторонами доказательствъ неполученія ими изъ присутственнаго мѣста нужныхъ документовъ. Кромѣ того, бываютъ случаи, когда присутственныя мѣста отказываютъ просителямъ въ ходатайствѣ о выдачѣ справки или о пересылкѣ документовъ, несмотря на представленное изъ суда свидѣтельство. Это имѣетъ мѣсто тогда, когда учрежденіе, изъ котораго требуется справка или документъ, заинтересовано въ исходѣ дѣла, а требуемыя данныя являются, по своему существу, для его интересовъ вредными. Противоположное мнѣніе, клонящееся къ отрицательному разрѣшенію указаннаго выше вопроса, основано, главнымъ образомъ, на томъ соображеніи, что непосредственное обращеніе суда въ присутственное мѣсто или къ должностному лицу съ требованіемъ о высылкѣ справки или документа не устранитъ тѣхъ затрудненій, которыя встрѣчаются при существующемъ порядкѣ истребованія справокъ и документовъ по свидѣтельствамъ, такъ какъ и при непосредственной перепискѣ суда съ присутственнымъ мѣстомъ или должностнымъ лицомъ возможны какъ замедленія въ исполненіи требованія, такъ и уклоненія отъ высылки бумагъ. Съ другой стороны, въ практикѣ нерѣдки случаи, когда тяжущійся, получая свидѣтельство, не имѣетъ еще точнаго понятія о томъ, находятся ли въ данномъ присутственномъ мѣстѣ необходимыя для него свѣдѣнія, или убѣждается впослѣдствіи, по полученіи свидѣтельства, что имѣющіяся свѣдѣнія не соотвѣтствуютъ его ожиданіямъ и безполезны для его защиты. Преимущество личнаго ходатайства тяжущагося заключается въ томъ, что своими указаніями онъ можетъ облегчить собраніе нужныхъ свѣдѣній, особенно по дѣламъ старымъ, и разъяснить съ большею точностью сущность этихъ свѣдѣній, а въ случаѣ ихъ неполноты—просить немедленно объ исправленіи и дополненіи, тогда какъ при собираніи доказательствъ самимъ судомъ тяжущійся долженъ обращаться съ просьбою въ судъ и ждать назначенія засѣданія и новаго распоряженія суда (т. V, стр. 453—457).

Разрѣшеніе спора присягою, принимаемою однимъ изъ участвующихъ лицъ, по дѣламъ, производящимся въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, принадлежитъ къ совершенно исключительнымъ явленіямъ. За трехлѣтіе 1892—1894 г. было только два такихъ случая. Кромѣ того, по одному дѣлу стороны заявили желаніе рѣшить споръ присягою, но ко времени ревизіи присяга принята не была, и дѣло оставалось нерѣшеннымъ. Постановленія 490 и 492 ст. уст. гражд. суд. въ указанныхъ случаяхъ соблюдались въ точности.

Нѣсколько чаще рѣшеніе спора присягою встрѣчается у единоличныхъ судей въ Привислинскомъ краѣ, въ Прибалтійскихъ, сѣверо-западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ и на Кавказѣ.

Практика показываетъ, что стороны вообще избѣгаютъ разрѣшенія возникшаго между ними спора присягою. Какъ отмѣчено въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ, бываютъ случаи, когда справедливый искъ проигрывается за невозможностью представить въ подтвержденіе его необходимыя доказательства, и тѣмъ не менѣе истецъ не рѣшается требовать присяги у отвѣтчика, очевидно, не довѣряя его совѣсти, неправая же сторона на присягу не согласилась бы. Въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ было нѣсколько случаевъ неявки тяжущагося въ назначенный срокъ для принятія присяги.

Свѣдущіе люди (эксперты) приглашаются какъ въ судебное засѣданіе, такъ и на мѣсто производства отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствій, въ порядкѣ повѣрки доказательствъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда для выясненія какого-либо обстоятельства необходимы спеціальныя познанія или исполненіе извѣстныхъ техническихъ дѣйствій. По установившейся въ значительномъ большинствѣ судовъ практикѣ, свѣдущіе люди къ присягѣ не приводятся.

Въ подтвержденіе существованія обычаевъ, на которые ссылаются стороны, обыкновенно допрашиваются свидѣтели а по дѣламъ сельскихъ обывателей иногда производятся дознанія чрезъ окольныхъ людей; кромѣ того принимаются письменныя доказательства (приговоры сельскихъ сходовъ,

удостовѣренія земскихъ начальниковъ и волостныхъ правленій, рѣшенія волостныхъ судовъ, удостовѣренія биржевыхъ комитетовъ въ отношеніи торговыхъ обычаевъ и т. п.) и, въ видѣ рѣдкихъ примѣровъ, допрашиваются свѣдущіе люди (по одному дѣлу были вызваны, въ качествѣ экспертовъ, для установленія обычая волостные судьи).

Ссылки на обычаи вообще встрѣчаются рѣдко. Въ ревизіонныхъ отчетахъ имѣются указанія на то, что крестьяне избѣгаютъ разрѣшенія на основаніи обычаевъ возникающихъ между ними споровъ и иногда увеличиваютъ даже исковыя требованія съ явною цѣлью изъятія дѣла изъ компетенціи волостнаго суда. Въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ рѣдкія ссылки на обычаи объясняются тѣмъ обстоятельствомъ, что въ сельскомъ быту народные обычаи не сложились въ отвлеченныя нормы права, примѣняемыя неизмѣнно въ одинаковыхъ по обстоятельствамъ жизненныхъ случаяхъ. Крестьяне, обсуждая на сходѣ или на волостномъ судѣ спорный вопросъ, руководствуются не обычаемъ, какъ точно установившеюся нормою, а своимъ правосознаніемъ и естественнымъ чувствомъ справедливости, заставляющимъ каждый отдѣльный случай разобрать соотвѣтственно его фактическимъ особенностямъ. Лишь нѣкоторыя положенія относительно раздѣла наслѣдственнаго имущества пустили болѣе или менѣе глубокіе корни въ народной жизни и соблюдаются, какъ общепризнанныя правила (т. IV, р. 2, стр. 159). Въ другомъ отчетѣ говорится, что судъ крайне стѣсненъ въ установленіи по разрѣшаемымъ имъ дѣламъ нормъ обычнаго права крестьянъ, такъ какъ онъ лишенъ необходимыхъ для сего средствъ, и притомъ едва ли въ виду недостатка иниціативы при собираніи доказательствъ по этому предмету, а вслѣдствіе того обстоятельства, что въ семъ отношеніи, кромѣ допроса свидѣтелей или дознанія чрезъ окольныхъ людей, потребовались бы весьма сложныя изслѣдованія, выходящія за предѣлы дѣятельности гражданскаго суда.

Обычаи выясняются по ссылкѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, при чемъ лицами этими представляются и необходимыя для подтвержденія обычая доказательства. Установленіе обы-

чая самимъ судомъ ex officio отмѣчено при ревизіи, какъ явленіе исключительное.

Повѣрка доказательствъ. На точномъ основаніи 500 ст. уст. гражд. суд., повѣрка доказательствъ происходитъ въ судебномъ засѣданіи или же производится назначеннымъ для того членомъ суда либо мѣстнымъ единоличнымъ судьею посредствомъ такъ называемыхъ мѣстныхъ дѣйствій. Необходимость въ производствѣ мѣстныхъ дѣйствій встрѣчается очень часто, преимущественно же по спорамъ о недвижимости, по дѣламъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, о признаніи права собственности на основаніи давности и о взысканіи убытковъ или вознагражденія за увѣчья.

Производство мѣстныхъ дѣйствій въ большинствѣ случаевъ вызывается необходимостью осмотра и установленія границъ спорнаго или подлежащаго укрѣпленію за просителемъ недвижимаго имѣнія, предъявленія имущества свидѣтелямъ и вообще установленія такихъ обстоятельствъ, выясненіе которыхъ посредствомъ соотвѣтственныхъ дѣйствій въ засѣданіи суда было бы невозможно или затруднительно (напр., освидѣтельствованіе изувѣченнаго, если онъ, по своему болѣзненному состоянію, лишенъ возможности явиться въ судъ).

Повѣрка доказательствъ посредствомъ мѣстныхъ дѣйствій предпринимается по ходатайству о томъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; однако, подобныя ходатайства не всегда удовлетворяются. Если доказательство, объ установленіи котораго мѣстными дѣйствіями проситъ тяжущійся, не можетъ быть допущено по чисто формальнымъ причинамъ, оказывается безполезнымъ или вообще неимѣющимъ отношенія къ дѣлу, то судъ оставляетъ просьбу безъ послѣдствій.

Съ введеніемъ въ дѣйствіе закона 12 іюля 1889 г. производство мѣстныхъ дѣйствій поручается преимущественно уѣзднымъ членамъ окружнаго суда; назначеніе для этого члена-докладчика изъ состава присутствія суда относится къ весьма рѣдкимъ случаямъ и обусловливается какими-либо особыми обстоятельствами, не дозволяющими возложить повѣрку доказательствъ на мѣстнаго уѣзднаго члена.

Въ ряду судебныхъ дѣйствій, предпринимаемыхъ въ цѣ-

ляхъ повѣрки доказательствъ, чаще всего производятся осмотры съ участіемъ экспертовъ, по большей части землемѣровъ, и допросы свидѣтелей; дознанія чрезъ окольныхъ людей встрѣчаются сравнительно рѣдко. Какъ видно изъ собранныхъ статистическихъ данныхъ, мѣстныя дѣйствія, въ видѣ осмотровъ, окольныхъ дознаній и допросовъ на мѣстѣ, были исполнены въ 1894 г. по 4.199 исковымъ дѣламъ, производившимся въ окружныхъ судахъ (т. VI, стр. 359).

Практика показываетъ, что соглашеніе сторонъ на избраніе свѣдущихъ лицъ (518 ст. уст. гражд. суд.) достигается очень рѣдко, почему въ огромномъ большинствѣ случаевъ эксперты назначаются по усмотрѣнію суда. Иногда избраніе эксперта предоставляется члену суда, на котораго возложено производство мѣстныхъ дѣйствій. По удостовѣренію судебныхъ дѣятелей, на практикѣ ощущается иногда недостатокъ въ компетентныхъ экспертахъ. Кромѣ того замѣчено, что эксперты не всегда даютъ достаточно мотивированныя заключенія, а подчасъ высказываютъ свое мнѣніе даже безъ всякихъ мотивовъ, по выраженію одного ревизора, какъ нѣчто непреложное, что̀ несомнѣнно можетъ затруднять судъ при оцѣнкѣ экспертизы.

При осмотрахъ по спорамъ о земельныхъ участкахъ, членъ суда въ большинствѣ случаевъ ограничивается обходомъ спорнаго участка, по указанію сторонъ, и тутъ же поручаетъ находящемуся при осмотрѣ землемѣру снять обойденный участокъ на планъ. Исполненіе землемѣрныхъ работъ и составленіе плана требуетъ иногда болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

О производствѣ мѣстныхъ повѣрочныхъ дѣйствій составляется особое опредѣленіе суда, при чемъ, согласно практикѣ большинства судовъ, въ опредѣленіи точно указывается, какія именно дѣйствія должны быть исполнены; въ случаяхъ необходимости допроса свидѣтелей, послѣдніе поименовываются, съ обозначеніемъ обстоятельствъ, о которыхъ они должны дать показанія. На практикѣ возникъ вопросъ, въ правѣ ли исполняющій порученіе членъ суда выйти изъ предѣловъ намѣченныхъ судомъ дѣйствій, напр., допросить, по просьбѣ

сторонъ, не указанныхъ въ опредѣленіи суда свидѣтелей, если они могутъ дать полезныя для дѣла разъясненія, или пригласить свѣдущихъ людей для производства непредусмотрѣнной этимъ опредѣленіемъ экспертизы, если таковая по ходу мѣстныхъ дѣйствій окажется необходимою или цѣлесообразною. Отрицательное разрѣшеніе даннаго вопроса обыкновенно ведетъ къ тому, что, по исполненіи порученія въ указанныхъ предѣлахъ, судъ назначаетъ производство новыхъ мѣстныхъ дѣйствій. Такой порядокъ значительно замедляетъ производство дѣла; поэтому нѣкоторые суды предоставляютъ исполняющему порученіе члену суда производство всѣхъ тѣхъ дѣйствій, сверхъ указанныхъ въ опредѣленіи, которыя будутъ имъ признаны необходимыми для всесторонняго выясненія обстоятельствъ дѣла, что̀ прямо и выражается въ резолютивной части опредѣленія.

Точное указаніе въ опредѣленіи суда времени производства мѣстныхъ дѣйствій признается неудобнымъ, собственно потому, что производящіе эти дѣйствія, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, уѣздные члены суда обременены массою другихъ занятій. Въ виду этого, окружный судъ обыкновенно опредѣляетъ срокъ, не далѣе котораго должно быть исполнено порученіе, напр., въ теченіе 4—6 мѣсяцевъ.

Исполняющему порученіе члену суда обыкновенно передается все подлинное производство по дѣлу, что̀ вызываетъ иногда практическія затрудненія, напр., когда по данному дѣлу поступитъ ходатайство объ обезпеченіи иска или объ измѣненіи способа обезпеченія, требующее немедленнаго разрѣшенія. Въ такихъ случаяхъ судъ экстренно требуетъ дѣло обратно, что̀, въ свою очередь, можетъ быть неудобно, если въ это самое время производятся назначенныя мѣстныя дѣйствія. Установленіе предположеннаго нѣкоторыми практиками порядка, по которому къ исполняющему мѣстныя дѣйствія судьѣ препровождались бы не подлинныя дѣла, а копіи съ составляющихъ ихъ прошеній, документовъ, судебныхъ опредѣленій и другихъ бумагъ, было бы крайне обременительно для канцелярій судебныхъ мѣстъ и увеличивало бы судебныя по дѣлу издержки (т. IV, р. 1 стр. 33—37).

Производство по сомнѣнію въ подлинности и по спору о подлогѣ акта. Огромное большинство заявляемыхъ участвующими въ гражданскомъ процессѣ лицами сомнѣній въ подлинности и споровъ о подлогѣ письменныхъ актовъ (545 и 555 ст. уст. гражд. суд.), какъ убѣждаетъ практика, вызывается исключительно желаніемъ отвѣтной стороны замедлить производство дѣла. Въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ по этому поводу замѣчено, что заявить такой споръ—значитъ затянуть разрѣшеніе дѣла на нѣсколько мѣсяцевъ, а если не жалѣть нѣкоторыхъ расходовъ, напр. на вызовъ свидѣтелей, то и больше, быть можетъ, на цѣлый годъ. При этомъ заявитель можетъ разсчитывать, что истецъ уменьшитъ свои требованія, откажется отъ части взысканія или приметъ предложенныя ему условія мировой сдѣлки; въ крайнемъ случаѣ, если истецъ не сдѣлаетъ уступки, отвѣтчикъ, отдаливъ взысканіе, рискуетъ подвергнуться лишь незначительному штрафу. Не послѣднюю роль среди причинъ, вызывающихъ заявленіе неосновательныхъ споровъ, играетъ принятая во многихъ судахъ практика не подвергать штрафу тѣхъ заявителей, которые отказываются отъ заявленнаго спора раньше, чѣмъ судъ постановитъ опредѣленіе по этому спору. Означенная практика основана на буквальномъ толкованіи 562 ст. уст. гражд. суд., по которой заявитель подвергается штрафу лишь въ двухъ случаяхъ: 1) если онъ не представитъ въ надлежащій срокъ доказательствъ подлога, и 2) если судъ признаетъ споръ его незаслуживающимъ уваженія. Такое толкованіе упомянутой статьи оспаривается нѣкоторыми практиками, которые исходятъ изъ того положенія, что штрафъ имѣетъ значеніе кары за неосновательное заявленіе, отказъ же отъ заявленія не только не измѣняетъ его характера, но, напротивъ, какъ бы подтверждаетъ его неосновательность.

Заявленіе сомнѣнія въ подлинности акта въ сущности составляетъ нерѣшительное, такъ сказать, робкое заявленіе спора о подлогѣ, и поэтому на практикѣ не всегда возможно провести строгое различіе между тѣмъ и другимъ заявленіемъ. Изъ означенныхъ заявленій особо выдѣляются лишь тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ прямое обвиненіе кого-либо въ

подлогѣ. Къ заявленіямъ этого послѣдняго рода почти всегда примѣняется 563 ст. уст. гражд. суд., т. е. дѣло, безъ производства изслѣдованія подлинности акта въ гражданскомъ судѣ, прямо передается на распоряженіе прокурорской власти (хотя для этого требуется, чтобы совершеніе подлога не было покрыто давностью или смертью обвиняемаго, но, во-1-хъ, такія условія могутъ встрѣчаться лишь въ исключительныхъ случаяхъ и, во-2-хъ, представленіе къ гражданскому дѣлу подложнаго акта предполагаетъ желаніе воспользоваться этимъ актомъ, т. е. наличность преступленія, предусмотрѣннаго 1697 ст. улож. наказ., а для выясненія виновности въ этомъ преступленіи лица, представившаго актъ, необходимо прежде всего установить въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства самую подложность акта).

Согласно собраннымъ статистическимъ даннымъ, въ 1894 г. во всѣхъ окружныхъ судахъ былъ заявленъ споръ о подлогѣ актовъ, безъ прямаго обвиненія кого-либо въ подлогѣ, по 1.270 дѣламъ (т. VI, стр. 359).

Производство поступающихъ въ окружные суды, по 110 ст. уст. гражд. суд. и 71 ст. прав. 29 декабря 1889 г., дѣлъ по спорамъ о подлогѣ актовъ, заявленнымъ у единоличныхъ судей и у земскихъ начальниковъ, происходитъ въ установленномъ порядкѣ и никакихъ практическихъ затрудненій не вызываетъ.

Во многихъ ревизіонныхъ отчетахъ имѣются указанія на то, что при изслѣдованіи подлинности документа очень часто встрѣчаются затрудненія въ выборѣ экспертовъ, въ особенности въ небольшихъ городахъ, и что заключенія экспертовъ не всегда бываютъ удовлетворительны. Хотя въ большинствѣ случаевъ споры о подлогѣ оканчиваются признаніемъ подлинности акта, но изъ этого, по отзывамъ нѣкоторыхъ практиковъ, нельзя еще вынести твердаго убѣжденія въ томъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ споры заявлялись недобросовѣстно, съ цѣлью замедлить движеніе дѣла; надо полагать, что споры о подлогѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не оправдываются, съ одной стороны, вслѣдствіе трудности вообще доказывать отрицательное обстоятельство (что заявившій споръ не выдавалъ

представленнаго къ дѣлу документа), а съ другой стороны— вслѣдствіе несовершенства экспертизы по сличенію почерковъ, производимой по большей части чрезъ учителей чистописанія, которые по своей профессіи вовсе несвѣдущи въ распознаваніи скорописи и вообще не подготовлены ни научно, ни практически къ производству экспертизы по судебнымъ дѣламъ (т. IV, р. 2, стр. 189).

Стороны почти никогда не приходятъ къ соглашенію относительно избранія экспертовъ, и послѣдніе приглашаются обыкновенно по усмотрѣнію суда. При этомъ судъ почти всегда вызываетъ однихъ и тѣхъ же, извѣстныхъ ему, лицъ.

По спорамъ о подлогѣ, возникающимъ у единоличныхъ судей и передаваемымъ на разсмотрѣніе суда чрезъ прокурора (110 ст. уст. гражд. суд.), повѣстки и объявленія посылаются участвующимъ лицамъ обыкновенно чрезъ полицію. Это наиболѣе цѣлесообразный способъ извѣщенія сторонъ по дѣламъ означеннаго рода, ибо можетъ случиться, что издержки на вызовъ къ суду превысятъ сумму, которая взыскивается по подлежащему изслѣдованію документу, и тогда лицу, оспаривающему подлинность документа, выгоднѣе уплатить по оному, чѣмъ представлять въ судъ деньги на командировку судебнаго пристава для вызова противной стороны, тѣмъ болѣе, что послѣдняя, даже въ случаѣ присужденія ея къ возврату расходовъ по изслѣдованію документа, можетъ оказаться несостоятельною къ возвращенію этихъ расходовъ.

Средняя продолжительность производства въ окружномъ судѣ дѣла по спору о подлогѣ составляетъ приблизительно три мѣсяца. Нѣкоторыя дѣла этого рода оканчиваются въ теченіе одного мѣсяца, нѣкоторыя же остаются въ производствѣ около года и даже болѣе.

По спору о подлогѣ бываетъ обыкновенно два или три засѣданія. Случаи, въ которыхъ судъ по такого рода дѣлу ограничивается лишь однимъ засѣданіемъ, встрѣчаются довольно рѣдко, но въ то же время бываютъ примѣры, когда

по спору о подлогѣ назначаются многократныя судебныя засѣданія.

Изъ указаннаго выше числа 1.270 споровъ о подлогѣ 1.058, т. е. около 84%, признаны судомъ неосновательными. При этомъ процентное отношеніе числа дѣлъ, по которымъ споръ о подлогѣ отвергнутъ судомъ, къ общему числу дѣлъ по такимъ спорамъ въ разныхъ округахъ было различно. Въ одномъ изъ судовъ число неосновательныхъ споровъ достигло 98% всего числа заявленныхъ споровъ о подлогѣ.

На ряду съ приведенными данными относительно процентнаго отношенія числа неосновательныхъ споровъ о подлогѣ къ общему числу дѣлъ этого рода, въ нѣкоторыхъ отчетахъ имѣются указанія на то, что въ послѣднее время поступленіе въ окружные суды дѣлъ по спорамъ о подлогѣ значительно уменьшилось, сравнительно съ числомъ такихъ дѣлъ въ прежніе годы. Явленіе это объясняется дѣйствіемъ закона 29 декабря 1889 г., по которому лицо, заявляющее споръ о подлогѣ по дѣлу, производящемуся у городскаго судьи или земскаго начальника, обязано, въ случаѣ признанія документа сомнительнымъ, предъявить въ окружномъ судѣ искъ объ установленіи подлога (71 ст. прав. суд. част. земск. начальн.). Предъявленіе иска сопряжено съ затрудненіями, почему многія изъ лицъ, склонныхъ неосновательно возбуждать споръ о подлогѣ, воздерживаются отъ перенесенія дѣла въ окружный судъ.

Штрафы, по 562 ст. уст. гражд. суд., за неосновательное заявленіе спора о подлогѣ въ большинствѣ случаевъ назначаются отъ 10 до 25 рублей; опредѣленіе штрафа въ суммѣ 50, 75 и 100 р. встрѣчается рѣдко, а свыше 100 и до 300 р.—лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Опредѣленіе суда о наложеніи штрафа, по вступленіи его въ законную силу, сообщается въ копіи прокурору, который и дѣлаетъ съ своей стороны распоряженіе о приведеніи означеннаго опредѣленія въ исполненіе. Штрафы взыскиваются чрезъ полицію въ порядкѣ, установленномъ для всѣхъ вообще денежныхъ взысканій въ пользу казны. Въ нѣкоторыхъ ревизіонныхъ отчетахъ отмѣчено, что штрафы взыскиваются не

всегда успѣшно и что сумма штрафа на успѣшности взысканія не отражается. Въ этомъ отношеніи болѣе важное значеніе имѣетъ состоятельность лица, на которое наложенъ штрафъ, а также дѣятельность чиновника полиціи, которому поручено взысканіе.

Какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, общая сумма штрафовъ, наложенныхъ на заявителей въ 1894 г. по 1.058 дѣламъ, по которымъ заявленные споры о подлогѣ признаны были неосновательными, составила 21.602 рубля,—въ среднемъ нѣсколько больше 20 руб. на каждое дѣло (т. VI, стр. 359).

Случаи отказа участвующаго въ дѣлѣ лица отъ акта, противъ котораго заявленъ споръ о подлогѣ, въ видѣ обратнаго полученія акта или заявленія о нежеланіи пользоваться имъ (546 и 557 ст. уст. гражд. суд.), встрѣчаются довольно рѣдко. За три предшествовавшіе ревизіи года единичные примѣры такого отказа имѣли мѣсто лишь въ 12 окружныхъ судахъ (т. IV, р. 2, стр. 188). Въ практикѣ нѣкоторыхъ судовъ были случаи обращенія въ судъ тяжущихся съ общимъ прошеніемъ о прекращеніи производства по спору о подлогѣ, вслѣдствіе примиренія ихъ или полученія взыскателемъ удовлетворенія. Въ такихъ случахъ судъ прекращаетъ возбужденное производство объ изслѣдованіи акта.

На практикѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возникаетъ необходимость въ примѣненіи 565 ст. уст. гражд. суд. (когда дѣло о подлогѣ обращено къ порядку уголовному, вслѣдствіе прямаго обвиненія кого-либо въ совершеніи сего подлога, и въ рѣшеніи уголовнаго суда, коимъ подсудимый оправданъ, не будетъ постановлено, признается ли актъ подлиннымъ или подложнымъ, то актъ сей, по просьбѣ той или другой стороны, можетъ быть подвергнутъ изслѣдованію и разсмотрѣнію суда гражданскаго, для опредѣленія его подлинности или исключенія изъ числа доказательствъ). За отчетный періодъ времени постановленіе это примѣнялось лишь въ пяти судахъ.

Въ ревизіонную программу внесенъ былъ вопросъ: какъ устранить неблагопріятныя послѣдствія существующаго по-

рядка производства по спорамъ о подлогѣ и не слѣдуетъ ли: а) требовать личной явки сторонъ; б) предоставить разрѣшеніе спора о подлогѣ, заявленнаго при производствѣ дѣла у единоличнаго судьи, сему послѣднему, не перенося дѣла въ окружный судъ; в) установить пропорціональность штрафа къ суммѣ взысканія; г) измѣнить назначеніе штрафа въ смыслѣ взысканія его не въ пользу казны, а въ пользу лица, представившаго актъ (60 вопр. по дополн. программѣ).

По этому вопросу высказаны различныя мнѣнія.

Если иниціатива суда, говорится въ одномъ изъ отчетовъ, вообще необходима для выясненія истины въ гражданскомъ дѣлѣ, то тѣмъ болѣе она необходима при изслѣдованіи гражданскимъ судомъ такого дѣянія, какъ подлогъ документа, составляющій немаловажное преступленіе, преслѣдованіе за которое возбуждается помимо жалобы заинтересованнаго лица. Между тѣмъ, существующій порядокъ производства по спорамъ о подлогѣ устраняетъ всякую иниціативу суда въ этомъ дѣлѣ, въ чемъ именно и заключается главная, если только не единственная, причина неблагопріятныхъ послѣдствій такого порядка. И дѣйствительно, съ одной стороны, здѣсь все предоставлено усмотрѣнію тяжущихся: и самое возбужденіе спора о подлогѣ, и желаніе воспользоваться опороченнымъ документомъ, какъ судебнымъ доказательствомъ, или же взять его назадъ и уничтожить, и возбужденіе обвиненія въ подлогѣ противъ извѣстнаго, опредѣленнаго лица, а съ другой—вся тяжесть представленія доказательствъ подлога возложена также на сторону, заявляющую о подлогѣ.

Для устраненія неблагопріятныхъ послѣдствій существующаго порядка производства по спорамъ о подлогѣ, сводящихся къ возможности взысканія по подложнымъ документамъ и вообще постановленія судебнаго рѣшенія, несогласнаго съ матеріальною истиною (если отвѣтная сторона, по незнанію закона, по оплошности или по неимѣнію средствъ, не представитъ доказательствъ подлога), необходимо, по мнѣнію сторонниковъ приведеннаго взгляда, вмѣнить суду въ обязанность производить изслѣдованіе дѣйствительности подлога, т. е. собирать необходимыя для

того доказательства, помимо непосредственнаго участія въ этомъ лица, заявившаго о подлогѣ. Органами судебной власти, производящими такое изслѣдованіе, могли бы быть: по дѣламъ окружнаго суда члены сего суда или судебные слѣдователи, смотря по удобству, по сложности вопроса о подлогѣ и вообще по особенностямъ каждаго даннаго случая, а по дѣламъ мировой юстиціи и волостныхъ судовъ только мѣстные судебные слѣдователи, при томъ, однако, условіи, чтобы окончательное разрѣшеніе спора о подлогѣ, на основаніи добытыхъ изслѣдованіемъ данныхъ, принадлежало окружному суду. То обстоятельство, что заявленія о подлогѣ документа часто бываютъ неосновательны или прямо вымышлены, нисколько не устраняетъ необходимости въ установленіи такого порядка. Заявленія о кражѣ, грабежѣ и другихъ преступленіяхъ нерѣдко бываютъ также неосновательны, но тѣмъ не менѣе слѣдствія по этимъ заявленіямъ производятся и прекращаются затѣмъ по отсутствію факта преступленія. Кромѣ того, статистическія данныя о количествѣ неосновательныхъ споровъ о подлогѣ, какъ кажется, не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ порядкѣ гражданскаго производства эти споры очень часто устраняются по формальнымъ основаніямъ, а не потому, что подлога въ дѣйствительности не было.

Нѣкоторые изъ практиковъ, считая излишнимъ измѣнять въ существѣ дѣйствующія постановленія относительно производства по спору о подлогѣ акта, признаютъ лишь необходимымъ увеличить срокъ на представленіе доказательствъ подлога, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, опредѣленный 559 статьею уст. гражд. суд. семидневный срокъ далеко не достаточенъ для собранія доказательствъ подлога, изложенія ихъ на письмѣ и представленія въ судъ.

Предположеніе относительно требованія личной явки сторонъ по спорамъ о подлогѣ актовъ встрѣтило весьма мало сторонниковъ. Значительное большинство практиковъ высказалось противъ такой мѣры, признавая ее безполезною, стѣснительною для сторонъ и неудобоисполнимою, такъ какъ для ея осуществленія необходимо было бы предоставить суду

право принимать противъ уклоняющихся отъ добровольной явки понудительныя мѣры (приводъ), что̀ въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства было бы въ отношеніи тяжущихся совершенно неудобно.

Предоставленіе единоличнымъ судьямъ права производить изслѣдованіе по заявленнымъ у нихъ спорамъ о подлогѣ актовъ признается многими практиками весьма желательнымъ, но при этомъ высказывается опасеніе, что тѣ изъ судей, которые имѣютъ пребываніе въ небольшихъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, будутъ встрѣчаться съ затрудненіями относительно производства экспертизы за недостаткомъ или даже совершеннымъ отсутствіемъ свѣдущихъ людей.

Установленіе пропорціональности штрафа къ суммѣ взысканія по данному документу, раздѣляемое многими практиками, какъ мѣра справедливая, встрѣчаетъ однако и возраженія, сводящіяся къ тому, что штрафъ имѣетъ характеръ наказанія за неправильное заявленіе спора о подлогѣ и что поэтому, какъ наказаніе, онъ долженъ видоизмѣняться и соразмѣряться не съ суммою иска, а съ личностью самаго заявителя и съ степенью его злонамѣренности.

Обращеніе штрафа, налагаемаго на того изъ тяжущихся, которымъ заявленъ неосновательный споръ о подлогѣ акта, въ пользу другаго тяжущагося, представившаго актъ, согласно приведеннымъ въ нѣкоторыхъ ревизіонныхъ отчетахъ отзывамъ, было бы справедливымъ вознагражденіемъ за убытки, вызванные неправильнымъ оспариваніемъ подлинности акта. Нѣкоторые же изъ судебныхъ дѣятелей находятъ болѣе желательнымъ оставить за штрафами присущій имъ характеръ наказанія и съ этой точки зрѣнія признаютъ цѣлесообразнымъ подвергать оштрафованнаго, въ случаѣ несостоятельности его къ уплатѣ штрафа, личному задержанію, а взысканные штрафы обращать на устройство мѣстъ заключенія (т. V, стр. 460—473).

Частныя производства. Въ порядкѣ такъ называемаго частнаго производства разсматриваются и получаютъ разрѣшеніе всѣ ходатайства просителей, не имѣющія значенія исковыхъ требованій, а также разные отдѣльные вопросы,

вытекающіе изъ производящагося въ судѣ дѣла. По разрѣшеннымъ въ частномъ порядкѣ ходатайствамъ и вопросамъ постановляются частныя опредѣленія.

Практика указываетъ, что дѣйствующій уставъ гражданскаго судопроизводства далеко не исчерпываетъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ необходимо разрѣшеніе въ частномъ порядкѣ обращеннаго къ суду ходатайства просителя или вытекающаго изъ дѣла вопроса. При ревизіи собирались подробныя свѣдѣнія о томъ, въ какихъ именно случаяхъ судебными мѣстами постановляются частныя опредѣленія, при чемъ оказалось, что, кромѣ случаевъ, прямо указанныхъ въ законѣ, необходимость въ такихъ опредѣленіяхъ встрѣчалась еще по 120 категоріямъ разныхъ ходатайствъ и вопросовъ (т. IV, р. 2, стр. 191—197). Перечисленіе всѣхъ случаевъ, въ которыхъ на практикѣ постановляются частныя опредѣленія, заняло бы здѣсь слишкомъ много мѣста. Къ тому же, составленный на основаніи ревизіонныхъ данныхъ перечень такихъ случаевъ едва ли можетъ быть признанъ исчерпывающимъ, такъ какъ на практикѣ могутъ встрѣтиться новые, не бывшіе еще до сихъ поръ на разсмотрѣніи судебныхъ мѣстъ, вопросы, которые потребуютъ разрѣшенія въ частномъ порядкѣ. Въ общемъ, частныя опредѣленія могутъ быть раздѣлены на слѣдующія шесть группъ: 1) по вопросамъ, разрѣшаемымъ предварительно принятія дѣла къ производству; 2) по вопросамъ, разсматриваемымъ независимо отъ существа дѣла во время процесса; 3) по вопросамъ, связаннымъ съ исполненіемъ рѣшеній; 4) по предмету разныхъ ходатайствъ, разрѣшаемыхъ въ охранительномъ порядкѣ; 5) по жалобамъ на дѣйствія подчиненныхъ суду должностныхъ лицъ и установленій, и 6) по ходатайствамъ, не относящимся къ исковымъ или охранительнымъ дѣламъ.

Частныя опредѣленія не всегда излагаются особо; практика допускаетъ занесеніе нѣкоторыхъ изъ такихъ опредѣленій, постановляемыхъ во время судебнаго разсмотрѣнія дѣла, напр., объ отказѣ той или другой сторонѣ въ извѣстномъ ходатайствѣ, прямо въ протоколъ судебнаго засѣданія.

При разрѣшеніи частныхъ ходатайствъ по исковому дѣлу особыхъ затрудненій не встрѣчается. Многія изъ нихъ, какъ, напр., объ отводахъ, о привлеченіи къ дѣлу и о вступленіи третьихъ лицъ, о допросѣ свидѣтелей, о производствѣ мѣстныхъ дѣйствій, о допущеніи и допросѣ экспертовъ, о повѣркѣ письменныхъ доказательствъ и т. п., по установившейся практикѣ, разсматриваются судомъ въ очередныхъ судебныхъ засѣданіяхъ только по просьбѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. По частнымъ ходатайствамъ, не относящимся къ опредѣленнымъ дѣламъ, обыкновенно заводятся особыя „частныя дѣла".

Практика придерживается ограничительнаго толкованія 787 ст. уст. гражд. суд. относительно немедленнаго исполненія частныхъ опредѣленій во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можно опасаться, что съ отмѣною опредѣленія высшею инстанціею встрѣтятся затрудненія въ возстановленіи прежняго положенія (напр., если бы по частному опредѣленію окружнаго суда выданы были кому-либо находящіяся въ депозитѣ суда деньги, и затѣмъ это опредѣленіе было отмѣнено судебною палатою). Подобнаго рода частныя опредѣленія приводятся въ исполненіе лишь по истеченіи установленнаго 785 статьею двухнедѣльнаго срока на обжалованіе, а если принесена жалоба, то вовсе не исполняются впредь до окончательнаго ея разрѣшенія.

Случаи прекращенія дѣлъ по отводамъ встрѣчаются сравнительно рѣдко. Въ нѣкоторыхъ судахъ за предшествовавшее ревизіи трехлѣтіе ихъ вовсе не было. Какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній, отводы основываются главнымъ образомъ на 3 и 4 п. 571 ст. уст. гражд. судопр.

Обезпеченіе исковъ допускается въ установленныхъ предѣлахъ и производится съ соблюденіемъ относящихся къ этому предмету правилъ судопроизводства. Ревизіею выяснено, что представленіе судебнаго поручительства въ обезпеченіе иска (641—652 ст. уст. гражд. суд.) принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ явленій.

При ревизіи собирались данныя для разрѣшенія внесеннаго въ программу вопроса о томъ, не вызываетъ ли практическая жизнь необходимости предварительнаго, до подачи исковаго прошенія, обезпеченія исковъ (63 вопр. по дополн. программѣ). Многіе изъ нашихъ судебныхъ дѣятелей, основываясь на указаніяхъ практики, разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ. При этомъ приводятся слѣдующія соображенія.

Должникъ, выдавъ векселя на значительную сумму, собирается, незадолго до наступленія сроковъ платежей, скрыться отъ кредиторовъ и распродаетъ свое имущество; одно лицо продало другому извѣстное количество зерноваго хлѣба съ обязательствомъ сдать его къ опредѣленному сроку, и покупщикъ, видя, что проданный ему хлѣбъ находится въ амбарахъ, охотно уплачиваетъ покупную сумму, а между тѣмъ продавецъ, до наступленія срока исполненія договора, вывозитъ хлѣбъ изъ амбаровъ и продаетъ его другимъ лицамъ. Кредиторы въ подобныхъ случаяхъ находятся въ безвыходномъ положеніи: предъявить иски до наступленія сроковъ исполненія обязательствъ они не въ правѣ и въ то же время не имѣютъ никакой возможности принять какія-либо другія мѣры для огражденія своихъ интересовъ. Въ одномъ изъ ревизіонныхъ отчетовъ отмѣчено, что кредиторы, имѣющіе обязательства съ ненаступившими сроками платежа, нерѣдко обращаются въ судъ съ просьбами воспрепятствовать предпринимаемому должникомъ отчужденію всего своего имущества или, въ случаѣ принудительнаго отчужденія, пріобщить ихъ непросроченныя претензіи къ обращеннымъ на имущество отвѣтчика взысканіямъ, и что такія, вполнѣ справедливыя, требованія кредиторовъ въ первомъ случаѣ вовсе не удовлетворяются, за неимѣніемъ соотвѣтственнаго постановленія закона, а во второмъ не достигаютъ цѣли, въ виду трудности добиться признанія должника несостоятельнымъ.

Нѣкоторые изъ практиковъ находятъ, что предварительное обезпеченіе исковъ слѣдовало бы допустить только посредствомъ наложенія запрещенія на недвижимое имѣніе должника, но не ареста на его движимое имущество, такъ какъ

послѣдній способъ обезпеченія слишкомъ стѣснялъ бы должника.

Обсуждаемая мѣра встрѣтила, однако, не мало возраженій. „Предварительное обезпеченіе исковъ“—говорится въ одномъ изъ отчетовъ—„представляется мѣрою обоюдоострою и можетъ повести къ нежелательнымъ послѣдствіямъ, ибо, съ одной стороны, въ рукахъ недобросовѣстнаго взыскателя можетъ дать поводъ къ злоупотребленіямъ, а съ другой—подорвать и совсѣмъ закрыть кредитъ добросовѣстному должнику, который въ данную минуту не въ состояніи уплатить своего долга, но къ сроку платежа можетъ вполнѣ оправдать оказанное ему довѣріе“ (т. V, стр. 474—478).

На практикѣ встрѣчаются недоразумѣнія по вопросу о привлеченіи третьяго лица къ дѣлу. Согласно буквальному смыслу 657 и 658 ст. уст. гражд. суд., по вступленіи прошенія о привлеченіи третьяго лица къ дѣлу, предсѣдатель суда, соображаясь съ мѣстомъ жительства сего лица и съ свойствомъ дѣла, назначаетъ ему срокъ на явку, отсрочивая день засѣданія, если онъ уже былъ назначенъ; въ случаѣ возраженія одной изъ сторонъ противъ привлеченія третьяго лица къ дѣлу, вызовъ его производится по разрѣшеніи сего спора судомъ. Само собою разумѣется, что возраженіе можетъ быть сдѣлано другою стороною лишь по полученіи ею копіи прошенія о привлеченіи третьяго лица. Между тѣмъ, согласно 656 статьѣ, одновременно съ врученіемъ копіи противной сторонѣ, вручается такая же копія и привлекаемому третьему лицу, врученіе же копіи само по себѣ составляетъ уже вызовъ къ суду (277 ст.), и такимъ образомъ оказывается, что противная сторона можетъ возражать противъ привлеченія третьяго лица только тогда, когда это лицо уже привлечено. Поэтому, нѣкоторые практики полагаютъ, что копія прошенія о привлеченіи третьяго лица къ дѣлу должна быть послана первоначально только противной сторонѣ, а привлекаемому—впослѣдствіи, когда будетъ выяснено, что противная сторона возраженій не имѣетъ, или когда сдѣланное ею возраженіе будетъ признано неосновательнымъ. Какъ видно изъ ревизіоннаго матеріала, по этому вопросу

въ судахъ существуетъ разнообразная практика (т. IV, р. 1, стр. 47).

Заявленіе отвода противъ судей по основаніямъ, не указаннымъ въ законѣ (667 ст. уст. гражд. суд.), встрѣчается весьма рѣдко и обыкновенно оставляется безъ послѣдствій. По этому предмету во многихъ ревизіонныхъ отчетахъ отмѣчено, что судьи по возможности избѣгаютъ поводовъ къ такимъ отводамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда участвующія въ дѣлѣ лица могутъ почему-либо предполагать съ ихъ стороны предвзятый взглядъ на дѣло, не участвуютъ въ засѣданіи, замѣняя себя другими судьями (въ одномъ случаѣ членъ суда устранилъ себя потому, что одною изъ сторонъ въ дѣлѣ являлся его квартирный хозяинъ).

Независимо отъ причинъ, указанныхъ въ 681 ст. уст. гражд. суд., на практикѣ производство дѣла пріостанавливается: во-1-хъ, впредь до окончанія дѣла, производящагося въ уголовномъ порядкѣ, согласно 8 ст. уст. гражд. суд.; во-2-хъ, впредь до окончанія другаго гражданскаго дѣла, имѣющаго тѣсную связь съ разсматриваемымъ дѣломъ, или до разсмотрѣнія правительственнымъ установленіемъ того или другаго вопроса, могущаго вліять на исходъ даннаго дѣла, или, наконецъ, до разрѣшенія возникшаго преюдиціальнаго вопроса; въ-3-хъ, въ случаѣ предъявленія иска къ имуществу умершаго отвѣтчика, впредь до назначенія опекуна надъ имуществомъ для вызова въ судъ по дѣлу, въ качествѣ отвѣтной стороны; въ-4-хъ, при оставленіи безъ уваженія отвода о неподсудности (588 ст. уст. гражд. суд.), при чемъ въ этихъ случаяхъ судъ пріостанавливаетъ производство не по подачѣ жалобы, а одновременно съ постановленіемъ опредѣленія о признаніи отвода неуважительнымъ; въ-5-хъ, когда тяжущійся объявленъ несостоятельнымъ должникомъ, и суду не указаны присяжный попечитель или конкурсное управленіе, а также, когда по дѣлу о распредѣленіи денегъ между кредиторами должника подано прошеніе о признаніи должника несостоятельнымъ, впредь до разрѣшенія такого прошенія; въ-6-хъ, впредь до окончанія производства по пререканію о подсудности; въ-7-хъ, впредь до выясненія

полномочій явившагося на судъ повѣреннаго, когда по этому предмету возникнутъ какія-либо сомнѣнія, и, въ-8-хъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, при неисполненіи тяжущимися извѣстныхъ требованій закона или при нехожденіи ихъ по дѣлу, производство фактически не можетъ получить дальнѣйшаго движенія (т. IV, р. 2, стр. 204).

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАТЕРІАЛЬНЫЙ И ФОРМАЛЬНЫЙ ЗАКОНЪ.

А. С. Мулюкина.

I.

Обозрѣвая содержаніе государственной дѣятельности, можно, несмотря на все ея разнообразіе, подмѣтить наиболѣе типичныя черты, которыя являются, такъ сказать, основными элементами государственной жизни.

На первомъ планѣ стоитъ осуществленіе, среди мѣстныхъ и временныхъ условій, такихъ задачъ государства, какъ поддержаніе его существованія и помощь составляющимъ его индивидуумамъ въ достиженіи ихъ коллективныхъ и отдѣльныхъ у каждаго цѣлей. Это—дѣятельность, называемая общимъ терминомъ управленія.

При осуществленіи разнообразныхъ выдвигаемыхъ жизнью государства управленію вопросовъ, послѣднее, желая возможно лучшаго ихъ разрѣшенія, должно заботиться о цѣлесообразности принимаемыхъ имъ мѣръ. Но начало цѣлесообразности не единственное, которымъ руководствуется управленіе. Право, существованіе котораго предшествуетъ существованію государства и которое въ государствѣ находитъ лишь свое дальнѣйшее развитіе и обезпеченіе, также служитъ управленію началомъ, опредѣляющимъ его дѣятельность. И не потому, что соблюденіемъ нормъ правоваго порядка

управленіе, не нарушивъ ничьихъ интересовъ, возможно полно осуществитъ свою задачу, а потому, что правовой порядокъ—независимый отъ управленія фактъ, съ которымъ послѣднему должно считаться.

Если въ государствѣ право находитъ свое дальнѣйшее развитіе и обезпеченіе, то этимъ государство вызывается на извѣстную дѣятельность по отношенію къ праву. И, дѣйствительно, государство имѣетъ своей специфической, т. е. исключительно ему принадлежащей задачей—регулированіе правоваго порядка.

Но по отношенію къ праву въ дѣятельности государства можно различать два основныхъ типа: одна дѣятельность созидающая, другая охраняющая. Эпитетъ „созидающей" имѣетъ значеніе для первой въ противоположность второй, но нельзя сказать, чтобы онъ обнималъ все возможное ея содержаніе. Можетъ быть правильнѣе было бы назвать ее регулирующей.

Дѣло въ томъ, что она, отправляясь отъ всей совокупности жизненныхъ условій страны, наблюдая отдѣльныя проявленія этой жизни и замѣчая массу возникающихъ среди нихъ конкретныхъ отношеній чисто фактическаго характера, старается свести все ихъ многообразіе къ общимъ началамъ и, придавъ послѣднимъ формально юридическій характеръ, закрѣпить ихъ въ качествѣ руководящихъ началъ общественныхъ отношеній. Часто она замѣчаетъ, что данное фактическое отношеніе уже регулируется нормой права, но такой нормой, которая установлена безмолвнымъ соглашеніемъ участниковъ отношенія и не санкціонирована еще государствомъ. Въ такихъ случаяхъ она спѣшитъ, если находитъ дальнѣйшее существованіе этой нормы полезнымъ, санкціонировать ее, т. е. признать ее закономъ государства и тѣмъ поставить подъ защиту послѣдняго. Кромѣ того, она, въ виду измѣнившихся жизненныхъ условій, или измѣняетъ сообразно имъ нормы права, или совсѣмъ уничтожаетъ устарѣвшія, напр., или почему-либо негодныя.

Такимъ образомъ, уже изъ изложеннаго видно, что эта дѣятельность государства по отношенію къ праву руководствуется началами цѣлесообразности, отправляясь отъ всей

совокупности жизненныхъ условій данной страны, и носитъ по преимуществу творческій характеръ, такъ же какъ и управленіе, но отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что не связана существующимъ правомъ. Свобода установленія правовыхъ нормъ и ихъ измѣненія—отличительный ея признакъ, весь смыслъ выдѣленія ея въ особую группу. Эту дѣятельность принято называть законодательною. Содержаніе ея—право, руководящій принципъ—цѣлесообразность.

Другой типъ государственной дѣятельности по отношенію къ праву—охраняющій—отличается отъ только что разсмотрѣннаго своимъ руководящимъ принципомъ.

Вмѣсто цѣлесообразности онъ руководствуется правомъ. Здѣсь можно не думать о прошедшемъ, не должно предаваться грезамъ о будущемъ, а должно, охраняя мирный порядокъ и существующія права и обязанности, утверждать настоящее. Это дѣятельность судебная, и судья представитель дѣйствующаго въ данный моментъ въ государствѣ права [1]). Судья находится въ правѣ, какъ въ какомъ-то заколдованномъ кругѣ, и единственныя соображенія, принимаемыя имъ,—это соображенія только права. Онъ поставленъ для права и правомъ руководится. Отсюда—безъ того, чтобы участвовалъ сознательный актъ его воли, судья охраняетъ право. Охраненіе права—его функція, raison d'être его самостоятельнаго существованія.

Такимъ образомъ, если законодательство, управленіе и судъ—наиболѣе типичныя группы функцій государства, то не наблюдается ли стремленіе установить для ихъ осуществленія особые порядки, съ особыми формами, гарантирующими возможно полное обезпеченіе правильнаго выполненія каждой изъ нихъ.

Дѣйствительно, въ государствахъ мы встрѣчаемся съ подобнымъ стремленіемъ, и политическіе писатели и юристы въ достаточной степени выяснили въ общемъ необходимость

---

[1]) Я. Г. Есиповичъ. О толкованіи законовъ. Жур. Мин. Юст. 1894 г. № 2, стр. 110.

установленія для каждой изъ приведенныхъ функцій особаго порядка. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы государственная жизнь, бьющая милліонами ключей самыхъ разнообразныхъ, въ такой степени позволила себя замкнуть въ извѣстныя формы, чтобы сверху до низу государственной организаціи, вездѣ и во всемъ было проведено различіе порядковъ по различію актовъ. Послѣдніе настолько переплетаются другъ съ другомъ, переходятъ одинъ въ другой, взаимно обусловливаются, что ихъ можно только свести къ типамъ, но не разграничить; иногда даже трудно бываетъ категорически заявить, къ какому изъ типовъ принадлежитъ данный актъ государства. Кромѣ того, государство—единство, и дѣятельность его должна быть проникнута именно этой идеей единства. Поэтому, если и желательно установленіе особаго, для каждаго изъ намѣченныхъ типовъ государственной дѣятельности, порядка, съ достаточными гарантіями за соблюденіе его, то нельзя при этомъ упускать изъ виду идеи единства государственной дѣятельности и приносить ее въ жертву, если можно такъ выразиться, партикуляристическимъ стремленіямъ отдѣльныхъ отраслей государственной дѣятельности.

Дѣятельность государства вообще, безъ отношенія къ отдѣльнымъ ея функціямъ, какъ дѣятельность союза суверереннаго, ничѣмъ, кромѣ фактической невозможности, не связаннаго, руководится только цѣлесообразностью, и подъ извѣстнымъ условіемъ можно принять, что въ международномъ общеніи руководится еще и правомъ, но внутри государства, у себя дома—только цѣлесообразностью. Поэтому часто государственная власть, руководясь именно этимъ принципомъ, установляетъ извѣстный порядокъ для тѣхъ изъ актовъ, которые должны были бы быть производимы другимъ способомъ, и такимъ путемъ, хотя нарушаетъ соотвѣтствіе формъ, но наиболѣе полно удовлетворяетъ общей задачѣ государства: всесторонняго и гармоническаго развитія его существа.

Итакъ, чрезвычайная сложность явленій государственной жизни, не позволяющая иной разъ разглядѣть истинное со-

держаніе данныхъ актовъ, съ одной стороны, а съ другой— государственная власть, устанавливающая по своему произволу форму актовъ часто несоотвѣтственно ихъ содержанію, приводятъ къ тому, что осуществленіе каждаго даннаго акта однимъ изъ возможныхъ способовъ есть вопросъ факта и зависитъ отъ всей совокупности конкретныхъ условій его выполненія, установленіе же для различныхъ государственныхъ функцій особыхъ порядковъ ихъ осуществленія есть вопросъ положительнаго права данной страны и зависитъ въ своемъ существованіи отъ того, насколько дѣйствительны гарантіи, обезпечивающія каждому учрежденію его компетенцію.

Дѣйствительность этихъ гарантій обусловливается формой государственнаго устройства.

Государство проявляетъ свою власть черезъ извѣстныя учрежденія, которыя суть его органы, надѣленные властью государства въ той или другой степени. Если въ государствѣ только одинъ органъ, который выводитъ свое существованіе и власть непосредственно изъ существованія и власти самого государства, то такой органъ непремѣнно будетъ надѣленъ всей полнотой государственной власти. Остальные органы, какъ посредственные, получаютъ власть отъ него и пользуются ею его произволеніемъ. У него не бо́льшая власть, чѣмъ у другихъ; у него вся полнота государственной власти. Онъ можетъ въ каждый данный моментъ всѣ дѣла привлечь къ своему разрѣшенію и измѣнить порядокъ ихъ производства, и никто не можетъ ему въ этомъ юридически воспрепятствовать. Поэтому неуклонное выполненіе порядка, разъ установленнаго для той или другой группы дѣлъ, здѣсь не имѣетъ юридическихъ гарантій, а есть вопросъ политики и факта. Единство же государственной дѣятельности въ такой государственной формѣ достигаетъ своего высшаго напряженія: всѣ акты могутъ исходить изъ одного центра.

Совсѣмъ другое дѣло, когда въ государствѣ два или нѣсколько непосредственныхъ органовъ. Быть надѣленными каждый всей полнотой государственной власти они не могутъ, такъ какъ иначе это привело бы къ распаденію государства. Если предположить, что изъ двухъ непосред-

ственныхъ органовъ одинъ обладаетъ всей полнотой власти государства, то практически это привело бы къ абсолютіи. Слѣдовательно, при двухъ или нѣсколькихъ непосредственныхъ органахъ власть государства подѣляется между ними. Нѣтъ надобности въ равномъ количествѣ у каждаго изъ нихъ этой власти; одинъ можетъ имѣть больше, другой меньше, но никто не имѣетъ полной.

Отсюда слѣдуетъ, что въ такой формѣ государства, при ограниченности власти его органовъ,—если желаютъ обезпечить государственной жизни мирное теченіе и предоставить разрѣшеніе государственныхъ дѣлъ праву, а не фактическому взаимоотношенію матеріальныхъ силъ непосредственныхъ органовъ,—организація послѣднихъ, компетенція и порядокъ осуществленія государственныхъ функцій должны быть опредѣлены и покоиться на незыблемомъ законѣ государства,—законѣ, стоящемъ выше каждаго изъ непосредственныхъ органовъ государства и потому внѣ сферы дѣйствія каждаго изъ нихъ. При отсутствіи такого устава вся жизнь непосредственныхъ органовъ сведется къ борьбѣ за власть, которая кончится или распаденіемъ государственнаго строя, или измѣненіемъ одного въ другой.

Изложенная въ такихъ общихъ чертахъ конституціонная форма можетъ имѣть нѣкоторыя разновидности. Она, напр., можетъ быть чисто конституціонной, какъ принято говорить, и парламентарной. Общее обѣимъ этимъ формамъ, въ противоположность абсолютной, это твердыя юридическія гарантіи соблюденія разъ установленныхъ порядковъ осуществленія трехъ различныхъ типовъ государственной дѣятельности; особенности же каждой изъ нихъ это бо́льшее или меньшее приближеніе къ абсолютной формѣ въ отношеніи единства направленія государственной дѣятельности. Ближе къ абсолютной—парламентарное устройство, дальше—чисто конституціонное.

Парламентарное обезпечиваетъ это единство болѣе конституціоннаго потому, что въ немъ собственно нельзя отдѣлить по существу власть законодательную отъ исполнительной. Понятіе парламента обнимаетъ собою не двѣ палаты,

а палаты и короля, съ подчиненными ему министрами. Но министерство должно быть избрано королемъ изъ большинства палаты, обыкновенно, нижней, должно быть солидарно съ этимъ большинствомъ. У короля нѣтъ поэтому свободнаго выбора, и на дѣлѣ управляетъ не онъ съ подчиненными ему министрами, а министры во главѣ съ королемъ.

Такимъ образомъ, парламентъ, обнимающій собою и законодательство, и управленіе, по своему существу является однороднымъ тѣломъ, такъ какъ включаетъ въ себѣ однородные элементы. И что еще больше усиливаетъ это внутреннее единеніе законодательства и управленія, такъ это широкій контроль палатъ надъ управленіемъ и отвѣтственность министровъ, доведенная до крайнихъ предѣловъ [1]) и находящая въ этой формѣ государственнаго устройства дѣйствительное соблюденіе.

Въ чисто конституціонной формѣ законодательная власть осуществляется королемъ совмѣстно съ палатами; управленіе же—королемъ съ помощью подчиненныхъ и свободно имъ избираемыхъ министровъ. Какъ видно, король участвуетъ и въ законодательствѣ, и въ управленіи, но степень его участія не одинакова; не одинаково и вліяніе его на эти дѣла. Король въ законодательствѣ одинъ изъ равныхъ факторовъ закона; въ управленіи онъ, можно сказать, единственный его функціонеръ. Что касается палатъ и министерства, то они часто совершенно разнородны. Отвѣтственность министровъ передъ палатами, хотя и провозглашается въ конституціяхъ, но, не имѣя юридическихъ гарантій, не влечетъ за собою и практическихъ результатовъ.

Итакъ, послѣ того какъ мы сказали, что всю государственную дѣятельность можно свести къ тремъ основнымъ группамъ, что для каждой изъ нихъ стараются установить особые порядки ихъ осуществленія, что установленіе того или иного порядка для данной группы есть вопросъ положительнаго права страны, что гарантіи соблюденія разъ

---

[1]) A. Esmein. Eléments de droit constitutionnel, 1896 г., стр. 95.

установленнаго порядка зависятъ отъ формы государственнаго устройства: абсолютной или конституціонной, и что высшій законъ государственной дѣятельности—единство, мы обращаемся къ болѣе подробному разсмотрѣнію одной изъ сторонъ государственной дѣятельности, а именно законодательству.

II.

Законодательство, въ качествѣ государственной дѣятельности, находитъ свое внѣшнее выраженіе въ актахъ, называемыхъ законами. Законодательствовать значитъ издавать рядъ государственныхъ актовъ, изъ которыхъ каждый носитъ названіе закона. Поэтому первое, что̀ намъ надо выяснить, это понятіе закона.

Уже греки понимали подъ закономъ общеобязательное, абстрактное правило, исходящее отъ высшей власти.

Римляне, въ противоположность такому всестороннему пониманію закона грековъ, сначала упускаютъ возможное содержаніе закона, опредѣляя его только какъ волеизъявленіе римскаго народа; потомъ же, въ лицѣ классическихъ юристовъ, интересовавшихся частнымъ правомъ, а не государственнымъ, упускаютъ формальный признакъ и смѣшиваютъ законъ съ объективнымъ правомъ [1]).

Школа естественнаго права ничего не даетъ новаго въ опредѣленіи закона, но, указывая на порядокъ его изданія, говоритъ, что осуществленіе законодательной власти—у короля, а не у народа, который не принимаетъ никакого участія въ законодательной дѣятельности.

Противъ такого воззрѣнія въ концѣ 16 и въ началѣ 17 вѣковъ поднимается реакція, которая, исходя изъ тѣхъ же самыхъ положеній школы естественнаго права, требуетъ для народа права совмѣстнаго съ королемъ изданія законовъ.

---

[1]) G. Iellinek. Gesetz und Verordnung. 1887 г., стр. 35—43.

Въ государственномъ ученіи и практикѣ Англіи это требованіе достигаетъ наибольшей ясности его предъявленія и наиболѣе находитъ себѣ осуществленіе. Въ 17 вѣкѣ Richard Hooker заявляетъ, что законъ можетъ получить свою силу только съ общаго согласія. William Prynne въ сочиненіи отъ 1643 года приписываетъ законодательную власть парламенту, подчиняющему себѣ и короля [1]). Съ Эдуарда III становится правиломъ, что король не можетъ отмѣнить статутъ, изданный въ парламентѣ, т. е. съ участіемъ представителей народа [2]).

Руссо, соединяя ученіе грековъ объ общности закона съ требованіями теоріи народнаго суверенитета, возводитъ новую доктрину о законѣ, какъ выраженіи суверенной общей воли, установляющемъ общеобязательное и непремѣнно общее правило. Но что особенно для насъ интересно въ ученіи Руссо, это то, что онъ указываетъ не на раздѣленіе властей, котораго онъ и не требуетъ, а на различіе порядковъ по различію функцій, и говоритъ, что одинъ и тотъ же народъ, при выраженіи своей общей воли, суверенный властитель, при осуществленіи отдѣльныхъ дѣлъ управленія,—связанъ законами, имъ же самимъ въ качествѣ суверена изданными [3]). По различію функцій различіе не въ органахъ, но въ порядкѣ ихъ осуществленія.

Въ началѣ французской революціи законъ является въ значеніи общаго правоваго правила; но скоро является двоякое значеніе закона, какъ акта общей воли и какъ воли законодательнаго фактора, при чемъ актъ общей воли долженъ найти себѣ выраженіе непремѣнно законодательнымъ путемъ; законодательный же путь не для однихъ только актовъ общей воли [4]).

Въ Германіи законъ опредѣлялся сначала только матеріально и подъ вліяніемъ школы естественнаго права, какъ

---

[1]) Ibidem, стр. 46—49.

[2]) A. Esmein. Eléments de droit constitutionnel. 1896 г., стр. 37—48.

[3]) Ср. G. Iellinek. Gesetz und Verordnung. 1887 г., стр. 51—53.

[4]) Ibidem, стр. 73—80.

общее правовое правило, въ противоположность привилегіи, установлявшей изъятіе изъ общаго права, судебному приговору и административному распоряженію, конкретизировавшимъ законодательную волю [1]).

Съ эпохи конституцій 1814—1848 годовъ является и формальный признакъ закона, какъ воли монарха, получившей согласіе сословій. Но этимъ опредѣленіемъ не исчерпывается формальное понятіе закона; законъ можетъ быть изданъ и другимъ порядкомъ, а именно: монархъ безъ согласія кого бы то ни было могъ издавать нормы, считавшіяся формальными законами, и, что̀ особенно важно, эти формальные законы были въ то же время и матеріальными. Осуществленіе законодательной власти, устанавливающей общія правовыя нормы, шло двумя путями въ зависимости отъ того, какіе интересы затрогивали эти нормы. Регулированіе особенно важныхъ интересовъ, большею частью перечисляемыхъ въ конституціяхъ, требовало совмѣстной дѣятельности короля и сословій, для остальныхъ же было достаточно односторонняго акта короля. Кромѣ того въ конституціяхъ до 1830 года монарху предоставлялось право издавать въ исключительныхъ случаяхъ провизорные законы [2]).

Сообразно государственной практикѣ и литература, въ лицѣ Роттека, противополагаетъ законъ, какъ абстрактное, общее опредѣленіе, распоряженію для конкретнаго случая. Для Роттека всѣ общія установленія, исходящія, хотя бы отъ общинныхъ властей,—законы [3]).

И лишь въ 1836 году Пфицеръ проводитъ различіе между матеріальнымъ и формальнымъ значеніями закона, установляя для послѣдняго признакъ согласія сословій. Многое, говоритъ онъ, по своей природѣ принадлежащее къ области управленія и безъ характера общности, изданное въ силу требованій конституціи, съ согласія сословій, получаетъ имя закона [4]).

---

[1]) Ibidem, стр. 107 и слѣд.

[2]) Назв. соч. стр. 109—111.

[3]) Ib., стр. 111 и слѣд.

[4]) Ib., стр. 113.

Но еще Цёпфль обозначаетъ законъ, какъ видъ общаго указа главы государства.

Съ сороковыхъ же годовъ въ теоріи (съ Моля) и съ 48 года въ конституціонной практикѣ общее признаніе получаетъ опредѣленіе закона въ формальномъ смыслѣ при изданіи его съ согласія сословій [1]). Потому въ конституціяхъ нѣтъ больше рѣчи о провизорныхъ законахъ въ прежнемъ значеніи, и всѣ нормы, съ признаками матеріальнаго закона, изданныя, въ виду исключительности случая, провизорно, безъ содѣйствія палатъ, носятъ уже названіе указовъ, Verordnungen, обладая лишь провизорной силой закона, но не называясь закономъ [2]).

Приведенныя историческія данныя достаточно даютъ матеріала для выясненія понятія закона и нуждаются лишь въ тѣхъ поправкахъ и дополненіяхъ, которыя могутъ быть добыты изъ современной практики государствъ и теоріи государственнаго права.

Законъ, съ одной стороны, есть государственный актъ, изданный съ соблюденіемъ установленныхъ формъ извѣстнымъ порядкомъ, съ другой стороны, онъ, кромѣ этого чисто формальнаго признака, имѣетъ и содержаніе и, соотвѣтственно послѣднему—матеріальный признакъ. Но такъ какъ въ дѣйствительности эти два признака не всегда совпадаютъ въ одномъ и томъ же актѣ, то различаютъ законъ въ матеріальномъ и законъ въ формальномъ смыслѣ. Лабандъ говоритъ, что законъ въ матеріальномъ смыслѣ и законъ въ формальномъ смыслѣ не относятся другъ къ другу, какъ родъ къ виду. Это два совершенно различныя понятія и опредѣляются: одно по содержанію, другое по формѣ.

Содержаніе закона какъ юридической нормы уже понятно. И въ этомъ смыслѣ законъ называется, въ противоположность субъективному правосознанію, вмѣстѣ съ обычаемъ

---

[1]) Ib., стр. 114 и слѣд.

[2]) Ib., стр. 117.

положительнымъ правомъ; въ противоположность же обычаю, какъ неписанному праву,—писаннымъ правомъ.

Но юридическая норма можетъ быть издана какъ для отдѣльнаго конкретнаго случая, такъ и въ качествѣ общаго правила. И то обстоятельство, что юридическая норма издана для регулированія конкретныхъ правовыхъ отношеній, едва ли имѣетъ какое-нибудь вліяніе на содержаніе закона.

Содержаніемъ закона остается то же право, будетъ ли онъ регулировать неопредѣленный кругъ имѣющихъ возникать правоотношеній, или будетъ изданъ для регулированія одного только даннаго конкретнаго случая.

Признакъ общности является нормальнымъ для устанавляемыхъ закономъ въ матеріальномъ смыслѣ правилъ, естественнымъ признакомъ закона въ матеріальномъ смыслѣ, но сказать, что онъ является существеннымъ признакомъ, conditio sine qua non закона въ матеріальномъ смыслѣ, едва ли будетъ послѣдовательно, особенно послѣ того, какъ выяснено, что установленіе правъ и обязанностей есть дѣятельность законодательная, а не управленія и суда [1]).

Но, съ другой стороны, не будетъ ли противорѣчить такое категорическое утвержденіе дѣйствительности, такъ какъ мы нерѣдко наблюдаемъ установленіе юридической нормы для конкретнаго случая судомъ и управленіемъ.

Совершенно справедливо, что въ практикѣ суда можетъ оказаться такой случай, который, при всемъ желаніи судьи, не можетъ быть подведенъ ни подъ одну изъ нормъ положительнаго права. А между тѣмъ приговоръ долженъ быть постановленъ.

И судъ, постановляя его, тѣмъ, повидимому, установляетъ ad hoc законъ въ матеріальномъ смыслѣ. Но это было бы такъ, если бы судъ руководился цѣлесообразностью; онъ же руководится правомъ. И, постановляя такой приговоръ, судъ исходитъ или изъ общаго смысла и духа положительнаго права, или изъ того, насколько онъ, желая постановить при-

---

[1]) Ср. Iellinek, назв. соч., стр. 239.

говоръ, отвѣчающій правосознанію большинства, усвоилъ себѣ это правосознаніе иначе, исходя изъ права, еще не успѣвшаго объективироваться. Здѣсь и начало, и конецъ дѣятельности права, а потому и приговоръ суда, хотя бы и при изъясненныхъ обстоятельствахъ по своему содержанію,— охраненіе права.

Матеріальный же законъ тѣмъ и отличается отъ приговора, что онъ свободный, руководимый цѣлесообразностью актъ государства, имѣющій специфической цѣлью развитіе, а не охраненіе права.

Потому и законодатель, какъ не связанный правомъ, можетъ, издавая для даннаго случая новую норму, поставить ее въ разрѣзъ съ существующими.

Конечно, такое различіе мало уловимо, но все-таки оно достаточно для того, чтобы выдѣлить типичныя черты матеріальнаго закона. Мы нарочно прибавили „типичныя“ черты, такъ какъ ранѣе уже было указано на невозможность точнаго разграниченія всѣхъ безъ исключенія государственныхъ актовъ.

Что касается управленія, то оно несомнѣнно издаетъ юридическія нормы, носящія иногда всѣ признаки матеріальнаго закона. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы изданіе такихъ нормъ было по существу функціей управленія.

Управленіе, издавая матеріальный законъ, дѣйствуетъ всегда или по прямому ясно выраженному уполномочію законодательства, или по молчаливому попущенію его, или, если безъ этихъ условій, то съ однимъ непремѣннымъ: испросить при первой возможности на актъ согласіе законодателя.

Такимъ образомъ, получается аналогичный случай съ абсолютной формой государственнаго устройства, гдѣ у непосредственнаго органа осуществленіе всѣхъ функцій государственнаго властвованія, но, за невозможностью ему одному осуществлять ихъ непосредственно, онъ допускаетъ къ этому другіе органы, и поскольку послѣдніе дѣйствуютъ, они дѣйствуютъ отъ лица непосредственнаго органа, осуществляя, такъ сказать, не свои, а его функціи.

Также и матеріальный законъ есть дѣло законодателя, а если управленію и приходится въ силу необходимости издавать правовыя нормы, то это дѣлается по соизволенію законодателя.

Если бы индивидуальный законъ не былъ дѣломъ по существу и необходимо законодательства, то онъ принципіально принадлежалъ бы къ области управленія.

Послѣднее предположеніе находило себѣ осуществленіе въ государственной практикѣ. Но дѣло въ томъ, что это приводило къ крушенію государственнаго строя. Такъ было въ Англіи передъ 1688 годомъ, во Франціи передъ 1830 годомъ [1]).

Каждый актъ законодательства издается извѣстнымъ порядкомъ и облекается въ такія формы, которыя дали бы возможность отличить его отъ другихъ актовъ государства. Извѣстный порядокъ устанавливается, какъ гарантія лучшаго выполненія данной функціи; облеченіе въ извѣстную форму придаетъ акту то или иное внѣшнее значеніе. Это формальное значеніе законодательныхъ актовъ черпаетъ свою силу изъ общей сокровищницы государственной власти. Но нельзя сказать, чтобы каждый законодательный актъ былъ облеченъ всей полнотой этой власти. Напротивъ, онъ имѣетъ ограниченное формальное значеніе. Иначе бы законодательная власть была синонимомъ государственной власти.

Каково это значеніе законодательныхъ актовъ, намъ и придется сейчасъ выяснить.

Если бы актъ, изданный законодательнымъ порядкомъ и облеченный въ соотвѣтствующую форму, могъ быть измѣняемъ какимъ угодно актомъ, напр., актомъ полицейскаго органа, и принимался бы въ соображеніе государственными органами и частными лицами по ихъ усмотрѣнію, то тогда не для чего было бы издавать такой актъ особымъ порядкомъ и придавать ему извѣстную формальную силу.

Все значеніе закона въ формальномъ смыслѣ основывается, именно, на неизмѣняемости его иначе, какъ такимъ же закономъ, и на обязательности его примѣненія.

---

[1]) Ср. Iellinek, назв. соч., стр. 257 и слѣд.

Устанавливая такую силу закона въ зависимости отъ его формы, пользуются послѣднею при осуществленіи такихъ государственныхъ функцій, которыя никоимъ образомъ не могутъ быть причислены къ области матеріальнаго законодательства. И актъ, который по своему содержанію не есть законъ въ матеріальномъ смыслѣ, но обладаетъ формальной силой закона, есть законъ въ чисто формальномъ смыслѣ. Законъ въ формальномъ смыслѣ опредѣляется исключительно по формѣ и можетъ быть какого угодно содержанія.

Но не всегда будетъ удобно и не всегда будетъ соотвѣтствовать цѣлямъ государства осуществленіе нѣкоторыхъ дѣлъ законодательнымъ порядкомъ въ его чистой формѣ. Особенность послѣдняго состоитъ именно въ томъ, что онъ свободенъ при обсужденіи дѣлъ отъ существующаго положительнаго права. Коль скоро актъ управленія въ матеріальномъ смыслѣ осуществляется законодательнымъ порядкомъ, то онъ, по усмотрѣнію законодателя, можетъ быть опредѣленъ не только общими правилами существующихъ на этотъ счетъ постановленій, но изданъ совершенно оригинально въ новыхъ формахъ и съ новымъ содержаніемъ [1]). Точно также, когда законодательнымъ порядкомъ приходится осуществлять судебную функцію, то актъ, являющійся результатомъ такого чисто законодательнаго порядка, можетъ квалифицировать подлежавшій разсмотрѣнію случай по своему, ничѣмъ не стѣсняясь.

Желаніе оградить мирное теченіе государственной жизни отъ такихъ неожиданностей, съ одной стороны, а съ другой— придать извѣстному акту законодательную силу, заставляетъ уклоняться отъ законодательнаго порядка чистаго типа и создавать по внѣшнимъ формамъ и конечному дѣйствію законодательный, по содержанію же другой порядокъ.

Частные акты англійскаго парламента обусловлены статутами; натурализація въ Бельгіи устанавливается хотя законодательнымъ порядкомъ, но условія, которымъ долженъ

---

[1]) Назв. соч., стр. 269.

отвѣчать натурализуемый, опредѣлены заранѣе и не могутъ быть измѣнены для даннаго случая [1]).

Здѣсь, повидимому, уже совсѣмъ нѣтъ условій, выставленныхъ ранѣе нами въ качествѣ отличительныхъ чертъ законодательной дѣятельности, и идти далѣе этого въ формальностяхъ, пренебрегая содержаніемъ,—нельзя.

Изданный, при соблюденіи однѣхъ только формальностей законодательства, актъ есть формальный законъ чистой воды.

---

[1]) Ibidem., стр. 267.

ХРОНИКА.

I.

НОВОЕ ТЕЧЕНІЕ ВЪ СЕНАТСКОЙ ПРАКТИКѢ ПО КРЕСТЬЯНСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

Хотя протекло уже сорокъ лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но вопросъ объ отношеніи крестьянъ къ надѣлу и до сего дня не получилъ законодательнаго разрѣшенія. Вопросъ этотъ не теоретическій, а огромной практической важности, что̀ видно изъ судебной статистики, констатирующей, что огромный процентъ исковыхъ дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ составляютъ именно споры о надѣлѣ.

Въ виду отсутствія закона, который опредѣлялъ бы права крестьянъ на надѣльныя земли, и при необходимости разрѣшенія постоянно возникающихъ въ этой области вопросовъ, практика Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената по крестьянскимъ дѣламъ пріобрѣла значеніе руководящихъ началъ въ разрѣшеніи споровъ о надѣлѣ. Какъ бы ни относиться къ проводимымъ Правительствующимъ Сенатомъ взглядамъ на вопросы крестьянскаго землевладѣнія [1]), необходимо, однако, признать, что по вопросу о правѣ крестьянъ на надѣлъ Сенатъ обнаруживалъ замѣчательную послѣдовательность: „при-

---

[1]) Діаметрально противоположную оцѣнку практики Сената даютъ М. А. Лозина-Лозинскій (Вѣстн. Права 1899 г. № 3 и 5) и А. М. Гуляевъ (Жур. Мин. Юст. 1899 г. № 4) въ статьяхъ подъ одинаковымъ заглавіемъ „Крестьянскій дворъ“.

знавая домохозяина, на имя котораго записанъ надѣльный участокъ, представителемъ двора и распорядителемъ хозяйства, Правительствующій Сенатъ указываетъ въ цѣломъ рядѣ своихъ рѣшеній [1]), что надѣльный участокъ составляетъ не личную собственность домохозяина, а собственность цѣлаго крестьянскаго двора" (рѣш. 1900 г. № 23); впрочемъ, „изъ этого не слѣдуетъ, чтобы такіе надѣлы состояли у членовъ семейства означенныхъ домохозяевъ на правѣ общей собственности въ томъ смыслѣ, въ какомъ подобная собственность разумѣется общими гражданскими законами... Домохозяину принадлежитъ право распоряженія земельнымъ надѣломъ, какъ это слѣдуетъ вывести изъ 26, 169 и 175 ст. полож. о выкупѣ; такое право домохозяина устраняетъ всякія притязанія членовъ его семьи, направленныя къ колебанію права третьяго лица, пріобрѣвшаго на законномъ основаніи земельный надѣлъ отъ домохозяина" (рѣш. 1893 г. № 91). Права членовъ двора на надѣлъ представляются такимъ образомъ эфемерными: стоитъ домохозяину продать надѣлъ, и права членовъ двора на владѣніе и пользованіе надѣльною землей прекращаются, цѣль, въ виду которой произведено надѣленіе—обезпеченіе быта крестьянской семьи,—оказывается недостижимою; члены двора, имѣя право на надѣлъ, лишены юридической возможности отстаивать это право, самымъ рѣзкимъ нарушеніемъ котораго является отчужденіе надѣла со стороны домохозяина. Но, доколѣ надѣлъ домохозяиномъ не отчужденъ, онъ остается достояніемъ всѣхъ наличныхъ членовъ двора и юридически представляется имуществомъ недѣлимымъ. Каковы же въ этомъ случаѣ права членовъ двора на надѣлъ? Исключительнаго права на пользованіе надѣломъ не имѣетъ ни одинъ изъ членовъ двора, но право каждаго на пользованіе цѣлымъ надѣломъ ограничивается таковыми же правами и всѣхъ остальныхъ сочленовъ. Это не есть право общей собственности, какъ учитъ Сенатъ, но здѣсь, безъ сомнѣнія, наблюдается своеобразный видъ общаго владѣнія. Разнообразны и количественно, и качественно потребности членовъ двора въ пользованіи надѣломъ. Какъ опредѣлить долю участія каждаго изъ совладѣльцевъ въ общемъ имуществѣ? Для ненадѣльныхъ имуществъ гражданскіе законы даютъ руководящія начала въ установленіи правилъ о порядкѣ наслѣдованія по закону: доля участія каждаго

---

[1]) 1896 г. № 126, 1893 г. № 91 и другія, цитированныя въ означенныхъ рѣш. Касс. Департ. и Общ. Собр.

изъ совладѣльцевъ въ пользованіи общимъ имуществомъ опредѣляется относительною близостью владѣльца къ наслѣдодателю и числомъ наслѣдниковъ одной степени, индивидуальныя же потребности каждаго изъ совладѣльцевъ въ соображеніе не принимаются, и опредѣленіе размѣра участія каждаго совладѣльца въ пользованіи общимъ имуществомъ представляется результатомъ ариѳметическаго вычисленія. Но по ст. 1184 ч. 1 т. X „въ наслѣдованіи сельскихъ обывателей (и колонистовъ) установляется особенный порядокъ, различный отъ общаго". Какой это особенный порядокъ,—на этотъ вопросъ законъ нигдѣ не отвѣчаетъ. Извѣстно лишь, что ст. 38 общ. пол. дозволяетъ крестьянамъ въ дѣлахъ о наслѣдованіи руководствоваться мѣстнымъ обычаемъ. Но дозволеніе руководствоваться мѣстнымъ обычаемъ не можетъ считаться равносильнымъ полному исключенію закона въ примѣненіи къ наслѣдованію крестьянъ, тѣмъ болѣе, что законъ не говоритъ, чтобы къ наслѣдованію крестьянъ не примѣнялся законный порядокъ, а указываетъ лишь, что общій порядокъ не примѣняется, а „установляется" особенный порядокъ. На самомъ дѣлѣ такого особеннаго установленнаго порядка не существуетъ въ законахъ, а наблюдается, полное отсутствіе какого бы то ни было порядка наслѣдованія по закону. А если нѣтъ никакихъ правилъ о порядкѣ наслѣдованія у крестьянъ, то, спрашивается, чѣмъ же руководствоваться судебнымъ мѣстамъ при опредѣленіи правъ участія каждаго изъ членовъ двора? Общія судебныя мѣста крѣпко держались до сего времени теоріи Сената о правѣ представителя двора опредѣлять размѣръ участія каждаго изъ членовъ въ пользованіи надѣломъ, и въ результатѣ примѣненія этой теоріи по искамъ крестьянъ о признаніи за ними права на опредѣленную долю въ пользованіи надѣломъ постановлялось всегда стереотипное рѣшеніе: „допустить истца къ совмѣстному съ отвѣтчикомъ владѣнію и пользованію надѣломъ"; точное опредѣленіе доли наблюдается въ томъ лишь случаѣ, когда представитель двора въ качествѣ отвѣтчика признаетъ за истцомъ право на извѣстную часть надѣла: но вѣдь въ такой резолюціи связывается торжество власти домохозяина и отрицаніе за членомъ двора права на опредѣленную юридическими основаніями долю участія въ пользованіи надѣльной землею. Германское начало *der gesammten Hand*, съ такою послѣдовательностью проводимое въ рѣшеніяхъ Сената по крестьянскимъ дѣламъ (ср. „Крестьянскій дворъ" А. М. Гуляева, Жур. Мин. Юст. 1899 г. № 4), даетъ полное оправданіе

судебнымъ рѣшеніямъ, отвергающимъ притязанія отдѣльныхъ членовъ двора на ариѳметически опредѣленную часть надѣла, тѣмъ болѣе, что при юридической недѣлимости надѣла, судъ лишенъ всякихъ руководящихъ указаній закона для опредѣленія размѣра участія отдѣльныхъ членовъ двора въ общемъ пользованіи надѣломъ.

Послѣдовательно проводимая Сенатомъ теорія надѣльнаго землевладѣнія приводитъ судебныя мѣста къ необходимости оставлять безъ удовлетворенія огромный процентъ крестьянскихъ исковъ о надѣлѣ, хотя бы иски эти съ точки зрѣнія общаго гражданскаго закона и общихъ началъ права и казались подлежащими удовлетворенію.

Споръ члена двора о размѣрѣ его участія въ пользованіи надѣломъ представляется безъ сомнѣнія споромъ о правѣ гражданскомъ, но этого рода притязанія не могутъ подлежать удовлетворенію, за неимѣніемъ у суда той объективной мѣрки, какую слѣдовало бы прилагать къ притязаніямъ сочленовъ, и доколѣ такой объективной мѣрки не будетъ въ распоряженіи судебныхъ мѣстъ, доколѣ будетъ дѣйствовать правило о нераздробляемости крестьянскаго надѣла, доколѣ остается въ силѣ тотъ взглядъ, что ко владѣнію крестьянскаго двора надѣломъ не примѣнимы правила закона объ общемъ владѣніи,—дотолѣ кажущіяся съ перваго взгляда справедливыми притязанія членовъ двора не могутъ найти себѣ признанія предъ лицомъ суда. Въ рѣшеніи своемъ по дѣлу Руткуса (1900 г. № 23) Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената отступилъ отъ своихъ прежнихъ взглядовъ, признавъ возможность исковъ о размѣрѣ участія членовъ двора въ пользованіи надѣломъ: „требованіе, касающееся размѣра долей пользованія участкомъ, есть споръ о правѣ гражданскомъ, для возстановленія и огражденія коего истецъ, въ силу 691 ст. 1 ч. X т., имѣетъ несомнѣнное право обратиться къ судебной защитѣ“. Когда спорящіе обращаются къ суду, то дѣлается это, конечно, не изъ-за сомнительнаго удовольствія вести процессъ, а въ цѣляхъ возстановить свое нарушенное право [1]); воз-

---

[1]) Правда, въ послѣднее время Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената въ рѣшеніи 1900 г, № 35 пришелъ къ выводу будто бы для иска нѣтъ надобности въ нарушеніи права. Конечно, искъ присущъ праву; но исковая сила каждаго права способна обнаружиться только въ случаѣ нарушенія права, и дѣятельность суда по разсмотрѣнію иска можетъ

становленіе же нарушеннаго права сводится къ установленію фактической обстановки соотвѣтствующей тому объему правомочій, какой объективнымъ правомъ признается за потерпѣвшимъ: значитъ, въ случаѣ признанія притязанія истца подлежащимъ удовлетворенію, суду необходимо остановиться на вопросѣ о томъ, какъ великъ объемъ подвергшихся нарушенію правъ истца? Никакихъ данныхъ для формулировки отвѣта на этотъ вопросъ законъ не содержитъ; не содержитъ такихъ данныхъ и сложившаяся подъ руководствомъ Сената судебная практика. Быть можетъ, мѣстный обычай способенъ разрѣшить этотъ вопросъ? Но примѣненіе обычая къ разрѣшенію споровъ крестьянъ допускается (ст. 38 общ. пол.) въ общихъ судебныхъ мѣстахъ лишь по дѣламъ о порядкѣ наслѣдованія; значитъ, при жизни домохозяина вопросъ о размѣрѣ участія каждаго изъ членовъ двора въ пользованіи надѣломъ не можетъ быть разрѣшенъ и обычаемъ. Итакъ, какими же основаніями долженъ руководствоваться судъ въ дѣлахъ о крестьянскомъ надѣлѣ? Никакихъ общихъ основаній къ разрѣшенію споровъ этого рода судъ въ своемъ распоряженіи не имѣетъ: размѣръ участія въ пользованіи надѣломъ можетъ быть опредѣленъ соображеніями экономическими, но не юридическими. Безъ сомнѣнія, судъ не въ правѣ оставлять иски этого рода безъ разсмотрѣнія, но результатъ этихъ исковъ для истцовъ всегда будетъ отрицательнымъ, пока вопросъ о правѣ членовъ двора на надѣлъ не получитъ разрѣшенія въ законодательномъ порядкѣ: тогда устранено будетъ обманчивое непостоянство самопроизвольныхъ толкованій, разрушающихъ сегодня то, чему безусловно вѣрили всѣ вчера. Правда, рѣшеніе 1900 г. № 23 поясняетъ, что прежнія рѣшенія Сената о правѣ домохозяина опредѣлять размѣръ участія каждаго изъ членовъ двора въ пользованіи надѣломъ невѣрно поняты Виленскою судебной палатой. Однако, не одна Виленская судебная палата, а и всѣ судебныя мѣста, примѣнявшія, за неимѣніемъ закона, сенатскія рѣшенія къ разрѣшенію споровъ о надѣлѣ, понимали кассаціонныя рѣшенія этого рода въ томъ смыслѣ, что разъ домохозяинъ считается „распорядителемъ хозяйства“ двора, то отъ него и будетъ зависѣть опредѣлить размѣръ участія каждаго изъ членовъ въ пользова-

---

быть вызвана только споромъ (ст. 1 уст. гражд. суд.), т. е. отрицаніемъ права одной стороны—другою. Безъ нарушенія права нѣтъ иска, подлежащаго разсмотрѣнію судебнаго мѣста.

ніи общимъ для всѣхъ ихъ надѣломъ, и что домохозяинъ, въ качествѣ распорядителя хозяйства, не въ правѣ сдѣлать лишь одно—устранить котораго либо изъ членовъ двора вовсе отъ пользованія надѣломъ. И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ граница между чисто хозяйственными и юридическими распоряженіями домохозяина? „Если домохозяину и принадлежитъ право избранія того или другаго способа пользованія землей, то не какъ собственнику земли, а какъ распорядителю хозяйства, и поэтому, онъ можетъ касаться только хозяйственной стороны пользованія, какъ напримѣръ, отдачи земли въ аренду, или обработки ея личнымъ трудомъ, засѣва земли тѣмъ или другимъ хлѣбомъ, наряда членовъ семьи на тѣ или другія работы и т. п. Эти только хозяйственныя распредѣленія относятся къ внутреннему распорядку крестьянскаго двора и зависятъ отъ его домохозяина".

Таковы новѣйшія поясненія Сената въ доказательство того, что прежнія рѣшенія поняты неправильно. Приведенные примѣры вовсе однако не могутъ убѣдить въ противоположности „хозяйственныхъ распоряженій, относящихся къ внутреннему распорядку крестьянскаго двора",—распоряженіямъ юридическимъ. Вѣдь если „избраніе того или другаго способа пользованія землей", зависящее отъ домохозяина, придетъ въ столкновеніе съ волею кого-либо изъ членовъ двора, предпочитающихъ иной способъ пользованія, то, хотя и на почвѣ хозяйственной, возникаетъ споръ о томъ или иномъ осуществленіи принадлежащаго членамъ двора пользованія надѣломъ; если за каждымъ изъ членовъ двора признается право на извѣстную идеальную часть надѣла, то, казалось бы, слѣдовало установить гарантіи осуществленія права на идеальную долю надѣла; что это за распоряженіе, „касающееся внутренняго распорядка", когда домохозяинъ отдаетъ надѣлъ въ аренду постороннему лицу и тѣмъ лишаетъ членовъ двора возможности пользоваться землею сообразно ея назначенію? Вѣдь здѣсь, хотя и на болѣе или менѣе продолжительное время, измѣняется судьба имущества, постороннее лицо вступаетъ въ непосредственное отношеніе къ землѣ, а члены двора отъ земли устраняются: это уже не внутренній, а внѣшній распорядокъ. Съ другой стороны, право домохозяина, хотя лишь распорядителя хозяйства, совершить отчужденіе надѣла и безъ согласія членовъ двора не подвергается сомнѣнію. Въ отчужденіи надѣла нельзя уже никоимъ образомъ видѣть хозяйственное распоряженіе. Провести границу между хозяйственными и юридическими распоряженіями домохо-

зяина не представляется возможнымъ, тѣмъ болѣе, что приводимые Сенатомъ примѣры, лишенные общей основной идеи, не могутъ быть сведены къ самостоятельнымъ категоріямъ. Если домохозяинъ не лишенъ права, по его усмотрѣнію и безъ согласія на то членовъ двора, отчуждать надѣлъ; если, съ другой стороны, каждый изъ членовъ двора имѣетъ право пользоваться надѣломъ, то примирить эти оба положенія возможно лишь въ такой формулѣ: домохозяинъ владѣетъ надѣломъ въ интересахъ семьи, и только отъ его усмотрѣнія зависитъ размѣръ пользованія каждаго изъ членовъ двора. Возлагать на судъ обязанность опредѣлять доли участія отдѣльныхъ членовъ, въ то время, когда судъ лишенъ руководящихъ указаній въ законѣ,—это значитъ не только предлагать суду неразрѣшимую задачу, но и въ корнѣ измѣнять ту практику, которая съ такою послѣдовательностью проводилась до сего времени Правительствующимъ Сенатомъ по дѣламъ о крестьянскомъ надѣлѣ.

А. Гуляевъ.

II.

О ВЕЩЕСТВЕННЫХЪ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХЪ ПО ПРОЕКТУ НОВОЙ РЕДАКЦІИ УСТАВА УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Статья 261 проекта новой редакціи устава уголовнаго судопроизводства гласитъ: „Поличное орудіе, коимъ совершено преступное дѣяніе, подложные документы, фальшивыя монеты, окровавленные или поврежденные предметы и вообще все найденное при осмотрѣ, обыскѣ или выемкѣ и могущее служить къ обнаруженію преступнаго дѣянія и къ изобличенію виновнаго, отбирается и пріобщается къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства. При отобраніи упомянутыхъ предметовъ въ протоколѣ излагаются обстоятельства и порядокъ ихъ отысканія и выемки, а если вещественныя доказательства могутъ впослѣдствіи утратить первоначальный видъ, то они подробно описываются въ протоколѣ и, въ случаѣ возможности, къ дѣлу пріобщаются фотографическіе снимки съ нихъ“.

При сопоставленіи приведенной статьи проекта съ статьей 371 уст. угол. суд., усматриваются слѣдующія измѣненія и дополненія. Во-первыхъ, представляется болѣе правильною и точною

самая редакція проектируемой статьи; такъ, напримѣръ, она не начинается словами: „Вещественныя доказательства“, такъ какъ такое наименованіе получается разными предметами уже послѣ отысканія и отобранія ихъ и составленія органомъ слѣдственной власти постановленія о пріобщеніи ихъ къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, если они могутъ имѣть для дѣла такое значеніе; затѣмъ, употребленное въ ст. 371 уст. угол. суд. выраженіе: „служить... къ уликѣ“ замѣнено выраженіемъ: „служить..... къ изобличенію“,—бо́льшая правильность котораго очевидна и не требуетъ разъясненій. Во-вторыхъ, вносится новое, несомнѣнно полезное, предписаніе о пріобщеніи къ дѣлу, въ случаѣ возможности, фотографическихъ снимковъ съ вещественныхъ доказательствъ, способныхъ утратить первоначальный видъ. Наконецъ, въ-третьихъ, подробное описаніе въ протоколѣ вещественныхъ доказательствъ предполагается установить обязательнымъ лишь въ томъ случаѣ, если они могутъ впослѣдствіи утратить первоначальный видъ.

По поводу такого ограниченія обязательности подробнаго описанія въ протоколѣ вещественныхъ доказательствъ,—не заключающагося въ дѣйствующемъ уставѣ уголовнаго судопроизводства, въ объяснительной запискѣ мы находимъ лишь краткое указаніе на то, что „признано полезнымъ обязать слѣдственную власть въ тѣхъ случаяхъ, когда вещественныя доказательства могутъ утратить первоначальный видъ, подробно описывать ихъ въ протоколѣ“ (объясн. зап. къ пр. уст. угол. суд., т. V, стр. 39). Между тѣмъ, такое ограниченіе можетъ вызвать на практикѣ разныя затрудненія и вредно отразиться на достоинствѣ собираемаго слѣдственными органами матеріала.

Прежде всего необходимо замѣтить, что при разрѣшеніи вопроса о томъ, способно ли данное вещественное доказательство впослѣдствіи утратить первоначальный видъ, весьма легко допустить ошибку, и что самое рѣшеніе этого вопроса въ утвердительномъ или отрицательномъ смыслѣ можетъ зависѣть отъ личнаго взгляда того или другаго лица въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Органомъ слѣдственной власти можетъ быть признано излишнимъ подробное описаніе вещественнаго доказательства въ протоколѣ, такъ какъ оно показалось ему неспособнымъ утратить первоначальный видъ, а лицо прокурорскаго надзора, которое получило слѣдственное дѣло спустя болѣе или менѣе продолжительное время послѣ пріобщенія вещественнаго доказательства къ дѣлу, можетъ

не согласиться съ правильностью признанія за даннымъ предметомъ свойства не измѣняться, и, по праву предъявлять слѣдственному органу требованія по предметамъ, относящимся къ собранію доказательствъ (ст. 165 пр. уст. угол. суд.), можетъ потребовать отъ слѣдственной власти производства подробнаго осмотра вещественнаго доказательства съ составленіемъ надлежащаго о томъ протокола; а между тѣмъ вещественное доказательство успѣло уже и утратить первоначальный видъ подъ дѣйствіемъ воздуха, свѣта, влаги и разныхъ случайностей.

На практикѣ необходимость составленія протокола осмотра взятыхъ къ слѣдственному дѣлу вещей нерѣдко не зависитъ даже отъ того, будутъ ли эти вещи признаны вещественными доказательствами. Въ письменныхъ слѣдственныхъ производствахъ встрѣчаются протоколы осмотра разныхъ вещей, вовсе непріобщенныхъ къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ, между тѣмъ какъ самые протоколы осмотра имѣютъ весьма существенное для дѣла значеніе. Такъ, напримѣръ, по дѣлу объ убійствѣ, въ виду наличности указаній на то, что кровь отъ жертвы могла или должна была брызнуть на одежду убійцы, слѣдователь осмотрѣлъ эту одежду и, не обнаруживъ на ней подозрительныхъ пятенъ, возвратилъ ее заподозрѣнному лицу, какъ вещь, не служащую „къ обнаруженію преступнаго дѣянія и къ изобличенію виновнаго", при чемъ объ оказавшемся составилъ протоколъ, который, указывая своею наличностью въ дѣлѣ на то, что слѣдователемъ была принята, на ряду съ другими, и эта мѣра къ раскрытію истины, имѣетъ несомнѣнное значеніе—какъ при дальнѣйшемъ направленіи дѣла по существу слѣдственною и прокурорскою властью, такъ равно и въ судебномъ засѣданіи, въ которомъ данныя, изложенныя въ означенномъ протоколѣ, могутъ, въ связи съ другими данными, служить немаловажнымъ матеріаломъ для сторонъ и суда.

Такимъ образомъ, въ подробномъ описаніи данной вещи встрѣчается надобность не только въ видахъ установленія наличности какихъ-либо на ней слѣдовъ или особыхъ примѣтъ, имѣющихъ для дѣла значеніе, но и для того, чтобы установить самое отсутствіе тѣхъ или другихъ признаковъ. Еще болѣе важнымъ представляется подробное описаніе предметовъ, пріобщенныхъ къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ. Большинство слѣдователей поступаетъ вполнѣ правильно, составляя прежде всего протоколъ осмотра пріобрѣтенныхъ вещей, признанныхъ ими имѣющими для дѣла значеніе, а затѣмъ уже постановленіе—либо о

пріобщеніи ихъ къ дѣлу въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ на томъ основаніи, что въ протоколѣ осмотра имѣются указанія на то, что эти вещи могутъ служить „къ обнаруженію преступнаго дѣянія и къ изобличенію виновнаго“, либо о возвращеніи ихъ по принадлежности, въ случаѣ отсутствія такихъ указаній. Въ самомъ дѣлѣ: для правильнаго рѣшенія вопроса о необходимости пріобщенія данной вещи къ дѣлу въ качествѣ вещественнаго доказательства, необходимо прежде всего произвести осмотръ ея, и притомъ такой осмотръ, полнота и правильность котораго гарантировались бы соблюденіемъ указанныхъ въ законѣ условій, а именно: осмотръ долженъ быть произведенъ при понятыхъ, служащихъ въ одно и то же время и свидѣтелями правильности произведеннаго осмотра, и лицами, вносящими и свою долю участія при тщательномъ установленіи важныхъ для дѣла признаковъ того или другаго предмета. Не личный осмотръ даннаго вещественнаго доказательства, который однимъ лишь слѣдователемъ произведенъ, быть можетъ, односторонне, и результаты котораго сохраняются лишь въ его памяти, а полный, разносторонній осмотръ, произведенный въ присутствіи свидѣтелей, съ занесеніемъ его результатовъ въ надлежащій, серьезный письменный актъ, освѣщаетъ лицу, производящему слѣдствіе, тотъ путь, по которому онъ направляетъ свое разслѣдованіе. Составляя постановленіе о привлеченіи даннаго лица въ качествѣ обвиняемаго или постановленіе о принятіи въ отношеніи къ обвиняемому мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, — нерѣдко весьма серьезной, — и основываясь при этомъ, между прочимъ, на результатахъ осмотра вещественнаго доказательства, служащаго къ изобличенію обвиняемаго, слѣдователь ссылается въ означенныхъ постановленіяхъ, очевидно, на тѣ данныя, которыя изложены въ надлежаще составленномъ протоколѣ осмотра вещественнаго доказательства. Въ случаѣ, напримѣръ, обжалованія обвиняемымъ распоряженія слѣдователя о взятіи его подъ стражу, слѣдователь, оправдывая такую, принятую имъ, мѣру указаніемъ на рядъ добытыхъ противъ обвиняемаго уликъ, и въ томъ числѣ на данныя осмотра вещественнаго доказательства, долженъ ссылаться не на личный свой осмотръ, никѣмъ и ничѣмъ не засвидѣтельствованный, не оставившій въ письменномъ производствѣ никакихъ слѣдовъ и вызвавшій у него, быть можетъ, ошибочное представленіе о значеніи даннаго предмета, а на имѣющійся въ дѣлѣ надлежащій протоколъ осмотра

вещественнаго доказательства, который, благодаря пріемамъ его составленія, предполагается безспорнымъ слѣдственнымъ актомъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное.

Не говоря уже о томъ, что подробное во всѣхъ случаяхъ описаніе въ протоколѣ вещественнаго доказательства имѣетъ значеніе въ случаѣ возможной его утраты, нельзя далѣе не признать, что отсутствіе протокола осмотра вещественнаго доказательства можетъ поставить лицо прокурорскаго надзора въ затруднительное положеніе при дальнѣйшемъ направленіи полученнаго имъ отъ слѣдователя дѣла. Обвиняемый изобличенъ въ преступленіи совокупностью тѣхъ или другихъ уликъ, часть которыхъ заключается въ признакахъ, обнаруженныхъ на вещественномъ доказательствѣ, на которое поэтому и необходимо сослаться въ обвинительномъ актѣ; но протокола осмотра его въ дѣлѣ не имѣется. Допустимъ, что описаніе вещественнаго доказательства заключается въ постановленіи слѣдователя о привлеченіи къ дѣлу даннаго лица въ качествѣ обвиняемаго; однако ссылаться на это постановленіе прокурорскій надзоръ не можетъ, такъ какъ въ немъ изложены лишь личные, ни для кого не обязательные и не имѣющіе доказательной силы, взгляды слѣдователя относительно вещественнаго доказательства. Такимъ образомъ, прокурорскій надзоръ будетъ нерѣдко поставленъ въ необходимость возвратить дѣло органу слѣдственной власти, для подробнаго описанія вещественнаго доказательства въ надлежащемъ протоколѣ, который и можетъ имѣть доказательную силу наравнѣ съ другими слѣдственными актами. Возьмемъ примѣръ изъ практики уголовнаго суда. Обвиняемый изобличался въ убійствѣ совокупностью косвенныхъ уликъ, которыя могли бы и не послужить достаточнымъ основаніемъ для признанія его виновнымъ. Но эти улики получили особенную силу въ связи съ еще одной уликою, заключавшеюся въ томъ, что отъ мѣшка, въ которомъ найденъ былъ трупъ убитаго, оказалась отрѣзанною верхняя часть его, а послѣдняя была найдена спрятанною въ домѣ обвиняемаго, при чемъ на этой отрѣзанной части мѣшка оказались мѣты обвиняемаго, тождественныя съ мѣтами, оказавшимися на другихъ принадлежавшихъ обвиняемому и найденныхъ въ его домѣ мѣшкахъ; кромѣ того, ткань мѣшка, въ которомъ найденъ былъ трупъ, оказалась тождественной съ тканью всѣхъ прочихъ мѣшковъ обвиняемаго, а отрѣзанная часть мѣшка—съ такою точностью, въ малѣйшихъ неровностяхъ и изгибахъ своихъ, совпадала въ линіи отрѣза съ означеннымъ мѣш-

комъ, что принадлежность послѣдняго обвиняемому не подлежала никакому сомнѣнію. Слѣдователю, при существованіи ограниченія обязательности подробнаго описанія вещественнаго доказательства въ протоколѣ, могло показаться, что означенныя вещественныя доказательства не измѣнятъ своего первоначальнаго вида, и, прійдя къ такому заключенію, онъ могъ направить дѣло прокурорскому надзору безъ составленія протокола осмотра ихъ; а между тѣмъ, указаніе въ обвинительномъ актѣ на такую улику со ссылкою на данныя надлежащаго протокола осмотра представлялось необходимымъ.

Пересылка вещественныхъ доказательствъ лицу прокурорскаго надзора вмѣстѣ съ слѣдственнымъ дѣломъ, какъ сопряженная съ неудобствами и не вызывающаяся необходимостью, не практикуется, за исключеніемъ тѣхъ вещественныхъ доказательствъ, которыя, по своимъ размѣрамъ и качествамъ, легко могутъ быть пріобщены къ слѣдственному производству. Въ случаѣ же установленія на практикѣ такой пересылки, лицо прокурорскаго надзора не будетъ имѣть возможности ссылаться въ своемъ письменномъ заключеніи о дальнѣйшемъ направленіи дѣла на личный свой осмотръ вещественнаго доказательства, не имѣющій доказательной силы по тѣмъ же основаніямъ, по которымъ такой же силы лишенъ и личный осмотръ вещественнаго доказательства, произведенный слѣдователемъ безъ составленія надлежащаго о томъ протокола. Очевидно, что во всѣхъ слѣдственныхъ дѣлахъ, къ которымъ пріобщены вещественныя доказательства, должны быть протоколы осмотра ихъ, на которые прокурорскому надзору необходимо ссылаться въ тѣхъ или другихъ своихъ письменныхъ заключеніяхъ.

Какъ на предварительномъ слѣдствіи, такъ и послѣ врученія копіи обвинительнаго акта привлеченному къ уголовной отвѣтственности лицу, послѣднее должно имѣть передъ собою подробное описаніе въ надлежащемъ актѣ вещественнаго доказательства, изобличающаго его въ совершеніи преступленія, для того, чтобы знать, противъ чего слѣдуетъ направить свои возраженія, противъ чего именно слѣдуетъ защищаться. Равнымъ образомъ и на судѣ оглашеніе протокола осмотра вещественнаго доказательства, своевременно составленнаго органомъ слѣдственной власти, является лучшимъ пріемомъ при производствѣ судебнаго слѣдствія, чѣмъ одинъ лишь личный осмотръ вещественнаго доказательства, впервые производимый судьями и сторонами въ судебномъ засѣданіи.

Въ послѣднемъ случаѣ стороны и судъ будутъ въ правѣ возбуждать, нерѣдко трудный для правильнаго разрѣшенія, вопросъ о томъ, не появились ли на вещественномъ доказательствѣ тѣ или другіе признаки уже впослѣдствіи, разъ своевременнаго осмотра вещественнаго доказательства, съ составленіемъ надлежащаго о томъ протокола, произведено не было. При отсутствіи въ дѣлѣ протокола осмотра вещественнаго доказательства, можетъ оказаться необходимость занесенія въ протоколъ судебнаго засѣданія тѣхъ результатовъ, которые были получены при осмотрѣ его судомъ и сторонами, такъ какъ такой осмотръ является серьезнымъ дѣйствіемъ при производствѣ судебнаго слѣдствія. Все это можетъ сопровождаться разными сомнѣніями, разногласіями и лишнею тратою времени. Поэтому нельзя не признать, что всякое вещественное доказательство, внесенное въ залъ судебнаго засѣданія, должно имѣть въ дѣлѣ свой слѣдъ, въ видѣ надлежаще составленнаго акта о своевременномъ, тщательномъ осмотрѣ его, не возбуждающемъ,—въ особенности, вслѣдствіе своей своевременности,—никакихъ сомнѣній.

По изложеннымъ соображеніямъ, представлялось бы желательнымъ исключить изъ статьи 261 проекта нов. ред. уст. угол. суд. внесенное въ нее правило, по которому подробное описаніе въ протоколѣ вещественнаго доказательства обязательно лишь въ томъ случаѣ, если оно можетъ впослѣдствіи утратить первоначальный видъ, и установить обязательнымъ своевременное составленіе подробнаго протокола осмотра всякаго вещественнаго доказательства.

П. Ифляндъ.

III.

О ВОЗБУЖДЕНІИ ПРЕСЛѢДОВАНІЯ ЗА ЛОЖНЫЙ ДОНОСЪ.

Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что ложный доносъ представляетъ собою одно изъ крайне гнусныхъ и опасныхъ преступленій, которое, какъ показываютъ статистическія данныя, значительно распространено. Бороться съ этимъ зломъ возможно лишь посредствомъ дѣятельнаго и энергичнаго преслѣдованія ложныхъ доносчиковъ по суду, и въ этомъ отношеніи 940 ст. улож. наказ. даетъ достаточную гарантію и репрессію, но, къ

сожалѣнію, самое возбужденіе уголовнаго преслѣдованія за ложный доносъ обставлено крупнымъ препятствіемъ, и, какъ намъ думается, безъ достаточнаго и законнаго основанія.

Въ 1877 году Правительствующій Сенатъ, по дѣламъ Корягина и Бруккера, разъяснилъ, что по дѣламъ, производящимся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, преслѣдованіе за ложный доносъ возбуждается на основаніи общихъ узаконеній; что же касается дѣлъ, производившихся въ мировыхъ учрежденіяхъ, то право преслѣдованія за ложный доносъ по этимъ дѣламъ принадлежитъ потерпѣвшимъ лишь въ томъ случаѣ, если въ окончательномъ приговорѣ обвиненіе будетъ признано недобросовѣстнымъ. Это рѣшеніе неуклонно примѣняется на практикѣ, и если только потерпѣвшій (хотя бы по незнанію) не добился у мироваго судьи или должностнаго лица, его замѣнившаго, признанія обвиненія недобросовѣстнымъ, то путь для преслѣдованія ложнаго доносчика для него безусловно закрытъ. Едва ли однако можно признать такую практику правильной и закономѣрной. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе различіе въ порядкѣ возбужденія отвѣтственности за ложный доносъ по дѣламъ, производившимся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ и мировыхъ, или вѣрнѣе будетъ сказать теперь, судебно-административныхъ. Трудно себѣ представить, чѣмъ можетъ быть объяснено подобное различіе; вѣроятно, во всякомъ случаѣ не по роду дѣлъ, ибо, чѣмъ серьезнѣе обвиненіе, тѣмъ умѣстнѣе ограниченія для его возбужденія и условія предварительной повѣрки. Очевидно, что обвиненіе въ ложномъ доносѣ о будто бы совершенномъ тяжкомъ преступленіи серьезнѣе ложнаго обвиненія въ преступленіи или проступкѣ, легко наказуемыхъ; это слѣдуетъ и изъ самаго текста 940 ст. улож.; поэтому ужъ, если ставить ограниченія для преслѣдованія за это преступленіе, то умѣстнѣе было бы сдѣлать ихъ именно по дѣламъ, производившимся въ общихъ судебныхъ установленіяхъ, а не въ мировыхъ. Правда, по дѣламъ общихъ судебныхъ установленій существуетъ предварительное производство по преданію суду, которое можетъ устранить ложную жалобу, но, будучи основано на актахъ письменнаго производства, оно болѣе касается формальныхъ, внѣшнихъ условій возбужденія преслѣдованія, нежели существа дѣла; къ тому же и самое привлеченіе къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго, сопряженное съ ограниченіемъ, а нерѣдко и лишеніемъ свободы, является тяжкимъ несчастіемъ для невинно привлекаемаго по ложному доносу,

хотя бы преданіе суду и не послѣдовало затѣмъ. За ложный доносъ, заявленный общимъ судебнымъ установленіямъ, всякій потерпѣвшій можетъ свободно преслѣдовать своего недобросовѣстнаго противника, и обвинительная власть ничѣмъ не стѣснена въ томъ же; но иное дѣло въ мировыхъ установленіяхъ и у тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя призваны ихъ замѣнить. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что потерпѣвшій отъ ложнаго доноса всегда и во всякомъ случаѣ имѣетъ право требовать привлеченія виновнаго къ уголовной отвѣтственности; 1 п. 297 и 303 ст. уст. угол. суд. не оставляютъ въ этомъ отношеніи никакого сомнѣнія: всякое потерпѣвшее лицо всегда можетъ требовать производства слѣдствія о совершенномъ надъ нимъ преступленіи. Единственное изъятіе, касающееся ложнаго доноса, предусмотрѣно ст. 941 улож. наказ., въ силу которой доносъ не признается лживымъ, если въ разныхъ инстанціяхъ послѣдовали различные приговоры по дѣлу. Это правило, конечно, вполнѣ справедливо, но присоединять къ нему еще дополненіе никто не можетъ. Нѣтъ законнаго основанія затруднять невинно обвинявшимся и въ судахъ низшей инстанціи законнаго пути къ возмездію ложнымъ доносчикамъ. Требовать въ такихъ случаяхъ предварительнаго признанія обвиненія недобросовѣстнымъ значитъ произвольно установлять новое правило уголовной предсудимости, что̀ могло бы быть сдѣлано лишь въ законодательномъ порядкѣ.

Независимо отъ неравенства, установленнаго Сенатомъ въ способахъ уголовнаго преслѣдованія за ложный доносъ, нельзя не остановиться на томъ обстоятельствѣ, что въ руководящихъ рѣшеніяхъ Сената говорится лишь о воспрещеніи потерпѣвшему преслѣдовать доносчика, если обвиненіе не будетъ признано недобросовѣстнымъ, но ничего не упомянуто о преслѣдованіи этого преступленія прокурорской властью и другими способами, указанными въ 297 ст. уст. угол. суд., а между тѣмъ вѣдь преступленіе ложнаго доноса не принадлежитъ къ числу дѣлъ частнаго обвиненія. Отсюда можно вывести странное заключеніе, что потерпѣвшіе отъ ложнаго доноса не всегда могутъ преслѣдовать сами виновныхъ, а другія, постороннія дѣлу лица могутъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что законъ, предоставляющій мировымъ судьямъ и ихъ замѣстителямъ право признавать обвиненіе недобросовѣстнымъ, имѣлъ въ виду лишь дать невинно обвинявшимся немедленно же нравственное удовлетвореніе, не касаясь вопроса о дальнѣйшемъ преслѣдованіи недобросовѣстнаго обви-

нителя. Если бы это было иначе, то законъ несомнѣнно постановилъ бы: „преслѣдованіе за ложный доносъ возбуждается лишь въ случаѣ признанія обвиненія недобросовѣстнымъ; о всякомъ недобросовѣстномъ обвиненіи судья сообщаетъ прокурору". Но подобнаго закона не существуетъ пока.

Требованіе предварительнаго признанія недобросовѣстности обвиненія, будучи неправильнымъ съ формальной стороны, крайне затруднительно и нежелательно и по существу дѣла. Разбирая какое-либо уголовное дѣло, судья, конечно, долженъ имѣть въ виду только одного обвиняемаго и доказательства его виновности или невиновности. Судья судитъ только одного обвиняемаго, а не обвинителя и другихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, поэтому изслѣдованіе добросовѣстности образа дѣйствій обвинителя не входитъ въ кругъ дѣйствій судьи, разбирающаго дѣло объ извѣстномъ обвиняемомъ. Конечно, при разборѣ дѣла могутъ открыться очевидныя доказательства недобросовѣстности обвиненія, а потому нельзя отрицать право судьи объявить обвиненіе недобросовѣстнымъ, если оно таковымъ, по его мнѣнію, окажется, но все-таки мировой или городской судья или земскій начальникъ не имѣютъ права входить въ обсужденіе вопроса, есть ли въ дѣйствіяхъ обвинителя признаки преступленія ложнаго доноса. Это надо предоставить предварительному слѣдствію, а затѣмъ, если нужно будетъ, судебному слѣдствію и рѣшенію присяжныхъ. А между тѣмъ, если стать на точку зрѣнія Сената, то оказывается, что судья или земскій начальникъ, отказывая въ признаніи обвиненія недобросовѣстнымъ, произноситъ оправдательный приговоръ о ложномъ доносчикѣ, не входя притомъ въ особое разсмотрѣніе этого дѣла, и наоборотъ, признавая обвиненіе недобросовѣстнымъ, какъ бы придаетъ суду обвинителя. И то, и другое, очевидно, незаконно, есть косвенное превышеніе власти. Еще есть одно немаловажное обстоятельство, которое необходимо имѣть въ виду: весьма часто при разбирательствѣ какого-либо обвиненія по существу не бываетъ достаточныхъ доказательствъ недобросовѣстности обвиненія, но впослѣдствіи они открываются съ полной ясностью, а между тѣмъ обвиненіе признано добросовѣстнымъ, и законный путь для преслѣдованія закрытъ. Здѣсь существуетъ полная аналогія между лжесвидѣтельствомъ, которое гораздо чаще открывается не на судѣ, при разбирательствѣ дѣла, по которому дается ложное показаніе, но впослѣдствіи; однако же преслѣдованіе противъ лжесвидѣтелей до истеченія давности возбуждается безпрепятственно,

хотя бы даже судья призналъ ихъ показанія достовѣрными и на нихъ основалъ свое рѣшеніе. Какое же есть основаніе иначе относиться къ обвинителю и требовать, чтобы судья при самомъ разборѣ дѣла призналъ его недобросовѣстнымъ, а иначе онъ неуязвимъ ни для какого преслѣдованія? Для большей рельефности позволю себѣ описать случай, съ которымъ мнѣ недавно пришлось встрѣтиться на практикѣ. Сущность дѣла заключалась въ слѣдующемъ:

Купецъ К. имѣлъ приказчика С., которымъ былъ вполнѣ доволенъ, но платилъ мало жалованья. С. пріискалъ себѣ лучшее мѣсто и попросилъ разсчета; К., раздосадованный этимъ, объявилъ, что все равно С. нигдѣ держать не будутъ. Послѣдній не обратилъ вниманія на эти слова, но на дѣлѣ оказалось иначе. К. подалъ заявленіе полиціи, что С. укралъ у него 200 рублей изъ незапертаго ящика стола, когда тотъ, разсчитываясь съ нимъ, вышелъ на минуту въ сосѣднюю комнату. Около двухъ мѣсяцевъ производилось дознаніе и разная переписка по дѣлу; С., какъ обвиняемаго въ кражѣ, его новый хозяинъ немедленно уволилъ, и никуда его не принимали. Наконецъ дѣло поступило къ земскому начальнику. Послѣдній оправдалъ С., но въ признаніи обвиненія недобросовѣстнымъ отказалъ, и дѣйствительно явныхъ доказательствъ тому не было. Какъ только приговоръ вошелъ въ законную силу, К., не стѣсняясь, сталъ говорить, что никакой кражи не было, а ловкій человѣкъ научилъ его поступить такъ, чтобы наказать С. за требованіе прибавки къ жалованью. С. пробовалъ возбудить уголовное преслѣдованіе противъ К. за ложный доносъ, вполнѣ очевидный, но въ этомъ ему вездѣ отказали, ибо обвиненіе не было признано недобросовѣстнымъ.

Все изложенное приводитъ, кажется, къ очевидному выводу: 1) что преслѣдованіе за ложный доносъ не лежитъ въ зависимости отъ того, было ли признано обвиненіе недобросовѣстнымъ, и 2) что единственное законное послѣдствіе недобросовѣстности обвиненія—это уплата судебныхъ издержекъ и вознагражденіе потерпѣвшему (ст. 121 уст. угол. суд. и 203 прав. о произв. суд. дѣлъ).

А. Овсяниковъ.

IV.

ВОЗНАГРАЖДЕНІЕ УЧРЕДИТЕЛЕЙ АКЦІОНЕРНЫХЪ КОМПАНІЙ.

In allen Schwindelperioden der neueren Geschichte sind Actiengesellschaften die Hauptnester der Schwindelei gewesen. (Roscher).

Акціонерная литература, столь часто отличающая вредъ, наносимый акціонернымъ предпріятіямъ во время ихъ учрежденія, отъ непомѣрнаго преувеличенія цѣны уступаемаго предпріятію имущества и вещественныхъ вкладовъ (аппортовъ) взамѣнъ удерживаемыхъ акцій, не менѣе зорко слѣдитъ и за всѣми другими учредительскими посягательствами на имущество предпріятія, въ первомъ ряду которыхъ имѣетъ въ виду вознагражденіе учредителей и разнообразныя преимущества (привилегіи) и права, выговариваемыя учредителями въ свою пользу подъ видомъ послѣдняго и утверждаемыя за ними какъ уставами, такъ и общими собраніями акціонеровъ.

Основное правило акціонернаго законодательства требуетъ, чтобы всѣ преимущества и выгоды, выговариваемыя учредителями подъ видомъ вознагражденія за ихъ труды и услуги предпріятію сверхъ соотвѣтственнаго ихъ денежнаго вознагражденія (наличными или акціями), были точно означены въ уставѣ, съ указаніемъ основаній предоставленныхъ выгодъ. Въ противномъ случаѣ преимущества эти не могутъ считаться дѣйствительными, и учредители теряютъ на нихъ право.

Такое постановленіе содержитъ германское торговое уложеніе 1897 г. въ 1 ч. § 186, гдѣ сказано:

„Jeder zu Gunsten einzelner Aktionaere bedungene *besondere Vortheil* muss im Gesellschaftsvertrag unter Bezeichnung des Berechtigten festgesetzt werden“; а во второй части той же статьи говорится—„von diesen Festsetzungen gesondert ist der Gesammtaufwand, welcher zu Lasten der Gesellschaft an Aktionaere oder Andere als Entschaedigung oder Belohnung fuer die Gruendung oder deren Vorbereitung gewaehrt wird, im Gesellschaftsvertrage festzusetzen“.

Наконецъ, въ послѣдней части § 186 говорится: „Jedes Abkommen ueber die vorbezeichneten Gegenstaende, welches nicht die vorge-

schriebene Festsetzung im Gesellschaftsvertrage gefunden hat, ist der Gesellschaft gegenueber unwirksam".

Такія же постановленія содержатъ и другія современныя законодательства—Бельгійскій законъ 1873 г. (ст. 29 п. 3), Французскій законъ 24 іюля 1867 г. (ст. 24, 30), Англійскій Companies Act 1867 г., Финляндскій законъ 2 мая 1895 г. (ст. 4), Итальянскій Codice di commercio del regno d'Italia 1882 г. (ст. 89), Португальскій Codigo Commercial 1888 г. (ст. 114), Испанскій Codigo di Commercio 1885 г. (ст. 151).

Согласно нашимъ двумъ проектамъ акціонернаго закона—проекту положенія объ акціонерныхъ предпріятіяхъ 1898 г. (ст. 5), количество акцій, предоставляемыхъ учредителямъ, и *учредительскихъ свидѣтельствъ* должно быть означено въ учредительномъ актѣ (договора учредителей объ учрежденіи акціонернаго предпріятія), а согласно проекту гражданскаго уложенія редакціонной коммисіи 1899 г. объ акціонерныхъ товариществахъ (кн. V, ст. 719—868) „размѣръ вознагражденія учредителей за труды и издержки по учрежденію товарищества долженъ быть опредѣленъ въ *особомъ актѣ*, подписанномъ всѣми учредителями" (ст. 731, ч. 1).

Въ виду того, что всякое вознагражденіе учредителей, подъ какимъ бы оно видомъ ни производилось, обыкновенно составляетъ значительныя суммы и тяжело ложится на капиталъ предпріятія, оно должно составлять въ хорошемъ акціонерномъ законѣ предметъ точныхъ и предусмотрительныхъ опредѣленій.

Какъ вопросъ объ оцѣнкѣ уступаемаго учредителями предпріятію имущества, вещественныхъ вкладахъ, производимыхъ взамѣнъ выговариваемыхъ акцій, такъ и самое *учредительское вознагражденіе* со всѣмъ его иногда не легко уловимымъ разнообразіемъ и его разновидностями составляютъ своего рода гордіевъ узелъ законодательныхъ опредѣленій.

По части учрежденія акціонерныхъ товариществъ, какъ было сказано, учредительское вознагражденіе, выражаясь въ разнообразной формѣ различныхъ преимуществъ, не всегда составляетъ опредѣленную цѣну, поддающуюся точному означенію въ уставѣ.

Подъ этими пресловутыми преимуществами подразумѣваются различныя выгоды отъ самаго предпріятія, именно право на полученіе извѣстной его прибыли (дивиденда), полученіе акцій по той или другой цѣнѣ (слѣдующихъ выпусковъ) и т. п. [1]).

---

[1]) Auerbach—Das Actienwesen, Frft/M., 1873, стр. 99.

Нѣкоторые писатели, какъ Ауэрбахъ, полагаютъ, что опредѣленіе высоты учредительскаго вознагражденія соотвѣтственно съ оказанными предпріятію при учрежденіи услугами и затратами, за которыя оно выдается, пожалуй еще труднѣе для законодателя, чѣмъ установить способы опредѣленія цѣны и вообще стоимости вещественныхъ переуступокъ и вкладовъ.

Поэтому и здѣсь труды и заботы учредителей обыкновенно оцѣниваются (чаще всего) слишкомъ высоко, или вознагражденіе за важность услугъ вычисляется въ несоразмѣрномъ съ обыкновеннымъ вознагражденіемъ количествѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что трудъ учредителей, вызывающій иногда огромное предпріятіе къ жизни, приносящее затѣмъ въ продолженіе многихъ лѣтъ большія прибыли акціонерамъ,—даетъ его иниціаторамъ полное право претендовать на высокій гонораръ,—единовременный и опредѣляемый въ такой формѣ, что, уплативъ его, компанія оканчиваетъ навсегда счеты въ этомъ отношеніи съ учредителями, авторомъ проекта, собственникомъ привилегіи на изобрѣтеніе или концессіонеромъ и, такимъ образомъ, имѣетъ возможность дать акціонерамъ точный отчетъ объ уплаченномъ вознагражденіи.

Но иное дѣло, когда за этотъ трудъ и заслуги учредители выговариваютъ себѣ (и это происходитъ чаще всего) вознагражденіе въ такомъ видѣ, что высоту его не только нельзя опредѣлить *даже приблизительно*, но, какъ это дѣлается преднамѣренно, невозможно предвидѣть, какъ неблагопріятно оно отразится на всѣхъ послѣдующихъ операціяхъ призываемаго къ жизни предпріятія.

Полученное въ такомъ видѣ учредительское вознагражденіе часто ведетъ компанію, особенно если средства ея невелики, къ разоренію [1]).

Говоря о скрытомъ видѣ этого вознагражденія, слѣдуетъ понимать не полученіе цѣнностей, акцій и свидѣтельствъ, а главнымъ образомъ выговариваніе себѣ доходныхъ мѣстъ въ будущей администраціи компаніи, которыя, помимо высокаго присвоеннаго имъ содержанія, даютъ занимающимъ эти мѣста подчасъ мало ограниченную власть по части распоряженія капиталомъ компаніи и большое вліяніе на ходъ дѣлъ. Хотя извѣстно, что контроль этихъ

---

[1]) Hessberger—Die Volkswirthschaftlichen Wirkungen der Aktiengesetznovelle vom 18 Iuli 1884 auf die Gruendungen von Aktiengesellschaften, Fulda, 1889, стр. 45.

дѣйствій составляетъ право и обязанность общаго собранія акціонеровъ, но такъ какъ онъ производится лишь впослѣдствіи, т. е. послѣ ихъ совершенія, то и отчетъ о нихъ не всегда въ силѣ уже предотвратить достигнутые подобными дѣйствіями результаты [1]).

Учредители въ своей новой роли директоровъ и членовъ правленія смотрятъ обыкновенно на эту должность не съ точки зрѣнія своихъ по отношенію къ компаніи обязанностей, а какъ на удобную статью дохода, причитающагося имъ въ видѣ гонорара, и, такимъ образомъ, вполнѣ оправданную.

Легко представить себѣ весь вредъ такого управленія.

Раціональное законодательство обязано всѣми силами преслѣдовать и предотвращать такое положеніе дѣлъ. Если компанія условливается со своими учредителями въ уставѣ по разнымъ преимуществамъ и выгодамъ въ ихъ пользу на болѣе или менѣе продолжительное время, то этимъ завѣдомо предоставляетъ имъ обирать себя и подкапывать за все условленное время основы своего существованія. При такихъ условіяхъ иногда самое обѣщающее предпріятіе можетъ не выдержать критической для него эпохи и окончиться ликвидаціей въ то время, когда при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ оно даже дало бы своимъ участникамъ высокій дивидендъ.

Есть писатели, которые полагаютъ, что опасность эта не имѣетъ серьезнаго значенія въ томъ случаѣ, если предпріятіе, надлежаще оцѣненное публикой, заставляетъ и учредителей отказаться отъ иныхъ личныхъ цѣлей и посвятить всѣ свои силы успѣху самаго предпріятія, чего между тѣмъ не будетъ въ случаѣ, если въ публикѣ начинается спекулятивный спросъ на акціи, естественная и неразрывная связь которыхъ съ самымъ предпріятіемъ отъ этого порвется.

Въ послѣднемъ случаѣ сказанная опасность учредительскаго вліянія должна проявиться во всей своей силѣ, вводя въ существо его спекуляцію своими же акціями и придавая всѣмъ распоряженіямъ органовъ управленія компаніи стремленіе, направленное къ „манипуляціи акціонерною компаніею, какъ послушнымъ средствомъ для спекулятивныхъ цѣлей учредителей“ [2]).

Г. Петражицкій въ книгѣ своей „Акціонерная компанія“ (стр. 151)

---

[1]) Ibidem, стр. 50, 51: учредители стараются, главнымъ образомъ, скрыть то вознагражденіе, которое они сами себѣ отчисляютъ такимъ образомъ.

[2]) Л. Петражицкій, Акціонерная компанія, Спб., 1898, стр. 150.

говоритъ по этому поводу: „тогда соотвѣтственно умаляется или исчезаетъ заинтересованность учредителей въ объективномъ благоустройствѣ предпріятія, замѣняясь слѣдующими стремленіями: имъ нужно сохранить и впредь власть и руководящую роль въ предпріятіи для цѣлей извлеченія прибыли не столько путемъ полученія жалованія, въ качествѣ членовъ правленія и т. п., сколько путемъ поднятія курса акцій, путемъ такого дальнѣйшаго воздѣйствія на игорную психологію публики, которая бы дала имъ возможность сбыть по возможно высокому курсу припасенныя или будущія партіи акцій. Съ этой точки зрѣнія необходимою классификаціей для выбора на важнѣйшія должности является не способность къ дѣльному, солидному и честному осуществленію соотвѣтственной функціи, напр. управленія, наблюденія, контроля, а *подчиненіе интересамъ учредителей и умѣніе манипулировать акціонерною компаніею*, какъ послушнымъ средствомъ для спекулятивныхъ цѣлей учредителей. При такихъ условіяхъ, напр., на должности контрольнаго характера будутъ избраны, конечно, не такія лица, которыя намѣрены съ принципіальною стойкостью исполнять свои контрольныя обязанности“.

Условія этого удобнаго хозяйничанья въ чужомъ капиталѣ не всегда устанавливаются открыто въ уставѣ, преподносимомъ подписчикамъ, а весьма часто ловко и старательно скрываются и маскируются, выходя наружу лишь впослѣдствіи, когда обстоятельства сами того потребуютъ.

На этомъ же основаніи, съ цѣлью положить конецъ недобросовѣстному управленію дѣлами компаніи ея учредителями или лицами, находящимися подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ, нѣкоторые писатели и экономисты полагаютъ цѣлесообразнымъ совершенно упразднить выборные изъ учредительской среды органы управленія компаніи и замѣнить ихъ наемными.

Вреденъ (Курсъ полит. экономіи, стр. 203) говоритъ по этому поводу: „Слѣдуетъ совершенно упразднить и правленія, и совѣты. Обороты акціонерныхъ компаній и многосложны, и разнообразны, поэтому для завѣдыванія и направленія по нимъ оборотливости требуется *спеціальная подготовка* по отдѣльнымъ группамъ ихъ. Такою спеціальною подготовкою могутъ *акціонеры*, какъ складчики капитала, вовсе и не отличаться, и нѣтъ вообще побужденія отыскивать такихъ спеціалистовъ въ составѣ ихъ. Выборъ подходящихъ лицъ ничѣмъ не можетъ быть стѣсненъ, а потому *всѣ руководители должны быть нанимаемы*“.

Если такому предложенію нельзя, съ одной стороны, отказать въ извѣстномъ практическомъ основаніи, то, съ другой—тутъ еще является вопросъ, какимъ путемъ предотвратить опасность эгоистическаго отношенія самихъ нанимаемыхъ—техническихъ директоровъ и органовъ контроля—къ дѣламъ предпріятія, дабы и они, увлекаясь личными выгодами, не пошли вскорѣ рука объ руку съ учредителями или не попали подъ ихъ вліяніе.

Особенно ярко всякое отсутствіе у такихъ органовъ правленія и наблюденія должной объективности и признаковъ *хозяйственной заботливости*, требуемой отъ нихъ закономъ (срав. § 241, ч. 1 герм. торг. улож. 1897 г., ст. 793, ч. 1 проекта гражданскаго улож. ревизіонной коммисіи 1899 г.) по ввѣренному ихъ попеченію предпріятію, выступаетъ, когда такія лица засѣдаютъ сразу въ нѣсколькихъ правленіяхъ иногда конкурирующихъ предпріятій, развитіе одного изъ которыхъ обусловливается стѣсненіемъ круга дѣйствій и оборотливости другаго, и наоборотъ [1]).

Въ этомъ отношеніи весьма предусмотрительнымъ является проектъ редакціонной коммисіи 1899 г. (акціонерное товарищество, кн. V объ обязательствахъ, т. IV, ст. 719—868), который предвидитъ такой случай и въ ст. 792 опредѣляетъ, что: „директоры товарищества не имѣютъ права, безъ разрѣшенія общаго собранія акціонеровъ заниматься такимъ же промысломъ или участвовать въ такомъ же предпріятіи, какое составляетъ предметъ дѣятельности товарищества“.

Во второй части той же статьи проекта говорится: „Директоръ въ случаѣ столкновенія его личной выгоды съ выгодами товарищества обязанъ своевременно заявить о семъ остальнымъ директорамъ и устранить себя по подобнаго рода дѣламъ отъ участія въ управленіи и отъ подачи голоса въ общемъ собраніи акціонеровъ“.

Проектируемое правило основано на существующемъ въ т. XI уст. кредит., разд. X, ст. 20 запрещеніи лицамъ, занимающимъ административныя должности въ одномъ изъ банковъ или обществъ взаимнаго кредита, въ томъ числѣ членамъ правленія или совѣта, а также директорамъ городскаго общественнаго банка и товарищамъ, занимать должности въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ; въ томъ числѣ и акціонерныхъ [2]).

---

[1]) Oechelhaeuser—Die Nachtheile des Aktienwesens und die Reform der Aktiengesetzgebung.

[2]) Ср. объясненія къ т. IV книги V проекта гражд. улож., ст. 792, стр. 228.

По ст. 236, ч. 1 германскаго торг. улож. 1897 г.—безъ разрѣшенія общаго собранія акціонеровъ или наблюдательнаго совѣта директору акціонернаго предпріятія запрещается вообще заниматься торговлей, промышленными операціями, составляющими дѣятельность предпріятія за свой либо чужой счетъ или состоять въ какомъ либо торговомъ товариществѣ лично отвѣтственнымъ членомъ.

Въ акціонерныхъ товариществахъ, предметъ дѣятельности которыхъ составляютъ банковыя предпріятія и операціи, подъ категорію запрещаемыхъ вышеприведенной статьей занятій подведены всѣ спекулятивныя дѣйствія членовъ правленія, главнымъ образомъ, биржевая спекуляція бумажными цѣнностями [1]).

Согласно этому уложенію директоры акціонерныхъ товариществъ приравнены къ *торговымъ приказчикамъ* (повѣреннымъ) и потому обязаны, какъ лица частныя, посвящать весь свой трудъ на пользу акціонернаго товарищества, дѣлами котораго завѣдуютъ.

Но большая разница установить теоретически—платоническое требованіе и добиться фактическаго его исполненія на практикѣ, въ чемъ не всегда успѣваетъ и болѣе совершенный законъ, чѣмъ приводимое германское торговое уложеніе 1897 г.

Ауэрбахъ предлагаетъ въ видахъ успѣшнаго противодѣйствія спекулятивнымъ занятіямъ учредителей въ ихъ административной роли—запрещать членамъ правленія акціонернаго товарищества вырабатывать въ свою пользу у компаніи личный (вексельный или иной) кредитъ [2]).

Равнымъ образомъ рекомендуется въ этомъ отношеніи правило французскаго акціонернаго закона 24 іюля 1869 года, согласно которому членамъ правленія запрещается, безъ особаго на то разрѣшенія общаго собранія, принимать какое-либо (прямое или косвенное) участіе въ предпріятіи или торговомъ оборотѣ вмѣстѣ съ компаніей (т. е. сообща съ нею).

По поводу этого требованія при обсужденіи бельгійскаго акціонернаго законопроекта 1872—1873 года (Projet de loi portant révision du Code de Commerce) въ палатѣ депутатовъ (Chambre des representants) происходили весьма горячія пренія 20 и 21 ноября

---

[1]) Bericht der XVIII Reichstags-Kommission, № 735 der Drucksachen des Reichstags, Session 1895—1897, стр. 73.

[2]) Auerbach, Das Aktienwesen, стр. 155, 156.

1892 года касательно ст. 192 проекта, окончательная редакція которой выразилась въ ст. 49 закона, гласящей дословно:

„L'administrateur, qui a un intérêt opposé à celui de la société, dans une opération soumise à l'approbation du conseil d'administration, est tenu d'en prévenir le conseil et de faire mentionner cette declaration au procès-verbal de la séance; il ne peut prendre part à cette délibération".

Какъ видно, проектъ нашего гражданскаго уложенія 1899 года сильно позаимствовалъ свое постановленіе у приведеннаго закона.

Сомнительнымъ только является откровенность этихъ столь добросовѣстныхъ и высоко-нравственныхъ администраторовъ въ ихъ чистосердечныхъ и откровенныхъ признаніяхъ, заявленіяхъ и отводахъ при отказѣ съ ихъ стороны воспользоваться удобными въ такихъ случаяхъ услугами подставныхъ (соломенныхъ) людей, дающихъ легчайшую возможность обойти законъ.

А какая затѣмъ предоставляется допущеніемъ учредителей къ участію въ управленіи дѣлами компаніи свобода и возможность въ ихъ новой роли администраторовъ и директоровъ распоряжаться отъ имени компаніи по своему личному усмотрѣнію и преслѣдовать извѣстныя только имъ однимъ цѣли, входить въ стачку и сношенія съ разными темными лицами и конкурентами компаніи, изображать въ своихъ отчетахъ доходы и статьи расходовъ въ такомъ видѣ, за которымъ скрывается лишь одна ихъ выгода, придавать всей дѣятельности компаніи направленіе, имѣющее мало или даже нерѣдко ничего общаго съ настоящими требованіями полезнаго хозяйства и производства, а больше имѣющее цѣлью биржевую игру, руководящія нити которой покоились бы въ ихъ рукахъ и потому давали бы возможность дѣйствовать не наугадъ, а навѣрняка, въ заблужденіе публики и самихъ акціонеровъ! Объ этомъ и говорить нечего: дѣйствительность горько научила насъ.

Еще Гольдшмидтъ [1]) говорилъ, что учредители, преслѣдуя свои личныя цѣли, слишкомъ часто стараются обезпечить за собою и за своими родственниками большія выгоды и разбогатѣть на счетъ акціонеровъ, по довѣренности которыхъ они дѣйствуютъ, постоянно нарушая свои полномочія. Объ этомъ не надо забывать. Уставы же, одобряемые первыми подписчиками, *т. е. самими же учредителями* или ихъ товарищами, составлены такимъ образомъ,

---

[1]) Goldschmidt—Zur Reform des Aktiengesellschaftswesens—Drei Gutachten von Goldschmidt, Wiener und Behrend—Leipzig, 1873, стр. 30.

что въ нихъ всѣ сказанныя привилегіи и преміи и вознагражденіе оговорены и утверждены.

Въ виду вышеуказаннаго дѣятельность этого эгоистичнаго и ненадежнаго управленія бываетъ иногда до того загадочною, что въ первое время, когда для учредителей бываетъ важно по возможности повысить курсъ акцій, долженствующихъ впослѣдствіи быть проданными на биржѣ (въ тѣхъ товариществахъ, въ которыхъ акціи еще не котируются на биржѣ),—учредители, работая въ пользу своихъ же личныхъ интересовъ, идентичныхъ въ это первое время существованія предпріятія съ выгодами остальныхъ акціонеровъ, употребляютъ повидимому всѣ свои усилія для успѣшнѣйшаго веденія дѣлъ компаніи.

Это происходитъ однако только до тѣхъ поръ, пока не наступитъ подготовляемая такимъ путемъ удобная и давно ожидаемая минута появленія новыхъ акцій на биржѣ. Акціонеры, дѣйствуя до поры до времени въ одинаковомъ съ учредителями интересѣ, въ виду многообѣщающаго и повидимому блестящаго состоянія дѣлъ предпріятія, особенно если вещественныя выгоды подверглись дешевой оцѣнкѣ,—иногда побуждаемые истиннымъ желаніемъ увеличить столь манящую цифру дивиденда, въ благородномъ и великодушномъ увлеченіи довольствуются меньшимъ дивидендомъ или отказываются отъ части прибыли въ пользу резервнаго капитала.

Результатъ въ такихъ случаяхъ предвидѣть легко: на первыхъ порахъ, какъ только наступаетъ время котировки акцій на биржѣ, отчетъ правленія констатируетъ прекрасное положеніе дѣлъ, и акціонерамъ выдается въ награду за ихъ воздержаніе сравнительно большой дивидендъ, который принимается ими какъ вѣрное мѣрило блестящаго состоянія дѣлъ предпріятія, тогда какъ все это лишь искусственно вызвано закулисными руководителями. Представленіе доходности предпріятія не въ надлежащемъ свѣтѣ, съ цѣлью вызвать оптимистическое настроеніе на биржѣ, имѣетъ своей конечной цѣлью биржевую игру и выручку высокихъ, не заслуженныхъ въ дѣйствительности, премій.

Учредители, разобравшіе львиную часть акцій и привилегій,—только ждутъ этого удобнаго для нихъ настроенія биржи и, играя на повышеніе курса, съ прибылью, во время сбываютъ вздорожавшія акціи, продавая въ большинствѣ случаевъ малостоящія бумаги легковѣрной публикѣ, охотно ихъ пріобрѣтающей въ надеждѣ будущихъ благъ и еще большаго повышенія ихъ курса. От-

сюда убытки для предпріятія, такъ какъ реакція обыкновенно не заставляетъ себя долго ждать [1]). Несмотря однако же на это, въ акціонерной литературѣ встрѣчаются мнѣнія, которыя въ противоположность приведенному положенію вещей полагаютъ, что, такъ какъ члены правленія, хорошо обезпечиваемые матеріально компаніей, живутъ, такъ сказать, ею и на счетъ ея средствъ, то вполнѣ естественно предполагать стремленіе ихъ всячески поддерживать этотъ источникъ своего благосостоянія.

Поэтому, за немногими исключеніями, для самаго предпріятія является-де полезнѣйшимъ, если въ число правленія и наблюдательнаго совѣта избираются учредители компаніи, лучше всего ознакомленные съ истиннымъ положеніемъ вещей (еще бы!).

Но такое предположеніе на самомъ дѣлѣ допустимо лишь въ томъ случаѣ, когда жалованье, вообще содержаніе и жизненная обстановка членовъ правленія и совѣта достаточно высоки, чтобы поставить въ зависимость отъ процвѣтанія самого предпріятія благосостояніе этихъ лицъ. Тогда можно еще предположить, что они предпочтутъ сидѣть на удобныхъ и хорошо матеріально обставленныхъ своихъ мѣстахъ, чѣмъ вести болѣе дѣятельную, но вмѣстѣ съ тѣмъ и эгоистическую политику, думая лишь о своемъ будущемъ обезпеченіи на счетъ средствъ компаніи и мало заботясь о пользѣ послѣдней, на основаніи субъективнаго принципа: après nous—le déluge.

Этимъ объясняются также мѣры, принимаемыя разными законодательствами съ цѣлью связать матеріальные интересы и выгоды учредителей и членовъ правленія и совѣта съ выгодами и имуществомъ самой компаніи.

Новѣйшій проектъ редакціонной коммисіи также не отстаетъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ законодательствъ.

Такъ, въ ст. 732 говорится, что „учредители, не распредѣлившіе между собою всѣхъ акцій, обязаны оставить за собою по крайней мѣрѣ $^1/_{10}$ часть акцій при основномъ капиталѣ не свыше 1.000.000 руб., а при основномъ капиталѣ, превышающемъ эту сумму,—сверхъ $^1/_{10}$ части капитала въ 1.000.000 руб., по крайней мѣрѣ $^1/_{20}$ часть остальной суммы“, при чемъ также „каждый изъ учредителей долженъ оставить за собой какую-либо часть акцій“.

По ст. 779 проекта „директоры товарищества получаютъ вознагражденіе за свои труды въ размѣрѣ, опредѣляемомъ уставомъ

---

[1]) Hessberger, стр. 43—55.

или постановленіемъ общаго собранія акціонеровъ"; а по ст. 781 „лицо, избранное въ директоры или кандидаты, должно въ обезпеченіе убытковъ, которые оно можетъ причинить товариществу нарушеніемъ своихъ обязанностей, представить въ видѣ заклада, не позже мѣсячнаго срока со дня избранія, опредѣленное уставомъ число принадлежащихъ ему акцій на храненіе въ кассу правленія или въ контору или отдѣленіе государственнаго банка".

Проектъ въ этомъ отношеніи однако скорѣе руководится мѣрой обезпеченія интересовъ компаніи на случай имущественной отвѣтственности учредителей товарищества при привлеченіи ихъ къ таковой за неправильныя дѣйствія по учрежденію и управленію дѣлами, чѣмъ желаніемъ ассимилировать до извѣстной степени заинтересованность въ предпріятіи ихъ съ остальными акціонерами (срав. объясненія къ ст. 732, т. IV, книги V проекта, стр. 72).

Гораздо ярче послѣднее стремленіе, т. е. намѣреніе связать личный интересъ членовъ правленія съ интересами товарищества, выражается въ требованіи ст. 781 проекта, чтобы представляемыя директорами и кандидатами акціи принадлежали имъ въ собственность (объясненія т. IV, стр. 207).

Согласно ст. 83 ч. 3 проекта положенія объ акціонерныхъ предпріятіяхъ 1898 г., составленнаго подъ редакціей проф. П. П. Цитовича, общее собраніе опредѣляетъ условія, на которыхъ нанимается директоръ, а равно по ст. 82, ч. 4 опредѣляетъ вознагражденіе членамъ правленія и наблюдательнаго совѣта.

Отъ условій этихъ, заключаемыхъ съ техническимъ директоромъ, зависитъ разрѣшеніе ему, или напротивъ — запрещеніе участвовать или управлять конкуренціоннымъ предпріятіемъ (ст. 57 проекта полож. 1898 г.).

Гораздо богаче въ отношеніи новыхъ правилъ акціонернаго законодательства, имѣющихъ цѣлью соединить интересы лицъ, управляющихъ дѣлами компаніи, съ интересами послѣдней, является новое пересмотрѣнное германское торговое уложеніе 1897 года, вводящее новыя эти правила въ статьяхъ 237 и 245, неизвѣстныхъ акціонерной новеллѣ 1884 года.

На основаніи статистическихъ изысканій Гессбергеръ [1]) приводитъ за пять лѣтъ, слѣдовавшихъ непосредственно за обнародованіемъ германской акціонерной новеллы 1884 г. (1884—1888),

---

[1]) Hessberger, стр. 51, 52.

цифры, указывающія величину и самый способъ учредительскаго вознагражденія въ Германіи.

Итакъ, согласно этимъ даннымъ, изъ числа 495 только въ 63-хъ уставахъ акціонерныхъ компаній была положительно оговорена уплата учредительскаго вознагражденія подъ отдѣломъ объ *„учредительскихъ издержкахъ“* вообще. Въ остальныхъ случаяхъ уставы объ этихъ издержкахъ умалчивали, какъ только не указывались цифры учредительскаго гонорара. Въ однихъ случаяхъ вознагражденіе учредителямъ уплачивалось немедленно по образованіи предпріятія (регистраціи ея). Такихъ случаевъ авторъ насчитываетъ лишь до 20, при чемъ наличными, такимъ путемъ, въ 10 акціонерныхъ компаніяхъ было уплачено отъ 150 до 34.000 мар., во что входили издержки на покупку акцій, гербовыя и нотаріальныя пошлины, расходы на испрошеніе концессій и выработку плановъ и т. п.

Значительно превышающія эти цифры указаны для другихъ 10 компаній, въ которыхъ единоличнымъ учредителямъ было уплачено (наличными и акціями) отъ 50.000 до 200.000 марокъ. Такимъ образомъ при общей цифрѣ основныхъ капиталовъ этихъ компаній, достигающей почтенныхъ размѣровъ въ 7.542.000 марокъ, среднее учредительское вознагражденіе составляло около 377.650 марокъ (около 160.000 руб.), т. е. 6,4% основнаго капитала этихъ предпріятій.

Всѣ сказанныя уплаты производились частью въ видѣ провизіи, по большей же части за переуступку патентовъ, правъ, привилегій и проч.

Посредствомъ ежегоднаго отчисленія извѣстныхъ суммъ одна компанія освободилась отъ обязательствъ въ отношеніи двухъ своихъ учредителей, уплативъ имъ въ продолженіе 5 лѣтъ 60.000 марокъ при основномъ капиталѣ компаніи въ 780.000 мар., т. е. 7,6%. Вознагражденіе уплачено за уступку ими конкурирующаго предпріятія.

Въ шести другихъ компаніяхъ условлены были тантьемы въ различныхъ процентахъ съ принятіемъ въ разсчетъ чистой прибыли, согласно отмѣтки объ этомъ въ уставѣ (срав. ст. 2165, т. X, ч. 1).

Тантьема эта составляла отъ 2 до 25%, при чемъ она уплачивалась въ продолженіе 10—20 лѣтъ годичными платежами. Все это относится къ возмѣщенію издержекъ и уплатѣ вознагражденія наличными.

Въ другихъ случаяхъ не менѣе высокое учредительское вознагражденіе уплачивалось привилегированными акціями. Дивидендъ по такимъ акціямъ составлялъ отъ $3^1/_2$% до 6%. Иногда въ уставѣ опредѣлялось, что такой дивидендъ будетъ уплачиваемъ ежегодно до тѣхъ поръ, пока общая сумма всѣхъ платежей не достигнетъ условленной въ уставѣ величины. Бывали случаи выдачи привилегированныхъ акцій, дававшихъ учредителямъ различныя преимущества при ликвидаціи компаніи.

Однако самую бо̀льшую выгоду привилегированныхъ акцій составляетъ не условное ихъ преимущество, а тѣ удобства обращаемости ихъ на биржѣ, которыя обезпечиваютъ за ними всегда высокій курсъ сравнительно съ другими акціями того же предпріятія. Вознагражденіе, выдаваемое такими акціями, еще увеличивается тѣмъ, что онѣ выдаются учредителямъ *al pari*.

Компаній, выдавшихъ вознагражденіе такими акціями въ періодъ 1884—1888 г.г., Гессбергеръ насчитываетъ до 25.

При превращеніи единоличныхъ предпріятій въ акціонерныя, на имуществѣ компаніи обыкновенно остаются залоговыя ипотечныя обезпеченія прежнихъ единоличныхъ хозяевъ-учредителей, которые затѣмъ пользуются правомъ выдачи залоговыхъ листовъ.

Выгода учредителей въ послѣднемъ случаѣ заключается въ разницѣ между обыкновеннымъ процентомъ этихъ закладныхъ листовъ и %, уплачиваемымъ компаніей, къ чему слѣдуетъ еще добавить въ пользу учредителей ажіо отъ 2-хъ до 5%, съ которымъ закладные листы эти погашались компаніей.

Еще доходнѣе погашеніе ипотечныхъ долговъ этого рода наличными или акціями при увеличеніи основнаго капитала въ случаѣ, если ипотечный кредиторъ еще обладаетъ достаточнымъ ихъ числомъ. Въ этомъ случаѣ происходитъ выдача новыхъ акцій, конечно всегда съ извѣстнымъ ажіо, которое ипотечный кредиторъ можетъ обратить въ свою пользу.

Далѣе Гессбергеръ приводитъ еще случай вознагражденія слѣдующаго рода: по уставу одной компаніи съ основнымъ капиталомъ въ 56.000 мар., половина котораго состояла изъ привилегированныхъ акцій, условлено было, что двое изъ числа владѣльцевъ этихъ первичныхъ привилегированныхъ акцій будутъ избираемы въ члены правленія. Кромѣ того означенныя привилегіи по акціямъ прекращались со смертью ихъ перваго владѣльца, что̀, какъ видно, составляетъ особаго рода учредительское вознагражденіе. Въ другихъ случаяхъ наблюдалась выдача учредителямъ

въ видѣ вознагражденія привилегій такого рода, что выдаваемыя имъ несполна оплаченныя акціи считались компаніей сполна уплаченными, и по нимъ выдавался полный дивидендъ. Наконецъ бывали случаи гарантіи уплаты учредителямъ извѣстной постоянной величины дивиденда [1]).

Какъ было указано выше, новое пересмотрѣнное германское торговое уложеніе 1897 г. вводитъ двѣ дотолѣ неизвѣстныя новеллѣ 1884 г. статьи, съ цѣлью возбудить ревность органовъ правленія и наблюденія акціонерной компаніи въ отношеніи дѣятельности ихъ и съ цѣлью самаго тѣснаго соединенія ихъ личныхъ выгодъ съ судьбою компаніи.

Обыкновенно принято въ уставахъ акціонерныхъ товариществъ обезпечивать въ пользу членовъ правленія и совѣта извѣстную тантьему изъ чистой прибыли предпріятія или, по отчисленіи изъ нея дивиденда, обращать часть остатка прибыли на вознагражденіе этихъ органовъ. Въ другихъ случаяхъ уставами эти *тантьемы* замѣняются *преміями*, сообразно съ доходностью и производительностью предпріятія, или *провизіями*, измѣняющимися соотвѣтственно съ ходомъ оборотливости капитала, и вообще „наградными" разнаго вида.

Все это долгое время допускалось обычаемъ и практикой и вносилось на законномъ основаніи въ уставы компаніи, пока наконецъ новое реформированное акціонерное законодательство не было вынуждено точно нормировать эти условія разъ навсегда.

Вотъ чѣмъ объясняется появленіе двухъ вышеуказанныхъ статей §§ 237 и 245 [2]).

Согласно первой изъ нихъ, „если въ пользу членовъ правленія сохраняется извѣстная часть годовой прибыли, то эта часть отчис-

---

[1]) Hessberger, стр. 55.

[2]) Dr. Hermann Mueller—Die Gewinnantheile der Mitglieder des Vorstandes und des Aufsichtsraths von Actiengesellschaften, Hannover und Leipzig, 1899, стр. 3, 4. Другіе авторы по тому же вопросу.—Dr. Hermann Pemsel—Die Tantiemen des Vorstandes und des Aufsichtsraths der Actiengesellschaften; Berlin, 1899. Simon—Die Bilanzen der Actiengesellschaften, 1898; Hahn—Die gesammten Materialien zu den Reichs-Justizgesetzen, Bd. VI, 1897 (Materialien zum Handelsgesetzbuch v. 1897), стр. 45—47, 594—599, 712, 721—727, 754—761, Dr. Conrad—Ernst Riesenfeld—Der Einfluss des neuen Actienrechts auf die Statuten der bestehenden Gesellschaften, Berlin, 1899, § 8, стр. 90—113; Fuld und Wolf—in Bauer's „Zeitschrift fuer Actiengesellschaften", VI Jahrgang, № 5, 1899. стр. 97—99.

ляется изъ *чистой прибыли* предпріятія, за вычетомъ всѣхъ *списаній* (Abschreibungen) и отчисленій (Rücklagen)".

Вторая статья постановляетъ, что „если члены наблюдательнаго совѣта за свою дѣятельность получаютъ вознагражденіе, которое состоитъ въ правѣ на ихъ участіе въ годовой прибыли предпріятія, то участіе это считается въ чистой прибыли, которая за вычетомъ всѣхъ списаній (Abschreibungen) и отчисленій—(Rücklagen), какъ равно за вычетомъ опредѣленнаго въ пользу акціонеровъ процента, во всякомъ случаѣ не менѣе 4%, получается на внесенный основной капиталъ".

Двѣ эти статьи вслѣдствіе неясности выраженій saemmtliche Abschreibungen и Ruecklagen, т. е. самого опредѣленія того остатка чистой прибыли, съ котораго должно быть отчисляемо вознагражденіе, вызвало даже цѣлую литературу въ Германіи.

Д-ръ Мюллеръ такъ толкуетъ § 245: допустивъ опредѣленіе устава, предоставляющее членамъ наблюдательнаго совѣта тантьему въ размѣрѣ 4% со всей чистой прибыли предпріятія (безъ какого-либо предварительнаго отчисленія) въ видѣ вознагражденія за труды, постановленіе закона можно выразить слѣдующимъ образомъ: „члены наблюдательнаго совѣта получаютъ ежегодное постоянное вознагражденіе въ размѣрѣ X** марокъ.

Кромѣ этого изъ той части чистой прибыли, которая получается по отчисленіи дивидендовъ въ размѣрѣ 4% (или по отчисленіи утвержденной общимъ собраніемъ акціонеровъ суммы), имъ предоставляется тантьема въ размѣрѣ 4%.

Постоянное вознагражденіе и эта тантьема, вмѣстѣ взятыя, не должны однакоже ни въ какомъ случаѣ превысить 4% общаго размѣра чистой прибыли предпріятія, насколько прибыль эта означена согласно законнымъ предписаніямъ въ балансѣ компаніи.

Проектъ редакціонной коммисіи 1899 г. заключаетъ пространное постановленіе относительно вознагражденія учредителей въ ст. 731, которая гласитъ, что: „Размѣръ вознагражденія учредителей за труды и издержки по учрежденію товарищества долженъ быть опредѣленъ въ особомъ актѣ, подписанномъ всѣми учредителями. Учредители могутъ, въ видѣ вознагражденія за оказанныя товариществу услуги, выговорить въ свою пользу опредѣленное число именныхъ учредительскихъ свидѣтельствъ. Эти свидѣтельства могутъ быть выпущены на срокъ не свыше 25 лѣтъ со дня учрежденія товарищества и даютъ учредителямъ и ихъ правопреемникамъ право на участіе въ чистой прибыли то-

варищества, остающейся послѣ отчисленія въ пользу акціонеровъ опредѣленнаго въ свидѣтельствахъ процента, но ни въ какомъ случаѣ не менѣе 6% съ основнаго капитала".

Кромѣ того по ст. 751 ч. 1 при увеличеніи основнаго капитала проектъ 1899 г. допускаетъ выпускъ привилегированныхъ акцій, дающихъ ихъ собственникамъ (въ числѣ которыхъ чаще всего можно будетъ увидѣть учредителей) преимущественныя предъ другими акціонерами права:

1) участія въ чистыхъ прибыляхъ или

2) при ликвидаціи дѣлъ товарищества.

Преимущества эти должны быть указаны въ уставѣ и въ самыхъ акціяхъ (ст. 751, ч. 2).

Согласно проекту положенія объ акціонерн. предпр. 1898 г. ст. 3 п. *г* и *д*, въ учредительномъ актѣ между прочимъ опредѣляется: „общая сумма вознагражденія учредителей, если таковое предполагается, и количество учредительскихъ свидѣтельствъ, если таковыя допускаются по уставу предпріятія, но на срокъ не болѣе 25 лѣтъ"....; а по ст. 37 того же проекта положенія 1898 г. „привилегированнымъ акціямъ могутъ быть присвоены преимущества:

а) при распредѣленіи чистой прибыли,

б) при распредѣленіи акцій новыхъ выпусковъ,

в) при ликвидаціи имущества предпріятія.

Преимущества должны быть указаны въ уставѣ предпріятія" [1]).

Опредѣленіе размѣра учредительскаго вознагражденія въ *особомъ актѣ* мотивируется „цѣлью установленія опредѣленности въ обязательственныхъ отношеніяхъ учредителей къ учреждаемому товариществу и предупрежденія предъявленія къ послѣднему чрезмѣрныхъ или дополнительныхъ требованій со стороны учредителей о вознагражденіи ихъ за понесенный ими трудъ и произведенныя издержки по учрежденію товарищества" (см. объясненія къ ст. 731 проекта гражд. улож. кн. V, т. IV, стр. 66, 67).

Кромѣ того тѣ же мотивы указываютъ, что правило приведенной 731 ст. ч. 1 проекта 1899 г. „имѣетъ ту несомнѣнную пользу, что подписчики на акціи могутъ своевременно имѣть свѣдѣнія объ обязательствахъ, возлагаемыхъ на товарищество съ самаго момента его учрежденія, и судить объ имущественномъ положе-

---

[1]) Срав. В. Бѣлинскій—Привилегированныя акціи и облигаціи—Вѣстникъ Финансовъ, Промышленности и Торговли, 1899 г. № 45.

ніи учреждаемаго товарищества, и что акціонеры не могутъ быть лишены впослѣдствіи части причитающагося имъ дивиденда путемъ назначенія вознагражденія учредителямъ по постановленію общаго собранія акціонеровъ, если размѣръ вознагражденія учредителей не опредѣленъ при самомъ учрежденіи товарищества (касс. рѣш. 1882 г., № 96, по дѣлу Кирѣева)".

Согласно ст. 740 ч. 4 проекта гражданскаго уложенія 1899 г., если между учредителемъ, требующимъ отъ товарищества вознагражденія за труды и издержки по его учрежденію, и большинствомъ $^3/_4$ голосовъ остальныхъ акціонеровъ, присутствующихъ въ общемъ собраніи, хотя бы и не представляющимъ $^1/_4$ части основнаго капитала, не состоится соглашенія относительно размѣра требуемаго учредителемъ вознагражденія, товарищество признается несостоявшимся.

Финляндскій законъ 2 мая 1895 года (ст. 12, ч. 2 и 3) требуетъ для постановленій относительно предоставленія учредителямъ особыхъ выгодъ сверхъ соотвѣтственнаго вознагражденія за трудъ—*большинства голосовъ присутствующихъ* въ общемъ собраніи акціонеровъ.

Дабы придать возможно болѣе явности учредительскому вознагражденію такъ, чтобы за учредителями не скрывались соломенные люди (hommes de paille, Strohmaenner), проектъ редакціонной коммисіи 1899 г. требуетъ, чтобы учредительскія свидѣтельства непремѣнно были *именными*. Тѣмъ не менѣе они могутъ переходить изъ рукъ въ руки на общемъ основаніи—по передаточнымъ надписямъ и въ порядкѣ наслѣдованія, хотя они и не предназначены для торговаго оборота (объясн. къ т. IV, стр. 69).

Такимъ образомъ изъ сопоставленія приведенныхъ статей проекта редакціонной коммисіи явствуетъ, что онъ не считаетъ нужнымъ опредѣлять учредителямъ *особаго вознагражденія*, подобно нѣкоторымъ иностраннымъ законодательствамъ, какъ напр. германское торговое улож. 1897, (§ 186, ч. 1, besondere Vortheile, Gruendungsaufwand, см. выше) итальянское торг. улож. (ст. 89 п. 7 и 127), бельгійское акціонерное законодательство (ст. 31) и швейцарскій союзный законъ (ст. 619). (объясн. къ т. IV проекта 1899 г. стр. 67).

Размѣръ этого вознагражденія опредѣляется самими учредителями и утверждается затѣмъ въ общемъ собраніи по соглашеніи ихъ съ акціонерами (см. выше ст. 740 ч. 4).

Вознагражденіе это должно быть уплачиваемо *наличными*, и

исключеніе изъ этого правила составляютъ вышеприведенныя учредительскія свидѣтельства на срокъ не свыше 25 лѣтъ.

При этомъ въ объясненіяхъ къ ст. 731 проекта сказано, что „съ принятіемъ проектированнаго порядка утвержденія уставовъ (правительствомъ), въ значительной степени облегчающаго труды и ходатайства учредителей, характеръ услугъ, за которыя будутъ выдаваться учредительскія свидѣтельства, несомнѣнно совершенно измѣнится. *Это уже не будетъ, какъ въ былое время, вознагражденіе ловкому или вліятельному ходатаю, но справедливое возмѣщеніе услугъ*, оцѣнить которыя при самомъ учрежденіи товарищества нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Изобрѣтеніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, или цѣлый планъ экономическихъ дѣйствій, или особый, вновь созданный способъ эксплоатаціи, все это въ началѣ можетъ потребовать лишь расходовъ, а впослѣдствіи дать громадные барыши.

Устранить отъ участія въ нихъ лицъ, своимъ талантомъ умомъ и трудолюбіемъ создавшихъ такое выгодное дѣло,—было бы весьма несправедливо“ (стр. 68, 69).

Съ этимъ трудно не согласиться, хотя остается выразить желаніе, чтобы въ будущемъ послѣ словъ „опредѣленное число писанныхъ учредительскихъ свидѣтельствъ“ во второй части приведенной 731 ст. проекта редакціонной коммисіи была сдѣлана оговорка, останавливающая во всякомъ случаѣ *максимумъ такого вознагражденія*, соотвѣтственно съ основнымъ капиталомъ компаніи подобно тому, какъ означенъ максимальный срокъ этихъ свидѣтельствъ на право участія въ предпріятіи.

Такимъ образомъ можно было бы проектировать статью слѣдующаго содержанія:

„Учредители могутъ въ видѣ вознагражденія за оказанныя товариществу услуги выговорить въ свою пользу опредѣленное число именныхъ учредительскихъ свидѣтельствъ, дающихъ право на участіе въ остаткѣ чистой прибыли предпріятія, получаемомъ по отчисленіи изъ нея части, предназначаемой опредѣленіемъ общаго собранія акціонеровъ въ запасный капиталъ, въ размѣрѣ не превышающемъ 25% этого остатка“.

Въ противномъ случаѣ и здѣсь слѣдуетъ ожидать злоупотребленій со стороны учредителей, могущихъ воспользоваться своимъ вліяніемъ въ общемъ собраніи акціонеровъ и выговорить въ свою пользу чрезмѣрное, хотя и „опредѣленное“, число этихъ *привилегированныхъ* свидѣтельствъ.

Преобладаніе это, какъ извѣстно, даетъ учредителямъ владѣніе въ первое время существованія предпріятія большимъ числомъ предварительныхъ росписокъ (акцій, ср. объясненія къ ст. 740 проекта, т. IV, стр. 93).

Предлагаемая оговорка тѣмъ болѣе была бы на мѣстѣ, что опиралась бы на принятый уставами нашихъ акціонерныхъ компаній порядокъ, какъ на то указываетъ и самый проектъ (см. объясн. т. IV, стр. 68).

Итакъ въ уставахъ Тифлисскаго Коммерческаго Банка (§ 69) Варшавскаго Учетнаго банка (§ 68), Азовско-Донскаго Коммерческаго банка, Харьковскаго, Полтавскаго и С.-Петербурго-Тульскаго земельныхъ банковъ, утвержденныхъ до изданія закона 31 мая 1872 года, который запретилъ отчисленіе особыхъ премій изъ прибылей акціонерныхъ банковъ на учредительскіе паи или акціи (Касс. рѣш. 1882 г. № 159 по дѣлу С.-Петербурго-Тульскаго поземельнаго банка, объясн. къ ст. 731 проекта, т. IV, стр. 68),—изъ чистой прибыли, выведенной за исключеніемъ всѣхъ расходовъ по управленію и убытковъ, отчисляется 5 % или не менѣе 10 % въ запасный капиталъ, а изъ остатка, если онъ превышаетъ 8 или 10 % на складочный капиталъ, извѣстная часть, 15 до 25 % поступаетъ въ пользу учредителей и ихъ правопреемниковъ въ теченіе 25—30 лѣтъ со дня утвержденія устава или открытія дѣйствій банка на основаніи выдаваемыхъ учредителямъ особыхъ *свидѣтельствъ* (объясн. т. IV, стр. 68).

Такимъ образомъ, несмотря на требованіе уплаты учредителямъ вознагражденія наличными, вслѣдствіе допущенія, на столь неограниченныхъ началахъ учредительскихъ свидѣтельствъ,—требованіе это въ сущности сводится къ нулю, и проектъ, подобно нѣкоторымъ другимъ законодательствамъ, вводитъ вознагражденіе „привилегіями“.

Въ самомъ дѣлѣ „учредительскія свидѣтельства“ по проекту редакціонной коммисіи являются не болѣе, какъ *привилегированными акціями*, ограниченными единственно срокомъ, могущими переходить изъ рукъ въ руки и тѣмъ болѣе вредящими курсу всѣхъ другихъ акцій. Вреда этого, можетъ быть, не было бы, если бы свидѣтельства были именными въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. безъ права переуступки, какъ это мы видѣли въ нѣкоторыхъ германскихъ компаніяхъ (см. выше Гессбергеръ).

Съ другой стороны, проекты 1898 и 1899 гг. присвоиваютъ,

какъ мы видѣли, привилегированнымъ акціямъ, а въ томъ числѣ и учредительскимъ свидѣтельствамъ, кромѣ права участія въ распредѣленіи чистой прибыли предпріятія, еще при распредѣленіи акцій новыхъ выпусковъ и при ликвидаціи имущества компаніи.

Этимъ еще болѣе расширяются учредительскія права въ смыслѣ вознагражденія по учрежденію и, конечно, допускается большой просторъ въ дѣлѣ пользованія выгоднымъ средствомъ для ограбленія имущества предпріятія и разоренія будущихъ акціонеровъ (подписчиковъ).

Настоящій финансовый кризисъ, по отзывамъ нашей печати и даже по сообщенію самого Министерства Финансовъ отъ 23 декабря 1899 г., въ значительной степени *является результатомъ отсутствія надлежащихъ законныхъ нормъ по части акціонернаго права*, которое надлежитъ по возможности скорѣе упорядочить.

Вотъ, что по этому поводу пишетъ, между прочимъ, въ статьѣ „Наше грюндерство" авторъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ „*стараго экономиста*" (газ. „Промышленный трудъ", 1899 г., № 2), отводящій широкое мѣсто злоупотребленіямъ по части учредительскихъ „расходовъ" и вознагражденія, какъ язвъ нашего современнаго грюндерства:

„Если въ одной формѣ учредительскіе захваты, въ видѣ вознагражденія за концессію, утратили въ извѣстной степени свое значеніе, то за то сохранились въ неприкосновенности другія драгоцѣнныя выгоды учредительства, обусловливаемыя младенческимъ состояніемъ нашего акціонернаго законодательства. Въ двухъ словахъ, эти выгоды заключаются въ томъ, что учредители являются полными и совершенно безконтрольными хозяевами учреждаемаго акціонернаго предпріятія. Они созываютъ первое общее собраніе и распредѣляютъ акціи между собою и „приглашенными лицами", они избираютъ, при помощи такого собранія, своихъ членовъ правленія и ревизіонную коммисію, они представляютъ и, въ сущности, они же сами утверждаютъ учредительскіе счета, контракты, заключенные до образованія компаніи; они передаютъ компаніи имущество по оцѣнкѣ, одобренной общимъ собраніемъ",—т. е. ими же, учредителями. Столь неограниченной учредительской свободы и произвола не знаетъ ни одно законодательство иностранныхъ государствъ. Въ прежнее время крупное зло нашего грюндерства заключалось въ колоссальныхъ суммахъ учредительскаго

вознагражденія за концессію. Въ настоящее время также нерѣдко можно встрѣтить въ первыхъ отчетахъ невѣроятныя суммы учредительскихъ „расходовъ“, но гораздо болѣе серьезное значеніе имѣетъ широко распространившаяся система передачи учредителями имуществъ новымъ компаніямъ по крайне преувеличеннымъ оцѣнкамъ. Эта система составляетъ поистинѣ язву нашихъ акціонерныхъ порядковъ и самую темную сторону нашего грюндерства. Въ періоды промышленнаго оживленія бываетъ весьма выгодно превращеніе единоличныхъ предпріятій въ акціонерныя компаніи. Когда настроеніе публики даетъ основаніе разсчитывать на сбытъ акцій, хотя бы постепенный,—нельзя и придумать способа, болѣе выгоднаго для передачи предпріятій въ чужія руки по преувеличенной оцѣнкѣ. При безконтрольной свободѣ учредителей, къ этому пріему начинаютъ прибѣгать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и если, къ тому же, самое учрежденіе новыхъ компаній не связано со сколько-нибудь значительными затрудненіями, то учредительская горячка получаетъ самое широкое развитіе. Послѣдствія такого направленія въ развитіи акціонернаго дѣла очевидны: предпріятія обременяются фиктивнымъ капиталомъ; безъ надобности нерѣдко расширяются предпріятія, единственно съ цѣлью передачи ихъ компаніямъ; дѣла пошатнувшіяся, обреченныя на гибель, безполезно затягиваются и, въ концѣ концовъ, разоряютъ акціонеровъ.

„Таково наше дѣйствительное массовое грюндерство, получившее самое широкое распространеніе. Оно не такъ замѣтно, какъ отдѣльные случаи финансированія крупныхъ предпріятій, въ которыхъ принимали участіе банки, но за то оно охватываетъ множество новыхъ компаній и отражается на положеніи всей промышленности. Это—грюндерство, созданное нашимъ акціонернымъ законодательствомъ на почвѣ „промышленнаго оживленія“.

Представленіемъ учредительскихъ свидѣтельствъ въ неопредѣленномъ точно размѣрѣ проекты акціонернаго законодательства допускаютъ тѣ же „выгоды“ и „награды“ учредителей, которыхъ стараются между тѣмъ всячески избѣгать (см. объясненія къ проекту гражд. улож. кн. V, т. IV, стр. 67).—

Лучшее изъ современныхъ акціонерныхъ законодательствъ—новое пересмотрѣнное германское торговое уложеніе 1897 года, служащее образцомъ обоимъ нашимъ проектамъ, главнымъ образомъ, проекту положенія объ акціонерныхъ предпріятіяхъ 1898 года (ср. отчетъ предсѣдательствующаго П. П. Цитовича Министру

Финансовъ, стр. 4—6) [1]) не допускаетъ такого рода учредительскаго вознагражденія и не знаетъ учредительскихъ *акцій* [2]).

Послѣднее вытекаетъ изъ содержанія первой основной статьи (§ 176) отдѣла объ акціонерныхъ товариществахъ, согласно которой „всѣ участники акціонернаго товарищества распредѣляютъ между собой посредствомъ вкладовъ раздѣленный на акціи основной капиталъ предпріятія, не отвѣчая лично за цѣлость послѣдняго", изъ чего слѣдуетъ, что понятіе акціонера по этому закону совмѣщаетъ въ себѣ *соучастіе* посредствомъ вклада въ основномъ капиталѣ *и его долгахъ* исключительно размѣромъ этого вклада, при чемъ такъ называемыя учредительскія свидѣтельства (Genussscheine), *дающія право исключительно на участіе въ прибыли* предпріятія, не обязывающія владѣльцевъ этихъ свидѣтельствъ къ отвѣтственности за долги основнаго капитала и его убыли— *не есть акціи* [3]).

Наши проекты избѣгаютъ противорѣчія самимъ себѣ при такомъ же опредѣленіи понятія акціонернаго товарищества, часто, формальнымъ образомъ, окрещивая настоящія учредительскія „*акціи*" названіемъ „*свидѣтельствъ*", такъ какъ и по ст. 719 проекта редакціонной коммисіи 1899 г.—„акціонернымъ признается такое товарищество, которое учреждается подъ особою фирмою съ основнымъ капиталомъ, *раздѣленнымъ на опредѣленное число равныхъ долей* (*акцій*), и по обязательствамъ котораго отвѣчаетъ только имущество товарищества, но не личное имущество участниковъ (акціонеровъ)".

Подобно германскому запрещаютъ выдачу учредительскихъ акцій, такъ называемыхъ *actlions gratuites*, даровыхъ акцій— итальянское уложеніе (ст. 127) [4]), португальское (ст. 164, § 3) и шведское законодательства.

---

[1]) В. Бѣлинскій, Учредительство согласно проекту положенія объ акціонерныхъ предпріятіяхъ, Жур. Мин. Юст., 1899, I, стр. 186.

[2]) K. Lehmann, Das Recht der Aktiengesellschaften, Berlin, 1898, стр. 378, прим. 4.

[3]) Entscheidungen des Reichsgerichts in Civilsachen, herausgegeben von den Mitgliedern des Gerichtshofs, Bd. 30, стр. 16; см. F.L.Liffhauer, Handelsgesetzbuch v. 10 mai 1897, стр. 202, прим. *a* къ § 176; Behrend—Lehrbuch des Handelsrechts, I, 1896, стр. 889. Ring, Das Reichsgesetz betreffend die Kommanditgesellschaften auf Aktien und die Aktiengesellschaften v. 18 Iuli 1884, 1892, стр. 214, 215, 248, 249. Bolze, Entscheidungen des Reichsgerichts, IV, № 812.

[4]) Въ Италіи вообще считаются недѣйствительными всѣ дѣйствія, помощью

Напротивъ, французское акціонерное право, придерживаясь противоположнаго взгляда (Lyon-Caen et Renault—Traité de droit commercial, 1892, II, nº 690), допускаетъ подобныя акціи, равно какъ англійское законодательство, которое разрѣшаетъ уплачивать вознагражденіе акціями (to pay a commission in shares) [1].

Кромѣ денежнаго вознагражденія, какъ было сказано, законодательства Германіи, Франціи, Бельгіи, Италіи, Португаліи и другихъ государствъ разрѣшаютъ учредителямъ выговаривать въ свою пользу различныя преимущества (avantages particuliers, besondere Vortheile), въ томъ числѣ и право участія въ чистыхъ прибыляхъ предпріятія, при чемъ нѣкоторыя законодательства ограничиваютъ это право извѣстнымъ максимумомъ (напр., не свыше $^1/_{10}$ доли) и срокомъ.

Всѣ эти разнообразные виды учредительскаго вознагражденія за труды по учрежденію предпріятія, хлопоты, разъѣзды, возмѣщеніе административныхъ и судебныхъ издержекъ, понесенныхъ учредителями или концессіонерами, и вообще всѣхъ дѣйствительныхъ и проблематическихъ услугъ, провѣренныхъ и предполагаемыхъ, дѣйствій и умственнаго труда, изобрѣтенія, идеи, конъюнктуры, за уступку конкурирующаго предпріятія и т. п., сводятся, главнымъ образомъ, къ выдачѣ учредителямъ *акцій* того или другаго рода, на разныхъ условіяхъ, на которыя учредители, какъ извѣстно, весьма падки.

Всѣ эти виды учредительскаго вознагражденія, вмѣстѣ взятые, представляютъ въ общемъ почтенныя цифры, достигающія нерѣдко *половины* основнаго предпринимательскаго капитала. И потому, если не желать видѣть у насъ акціонерныя предпріятія какъ одно только средство къ удобной наживѣ грюндеровъ, набрасывающихся на акціонерное имущество подъ видомъ сказаннаго вознагражденія за труды и возмѣщеніе понесенныхъ издержекъ, нашъ будущій законъ долженъ поставить себѣ задачей ограничить, насколько это возможно и насколько есть къ тому законодательныя средства, преувеличенныя учредительскія требованія, извѣстныя подъ избитымъ названіемъ „захватовъ“.

которыхъ учредители стараются скрыть разныя въ свою пользу преимущества (K. Lehmann, стр. 377).

[1]) Ср. Behrend, Lehrbuch des Handelsrechts, I, 1896, стр. 748, 784, 890; Lehmann, стр. 194, 195; Renaud, Das Recht der Aktiengesellschaften, стр. 761; Holdheim, Monatsschrift für Aktienrecht, III, стр. 99.

Въ первомъ ряду законодательныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи нужно отмѣтить вполнѣ цѣлесообразное и проходящее чрезъ надлежащій и дѣйствительный акціонерный контроль—*составленіе устава* (ср. ст. 2165 т. X, ч. 1).

Проектъ редакціонной коммисіи, по всей вѣроятности, имѣлъ это соображеніе въ виду, придерживаясь правительственнаго утвержденія уставовъ акціонерныхъ компаній и отрѣшаясь отъ явочной системы учрежденія компаній, представляющей это утвержденіе и контроль частному почину и предусмотрительности.

Однимъ изъ общепринятыхъ и дѣйствительныхъ средствъ въ отношеніи огражденія судебъ предпріятія отъ чрезмѣрныхъ учредительскихъ издержекъ, съ цѣлью дать предпріятію возможность *на первыхъ же порахъ* выдержать такое „кровопусканіе"—составляетъ *ограничительное* требованіе закона сравнительно *высокаго основнаго капитала*, предѣльная норма котораго должна быть установлена по соображенію съ капиталистическими средствами страны, предпріимчивостью населенія и другими экономическими условіями.

Проектъ положенія объ акціонерныхъ предпріятіяхъ 1898 г. первый дѣлаетъ большой шагъ впередъ по этому пути и рѣшается установить минимальную цифру основнаго капитала [1]).

Итакъ, по ст. 21: „основной капиталъ акціонернаго предпріятія не можетъ быть менѣе 150,000 руб.; размѣръ сей соблюдается и при уменьшеніи основнаго капитала. Въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей общественнаго значенія, размѣръ основнаго капитала можетъ быть не менѣе 50,000 руб., но съ особаго на каждый случай разрѣшенія Министра Финансовъ, по соглашенію съ надлежащими вѣдомствами". Акціонерныя компаніи въ отношеніи оборотовъ крупными капиталами являются тѣми большими кораблями, которымъ предоставлено большое плаваніе, и потому отсутствіе въ акціонерномъ предпріятіи большихъ капиталистическихъ средствъ равнозначуще уничтоженію всѣхъ преимуществъ акціонерной формы предпріятій предъ единоличными и другими видами хозяйства [2]).

Однако, съ другой стороны, невозможно также устранить *совершенно* отъ предпріимчивости меньшіе, хотя и не малые капиталы,

---

[1]) В. Бѣлинскій, Цѣна акцій—Судебная Газета, 1898 г. № 50.

[2]) K. Lehmann, н. с., стр. 165.

которые, вопреки приговору теоріи, на практикѣ дали блестящіе результаты и дѣйствовали до сихъ поръ подъ видомъ акціонерныхъ товариществъ вполнѣ успѣшно.

У насъ предпріятій съ ничтожными и даже небольшими основными капиталами до сихъ поръ наблюдалось немного. Какъ указываютъ цифры, взятыя изъ *свѣдѣній объ акціонерныхъ компаніяхъ департамента торговли и мануфактуръ*, изъ числа существовавшихъ къ 1 января 1893 года, 524 торговыхъ и промышленныхъ акціонерныхъ компаній, не считая кредитныхъ предпріятій, обладали капиталомъ въ 603,000,000 руб., что въ среднемъ даетъ на одну компанію цифру основнаго капитала въ 1,150,000 руб. При этомъ только четыре предпріятія имѣли небольшіе капиталы отъ 56,000 до 100,000 руб. [1]).

Напротивъ, въ Германіи при явочной системѣ учрежденія предпріятій наблюдалось существованіе акціонерныхъ компаній съ весьма незначительными капиталами отъ 4,800 марокъ до 15,000 мар., т. е. на наши деньги отъ 2,200 р. до 7000 руб. (періодъ до 1884 года).

Въ 1895 году изъ числа 69 акціонерныхъ, возникшихъ въ первую половину этого года,—5 компаній имѣли основные капиталы, не превышающіе 50,000 мар. (Holdheim-Monatsschrift für Aktienrecht, 1895, № 8) [2]) и нынѣ встрѣчаются (по Гергенгану) основные капиталы компаній съ 1000 до 15,000 марокъ [3]).

Въ Германіи въ 1896 году изъ числа 3,700 акціонерныхъ компаній 1021 компанія открыли свои операціи съ капиталами, не превышающими 250000 мар. (т. е. 115000 руб.). Вотъ цифры для трехъ государствъ, приведенныя въ объясненіяхъ къ кн. V проекта гражданскаго уложенія (т. IV стр. 57):

Число компаній.	*Основной капиталъ.*	%
	Въ Германіи.	
504	менѣе 100,000 мар.	13,6
517	100,000 до 250,000 мар.	13,9
	Во Франціи (1894).	
216	менѣе 50000 франк.	36
242	50,000—до 500,000 фр.	41

---

[1]) Объясненія къ книгѣ V проекта гражд. улож. 1899, т. IV, стр. 56.

[2]) Ibidem, стр. 56.

[3]) Ibidem, cit. Hergenhahn, Введеніе, стр. XXX (Das Reichsgesetz betreffend die Aktiengesellschaften, 1891).

Въ Бельгіи (1895).

141	менѣе 100,000 франк.
241	100,000 до 500,000 фр. [1]).

При обсужденіи минимальной цифры основнаго капитала Высочайше учрежденною коммисіей для пересмотра дѣйствующихъ законоположеній о биржахъ и акціонерныхъ компаніяхъ, нѣкоторые изъ участвующихъ полагали возможнымъ допустить основные капиталы отъ 10,000 до 100,000 руб. (см. объясн. къ проекту редакціонной коммисіи т. IV, стр. 57; стенографическіе отчеты и журналы засѣданій Высочайше учрежденной коммисіи для пересмотра дѣйствующихъ законоположеній о биржахъ и акціонерныхъ компаніяхъ. Спб., 1898 г., стр. 176—201),

Проектъ редакціонной коммисіи 1899 г. еще болѣе понизилъ минимальную цифру основнаго капитала акціонерной компаніи, полагая возможнымъ *въ извѣстныхъ случаяхъ* успѣшную дѣятельность компаній и съ капиталомъ, меньшимъ противъ принятаго проектомъ положенія 1898 г. въ 150,000 руб.

Именно, по ст. 729, п. 4 проекта гражд. улож. 1899 года „основной капиталъ долженъ составлять не менѣе 50.000 руб.“.

Однако, если въ отношеніи облегченія учрежденія акціонерныхъ предпріятій послѣдній проектъ еще прогрессивнѣе перваго, считаясь съ русскими капиталами [2]), то, съ другой стороны, едва ли столь незначительная цифра капитала можетъ выйти побѣдоносно изъ борьбы съ учредительскими претензіями и едва ли такой капиталъ въ состояніи всегда удовлетворить эти претензіи, безъ ущерба для самого предпріятія и для кредиторовъ товарищества.

Казалось бы, поэтому, что цифра 150.000 руб., принятая проектомъ 1898 г., какъ предѣльная для основныхъ капиталовъ акціонерныхъ компаній, болѣе предпочтительна и во всякомъ случаѣ не должна бы быть ниже 100.000 руб.

Средняя величина основныхъ капиталовъ въ Германіи за періодъ 1884—1888 г.г. составляла [3]):

---

[1]) Handwörterbuch der Staatswissenschaften von Conrad, Lexis, Elster und Loening, 1898, I, стр. 194, 234 и 242.

[2]) Проектъ 1899 г. съ цѣлью привлечь небольшіе капиталы къ акціонерной дѣятельности установляетъ по ст. 761, ч. 2 величину акціи для такихъ предпріятій не ниже 50 руб. (см. объясн. т. IV, стр. 146).

[3]) Hessberger, стр. 69—72.

1884	году	484.111	—	530.000	мар.
1885	„	346.886	—	1.012.000	„
1886	„	691.888	—	1.030.410	„
1887	„	378.142	—	1.265.648	„
1888	„	150.000	—	1.113.400	„

Тутъ можно наблюдать, съ одной стороны, пониженіе величины основныхъ капиталовъ, съ другой, ихъ постепенное увеличеніе.

Приведенныя цифры колеблются между 479.000 и 943.000 мар. въ средней, чтó въ общей средней за весь 5-ти лѣтній періодъ составитъ около 711.000 мар. (или на наши деньги приблизительно 360.000 руб.).

Если принять при этомъ, что вся сумма учредительскаго вознагражденія простирается отъ 6,5 до 10% основнаго капитала, то при капиталѣ въ 360.000 руб. она достигнетъ отъ 23.400 руб. до 36.000 руб.

Съ такими издержками большіе капиталы еще могутъ справиться, не подрывая благосостоянія предпріятія, но уже при капиталѣ въ 50.000 руб. непроизводительная издержка въ 5.000 р. ложится тяжелымъ бременемъ на небольшую его сумму, которая относительно можетъ быть тутъ еще большей, вслѣдствіе того, что учредительское вознагражденіе часто стремится установить для себя болѣе или менѣе постоянныя величины, въ родѣ особаго курса. Въ виду послѣдняго обстоятельства, все говоритъ въ пользу сравнительно высокаго предѣла основнаго капитала.

Какъ бы ни была обременительна для акціонерной компаніи величина испрашиваемаго учредителями вознагражденія и суммы возмѣщенія издержекъ по учрежденію компаніи, все-таки предпріятіе имѣетъ возможность всесторонне и явно обсудить шансы организуемаго дѣла и прійти въ общемъ собраніи акціонеровъ къ извѣстному опредѣленному по сему предмету соглашенію.

Другими словами—при всей тяжести этихъ издержекъ, вліяющихъ на уменьшеніе основнаго капитала и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на уменьшеніе доходности предпріятія,—*открытое* положеніе вещей весьма важно для акціонеровъ и кредиторовъ, изъ которыхъ первые сообразуются съ будущими выгодами помѣщенія своихъ капиталовъ въ предпріятіи, а вторые въ состояніи разсчитать степень обезпеченія, представляемаго для нихъ основнымъ капиталомъ компаніи.

Поэтому еще гораздо хуже этого *открытаго* счета слѣдуетъ признать *скрываемыя* подъ разными видами *издержки*, которыя

производятся на счетъ средствъ компаніи учредителями въ качествѣ первыхъ ея руководителей и управителей, все подъ предлогомъ благодарности, которую акціонеры должны питать къ нимъ за ихъ труды и хлопоты. Эти издержки, подрывая капиталъ исподтишка и незамѣтно подтачивая средства предпріятія, обыкновенно, если впослѣдствіи обнаруживаются, то столь внезапно и неожиданно для акціонеровъ, что они имѣютъ тогда лишь время только констатировать свои потери.

Не подлежитъ сомнѣнію, что надлежаще дѣйствующее правленіе и наблюдательный совѣтъ въ состояніи предупредить всякія подпольныя манипуляціи учредителей, дѣйствующихъ подъ маской участниковъ предпріятія, а потому важно по возможности ограничивать это ихъ участіе выборомъ въ члены правленія и совѣта лицъ, совершенно независимыхъ и знающихъ свое дѣло.

Въ виду этого получаетъ особенное значеніе постановленіе ст. 739, ч. 2 и 3 проекта редакціонной коммисіи, согласно которому, если въ числѣ членовъ правленія или ревизіонной коммисіи находятся учредители или лица, выговорившія въ свою пользу какія-либо права, то для принятія участія въ ревизіи хода дѣлъ учрежденія предпріятія должны быть приглашены *незаинтересованныя* лица, въ числѣ не менѣе *двухъ*, по соглашенію правленія и ревизіонной коммисіи; пока соглашенія этого не послѣдуетъ, товарищество не признается состоявшимся.

Въ томъ же родѣ и еще положительнѣе составлена ст. 192 ч. 2 германскаго торговаго уложенія 1897 г., согласно которой, если въ числѣ членовъ правленія или наблюдательнаго совѣта находится хотя бы *одинъ* изъ учредителей или лицо, выговорившее въ свою пользу какое-либо особое преимущество или возмѣщеніе издержекъ по учрежденію и вознагражденіе за труды, при учрежденіи предпріятія понесенные, то должны быть назначены особые ревизоры для провѣрки всего хода дѣлъ учрежденія. [1])

Въ заключеніе можно еще указать на то вознагражденіе, которое учредители нерѣдко привыкли собирать въ свою пользу *натурою* изъ средствъ компаніи, не только занимая въ ней доходныя мѣста, но и предоставляя "теплыя мѣстечки„ своимъ зна-

---

[1]) В. Бѣлинскій. Нѣсколько словъ по поводу учредительства, вводимаго у насъ проектомъ положенія объ акціонерныхъ предпріятіяхъ 1898 года. Судебная Газета, 1899 г., № 10.

комымъ, родственникамъ и другимъ лицамъ, оказывая въ этомъ отношеніи свою протекцію и даже торгуя ею.

Шпальтенштейнъ (Spaltenstein—Zum Konkurse der Aktiengesellschaft; ein Betrag zur Revision der Konkursordnung, 1898, Strassburg i. E. стр. 11, 12) указываетъ на такого рода пользованіе предпринимательнымъ имуществомъ, какъ поставку мебели для частной квартиры члена правленія изъ дерева и при помощи рабочихъ компаніи, по годамъ длящееся содержаніе для него дорогихъ собакъ на счетъ товарищества, поставку матеріи изъ сырыхъ продуктовъ его и приготовленіе одежды рабочими силами компаніи для членовъ правленія и т. д.

Вл. Бѣлинскій.

V.

ПО ВОПРОСУ ОБЪ ОХРАНѢ НАШИХЪ ВОДНЫХЪ БОГАТСТВЪ.

Въ задачу учрежденной въ 1894 г. при министерствѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ экспедиціи по изслѣдованію источниковъ рѣкъ Европейской Россіи вошло, между прочимъ, собираніе матеріала, необходимаго для составленія проекта общаго воднаго устава, отсутствіе котораго такъ болѣзненно ощущается во многихъ обширныхъ раіонахъ Имперіи [1]).

Покойный начальникъ экспедиціи сенаторъ генералъ-лейтенантъ А. А. Тилло придавалъ въ виду этого большое значеніе изученію юридическихъ отношеній, установившихся въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи по владѣнію и пользованію водами.

Несомнѣнно, что объ этихъ отношеніяхъ лучше всего можно судить по искамъ и спорамъ о владѣніи и пользованіи водами, а потому А. А. Тилло обратился къ предсѣдателямъ окружныхъ судовъ губерній, въ которыхъ экспедиція производила свои изслѣдованія, съ просьбой прислать копіи съ наиболѣе типичныхъ рѣшеній по вопросамъ, интересующимъ экспедицію.

Предсѣдатели Тульскаго, Смоленскаго, Рязанскаго, Елецкаго и Симбирскаго окружныхъ судовъ исполнили желаніе покойнаго начальника экспедиціи и прислали матеріалъ, не лишенный интереса.

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. Декабрь 1899 г.

Предсѣдатель Тульскаго окружнаго суда сообщилъ, что типичныхъ дѣлъ по спорамъ и искамъ о водѣ въ Тульскомъ окружномъ судѣ почти не возникало, споры же о правѣ собственности на намывы и водныя пространства совершенно отсутствуютъ, и что споры между владѣльцами сосѣднихъ мельницъ о неправильномъ пользованіи водою, какъ двигательною силою, возникаютъ исключительно по апелляціоннымъ жалобамъ на рѣшенія уѣздныхъ членовъ суда, каковыхъ жалобъ очень мало, такъ какъ большинство дѣлъ заканчивается производствомъ у этихъ членовъ суда.

По сообщенію предсѣдателя Смоленскаго окружнаго суда, въ этомъ судѣ съ 1894 г. не было ни одного сколько-нибудь типичнаго дѣла по спорамъ о намывахъ или о правѣ собственности на воды въ рѣкахъ, рѣчкахъ и озерахъ Смоленской губерніи, или о правѣ пользованія водами. Дѣла по спорамъ о береговомъ правѣ и о рыбныхъ ловляхъ возникаютъ въ окружномъ судѣ сравнительно рѣдко, и въ большинствѣ случаевъ они обусловливаются слишкомъ слабою охраною своихъ правъ со стороны законнаго владѣльца и захватомъ со стороны предпріимчиваго сосѣда, и разрѣшаются на основаніи фактическихъ данныхъ и дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ (ст. ст. 426—429, 464, 533, 557 и 692 т. X ч. 1).

Въ мѣстностяхъ, омываемыхъ верховьями сплавныхъ рѣкъ, довольно часто возникаютъ споры изъ нарушенія договоровъ о сплавѣ лѣса какъ между продавцами лѣса и ихъ контрагентами, такъ и между послѣдними и ихъ рабочими. Споры эти разрѣшаются судомъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сообразно условіямъ спорнаго договора. Всего же чаще возбуждаются споры по 442 ст. т. X ч. 1, т. е. о примычкѣ плотины къ чужому берегу и о подтопѣ луговъ ниже-лежащими мельницами. Къ разрѣшенію этой категоріи дѣлъ приходится примѣнять выработанное сенатскою практикою положеніе о томъ, что право участія частнаго не подлежитъ силѣ давности, въ результатѣ чего иногда выходитъ, что судъ постановляетъ понизить воду на мельницѣ, издавна существующей и показанной на планѣ генеральнаго межеванія, до того уровня, который признается экспертомъ необходимымъ для устраненія подтопа вверху лежащихъ луговъ. Этимъ совершенно останавливается дѣйствіе самой мельницы, и владѣлецъ ея навсегда лишается выгодной арендной статьи, которою онъ пользовался десятки лѣтъ передъ возникновеніемъ процесса.

Предсѣдатель Рязанскаго окружнаго суда сообщилъ, что за

послѣднія двадцать лѣтъ въ производствѣ суда было всего лишь три дѣла о владѣніи и пользованіи водою, и что масса дѣлъ, въ которыхъ затрогивались вопросы о правѣ пользованія водами, производились въ Ржевскомъ, Осташковскомъ и Вышневолоцкомъ мировыхъ судебныхъ округахъ. По Ржевскому уѣзду они касались сплава лѣсовъ по рѣкѣ Сишкѣ (притока Волги), а по Осташковскому упомянутыя дѣла были вызваны устройствомъ мѣстнымъ лѣсовладѣльцемъ сплавныхъ путей по рѣчкамъ, пересѣкавшимъ площади крестьянскихъ надѣловъ. Изъ одного изъ представленныхъ предсѣдателемъ Рязанскаго окружнаго суда дѣлъ видно, что крестьяне с. Алеканова, Рязанскаго уѣзда, отыскивали право на рыбныя ловли въ озерѣ Казарскомъ, нарушенное отвѣтчикомъ, и имѣли въ виду устранить незаконное пользованіе отвѣтчикомъ рыбными ловлями въ ихъ водахъ и возстановить свое пользованіе ими по береговому праву на воды названнаго озера. Пользованіе постороннихъ рыбными ловлями въ чужихъ водахъ составляетъ право угодій въ чужихъ имуществахъ (ст.ст. 452 и 463 т. X ч. 1), а такого рода право можетъ быть пріобрѣтено только по договору или на основаніи особаго положенія, по давности же оно, согласно ст. 560 т. X ч. 1 и по разъясненію Сената, не пріобрѣтается, а слѣдовательно, сколько бы ни продолжалось незаконное пользованіе рыбными ловлями, чрезъ это *право* береговаго владѣльца на ловли нисколько не утрачивается. Въ другомъ дѣлѣ мы встрѣчаемъ сужденіе суда о томъ, что рѣки и озера не почитаются самостоятельнымъ правомъ собственности, право на эти воды должно быть разсматриваемо какъ послѣдствіе права на береговую землю и существуетъ лишь въ связи съ правомъ на эту землю, что̀ подтверждаетъ прямой и буквальный смыслъ ст. 424 т. X ч. I, въ силу которой владѣлецъ имѣетъ право на воды, находящіяся въ предѣлахъ его земли [1]). Наконецъ, въ третьемъ типичномъ дѣлѣ, представленномъ предсѣдателемъ Рязанскаго окружнаго суда, судъ объясняетъ, что въ дачахъ, раздѣленныхъ между собою большими рѣками, а слѣдовательно и озерами, шириною болѣе 150 саж., межевые признаки, на основаніи ст. 606 т. X ч. 3, предписано дѣлать по обѣ стороны рѣки или озера, почему прохожденіе межи по береговой сторонѣ въ одной дачѣ вовсе не указываетъ на то, что рѣка или озеро относится къ другой дачѣ.

---

[1]) Рѣш. Гр. Касс. Д—та Прав. Сената 1873 г. № 704, 1871 г. № 1219 и 1879 г. № 281.

Это подтверждается тѣмъ соображеніемъ, что въ подобныхъ случаяхъ и въ другой дачѣ межа также проходитъ по берегу рѣки или озера и, судя по сему, рѣка или озеро и къ этой дачѣ не принадлежали бы, а относились бы, наоборотъ, къ первой дачѣ. Совершенно ясно, что при положеніи межъ по обѣимъ сторонамъ большой рѣки или озера не могла быть положена еще третья межа по срединѣ рѣки или озера а также и самое озеро, какъ не замежеванное ни въ одну изъ смежныхъ дачъ, не могло быть включено въ составъ этихъ дачъ. Въ виду же того, что рѣка или озеро въ то же время составляютъ непремѣнную и живую межу между двумя дачами, владѣльцы такихъ дачъ по береговому праву, согласно ст. 428 т. X ч. 1, имѣютъ право пользоваться ими отъ своего берега до середины [1]).

Предсѣдатель Елецкаго окружнаго суда прислалъ въ экспедицію копію рѣшенія дѣла о подтопѣ мельницы, не представляющаго выдающагося интереса. Предсѣдатель же Симбирскаго окружнаго суда доставилъ копію десяти рѣшеній какъ суда, такъ и состоящихъ при немъ уѣздныхъ членовъ суда, по дѣламъ, возникшимъ по вопросамъ о правѣ на воды.

Рѣшенія эти состоялись по вопросамъ: объ уничтоженіи мельницы, какъ причиняющей подтопъ въ силу самаго своего устройства, о правѣ пользованія водою въ рѣчкѣ и о засыпкѣ прокопа, сдѣланнаго для отвода воды, о возстановленіи нарушеннаго права на перепруду рѣчки, о спускѣ вершника у пруда рѣки и о сломкѣ и сносѣ постройки съ луговъ у рѣки, о пониженіи уровня воды въ мельничномъ прудѣ, объ отводѣ воды, о пониженіи головника водяной мельницы и о сносѣ двухъ плотинъ. Большинство изъ перечисленныхъ дѣлъ было рѣшено преимущественно на основаніи фактическихъ данныхъ, свидѣтельскихъ показаній и экспертизы техниковъ и межевщиковъ, почему не представляютъ выдающагося интереса, по послѣднему же изъ перечисленныхъ дѣлъ истецъ требовалъ отъ отвѣтчика сноса двухъ устроенныхъ имъ на землѣ перваго плотинъ и расчистки мѣста для свободнаго стока воды въ старое теченіе рѣки Сызрана. Отвѣтчикъ указывалъ на склонность названной рѣки отклоняться въ сторону и отсюда выводилъ свое

---

[1]) Ср. Проектъ прусскаго воднаго устава 1893 г., переводъ съ нѣмецкаго М. М. Рейнке. С.-Петербургъ, 1898 г. § 3. „Граница между русломъ и берегами водныхъ пространствъ (береговая линія) опредѣляется среднимъ меженнымъ уровнемъ воды въ лѣтнее время“.

право путемъ сооруженія плотины, хотя бы и на чужой землѣ, удержать необходимое для дѣйствія его мельницы направленіе рѣки. Съ правильностью такого указанія судъ однако не согласился на томъ основаніи, что по праву участія частнаго владѣлецъ земли въ правѣ требовать только того, чтобы верхній (по теченію рѣки) владѣлецъ, отводя для своихъ надобностей воду изъ ея естественнаго русла, дѣлалъ это, однако, лишь такимъ образомъ, чтобы на границѣ сосѣднихъ владѣній вода вновь возвращалась къ ея естественному теченію.

Разсматривая далѣе обстоятельства дѣла, судъ, ссылаясь на разъясненія Правительствующаго Сената, нашелъ, что, по общему смыслу закона, право собственности на берегъ, къ которому съ согласія собственника примкнута плотина, не содержитъ въ себѣ безусловнаго права требовать уничтоженія плотины и вмѣстѣ съ тѣмъ мельницы, устроенной на другомъ берегу, если сего при первоначальномъ соглашеніи о постройкѣ плотины не было обусловлено.

Въ такихъ случаяхъ, по указаніямъ Сената, слѣдуетъ по аналогіи, согласно ст. 9 уст. гражд. суд., примѣнять правила, изложенныя въ ст. 443 т. X ч. 1, и этой именно статьею долженъ разрѣшаться вопросъ о правѣ владѣльца берега, къ которому съ его согласія примкнута плотина, на уничтоженіе чужой мельницы, находящейся при плотинѣ. При этомъ права владѣльца, къ берегу котораго примкнута плотина, въ отношеніи владѣльца мельницы, устроенной на другомъ берегу, опредѣляются тѣмъ соглашеніемъ, которое было заключено этими владѣльцами или ихъ праводателями при постройкѣ мельницы съ примыкающей къ чужому берегу плотиной. Сущность такого соглашенія, т. е. было ли тогда обусловлено, что черезъ извѣстный промежутокъ времени владѣлецъ берега можетъ требовать сноса плотины и уничтоженія мельницы, долженъ, очевидно, доказать тотъ, кто ходатайствуетъ о сносѣ плотины, т. е. истецъ.

Такимъ образомъ изъ отзывовъ предсѣдателей и присланныхъ ими копій рѣшеній окружныхъ судовъ и уѣздныхъ членовъ суда можно усмотрѣть: 1) что въ окружныхъ судахъ нашихъ центральныхъ черноземныхъ губерній, гдѣ слѣдовало ожидать защиты самыхъ разнообразныхъ правъ владѣнія и пользованія водою, дѣла возникаютъ преимущественно лишь о примычкѣ плотины къ чужому берегу, о подтопѣ луговъ ниже-лежащими мельницами и о правѣ пользованія прогонами и проѣздами къ водѣ; 2) что споры о неправильномъ пользованіи водою, какъ двигательною силою, пре-

имущественно разсматриваются уѣздными членами суда и обыкновенно остаются безъ апелляціи окружнымъ судамъ; 3) что право собственности на рѣки и озера и право пользованія находящеюся въ нихъ водою не почитается самостоятельнымъ правомъ, а разсматривается какъ послѣдствіе права на береговую землю; предметомъ же особаго права, право на воды дѣлается лишь по соглашенію съ береговымъ владѣльцемъ; 4) практика Сената, которою руководствуются окружные суды, установившая, что право участія частнаго не подлежитъ силѣ давности, ведетъ часто къ такимъ послѣдствіямъ: судъ бываетъ вынужденъ присуждать владѣльца издавна существующей и показанной на планѣ генеральнаго межеванія мельницы, затоплявшаго въ теченіе десятковъ лѣтъ луга вверху лежащихъ владѣльцевъ,—спустить воду до того уровня, который признается экспертами необходимымъ для устраненія подтопа этихъ луговъ, лишая тѣмъ самымъ владѣльца мельницы выгодной арендной статьи, и 5) что частые захваты права на берега рѣкъ и озеръ и на ловли въ нихъ рыбы объясняются главнымъ образомъ тѣмъ, что законные владѣльцы мало дорожатъ своими правами и слишкомъ слабо охраняютъ ихъ. Изъ настоящаго перечисленія видно, что иски и споры о владѣніи и пользованіи водою касались исключительно частныхъ или общественныхъ интересовъ, и что *дѣлъ* со стороны администраціи *въ видахъ огражденія интересовъ государственныхъ* даже *не возбуждается.*

Получивъ свѣдѣнія о спорахъ и искахъ о владѣніи и пользованіи водами, экспедиція далѣе пожелала ознакомиться со взглядами мѣстныхъ землевладѣльцевъ и земскихъ органовъ губерній, въ которыхъ ею были произведены изслѣдованія, на *охрану* мѣстныхъ водныхъ богатствъ путемъ изданія особаго воднаго устава.

Съ этою цѣлью экспедиціею былъ разосланъ лѣтомъ 1900 г. вопросникъ въ губернскія и уѣздныя управы, состоящія при земскихъ управахъ экономическія бюро, сельско-хозяйственные совѣты и т. п. учрежденія, на которыя возложено попеченіе о нуждахъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, а также корреспондентамъ отдѣла сельской экономіи и сельско-хозяйственной статистики министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ въ губерніяхъ: Курской, Орловской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской.

Въ настоящее время поступили отвѣты отъ 152 корреспондентовъ и 35 уѣздныхъ земскихъ управъ.

Полученные отвѣты, представляющіе часто обширныя записки,

въ настоящее время обработываются; въ нихъ имѣется много въ высшей степени интересныхъ данныхъ и соображеній, разбору которыхъ будетъ посвящена особая замѣтка.

М. Рейнке.

VI.

ПО ПОВОДУ ЗАМѢТКИ „О ЗАОЧНЫХЪ ПРИГОВОРАХЪ“,

помѣщенной въ жур. мин. юст. 1901 г., № 4.

По основному принципу современнаго процесса, обвиняемому предоставляются всѣ возможныя средства для его защиты, и если онъ, не явившись къ судебному разбирательству, не воспользовался ими, то это значитъ, что онъ или не желалъ, или не могъ этого сдѣлать.

Другой принципъ, тѣсно связанный съ предыдущимъ, заключается въ томъ, что присутствіе на судѣ подсудимаго и даваемыя имъ показанія являются неизбѣжнымъ условіемъ истинности и справедливости судебнаго приговора, за исключеніемъ тѣхъ, однако, случаевъ, когда правильное разрѣшеніе дѣла и въ отсутствіи обвиняемаго является вполнѣ возможнымъ.

Сочетаніемъ обоихъ этихъ принциповъ обусловливается понятіе заочнаго разбирательства и приговора, устанавливаемое современными законодательствами, которыя подъ заочнымъ понимаютъ рѣшеніе, постановленное въ отсутствіи обвиняемаго или его уполномоченнаго, не представившихъ притомъ достаточныхъ доказательствъ невозможности явиться по дѣлу, влекущему наказаніе не свыше мѣры, установленной закономъ [1]).

Съ точки зрѣнія такого понятія заочнаго приговора, предоставленіе обвиняемому особыхъ средствъ обжалованія его (сравнительно съ обжалованіемъ обыкновенныхъ судебныхъ приговоровъ) представляется совершенно необоснованнымъ. Съ одной стороны, потому, что неявка обвиняемаго въ этомъ случаѣ должна быть истолкована въ смыслѣ желанія затруднить судеб-

---

[1]) Ср. §§ 229, 230, 231, 318–327 германскаго Strafprocessordnung 1877; art. 466–470 Code d'instr. crim.; ст. 133–136, 834[1], 834[2] уст. угол. суд.; ст. 821–824 проекта.

ное разбирательство или въ смыслѣ предположенія о томъ, что защита является излишнею, при чемъ, въ виду маловажности дѣлъ и легкости предусмотрѣть ихъ исходъ, ошибка въ этомъ отношеніи едва ли является возможною; съ другой—потому, что, если за заочными приговорами и нельзя признать бо̀льшихъ гарантій справедливости, чѣмъ за обыкновенными судебными рѣшеніями, то, опять-таки, нельзя не признать ихъ вполнѣ достаточными. Справедливость въ данномъ случаѣ гарантируется прежде всего тѣмъ, что этотъ порядокъ производства допускается лишь въ опредѣленныхъ несложныхъ случаяхъ; другою гарантіею здѣсь должна бы быть бо̀льшая свобода суда, въ смыслѣ права не рѣшать дѣла въ отсутствіи обвиняемаго въ случаяхъ, хотя закономъ и указанныхъ, но настолько осложненныхъ тѣми или другими обстоятельствами, что для разъясненія ихъ присутствіе подсудимаго представляется необходимымъ.

Такимъ образомъ, въ содержаніи самого института судебнаго производства in contumaciam нельзя найти достаточно основаній для установленія особаго порядка обжалованія явившихся его результатомъ рѣшеній.

Напротивъ, допущеніе такого особаго порядка въ формѣ вторичнаго разсмотрѣнія дѣла по отзыву на заочное рѣшеніе (Einspruch, opposition) порождаетъ, какъ это нерѣдко указывалось и въ нашей юридической литературѣ, существенныя неудобства, осложняетъ процессъ и значительно замедляетъ его окончаніе [1]). Какъ видно изъ ревизіонныхъ отчетовъ, представленныхъ Высочайше учрежденной коммисіи, вторичное разбирательство дѣла по отзыву подсудимаго служитъ въ большинствѣ случаевъ лишь удовлетвореніемъ его каприза, даетъ ему возможность по произволу тормозить движеніе процесса и нисколько не соотвѣтствуетъ интересамъ дѣла, ибо замедляетъ его, усложняетъ порядокъ производства и отвлекаетъ силы судей на трудъ непроизводительный, состоящій въ повтореніи уже разъ сказаннаго [2]). Въ другихъ ревизіонныхъ отчетахъ констатируется и подтверждается многолѣтнею практикою тотъ фактъ, что подсудимые, желающіе избѣжать наказанія при помощи ложныхъ подставныхъ свидѣтелей, почти всегда выжидаютъ заочнаго приговора, обжалованіе котораго по-

---

[1]) Волжинъ, „Законъ и жизнь“, II, стр. 122 и сл.

[2]) „Объяснительная Записка“ къ проекту нов. ред. уст. угол. суд., т. III, стр. 385.

средствомъ отзыва является излюбленнымъ способомъ защиты у тайныхъ адвокатовъ, не имѣющихъ права выступать съ словесною защитою предъ судомъ [1]).

Несмотря, однако, на то, что дѣленіе приговоровъ на заочные и незаочные представляется, съ точки зрѣнія современнаго процесса, безспорно анахронизмомъ, по выраженію одного изъ нашихъ практиковъ [2]), и что особый порядокъ обжалованія заочныхъ рѣшеній является на практикѣ болѣе чѣмъ нежелательнымъ, тѣмъ не менѣе и дѣйствующій законъ, и проектъ новаго устава уголовнаго судопроизводства, допускаютъ вторичное разбирательство, по ходатайству подсудимаго, дѣла, рѣшеннаго въ заочномъ порядкѣ, и, именно, въ виду соблюденія правила о необязательности явки обвиняемаго въ судъ по маловажнымъ дѣламъ, правила, вызваннаго стремленіемъ устранить стѣсненія, которымъ подвергается лицо, привлекаемое къ отвѣтственности, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда то оказывается возможнымъ безъ явнаго вреда для правосудія [3]).

Такимъ образомъ, предоставляемое обвиняемому особое право требовать вторичнаго разсмотрѣнія дѣла заявленіемъ въ теченіе извѣстнаго срока достаточныхъ основаній для признанія за нимъ рѣшительной невозможности явиться къ судебному засѣданію объясняется тѣмъ исключительнымъ характеромъ, которымъ оно можетъ быть уподоблено праву возстановленія процессуальныхъ сроковъ вообще.

Исходя изъ этой точки зрѣнія и принимая во вниманіе требованіе закона о томъ, что, какъ выражается авторъ замѣтки, „заочный приговоръ представляется такимъ приговоромъ судебнаго мѣста, который при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть отмѣненъ самимъ же судебнымъ мѣстомъ, постановившимъ приговоръ“, нельзя не согласиться со взглядомъ Сената, въ силу котораго, при новомъ разсмотрѣніи дѣла по просьбѣ подсудимаго, прежній заочный приговоръ и все производство становятся какъ-бы несуществующими и не могутъ, поэтому, нисколько стѣснять судью, рѣшающаго дѣло, постановить приговоръ по тѣмъ обстоятельствамъ, которыя обнаружатся при новомъ разбирательствѣ (касс.

---

[1]) Тамъ же, стр. 386.

[2]) Хмѣльницкій, „Вопросы заочн. произв. по уголовнымъ дѣламъ“, Журн. гр. и уг. пр., 1890, кн. 10.

[3]) Ср. ст. 827, 828 проекта; также „Объясн. зап.“, т. III, стр. 387.

рѣш. $^{72}/_{51}$; $^{73}/_{200}$ и др.). Авторъ замѣтки совершенно справедливо находитъ противорѣчіе въ томъ, что, съ одной стороны, заочный приговоръ слѣдуетъ считать несуществующимъ, съ другой—въ случаѣ вторичной неявки подсудимаго приговоръ „возрождается и остается въ первоначальной своей силѣ" (ст. 834[7] уст. угол. суд.).

Но изъ вполнѣ вѣрной посылки въ формѣ принципа—quod ab initio vitiosum est tractu temporis convalescere non potest—авторъ выводитъ лишь неправильный, съ точки зрѣнія существующаго института заочнаго разбирательства, выводъ, требуя, чтобы къ заочному приговору примѣнялись, въ случаѣ вторичнаго разсмотрѣнія дѣла, правила общаго апелляціоннаго порядка пересмотра.

Теоретически и практически неправильнымъ является этотъ выводъ потому, что, при примѣненіи къ вторичному разсмотрѣнію заочнаго приговора правила общаго апелляціоннаго пересмотра, создается положеніе, въ силу котораго дѣло разсматривается во второй инстанціи раньше, чѣмъ оно было разсмотрѣно въ первой, такъ какъ для подсудимаго, которому законъ и предоставляетъ право отзыва и который намѣренъ воспользоваться этимъ правомъ, вторичное разсмотрѣніе дѣла по отзыву и будетъ собственно первою инстанціею. Рѣшеніе послѣдней онъ можетъ подвергнуть пересмотру въ общемъ порядкѣ обжалованія.

Справедливо отмѣчаемое авторомъ замѣтки противорѣчіе легко могло бы быть устранено, если бы законъ потребовалъ отъ суда, вторично разсматривающаго дѣло, не формальнаго оставленія въ силѣ заочнаго приговора, въ случаѣ неявки обвиняемаго, а разрѣшенія дѣла по существу, т. е. констатированія того факта, что убѣжденіе судьи осталось или же не осталось неизмѣннымъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не является вторично въ судъ въ виду отсутствія данныхъ, могущихъ измѣнить убѣжденіе судьи, вторичное разсмотрѣніе дѣла по существу не представитъ никакихъ затрудненій. Если же къ отзыву присоединяются подсудимымъ объясненія, измѣняющія положеніе разсматриваемаго дѣла, то судья, оставляя эти объясненія безъ вниманія и подтверждая лишь протокольнымъ постановленіемъ прежній приговоръ, поставленъ въ прямую необходимость насиловать свою судейскую совѣсть.

Возможное въ этомъ случаѣ возраженіе, заключающееся въ томъ, что двукратнымъ вызовомъ въ судъ потерпѣвшаго и свидѣтелей создаются для этихъ лицъ значительныя неудобства, одинаково направлено и противъ вторичнаго разсмотрѣнія дѣла въ

присутствіи подсудимаго и устраняется правилами о томъ, что вторичный вызовъ спрошенныхъ уже свидѣтелей долженъ быть разсматриваемъ, какъ мѣра желательная или полезная лишь при томъ условіи, если самъ судья, по обстоятельствамъ дѣла, убѣдится въ его необходимости для выясненія истины (ст. 140, 834[6] уст. угол. суд.), что при вторичномъ разбирательствѣ судъ основываетъ свой приговоръ какъ на новыхъ доказательствахъ, такъ и на тѣхъ показаніяхъ, которыя записаны въ протоколъ при заочномъ разбирательствѣ (ст. 141[2], 834[9] уст. угол. суд.), и что, въ случаѣ неявки къ новому разбирательству обвинителя или гражданскаго истца безъ уважительныхъ причинъ, судъ принимаетъ во вниманіе ходатайства и объясненія, предъявленныя ими при заочномъ разсмотрѣніи дѣла (ст. 141[1], 834[8] уст. угол. суд.). Эти постановленія сохранены въ существѣ и въ проектѣ (ст. 829, 830, 832).

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія, что, съ точки зрѣнія теоріи Сената, постановленіе суда, коимъ „свидѣтельствуется лишь то, что, за вторичною неявкою обвиняемаго, постановленный о немъ заочный приговоръ вошелъ въ законную силу“ (касс. рѣш. $^{79}/_{3}$), является лишь судебнымъ опредѣленіемъ, которое, „хотя и можетъ быть обжаловано въ апелляціонномъ порядкѣ, но только въ видахъ повѣрки соблюденія судомъ правилъ, установленныхъ для заочнаго разбирательства“ (касс. рѣш. $^{79}/_{31}$; $^{92}/_{3}$). Получаются, такимъ образомъ, двѣ крупныя несообразности: съ одной стороны, практическая, такъ какъ судебное рѣшеніе, непосредственно влекущее за собою рѣшительныя матеріальныя послѣдствія для обвиняемаго, получаетъ характеръ частнаго опредѣленія въ то время, какъ оно является приговоромъ по существу; съ другой—теоретическая, заключающаяся въ томъ, что, согласно той же теоріи Сената, частнымъ опредѣленіемъ возвращается сила тому приговору, который, съ подачею отзыва, почитается вѣдь несуществующимъ.

Ю. Хейфицъ.

VII.

ОТЧЕТЪ ПО ГЛАВНОМУ ТЮРЕМНОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА 1898 ГОДЪ.

Недавно вышелъ въ свѣтъ отчетъ по Главному Тюремному Управленію за 1898 годъ, представляющій собою сводъ статистическихъ данныхъ о состояніи тюремной части въ Имперіи. Отчетъ состоитъ изъ 10 отдѣловъ: 1) собственно статистическая часть, 2) строительная часть, 3) завѣдываніе тюремными учрежденіями и арестантскія работы, 4) пересылка арестантовъ, 5) смѣтная часть, 6) о несовершеннолѣтнихъ, содержащихся въ тюрьмахъ, 7) о заведеніяхъ исправительнаго воспитанія, 8) С.-Петербургскія мѣста заключенія, 9) санитарное состояніе тюремъ и 10) ссылка и каторга. Впрочемъ, разграниченіе это не проведено строго, такъ какъ свѣдѣнія по одному и тому же вопросу можно встрѣтить въ различныхъ отдѣлахъ отчета.

Въ отчетномъ году всѣхъ мѣстъ заключенія, по которымъ разработаны были статистическія данныя, было 886, въ томъ числѣ 31 арестантское отдѣленіе, 7 каторжныхъ и 8 пересыльныхъ тюремъ. Число это представляетъ собою нѣкоторое увеличеніе, по сравненію съ данными прошлыхъ лѣтъ. Напримѣръ, въ 1894 году всѣхъ тюремъ было 870, несмотря на то, что въ этомъ году среднее ежедневное число арестантовъ было значительно больше, чѣмъ въ 1898 (100.913 человѣкъ въ 1894 и 84.676—въ 1898 г.). Увеличеніе числа тюремъ, вообще, представляетъ собою нежелательное явленіе, такъ какъ влечетъ за собою возрастаніе расходовъ на администрацію и разнообразіе порядковъ и дисциплины въ отдѣльныхъ мѣстахъ заключенія. Поэтому такое увеличеніе числа тюремъ въ Россіи оправдывается лишь для общихъ мѣстъ заключенія, которыя необходимо распредѣлить по обширной территоріи нашего отечества такъ, чтобы избѣжать замедленія и расходовъ по доставкѣ арестантовъ въ мѣста засѣданія суда; но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ стремиться къ сокращенію числа такихъ тюремъ, которыя устроены лишь для отбыванія наказанія осужденными, какъ напр., исправительныя арестантскія отдѣленія и каторжныя тюрьмы. Возможность уменьшенія ихъ количества доказывается распредѣленіемъ содержащихся въ этихъ тюрьмахъ арестантовъ по отдѣльнымъ мѣстамъ заключенія. Такъ, напр., среднее ежедневное количество заключенныхъ въ отдѣльныхъ

исправительныхъ заведеніяхъ колебалось отъ 556 (Херсонское) до 70 (Казанское). Еще неравномѣрнѣе было распредѣленіе каторжныхъ. Изъ 12.000 человѣкъ, отбывавшихъ наказанія, 94% находились въ Восточной Сибири, въ томъ числѣ болѣе 7000 на о. Сахалинѣ, а остальные содержались въ центральныхъ каторжныхъ тюрьмахъ Западной Сибири, при чемъ среднесуточное число заключенныхъ по отдѣльнымъ тюрьмамъ колебалось отъ 1785 (на Нерчинской каторгѣ) до 30 (при Иркутскомъ солеваренномъ заводѣ) и даже до 18 (при Усть-Кутскомъ солеваренномъ заводѣ).

Вообще, распредѣленіе арестантовъ, даже по общимъ тюрьмамъ Имперіи, было крайне неравномѣрно. Число мѣстъ въ общихъ камерахъ во всѣхъ тюрьмахъ Имперіи, кромѣ о. Сахалина, арестныхъ домовъ и полицейскихъ арестантскихъ, было 89.363; сверхъ того, въ этихъ же тюрьмахъ имѣлись 6372 отдѣльныя камеры. Такимъ образомъ, общее число мѣстъ значительно превышало среднее ежедневное количество заключенныхъ въ этихъ тюрьмахъ; между тѣмъ въ отчетѣ попадаются указанія на такія переполненныя тюрьмы, какъ напр., Петропавловская и Красноярская, гдѣ среднесуточное число арестантовъ въ пять, а иногда и въ шесть, разъ превышало значащееся въ этихъ тюрьмахъ количество мѣстъ.

Какъ видно изъ имѣющихся въ различныхъ отдѣлахъ отчета свѣдѣній, значительная часть общаго количества всѣхъ тюремъ не удовлетворяетъ еще современнымъ требованіямъ и не приспособлена къ тѣмъ условіямъ, которыя указаны закономъ 11 декабря 1879 года. Такъ, напримѣръ, больше 25% всѣхъ тюремъ совершенно не имѣли одиночныхъ камеръ; изъ 628 мѣстъ заключенія, въ которыхъ содержались несовершеннолѣтніе, въ 243 для нихъ не было особыхъ помѣщеній, и они содержались вмѣстѣ съ взрослыми; изъ 718 тюремъ лишь при 477 имѣлись больницы, при 10 находились особыя камеры для больныхъ, еще не приспособленныя для устройства больницъ; арестанты же, заболѣвшіе въ остальныхъ тюрьмахъ, пользовались леченіемъ въ больницахъ земскихъ, городскихъ, военныхъ, заводскихъ и друг. Заболѣваемость (наиболѣе распространенныя болѣзни—тифъ и цынга) для заключенныхъ всѣхъ категорій доходила до 6,1%, смертность—до 3 человѣкъ на тысячу (для арестантовъ—мужчинъ).

Къ 1 января 1898 года состояло во всѣхъ тюрьмахъ 83.200 арестантовъ, въ теченіе года прибыло 643.000 человѣкъ, выбыло 636.530 чел., и къ 1 января 1899 г. оставалось 89.670 человѣкъ

(81.287 мужчинъ и 8383 женщины). Цифры эти указываютъ на быструю смѣну тюремнаго населенія и свидѣтельствуютъ о томъ, что преобладающимъ видомъ заключенія было краткосрочное лишеніе свободы, т. е. именно такое, которое, къ сожалѣнію, наименѣе удовлетворяетъ какъ исправительнымъ, такъ и карательнымъ цѣлямъ наказанія.

При разсмотрѣніи отдѣльныхъ категорій арестантовъ обращаетъ на себя вниманіе высокій процентъ заключенныхъ, состоящихъ подъ судомъ и слѣдствіемъ (23.342 человѣка въ день), въ среднемъ больше 26% среднесуточнаго числа всѣхъ заключенныхъ. Такое громадное число лицъ, содержащихся подъ стражей въ ожиданіи суда, виновность которыхъ еще не установлена и которымъ, даже въ случаѣ ихъ обвиненія, проведенное въ заключеніи время не принимается въ зачетъ опредѣляемаго наказанія,—служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ какъ медленности производства нашего предварительнаго слѣдствія, такъ и чрезмѣрнаго пристрастія судебныхъ слѣдователей, въ видѣ мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ суда и слѣдствія, избирать заключеніе подъ стражу, на что̀ уже обращено вниманіе въ извѣстномъ циркулярѣ г. Министра Юстиціи отъ 15 декабря прошлаго года [1]). Къ сожалѣнію, изъ сопоставленія цифръ, приводимыхъ въ отчетѣ, нельзя вывести, сколько времени, въ среднемъ, приходилось каждому подслѣдственному арестанту дожидаться въ тѣсныхъ стѣнахъ тюрьмы, пока его дѣло будетъ разсмотрѣно судомъ. Указано лишь, что въ теченіе года прибыло такихъ арестантовъ около 100.000 человѣкъ.

Переходимъ къ разсмотрѣнію данныхъ объ арестантскомъ трудѣ. Общая сумма дохода, полученнаго отъ работъ арестантовъ, какъ валоваго, такъ и чистаго, достигла въ 1898 году наивысшаго за послѣднее десятилѣтіе размѣра, а именно 1.237.000 руб. (валовой доходъ) и 1.112.000 р. (чистый доходъ), увеличившись, въ сравненіи съ 1897 г., на 110.000 р. (валовой) и на 124.000 р. (чистый), при чемъ въ эту сумму не вошли еще, за недоставленіемъ, свѣдѣнія о ходѣ арестантскихъ работъ въ 10 мѣстностяхъ. Изъ общей суммы чистаго дохода 412.000 р. выдано въ вознагражденіе арестантамъ (согласно 359 и 361 ст. уст. о сод. подъ стр.), 333.000 р. внесено въ доходъ казны и 367.000 р. перечислено въ доходъ мѣстъ заключенія.

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. Январь 1901 г., стр. 65.

Нельзя не порадоваться такимъ успѣхамъ развитія арестантскаго труда, поднятію его доходности и увеличенію чистаго дохода на счетъ валоваго. Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, кромѣ доходности арестантскаго труда,—его экономической стороны,—еще его огромное дисциплинарное значеніе. Поэтому, на ряду съ увеличеніемъ доходности арестантскаго труда, слѣдуетъ заботиться о его возможно болѣе широкомъ распространеніи, и въ этомъ отношеніи остается впереди еще очень многое. Путемъ нѣкоторыхъ вычисленій [1]) можно вывести, что для каждаго здороваго и обязаннаго работать арестанта приходится всего 160 рабочихъ дней въ году. Но для большинства арестантовъ число это оказывается еще меньшимъ, такъ какъ заключенные въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ работали гораздо больше выведенной только что средней нормы.

Равнымъ образомъ, изъ приводимыхъ въ отчетѣ данныхъ о трудѣ несовершеннолѣтнихъ видно, что лишь въ 68 тюрьмахъ были введены для несовершеннолѣтнихъ занятія хозяйственно-домашними работами и обученіе ремесламъ, и что изъ общаго числа 6200 заключенныхъ этой категоріи лишь меньше 1000 человѣкъ были заняты, остальные же оставались въ праздности.

Рядомъ съ этимъ обращаютъ на себя вниманіе и данныя о продуктивности арестантскаго труда. Раздѣливъ сумму полученнаго отъ арестантскихъ работъ валоваго дохода (1.237.000 р.) на число сутокъ, проведенныхъ арестантами въ работѣ (7.900.000), мы найдемъ, что средній арестантскій заработокъ въ день составлялъ менѣе 16 копѣекъ. Эта цифра для тюремъ общаго устройства окажется еще меньшей, если принять во вниманіе, что средній ежедневный заработокъ арестанта въ исправительныхъ отдѣ-

---

[1]) Въ отчетѣ указано количество сутокъ (7.900.000), проведенныхъ въ работѣ арестантами всѣхъ категорій. Между тѣмъ общее число сутокъ, проведенное всѣми арестантами въ тюрьмахъ въ теченіе 1898 года, при среднесуточномъ количествѣ въ 84.676 человѣкъ, равно 30.906.740 (84676×365), т. е. почти въ четыре раза больше общаго количества рабочихъ дней. Если даже изъ этой, поражающей по своей колоссальности, цифры вычесть общее количество дней, проведенныхъ въ тюрьмахъ подслѣдственными арестантами, на которыхъ, согласно Высочайше утвержденному 6 января 1886 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, не распространяется обязательность работъ (21.886×365, всего около 10 милліоновъ дней), и количество дней, проведенныхъ арестантами больными и несовершеннолѣтними (около трехъ милліоновъ дней), то окажется, что изъ 18 милліоновъ дней, вообще проведенныхъ въ тюрьмѣ, рабочихъ дней придется всего 8 милліоновъ, т. е. въ общемъ 160 рабочихъ дней въ годъ.

леніяхъ доходилъ до 27 коп. (хотя и здѣсь встрѣчаются такія отдѣленія, гдѣ заработокъ былъ очень низокъ, напр., въ Псковскомъ арестантскомъ отдѣленіи онъ составлялъ всего 9,6 коп.). Въ 21 мѣстности замѣчено въ 1898 году уменьшеніе общей суммы арестантскаго заработка. При этомъ интересно отмѣтить, что изъ спеціальнаго фонда на развитіе тюремныхъ работъ, достигавшаго въ 1898 году до 425.000 р., на устройство мастерскихъ при тюрьмахъ и исправительныхъ отдѣленіяхъ израсходовано всего лишь 46.000 р. Эту сумму нельзя не признать недостаточною, во-первыхъ, потому, что расходы на устройство тюремныхъ мастерскихъ весьма производительны въ томъ смыслѣ, что рано или поздно окупаются доходами отъ арестантскихъ работъ, и, во-вторыхъ, потому, что экономическая сторона дѣла въ этомъ случаѣ, какъ было уже сказано выше, должна стоять на второмъ планѣ.

При общемъ бюджетѣ Главнаго Тюремнаго Управленія въ 1898 г. въ 13.230.000 р. необходима была самая строгая экономія. Такъ, напр., для сокращенія расходовъ на заготовленіе арестантской одежды и обуви Главное Управленіе вошло въ непосредственныя сношенія съ фабрикантами сукна и кожевенныхъ товаровъ, минуя посредниковъ, благодаря чему общая сумма произведенныхъ на эту надобность расходовъ сократилась на $^1/_6$. Нѣкоторые арестанты, особенно пересыльные, снабжались старою, бывшею въ носкѣ, но еще годною, одеждой.

На строительныя надобности Тюремнаго Управленія было ассигновано въ отчетномъ году 1.155.000 р. На эти деньги были закончены постройкою 4 тюрьмы, изъ которыхъ самою большою является Самарская, стоившая 625.000 р. По 31 тюрьмѣ производились капитальный ремонтъ и перестройка.

Недостатокъ денежныхъ средствъ сильно стѣснялъ дѣятельность и другихъ учрежденій, состоящихъ въ вѣдѣніи Главнаго Тюремнаго Управленія, напр. заведеній исправительнаго воспитанія для несовершеннолѣтнихъ. На 1 января 1898 г. такихъ заведеній было всего 31, а въ теченіе года открылось еще 5. Несмотря на доходы отъ членскихъ взносовъ, пожертвованій, пособій, процентовъ съ капиталовъ, работъ въ мастерскихъ и въ полѣ, учрежденія эти страдали отъ недостатка средствъ. Такъ, напр., по всѣмъ учрежденіямъ вообще оказалось возможнымъ израсходовать на школы всего 6.000 р., на пособія выходящимъ и вышедшимъ питомцамъ—3.200 р. Наиболѣе богатыми являются Рукавишниковскій пріютъ и С.-Петербургская колонія, по своимъ бюд-

жетамъ (56.000 и 50.000 р.), далеко превосходящіе всѣ остальныя заведенія. Во всѣхъ учрежденіяхъ этой категоріи содержалось 1327 воспитанниковъ, при чемъ наибольшее количество послѣднихъ приходилось на возрастъ отъ 15 до 16 лѣтъ. 88% изъ нихъ были осуждены за кражу, число остальныхъ преступленій незначительно. Изъ проступковъ, совершенныхъ воспитанниками въ заведеніяхъ въ отчетномъ году и заключавшихся по большей части въ мелкихъ нарушеніяхъ дисциплины, интересно отмѣтить больше 100 случаевъ побѣговъ и покушеній на таковые. Наиболѣе распространенными среди воспитанниковъ занятіями были сельскохозяйственныя работы, сапожное, столярное и кузнечное мастерства. Изъ 245 выбывшихъ воспитанниковъ 168 выпущены за окончаніемъ срока или достиженіемъ 18 лѣтъ, 24 досрочно освобождены, 16 бѣжали, 8 умерли. Большинство пробыло въ заведеніяхъ отъ 2 до 5 лѣтъ. Большая часть выпущенныхъ была отправлена на родину или передана родителямъ, многіе поступили въ мастерскія и лишь четверо изъ 163 были осуждены вновь.

Постоянное бюро съѣздовъ представителей русскихъ исправительно-воспитательныхъ заведеній занималось по порученію IV съѣзда, путемъ сношеній съ учредительными обществами и основанными ими заведеніями исправительнаго воспитанія, предварительною разработкою слѣдующихъ вопросовъ: 1) объ устройствѣ артельныхъ и иныхъ мастерскихъ для выпущенныхъ воспитанниковъ; 2) о продленіи срока содержанія несовершеннолѣтнихъ въ заведеніяхъ исправительнаго воспитанія до 21 года и 3) объ испытаніи новичковъ.

Кромѣ заведеній исправительно-воспитательныхъ, въ вѣдѣніи Главнаго Тюремнаго Управленія состояло 29 учрежденій для призрѣнія семействъ арестантовъ.

Всѣ эти пріюты располагали крайне ограниченными средствами, и поэтому дѣятельность ихъ могла проявляться лишь въ весьма скромныхъ размѣрахъ. Въ вѣдѣніи же Главнаго Управленія въ 1898 году состояло всего 6 обществъ попеченія о выбывающихъ изъ мѣстъ заключенія (въ Кишиневѣ, Москвѣ, Одессѣ, Перми, С.-Петербургѣ и Ярославлѣ), при чемъ данныхъ о дѣятельности ихъ въ отчетѣ не приведено.

Послѣдній раздѣлъ отчета касается ссылки и каторги. Въ 1898 году, въ виду открытія пассажирскаго движенія по Сибирской желѣзной дорогѣ, главный ссыльный трактъ былъ перенесенъ на рельсовый путь отъ Москвы черезъ Челябинскъ, минуя гор.

Тюмень, такъ что доставленіе арестантовъ въ этотъ городъ, для распредѣленія ихъ по Сибири, представлялось отяготительнымъ для ссылаемыхъ и влекущимъ излишніе расходы для казны. Поэтому Высочайше утвержденнымъ 12 іюня 1898 года положеніемъ Комитета Министровъ установлено, что ссылаемые въ Сибирь слѣдуютъ въ мѣста ссылки по желѣзной дорогѣ, минуя Тюмень, и распредѣляются тюменскимъ приказомъ о ссыльныхъ на основаніи статейныхъ списковъ о нихъ и актовъ освидѣтельствованія, доставляемыхъ приказу губернскими правленіями, на обязанности которыхъ лежитъ отправленіе ссыльныхъ. Въ 1898 году число ссыльныхъ, направленныхъ въ Сибирь изъ Европейской Россіи сухимъ путемъ, было около 8,000 человѣкъ, изъ которыхъ половину составляли переданные въ распоряженіе правительства за непринятіемъ обществами послѣ суда и наказанія, а также по приговорамъ обществъ за порочное поведеніе. Кромѣ того пароходами добровольнаго флота были доставлены на о. Сахалинъ двѣ партіи ссыльно-каторжныхъ въ 1,500 человѣкъ. Каторжные и ссыльно-поселенцы работали по постройкѣ Сибирской желѣзной дороги (въ Забайкальской области и Иркутской губерніи) и по сооруженію колесно-грунтовой дороги отъ города Хабаровска до ст. Михайло-Семеновской въ Амурской области. Производительность труда ссыльныхъ была крайне невелика, работы производились по-урочно, при чемъ обязательный дневной урокъ земляныхъ работъ былъ, напримѣръ въ Иркутской губерніи, 0,3 куб. саж., за который уплачивалось арестантамъ по 5 копѣекъ; за сверхъурочныя же работы арестанты всѣхъ разрядовъ разсчитывались какъ вольные; поведеніе арестантовъ въ общемъ было одобрительное, хотя случаи побѣговъ встрѣчались довольно часто.

Особенно интересными являются данныя, извлеченныя изъ отчета военнаго губернатора о. Сахалина. Все населеніе острова раздѣляется на коренное (Гиляки, Айно, Орочоны и друг. инородцы, въ количествѣ, по даннымъ переписи, впервые произведенной въ 1897 году, 3,415 человѣкъ), и пришлое—въ количествѣ 33,000 человѣкъ. При разсмотрѣніи состава этого послѣдняго населенія рѣзко бросается въ глаза несоотвѣтствіе между количествомъ свободнаго населенія на островѣ и ссыльнаго; дѣйствительно, изъ общаго числа 33,000 чел. около 23,000 составляли ссыльные и около 7,000—ихъ жены и дѣти, такъ что на долю прочаго свободнаго населенія приходилось не болѣе 3,000 человѣкъ. Само собою разумѣется, что послѣдствіемъ такого неравно-

мѣрнаго распредѣленія отдѣльныхъ категорій населенія является полная и постоянная неувѣренность свободнаго населенія въ своей безопасности. Естественный приростъ населенія выразился отрицательною величиною, такъ какъ число родившихся было меньше числа умершихъ на 17 человѣкъ (507 и 524). Объясняется это, не говоря уже о ничтожномъ количествѣ семействъ, общимъ недородомъ по всему острову. Наибольшій процентъ смертности среди ссыльнаго населенія падаетъ на каторжныхъ, что̀ объясняется какъ бо̀льшею тяжестью условій ихъ жизни, такъ и антигигіеничнымъ состояніемъ почти всѣхъ 7 тюремъ острова. Еще уродливѣе, чѣмъ распредѣленіе по состоянію, является распредѣленіе населенія острова по полу. Отношеніе всего взрослаго мужскаго населенія острова къ женскому выражается пропорціею 22,945: 4,231; женщинъ, слѣдовательно, 15,7%. Значительное преобладаніе числа мужчинъ надъ числомъ женщинъ имѣетъ существенное вліяніе на ничтожное число браковъ и на громадное число незаконныхъ сожительствъ, въ которыхъ состоятъ 46,92% всего числа ссыльныхъ женщинъ. Всѣ каторжные (6,293 человѣка) не могли быть помѣщены въ тюрьмахъ острова за недостаткомъ помѣщеній, и значительная часть ихъ, не говоря уже о тѣхъ, которые были признаны малосильными и неспособными къ работѣ, была выпущена на жительство внѣ тюрьмы.

Каторжные занимались работами горными, заготовочными, строительными, дорожными, ремесленными и хозяйственными. Наиболѣе значительными были горныя работы по добычѣ каменнаго угля, котораго на островѣ въ 1898 году было добыто всего на полмилліона пудовъ больше, чѣмъ въ предыдущемъ, главнымъ образомъ благодаря дѣятельности Высочайше утвержденнаго общества „Сахалинъ". Трудомъ ссыльно-каторжныхъ разрабатываются три рудника; кромѣ того ежедневно болѣе 200 каторжныхъ доставлялось по контракту для производства работъ въ каменноугольныхъ копяхъ, арендуемыхъ обществомъ „Сахалинъ". Очень важное значеніе имѣютъ работы по проведенію магистральной линіи дороги изъ п. Александровскаго въ п. Корсаковскій. Къ сожалѣнію, работы эти идутъ очень медленно какъ по трудности, такъ и по недостатку средствъ; всего проведено дороги вновь около трехъ верстъ. Церковное, школьное и санитарное дѣла поставлены на островѣ крайне неудовлетворительно, главнымъ образомъ, опять-таки за недостаткомъ средствъ; такъ, напримѣръ, всѣхъ школъ 26, и въ нихъ обучается лишь четвертая часть всѣхъ дѣтей

школьнаго возраста; только въ пяти школахъ острова учителями были лица полноправныя, а въ остальныхъ—ссыльные. Помѣщеніе школъ и школьная обстановка весьма неудовлетворительны. Результаты полеводства оказались весьма неудачными и худшими какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи, по сравненію съ 1897 годомъ. Ни въ одномъ округѣ собраннаго урожая не было достаточно для пропитанія сельскаго населенія его, поэтому весьма значительная часть поселенцевъ, напримѣръ, по Александровскому округу почти 7/8 всего числа, вовсе не обзавелась собственнымъ хозяйствомъ, да и изъ тѣхъ, которые приступили къ устройству своихъ хозяйствъ, многіе не могутъ прокормить своихъ семействъ земледѣльческимъ трудомъ и принуждены искать какой-нибудь работы на сторонѣ. Такими работами являются, главнымъ образомъ, погрузка въ періодъ навигаціи на пароходы каменнаго угля и рыбные промыслы.

Изъ преступленій ссыльныхъ наибольшій процентъ падаетъ, какъ и въ предшествующіе годы, на побѣги. Въ отчетномъ году бѣжало 449 человѣкъ, изъ коихъ къ 1 января 1899 года не поймано 195. Изъ остальныхъ преступленій наиболѣе значительны преступленія противъ имущества (119 случаевъ), убійства и покушенія на нихъ (72 случая).

А. Люблинскій.

VIII.

ИЗЪ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВЪ.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

Въ засѣданіи гражданскаго отдѣленія юридическаго общества 23 марта, А. А. Башмаковымъ сдѣлано было обширное сообщеніе „Долговая отвѣтственность наслѣдника“. Докладчикъ высказался категорически противъ весьма распространеннаго мнѣнія о томъ, что начало универсальнаго преемства неизбѣжно влечетъ за собою неограниченную отвѣтственность преемника за долги наслѣдодателя „ultra vires hereditatis“. Это мнѣніе должно быть признано не чѣмъ инымъ, какъ теоретическимъ предразсудкомъ; возникновеніе его слѣдуетъ искать въ обратномъ построеніи слѣдующей, несомнѣнно вѣрной, мысли: безъ универсальнаго преем-

ства (т. е. при преемствѣ сингулярномъ) не можетъ быть неограниченной отвѣтственности. Наоборотъ, при универсальномъ преемствѣ неограниченной долговой отвѣтственности можетъ и не быть. На такомъ фундаментѣ предлагается вывести и будущій русскій законъ о долговой отвѣтственности наслѣдника. Долги между двумя долевыми наслѣдниками, изъ коихъ одинъ имѣетъ собственность, а другой—пользовладѣніе, должна распредѣляться по началу: „собственникъ платитъ капиталомъ, а пользовладѣлецъ доходами“ (*Спб. Вѣд.*).

---

26 марта состоялось, подъ предсѣдательствомъ сенатора С. Ф. Платонова, общее собраніе юридическаго общества, посвященное отчету ревизіонной коммисіи, и засѣданіе уголовнаго отдѣленія, на которомъ выслушанъ былъ докладъ Б. В. Никольскаго „О третейскомъ судѣ и дѣлахъ чести“. Отмѣтивъ въ началѣ доклада живо сознаваемую въ настоящее время потребность въ третейскомъ судѣ, какъ стоящемъ на почвѣ чести, человѣческаго достоинства и совершенно исключающемъ принужденіе, докладчикъ перешелъ къ выясненію причинъ малой распространенности третейскаго суда и тѣхъ принциповъ, которые должны быть положены въ организацію послѣдняго. Малая распространенность третейскаго суда основана на томъ, что у насъ не сохранилась въ должной чистотѣ самая идея подобнаго суда. Его замѣняютъ обыкновенно суррогаты третейскаго суда, каковыми, напр., являются суды антиципированные, суды товарищескіе. Настоящій третейскій судъ долженъ удовлетворять слѣдующимъ тремъ условіямъ: 1) Онъ долженъ быть судомъ не антиципированнымъ, а непремѣнно судомъ ad hoc. Судъ антиципированный, т. е. заранѣе опредѣленный, заключаетъ въ себѣ неизбѣжно 2 элемента—случайности и принужденія. Судъ ad hoc будетъ судомъ свободнымъ. 2) Каждой сторонѣ должно быть предоставлено право избрать 1—2 лица, въ качествѣ посредниковъ, ни въ какомъ случаѣ не отводимыхъ противною стороною. Иначе будетъ нарушено главное основаніе суда—довѣріе къ нему сторонъ. 3) Предсѣдатель суда, superarbiter, избирается посредниками изъ лицъ постороннихъ; сторонамъ принадлежитъ право отвода предсѣдателя, мотивированное или не мотивированное. Отказъ отъ подобнаго суда, предложеннаго ad hoc, долженъ создать презумпцію неправоты отказавшагося, равно какъ и несогласіе на третейскій судъ внѣ

антиципированнаго круга посредниковъ (напр., подъ предлогомъ согласія на товарищескій судъ). Для удовлетворенія же стороны, вызывавшей на судъ противника, должно служить оглашеніе отказа послѣдняго отъ третейскаго суда, но лишь до того времени, пока вызовъ остается непринятымъ. Непринесеніе извиненія или несовершеніе соотвѣтствующихъ извиненію дѣйствій стороною, которой неправота признана третейскимъ судомъ, равносильно неподчиненію третейскому рѣшенію. Перейдя затѣмъ къ важному вопросу о значеніи рѣшеній третейскаго суда, не согласныхъ съ абсолютною нормою, докладчикъ нашелъ, что подобное разногласіе само по себѣ не должно дѣлать такого рѣшенія ничтожнымъ. Послѣ нѣкотораго обмѣна мнѣній, въ которомъ приняли участіе А. В. Васильевъ, М. М. Боровитиновъ и нѣкоторые др. члены отдѣла, рѣшено было, въ виду важности вопроса, приступить къ детальному его обсужденію по напечатаніи доклада Б. В. Никольскаго въ журналѣ общества (*Спб. Вѣд.*).

10-го апрѣля въ засѣданіи административнаго отдѣленія были произведены выборы предсѣдателя отдѣленія, его товарища и членовъ редакціоннаго комитета. Избраны: единогласно К. К. Арсеньевъ и большинствомъ голосовъ М. И. Свѣшниковъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, В. М. Гессенъ и Н. И. Лазаревскій. Н. И. Лазаревскій сдѣлалъ докладъ: „Отвѣтственность должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства за вредъ, причиненный ихъ неправильными дѣйствіями". У насъ существуютъ два рода отвѣтственности чиновниковъ—отвѣтственность ихъ личная и отвѣтственность за нихъ казны; надо различать преступныя дѣйствія чиновника отъ неправильныхъ, но непреступныхъ, влекущихъ за собою гражданскій искъ. Предметомъ доклада явилось именно послѣднее положеніе. По мнѣнію докладчика, ст. 684 зак. гражд. не имѣетъ въ виду должностныхъ лицъ; первоначально законъ и не давалъ ей такого смысла, но съ теченіемъ времени практика стала распространять ея дѣйствія не только на частныхъ лицъ, но и на чиновниковъ. Новый проектъ нашего уложенія стоитъ на точкѣ зрѣнія необходимости одинаковой отвѣтственности какъ частныхъ лицъ, такъ и чиновниковъ: по мнѣнію докладчика, такого сближенія быть не должно; ни коимъ образомъ нельзя распространять на отвѣтственность должностныхъ лицъ за вредъ, причиненный ихъ неправильными дѣйствіями, общія усло-

вія отвѣтственности за недозволенныя дѣйствія. Проектъ ссылается въ этомъ случаѣ на Францію и Пруссію, но ни въ той, ни въ другой въ дѣйствительности отвѣтственности должностныхъ лицъ за omnis culpa не существуетъ. Весьма необходимо и для суда, закона, обывателей и частныхъ лицъ точное установленіе условій отвѣтственности чиновника его имуществомъ; чиновникъ, конечно, долженъ отвѣчать за неправильное и невнимательное отношеніе, онъ долженъ отвѣчать за убытки, но нельзя не замѣтить, что для его отвѣтственности должны быть льготныя условія, ибо существуютъ дѣла, прямо предполагающія ошибки, въ виду чего установлены обжалованія. Администрація, несмотря на ст. 65 осн. зак., при примѣненіи законовъ должна толковать ихъ. На лицъ административнаго вѣдомства, причинившихъ вредъ дѣйствіями, основанными на невѣрномъ толкованіи закона, слѣдуетъ распространять правила объ отвѣтственности судей. Далѣе, референтъ считаетъ необходимымъ признать цѣлесообразность жалобы начальству на чиновное лицо, ибо часто для пострадавшаго самымъ простымъ, мирнымъ и выгоднымъ средствомъ является немедленная отмѣна неправильнаго распоряженія; обращеніе къ начальству не мѣшаетъ предъявленію гражданскаго иска. Новый проектъ вовсе обходитъ административное обжалованіе. Увеличеніе проектомъ срока давности съ 3 и 6 мѣсяцевъ до 1 года можетъ явиться и излишнимъ, и нецѣлесообразнымъ. Давность для исковъ къ должностнымъ лицамъ объ убыткахъ должна течь съ того момента, какъ наступили отыскиваемые вредъ и убытки. Давность эта должна прерываться подачею истцомъ административной жалобы. Искъ объ убыткахъ долженъ быть предъявляемъ должностному лицу, а не учрежденію, между тѣмъ ст. 1000 новаго проекта по своему грамматическому смыслу даетъ возможность предъявленія иска и присутственному мѣсту. По проекту по дѣламъ объ убыткахъ, искомыхъ съ должностныхъ лицъ, устанавливается возможность принесенія только апелляціонныхъ жалобъ, между тѣмъ это необходимо сдѣлать и для кассаціонныхъ. Докладъ вызвалъ много возраженій, особенно положеніе о неотвѣтственности чиновника при неправильномъ толкованіи имъ закона (*Новое Время*).

Засѣданіе уголовнаго отдѣленія юридическаго общества, происходившее 14 апрѣля, подъ предсѣдательствомъ сенатора С. Ф. Платонова, посвящено было обсужденію вопроса о судахъ чести

по докладу Б. В. Никольскаго, заслушанному на предыдущемъ засѣданіи отдѣленія. Главнѣйшими положеніями доклада являются слѣдующіе тезисы: 1) антиципированное соглашеніе, какъ таковое, противорѣчитъ идеѣ третейскаго суда; 2) понятіе третейскаго и товарищескаго суда отнюдь не тождественно; 3) отказъ отъ третейскаго суда, предложеннаго ad hoc, создаетъ презумпцію неправоты; 4) несогласіе на третейскій судъ подъ предлогомъ согласія на судъ не третейскій или дуэль должно быть приравнено къ отказу отъ третейскаго суда; 5) оглашеніе отказа отъ третейскаго суда должно считаться достаточнымъ удовлетвореніемъ вызвавшему, пока вызовъ останется непринятымъ; 6) разногласіе съ абсолютною нормою само по себѣ еще не дѣлаетъ ничтожнымъ третейское рѣшеніе.—Обсуждали докладъ Г. Б. Сліозбергъ, М. М. Боровитиновъ, С. Ф. Платоновъ, Н. И. Цухановъ и нѣк. др. Г. Б. Сліозбергъ указалъ на главную заслугу докладчика—точное опредѣленіе суда чести, рѣзко отдѣленнаго отъ суда дисциплинарнаго, какимъ является судъ антиципированный. При этомъ имъ было найдено, что докладчикъ недостаточно ярко оттѣнилъ различіе суда третейскаго отъ суда чести. М. М. Боровитиновъ, попутно съ возраженіями докладчику, сдѣлалъ предложеніе о внесеніи въ положеніе нѣкоторыхъ измѣненій. Такъ, имъ предложено, для приданія дѣйствительной силы рѣшенію третейскаго суда, обязывать стороны честнымъ словомъ о подчиненіи рѣшенію. Тогда неисполненіе рѣшенія можетъ быть разсматриваемо, какъ нарушеніе честнаго слова. Наконецъ, въ условіе третейскаго суда необходимо ввести обоюдное соглашеніе, добровольное подчиненіе. Отказъ же отъ суда не можетъ и не долженъ создавать презумпцію неправоты. С. Ф. Платоновъ отмѣтилъ, что самый важный вопросъ въ третейскомъ судѣ—составъ судей. Отводъ предсѣдателя сторонами долженъ быть допускаемъ лишь мотивированіемъ и по извѣстнымъ основаніямъ. Также не трудно создать уклоненіе отъ суда и путемъ постояннаго отвода предсѣдателя. Въ общемъ, собраніе вполнѣ согласилось съ основною идеею докладчика, высказавшись лишь за желательность редакціонной переработки нѣкоторыхъ тезисовъ (*Спб. Вѣд.*).

Кавказское Юридическое Общество.

17-го марта въ помѣщеніи Тифлисскаго окружнаго суда состоялось засѣданіе членовъ Кавказскаго юридическаго общества, въ которомъ прочитанъ рефератъ С. М. Арцруни: „Возстановленіе чести и правъ по дѣйствующему русскому законодательству". Основныя положенія реферата слѣдующія: 1) Оклеветаніе умершаго составляетъ преступленіе и даетъ право лицамъ, считающимъ себя потерпѣвшими, возбудить преслѣдованіе противъ клеветника. 2) Если будетъ признано, что такого преступленія наши законы не предусмотрѣли, то желательно, чтобъ этотъ пробѣлъ былъ восполненъ. 3) Ходатайство о возстановленіи правъ и чести невинно-осужденнаго предоставляется правительственнымъ и судебнымъ установленіямъ, родственникамъ умершаго, безъ различія степени линіи родства, а также и наслѣдникамъ и легатаріямъ по завѣщанію. 4) Такое ходатайство мыслимо лишь при доказанной судебной ошибкѣ. 5) Судебная ошибка существуетъ при наличности двухъ судебныхъ приговоровъ, постановленныхъ компетентными судами, объ одномъ и томъ же преступленіи, въ которыхъ обвинены два и болѣе лица, и притомъ—въ такомъ, совершеніе котораго однимъ изъ нихъ доказываетъ невозможность совершенія его другимъ. 6) Ходатайство по 26 ст. уст. угол. суд. должно быть возбуждено и разсмотрѣно на условіяхъ общихъ порядковъ, установленныхъ въ нашемъ уголовномъ процессѣ для пересмотра и возобновленія уголовныхъ дѣлъ. 7) Не примѣняя къ праву ходатайства о возстановленіи чести и правъ невинно-осужденнаго законовъ уголовной и гражданской давности, слѣдуетъ признать, что оно утрачивается, если ходатайство не заявлено въ срокъ, установленный 865 ст. уст. угол. суд. со дня установленія судебной ошибки. 8) Потерпѣвшимъ отъ судебной ошибки принадлежитъ право на гражданскій искъ къ государству. 9) Просьба по 26 ст. подается въ Сенатъ, если дѣло будетъ подсудно общимъ судамъ, и—въ порядкѣ мировой юстиціи, если оно было подсудно мировымъ судебнымъ установленіямъ.

Положенія референта, относящіяся къ первой части его реферата, возраженій почти не вызвали. Референту было лишь указано, что всѣ возбужденные имъ частные процессуальные вопросы института реабилитаціи, установленнаго статьею 26-ою устава уголовнаго судопроизводства, свободно и удобно разрѣшаются при

аналогическомъ примѣненіи изъ того же устава законовъ, относящихся до возобновленія уголовныхъ дѣлъ. Съ референтомъ, не смотря на возраженія М. О. Грузенберга, общество, большинствомъ голосовъ, согласилось только въ отношеніи восьмаго тезиса, а именно, что потерпѣвшимъ отъ судебной ошибки желательно предоставить право отыскивать вознагражденіе за эту ошибку, независимо отъ иска о происшедшихъ отъ этого другихъ имущественныхъ убыткахъ.

Болѣе оживленныя пренія вызвалъ вопросъ,—желательно ли, или нежелательно введеніе въ законы карательныхъ постановленій по поводу клеветы на умершихъ частныхъ лицъ, по жалобамъ, конечно, ихъ наслѣдниковъ и правопреемниковъ? Мысль эту находили симпатичной г.г. Долухановъ, Ефимовъ, Юзвинскій и Гзеліевъ; аргументировали же противъ предложенія референта г.г. Савицкій, Хавскій и Грузенбергъ, признавая интересъ огражденія доброй памяти умершихъ наслѣдіемъ ихъ потомковъ не юридическимъ, а этическимъ. На послѣднія возраженія горячо отвѣчалъ г. Арцруни, повторяя выводы реферата о солидарности семейной чести и утверждая, что отсутствіе въ нашемъ законѣ правилъ о преслѣдованіи за клевету на умершихъ дѣлаетъ его отсталымъ и напоминаетъ не Европу, а Персію. При баллотировкѣ вопроса, значительное большинство съ референтомъ согласилось (*Кавказъ*).

Харьковское Юридическое Общество.

Засѣданіе 17-го марта было посвящено докладу присяжнаго стряпчаго при Московскомъ коммерческомъ судѣ А. М. Краевскаго „Практическія замѣтки о функціяхъ судебной палаты въ гражданскомъ судопроизводствѣ“.

Сущность доклада сводится къ слѣдующему: Государственный Совѣтъ, устанавливая при изданіи Судебныхъ Уставовъ двѣ инстанціи для разрѣшенія дѣлъ по существу—окружные суды и судебныя палаты, имѣлъ въ виду, что достаточно одной контролирующей инстанціи въ видѣ палаты. Въ дѣйствительности, ихъ оказалось больше: дѣла судебныхъ палатъ контролируются Правительствующимъ Сенатомъ, который, отмѣняя рѣшеніе одной палаты, передаетъ дѣло въ другую; рѣшеніе этой послѣдней также можетъ быть отмѣнено, и дѣло передано въ третью и т. д. Слож-

ныя дѣла въ настоящее время проходятъ 3—5 инстанцій, а бывали случаи и десятикратнаго разсмотрѣнія дѣлъ. Коммисія по реформѣ судебной части, недавно закончившая свои занятія, оставляетъ существующую систему. Въ пользу ея можно сказать то, что теперь судебныя палаты въ общемъ лучше разрѣшаютъ дѣла, чѣмъ окружные суды, но если въ послѣднихъ улучшить и увеличить составъ и путемъ процессуальныхъ измѣненій освободить коллегію отъ массы мелкой работы, то и этотъ доводъ въ пользу судебныхъ палатъ теряетъ значеніе. Судебныя палаты и теперь дѣйствуютъ въ крайне неудобныхъ условіяхъ: округа палатъ больше нѣкоторыхъ государствъ, извѣщеніе сторонъ организовано неудобно, явка для нихъ, напр., изъ Архангельска въ Москву, крайне затруднительна, а между тѣмъ явка и личныя объясненія передъ судомъ имѣютъ громадное вліяніе на исходъ дѣла; въ результатѣ состоятельные люди ставятся въ привилегированное положеніе передъ бѣдняками. Что̀ же даетъ рѣшеніе судебной палаты? Если имъ утверждается рѣшеніе суда,—оно излишне, если неправильно отмѣняется,—оно вредно, и только въ случаяхъ отмѣны неправильнаго рѣшенія суда рѣшеніе палаты можно признать полезнымъ для дѣла, и то подъ условіемъ, чтобы оно не было отмѣнено Сенатомъ. Но палата не всегда даже является контролирующей инстанціей; по закону стороны въ правѣ представлять въ палату новыя доказательства, въ случаѣ же ихъ представленія палата уже не контролируетъ рѣшенія суда, а является уже другой первой инстанціей; чаще такъ и бываетъ. Иногда дѣло только проскальзываетъ черезъ первую инстанцію, въ которую стороны не представляютъ доказательствъ; тогда палата является единою инстанціею. Въ результатѣ не всѣ тяжущіеся пользуются двумя инстанціями. Наши торговые суды въ этомъ отношеніи организованы лучше: они рѣшаютъ окончательно дѣла въ столицахъ до трехъ тысячъ рублей; инстанцій для торговыхъ дѣлъ двѣ: судъ и судебный департаментъ Правительствующаго Сената, иногда еще и третья—общее собраніе Сената, но коммерческій міръ съ удовольствіемъ встрѣтилъ бы реформу, ограничивающую разсмотрѣніе дѣлъ только въ двухъ инстанціяхъ. Въ пользу существующаго строя обыкновенно ссылаются еще на иностранные образцы, но если въ Австріи, Франціи и Германіи существуетъ тотъ же предразсудокъ, что и у насъ, то почему не отъ насъ первыхъ должна исходить иниціатива упраздненія его? При одной инстанціи была бы достигнута быстрота въ разрѣше-

ніи дѣла, доступность суда для бѣднѣйшихъ классовъ населенія. Высшій судъ долженъ контролировать только юридическую сторону дѣлъ: если дѣло всесторонне разъяснено, если судомъ разсмотрѣны всѣ доводы, то контролировать еще его рѣшеніе значитъ контролировать убѣжденіе совѣсти, а почему же совѣсть у высшаго суда должна быть выше? Докладчикъ рекомендуетъ такую систему судоустройства: рѣшенія суда первой инстанціи должны подлежать обжалованію Правительствующему Сенату только въ кассаціонномъ порядкѣ. Отмѣняя рѣшеніе по неправильному примѣненію закона, Сенатъ долженъ передавать дѣло для разсмотрѣнія въ судебныя палаты, рѣшенія которыхъ не подлежатъ обжалованію. При такой организаціи судебныя палаты только примѣняли бы законъ къ мѣстнымъ условіямъ и могли бы внести своими рѣшеніями вкладъ въ разработку обычнаго права данной мѣстности; такая разработка особенно важна для торговыхъ обычаевъ, примѣненіе которыхъ къ торговымъ дѣламъ допускается.

Докладъ А. М. Краевскаго вызвалъ оживленныя возраженія. *Д. Я. Баляснный* указалъ, что съ практической точки зрѣнія, которую имѣетъ въ виду авторъ „*практическихъ* замѣтокъ о функціяхъ судебной палаты", двѣ инстанціи безусловно желательны; при темнотѣ населенія упраздненіе второй инстанціи и особенно запрещеніе представлять въ нее новыя доказательства являлось бы отказомъ въ правосудіи. *Н. Н. Миклашевскій* замѣтилъ, что общая мысль докладчика о томъ, что долженъ быть только одинъ судья,—вѣрна; вторая инстанція часто разрѣшаетъ дѣло иначе только по особой склонности человѣческаго ума къ противоположенію; это особенно замѣтно въ уѣздныхъ съѣздахъ, и въ частности въ тѣхъ случаяхъ, когда является одна сторона. Но какимъ образомъ достигнуть, чтобы былъ идеальный составъ единаго суда,—докладчикъ не выяснилъ. Теперь два суда удовлетворяютъ населеніе.—*Н. А. Гредескулъ* выразилъ несогласіе съ основною мыслью автора. Какъ бы ни былъ хорошъ судъ первой инстанціи, ошибки возможны, естественно желаніе передать дѣло во вторую инстанцію; второй пересмотръ дѣла уменьшаетъ вѣроятность ошибки. Затѣмъ при существованіи второй инстанціи судъ первой инстанціи знаетъ, что надъ нимъ есть контроль, и потому напрягаетъ свои силы для лучшаго разрѣшенія дѣлъ. Если первую инстанцію иногда обходятъ, то съ этимъ зломъ можно бороться, ограничивъ возможность предъявленія доказательствъ прямо во вторую. *Н. О.*

Куплеваскій добавилъ къ высказанному Н. А. Гредескуломъ, что контроль надъ судами долженъ выражаться и со стороны общественнаго мнѣнія, печати. *П. М. Нельговскій* замѣтилъ, что если судебныя палаты будутъ разъяснять вопросы права, то получится разнообразіе въ пониманіи закона по отдѣльнымъ мѣстностямъ. *И. М. Тютрюмовъ* въ обстоятельномъ возраженіи указалъ, что картина отправленія правосудія, нарисованная Краевскимъ, вовсе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности; примѣры, имъ приведенные, не могутъ убѣждать, ибо суды разрѣшаютъ слишкомъ много дѣлъ для того, чтобы по отдѣльнымъ случаямъ можно было заключать о характерѣ ихъ дѣятельности. Разсматривая извѣстную организацію суда, слѣдуетъ исходить изъ основныхъ началъ науки гражданскаго процесса и опыта западныхъ государствъ. Двѣ инстанціи вовсе не предразсудокъ, а вполнѣ признанный пріемъ въ отправленіи правосудія, ибо одна инстанція естественно можетъ допустить ошибку въ разрѣшеніи дѣла. Съ научной точки зрѣнія существованіе двухъ инстанцій не подвергалось сомнѣніямъ. Докладчикъ вводитъ странную организацію: если палата будетъ разсматривать юридическую сторону дѣла, то въ чемъ же будетъ состоять задача Сената? *Л. Я. Тауберъ* замѣтилъ, что если палаты неправильно будутъ толковать законъ, то пострадаетъ единство примѣненія его: затѣмъ, разграничить вопросы права и факта въ гражданскихъ процессахъ часто весьма трудно, напр. при квалификаціи договоровъ. Поэтому второй инстанціи должно принадлежать право разсматривать дѣло и по существу; такой инстанціей является палата—судъ болѣе авторитетный, чѣмъ окружный. *И. Ю. Шайтанъ* указалъ, что причины медленности въ разборѣ дѣлъ—не процессуальные недостатки въ законѣ, а малый штатъ судебныхъ мѣстъ и отъ этого обремененіе судей работою; на эту сторону дѣла и надо обратить вниманіе. *В. Ф. Полкотыцкій* находитъ, что докладчикъ исходитъ изъ положеній идеалистическихъ, а вовсе не практическихъ. Мнѣніе, что существованіе двухъ инстанцій выгодно только для богачей,—неправильно. Въ судахъ дѣла ведутся даже неграмотными людьми; обставляются они крайне плохо, и, какъ ни содѣйствуютъ суды разъясненію дѣла, часто только изъ рѣшенія окружнаго суда стороны узнаютъ о недостаткахъ по дѣлу, и не будь второй инстанціи по существу, исправить дѣла не было бы возможности; при организаціи, рекомендуемой Краевскимъ,—Сенатъ не имѣлъ бы возможности помочь тяжущимся въ исправленіи ихъ ошибокъ, не говоря уже о томъ,

какую массу дѣлъ пришлось бы разрѣшать Сенату. Наконецъ, *П. П. Куликовъ* замѣтилъ, что надо считаться съ тѣмъ, что населеніе не привыкло сразу представлять доказательства въ первую инстанцію; вотъ почему существовало мнѣніе, что отъ старыхъ судебныхъ порядковъ намъ слѣдовало перейти къ тремъ инстанціямъ, а не къ двумъ; во всякомъ случаѣ, одной инстанціи въ настоящее время было бы слишкомъ мало *(Харьк. Губ. Вѣд.)*.

Въ засѣданіи 24 марта, подъ предсѣдательствомъ И. И. Тютрюмова, былъ сдѣланъ А. Н. Анциферовымъ докладъ: „О поземельной арендѣ въ Воронежской губерніи", основанный на изученіи статистическаго сборника по Воронежской губерніи, податныхъ книгъ, данныхъ по переоцѣнкѣ земель для выкупныхъ платежей, приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ и личныхъ наблюденіяхъ. Авторъ констатировалъ три формы аренды общинной земли: А) такъ называемыхъ душъ міроплатимыхъ, сдаваемыхъ въ аренду или самими лицами, оставившими общину вслѣдствіе переселенія и проч., или же по общественнымъ приговорамъ (такія земли въ Воронежской губерніи составляютъ 2,9% общаго числа десятинъ, поступающихъ въ передѣлъ); Б) сдаваемыхъ принудительнымъ путемъ по общественнымъ приговорамъ за недоимку (1,3%) и В) по добровольному соглашенію (1,6% до 2,4% общаго числа общинной земли). Арендныя цѣны для первыхъ двухъ разрядовъ составляютъ только половину рыночной, а по добровольному соглашенію цѣны выше, но во всякомъ случаѣ ниже рыночныхъ, при чемъ изъ общаго количества земли, сдаваемой въ аренду, 45% приходится на общинныя земли, а 55% на земли частнаго владѣнія. При этомъ, на основаніи изучаемыхъ имъ данныхъ, докладчикъ замѣтилъ то явленіе, что болѣе слабыя по составу и матеріальнымъ средствамъ крестьянскія семьи менѣе арендуютъ земли, и если арендуютъ, то преимущественно земли частнаго владѣнія, а болѣе сильныя—наоборотъ, что̀ объясняется тѣмъ, что арендныя цѣны на общинныя земли дешевле, и бѣдные крестьяне не могутъ въ этомъ случаѣ конкурировать съ богатыми, имѣющими большое вліяніе на общественныя дѣла въ волости, при чемъ въ этомъ случаѣ большое значеніе получаетъ недоимочность, какъ основаніе къ отказу маломочнымъ въ просьбѣ объ арендованіи общественной земли, а это даетъ возможность вліятельнымъ въ волости лицамъ за полцѣны

брать общественныя земли въ аренду. Причины многочисленныхъ сдачъ въ аренду земель по добровольному соглашенію: 1) безлошадность, совпадающая иногда и съ большимъ душевымъ надѣломъ въ 8—9 десятинъ, сдаваемымъ въ аренду, и 2) нужда въ деньгахъ, въ особенности замѣчаемая, при все увеличивающейся денежной части крестьянскаго бюджета, въ крестьянскихъ семьяхъ, слабыхъ рабочею силою, когда арендная сдѣлка получаетъ прямо характеръ сдѣлки кредитной, ибо сдаваемая въ аренду земля въ этомъ случаѣ служитъ лишь залогомъ (напр., сдающій въ аренду за 12 р. десятину потомъ, лѣтомъ, въ виду необходимости въ землѣ, самъ беретъ землю въ аренду за 15—18 р. за десятину). Для борьбы съ этимъ явленіемъ докладчикъ предлагаетъ пониженіе выкупныхъ и мірскихъ платежей, уничтоженіе круговой поруки, какъ отжившаго института, а главное—мѣры къ удовлетворенію потребности крестьянъ въ деньгахъ, въ мелкомъ кредитѣ, организованномъ во всякомъ случаѣ не на принципѣ круговой поруки. Въ этой области, по мнѣнію его, много могло бы сдѣлать земство при помощи государственнаго банка.

В. Ф. Любицкій замѣтилъ, что нынѣшній способъ уплаты податей весьма обременителенъ для крестьянскаго хозяйства и взамѣнъ пониженія мірскихъ платежей, могущаго вызвать ухудшеніе состава должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія, рекомендовалъ учрежденіе всесословной волости, благодаря чему мірскіе расходы распредѣлялись бы между всѣмъ населеніемъ. *В. Ф. Левитскій* указалъ, что докладъ затрогиваетъ важный вопросъ объ общинномъ землевладѣніи, судьба коего заслуживаетъ самаго тщательнаго вниманія. *В. С. Дубенскій* обратилъ вниманіе на то, что мірскіе расходы, въ особенности, возросли съ учрежденіемъ института земскихъ начальниковъ, въ виду усиленія полицейскихъ функцій волостныхъ старшинъ и въ виду массы расходовъ, связанныхъ съ постройкою новыхъ зданій для волостныхъ правленій. *И. Н. Миклашевскій* указалъ, что, несмотря на совершившуюся замѣну натуральнаго хозяйства денежнымъ, докладчикъ мало обратилъ вниманія на бюджетную сторону крестьянскаго хозяйства, на что въ свое время обратили вниманіе въ своихъ изслѣдованіяхъ Посниковъ и Щербина. *Я. К. Станиславскій* замѣтилъ, что мобилизація земли, о которой говорится въ докладѣ, еще ничего не говоритъ въ принципѣ противъ крестьянской общины, ибо приведенныя въ докладѣ неблагопріятныя для общины явленія, могутъ быть съ успѣхомъ устранены при той или другой

политикѣ государства. *Н. А. Гредескулъ* обратилъ вниманіе на то, что причина непроизводительности мірскихъ расходовъ кроется въ неудовлетворительности юридическаго строя нашей деревни, во главѣ котораго стоитъ институтъ земскихъ начальниковъ. Этимъ лучше всего доказывается тѣсное взаимодѣйствіе между экономическими и юридическими условіями деревни, на что̀ имѣется авторитетное указаніе въ одномъ изъ всеподданнѣйшихъ докладовъ нашего Министра Финансовъ *(Право)*.

ВЗЯТІЕ ПОДЪ СТРАЖУ, КАКЪ МѢРА ПРЕСѢЧЕНІЯ УКЛОНЕНІЯ ОТЪ СЛѢДСТВІЯ И СУДА, ВЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХЪ.

Профессоръ государственнаго права въ Парижскомъ университетѣ Ф. Лярнодъ (F. Larnaude) предпринялъ въ прошломъ 1900 г. изслѣдованіе о гарантіяхъ свободы личности въ современномъ уголовномъ процессѣ съ цѣлью выясненія недостатковъ дѣйствующей системы предварительнаго заключенія и указанія мѣръ къ возможно большему ограниченію его примѣненія. Съ этой цѣлью г. Лярнодъ разослалъ во всѣ европейскія государства какъ представителямъ судебной практики, такъ и лицамъ, близко стоящимъ къ уголовному законодательству, особые вопросные бланки для указанія и дѣйствующихъ нормъ уголовнаго права, и, въ равной мѣрѣ, ихъ примѣненія въ судебной практикѣ. Вопросный бланкъ состоялъ изъ слѣдующихъ 12 пунктовъ:

1. Кому принадлежитъ право подвергнуть личному задержанію (droit d'arrestation)?—Несмѣняемые судьи, прокурорскій надзоръ, административныя власти, частныя лица.

2. Обращается ли вниманіе при взятіи и содержаніи подъ стражей (détention préventive) на личныя особенности обвиняемаго?—Мѣстожительство, наличность опредѣленныхъ средствъ существованія, полъ и возрастъ.

3. Временное (до-судебное) освобожденіе изъ подъ стражи (mise en liberté provisoire). а) Есть ли это право (при извѣстныхъ условіяхъ) обвиняемаго или только особая милость со стороны суда? б) случаи, когда освобожденіе до суда воспрещено закономъ; в) принимается ли во вниманіе для освобожденія изъ подъ стражи родъ преступленія, тяжесть и продолжительность наказанія; г) освобожденіе изъ подъ стражи производится ли непремѣнно при условіи внесенія залога или поручительства? Нѣтъ ли иныхъ мѣръ обезпеченія явки обвиняемаго къ суду? д) Отъ кого зависитъ освобожденіе отъ предварительнаго заключенія? е) Случаи отмѣны до судебнаго освобожденія; кто постановляетъ о принятіи этой мѣры.

4. Установлены ли особые сроки для судебныхъ властей по допросу обвиняемаго, продолжительности слѣдствія, квалификаціи преступленія и судебнаго разбора?

5. Какая судебная власть имѣетъ главный надзоръ по вопросамъ о заключеніи подъ стражу и освобожденіи отъ нея: а) Единоличный ли судья или коллегіальная слѣдовательская власть; б) должно ли постановленіе судьи быть утверждаемо высшей судебной властью.

6. Положеніе обвиняемаго и его защиты.—а) Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго имѣетъ ли опредѣленныя права (быть допрошеннымъ или судимымъ въ теченіе извѣстнаго срока), или на это имѣются только нормы объективнаго права; б) имѣетъ ли обвиняемый (и съ какого момента процесса) право на судебную защиту безусловно, или только факультативно.

7. Мотивировка постановленій. — Обязательно ли приводить основанія для постановленій судебной власти о взятіи подъ стражу, освобожденіи отъ нея и т. д.

8. Значеніе частныхъ ассоціацій.—а) Имѣются ли ассоціаціи, устраиваемыя съ цѣлью помогать неимущимъ обвиняемымъ въ пріисканіи защитника, а также доставленіи имъ требуемаго залога или поручительства; б) какъ устроены эти общества, каковы ихъ отношенія къ судебнымъ властямъ.

9. Примѣненіе одиночнаго заключенія (mise au secret). Мѣста заключенія. Ихъ устройство и порядокъ. а) При какихъ условіяхъ примѣняется помѣщеніе въ секретную камеру? б) Тюрьмы и система заключенія одинаковы ли для подслѣдственныхъ заключенныхъ и для осужденныхъ по приговорамъ судебныхъ мѣстъ.

10. Законодательное огражденіе правъ личности.—а) Неправильно арестованное лицо имѣетъ ли право жалобы на судью или другую власть, привлекшую его въ качествѣ обвиняемаго? Какого рода можетъ быть эта жалоба или искъ? б) Какого рода вознагражденіе или возмѣщеніе можетъ получить неправильно арестованное лицо—денежное, возстановленіе чести и т. п.

11. Судебная практика.—Наблюдаются ли противорѣчія между текстомъ закона и практикой? Въ частности, часты ли случаи освобожденія изъ подъ стражи?

12. Требуемыя реформы. Случаи критики дѣйствующаго законодательства.

По этой довольно обширной программѣ г. Лярнодъ были получены письменные отвѣты не только изъ всѣхъ почти европейскихъ странъ, но также изъ Соед. Штатовъ, Японіи и пр. Правда, не всѣ отвѣты (по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, какъ они изложены въ приложеніи къ докладу проф. Лярнодъ) отличались одинаковой обстоятельностью и полнотой; во многихъ случаяхъ извѣстные пункты программы остались безъ отвѣта или слишкомъ поверхностно освѣщенными. Но, тѣмъ не менѣе, изъ совокупности присланныхъ отвѣтовъ составился столь значительный и существенный по данному вопросу матеріалъ, что, на основаніи его, проф. Лярнодъ

составилъ интересный докладъ, прочитанный имъ въ засѣданіи Парижскаго общества тюрьмовѣдѣнія (Société générale des prisons) 16 января 1901 г., докладъ, возбудившій продолжительныя и оживленныя пренія [1]). Съ сущностью этого доклада, а равно приложеній къ нему (отвѣты на вопросы докладчика), мы и желаемъ познакомить читателей, такъ какъ возбуждаемые имъ вопросы несомнѣнно имѣютъ серьезное значеніе для теоріи и практики современнаго уголовнаго процесса. Что касается самыхъ дебатовъ, возникшихъ въ обществѣ тюрьмовѣдѣнія по поводу доклада Лярнода, они представляютъ менѣе общій интересъ въ виду тѣсной связи ихъ съ особенностями устройства слѣдственнаго дѣла и разграниченія судебной и административной власти во Франціи, въ виду чего мы ограничимся лишь краткимъ указаніемъ ихъ содержанія. Докладъ Лярнода мы приводимъ въ подробномъ извлеченіи, выпуская лишь менѣе значительныя подробности и отступленія и соблюдая тотъ же порядокъ и тѣ же подраздѣленія, какъ и у автора [2]).

1. Права личности и права государства въ уголовномъ процессѣ.

Въ дѣлѣ уголовной репрессіи главнѣйшая задача заключается въ примиреніи двухъ началъ, одинаково необходимыхъ для общественнаго благоустройства,—начала личной свободы и начала общественной безопасности.

Личность, въ современномъ правопорядкѣ, пришла къ сознанію своей силы и своего значенія. Она требуетъ охраненія не только свободы ея передвиженія, но также и ея достоинства, ея чести, которыя конечно подвергаются тяжкому испытанію въ случаѣ заключенія подъ стражу.

Съ другой стороны, государство имѣетъ своей главной задачей водворить безопасность въ обществѣ, обезпечить дѣло правосудія. Эта задача не можетъ быть выполнена безъ сохраненія извѣстныхъ прерогативъ, которыя по необходимости должны вести къ нѣкоторому ограниченію правъ личности. Но не слѣдуетъ эти два противоположныхъ начала приносить въ жертву одно другому. Необходимо ихъ комбинировать наиболѣе цѣлесообразно. Не слѣдуетъ, давая слишкомъ большой просторъ свободѣ личности, организовать „закономъ установленную безнаказанность преступниковъ“, но не

---

[1]) См. Revue pénitentiaire, 1901, février, mars, avril.

[2]) Revue pénitentiaire, 1901, févr., pp. 186—214.

менѣе опасно, преувеличивая полномочія государства, посягать на драгоцѣннѣйшее благо личности. Въ сущности вопросъ сводится къ вѣковѣчной борьбѣ между порядкомъ или властью и свободой. Въ болѣе тѣсной сферѣ уголовнаго судопроизводства, можно сказать, что центръ тяжести лежитъ въ столкновеніи между двумя различными началами—обвинительнымъ и состязательнымъ, иначе говоря, между французской инквизиціонной системой и англосаксонской организаціей уголовнаго процесса.

Вообще необходимо признать, что въ современномъ правосознаніи личность имѣетъ несомнѣнное право на установленную извѣстными законодательными нормами свободу. Это право требуетъ серьезнаго къ себѣ отношенія. Оно менѣе древняго происхожденія, чѣмъ, напр., право собственности, но оно не менѣе, если не болѣе драгоцѣнно и важно. Личность, слѣдовательно, не можетъ быть въ уголовномъ процессѣ, какъ то бывало прежде, инертной массой, которая находится въ безконтрольномъ распоряженіи слѣдственнаго судьи. Разъ за личностью признаны извѣстныя права, ей должны быть предоставлены и законныя средства защиты этихъ правъ, огражденія ихъ отъ возможныхъ злоупотребленій. Можно идти и дальше, и утверждать, что личность должна быть охраняема самимъ государствомъ. Государство не должно заботиться только о своихъ интересахъ, облекая широкими полномочіями назначаемыхъ имъ судей: оно должно принять въ соображеніе и охрану правъ личности. Судебная власть должна охранять интересы привлеченнаго къ слѣдствію даже помимо его собственной о томъ заботы. Личность не должна быть предоставлена только своей собственной иниціативѣ и своимъ собственнымъ силамъ. Слѣдователь и прокурорскій надзоръ не должны становиться по отношенію къ обвиняемому въ положеніе грозныхъ противниковъ: они имѣютъ передъ собою болѣе возвышенныя, болѣе гуманныя задачи, которыя имъ не слѣдуетъ терять изъ виду. Для болѣе же существеннаго огражденія интересовъ личности представляется, съ точки зрѣнія современнаго правопорядка, неизбѣжнымъ извѣстное ограниченіе правъ и полномочій единоличной судебной власти, завѣдующей предварительнымъ слѣдствіемъ. Это ограниченіе законодательнымъ путемъ не можетъ быть замѣнено подборомъ лучшихъ силъ для производства слѣдствія, улучшеніемъ порядка назначенія и подбора должностныхъ лицъ. Такого рода полумѣры, при недостаточномъ огражденіи личной свободы самимъ закономъ, не могутъ имѣть серьезнаго значенія. Возможность произвольныхъ дѣйствій со стороны

органовъ слѣдственной власти есть явленіе не только нежелательное, но и прямо недопустимое въ современномъ правовомъ государствѣ; въ этомъ отношеніи развитіе государственнаго права вызываетъ соотвѣтственныя измѣненія и въ уголовномъ правѣ, которое естественно должно сообразоваться съ общими измѣненіями въ государственной и правовой жизни цивилизованныхъ народовъ.

2. Взятіе подъ стражу.

Вотъ первое посягательство на личную свободу при производствѣ предварительнаго слѣдствія—взятіе подъ стражу (arrestation). Каково же значеніе взятія подъ стражу? Каковы гарантіи, которыя оно предоставляетъ или должно предоставлять гражданамъ? Кто имѣетъ право взять подъ стражу? Вотъ рядъ вопросовъ, требующихъ обстоятельнаго отвѣта.

Во-первыхъ, слѣдуетъ отмѣтить существенное различіе въ законодательствѣ континентальныхъ государствъ съ одной и англосаксонскихъ народовъ (Англія, Соедин. Штаты, Канада и др.)—съ другой стороны. Особенностью англійскаго уголовнаго судопроизводства является право частныхъ лицъ подвергать аресту (задержанію) другихъ частныхъ лицъ безъ особаго порученія со стороны подлежащей власти (arrest without warrant). Обыкновенно даже англійскіе учебники уголовнаго судопроизводства начинаются съ перечисленія случаевъ, когда допускается арестъ частнымъ лицомъ, и только затѣмъ переходятъ къ задержанію органами публичной власти, какъ будто первый порядокъ является правиломъ, а второй исключеніемъ. Главнымъ образомъ, арестъ частнымъ лицомъ можетъ быть примѣненъ въ случаѣ поимки на мѣстѣ преступленія (flagrant délit), но всякій англичанинъ можетъ задержать постороннее лицо, если онъ имѣетъ достаточныя основанія видѣть въ немъ виновника тяжкаго преступленія (felony). Собственно въ этомъ пунктѣ только англійское законодательство и расходится существенно отъ континентальнаго, такъ какъ задержаніе виновнаго на мѣстѣ преступленія со стороны частныхъ лицъ извѣстно, конечно, всѣмъ европейскимъ странамъ и вызывается необходимостью воспрепятствовать преступнику скрыться отъ преслѣдованія правосудія. Проф. Лярнодъ высказывается вообще противъ расширенія права частныхъ лицъ лишать свободы дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ преступниковъ, находя въ этомъ обычаѣ остатокъ отдаленной старины, когда не существовало правильно

устроенной государственной власти и достаточной полиціи. Общимъ правиломъ долженъ быть арестъ публичный, арестъ, налагаемый публичной властью, отъ имени самого государства, за исключеніемъ только случаевъ поимки при совершеніи преступленія.

Но недостаточно еще передать государственной власти право подвергать личному задержанію. Необходимо точнѣе указать тѣ государственные органы, которые могутъ быть облечены этой серьезной прерогативой. Въ этомъ случаѣ неизбѣжно возникаетъ трудность провести достаточно твердую границу между административной и судебной властью. Даже во Франціи, несмотря на строгое соблюденіе принципа раздѣленія властей, не замѣчается желательной опредѣленности въ предѣлахъ административной власти по данному вопросу. Проф. Лярнодъ указываетъ на ст. 10 кодекса уголовн. судопр., въ силу которой префекты въ департаментахъ и префектъ полиціи въ Парижѣ пользуются тѣми же правами, что и слѣдственные судьи. Префекты могутъ „лично или при посредствѣ чиновъ судебной полиціи, въ предѣлахъ ихъ круга вѣдомства, принимать всѣ мѣры, необходимыя для дознанія по преступленіямъ, проступкамъ или нарушеніямъ и для препровожденія виновныхъ въ подлежащіе суды для разбора о нихъ дѣла". Проф. Лярнодъ находитъ порядокъ, устанавливаемый вышеприведенной статьей (10), неудовлетворительнымъ и нарушающимъ предѣлы вѣдомства слѣдственной власти и прокурорскаго надзора, которымъ, по духу французскаго уголовнаго законодательства, однимъ и должно принадлежать право вчинать дознаніе или предварительное слѣдствіе при содѣйствіи чиновъ судебной полиціи, подчиненной именно судебной, а не административной власти. Вопросъ объ отмѣнѣ ст. 10 уст. угол. суд. неоднократно уже возбуждался въ парламентѣ и несомнѣнно будетъ въ скоромъ времени разрѣшенъ въ желательномъ для судебной власти смыслѣ.

Но есть еще и другая сторона въ правѣ административной власти брать подъ стражу частныхъ лицъ, которая также заслуживаетъ разсмотрѣнія. Имѣетъ ли административная власть право производить аресты въ видѣ полицейской мѣры, для поддержанія порядка, помимо случаевъ дѣйствія судебной полиціи по предварительному дознанію, и безъ обязательства немедленно предоставлять заарестованныхъ лицъ въ распоряженіе судебной власти. Проф. Лярнодъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Подобнаго рода неопредѣленное право ареста въ рукахъ администраціи несовмѣстимо съ требованіями европейскаго правоваго

государства. Арестъ по распоряженію административныхъ властей, за исключеніемъ случаевъ изгнанія иностранцевъ и заключенія умалишенныхъ, не существуетъ болѣе ни во Франціи, ни въ другихъ цивилизованныхъ странахъ. Взятіе подъ стражу въ настоящее время есть одна изъ частностей уголовнаго судопроизводства, а не общеправительственная мѣра, не имѣющая отношенія къ опредѣленному уголовному процессу.

Такимъ образомъ, общимъ правиломъ слѣдуетъ признать, что постановленіе о заключеніи подъ стражу можетъ исходить только отъ судебной власти. Но слѣдуетъ идти еще дальше и пожелать, чтобы это право находилось исключительно въ рукахъ лица, соединяющаго въ себѣ всѣ требуемыя отъ представителя правосудія качества зрѣлости познаній, опыта и независимости, иначе говоря, въ рукахъ несмѣняемаго судьи. Въ дѣйствительности, однако, большинство уголовныхъ законодательствъ допускаетъ возможность заключенія подъ стражу и по распоряженію прокурорскаго надзора. Болѣе замѣтныя исключенія составляютъ только Венгрія и Японія, въ которыхъ право взятія подъ стражу принадлежитъ исключительно несмѣняемымъ судьямъ. Между тѣмъ вопросъ этотъ весьма важенъ. Взятіе подъ стражу всегда представляетъ собою нѣчто непоправимое. Это—ущербъ, по большей части неизгладимый, нанесенный доброму имени человѣка, который можетъ быть безупречнымъ. Арестъ можетъ быть непродолжительнымъ, черезъ нѣсколько дней судья постановитъ опредѣленіе объ освобожденіи изъ подъ стражи, такъ какъ убѣдится въ совершенной невиновности заподозрѣннаго лица. Но это дѣлу не поможетъ. Все-таки на репутацію честнаго человѣка и его семейства наложено клеймо и наложено несправедливо. Въ этомъ заключается серьезная опасность, къ которой, однако, обыкновенно относятся слишкомъ легко. Конечно, продолжительное предварительное заключеніе (détention préventive) есть еще нѣчто болѣе тяжкое. Но и кратковременный арестъ можетъ быть существеннымъ зломъ. Его слѣдуетъ обставить всевозможными мѣрами предосторожности. Весьма значительный шагъ впередъ заключался въ переходѣ права заключать подъ стражу отъ административной власти къ судебной. Но прогрессъ этотъ не можетъ считаться окончательнымъ, пока и изъ лицъ судебнаго вѣдомства не будетъ избрана одна точно опредѣленная группа образцовыхъ судей, которымъ можно спокойно вручить самое грозное изъ орудій, допускаемыхъ современнымъ закономъ для охраны общественнаго строя,—взятіе подъ стражу.

3. *Предварительное заключеніе.*

Взятіе подъ арестъ составляетъ, конечно, сильное ограниченіе начала свободы личности, но содержаніе подъ стражею до суда (détention préventive)—мѣра еще болѣе серьезная. Предварительное заключеніе несущественно отличается по своему характеру отъ отбытія заключенія по суду, и общественное мнѣніе почти не видитъ между ними различія.

Конечно, какъ мѣра пресѣченія уклоняться отъ слѣдствія и суда, содержаніе подъ стражею является въ извѣстныхъ случаяхъ необходимостью, вызываемою соображеніями объ обезпеченіи нормальнаго хода уголовнаго процесса. Слѣдственный судья долженъ безпрепятственно собирать доказательства, обвиняемый же долженъ быть поставленъ въ невозможность скрыть слѣды преступленія, предупредить соучастниковъ, подговорить сочувствующихъ ему свидѣтелей. Эти мотивы сами по себѣ достаточны для оправданія предварительнаго заключенія, какъ крайней мѣры пресѣченія. Защита общества не можетъ быть дезорганизована. Первымъ условіемъ общественнаго порядка является строгая репрессія преступленій. Собираніе уликъ и доказательствъ виновности не должно встрѣчать на своемъ пути искусственно создаваемыхъ препятствій. Неумѣстно въ данномъ случаѣ было бы ссылаться и на принципъ равенства сторонъ въ состязательномъ процессѣ. При отмѣнѣ предварительнаго заключенія, равенство было бы нарушено въ ущербъ слѣдственной власти. Судебный слѣдователь, при началѣ слѣдствія, находится по большей части въ совершенномъ невѣдѣніи относительно важнѣйшихъ обстоятельствъ дѣла, и его нельзя оставлять лишеннымъ всякихъ дѣйствительныхъ средствъ къ отысканію истины, тѣмъ болѣе, что преступникъ, оставленный на свободѣ, легко можетъ скрыться и избѣжать ожидающаго его наказанія. Въ виду этихъ соображеній ни въ одной цивилизованной странѣ въ настоящее время предварительное содержаніе подъ стражей еще не отмѣнено и не возбуждается серьезно вопросъ объ его отмѣнѣ.

Но если можно, хотя и не безъ труда, оправдать вообще предварительное заключеніе соображеніями цѣлесообразности, то на практикѣ оказывается болѣе затруднительнымъ точно опредѣлить, отъ какой именно судебной власти должно исходить постановленіе о примѣненіи предварительнаго заключенія и о продолженіи этого заключенія, если оно признано по существу возможнымъ. Это во-

просъ серьезный. Законность основаній, по которымъ признается необходимымъ продолжительное содержаніе подъ стражей, составляетъ весьма существенную часть уголовнаго процесса.

Ранѣе другихъ народовъ англичане ввели въ этомъ отношеніи серьезную гарантію личной свободы, которую остальные народы болѣе или менѣе поздно у нихъ позаимствовали: именно закономѣрный контроль со стороны суда. Въ этомъ заключается главный смыслъ Habeas corpus. Подвергнутое аресту лицо имѣетъ право требовать, чтобы судъ провѣрилъ законность приказа объ арестѣ [1]). Французское законодательство въ этомъ отношеніи значительно уступаетъ англійскому, такъ какъ даетъ слишкомъ широкія полномочія слѣдственному судьѣ. Правда, обвиняемый въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ приносить жалобы на дѣйствія слѣдственнаго судьи обвинительной камерѣ. Но настоящаго, постоянно дѣйствующаго контроля надъ слѣдственнымъ судьей нѣтъ. Бельгійское и румынское законодательства, хотя и основанныя на французскомъ кодексѣ уголовнаго судопроизводства, шагнули по данному вопросу дальше и ввели нѣкоторыя измѣненія, значительно обезпечивающія личныя права привлеченнаго къ слѣдствію.

По ст. 4 бельгійскаго закона 20 апрѣля 1874 г. приказъ объ арестѣ теряетъ свою силу, если, по истеченіи пяти дней со времени допроса обвиняемаго, приказъ этотъ не подтвержденъ судомъ въ распорядительномъ отдѣленіи (chambre de conseil), по докладу слѣдственнаго судьи и по выслушаніи заключенія прокурорскаго надзора и объясненій подсудимаго. Такимъ образомъ, судъ контролируетъ постановленіе судебнаго слѣдователя о взятіи подъ стражу не вслѣдствіе жалобы обвиняемаго, а по требованію самого закона. При этомъ слѣдственный судья долженъ составить особый докладъ, выслушиваются стороны, представитель обвиненія и подсудимый или его защитникъ, такъ какъ въ Бельгіи защита допускается и на предварительномъ слѣдствіи. Происходитъ, слѣдовательно, первое состязаніе сторонъ. Слѣдственный судья долженъ считаться теперь съ прокурорскимъ надзоромъ, отдѣленіемъ окружнаго суда (chambre de conseil), обвиняемымъ и его защитникомъ.

---

[1]) Относительно системы Habeas corpus можно найти подробности въ книгахъ: de Franqueville, Le systéme judiciaire de la Grande-Bretagne;—A. Dicey, Introduction to the Study of the law of the Constitution;—F. and H. Stephen, A digest of the law of criminal procedure in indictable offence;—В. Ф. Дерюжинскій—Habeas Corpus Act и его пріостановка по англійскому праву. 1895.

Многимъ, конечно, бельгійская система можетъ показаться черезчуръ сложной и тормозящей ходъ предварительнаго слѣдствія. Несомнѣнно, что подобнаго рода порядокъ утвержденія постановленія судебнаго слѣдователя о содержаніи подъ стражею возможенъ только въ такой странѣ, гдѣ скорость дѣлопроизводства не встрѣчаетъ себѣ неодолимыхъ препятствій въ видѣ громадности разстояній, рѣдкости и малокультурности населенія и т. п. Но въ странахъ, густонаселенныхъ и обладающихъ правильно организованнымъ судоустройствомъ, бельгійская система представляетъ серьезныя преимущества именно въ виду особой осторожности, съ какою она относится къ свободѣ личности. Дѣло идетъ не о кратковременномъ задержаніи (arrestation), когда, конечно, нужна быстрота дѣйствій (со стороны судебной или административной власти), а о содержаніи подъ стражею до суда (détention préventive). Это два существенно различныхъ момента въ уголовномъ процессѣ. Насколько первый (арестъ) можетъ быть предоставленъ усмотрѣнію единоличнаго судьи, члена прокурорскаго надзора или даже полиціи,—настолько второй (содержаніе подъ стражею) требуетъ внимательнаго и всесторонняго обсужденія, при участіи суда и сторонъ. Дѣло идетъ о личной свободѣ: это такого рода благо, которое заслуживаетъ извѣстныхъ гарантій осторожнаго съ нимъ обращенія.

4. Освобожденіе изъ подъ стражи до суда.

Въ предварительномъ заключеніи содержится столь важное ограниченіе свободы личности, что всѣ законодательства старались внести въ него извѣстныя поправки и смягченія. Самымъ важнымъ изъ этихъ коррективовъ является освобожденіе до суда (mise en liberté provisoire). Въ этомъ отношеніи уголовныя законодательства придерживаются различныхъ нормъ. Нѣкоторыя (австрійское, итальянское, женевское, румынское, болгарское, японское) не допускаютъ освобожденія изъ предварительнаго заключенія по нѣкоторымъ болѣе тяжкимъ преступленіямъ (crimes), какъ, напр., убійству. Другія уложенія (французское, германское, русское, норвежское и др.) допускаютъ освобожденіе изъ подъ стражи на извѣстныхъ условіяхъ по всѣмъ преступленіямъ безъ исключенія. Вторая система конечно предпочтительнѣе: ни въ одной странѣ не возникаетъ жалобъ на то, чтобы судебные слѣдователи слишкомъ широко пользовались правомъ освобождать обвиняемыхъ.

Современная наука уголовнаго права стремится ограничить полномочія судьи не въ сторону милости, но въ сторону строгости. При этомъ по нѣкоторымъ законодательствамъ содержаніе подъ стражей вообще не можетъ примѣняться по проступкамъ менѣе важнымъ (Россія, Бельгія, Италія), и такимъ образомъ по этимъ проступкамъ освобожденіе до суда составляетъ извѣстное право для подсудимаго, въ другихъ странахъ (Франція, Германія, Норвегія, Испанія и др.) освобожденіе изъ подъ стражи факультативно, зависитъ по всѣмъ проступкамъ и преступленіямъ отъ усмотрѣнія судьи.

Каковы условія, на которыя обращается особое вниманіе законодательствомъ различныхъ странъ при до-судебномъ освожденіи? Родъ преступленія, тяжесть налагаемаго по закону наказанія, имѣніе или неимѣніе опредѣленнаго мѣста жительства, наличность опредѣленныхъ средствъ существованія, залогъ или поручительство. Въ этомъ отношеніи судебная практика европейскихъ государствъ весьма разнообразна, и Лярнодъ не производитъ сравнительнаго изслѣдованія по этому вопросу. Онъ останавливается только на наиболѣе распространенномъ условіи, требуемомъ для освобожденія изъ подъ стражи,—поручительствѣ или залогѣ (cautionnement). Это требованіе не согласно съ основнымъ началомъ современнаго правосудія—равенствомъ. Богатому человѣку ничего не стоитъ представить требуемый залогъ; но для большинства населенія, даже для лицъ интеллигентныхъ, но не имѣющихъ собственныхъ средствъ и живущихъ только жалованьемъ, представленіе залога (или и поручительства)—дѣло почти невозможное. Въ странахъ либеральныхъ, какъ, напр., Франція, подобнаго рода неравенство возбуждаетъ серьезныя нареканія. Является необходимость замѣны представленія залога другими мѣрами, какъ то: обязательствомъ о неоставленіи извѣстнаго мѣста жительства и явкою къ опредѣленному сроку подъ страхомъ немедленнаго вторичнаго взятія подъ стражу. Весьма желательно также болѣе частое примѣненіе домашняго ареста вмѣсто содержанія въ тюрьмѣ. Вообще предварительное заключеніе должно примѣняться въ возможно меньшемъ числѣ случаевъ.

5. *Ограниченіе продолжительности предварительнаго заключенія.*

Французское законодательство, какъ и многія другія, не устанавливаетъ никакого опредѣленнаго срока для предварительнаго

заключенія, такъ что въ сущности содержаніе подъ стражей до суда можетъ продолжаться неопредѣленно долгое время. Въ этомъ отношеніи власть слѣдственнаго судьи безгранична и безконтрольна. Такого рода положеніе вещей не можетъ быть оправдываемо съ точки зрѣнія справедливости въ дѣлѣ уголовнаго правосудія, и законодательство многихъ европейскихъ странъ давно уже направлено къ ограниченію вышеозначеннаго права слѣдственной власти.

Конечно, можно возразить, что случаи продолжительнаго предварительнаго заключенія сравнительно рѣдки. По отчету французской уголовной статистики за 1898 годъ средняя продолжительность производства слѣдственныхъ дѣлъ не превышаетъ одного мѣсяца [1]), это скорость, которая врядъ ли можетъ быть легко превзойдена. Тѣмъ не менѣе это только средняя величина, и многія слѣдственныя дѣла продолжаются производствомъ значительно дольше. Весьма возможны случаи несоразмѣрно продолжительнаго до-судебнаго заключенія (въ Россіи, напр., свыше 2 и 3 лѣтъ). Какъ же опредѣляется на практикѣ ограниченіе продолжительности пребыванія подслѣдственныхъ арестантовъ подъ стражею?

На лицо имѣются двѣ системы, обѣ принятыя различными европейскими законодательствами. Первую, наиболѣе старинную, представляетъ собою англійскій habeas corpus, по которому самому подсудимому предоставлено право требовать прекращенія содержанія подъ стражей и просить о назначеніи надъ нимъ въ извѣстный срокъ суда. Это право, наравнѣ съ правомъ требовать отъ суда провѣрки законности приказа объ арестѣ, составляетъ отличительную особенность законодательства habeas corpus въ Англіи и другихъ англосаксонскихъ странахъ и заключаетъ наиболѣе рельефное выраженіе правъ личности по отношенію къ государству. Здѣсь ясно проводится идея, что обвиняемый не можетъ быть отданъ, связанный по рукамъ и ногамъ, на добрую волю хотя бы и самаго благоустроеннаго суда. Когда кто-либо въ Англіи подвергнутъ аресту по обвиненію хотя бы въ самомъ тяжкомъ преступленіи (treason или felony), приказъ (writ) habeas corpus, который, по требованію подсудимаго, выдаетъ судъ, повелѣваетъ начальнику тюрьмы доставить заключеннаго (corpus) въ указанный срокъ

---

[1]) У насъ, въ Россіи, средняя продолжительность предварительныхъ слѣдствій доходитъ до двухъ мѣсяцевъ, при чемъ ежегодно отъ 6 до 7000 дѣлъ (5% общаго числа) продолжаются производствомъ болѣе 6 мѣс.

подлежащему суду. Въ этомъ судѣ, по провѣркѣ законности приказа о задержаніи, обвиняемый въ тяжкомъ преступленіи, хотя и не можетъ быть отпущенъ на свободу, какъ по менѣе важнымъ проступкамъ, но за то онъ можетъ просить о назначеніи суда надъ нимъ въ ближайшую сессію. Если же суда надъ обвиняемымъ не будетъ назначено во вторую сессію со дня взятія подъ стражу, онъ имѣетъ право требовать освобожденія. Такова англійская система ограниченія продолжительности содержанія подъ стражей даже по наиболѣе тяжкимъ преступленіямъ.

Второй системой, принятой въ нѣкоторыхъ государствахъ континента, является бельгійская (законъ 20 апрѣля 1874 г.). Эта система стремится сократить срокъ предварительнаго заключенія даже помимо воли самого заключеннаго, путемъ особой регламентаціи мѣръ пресѣченія. По ст. 5 вышеуказаннаго закона, „если судъ (chambre du conseil) не сдѣлалъ особаго постановленія, по истеченіи мѣсяца со дня допроса обвиняемаго, о содержаніи его подъ стражей, то обвиняемый отпускается на свободу. Опредѣленіе о продолженіи содержанія подъ стражей должно быть постановлено единогласно, по выслушаніи сторонъ, съ приведеніемъ основаній необходимости заключенія въ цѣляхъ общественной безопасности. Тотъ же порядокъ соблюдается по прошествіи каждаго слѣдующаго мѣсяца". Это ежемѣсячное опредѣленіе суда по вопросу о содержаніи подъ стражей, по словамъ компетентныхъ изслѣдователей [1]), представляетъ значительныя достоинства. Оно, во-первыхъ, весьма существенно охраняетъ начало личной свободы, препятствуя излишней продолжительности предварительнаго заключенія, и, во-вторыхъ, сообщаетъ предварительному слѣдствію значительный импульсъ къ ускоренію, возбуждая дѣловую энергію слѣдственнаго судьи.

Аналогичное постановленіе встрѣчается въ законодательствѣ кантона Ваадтъ (Vaud), по которому также предварительное заключеніе не можетъ продолжаться больше одного мѣсяца безъ особаго разрѣшенія со стороны суда. Въ голландскомъ судопроизводствѣ приказы о задержаніи, исходящіе отъ прокурорскаго надзора и слѣдственныхъ судей, имѣютъ силу лишь на короткій срокъ, не болѣе 8 дней. Судъ можетъ продолжить ихъ до 30 дней. По истеченіи этого срока нужно новое мотивированное постановленіе суда. Санкція возобновленія означеннаго постановленія весьма

---

[1]) Timmermans—Etude sur la détention préventive.

энергична. Начальникъ тюрьмы, не получивъ своевременно вторичнаго приказа о продленіи задержанія, немедленно выпускаетъ арестанта на свободу.

Въ Италіи система сроковъ для различныхъ стадій уголовнаго процесса проведена съ наибольшей послѣдовательностью. Помимо обязательнаго срока допроса обвиняемаго (24 часа), прокурорскій надзоръ обязанъ составить свое заключеніе по дѣлу въ теченіе двухъ дней, слѣдственный судья составляетъ докладъ совѣщательной камерѣ въ 24 часа; если этотъ срокъ пропущенъ и камера не постановила по дѣлу никакого опредѣленія, приказъ объ арестѣ теряетъ свою силу (если прошло 10 дней со дня взятія подъ стражу). Въ случаѣ, если совѣщательная камера постановитъ о продолженіи слѣдствія и предварительнаго заключенія, слѣдственный судья обязанъ черезъ каждые два мѣсяца, по выслушаніи заключенія прокурорскаго надзора, представить докладъ совѣщательной камерѣ о положеніи дѣла.

Вышеуказанные сроки, опредѣляющіе скорость производства различныхъ дѣйствій со стороны судебныхъ властей, имѣютъ весьма важное значеніе. Медленность въ судопроизводствѣ всегда составляетъ большое зло. Но оно становится въ особенности невыносимымъ, когда дѣло идетъ о лишеніи свободы. Введеніе обязательныхъ по закону сроковъ въ этой области представляетъ въ высшей степени желательное явленіе, и проф. Лярнодъ горячо рекомендуетъ французскимъ законодателямъ дополнить имѣющіяся по этому предмету постановленія соотвѣтствующими статьями по примѣру бельгійскаго или итальянскаго законодательства.

6. Порядокъ содержанія въ предварительномъ заключеніи.

Содержаніе подъ стражею до суда само по себѣ не составляетъ конечно отдѣльнаго наказанія, но, къ сожалѣнію, оно весьма на него походитъ по своей обстановкѣ. Правда, что во всѣхъ странахъ замѣтна нѣкоторая разница въ содержаніи отбывающихъ наказаніе по суду и заключенныхъ подъ стражу до суда. Эти послѣдніе вообще могутъ пользоваться пищей со стороны, носятъ свое, а не арестантское платье, освобождены отъ обязательныхъ работъ. Но тѣмъ не менѣе возбуждаетъ сожалѣніе то обстоятельство, что ни въ одной странѣ, изъ подвергшихся изслѣдованію Лярнода, не оказалось особыхъ тюремъ для предварительнаго заключенія, въ которыхъ бы не помѣщались осужденные по судебному приговору.

Между тѣмъ въ глазахъ общества особое отъ осужденныхъ помѣщеніе для заключаемыхъ до суда снимало бы съ послѣднихъ значительную долю того предубѣжденія, съ которымъ связано всякое пребываніе въ тюрьмѣ, хотя бы за нимъ послѣдовало и совершенное оправданіе. Такъ, при старомъ режимѣ считалось даже своего рода признакомъ хорошаго тона побывать въ Бастиліи, такъ какъ это тоже была тюрьма предварительнаго заключенія, хотя и совершенно особаго рода, въ виду того, что многіе изъ содержавшихся въ ней никогда и не передавались въ руки правосудія. Для извѣстныхъ категорій обвиняемыхъ легко можно было бы замѣнить содержаніе подъ стражей домашнимъ арестомъ или другими менѣе стѣснительными мѣрами. Вообще между содержаніемъ въ тюрьмѣ по суду и до суда должно быть всегда соблюдаемо самое строгое различіе: въ первомъ случаѣ личная свобода поражена или прервана вошедшимъ въ законную силу приговоромъ, не подлежащимъ дальнѣйшему измѣненію, во второмъ случаѣ свобода предварительно заключеннаго еще не поражена, она только временно пріостановлена, не лишена жизненности и можетъ снова вернуться въ полномъ объемѣ въ каждую данную минуту.

7. Статистическія данныя и заключеніе.

Собственно говоря, въ докладѣ г. Лярнода не содержится подробныхъ статистическихъ данныхъ о числѣ арестовъ, случаевъ предварительнаго заключенія, освобожденій изъ подъ стражи, осужденій и оправданій. Есть нѣкоторыя цифры по Италіи, Финляндіи и округу Варшавской судебной палаты, но онѣ не имѣютъ особаго значенія [1]).

Заслуживаютъ однако вниманія данныя, извлеченныя изъ французской уголовной статистики за послѣднія 6 лѣтъ. Изъ

---

[1]) Въ особенности слѣдуетъ отмѣтить, что по нашимъ статистическимъ сводамъ нельзя выдѣлить число освобожденныхъ отъ предварительнаго заключенія подъ залогъ или на поручительство. Если тѣмъ не менѣе корреспондентъ Лярнода изъ Варшавы г. Молденгауеръ заявляетъ, что число случаевъ освобожденія отъ ареста (mise en liberté) у насъ весьма значительно, то это заключеніе вытекаетъ лишь изъ сопоставленія общаго числа обвиняемыхъ съ числомъ содержащихся подъ стражей: такъ, напр., въ 1899 г. у судебн. слѣдователей Варшавскаго суд. округа было 14734 обвиняемыхъ, изъ коихъ 3989 находились подъ стражей. Но это не значитъ, что остальные 10745 были освобождены отъ заключенія: они и не были взяты подъ стражу вообще.

нихъ видно, что во Франціи число до-судебныхъ освобожденій вообще незначительно.

Годы	Число взятій подъ стражу (détentions préventives)	Въ томъ числѣ было освобождено изъ подъ стражи (libertés provisoires)
1893	129021	4663
1894	131924	4924
1895	116492	4544
1896	111395	4532
1897	106859	4921
1898	109312	4929

Такимъ образомъ, во Франціи изъ числа взятыхъ подъ стражу только незначительное количество (около 4%) освобождается впредь до разбора дѣла по существу. Это отношеніе нельзя не признать слишкомъ малымъ, какъ то уже было указано въ статистическомъ отчетѣ за 1886 годъ, при чемъ министръ юстиціи рекомендовалъ уже въ то время слѣдственнымъ судьямъ возможно чаще примѣнять законы, охраняющіе свободу личности. Однако, какъ видно, это увѣщаніе не имѣло особыхъ послѣдствій, такъ какъ число освобожденныхъ изъ подъ стражи съ 1886 г. не увеличилось замѣтно. Впрочемъ изъ 100 содержавшихся подъ стражею въ 1886 г. было освобождено только 3, а въ 1898 г.—4. Слѣдуетъ замѣтить, что въ Парижѣ относительное число освобожденій изъ подъ стражи больше, чѣмъ въ провинціи, и въ послѣднее время доходитъ до 7—8%.

Въ заключеніе своего доклада проф. Лярнодъ заявляетъ, что онъ имѣлъ въ виду представить только общій очеркъ современнаго положенія вопроса о предварительномъ заключеніи, не входя въ разсмотрѣніе его частностей, хотя несомнѣнно и частности эти представляютъ значительный интересъ и серьезное общественное значеніе. Можно сказать вообще, что о степени культурнаго развитія народа можно, между прочимъ, судить по степени развитія его уголовнаго судопроизводства, и въ особенности законодательной охраны личной свободы.

Таково въ существенныхъ чертахъ содержаніе доклада проф. Лярнода, представляющаго несомнѣнный интересъ не только для спеціалистовъ по уголовному праву. Но, пожалуй, еще болѣе интересно приложеніе къ этому докладу, представляющее, какъ было выше указано, результаты опроса выдающихся юристовъ

различныхъ европейскихъ странъ, подъ заглавіемъ: Enquête sur les garanties de la liberté individuelle. Въ этой анкетѣ имѣются свѣдѣнія по 27 государствамъ [1]), занимающія болѣе 80 страницъ печатнаго текста. Въ виду такой обширности собраннаго г. Лярнодъ матеріала было бы невозможно привести его здѣсь не только цѣликомъ, но даже и въ извлеченіи по всѣмъ государствамъ. Мы ограничимся сообщеніемъ наиболѣе выдающихся особенностей по наиболѣе значительнымъ европейскимъ государствамъ, изъ которыхъ Бельгія и отчасти Голландія представляютъ особый интересъ по прогрессивному характеру ихъ законодательствъ о взятіи подъ стражу.

I. Англія (также Соединен. Штаты, Канада).

Задержаніе (arrestation) по англійскимъ законамъ можетъ быть двоякаго рода: безъ приказа объ арестѣ отъ какого-либо судебнаго мѣста и вслѣдствіе такого приказа по производящемуся уже слѣдствію. Арестъ безъ приказа можетъ быть произведенъ частнымъ лицомъ, полиціей или мировымъ судьей. Частное лицо можетъ задержать всякаго, кого оно основательно подозрѣваетъ въ совершеніи преступленія (felony), если это преступленіе дѣйствительно совершено. Тѣмъ болѣе частныя лица могутъ (и обязаны) подобнымъ образомъ дѣйствовать, когда преступленіе совершено въ ихъ присутствіи, или если и не совершено, но виновный уже приступилъ или приготовился къ его совершенію. Помимо преступленій, частныя лица могутъ задерживать и совершающихъ различные проступки, указанные въ соотвѣтственныхъ парламентскихъ актахъ. Чины полиціи могутъ подвергать аресту виновныхъ въ тѣхъ же случаяхъ, что и частныя лица, и, кромѣ того, по многимъ нарушеніямъ и видамъ проступковъ, не дающимъ права частнаго ареста. Право мироваго судьи по задержанію виновныхъ нѣсколько уже права полиціи: такъ, онъ не можетъ подвергнуть аресту за совершеніе мелкихъ проступковъ хотя бы въ его присутствіи.

Задержаніе во время производства слѣдствія можетъ быть произведено какъ по уголовнымъ дѣламъ (indictable offences), такъ и по дѣламъ суммарной юстиціи. Въ первомъ случаѣ приказъ (warrant) о задержаніи можетъ быть выданъ какъ мировыми судья-

---

[1]) Revue pénitentiaire, 1901, février, стр. 239—323.

ми (по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ), такъ и коронеромъ (по дѣламъ объ убійствѣ). Задержаніе производится преимущественно въ случаѣ неявки обвиняемаго въ судъ по вызову или когда обвиненіе въ уголовномъ преступленіи составлено письменно и подтверждается клятвою со стороны обвинителя. По дѣламъ суммарной юрисдикціи (безъ присяжныхъ) приказъ о задержаніи выдается почти исключительно только въ случаѣ неявки по вызову въ судъ, и то при условіи достаточности уже представленныхъ уликъ противъ обвиняемаго.

Что касается предварительнаго заключенія и освобожденія отъ него, то судъ королевской скамьи и члены этого суда, выѣзжающіе на сессіи, имѣютъ право удовлетворять прошенія объ освобожденіи подъ залогъ отъ обвиняемыхъ по всѣмъ преступленіямъ и проступкамъ. Ихъ власть простирается не только на дѣла, имъ подвѣдомственныя, но также и на дѣла мировой юстиціи, по которымъ мировыми судьями было отказано въ освобожденіи изъ подъ стражи. Таковы полномочія высшаго королевскаго суда; мировые судьи по отношенію къ личному задержанію руководствуются слѣдующими правилами: въ случаѣ уголовнаго преступленія, до направленія дѣла по подсудности, судья можетъ выдать одно или нѣсколько распоряженій о задержаніи обвиняемаго, но въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не болѣе, какъ на 8 полныхъ сутокъ. Въ теченіе этого времени обвиняемый можетъ содержаться въ тюрьмѣ или, съ разрѣшенія судьи, находиться на свободѣ, при чемъ онъ обязуется явиться въ судъ; иногда это обязательство даже не обставляется особыми гарантіями (Indictable offence Act, 1848, sect. 21). Послѣ того какъ дѣло передано въ подлежащій судъ, судья можетъ, по своему усмотрѣнію, освободить обвиняемаго до разбора дѣла подъ залогъ или поручительство, при чемъ поручители обязуются доставить подсудимаго въ судъ ко дню разбора дѣла. Эта льгота по закону дается обвиняемымъ по всѣмъ преступленіямъ, но на практикѣ однако лица, обвиняемыя въ предумышленномъ убійствѣ, не выпускаются на свободу подъ залогъ или поручительство; въ равной мѣрѣ и обвиняемые въ измѣнѣ могутъ быть освобождены изъ подъ стражи только по приказу государственнаго секретаря или суда королевской скамьи.

По дѣламъ суммарной юрисдикціи, если обвиняемый былъ арестованъ безъ приказа судебной власти (without warrant) и не можетъ быть представленъ въ подлежащій судъ въ теченіе 24 ча-

совъ со времени его ареста, полицейскій инспекторъ обязанъ освободить обвиняемаго, взявъ съ него только обязательство явиться по вызову въ судъ (Summary Jurisdiction Act, 1879, sect. 38). Въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый въ проступкѣ былъ взятъ подъ стражу по судебному приказу, онъ долженъ быть приведенъ къ судьѣ. Этотъ послѣдній обязанъ немедленно разобрать дѣло и осудить или оправдать обвиняемаго. Если разрѣшеніе дѣла почему-либо будетъ отложено, обвиняемый можетъ быть освобожденъ съ обязательствомъ явки къ суду или же вновь препровожденъ въ тюрьму. Въ такомъ случаѣ нѣтъ предѣльнаго срока въ 8 дней, какъ по уголовнымъ дѣламъ, и судья не обязанъ освобождать обвиняемаго подъ обѣщаніе явки въ судъ.

Всякое лицо, подвергшееся аресту по какому бы то ни было обвиненію, имѣетъ право требовать выдачи приказа Habeas corpus, въ силу котораго оно должно быть представлено въ подлежащій судъ, имѣющій разрѣшить вопросъ о законности взятія подъ стражу. Лицо, издавшее неправильно приказъ объ арестованіи, каково бы ни было его общественное положеніе, подвергается денежному взысканію въ пользу потерпѣвшаго, при чемъ размѣръ этого взысканія опредѣляется судомъ присяжныхъ и можетъ достигать громаднѣйшихъ размѣровъ. Это—старинная (1679 г.), но весьма дѣйствительная мѣра охраненія личной свободы въ Англіи. Аналогичныя англійскимъ законамъ постановленія регулируютъ предварительное слѣдствіе въ англійскихъ самоуправляющихся колоніяхъ и въ Соедин. Штатахъ Сѣв. Америки, гдѣ такъ же, какъ и въ старой Англіи, примѣняется Habeas corpus и только по отдѣльнымъ штатамъ имѣются несущественныя измѣненія въ уголовномъ судопроизводствѣ.

2. *Бельгія.*

Право личнаго задержанія принадлежитъ главнымъ образомъ слѣдственному судьѣ (зак. 20 апрѣля 1874 г., ст. 1). Прокурорскій надзоръ и чины полиціи, подчиненные прокурору, могутъ арестовать преступника только на мѣстѣ совершенія преступленія (flagrant délit). Въ административномъ порядкѣ полиція можетъ въ исключительныхъ случаяхъ задержать частное лицо, подозрѣваемое въ совершеніи какого-либо проступка, но только не болѣе какъ на 24 часа. Бродяги, нищіе и сутенеры арестуются и предоставляются въ распоряженіе прокурорскаго надзора при полицейскомъ

судѣ, который, чрезъ посредство мироваго судьи, разрѣшаетъ ихъ участь въ теченіе 24 часовъ со времени ихъ ареста. Предварительное содержаніе подъ стражей допускается только относительно проступковъ, влекущихъ за собою тюремное заключеніе не менѣе 3 мѣсяцевъ, и то по отношенію къ лицамъ, проживающимъ постоянно въ Бельгіи, только при наличности особыхъ условій, въ цѣляхъ охраненія общественной безопасности, что̀ должно быть точно указано въ постановленіи о взятіи подъ стражу. Относительно лицъ, не проживающихъ постоянно въ Бельгіи, наличность такихъ условій необязательна для ихъ ареста. Если наказаніе за совершенное преступленіе превышаетъ 15 лѣтъ каторжныхъ работъ, обвиняемый можетъ быть оставленъ на свободѣ только по личному распоряженію прокурора. На практикѣ взятіе подъ стражу по дѣламъ о проступкахъ (т. е. почти по всѣмъ дѣламъ, подвѣдомственнымъ исправительнымъ судамъ) примѣняется только по отношенію къ обвиняемымъ, не имѣющимъ постояннаго мѣста жительства. Только тѣ изъ имѣющихъ опредѣленное мѣсто жительства подвергаются аресту, кто по прежней судимости или по совокупности проступковъ возбуждаетъ сомнѣніе въ цѣлесообразности оставленія на свободѣ. Взятіе подъ стражу лица, не судившагося ранѣе и живущаго въ опредѣленномъ мѣстѣ, можетъ быть произведено только при утвержденіи постановленія объ арестѣ со стороны прокурора судебной палаты.

По взятіи заключеннаго подъ стражу освобожденіе его можетъ быть произведено лишь по усмотрѣнію суда, а не вслѣдствіе какого-либо права со стороны подсудимаго. Освобожденіе можетъ быть допущено только при внесеніи залога. Однако обвиняемый можетъ быть выпущенъ изъ тюрьмы въ случаѣ несоблюденія органами судебнаго вѣдомства извѣстныхъ формальностей, требуемыхъ закономъ. Дѣло въ томъ, что приказъ объ арестѣ имѣетъ силу только на 5 дней, если приказъ этотъ не утвержденъ совѣщательной камерой (chambre du conseil) суда по докладу слѣдственнаго судьи и выслушаніи заключенія прокурора. Затѣмъ, каждый мѣсяцъ совѣщательная камера обязана составлять особое постановленіе о продолженіи содержанія подъ стражей. Эти формальности соблюдаются при предварительномъ слѣдствіи. Разъ дѣло поступило въ судъ,—продолженіе предварительнаго заключенія зависитъ исключительно отъ суда.

Что касается сроковъ для допроса обвиняемаго и продолжительности слѣдствія, то общимъ правиломъ является допросъ обви-

няемаго въ теченіе 24 часовъ со дня его арестованія. Продолжительность слѣдствія не ограничена какимъ-либо опредѣленнымъ срокомъ, однако, по всѣмъ тѣмъ дѣламъ, по которымъ обвиняемые находятся подъ стражею болѣе 6 мѣсяцевъ, составляется прокурорскимъ надзоромъ суда особый докладъ прокурору палаты (procureur général) съ указаніемъ причинъ, препятствующихъ окончанію слѣдствія. Этотъ докладъ затѣмъ вновь представляется чрезъ каждые 3 мѣсяца, и прокуроръ палаты, съ своей стороны, по означенному дѣлу входитъ съ докладомъ въ обвинительную камеру (зак. 1874 г. ст. 26). Апелляціонная палата можетъ по сему случаю принять мѣры, указанныя въ ст. 235 уст. угол. суд.

Защита на предварительномъ слѣдствіи въ Бельгіи существуетъ и пользуется тѣми же правами, что и на судоговореніи. Кромѣ того, сословіе присяжныхъ адвокатовъ, съ своей стороны, организовало особый комитетъ безвозмездной защиты, который, по просьбѣ неимущихъ обвиняемыхъ, доставляетъ имъ защитниковъ изъ сословія. Неимущій за три дня до разбора дѣла можетъ обратиться въ судъ съ просьбой назначить ему защитника. Его просьба передается въ бюро безплатной консультаціи адвокатовъ, если это бюро имѣется въ данномъ городѣ; если же его нѣтъ, предсѣдатель назначаетъ защитника ex officio.

Въ видѣ общаго заключенія можно сказать, что бельгійское законодательство о предварительномъ слѣдствіи и мѣрахъ пресѣченія не вызываетъ нареканій на практикѣ ни со стороны публики, ни со стороны магистратуры, такъ какъ обвиняемые, при дѣйствующей системѣ, пользуются большими гарантіями, и власть слѣдственнаго судьи ограничена до минимума. Предварительное заключеніе примѣняется сравнительно рѣдко. Такъ какъ арестантскія дѣла постоянно контролируются совѣщательной камерой и законъ, равно какъ и судебная практика, требуютъ ихъ скорѣйшаго окончанія, то слѣдственные судьи вообще прибѣгаютъ къ взятію подъ стражу лишь съ большою осторожностью. Предварительное заключеніе почти никогда не примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда, въ виду отсутствія прежней судимости, является вѣроятнымъ, что обвиняемый подвергнется только условному осужденію.

3. *Германія.*

Взятіе подъ стражу въ Германіи примѣняется къ обвиняемымъ въ проступкахъ, влекущихъ за собою тюремное заключеніе, и,

кромѣ того, по отношенію къ бродягамъ, проституткамъ и иностранцамъ, не имѣющимъ опредѣленнаго мѣста жительства. Лицо, взятое подъ стражу, должно быть немедленно допрошено мѣстнымъ участковымъ судьей (Amtsrichter), который и составляетъ постановленіе о содержаніи подъ стражей, если находитъ это нужнымъ. Но обвиняемый можетъ быть и выпущенъ на свободу по представленіи залога. При этомъ, конечно, принимаются во вниманіе личныя особенности подсудимаго, опасеніе вреднаго вліянія его на свидѣтелей и вообще на ходъ предварительнаго слѣдствія и т. п. Какихъ-либо сроковъ для продолжительности содержанія подъ стражей не установлено. Правда, что Amtsrichter можетъ издать приказъ о задержаніи, дѣйствительный только въ теченіе одной недѣли, но постановленія слѣдственнаго судьи не обусловлены никакой срочностью и въ этомъ отношеніи высшей инстанціей не контролируются.

Защита на предварительномъ слѣдствіи допускается, однако она не пользуется той свободой и самостоятельностью, какъ въ Бельгіи. Такъ, напр., обвиняемый или его защитникъ не могутъ ознакомиться съ содержаніемъ дѣла иначе, какъ съ особаго разрѣшенія слѣдственнаго судьи, который ни мало не обязанъ по закону давать такого рода разрѣшеніе, что̀, конечно, на практикѣ нерѣдко приводитъ къ тому, что обвиняемый остается почти безъ защиты на предварительномъ слѣдствіи. Тѣмъ не менѣе особыхъ злоупотребленій въ дѣлѣ предварительнаго содержанія подъ стражей не замѣчается, и проектовъ реформы предварительнаго слѣдствія не появляется ни въ печати, ни въ рейхстагѣ.

4. *Австрія.*

Взятіе подъ стражу можетъ быть законнымъ только на основаніи мотивированнаго приказа, исходящаго отъ судебной власти. Полиція можетъ временно задержать извѣстное лицо только въ указанныхъ закономъ случаяхъ; лицо, такимъ образомъ арестованное, должно быть освобождено въ 48 часовъ или передано судебнымъ властямъ (законъ 27 октября 1862 г.). Эти случаи суть: 1) поимка на мѣстѣ преступленія; 2) намѣреніе со стороны подозрѣваемаго скрыться бѣгствомъ; 3) опасность подговора свидѣтелей и сокрытія слѣдовъ преступленія; 4) вѣроятность рецидива. Но и въ этихъ случаяхъ, какъ упомянуто выше, требуется необходимая санкція судебной власти. Прокурорскій надзоръ можетъ только

предложить судьѣ взятіе подъ стражу, какъ мѣру пресѣченія. Точно также и слѣдственный судья можетъ постановить о приводѣ обвиняемаго только въ четырехъ вышеупомянутыхъ случаяхъ; онъ обязанъ это сдѣлать, когда дѣло идетъ о преступленіи, влекущемъ за собою по закону тюремное заключеніе не менѣе 10 лѣтъ или же смертную казнь. Въ дѣлахъ о нарушеніяхъ (Uebertretungen) взятіе подъ стражу примѣняется только при опасеніи бѣгства или сокрытія слѣдовъ обвиняемымъ.

Предварительное заключеніе можетъ быть замѣнено залогомъ или же письменнымъ обязательствомъ не удаляться изъ мѣста жительства и не скрываться отъ суда. Освобожденіе изъ подъ стражи не допускается по преступленіямъ, наказуемымъ десятью годами тюрьмы или смертной казнью. Замѣна содержанія подъ стражей залогомъ или поручительствомъ производится слѣдственнымъ судьей при согласіи прокурорскаго надзора, при чемъ совѣщательная камера опредѣляетъ сумму требуемаго залога. Та же совѣщательная камера разрѣшаетъ вопросъ объ освобожденіи, при несогласіи по этому предмету слѣдственнаго судьи и прокурорскаго надзора.

Допросъ обвиняемаго производится въ теченіе 24 часовъ со дня ареста и никакъ не позже 3 дней. Если обвиняемый былъ арестованъ по подозрѣнію въ подговорѣ свидѣтелей или сокрытіи слѣдовъ преступленія, то, по общему правилу, заключеніе не можетъ продолжаться болѣе двухъ мѣсяцевъ. Содержаніе подъ стражей долѣе трехъ мѣсяцевъ можетъ быть разрѣшено только судомъ второй инстанціи.

Обвиняемый имѣетъ право требовать въ установленномъ порядкѣ, чтобы его допросили въ закономъ указанный срокъ, чтобы содержаніе подъ стражей, основанное на опасеніи подговора свидѣтелей (Collusionshaft), не затягивалось бы долѣе законнаго срока, чтобы въ постановленіи о задержаніи были точно указаны мотивы этой мѣры, чтобы наконецъ, при исполненіи требуемыхъ закономъ условій, ему даровали свободу подъ обезпеченіе залога или поручительства. Защита на предварительномъ слѣдствіи допускается, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, такъ же, какъ и въ Германіи.

5. *Голландія.*

Право постановленія о взятіи подъ стражу принадлежитъ слѣдственному судьѣ по предложенію прокурорскаго надзора или под-

лежащаго суда или же самому суду ex officio или по предложенію прокурора. Прокурорскій надзоръ также можетъ взять подъ стражу, но только въ случаяхъ flagrant délit.

Содержаніе подъ стражей (détention préventive) примѣняется только по дѣламъ, влекущимъ за собою заключеніе свыше 4 лѣтъ, а также относительно бродягъ и нищихъ. Лишеніе свободы практикуется только при возможности бѣгства обвиняемаго или изъ соображеній общественной безопасности. Законъ не упоминаетъ о взятіи подъ стражу въ интересахъ предварительнаго слѣдствія или удобства собиранія уликъ. Неимѣніе постояннаго мѣста жительства и опредѣленныхъ средствъ существованія служитъ однако основаніемъ къ личному задержанію.

Приказы объ арестѣ какъ прокурорскаго надзора, такъ и слѣдственнаго судьи дѣйствительны только въ теченіе 8 дней. Содержаніе подъ стражей можетъ быть продолжено сверхъ этого срока только судомъ. Мотивированныя постановленія суда опредѣляютъ время содержанія не болѣе 30 дней. По истеченіи этого срока требуется вторичное мотивированное постановленіе суда о продленіи заключенія обвиняемаго на тотъ же срокъ (30 дней) и т. д.

Съ обвиняемаго долженъ быть снятъ допросъ въ теченіе 24 часовъ со времени взятія подъ стражу, но обвиняемый не можетъ просить о разборѣ его дѣла въ опредѣленный заранѣе срокъ. Надо замѣтить, что, если приказъ о задержаніи, по истеченіи 30-дневнаго срока, не возобновленъ судомъ, то начальникъ тюрьмы выпускаетъ на волю обвиняемаго собственною властью. Всѣ обвиняемые, за исключеніемъ бродягъ и нищихъ, пользуются правомъ судебной защиты на предварительномъ слѣдствіи. Въ большихъ городахъ—Амстердамѣ, Гаагѣ, Роттердамѣ—существуетъ общество присяжныхъ повѣренныхъ съ цѣлью оказанія содѣйствія несовершеннолѣтнимъ осужденнымъ, называемое „Pro juventute“.

6. *Италія* [1]).

Право подвергать аресту принадлежитъ:

1. Несмѣняемымъ судьямъ:

а) обвинительной камерѣ (sezione d'accusa) по дѣламъ о преступленіяхъ, наказуемыхъ пожизненнымъ заключеніемъ (ergastolo)

---

[1]) Сообщеніе проф. Brusa.

или другимъ видомъ лишенія свободы на срокъ не менѣе 3 лѣтъ (ст. 437 С. pr. pen.) [1]);

б) члену палаты, завѣдующему слѣдствіемъ по порученію обвинительной камеры, въ тѣхъ случаяхъ, когда камера сама завѣдуетъ—по предложенію прокурора палаты—предварительнымъ слѣдствіемъ (ст. 448 С. pr. pen.);

в) слѣдственному судьѣ въ обыкновенныхъ случаяхъ (ст. 182—206 С. pr. pen.). Взятію подъ стражу подвергаются обвиняемые въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ (3 года лишенія свободы), нищіе, бродяги, не имѣющіе опредѣленнаго мѣста жительства или ранѣе пытавшіеся скрыться, также рецидивисты по кражѣ и мошенничеству и пр. Въ теченіе слѣдствія судья не можетъ составить постановленія объ арестѣ или измѣнить постановленіе о приводѣ въ постановленіе о взятіи подъ стражу безъ выслушанія заключенія прокурорскаго надзора и безъ принятія въ соображеніе достаточности основаній къ обвиненію, за исключеніемъ только случаевъ неявки по вызову (ст. 187 С. pr. pén.).

2) Смѣняемымъ судьямъ:

Мировому судьѣ (pretore), который, по порученію слѣдственнаго судьи, по слѣдственнымъ дѣламъ, ему переданнымъ, пользуется тѣми же правами, что и судебный слѣдователь. Въ обыкновенныхъ случаяхъ мировой судья можетъ арестовать обвиняемаго въ проступкѣ, наказуемомъ заключеніемъ свыше 3 мѣсяцевъ, при наличности тѣхъ же условій, которыя принимаются въ соображеніе и слѣдственной властью.

3) Прокурорскому надзору.

Прокуроръ, какъ глава судебной полиціи, можетъ отдать приказъ о задержаніи виновныхъ въ случаѣ поимки на мѣстѣ преступленія (flagrant délit), если наказаніе за него превышаетъ 3 мѣсяца заключенія (ст. 46—48, 50 С. pr. pen.).

4) Судебной полиціи.

Всѣ чины судебной полиціи (ст. 60, 64—66 С. pr. pen.) должны брать подъ стражу лицъ, захваченныхъ на мѣстѣ преступленія, а равно бродягъ, нищихъ, состоящихъ подъ особымъ надзоромъ полиціи, людей, пользующихся дурной репутаціей (ст. 95, 96 полиц. уст.), если противъ нихъ имѣются улики въ совершеніи какого-либо проступка.

---

[1]) По редакціи 1889 г.

5) Административной власти. Мэры, въ качествѣ полицейскихъ чиновъ въ предѣлахъ своей общины, имѣютъ тѣ же права, что и судебная полиція.

6) Частныя лица также имѣютъ право задерживать виновныхъ во время совершенія преступленія.

Освобожденіе изъ подъ стражи наступаетъ само собою въ тѣхъ случаяхъ, когда по закону мѣрою пресѣченія является не заключеніе въ тюрьмѣ, а какое-либо менѣе значительное стѣсненіе личной свободы, т. е. по всѣмъ менѣе важнымъ проступкамъ, наказуемымъ тюрьмою менѣе 3 лѣтъ. Въ другихъ случаяхъ освобожденіе подъ обезпеченіе залогомъ или безъ залога факультативно. Однако весьма значительныя категоріи подсудимыхъ не могутъ быть отпущены изъ предварительнаго заключенія по закону; таковы— понесшіе ранѣе наказаніе, соединенное съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ или тюремнымъ заключеніемъ свыше 5 лѣтъ, рецидивисты, судившіеся за кражу или мошенничество, обвиняемые въ грабежѣ, вымогательствѣ или шантажѣ, равно обвиняемые, захваченные на мѣстѣ преступленія, наказуемаго заключеніемъ не менѣе 3 лѣтъ, обвиняемые въ преступленіяхъ государственныхъ или насиліи противъ властей.

Освобожденіе отъ предварительнаго заключенія зависитъ отъ внесенія назначеннаго подлежащей властью залога, но лица неимущія могутъ быть освобождены и безъ залога, по наведеніи справокъ о предыдущемъ ихъ безпорочномъ поведеніи. Въ этихъ случаяхъ обвиняемый долженъ указать суду, гдѣ именно онъ будетъ жить, при чемъ ему возбраняется мѣнять мѣстожительство безъ разрѣшенія суда. Конечно, если обвиняемый, отпущенный на свободу, перемѣнитъ мѣстожительство или не явится по вызову въ судъ, онъ снова подвергается заключенію, и дополнительному штрафу или аресту; однако и въ этомъ случаѣ онъ можетъ представить (въ теченіе 5 дней послѣ постановленія о вторичномъ арестованіи) свои объясненія о причинѣ неявки и, если судъ признаетъ ихъ уважительными, обвиняемый можетъ быть оставленъ на свободѣ.

Допросъ обвиняемаго по закону долженъ производиться въ теченіе 24 часовъ со времени его ареста; послѣ допроса слѣдственный судья представляетъ дѣло лицу прокурорскаго надзора, которое обязано возвратить дѣло со своимъ заключеніемъ въ двухдневный срокъ. Въ слѣдующіе затѣмъ 24 часа слѣдственный судья долженъ составить докладъ по дѣлу въ совѣщательную камеру;

эта послѣдняя постановляетъ опредѣленіе о продолженіи содержанія подъ стражей обвиняемаго или замѣнѣ заключенія другой мѣрой пресѣченія, равно и о продолженіи слѣдствія или направленія дѣла въ подлежащій судъ. Если въ теченіе десяти дней послѣ допроса обвиняемаго камера не постановила по дѣлу никакого опредѣленія, приказъ судьи объ арестѣ теряетъ свою силу, и обвиняемый долженъ быть освобожденъ. Въ томъ случаѣ, когда совѣщательная камера постановитъ продолжать слѣдствіе и содержать обвиняемаго подъ стражей,—слѣдственный судья обязанъ каждые два мѣсяца, по выслушаніи заключенія прокурорскаго надзора, представлять докладъ совѣщательной камерѣ о положеніи дѣла. Камера, сообразуясь съ обстоятельствами, можетъ издать приказъ объ освобожденіи обвиняемаго изъ подъ стражи до суда.

Обвиняемый имѣетъ право на содѣйствіе защиты по вопросу объ освобожденіи отъ предварительнаго заключенія. Защитникъ излагаетъ письменно основанія къ освобожденію. По дѣламъ, подвѣдомственнымъ ассизной палатѣ, защита допускается къ обзору дѣла въ промежутокъ времени между отмѣткой въ дѣлѣ заключенія прокурора палаты и постановленіемъ обвинительной камеры; защита представляетъ свои замѣчанія и ходатайства въ означенную камеру. За исключеніемъ однако этого случая защита не участвуетъ при веденіи предварительнаго слѣдствія.

Лицо, неправильно подвергнутое аресту, имѣетъ право жаловаться суду на должностное лицо, постановившее приказъ объ арестѣ, и добиться его оштрафованія или, въ случаяхъ болѣе важныхъ, заключенія на время отъ 3 мѣсяцевъ до 7 лѣтъ (ст. 147 С. Р.). Впрочемъ, въ случаѣ судебной ошибки, исключающей возможность уголовной отвѣтственности, гражданская отвѣтственность должностнаго лица за неправильное взятіе подъ стражу, при неимѣніи личныхъ средствъ у сего послѣдняго, остается фиктивной, такъ какъ государство не отвѣчаетъ за дѣйствія отдѣльныхъ чиновниковъ.

Въ общемъ порядокъ предварительнаго слѣдствія въ Италіи, въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ закономъ (на практикѣ встрѣчаются отступленія въ особенности относительно обязательныхъ сроковъ по нѣкоторымъ слѣдственнымъ дѣйствіямъ), представляется удовлетворительнымъ, но общественное мнѣніе страны, и въ особенности юридическая печать, особенно развитая въ Италіи, требуетъ дополнительныхъ реформъ, въ особенности по отношенію къ ускоренію слѣдствія, сокращенію числа случаевъ обязательнаго

содержанія подъ стражей до суда и болѣе широкому примѣненію судебной защиты во всѣхъ стадіяхъ предварительнаго слѣдствія.

Въ предложенномъ краткомъ очеркѣ мы могли намѣтить только самыя общія черты интереснаго вопроса, изслѣдованію котораго посвященъ докладъ проф. Лярнода. Мы не можемъ передать здѣсь хотя бы вкратцѣ живыя и продолжительныя пренія, завязавшіяся по вопросу о гарантіяхъ личной свободы въ предварительномъ слѣдствіи, занявшія три засѣданія Société générale des prisons 16 января, 20 февраля и 20 марта. Отмѣтимъ только, что центръ тяжести этихъ преній заключался въ обсужденіи спеціально французскихъ законовъ о взятіи подъ стражу во время предварительнаго слѣдствія. Въ особенности сильной критикѣ была подвергнута 10 ст. уст. угол. суд., по которой предоставляется право производить нѣкоторыя слѣдственныя дѣйствія префектамъ при содѣйствіи полиціи. Большинство ораторовъ горячо нападало на подобнаго рода остатокъ Наполеоновскаго режима въ законодательствѣ третьей республики, и такъ какъ въ скоромъ времени предполагается внести въ палату депутатовъ проектъ объ отмѣнѣ права лицъ административнаго вѣдомства производить какія-либо слѣдственныя дѣйствія помимо непосредственныхъ порученій судебной власти, то, по всѣмъ вѣроятіямъ, дни ст. 10 франц. уст. угол. суд. сочтены. Но, при всей талантливости и блескѣ произнесенныхъ по этому и другимъ вопросамъ предварительнаго слѣдствія рѣчей, въ нихъ замѣчается отсутствіе основательнаго ознакомленія съ результатами изслѣдованія проф. Лярнода по европейскимъ государствамъ. Въ этомъ отношеніи обширный матеріалъ, имъ собранный, остался, повидимому, неиспользованнымъ, но, конечно, это въ сущности случайное обстоятельство нисколько не умаляетъ его достоинства и значенія.

Е. Тарновскій.

КАССАЦІОННАЯ ПРАКТИКА.

ВОПРОСЫ, РАЗРѢШЕННЫЕ ГРАЖДАНСКИМЪ КАССАЦІОННЫМЪ ДЕПАРТАМЕНТОМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА ВЪ 1900 Г.

(*Продолженіе*) [1]).

Составилъ **Д. Д. Черновъ.**

А. Матеріальные гражданскіе законы.

а) Т. X ч. 1 свод. зак. гражд.

Ст. 420 (691).

76. Если отвѣтчикъ владѣетъ спорною недвижимостью по крѣпостному акту, то истецъ, требуя признанія за нимъ права собственности на эту недвижимость и изъятія ея изъ владѣнія отвѣтчика съ передачей ему, истцу,—не обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщать въ исковомъ прошеніи требованіе о признаніи недѣйствительнымъ крѣпостнаго акта, на которомъ утверждаетъ свое право отвѣтчикъ. Искъ въ такомъ случаѣ не можетъ быть ни отвергнутъ, ни оставленъ безъ разсмотрѣнія. Рѣш. № 84.

Ст. 426, 428.

77. „Подъ понятіемъ „берегового права“ разумѣется не какой-либо особый видъ собственности, а то же право собственности

---

[1]) См. Жур. Мин. Юст. 1901 г. № 2, стр. 224.

на землю, составляющую какъ берегъ, такъ и земельное пространство, находящееся подъ водою, начиная отъ берега рѣки до средины ея; право это называется береговымъ по отношенію къ пользованію водами рѣки, ограниченному правомъ общаго пользованія, доколѣ рѣка, измѣнивъ теченіе, не обсохла вполнѣ или частью. Границу же владѣній прибрежныхъ собственниковъ составляетъ не берегъ, а середина желобовины или русла рѣки". Рѣш. № 76.

Ст. 445, п. 3.

78. Право собственника дома требовать уничтоженія устроеннаго его сосѣдомъ ската кровли на его дворъ не прекращается истеченіемъ 10-лѣтней давности со времени нарушенія таковаго его права, въ виду того, что одно фактическое пользованіе сосѣда означенной выгодой въ чужомъ имуществѣ не можетъ обратиться въ *право* участія частнаго, сколько бы времени оно ни продолжалось (рѣш. 1898 г. № 88 и друг.). То обстоятельство, что истецъ уже ранѣе предъявлялъ искъ объ уничтоженіи ската кровли и въ теченіе 10 лѣтъ не просилъ объ исполненіи состоявшагося въ его пользу рѣшенія, не лишаетъ его права на вторичное предъявленіе иска. Рѣш. № 57.

Ст. 458, примѣч.

79. Со времени изданія инструкціи 25 мая 1766 года (о генеральномъ межеваніи) *право въѣзда* владѣльцевъ однихъ дачъ въ лѣса другихъ, какъ право *безсрочное* и *вотчинное*, установлять на будущее время воспрещено. Поэтому всякое выговоренное (напр., въ купчей крѣпости) право пользованія лѣсомъ сосѣдняго имѣнія должно считаться правомъ личнымъ и временнымъ, и для новаго пріобрѣтателя имѣнія такое условіе необязательно. Рѣш. № 66.

Ст. 555.

80. Совладѣлецъ, желающій оставить за собою отчуждаемую другимъ совладѣльцемъ долю въ общемъ имѣніи, долженъ заплатить послѣднему цѣну, предлагаемую стороннимъ покупщикомъ. Такое пониманіе выраженія 555 ст. „по оцѣнкѣ" слѣдуетъ изъ сопоставленія ея съ другими статьями закона, упоминающими о правѣ преимущественной покупки, предоставляемомъ совладѣль-

цамъ (напр., ст. 228 уст. горн. изд. 1893 г.). „Сущность этого права заключается въ томъ, что соучастники пользуются преимуществомъ *при равныхъ условіяхъ*, т. е. они могутъ представить соучастнику, продающему его долю стороннему лицу, продажную цѣну и тѣмъ удержать эту долю за собою“ [1]). Рѣш. № 55.

Ст. 683,

81. „Причиненіе кому-либо поврежденія въ здоровьѣ *при эксплоатаціи* желѣзнодорожнаго предпріятія *агентомъ* послѣдняго налагаетъ на желѣзную дорогу обязанность вознаградить потерпѣвшаго за убытки, отъ того поврежденія происшедшіе, безотносительно и независимо отъ того, послѣдовали ли тѣ убытки отъ такого дѣйствія желѣзнодорожнаго агента, которое входитъ въ кругъ его служебныхъ по желѣзной дорогѣ обязанностей, или же оно было результатомъ преступной воли его, или, наконецъ, дѣйствіе агента, причинившее поврежденіе, представляется совершенно безразличнымъ по отношенію къ его служебнымъ обязанностямъ и его намѣренію“. Рѣш. № 75.

Ст. 684.

82. Мастеровые и рабочіе заводовъ морскаго вѣдомства, получившіе увѣчье во время работы, имѣютъ право на общемъ основаніи обращаться къ суду съ искомъ о вознагражденіи, несмотря на то, что имъ по особымъ законамъ (сводъ морскихъ постановленій, кн. V, ст. 117—138 и 147[2]) назначаются за увѣчья пенсіи, ибо въ этихъ законахъ не говорится, чтобы назначеніе пенсій лишало ихъ права на .слѣдуемое имъ по общимъ гражданскимъ законамъ вознагражденіе. Рѣш. № 65.

Ст. 684, 687.

83. Содержатель трактира отвѣчаетъ за пропажу, по небрежности его слугъ, сданнаго послѣднимъ на храненіе верхняго платья посѣтителей—даже и въ томъ случаѣ, если найденъ и осужденъ похититель платья. „Отвѣтственность трактирохозяина, какъ это уже указывалось Правительствующимъ Сенатомъ, вытекаетъ какъ изъ

---

[1]) Въ кассаціонной жалобѣ по дѣлу указывалось, что подъ „оцѣнкою“ законъ разумѣетъ опредѣленіе *дѣйствительной стоимости* имѣнія (напр. путемъ экспертизы), или оцѣнку государственную, земскую и т. д.

общихъ гражданскихъ законовъ объ отвѣтственности за убытки, такъ и изъ спеціальныхъ постановленій объ отвѣтственности хозяевъ трактировъ за безопасность вещей посѣтителей (рѣш. 1894 г. № 64, 1874 г. № 777 и др.)" [1]). Потерпѣвшій воленъ искать удовлетворенія и отъ непосредственнаго виновника—отъ похитителя, либо отъ слуги, по небрежности котораго допущено похищеніе; но онъ имѣетъ несомнѣнное право требовать удовлетворенія и отъ хозяина трактира (такъ какъ виновность послѣдняго имѣетъ самостоятельное основаніе). Въ свою очередь хозяинъ имѣетъ обратное требованіе къ похитителю или небрежному слугѣ. Рѣш. № 79.

Ст. 687 (684).

84. Казна отвѣчаетъ безусловно за цѣлость имущества, поступившаго въ завѣдываніе органовъ власти по требованію закона и независимо отъ воли частныхъ лицъ, имѣющихъ право на это имущество (напр., если деньги сданы въ казначейство депозитомъ суда и затѣмъ по подложной ассигновкѣ выданы неподлежащему лицу), такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ казна „обязана ограждать это имущество отъ всякихъ случайностей". Рѣш. № 56.

Ст. 991.

85. Обязательство, срокъ исполненія котораго назначенъ послѣ смерти должника, не можетъ быть только поэтому признано „неформальнымъ *завѣщательнымъ распоряженіемъ*" (и потому недѣйствительнымъ въ виду отсутствія требуемыхъ для завѣщанія формальностей), *если не установленъ дарственный характеръ сдѣлки.* Рѣш. № 80.

Ст. 1060, 1063.

86. Для перерыва давностнаго срока, установленнаго въ 1063 ст., достаточно одного *представленія* завѣщанія въ судъ, хотя

---

[1]) Въ цитированныхъ рѣшеніяхъ Сенатъ ошибочно ссылался на отмѣненный еще въ 1861 г. законъ—§§ 70 и 71 прилож. къ ст. 31 уст. о городск. и сельск. хоз., XII т. изд. 1857 г., гдѣ упоминалось объ особой обязанности трактирохозяевъ заботиться о сохранности имущества постояльцевъ. Подобное постановленіе составило ст. 37 полож. о тракт. пром. 4 іюня 1861 года; въ дѣйствующемъ же положеніи 8 іюня 1893 г. нѣтъ соотвѣтствующаго правила, а вмѣсто того ст. 24 предоставляетъ городскимъ думамъ (или губернаторамъ) издавать обязательныя постановленія, между прочимъ, о *соблюденіи благочинія* въ тракт. заведеніяхъ при чемъ (п. VIII, мн. Гос. Сов.) крайнимъ срокомъ изданія такихъ постановленій назначено 1 сентября 1893 года.—*Прим. ред.*

бы просьба о его утвержденіи была надлежащимъ образомъ заявлена уже по истеченіи срока. Рѣш. № 52.

Ст. 1066[12].

87. Двухлѣтнею давностью погашаются *всѣ вообще* иски о недѣйствительности завѣщаній (кромѣ споровъ о подлогѣ завѣщ. и споровъ противъ условныхъ распоряженій), [1]) а слѣд. и иски о недѣйствительности завѣщательныхъ распоряженій, касающихся родоваго имущества. Рѣш .№ 73.

Ст. 1123.

88. Если непосредственный наслѣдникъ при жизни пропустилъ срокъ на оспариваніе завѣщанія наслѣдодателя, то наслѣдники по праву представленія отъ него не въ правѣ предъявить иска о недѣйствительности того же завѣщанія, ссылаясь на то, что для нихъ давность по малолѣтству пріостанавливается,—ибо права наслѣдниковъ по представленію возникаютъ лишь въ моментъ смерти лица представляемаго, и они не могутъ уже имѣть того права, которое утрачено ихъ предшественникомъ. Рѣш. № 73.

Ст. 1301.

89. „Статья эта предусматриваетъ случаи продажи или залога имѣнія наслѣдниками по закону и появленіе *впослѣдствіи* наслѣдниковъ по завѣщанію. Дѣйствительность продажи имѣнія наслѣдникомъ по закону обусловлена тѣмъ, что въ моментъ отчужденія имѣнія законный титулъ владѣнія собственника (наслѣдство по закону) не опороченъ предъявленіемъ спора со стороны другаго лица, имѣющаго право на то же имѣніе по завѣщанію, устраняющему наслѣдованіе по закону". Но если продавецъ имѣнія основываетъ свои права на наслѣдствѣ по закону послѣ лица, которому въ дѣйствительности имѣніе было завѣщано въ пожизненное владѣніе, то настоящій собственникъ имѣнія (по тому же завѣщанію) въ правѣ требовать признанія продажи недѣйствительною и отобранія имѣнія отъ покупателя. Рѣш. № 84.

Ст. 1585.

90. Болѣзнь, лишающая контрагента возможности исполнить условленное *личное* дѣйствіе, которое не можетъ быть исполнено

---

[1]) Рѣш. 1893 г. № 11, 1891 г. № 112, 1886 г. № 20.

чрезъ повѣреннаго (напр., очищеніе въ срокъ квартиры), освобождаетъ его отъ уплаты неустойки за такое нарушеніе договора. Рѣш. № 62.

Ст. 2045 (569); уст. госуд. банка, ст. 57.

91. „Фактомъ выдачи *чека* устанавливается предположеніе существованія обязанности чекодателя произвести извѣстный платежъ чекодержателю. По самому существу своему чекъ, какъ приказъ на кассу банка или банкира, у котораго чекодатель имѣетъ текущій счетъ, служитъ главнымъ образомъ для окончанія долговыхъ отношеній, существовавшихъ между чекодателемъ и чекопринимателемъ, какъ одно изъ *орудій уплаты*, заканчивающей такія долговыя отношенія, съ возвращеніемъ долговыхъ документовъ должнику". Иное значеніе чека, какъ *полномочія* на полученіе съ текущаго счета денегъ *для надобности самого чекодателя*, не предполагается, а должно быть доказано. Рѣш. № 71.

92. „Обратное требованіе чекодержателя *по чеку* отъ чекодателя можетъ возникнуть лишь тогда, когда онъ, *потребовавъ* въ условленный срокъ деньги съ указаннаго ему текущаго счета, таковыхъ не получитъ". Тамъ же.

б) Гражд. законы Ц. Польскаго. Законъ 1825 г. о привилегіяхъ и ипотекахъ, ст. 15.

93. Казна пользуется правомъ законной ипотеки въ обезпеченіе уплаты не только „податей" въ тѣсномъ смыслѣ слова (т. е. прямыхъ окладныхъ налоговъ), но также и прочихъ неокладныхъ сборовъ, и въ томъ числѣ крѣпостныхъ пошлинъ. Рѣш. № 60 [1]).

в) Свод. мѣстн. гражд. узак. губ. Прибалтійскихъ.

Ст. 1325 (947), 4137.

94. „Право безсрочнаго оброчнаго содержанія (ст. 1324 и слѣд.) и право наслѣдственной аренды (ст. 4131 и слѣд.) представляютъ собою отдѣльные виды одного и того же института—пользовладѣнія на правахъ собственности (dominium utile), и какъ по основанію, такъ и по юридическому свойству и характеру своему,

---

[1]) Здѣсь Сенатъ вновь вошелъ въ обсужденіе вопроса, рѣшеннаго въ обратномъ смыслѣ въ рѣш. 1892 г. № 42.

являются вполнѣ однородными, отличаясь другъ отъ друга лишь въ нѣкоторыхъ подробностяхъ". Поэтому правило о томъ, что наслѣдственный арендаторъ не можетъ раздроблять свое право на *реальныя* доли безъ согласія собственника (ст. 4137), должно быть по аналогіи (согласно ст. XXI введ. къ Своду) примѣняемо и къ оброчному содержателю. Рѣш. № 54.

Ст. 1614, 1654.

95. Право наслѣдственнаго выкупа распространяется на участки принадлежащей крестьянамъ въ собственность *мызной земли*, хотя бы они принадлежали къ разряду такъ называемыхъ *квотныхъ*. Рѣш. № 61.

Ст. 3618, 3620.

96. Искъ о недѣйствительности ипотеки, предъявленный ниже стоящимъ по старшинству ипотечнымъ кредиторомъ, погашается истеченіемъ давности со дня установленія оспариваемой ипотеки. Рѣш. № 68.

Ст. 3629, 3630.

97. Заявленіе кредиторомъ своей претензіи въ порядкѣ вызывнаго производства, возбужденнаго по случаю открытія наслѣдства послѣ должника, не прерываетъ теченія исковой давности. Рѣш. № 70.

Полож. о крестьянахъ Лифл. губ.

Ст. 945 и 946.

98. Установленная закономъ *общность имущества супруговъ* не можетъ быть признана тѣмъ правомъ *общей собственности* нѣсколькихъ лицъ на одну и ту же вещь въ умственныхъ доляхъ, о которой говорится въ 927 ст. свод. мѣстн. узак. Хотя законъ (946 ст. полож.) употребляетъ выраженіе „общая собственность" для обозначенія общности имуществъ супруговъ, но далѣе, при установленіи отвѣтственности вдовы за долги мужа, уже *различаетъ отдѣльныя имущества* супруговъ. Такимъ образомъ, „бракомъ Лифляндскихъ крестьянъ устанавливается такая общность ихъ имущества, при которой *не происходитъ сліянія* имущества обоихъ супруговъ въ общую массу съ равнымъ правомъ каждаго на умственную долю, но указанная въ законѣ „общность" есть

лишь соединеніе имущества обоихъ супруговъ въ одно цѣлое (1 прим. къ 927 ст. свод. мѣстн. узак.) подъ управленіе мужа, доколѣ продолжается брачный союзъ (ст. 11 и 12 свод. мѣстн. узак.), съ прекращеніемъ его, это цѣлое распадается на составныя части, и переживший супругъ признается собственникомъ лишь того, что̀ имъ было внесено въ бракъ, и наслѣдникомъ по закону или завѣщанію всего того, что̀ имъ будетъ получено сверхъ своей собственности" [1]). Рѣш. № 59.

г) Мѣстные законы Бессарабіи. Учрежденіе для управленія Бессарабской области 29 февраля 1828 года (П. С. З. № 1834) § 63.

99. Предоставленное Бессарабіи *навсегда* право руководствоваться въ гражданскихъ дѣлахъ мѣстными законами остается въ силѣ до сихъ поръ, несмотря на то, что упоминавшія объ этомъ въ сводѣ законовъ ст. 130 т. II ч. 2 и 1606 т. X ч. 2 (изд 1857 г.) исключены изъ свода послѣ введенія въ области общаго губернскаго учрежденія и судебныхъ уставовъ. Дѣйствіе мѣстныхъ законовъ не было отмѣнено законодательнымъ порядкомъ, а одно кодификаціонное измѣненіе не означаетъ перемѣны закона (рѣш. 1882 г. № 29, 1880 г. № 142, 200). Напротивъ, всякое распространеніе общерусскихъ гражданскихъ законовъ (т. X ч. 1) на Бессарабію всегда оговаривается особо (напр., ст. 277 прим. 2, 1363 прим. 1, зак. гр. изд. 1887 г.). Рѣш. № 72.

Выс. утв. 15 декабря 1847 года мнѣніе Госуд. Совѣта (П. С. З. № 21794).

100. *Мѣстными законами* Бессарабіи должны признаваться: шестикнижіе Арменопуло, сборникъ Донича [2]) и соборная грамота 1785 года. Тамъ же.

---

[1]) Въ данномъ случаѣ женѣ было завѣщано мужемъ имѣніе, пріобрѣтенное имъ лично; судебная палата нашла, что по праву *общей собственности* супруговъ жена уже во время брака была собственницей половинной доли этого имущества, и, слѣд., по завѣщанію получила лишь остальную половину; сообразно съ этимъ палата произвела исчисленіе наслѣдственныхъ пошлинъ. Сенатъ нашелъ такой взглядъ неправильнымъ.

[2]) Сборникъ Донича представляется лишь „краткимъ собраніемъ законовъ, извлеченнымъ изъ Царскихъ книгъ (Василикъ) для руководства обучающихся онымъ" (т. е. съ педагогическою цѣлью) и въ полнотѣ и точности изложенія уступаетъ сборнику Арменопуло.

101. Сводъ зак. гражд. можетъ быть примѣняемъ (кромѣ указанныхъ выше случаевъ особаго его распространенія на Бессарабію, см. тезисъ 99) лишь въ случаѣ *недостаточности* мѣстныхъ законовъ; при неясности же, неполнотѣ или противорѣчіи послѣднихъ судъ долженъ поступать на основаніи 9 ст. уст. гражд. суд., т. е. основываться на *общемъ смыслѣ* мѣстныхъ законовъ, при чемъ законы эти могутъ быть истолкованы и по историческому происхожденію ихъ, путемъ сличенія съ источниками, изъ которыхъ они заимствованы (т. е. съ римскимъ и византійскимъ правомъ). Тамъ же.

Законы Арменопуло, кн. V, тит. 8, (стр. 145 русск. оффиц. изд.).

102. Признаніе отцомъ незаконныхъ дѣтей своими, учиненное въ письменномъ актѣ, равносильно объявленію ихъ *законными* и даетъ имъ всѣ наслѣдственныя права законныхъ дѣтей. Тамъ же.

То же, кн. V, тит. 8, § 66, (стр. 139).

103. По смерти лица, не оставившаго законныхъ дѣтей,— женщина, находившаяся съ нимъ въ *постоянномъ* сожитіи (concubina) и рожденныя отъ этой связи дѣти имѣютъ право наслѣдованія въ $^1/_6$ части имущества, при чемъ эта доля дѣлится между матерью и каждымъ изъ дѣтей поровну. Тамъ же.

д) Уставъ о векселяхъ (т. XI ч. 2).

Ст. 2 (п. 8), 4.

104. Необозначеніе въ векселѣ полученія векселедателемъ валюты лишаетъ его вексельной силы. Рѣш. № 81.

105. Выраженіе ст. 4 о томъ, что вексель, лишенный существенныхъ принадлежностей, „вступаетъ *въ силу вексельнаго права* не прежде, какъ по разсмотрѣніи и разрѣшеніи суда“,—объясняется лишь случайнымъ недосмотромъ въ редакціи закона. Фраза эта имѣетъ тѣсную связь съ правилами вексельнаго судопроизводства (дореформеннаго) и означаетъ лишь, что споры о принадлежностяхъ векселя подлежатъ разрѣшенію суда (а не полиціи). Общій же смыслъ ст. 4 тотъ, что упущеніе одной изъ существенныхъ принадлежностей *всегда* лишаетъ документъ вексельной силы. Тамъ же.

Ст. 7.

106. Для правильной *выдачи* векселя достаточно, чтобы онъ былъ сознательно врученъ векселедателемъ пріобрѣтателю, хотя бы послѣдній въ моментъ врученія и не зналъ, что онъ получаетъ вексель (напр., если вексель былъ переданъ въ закрытомъ пакетѣ съ порученіемъ вскрыть конвертъ, послѣ смерти векселедателя). Рѣш. № 80.

е) Уставъ желѣзныхъ дорогъ (т. XII, ч. 1).

Ст. 10, 99.

107. Если въ смѣшанномъ прямомъ сообщеніи участвуютъ, кромѣ желѣзныхъ дорогъ, транспортныя предпріятія, то и на нихъ распространяется правило 99 ст. устава о солидарной отвѣтственности дорогъ по перевозкѣ (т. е. желѣзная дорога въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ быть привлечена къ отвѣтственности за неправильныя дѣйствія транспортнаго предпріятія, и наоборотъ). Рѣш. № 67. (То же относительно пароходныхъ предпріятій—см. рѣш. № 1, тезисъ 35).

Ст. 122 (137).

108. Статья эта, устанавливая способъ подачи письменнаго заявленія о выдачѣ вознагражденія—*непосредственно* въ управленіе желѣзной дороги *или* чрезъ начальника станціи, не имѣетъ въ виду устранить всякій иной способъ подачи такого заявленія. Такъ, если заявленіе поступило въ управленіе дороги чрезъ непосредственнаго начальника потерпѣвшаго (напр., чрезъ начальника ремонта пути), и притомъ *дѣйствительно дошло* до управленія, то оно должно быть признано дѣйствіемъ, прерывающимъ давность на предъявленіе иска. Рѣш. № 53.

Ст. 135.

109. Исковая давность прерывается предъявленіемъ гражданскаго иска въ уголовномъ производствѣ, возбужденномъ по поводу злоупотребленій при перевозкахъ грузовъ на желѣзной дорогѣ. Рѣш. № 74.

ж) Уст. пошл. (т. V).

Ст. 204, прим.

110. Подъ *суммою долга*, переводимаго на покупщика и подлежащаго вычету изъ покупной цѣны при исчисленіи крѣпостныхъ пошлинъ, разумѣется *дѣйствительная* сумма переводимаго долга,—биржевая, а не номинальная цѣна закладныхъ листовъ земельнаго банка. Рѣш. № 63.

з) Высочайше утвержденное 29 марта 1868 г. положеніе объ управленіи общимъ имѣніемъ наслѣдниковъ Петра Яковлева.

111. Означеннымъ положеніемъ не было образовано *юридическаго лица*, какъ собственника имѣнія наслѣдниковъ Яковлева; имѣніе продолжаетъ составлять *общее владѣніе* наслѣдниковъ; отдѣльные владѣльцы являются собственниками идеальныхъ долей имѣнія, которыми и могутъ распоряжаться свободно (крѣпостнымъ порядкомъ), при чемъ на эти доли могутъ быть налагаемы запрещенія по претензіямъ кредиторовъ отдѣльныхъ совладѣльцевъ. Залогъ же всего имѣнія (по постановленію общаго собранія) не можетъ состояться безъ погашенія подобныхъ запрещеній (ст. 1630 зак. гражд. и рѣш. 1875 г. № 437). Рѣш. № 77.

Б. Процессуальные законы.

а) Уставъ гражданскаго судопроизводства.

Ст. 185 п. 2, 189, 193.

112. Устанавливаемый этими статьями *кассаціонный* порядокъ разсмотрѣнія съѣздами просьбъ о *пересмотрѣ* рѣшеній мировыхъ судей можетъ быть примѣняемъ лишь къ дѣламъ, *недопускающимъ апелляцію* (т. е. по искамъ не свыше 30 руб.); по всѣмъ же остальнымъ дѣламъ съѣзды должны руководствоваться ст. 750 (для суд. палатъ), т. е. разсматривать дѣло въ апелляціонномъ порядкѣ, а именно: не только рѣшать вопросъ о *допустимости* пересмотра, но и пересматривать рѣшеніе судьи по существу. Рѣшенія съѣздовъ по такимъ дѣламъ подлежатъ кассаціонному обжалованію въ Сенатъ. Рѣш. № 78 [1]).

---

[1]) Въ прежнихъ рѣшеніяхъ (напр., 1875 г. № 714) Сенатъ, напротивъ, нахо-

Ст. 409.

113. Фактъ происхожденія незаконнаго ребенка отъ опредѣленнаго отца можетъ быть доказываемъ свидѣтельскими показаніями. Рѣш. № 72.

Ст. 562.

114. Штрафъ за возбужденіе неосновательнаго спора о подлогѣ можетъ быть взысканъ лишь по окончательномъ установленіи подлежащею инстанціей *недоказанности* подлога. Но если опредѣленіе окружнаго суда о наложеніи штрафа обжаловано отвѣтчикомъ (вмѣстѣ съ рѣшеніемъ по существу) судебной палатѣ, въ которой затѣмъ не могло состояться окончательнаго рѣшенія въ виду прекращенія дѣла за примиреніемъ сторонъ, то опредѣленіе окружнаго суда о наложеніи штрафа не подлежитъ исполненію. Рѣш. № 66.

Ст. 750 (80).

115. Статья эта должна служить руководствомъ и для мировыхъ съѣздовъ. Рѣш. № 78; см. тезисъ 112.

Ст. 794, 187.

116. Требовать пересмотра рѣшенія вслѣдствіе обнаруженнаго подлога въ актѣ тяжущійся можетъ лишь въ томъ случаѣ, если подлогъ ему *не былъ извѣстенъ* при производствѣ дѣла. „Но если сторона, зная о подложности акта, тѣмъ не менѣе *признаетъ* основанное на такомъ актѣ требованіе противника, то о правѣ ея ходатайствовать о пересмотрѣ рѣшенія, хотя бы подлогъ былъ удостовѣренъ уголовнымъ судомъ лишь впослѣдствіи, не можетъ быть рѣчи". Рѣш. № 78.

Ст. 1092.

117. Только третьи лица, заявляющія свое *право собственности* на описанную движимость, могутъ предъявлять искъ объ освобожденіи этого имущества отъ описи и продажи. Выраженіе ст. 1092: „какое-либо право" слѣдуетъ понимать, въ связи съ аналогичной ей 1197 ст., (касающейся недвижимыхъ имуществъ) въ смыслѣ

дилъ, что порядокъ разсмотрѣнія съѣздами подобныхъ просьбъ есть всегда *кассаціонный*, независимо отъ суммы иска, и на этомъ основаніи не принималъ къ разсмотрѣнію кассаціонныхъ жалобъ на такія рѣшенія съѣздовъ.

права собственности. [1]) Но третье лицо, заявляющее лишь право *срочнаго пользованія* описанной вещью (по договору съ собственникомъ), не имѣетъ права домогаться освобожденія вещи отъ описи и продажи за долги собственника, но имѣетъ лишь право „требовать, чтобы принадлежащее ему право пользованія, возникшее ранѣе на законномъ основаніи, было принято во вниманіе и охранено установленнымъ порядкомъ при производствѣ описи, оцѣнки и торга, подобно тому, какъ это имѣетъ мѣсто при обращеніи взысканія на недвижимость". Рѣш. № 58.

Ст. 1175.

118. Право кредиторовъ просить объ укрѣпленіи за ними непроданнаго послѣ двукратныхъ торговъ имѣнія должника прекращается лишь истеченіемъ десятилѣтней давности (прил. къ ст. 694 зак. гражд., ст. 6) со времени производства втораго торга, или обращеніемъ взысканія на другое имущество должника; въ противномъ случаѣ имѣніе не можетъ считаться свободнымъ отъ мѣръ взысканія. Рѣш. № 51.

б) Положеніе о взыск. гражд. (т. XVI, ч. 2).

Ст. 329.

119. По точному смыслу этой статьи взыскатели имѣютъ право требовать удовлетворенія изъ задатка, внесеннаго на первомъ торгѣ неисправнымъ покупщикомъ, лишь въ случаѣ непокрытія ихъ претензій суммою, вырученною отъ продажи имѣнія на второмъ торгѣ, назначенномъ согласно ихъ ходатайству. Рѣш. № 64.

в) Уставъ уголовнаго судопроизводства.

Ст. 32.

120. Оправданный уголовнымъ судомъ подсудимый, не просившій во время уголовнаго производства о признаніи обвиненія не-

---

[1]) Въ рѣш. 1869 г. № 973 было высказано, что истцомъ по 1092 ст. можетъ быть лицо, заявляющее вообще *какое-либо право* на описанное имущество, но въ томъ рѣшеніи имѣлся въ виду случай, когда было описано право должника на % по билетамъ госуд. коммисіи погашенія долговъ, а третье лицо заявляло о о своемъ правѣ на полученіе тѣхъ же процентовъ. Такъ какъ къ движимости законъ относитъ такъ называемое долговое имущество (ст. 402, 418 зак. гражд.), то очевидно не всегда можно говорить о правѣ *собственности* на такое имущество. Въ настоящемъ же случаѣ рѣчь идетъ о правѣ на тѣлесныя вещи.

добросовѣстнымъ, не лишается права искать затѣмъ въ гражданскомъ судѣ съ обвинителя убытки отъ неправильнаго привлеченія къ суду, доказывая *недобросовѣстность* дѣйствій обвинителя. Рѣш. № 82.

Ст. 780—784.

121. Эти статьи, устанавливающія не процессуальное, а матеріальное право, подлежатъ примѣненію и при производствѣ въ гражданскомъ судѣ иска оправданнаго обвиняемаго къ обвинителю объ убыткахъ. Тамъ же.

ОБЗОРЪ ИНОСТРАННАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Германскій законъ 21 мая 1900 г. о повѣренныхъ по дѣламъ о патентахъ на открытія и изобрѣтенія.—Германскій законъ 18 декабря 1899 г. о телеграфныхъ сообщеніяхъ.

Германскій законъ 21 мая 1900 г. о повѣренныхъ по дѣламъ о патентахъ на открытія и изобрѣтенія.

§ 1.

Имперское присутствіе по патентнымъ дѣламъ (Patentamt) ведетъ списки повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ (Patentanwälte). Въ списки вносятся, по надлежащему о томъ ходатайству лица, желающіе въ видѣ профессіи вести, въ качествѣ повѣренныхъ, чужія дѣла, въ означенномъ присутствіи производящіяся.

§ 2.

Въ число повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ могутъ быть принимаемы только лица, представившія доказательства обладанія ими технической подготовки и юридическихъ познаній, требуемыхъ §§ 3 и 4 настоящаго закона.

Не принимаются въ число повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ лица:

1. Обитающія внѣ предѣловъ Имперіи.
2. Недостигшія двадцатипятилѣтняго возраста.
3. Ограниченныя по судебному приговору въ распоряженіи своимъ имуществомъ.

4. Нарушившія своимъ поведеніемъ правила нравственности. Убѣжденія и дѣянія политическія, научныя и религіозныя, какъ таковыя, нарушеніемъ добрыхъ нравовъ почитаться не могутъ.

Если непринятіе въ число повѣренныхъ послѣдовало на основаніи п. 4 настоящаго §, то жалоба на опредѣленіе присутствія допускается только въ порядкѣ, опредѣленномъ нижеслѣдующими постановленіями. Жалоба въ письменной формѣ подается въ присутствіе въ мѣсячный срокъ со времени объявленія кандидату въ повѣренные объ отказѣ. Разсмотрѣніе жалобы производится въ особомъ судѣ чести, при присутствіи состоящемъ, при чемъ правила, въ п. 2 и 3 § 9 и въ §§ 10, 11, 12 сего закона изложенныя, находятъ соотвѣтствующее примѣненіе.

§ 3.

Техническая подготовка лица, желающаго вступить въ число повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ, признается достаточной, если кандидатъ въ повѣренные, прослушавъ въ качествѣ студента въ одномъ изъ германскихъ университетовъ, политехникумовъ или горной академіи курсъ естественныхъ или техническихъ наукъ, выдержалъ соотвѣтствующій избранной имъ спеціальности государственный экзаменъ, если при томъ, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, года, практически работалъ въ сферѣ промышленной дѣятельности и если, сверхъ того, въ теченіе по крайней мѣрѣ двухъ лѣтъ занимался практикою по дѣламъ, относящимся къ области юридической охраны промышленныхъ правъ (gewerblicher Rechtsschutz).

Научныя занятія въ иностранныхъ университетахъ, а равно и практика, которою кандидатъ въ повѣренные занимался за границей, могутъ, по усмотрѣнію испытательной коммисіи, быть признаваемы удовлетворяющими требованіямъ, выше указаннымъ, съ тѣмъ однако, чтобы государственный экзаменъ былъ сданъ въ Германіи.

§ 4.

Для удостовѣренія наличности требуемыхъ юридическихъ познаній кандидаты въ повѣренные по патентнымъ дѣламъ подвергаются спеціальному испытанію. Допускаются къ этому испытанію только лица, удовлетворяющія въ отношеніи технической подготовки требованіямъ, указаннымъ въ § 3. Испытаніе раздѣ-

ляется на письменное и устное; при чемъ надлежитъ при производствѣ его обратить преимущественно вниманіе на то, насколько кандидатъ въ повѣренные обнаруживаетъ умѣнье примѣнять на практикѣ постановленія дѣйствующаго законодательства объ охранѣ промышленныхъ правъ.

Испытаніе производится коммисіей, состоящей изъ членовъ присутствія и повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ, по назначенію имперскаго канцлера.

Лица, не выдержавшія испытанія, могутъ по усмотрѣнію испытательной коммисіи быть допущены къ нему еще одинъ разъ по истеченіи срока, коммисіей въ каждомъ случаѣ опредѣляемаго, съ тѣмъ однако, чтобы срокъ этотъ не былъ менѣе 6 мѣсяцевъ.

Подробныя правила о составѣ испытательной коммисіи, о порядкѣ дѣлопроизводства ея, равно какъ и о производствѣ испытаній и вознагражденія за допущеніе къ нимъ излагаются въ особой „инструкціи по производству испытаній", имѣющей быть изданной союзнымъ совѣтомъ.

§ 5.

Повѣренный по патентнымъ дѣламъ обязанъ добросовѣстно вести поручаемыя ему дѣла и долженъ какъ въ сферѣ своей профессіи, такъ и внѣ ея своимъ поведеніемъ являться достойнымъ того почета, который подобаетъ избранной имъ профессіи. Принятіе на себя этихъ обязанностей повѣренный удостовѣряетъ торжественнымъ обѣщаніемъ (Handschlag). Постановленіе § 2 ч. 2 п. 4 находитъ и здѣсь примѣненіе.

§ 6.

Повѣренные по патентнымъ дѣламъ исключаются присутствіемъ изъ списковъ:

1. По собственной ихъ о томъ просьбѣ.
2. За смертью.
3. При отсутствіи у повѣреннаго постояннаго мѣстожительства въ предѣлахъ Германіи.
4. Въ случаѣ, если повѣренный по судебному рѣшенію лишается права распоряженія своимъ имуществомъ.

§ 7.

Исключенію изъ списковъ подвергаются и тѣ повѣренные, относительно которыхъ уже послѣ принятія ихъ въ число повѣрен-

ныхъ открываются обстоятельства, на основаніи коихъ въ силу § 2 ч. 2 п. 4 долженъ былъ бы послѣдовать отказъ въ пріемѣ ихъ. Нарушеніе повѣреннымъ обязанностей, указанныхъ въ § 5, ведетъ тоже за собою исключеніе.

Въ случаяхъ болѣе легкихъ нарушеній профессіональнаго долга повѣренные въ порядкѣ дисциплинарнаго производства могутъ, вмѣсто исключенія изъ списковъ, быть подвергаемы выговору или денежному штрафу не болѣе, чѣмъ въ 3000 мар.; оба взысканія могутъ быть налагаемы и одновременно.

§ 8.

Разсмотрѣніе дѣлъ, указанныхъ въ § 7, производится судомъ чести въ порядкѣ, для дѣйствія его установленномъ.

§ 9.

Производство начинается по предложеніямъ имперскаго канцлера, который, если найдетъ необходимымъ предварительное изслѣдованіе дѣла, назначаетъ для производства дознанія должностное лицо.

Обвиняемому должна быть дана возможность представить объясненія по предмету предъявляемаго къ нему обвиненія.

Судъ чести можетъ вызывать свидѣтелей и свѣдущихъ лицъ во всѣхъ стадіяхъ производства, при чемъ относительно оцѣнки доказательствъ и порядка защиты примѣняются постановленія устава уголовнаго судопроизводства (Strafprozessordnung). Въ качествѣ защитниковъ допускаются и повѣренные по патентнымъ дѣламъ.

§ 10.

Всѣ означенныя дѣла о нарушеніяхъ вѣдаются, разбираются и рѣшаются судомъ чести, который состоитъ изъ двухъ членовъ присутствія по патентнымъ дѣламъ, именно: одного члена техника, другаго юриста, и изъ трехъ повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ. Предсѣдательствуетъ членъ-юристъ.

Обвиняемый вызывается въ засѣданіе суда, въ которомъ слушается дѣло о немъ, повѣсткой, въ которой должны быть обозначены пункты предъявляемаго обвиненія.

При устраненіи и отводѣ судей примѣняются постановленія устава уголовнаго судопроизводства.

Слушаніе дѣла происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Судъ

чести можетъ однако постановить и о допущеніи гласности. Судъ обязанъ постановить о допущеніи гласности, если того требуетъ подсудимый и если не имѣется къ тому препятствій, указанныхъ въ § 173 учр. суд. уст. (Gerichtsverfassung).

§ 11.

Приговоръ суда съ изложеніемъ мотивовъ, на коихъ онъ основанъ, изготовляется на письмѣ и посылается оффиціальнымъ путемъ подсудимому.

Въ случаѣ приговора обвинительнаго издержки по производству дѣла подлежатъ взысканію съ подсудимаго.

§ 12.

Противъ приговоровъ, постановленныхъ судомъ чести, со стороны подсудимыхъ допускаются отзывы.

Отзывъ подается въ письменной формѣ въ присутствіе по патентнымъ дѣламъ въ мѣсячный срокъ со времени полученія подсудимымъ приговора.

Отзывы разсматриваются палатою суда чести (Ehrengerichtshof). Палата эта состоитъ изъ трехъ членовъ присутствія по патентнымъ дѣламъ, изъ коихъ предсѣдательствующій въ палатѣ и одинъ членъ должны быть юристами, и изъ четырехъ повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ. При производствѣ дѣлъ въ палатѣ соблюдаются правила, во 2 и 3 ч. § 9 и §§ 10, 11 содержащіяся.

§ 13.

Если подсудимый до постановленія о немъ окончательнаго приговора подастъ просьбу объ исключеніи его изъ числа повѣренныхъ, то производство о немъ пріостанавливается. Издержки производства и въ этомъ случаѣ подсудимый уплатить обязанъ.

§ 14.

Для участія въ разборѣ дѣлъ согласно §§ 10, 12 имперскій канцлеръ заранѣе на годъ назначаетъ опредѣленныхъ членовъ присутствія по патентнымъ дѣламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ 20 повѣренныхъ, изъ которыхъ для каждаго судебнаго засѣданія по жребію избирается необходимое для составленія коллегіи число ихъ. Избраніе по жребію повѣренныхъ для комплектованія коллегіи производится въ публичномъ засѣданіи „От-

дѣленія по разсмотрѣнію жалобъ" (Beschwerdeabtheilung), состоящаго при присутствіи по патентнымъ дѣламъ.

§ 15.

О лицахъ, принятыхъ въ число повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ или же исключенныхъ изъ состава ихъ, публикуется во всеобщее свѣдѣніе.

§ 16.

По ходатайству повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ въ списки ихъ въ особую графу могутъ быть записаны и лица, коимъ повѣренный постоянно по довѣренности поручаетъ хожденіе по дѣламъ, въ присутствіи производящимся (помощники повѣренныхъ); при занесеніи ихъ должны быть соблюдаемы правила, изложенныя въ §§ 2 и 3, съ тѣми однако отступленіями, что для пріема достаточными условіями признаются: достиженіе двадцати одного лѣтняго возраста, выдержаніе государственнаго экзамена и практика въ теченіе, по крайней мѣрѣ, одного года по дѣламъ, относящимся къ юридической охранѣ промышленныхъ правъ. Во всемъ прочемъ по отношенію къ этимъ лицамъ (помощникамъ повѣренныхъ) примѣняются постановленія, содержащіяся въ §§ 5—13.

§ 17.

Предсѣдатель (President) присутствія по патентнымъ дѣламъ имѣетъ право запрещать веденіе въ присутствіи чужихъ дѣлъ тѣмъ лицамъ, кои, не будучи занесены въ число повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ, занимаются въ видѣ профессіи хожденіемъ по чужимъ дѣламъ. Это правило не распространяется на присяжныхъ повѣренныхъ (Rechtsanwälte).

§ 18.

Веденіе чужихъ дѣлъ, въ видѣ профессіи, въ присутствіи по патентнымъ дѣламъ не можетъ быть запрещаемо повѣреннымъ по патентнымъ дѣламъ на основаніи ч. 3 § 35 устава о промысл. (Gewerbeordnung).

§ 19.

Кто, не будучи занесенъ въ списки повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ, выдаетъ себя за такого повѣреннаго или же при-

своиваетъ себѣ сходное званіе, которое можетъ вызвать предположеніе, что пользующійся этимъ званіемъ состоитъ въ числѣ повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ, наказывается денежной пенею не свыше 300 марокъ, а въ случаѣ несостоятельности арестомъ.

§ 20.

Лица, которыя самостоятельно занимаются хожденіемъ по чужимъ дѣламъ въ видѣ профессіи ко времени вступленія въ силу настоящаго закона, подвергаются дѣйствію правила § 17 лишь съ 1 апрѣля 1901 г. Если до этого срока такія лица представятъ доказательства, что они удовлетворяютъ требованіямъ § 3, и будутъ ходатайствовать о допущеніи ихъ къ испытанію (§ 4), то до окончательнаго разрѣшенія вопроса о принятіи ихъ въ число повѣренныхъ веденіе чужихъ дѣлъ имъ запрещаемо быть не можетъ.

Тѣ лица, которыя въ видѣ профессіи самостоятельно занимаются хожденіемъ по чужимъ дѣламъ съ 1 января 1899 г., могутъ быть приняты, по ходатайству ихъ о томъ, въ число повѣренныхъ, хотя бы они и не удовлетворяли требованіямъ, указаннымъ въ §§ 3 и 4, съ тѣмъ однако непремѣннымъ условіемъ, чтобы предшествовавшая дѣятельность этихъ лицъ какъ въ сферѣ профессіональной, такъ и внѣ ея не вызывала серьезныхъ нареканій.

Срокъ для представленія означенныхъ ходатайствъ, подлежащихъ разсмотрѣнію испытательной коммисіи, истекаетъ 1 апрѣля 1901 г.

Отказъ въ ходатайствѣ можетъ быть обжалованъ въ мѣсячный срокъ со времени объявленія просителю опредѣленія объ отказѣ. Жалобы въ письменной формѣ подаются въ присутствіе по патентнымъ дѣламъ, и окончательныя рѣшенія по нимъ постановляетъ палата суда чести (Ehrengerichtshof). Производство по этимъ жалобамъ совершается въ порядкѣ, указанномъ ч. 2 и 3 §§ 9, 10, 11. До окончательнаго рѣшенія просителю не можетъ быть запрещаемо хожденіе по чужимъ дѣламъ.

§ 21.

Лица, занимающіяся веденіемъ чужихъ дѣлъ хотя бы и не самостоятельно (не за собственный счетъ) съ 1 января 1899 г., или же служившія по крайней мѣрѣ два года по технической части въ присутствіи по патентнымъ дѣламъ, имѣютъ право по-

лучить свидѣтельства о допущеніи ихъ къ практикѣ въ качествѣ помощниковъ повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ (§ 16), хотя бы они и не удовлетворяли требованіямъ § 3, если только предшествовавшая дѣятельность такихъ лицъ въ сферѣ профессіональной и внѣ ея не вызывала серьезныхъ нареканій. Порядокъ подачи прошеній о семъ и порядокъ производства опредѣляются правилами § 20, ч. 3.

Получившіе такое свидѣтельство заносятся въ особую графу списковъ, по ходатайству о томъ повѣреннаго, помощниками котораго они состоятъ (§ 16). Означенныя лица допускаются и къ окончательному испытанію (§ 4), по выдержаніи коего принимаются въ число повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ, если только нѣтъ препятствій къ тому, предусмотрѣнныхъ въ § 2 ч. 2.

По единогласному рѣшенію испытательной коммисіи могутъ быть освобождены отъ испытанія лица, которыя по роду своей предшествовавшей дѣятельности представляютъ гарантіи наличности требуемыхъ познаній. Ходатайства объ освобожденіи отъ испытанія могутъ быть поданы не позже 1 октября 1901 г.

§ 22.

Настоящій законъ вступаетъ въ силу съ 1 октября 1900 г. Впредь до укомплектованія списковъ достаточнымъ для проведенія сего закона количествомъ повѣренныхъ по патентнымъ дѣламъ, имперскому канцлеру предоставляется замѣнять ихъ лицами, которыя до сихъ поръ въ видѣ профессіи самостоятельно (за собственный счетъ) занимались веденіемъ чужихъ дѣлъ, относящихся къ области юридической охраны промышленныхъ правъ.

Германскій законъ 18 декабря 1899 г. о телеграфныхъ сообщеніяхъ.

§ 1.

Управленіе телеграфами имѣетъ право пользоваться для своихъ служащихъ для общаго обмѣна депешъ, телеграфныхъ линій всѣми путями сообщенія, насколько этимъ не ограничивается на продолжительное время пользованіе означенными путями со стороны населенія. Подъ „путями сообщенія“ въ смыслѣ настоящаго закона, включая сюда какъ нѣдра земли, такъ и воздушное пространство, разумѣются общественныя дороги, пло-

щади, мосты, а также водныя пространства вблизи береговъ, служащихъ для общаго пользованія.

Подъ телеграфными линіями разумѣются и линіи телефонныя.

§ 2.

При пользованіи означенными путями сообщенія надлежитъ, по возможности, избѣгать всякаго затрудненія въ поддержаніи ихъ въ порядкѣ, а также и временнаго ограниченія въ общественномъ пользованіи ими.

Если содержаніе дороги въ исправности затруднено, то Телеграфное Управленіе обязано возмѣстить возникающее изъ этого увеличеніе расходовъ лицу или учрежденію, на коемъ лежитъ обязанность содержать означенныя дороги въ порядкѣ.

По окончаніи работъ по установленію телеграфной линіи, Управленіе телеграфами обязано, по возможности, немедленно привести дороги въ прежнее состояніе, если вышеупомянутое лицо или учрежденіе не изъявитъ согласія взять этотъ трудъ на себя. Въ послѣднемъ случаѣ Управленіе обязано возмѣстить всѣ сопряженные съ приведеніемъ дороги въ порядокъ расходы и вознаградить за всѣ поврежденія, происшедшія во время работы по установкѣ телеграфной линіи.

§ 3.

Если по сооруженіи какой-либо телеграфной линіи окажется, что она не только временно, но и вообще стѣсняетъ общее пользованіе дорогой, или что она препятствуетъ работамъ, необходимымъ для поддержанія дороги въ надлежащемъ видѣ, а также выполненію существенныхъ измѣненій въ ней, намѣченныхъ завѣдующимъ дорогой лицомъ или учрежденіемъ, то направленіе телеграфной линіи, насколько это требуется, должно быть измѣнено, или даже вся линія должна быть съ этой дороги удалена.

Если какая-либо дорога закрывается, то право пользованія ею для Телеграфнаго Управленія прекращается.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ Телеграфное Управленіе обязано принять на свой счетъ всѣ расходы по измѣненію направленія телеграфной линіи.

§ 4.

Должно, по возможности, щадить древесныя насажденія вдоль и на самой дорогѣ и обращать серьезное вниманіе на отсутствіе всякихъ препятствій къ росту деревьевъ. Выкорчевка деревьевъ можетъ быть требуема лишь постольку, поскольку это необходимо для установки телеграфной линіи или для защиты ея отъ поврежденій при эксплоатаціи; выкорчевка эта должна ограничиваться размѣрами, вызываемыми лишь настоятельной необходимостью.

Телеграфное Управленіе должно предоставить собственнику древесныхъ насажденій соотвѣтственный срокъ для требуемой вырубки. Если же въ теченіе этого срока вырубка произведена не будетъ, или будетъ совершена

въ недостаточныхъ размѣрахъ, то къ вырубкѣ деревьевъ можетъ приступить и само Управленіе. Къ этой же мѣрѣ оно можетъ прибѣгнуть и въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о необходимости немедленно предупредить или устранить какое-либо поврежденіе.

Телеграфное управленіе возмѣщаетъ убытки за вредъ, причиненный насажденіямъ, и расходы, сопряженные—въ виду его требованія—съ вырубкой ихъ.

§ 5.

Телеграфныя линіи надлежитъ проводить такимъ образомъ, чтобы онѣ не оказывали разрушающаго дѣйствія на такія существующія сооруженія какъ, напр., приспособленія для поддержанія дороги въ порядкѣ, канализаціонную систему, водо-и газопроводы, желѣзнодорожные пути, электрическіе провода и т. п.

Расходы по принятію всякихъ предохранительныхъ для этого мѣръ падаютъ на Телеграфное Управленіе.

Перестановка или измѣненіе существующихъ уже названныхъ сооруженій могутъ быть потребованы лишь при надлежащемъ вознагражденіи, и только въ томъ случаѣ, когда иначе пользованіе означенной дорогой для телеграфной линіи становится совершенно невозможнымъ, а эти сооруженія могутъ отвѣчать своему назначенію и при требуемомъ измѣненіи.

Но и при наличности этихъ условій пользованіе какою-либо дорогой для телеграфной линіи не можетъ быть допущено, если вредъ, причиненный указанными измѣненіями названнымъ сооруженіямъ, неизмѣримо выше тѣхъ расходовъ, съ которыми сопряжено направленіе линіи по другой дорогѣ, находящейся въ распоряженіи Телеграфнаго Управленія.

Эти правила должны наиболѣе строго примѣняться по отношенію къ названнымъ, находящимся еще въ производствѣ, сооруженіямъ, устройство которыхъ должно имѣть публичный интересъ. Вознагражденіе на основаніи 2-го абзаца сего параграфа по отношенію къ этимъ неоконченнымъ еще сооруженіямъ допускается лишь до суммы издержекъ, понесенныхъ при ихъ устройствѣ. Сооруженія считаются находящимися въ постройкѣ, какъ только получено будетъ—на основаніи выработаннаго плана—разрѣшеніе на производство работъ отъ лица или учрежденія, дающаго заказъ на устройство сихъ сооруженій, а, если требуется, то и разрѣшеніе подлежащихъ властей и собственника или законнаго владѣльца дороги.

§ 6.

Новыя сооруженія надлежитъ по возможности строить такъ, чтобы они не оказывали вреднаго вліянія на существующія уже телеграфныя линіи.

Требованіе совершеннаго удаленія или измѣненія на счетъ телеграфнаго управленія какой-либо линіи должно быть удовлетворено, если иначе не можетъ осуществиться или будетъ существенно затруднено устройство сооруженій, которыя въ видахъ общественной пользы, и особенно въ интересахъ экономическихъ или болѣе удобнаго сообщенія, будутъ намѣчены къ осуществленію лицами или учрежденіями, завѣдующими данной дорогой.

Но перемѣщеніе телеграфной линіи, служащей не только для обмѣна депешъ мѣстнаго или же съ предмѣстьями и ближайшими мѣстностями, можетъ быть потребовано лишь въ томъ случаѣ, если означенная линія можетъ безъ чрезмѣрныхъ расходовъ удовлетворять своему назначенію какимъ-либо другимъ путемъ.

Если въ виду позже воздвигаемыхъ сооруженій существующая уже телеграфная линія должна быть снабжена нѣкоторыми предохранительными средствами, то расходы по этому предмету относятся на счетъ Телеграфнаго Управленія.

Если лицо или учрежденіе, обязанное заботиться о благоустройствѣ дороги, передаетъ извѣстный участокъ въ завѣдываніе третьему, не заинтересованному въ этомъ, лицу, то Телеграфное Управленіе обязано возмѣстить этому послѣднему всѣ расходы, вызванные на ввѣренномъ ему участкѣ перенесеніемъ телеграфной линіи, измѣненіемъ ея направленія или снабженіемъ ея необходимыми предохранительными средствами. Предприниматели всякихъ остальныхъ—кромѣ перечисленныхъ въ абзацѣ 2-мъ—сооруженій, всѣ расходы, вытекающіе изъ означенныхъ работъ, должны относить за свой счетъ.

По отношенію къ позднѣйшимъ перемѣнамъ въ существующихъ уже сооруженіяхъ примѣняются также всѣ соотвѣтственныя правила, изложенныя въ абз. отъ 1-го до 5-го.

§ 7.

Прежде чѣмъ приступить къ пользованію какой-либо дорогой для проведенія или значительнаго измѣненія существующей уже телеграфной линіи, Управленіе телеграфами должно составить надлежащій планъ. Планъ этотъ долженъ обозначать, по возможности, протяженіе проектируемой линіи, пространство, требуемое для подземныхъ и воздушныхъ проводовъ, а для послѣднихъ также—разстояніе столбовъ другъ отъ друга и ихъ высоту.

Означенный планъ имѣетъ быть представленъ учрежденію, на которое возложена забота о благоустройствѣ путей сообщенія, если таковымъ учрежденіемъ является союзное государство, какая-нибудь община или другое публично-правовое юридическое лицо; въ противномъ же случаѣ низшимъ (мѣстнымъ) административнымъ органамъ. Планъ этотъ во всѣхъ случаяхъ, когда требуется удаленіе или измѣненіе хоть одного изъ обозначенныхъ въ § 5 сооруженій, или же предвидится возможность поврежденія таковаго, долженъ быть представленъ и строителю этого сооруженія. Кромѣ того, означенный планъ долженъ быть выставленъ въ теченіе 4 недѣль для обзора публики во всѣхъ почтово-телеграфныхъ учрежденіяхъ того округа, по которому проектируемая линія проходитъ, о чемъ должно быть объявлено, по крайней мѣрѣ, въ одной изъ газетъ, служащихъ для опубликованій распоряженій низшихъ (мѣстныхъ) правительственныхъ учрежденій. Планъ можетъ быть не выставленъ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о проведеніи линіи по воздуху надъ какой-либо дорогой, состоящей въ общемъ пользованіи.

§ 8.

Управленіе телеграфами можетъ приступить къ осуществленію плана, если въ теченіе 4 недѣль учрежденію, выставившему планъ не будетъ заявлено никакихъ возраженій со стороны заинтересованныхъ лицъ. Срокъ для подачи возраженія начинаетъ свое теченіе для тѣхъ, которымъ, согласно § 7 абз. 2, планъ предъявляется,—съ момента предъявленія, для всѣхъ остальныхъ—со дня, въ который планъ былъ выставленъ для обзора публики. Возраженіе можетъ опираться лишь на нарушенія планомъ правилъ, изложенныхъ въ §§ 1—5 сего закона или же распоряженій, изданныхъ на основаніи § 18.

Возникшій споръ разрѣшается высшимъ мѣстнымъ административнымъ учрежденіемъ. Рѣшеніе это въ теченіе 2 недѣль по увѣдомленіи о немъ сторонъ можетъ быть обжаловано центральному правительственному органу, если, конечно, таковымъ не является учрежденіе, постановившее уже означенное рѣшеніе. Центральное правительственное учрежденіе должно во всѣхъ случаяхъ, до постановки рѣшенія, выслушать доводы центральнаго Телеграфнаго Управленія. По ходатайству Телеграфнаго Управленія рѣшеніе высшаго мѣстнаго правительственнаго органа можетъ быть подвергнуто предварительному исполненію; но если это рѣшеніе будетъ затѣмъ отмѣнено или измѣнено, то Телеграфное Управленіе обязано возмѣстить всѣ убытки, которые противная сторона понесетъ отъ проведенія линіи, согласно означенному рѣшенію.

§ 9.

По требованію центральнаго правительственнаго учрежденія назначенные имъ правительственные органы должны сообщать планъ телеграфной линіи путемъ присылки его копіи.

§ 10.

Если безъ особаго измѣненія существующей телеграфной линіи предполагается увеличить пространство, занимаемое ея проводами—сравнительно съ первоначальнымъ планомъ,—вслѣдствіе чего можно опасаться дальнѣйшаго поврежденія древесныхъ насажденій, то собственнику ихъ должна быть предоставлена предварительно возможность огражденія своихъ интересовъ.

§ 11.

Имперское Телеграфное Управленіе можетъ уполномочить членовъ дорожной и общей полиціи имѣть надзоръ и заботиться—согласно ближайшимъ указаніямъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій—о предварительномъ исправленіи телеграфныхъ линій. За исполненіе означенныхъ обязанностей оно уплачиваетъ упомянутымъ чинамъ—по соглашенію съ ихъ начальствомъ—особое вознагражденіе.

§ 12.

Телеграфное Управленіе имѣетъ право проводить воздушные телеграфные провода надъ земельными участками, не представляющими собою пу-

тей сообщенія въ смыслѣ сего закона, поскольку этимъ не стѣсняется существенно пользованіе даннымъ участкомъ въ извѣстномъ направленіи, имѣвшемъ мѣсто до установки означенной линіи. Если же стѣсненіе наступитъ впослѣдствіи, то Телеграфное Управленіе обязано за свой счетъ данную линію снять. Вредъ, причиняемый участку, пользованіе которымъ въ виду его природныхъ условій можетъ быть только временнымъ, не препятствуетъ устройству линіи, но проистекающій изъ этого ущербъ долженъ быть возмѣщенъ, равно какъ должны быть возмѣщены и всѣ убытки, причиненные земельному участку и его доходнымъ статьямъ во время самой установки телеграфной линіи. Чины и уполномоченные Телеграфнаго Управленія, имѣющіе надлежащее о томъ удостовѣреніе, могутъ—по предварительномъ увѣдомленіи о томъ владѣльцевъ—посѣщать въ теченіе дня для производства необходимыхъ работъ по устройству линіи и, особенно, для предупрежденія и исправленія поврежденій, земельные участки, а также находящіяся на нихъ постройки и крыши, за исключеніемъ закрытыхъ жилыхъ помѣщеній. Если отъ этого произойдетъ ущербъ, то онъ долженъ быть Телеграфнымъ Управленіемъ возмѣщенъ.

§ 13.

Притязаніе на вознагражденіе, на основаніи вышеизложенныхъ постановленій сего закона, погашается двухгодичной давностью, которая начинаетъ свое теченіе съ окончаніемъ того года, въ которомъ притязаніе на вознагражденіе возникло.

Притязаніе на вознагражденіе согласно §§ 2, 4, 5 и 6, предъявляется административнымъ учрежденіямъ, спеціально назначеннымъ мѣстной правительственной властью. Послѣднія устанавливаютъ самое право на вознагражденіе.

Въ теченіе мѣсяца со дня объявленія рѣшенія административнымъ установленіемъ противъ него можетъ быть предъявленъ искъ въ судѣ.

Всѣ остальныя притязанія на вознагражденіе могутъ быть осуществляемы непосредственно судебнымъ порядкомъ.

§ 14.

Опредѣленіе того, какіе административные органы въ каждомъ союзномъ государствѣ являются низшими и высшими въ смыслѣ настоящаго закона, принадлежитъ мѣстной центральной власти.

§ 15.

Настоящій законъ не касается существующихъ уже правилъ и соглашеній относительно пользованія Телеграфныхъ Управленій желѣзнодорожными сооруженіями.

§ 16.

Телеграфнымъ Управленіемъ—въ смыслѣ сего закона—считаются Имперское Управленіе Телеграфовъ, а также Телеграфныя Управленія Баварское и Вюртембергское.

§ 17.

Правила сего закона имѣютъ также силу и по отношенію къ тѣмъ телеграфнымъ линіямъ, которыя устраиваетъ для своихъ надобностей Военное или Морское вѣдомство.

§ 18.

Съ одобренія союзнаго совѣта имперскій канцлеръ можетъ установить положенія:

1) Относительно размѣровъ вырубки древесныхъ насажденій.

2) Относительно того, какія перемѣны въ телеграфныхъ линіяхъ должны быть признаваемы существенными въ смыслѣ § 7 абз. 2.

3) Объ условіяхъ, коимъ должны удовлетворять, согласно § 7 abz 1, планы устройства.

4) Относительно осмотровъ—при участіи заинтересованныхъ лицъ—мѣстности и о расходахъ, изъ этого вытекающихъ.

5) О порядкѣ производства дѣлъ по притязаніямъ на вознагражденіе и связанныхъ съ этимъ издержкахъ.

6) О размѣрахъ вознагражденія чиновъ дорожной и общей полиціи за исполненіе служебныхъ обязанностей въ интересахъ Имперскаго Телеграфнаго Управленія.

§ 19.

Настоящій законъ вступаетъ въ силу 1 января 1900 года. По отношенію къ существующимъ уже телеграфнымъ линіямъ, настоящій законъ примѣняется, поскольку не имѣется уже противоположныхъ особыхъ соглашеній.

ПИСЬМА ИЗЪ АНГЛІИ.

XXIV.

Въ моемъ предыдущемъ письмѣ я сообщалъ, что парламентъ рѣшилъ собраться немедленно послѣ смерти королевы Викторіи для того, чтобы выразить соболѣзнованіе королю и его фамиліи и принести установленную вѣрноподданническую присягу. Засѣданіе это состоялось 23 января.

Черезъ два дня послѣ этого первый министръ лордъ Сольсбюри предложилъ палатѣ лордовъ засвидѣтельствовать королю свою преданность и увѣрить его въ своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ. Предложеніе это было принято единогласно. Точно такъ же было принято подобное же предложеніе и въ палатѣ общинъ. Обѣ палаты отложили свои засѣданія до 14 февраля.

Въ этотъ день король открылъ парламентъ, согласно установленному церемоніалу.

На основаніи Билля о правахъ 1689 г., король принялъ присягу въ своей вѣрности протестантской церкви, при чемъ долженъ былъ упомянуть, что онъ не признаетъ нѣкоторыхъ основныхъ положеній римско-католическаго ученія. Король произнесъ эту присягу въ той формѣ, которая установлена упомянутымъ биллемъ. Но съ момента изданія этого билля прошло уже много времени, въ теченіе котораго вѣротерпимость сдѣлала въ Англіи большіе успѣхи; поэтому вполнѣ понятно, что очень многіе указывали теперь на необходимость измѣненія формулы присяги, произносимой королемъ при вступленіи на престолъ, такъ какъ нѣкоторыя выраженія, заключающіяся въ при-

сягѣ, установленной Биллемъ о правахъ, непріятно затрогиваютъ религіозное чувство многочисленныхъ подданныхъ короля, принадлежащихъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію. Вслѣдствіе этого 22 февраля лордъ Брэй сдѣлалъ въ палатѣ общинъ запросъ о томъ, не имѣетъ ли въ виду правительство принять какія-либо мѣры къ измѣненію формулы королевской присяги. Въ отвѣтъ на это лордъ Сольсбюри заявилъ, что всякій человѣкъ долженъ сожалѣть о присутствіи въ текстѣ присяги нѣкоторыхъ выраженій, но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что измѣненіе формулы присяги, существующей болѣе двухсотъ лѣтъ и составляющей часть конституціи, есть дѣло очень серьезное. По этому же вопросу высказался и лордъ Спенсеръ. Онъ указалъ, что, въ виду глубокой преданности большей части населенія Великобританіи протестантству, необходимо какъ-нибудь предупредить возможность занятія престола лицомъ римско-католическаго вѣроисповѣданія; но, по его мнѣнію, не упуская изъ виду этой цѣли, можно вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнить текстъ присяги такимъ образомъ, чтобы выраженія ея не оскорбляли чувства католиковъ.

Отвѣчая на запросъ такого же содержанія въ палатѣ общинъ, м-ръ Бальфуръ согласился съ тѣмъ, что выраженія, находящіяся въ формулѣ королевской присяги, являются весьма неудачными; но такъ какъ вопросъ о присягѣ имѣетъ значеніе лишь при самомъ вступленіи на престолъ новаго короля, до произнесенія имъ ея текста, и поэтому съ даннымъ вопросомъ не придется сталкиваться больше ни разу, пока будетъ царствовать король Эдуардъ VII, то, по мнѣнію Бальфура, нѣтъ необходимости заниматься въ настоящее время разработкою билля объ измѣненіи формулы королевской присяги. Тѣмъ не менѣе 19 марта лордъ Геррисъ предложилъ палатѣ лордовъ назначить особую коммисію изъ представителей обѣихъ палатъ для обсужденія этого вопроса, указывая, что среди подданныхъ короля находится, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать милліоновъ католиковъ. Предложеніе это было поддержано лордомъ Брэемъ, незадолго передъ тѣмъ внесшимъ въ палату лордовъ билль объ измѣненіи текста королевской присяги. Лордъ Сольсбюри продолжалъ настаивать на необходимости дѣйствовать въ настоящемъ случаѣ съ величайшей осторожностью. По его мнѣнію, слѣдуетъ опасаться, чтобы большая часть народа, въ случаѣ измѣненія текста королевской присяги, въ своемъ

простодушіи не вообразила о поощреніи со стороны правительства къ перемѣнѣ національной религіи. Однако 21 марта первый министръ самъ предложилъ назначить особую коммисію изъ членовъ обѣихъ палатъ для разсмотрѣнія декларацiи, требуемой Биллемъ о правахъ (Bill of Rights, I William III. chapter 2, section I) отъ короля при вступленіи его на престолъ, и для представленія доклада о томъ, оказывается ли возможнымъ измѣнить ея выраженія безъ ущерба для заключающейся въ ней гарантіи перехода престола къ протестанту. Предложеніе это было принято палатою.

Возвращаюсь къ засѣданію 14 февраля. Принявъ присягу, король прочелъ тронную рѣчь объ открытіи парламента, въ которой выразилъ свое намѣреніе слѣдовать по стопамъ королевы Викторіи. Онъ, между прочимъ, напомнилъ что каждый разъ при вступленіи на престолъ новаго главы государства требуется постановленіе палатъ о цивильномъ листѣ, т. е. о той суммѣ, которая ежегодно ассигнуется парламентомъ въ распоряженіе короля. Въ числѣ мѣропріятій, которыя правительство предполагаетъ передать на разсмотрѣніе парламента, были названы слѣдующіе билли: о различныхъ усовершенствованіяхъ въ арміи, клонящихся къ увеличенію ея боевой готовности; объ измѣненіяхъ въ организаціи апелляціоннаго суда, разрѣшающаго дѣла окончательно; объ измѣненіи законовъ о народномъ обученіи; объ измѣненіи законовъ о фабрикахъ и мастерскихъ (The Factory and Workshops Acts), объ умалишенныхъ (The Lunacy Acts), о литературной собственности (The Literary Copyright Acts) и о мѣропріятіяхъ, имѣющихъ цѣлью уменьшить количество случаевъ появленія въ общественныхъ мѣстахъ лицъ въ пьяномъ видѣ. Въ остальныхъ частяхъ своихъ тронная рѣчь не заключала ничего такого, что̀ могло бы представить интересъ для читателей. Слѣдуетъ замѣтить, что настоящая рѣчь, подобно тому какъ это бывало и прежде въ такихъ случаяхъ, была составлена не королемъ лично, а его министрами, которые и являются отвѣтственными за ея содержаніе; въ противномъ случаѣ не было бы возможнымъ то свободное обсужденіе, какое встрѣчали иногда тронныя рѣчи главы государства.

19 февраля было сдѣлано въ палатѣ общинъ нѣсколько запросовъ, относящихся къ веденію войны въ Южной Африкѣ. Въ своей отвѣтной рѣчи военный министръ, м-ръ Бродрикъ, защищалъ политику правительства. Въ частности, отвѣчая на запросъ

объ ощущаемомъ недостаткѣ въ лошадяхъ, онъ объяснилъ, что это обстоятельство происходитъ отъ огромной смертности, поражающей этихъ животныхъ по доставленіи ихъ на театръ войны. Въ промежутокъ времени меньше трехъ мѣсяцевъ тридцать тысячъ лошадей были отправлены въ Южную Африку и тринадцать тысячъ лошадей были собраны лордомъ Китченеромъ на мѣстѣ, такъ что въ три мѣсяца прибавилось сорокъ три тысячи лошадей. Что касается военно-медицинской части, то министръ соглашался, что въ этой области дѣйствительно замѣчалось нѣкоторое преобладаніе формализма и что необходимо принять надлежащія мѣры для устраненія этого явленія на будущее время. Съ цѣлью усовершенствованія военно-медицинской части, правительство рѣшило обратиться къ помощи наиболѣе выдающихся врачей какъ военныхъ, такъ и гражданскихъ. Въ этой же палатѣ 22-го февраля канцлеръ казначейства заявилъ, что веденіе войны въ Южной Африкѣ обошлось Великобританіи вплоть до февраля около 81.500.000 фунт. стерл., при чемъ еженедѣльный расходъ на этотъ предметъ колебался между 1.000.000 и 1.250.000 фунт. 26-го февраля, возражая на направленныя противъ арміи нападки и обвиненія, м-ръ Бродрикъ подтвердилъ, что англійскія войска сжигали фермы буровъ исключительно только въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣльцы этихъ фермъ оказывались виновными въ шпіонствѣ, или когда разрушеніе этихъ фермъ признавалось безусловно необходимымъ изъ стратегическихъ соображеній. Англійскіе генералы заботились о снабженіи необходимыми припасами женъ и дѣтей всѣхъ буровъ, какъ сражающихся съ англичанами, такъ и не ведущихъ войны.

19 февраля въ палатѣ общинъ одинъ ирландскій депутатъ, начавшій говорить рѣчь на ирландскомъ нарѣчіи, былъ призванъ къ порядку на томъ основаніи, что ни одинъ членъ палаты не имѣетъ права обращаться къ собранію съ рѣчью на такомъ языкѣ, который не для всѣхъ его членовъ является понятнымъ. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ, какъ и при происходившихъ ранѣе прецедентахъ, произнесеніе рѣчи на такомъ языкѣ не было допущено.

20 февраля, при обсужденіи въ той же палатѣ вопроса о пьянствѣ и о возможныхъ мѣрахъ къ его уменьшенію, министръ внутреннихъ дѣлъ, м-ръ Ритчи, обратилъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ Великобританіи значительное количество преступленій противъ личности совершено въ состояніи опьянѣнія, заявивъ

при этомъ, что вопросъ этотъ въ скоромъ времени будетъ подвергнутъ всестороннему обсужденію при разсмотрѣніи того билля, который правительство имѣетъ въ виду внести въ парламентъ и о которомъ упоминалось въ тронной рѣчи.

Лордъ Эвбюри предложилъ палатѣ лордовъ назначить особую коммисію для выясненія вопроса о томъ, сколько часовъ въ день работаютъ прикащики въ торговыхъ заведеніяхъ. Соглашаясь на назначеніе такой коммисіи, лордъ Сольсбюри, тѣмъ не менѣе предупредилъ, что правительство не считаетъ себя обязаннымъ проводить въ законодательномъ порядкѣ тѣ мѣры, которыя будутъ предложены этою коммисіею. Признавая цѣлесообразнымъ собраніе возможно полныхъ свѣдѣній по этому предмету, первый министръ обратилъ вниманіе палаты на то, что сокращеніе числа рабочихъ часовъ можетъ повлечь за собою уменьшеніе заработка прикащиковъ и причинить имъ, такимъ образомъ, скорѣе вредъ, тѣмъ пользу. Послѣ этихъ замѣчаній предложеніе лорда Эвбюри было принято.

27-го февраля м-ръ Іоксоллъ предложилъ палатѣ общинъ для втораго чтенія билль о восьмичасовомъ трудѣ въ каменноугольныхъ копяхъ (The Mines-Eight Hours-Bill). При обсужденіи этого билля одинъ изъ членовъ палаты сэръ Гикманъ высказалъ предположеніе, что предлагаемая мѣра должна уменьшить количество добываемаго угля, вызвать его вздорожаніе и пагубнымъ образомъ повліять на каменноугольную и желѣзодѣлательную промышленность. Съ другой стороны, законъ этотъ окажется неблагопріятнымъ для самихъ же рабочихъ, такъ какъ не будетъ давать возможности каждому отдѣльному рабочему проявлять свое трудолюбіе въ болѣе широкихъ размѣрахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ осуществленія предлагаемой мѣры, всѣ подземныя работы будутъ представлять бо́льшую опасность, потому что, при болѣе краткомъ рабочемъ времени, работы, по мнѣнію Гикмана, будутъ производиться на спѣхъ, безъ соблюденія необходимыхъ мѣръ предосторожности. М-ръ Фенвикъ также возражалъ противъ проектируемаго закона въ интересахъ большинства углекоповъ. Несмотря однако на всѣ возраженія, билль этотъ былъ принятъ во второмъ чтеніи большинствомъ 212 противъ 199 голосовъ.

1-го марта въ палатѣ общинъ сэръ Генри Кемпбэлль Баннерманъ доказывалъ, что должность перваго министра слѣдуетъ всегда совмѣщать съ должностью Перваго Лорда Казначейства; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ весьма энергично нападалъ на такой поря-

докъ вещей, при которомъ одно и то же лицо занимаетъ одновременно должности перваго министра и министра иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ, по его мнѣнію, никто не въ состояніи исправлять въ одно время эти должности съ надлежащимъ успѣхомъ. Послѣ нѣкоторыхъ дебатовъ вопросъ этотъ былъ снятъ съ очереди.

4-го марта въ палатѣ лордовъ лордъ Мюскери предложилъ для втораго чтенія билль, проектирующій, чтобы на обоихъ бортахъ каждаго англійскаго судна было четко обозначено, при какомъ минимальномъ погруженіи плаваніе становится для этого судна безопаснымъ. Поддерживая этотъ билль, лордъ Мюскери указывалъ на ту опасность, которой подвергаются суда, отправляясь въ море безъ достаточнаго груза или балласта. Послѣ недолгихъ дебатовъ палата пришла къ тому убѣжденію, что подобная мѣра не будетъ имѣть практическаго значенія и потому представляется безполезной, вслѣдствіе чего билль этотъ былъ отвергнутъ 66 голосами противъ 32.

Въ тотъ же день въ палатѣ лордовъ происходили продолжительныя пренія по поводу существующаго въ настоящее время въ военномъ министерствѣ распредѣленія функцій между отдѣльными лицами. Герцогъ Бедфордскій констатировалъ, что, хотя власть слишкомъ сосредоточена въ рукахъ военнаго министра и въ недостаточной степени присвоена главнокомандующему, но въ виду того, что парламентъ провѣряетъ каждый расходъ, произведенный военнымъ вѣдомствомъ, и что представителемъ арміи предъ парламентомъ является военный министръ, необходимо, чтобы послѣдній являлся отвѣтственнымъ лицомъ и сообразно съ этимъ обладалъ наивысшею властью въ своемъ вѣдомствѣ. Бывшій главнокомандующій лордъ Уольслей горячо нападалъ на существующій порядокъ, указывая, что армія въ одно и то же время находится подъ начальствомъ военнаго главнокомандующаго и управляется военнымъ министерствомъ, во главѣ котораго стоитъ штатскій. По убѣжденію лорда Уольслея, вынесенному изъ собственнаго опыта, существующій порядокъ вещей грозитъ серьезными опасностями государству, и порядокъ этотъ необходимо измѣнить въ томъ смыслѣ, что вся отвѣтственность за состояніе арміи должна лежать полностью на главнокомандующемъ, который долженъ ежегодно являться предъ парламентомъ для представленія общаго отчета о состояніи арміи. Существующій порядокъ вещей нашелъ себѣ защитника въ лицѣ бывшаго военнаго министра лорда Лансдауна. Онъ указывалъ, что въ томъ случаѣ, если вся отвѣтственность будетъ воз-

ложена на главнокомандующаго, военный министръ фактически лишенъ будетъ права пользоваться помощью другихъ своихъ совѣтниковъ; кромѣ того сосредоточеніе всѣхъ этихъ обязанностей въ лицѣ главнокомандующаго было бы для него черезчуръ обременительнымъ. 5 марта лордъ Сольсбюри замѣтилъ, что лордъ Уольслей, въ бытность свою главнокомандующимъ, не въ достаточной мѣрѣ пользовался представлявшимися благопріятными моментами. При этомъ первый министръ воспользовался случаемъ еще разъ подтвердить, что такъ какъ армія подчинена парламенту, то тотъ министръ, въ вѣдѣніи котораго она находится, управляетъ ею какъ лицо, съ одной стороны, отвѣтственное предъ парламентомъ и, съ другой стороны, осуществляющее надъ арміею всю власть, парламенту принадлежащую. Отсюда слѣдуетъ, что въ случаѣ какихъ-либо разногласій рѣшающее значеніе должно имѣть всегда мнѣніе военнаго министра.

5 марта въ палатѣ общинъ разыгралась крайне прискорбная сцена. Нѣсколько ирландскихъ депутатовъ отказались подчиниться принятымъ въ палатѣ порядкамъ и позволили себѣ въ высшей степени скандальныя выходки, такъ что пришлось призвать полицейскихъ и удалить шумѣвшихъ. Въ засѣданіи палаты 7 марта м-ръ Бальфуръ внесъ предложеніе объ измѣненіи существующихъ правилъ на случай нарушенія порядка кѣмъ-либо изъ членовъ палаты общинъ во время засѣданія, на основаніи которыхъ наибольшимъ взысканіемъ за подобный проступокъ является лишеніе депутата права участвовать въ засѣданіяхъ палаты въ теченіе одной недѣли. По мнѣнію м-ра Бальфура, такое взысканіе представляется слишкомъ недостаточнымъ для ирландскихъ депутатовъ, произведшихъ безпорядки 5 марта въ палатѣ общинъ; поэтому онъ предложилъ, чтобы на будущее время взысканіе за подобные проступки было увеличено и могло доходить до лишенія провинившагося депутата права участвовать въ засѣданіяхъ палаты въ теченіе всей сессіи. Сэръ Генри Кемпбэлль-Баннерманъ предложилъ поправку въ томъ смыслѣ, что подобное усиленное взысканіе можетъ быть примѣнено лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оказалось необходимымъ для удаленія депутата изъ засѣданія палаты прибѣгнуть къ физической силѣ. М-ръ Бальфуръ выразилъ свое согласіе принять предложенную поправку, сообразно съ чѣмъ измѣнено было его первоначальное предложеніе, которое и было принято въ такой редакціи палатою большинствомъ

264 голосовъ противъ 51. Подобное измѣненіе дѣйствовавшихъ до сихъ поръ правилъ является весьма полезною мѣрою; можно лишь сожалѣть о томъ, что нѣсколько не особенно щепетильныхъ депутатовъ скомпрометировали англійскій парламентъ съ цѣлью лишь обратить на себя вниманіе.

6 марта м-ръ Гудзонъ предложилъ палатѣ общинъ для втораго чтенія билль о вознагражденіи за истребленіе посѣвовъ (The Compensation for Damage to Crops Bill). На основаніи этого билля желѣзнодорожная компанія должна возмѣстить владѣльцу всѣ убытки въ томъ случаѣ, когда принадлежащіе ему посѣвы, хлѣбъ въ зернѣ или какія-либо насажденія были зажжены искрою, вылетѣвшей изъ проходившаго мимо локомотива. Большинство депутатовъ отъ земледѣльческихъ округовъ горячо защищали этотъ законопроектъ; съ другой стороны, нѣсколько членовъ отстаивали интересы желѣзнодорожныхъ компаній и возражали противъ этого билля на томъ основаніи, что желѣзныя дороги уже отвѣтствуютъ по закону за всякій вредъ, происшедшій отъ ихъ небрежности, и что поэтому несправедливо возлагать на нихъ отвѣтственность также и за тѣ убытки, которые произошли отъ совершенно случайной причины. Несмотря на эти возраженія, законопроектъ былъ принятъ во второмъ чтеніи большинствомъ 307 голосовъ противъ 80.

7 марта лордъ Монксвелль предложилъ верхней палатѣ для втораго чтенія билль о кремаціи (The Cremation Bill), имѣющій цѣлью предоставить мѣстному управленію право учреждать и содержать на казенный счетъ помѣщенія, приспособленныя для сжиганія труповъ (крематоріи). Билль прошелъ во второмъ чтеніи, а 11 марта былъ прочитанъ въ палатѣ лордовъ въ третій разъ; теперь онъ долженъ быть еще разсмотрѣнъ въ палатѣ общинъ.

8 марта военный министръ подробно излагалъ въ палатѣ общинъ свои предположенія о реорганизаціи англійской арміи. Считаясь съ общимъ нерасположеніемъ англичанъ къ обязательной воинской повинности, правительство пока воздерживается предлагать какія-либо мѣры къ введенію таковой повинности, но если и нынѣшнія предположенія не увѣнчаются успѣхомъ, то окажется необходимымъ установить какую-либо систему обязательной военной службы. Предложеніе военнаго министра состояло въ томъ, чтобы раздѣлить Великобританію на шесть округовъ, въ каждомъ изъ которыхъ долженъ находиться особый армейскій корпусъ, составляющій самъ по себѣ нѣчто цѣлое, имѣющій особый штабъ,

особые склады припасовъ и арсеналы. По его мнѣнію, нужно стремиться къ сосредоточенію отвѣтственности и къ децентрализаціи управленія. Комплектованіе запасныхъ войскъ,—милиціи и добровольческихъ отрядовъ,—должно быть обезпечено путемъ предоставленія резервистамъ особыхъ льготъ. Благодаря переформированію существующихъ баталіоновъ, боевая сила арміи должна въ сильной степени возрасти; вмѣстѣ съ этимъ необходимо будетъ увеличить составъ англійской арміи на 126.500 человѣкъ, что̀ обойдется приблизительно въ 2.500.000 фунт. Равнымъ образомъ необходимо подвергнуть пересмотру систему обученія въ спеціальныхъ военныхъ школахъ въ Сандгурстѣ, въ Вульвичѣ и др. Отъ будущихъ офицеровъ слѣдуетъ требовать бо́льшаго интереса къ военнымъ дѣламъ. Военный министръ признавалъ желательнымъ, чтобы офицеры, по мѣрѣ возможности, сокращали расходы на свои частныя надобности. Что касается внутреннихъ преобразованій въ военномъ министерствѣ, то министръ просилъ отложить сужденія по этому предмету на нѣсколько недѣль, пока нынѣшній главнокомандующій лордъ Робертсъ не ознакомится съ даннымъ вопросомъ; между нимъ и лордомъ Робертсомъ существуетъ полное согласіе относительно многихъ перемѣнъ, предполагаемыхъ въ организаціи военнаго министерства. Министръ упомянулъ, между прочимъ, что приметъ серьезныя мѣры къ устраненію тѣхъ неудобствъ, которыя происходятъ отъ медленности письменныхъ сношеній, и предоставитъ военнымъ многія должности въ военномъ министерствѣ, занимаемыя въ настоящее время штатскими. Онъ предполагаетъ довести общую численность мѣстныхъ войскъ, кромѣ тѣхъ, которыя отбываютъ военную службу внѣ Англіи, до 680.000 человѣкъ. Рѣчь почтеннаго оратора была покрыта шумными рукоплесканіями.

11-го марта канцлеръ казначейства предложилъ палатѣ общинъ назначить особую коммисію для опредѣленія размѣровъ той суммы, которую парламентъ долженъ назначить на содержаніе короля. Послѣ всесторонняго обсужденія этого вопроса, коммисія составитъ подробный докладъ, на основаніи котораго парламенту будетъ предложенъ соотвѣтствующій билль о цивильномъ листѣ. Предложеніе это было принято.

14-го марта епископъ Винчестерскій предложилъ палатѣ лордовъ для втораго чтенія билль о привычныхъ пьяницахъ (The Habitual Drunkards Bill). Согласно этому биллю, всякій хозяинъ питейнаго заведенія, отпускающій крѣпкіе напитки такому человѣку, кото-

раго онъ знаетъ какъ привычнаго пьяницу, долженъ подлежать денежному или иному взысканію. Выражая свое глубокое сочувствіе этому биллю, лордъ Сольсбюри тѣмъ не менѣе предостерегалъ палату противъ установленія излишняго стѣсненія для лицъ, потребляющихъ спиртные напитки въ умѣренномъ количествѣ. Билль прошелъ во второмъ чтеніи.

20-го марта нижней палатѣ былъ предложенъ м—ромъ Кромби для втораго чтенія билль о продажѣ малолѣтнимъ крѣпкихъ напитковъ (The Sale of Intoxicating Liquors to Children Bill). Билль этотъ запрещаетъ отпускать спиртные напитки такимъ лицамъ, которыя, если судить по ихъ виду, не достигли шестнадцатилѣтняго возраста. М—ръ Джемсонъ возражалъ противъ предлагаемой этимъ биллемъ мѣры на томъ основаніи, что билль этотъ идетъ въ разрѣзъ съ правами родительской власти и можетъ повлечь за собою значительныя неудобства для болѣе бѣднаго и рабочаго населенія. Обратила на себя вниманіе также неопредѣленность выраженія „которыя, если судить по ихъ виду, не достигли шестнадцатилѣтняго возраста". Послѣ нѣкоторыхъ преній билль тѣмъ не менѣе принятъ былъ палатой во второмъ чтеніи большинствомъ 372 голосовъ противъ 54.

Вышеназванный епископъ Винчестерскій предложилъ палатѣ лордовъ 21-го марта для втораго чтенія билль о продажѣ спиртныхъ напитковъ проѣзжающимъ (The Intoxicating Liquors—Sale to Travellers—Bill). Билль этотъ содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ условій и ограниченій, клонящихся къ тому, чтобы воспретить продажу крѣпкихъ напитковъ въ воскресные дни тѣмъ лицамъ, которыя проѣхали менѣе шести миль на лошадяхъ или 25 миль по желѣзной дорогѣ. Билль этотъ встрѣтилъ серьезныя возраженія со стороны лорда Сольсбюри и другихъ членовъ палаты и былъ отвергнутъ во второмъ чтеніи большинствомъ 51 голоса противъ 45.

27-го марта м—ромъ Пюрвисомъ былъ предложенъ палатѣ общинъ для втораго чтенія билль о продажѣ пива (The Beer Bill), воспрещающій приготовлять пиво, выпускаемое въ продажу въ качествѣ солодоваго, изъ какихъ-либо суррогатовъ ячменнаго солода. Канцлеръ казначейства приводилъ нѣкоторыя соображенія, вслѣдствіе которыхъ, по его мнѣнію, билль этотъ не достигнетъ своей цѣли—предупредить продажу фальсифицированнаго пива. Тѣмъ не менѣе предложенный м—ромъ Пюрвисомъ билль принятъ былъ большинствомъ 245 голосовъ противъ 133.

25-го марта, отвѣчая въ палатѣ лордовъ на запросъ о воинскихъ пенсіяхъ, герцогъ Марльборо заявилъ, что каждый раненный солдатъ получаетъ отъ государства пенсію въ размѣрѣ отъ 6 до 30 пенсовъ въ день, смотря по продолжительности его болѣзни.

18-го марта въ палатѣ общинъ м—ръ Арнольдъ Форстеръ предупредилъ, что морское вѣдомство намѣрено испросить у парламента кредитъ въ 30.875.676 фунт. стерл. на надобности этого вѣдомства въ теченіе 1901—1902 г.; при этомъ онъ перечислилъ отдѣльныя статьи расходовъ и объявилъ, что въ случаѣ войны морское вѣдомство будетъ располагать 154.575 людьми экипажа.

19-го марта м—ръ Макдональдъ внесъ въ палату общинъ билль о бракахъ иностранныхъ подданныхъ (The Foreigners' Marriage Bill). Согласно этому законопроекту, каждый иностранецъ, желающій вступить въ бракъ съ великобританской подданной, долженъ предварительно объявить должностному лицу, совершающему бракъ, что онъ не состоитъ великобританскимъ подданнымъ, и указать тѣ условія дѣйствительности брака въ его странѣ, которыя требуются ея законодательствомъ; при этомъ брачущійся долженъ представить удостовѣреніе отъ своего консула или посланника о томъ, что будущій бракъ его, послѣ совершенія въ Великобританіи, будетъ признанъ дѣйствительнымъ въ его отечествѣ. На ряду съ этимъ упомянутый билль постановляетъ, что всякое должностное лицо, совершившее бракъ безъ предварительнаго полученія такого свидѣтельства, подвергается взысканію въ суммѣ 100 фунт. стерл. или тюремному заключенію на одинъ годъ. Своевременность такого закона подтверждается дѣломъ М. Руссель, разсматривавшимся недавно гражданскимъ судомъ департамента Сены во Франціи. Въ настоящее время билль этотъ внесенъ въ палату для втораго чтенія.

Въ февралѣ въ канцлерскомъ отдѣленіи высшаго суда было разсмотрѣно судьею Кеквичемъ интересное дѣло по иску акціонернаго общества „I. и I. Кэшъ" съ отвѣтчика Іосифа Кэшъ. Въ этомъ дѣлѣ былъ затронутъ вопросъ о томъ, всегда ли имѣетъ право данное лицо вести торговлю подъ своимъ собственнымъ именемъ. Истцомъ по этому дѣлу является фирма, производившая въ продолженіе многихъ лѣтъ торговлю полотняными и кисейными отдѣлками для дамскихъ платьевъ подъ именемъ „I. и I. Кэшъ". По дѣлу было установлено, что покупательницы, спрашивая платья „съ отдѣлкою Кэша", имѣли въ виду при этомъ

именно ту отдѣлку, которая была приготовлена на фабрикѣ I. и I. Кэшъ. Въ 1895 г. владѣльцы этой мануфактуры образовали акціонерное общество, въ собственность котораго перешла ихъ фабрика, но вскорѣ послѣ этого одинъ изъ прежнихъ участниковъ фирмы „I. и I. Кэшъ", Іосифъ Кэшъ, учредилъ такое же дѣло на свои собственныя средства и подъ собственнымъ именемъ. Въ настоящемъ дѣлѣ истецъ ходатайствовалъ о воспрещеніи отвѣтчику продавать приготовляемую послѣднимъ отдѣлку подъ названіемъ „отдѣлка Кэша", такъ какъ подобное названіе вводитъ въ заблужденіе покупательницъ. Судья Кеквичъ призналъ искъ подлежащимъ удовлетворенію на томъ основаніи, что названіе „отдѣлка Кэша" присвоено именно фабрикатамъ истца и что поэтому продажа такого товара отвѣтчикомъ подъ его собственнымъ именемъ, хотя бы и безъ умысла обмануть кого-либо, можетъ ввести публику въ заблужденіе.

За послѣдніе два мѣсяца въ нашихъ судахъ слушалось очень мало дѣлъ, представляющихъ интересъ для читателей; къ тому же и эти дѣла касались такихъ спеціальныхъ вопросовъ, что едва ли удобно излагать ихъ содержаніе въ настоящемъ письмѣ.

Въ день похоронъ королевы Викторіи всѣ суды были закрыты, и судебная дѣятельность была повсюду пріостановлена. Его Величество соизволилъ объявить, что всѣ лица, назначенныя покойною королевой на судебныя должности или удостоенныя званія почетнаго юрисконсульта, продолжаютъ сохранять свои званія и должности и при немъ.

Подлежащій разсмотрѣнію особой парламентской коммисіи вопросъ о цивильномъ листѣ въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ особое вниманіе. Вплоть до конца 17-го столѣтія завѣдываніе всѣми финансами государства находилось въ рукахъ короля, который получалъ всѣ доходы отъ государственныхъ имуществъ и отъ налоговъ и изъ этихъ денегъ покрывалъ всѣ расходы на государственныя надобности. Если при этомъ оставался излишекъ, то онъ поступалъ въ личную собственность короля; въ случаѣ же недостаточности доходовъ, король предлагалъ палатѣ общинъ установить новые налоги. Въ концѣ же 17-го столѣтія самъ парламентъ принялъ на себя производство расходовъ на военныя и морскія нужды государства, предоставивъ королю завѣдывать расходами на содержаніе гражданскихъ чиновниковъ и ассигновывая ему для этой надобности ежегодно опредѣленную сумму. Георгъ III уступилъ парламенту всѣ доходы отъ государствен-

ныхъ имуществъ, отъ акциза и отъ почты, получивъ вмѣсто этого опредѣленную ежегодную сумму въ 800.000 фунт. стерл. При Вильгельмѣ IV изъ всѣхъ расходовъ на государственныя надобности въ рукахъ короля осталось лишь распоряженіе кредитомъ въ 23.000 фунтовъ на содержаніе государственной секретной службы.

Почетный юрисконсультъ Чарльзъ Гемпфилль недавно обратилъ всеобщее вниманіе на многочисленность состава нынѣшняго министерскаго кабинета. Въ настоящее время число министровъ, входящихъ въ составъ кабинета, доходитъ до 20, между тѣмъ, какъ во всей исторіи Англіи не было примѣра, чтобы составъ кабинета былъ такъ многочисленъ. М—ръ Гемпфилль видитъ въ этомъ отступленіе отъ установленнаго конституціей порядка. Сто лѣтъ тому назадъ кабинетъ изъ 7 членовъ встрѣчался чаще всего, а составъ изъ 12 членовъ признавался уже неудобнымъ по своимъ размѣрамъ. Имѣя въ виду, что въ государственныхъ дѣлахъ многочисленность совѣтниковъ скорѣе мѣшаетъ энергичному образу дѣйствій, чѣмъ способствуетъ ему, слѣдуетъ признать замѣчанія м—ра Гемпфилля не лишенными практическаго значенія.

Я надѣюсь, что въ слѣдующемъ моемъ письмѣ буду имѣть возможность сообщить отчеты о нѣкоторыхъ интересныхъ парламентскихъ преніяхъ.

Лондонъ, $\frac{\text{21 марта}}{\text{2 апрѣля}}$ 1901 г. *Сесиль Мидъ Алленъ.*

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

М. П. Чубинскій. Мотивъ преступной дѣятельности и его значеніе въ уголовномъ правѣ. Ярославль. 1900 г.

Развитіемъ субъективной стороны понятія о преступленіи характеризуется, прежде всего, новое направленіе въ наукѣ уголовнаго права. Первымъ моментомъ въ этомъ развитіи было перемѣщеніе центра тяжести съ отвлеченнаго, съ теоретически выработанными признаками представленія о преступномъ дѣяніи на самую личность преступника. Вторымъ моментомъ является переходъ отъ преступленія, какъ совершившагося факта съ его объективными и субъективными признаками,—къ предшествующей ему психической дѣятельности преступника, т. е. къ мотивамъ.

Первый моментъ нашелъ себѣ лучшее выраженіе въ нашей уголовной литературѣ въ „Ученіи о наказаніи" проф. И. Я. Фойницкаго. Для выясненія втораго момента написалъ свою книгу прив.-доц. М. П. Чубинскій.

Бодро и смѣло приступаетъ авторъ къ разработкѣ вопроса о значеніи мотива. Прочтя его предисловіе, мы ждемъ яснаго и опредѣленнаго отвѣта, заключающаго въ себѣ, какъ сумма рядъ слагаемыхъ, всѣ прежнія попытки возвысить значеніе мотива до важнѣйшаго элемента преступленія. На этихъ попыткахъ, т. е. на различныхъ мнѣніяхъ о роли мотива въ уголовномъ правѣ, авторъ останавливается много разъ и подолгу на болѣе чѣмъ трехсотъ-страничномъ протяженіи своего сочиненія. Но что̀ же дѣлаетъ онъ? Онъ не заражается ихъ стремленіемъ внести новое вѣяніе въ сферу уголовнаго права, вдохнуть живую душу въ отвлеченныя нормы, ихъ непосредственной убѣ-

дительностью: всѣ смѣлые выводы, смѣлыя предположенія онъ нивелируетъ, спѣшитъ смягчить всѣ рѣзкости, всѣ попытки пойти наперекоръ установившимся понятіямъ и привлекаетъ вопросъ на середину, хотя и „золотую", но всегда инертную, неподвижную. Съ этого момента характеръ сочиненія вполнѣ опредѣляется: съ неизбѣжностью авторъ приходитъ къ такимъ же серединнымъ, мало опредѣленнымъ выводамъ, которые лишаютъ книгу цѣннаго и цѣльнаго значенія.

Вопросъ о мотивѣ авторъ разсматриваетъ многосторонне въ связи съ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ институтовъ уголовнаго права. Какъ новый, далеко еще не признанный элементъ ученія о преступленіи, мотивъ, по его мнѣнію, долженъ быть твердо обоснованъ на данныхъ психологическихъ, данныхъ морали и юридическихъ. Такъ авторъ и поступаетъ въ своемъ постепенномъ выясненіи значенія мотива.

Свое изслѣдованіе авторъ начинаетъ съ установленія понятія о мотивѣ. Въ основныхъ чертахъ онъ принимаетъ ученіе о мотивѣ Шопенгауера и Фулье. Мотивъ можетъ быть только тамъ, гдѣ есть сознаніе; интеллектуальный элементъ необходимъ и неизбѣженъ; но въ то же время онъ не можетъ быть элементомъ единственнымъ, безъ сопровожденія другихъ. Эта мысль автора вполнѣ вѣрна и онъ справедливо возражаетъ Шопенгауеру и Фулье, допускающимъ одно только интеллектуальное содержаніе мотива; всѣ психическія силы находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, и нельзя представить себѣ примѣра, чтобы мотивомъ явилась совершенно изолированная идея безъ участія чувства и воли.

Возражая далѣе на опредѣленія мотива, какъ „представленія о результатѣ" или какъ „чувства, вызывающаго такое представленіе или имъ вызываемаго",—опредѣленія, раздѣляемыя многими криминалистами,—авторъ приходитъ къ слѣдующему опредѣленію мотива. Мотивъ, по его мнѣнію, это—„внутренняя сила, которая, порождая волевой процессъ, движетъ индивидомъ въ его сознательной дѣятельности и приводитъ при содѣйствіи всей его психики къ результатамъ, проявляющимся во внѣ". Таково общее опредѣленіе мотива. Останавливаясь же въ частности на уголовномъ правѣ, необходимо только въ этомъ опредѣленіи, какъ и дѣлаетъ самъ авторъ, замѣнить слово „результатъ" „преступнымъ дѣяніемъ".

Касаясь различныхъ взглядовъ на содержаніе мотива, какъ

понятія, авторъ подробно разсматриваетъ ученіе Листа. Съ точки зрѣнія Листа, мотивъ, это—психическая индивидуальность дѣйствующаго лица. Ясно, что Листъ понимаетъ психическую индивидуальность въ *тѣсномъ* смыслѣ, какъ совокупность для даннаго лица характерныхъ душевныхъ движеній, которыя всегда и неизмѣнно сопровождаютъ и опредѣляютъ его поступки. Такъ понимаемая психическая индивидуальность является постоянно внутренней причиной всѣхъ дѣйствій извѣстнаго лица. Иначе толкуетъ ученіе Листа авторъ. Онъ беретъ мотивъ, какъ психическую индивидуальность въ *обширномъ* смыслѣ, и замѣчаетъ, что она не что иное, какъ самый субъектъ преступленія, и не содержитъ въ себѣ никакой причинности. Выходитъ, что Листъ какъ бы смѣшиваетъ понятія мотива и субъекта и не даетъ, такимъ образомъ, для мотива дѣйствительнаго опредѣленія.

Свое опредѣленіе авторъ считаетъ сходнымъ съ выводами многихъ другихъ криминалистовъ. Авторъ внесъ свои дополненія, но благодаря имъ получилась полная неопредѣленность. Мотивъ—это внутренняя сила. Хорошо, примемъ это положеніе. Но каковъ же характеръ этой силы? Слово „внутренняя" указываетъ, что она должна относиться къ силамъ души, т. е. къ психическимъ. Между тѣмъ эта сила, по выводамъ автора, приводитъ къ извѣстнымъ результатамъ „при содѣйствіи всей его психики". На долю „психики" не остается никакого содержанія, тѣмъ болѣе, что изъ нея авторъ выдѣляетъ и волевые процессы, и сознательную дѣятельность.

Далѣе, что̀ можетъ значить: „движетъ индивидомъ въ его сознательной дѣятельности"? Дѣятельность уже сама по себѣ предполагаетъ движеніе, и это движеніе въ движеніи совершенно непонятно. Къ тому же, авторъ незамѣтно для себя становится въ противорѣчіе со своими первоначальными положеніями. Какъ мы видѣли, онъ принимаетъ ученіе Шопенгауера объ интеллектуальномъ характерѣ мотива и только дѣлаетъ добавленіе о необходимости „содѣйствія всей психики". Черезъ это онъ выдвигаетъ на первый планъ сознательный элементъ въ мотивѣ. Между тѣмъ здѣсь, въ опредѣленіи, онъ переноситъ центръ тяжести на внутреннюю (психическую) силу, которая властно „движетъ индивидомъ".

Давъ опредѣленіе мотиву, авторъ переходитъ къ вопросу о связи дѣйствія съ мотивомъ. Этотъ вопросъ рѣшается имъ положительно: безъ мотивовъ не можетъ быть никакой сознательной

дѣятельности, говоритъ онъ. Выводъ правильный, но полученъ онъ авторомъ совершенно случайно, путемъ невѣрной критики противоположнаго ученія. Это ученіе говоритъ, что крайне незначительное усиліе воли можетъ вызвать дѣйствіе, усиліе, до такой степени незначительное, что его можно считать почти за нуль, слѣдовательно,—безпричиннымъ, безмотивнымъ. Автору кажется, что это абсурдъ, такъ какъ ex nihilo nihil. Но суть въ томъ, что защитники этого ученія, опирающагося на данныя механики, говорятъ, что безмотивная воля можетъ создать разряжающую работу, т. е. такую, которая предполагаетъ уравновѣшенность нѣсколькихъ силъ, требующихъ только незначительнаго плюса (къ одной изъ этихъ силъ), чтобы произошелъ разрядъ. Такимъ образомъ, здѣсь нѣтъ дѣйствія безъ затраты энергіи, ex nihilo, какъ думаетъ авторъ: разряжается та энергія, которая въ потенціальномъ состояніи заключается въ уравновѣшенныхъ силахъ.

Въ зависимости дѣйствія отъ мотива нѣтъ ничего фатальнаго, продолжаетъ авторъ. При столкновеніи мотивовъ нельзя предвидѣть, который изъ нихъ восторжествуетъ; въ каждомъ случаѣ эта коллизія можетъ разрѣшиться иначе. Въ силу чего же побѣждаетъ извѣстный мотивъ, а не какой-либо другой? Воля, какъ признаетъ авторъ, вполнѣ зависима отъ мотивовъ: воли, какъ безпричиннаго проявленія движущей силы, не можетъ быть. Ясно, что выборъ между мотивами долженъ быть произведенъ разумомъ; если же этого нѣтъ, то восторжествовать долженъ неизбѣжно (фатально) мотивъ, субъективно-сильнѣйшій; этого авторъ не договариваетъ, и у него мотивъ пріобрѣтаетъ значеніе самопроизвольной силы, который почему то можетъ побѣдить всѣ остальные и увлечь за собою волю.

Главы 3-я и 4-я говорятъ о моралистическомъ и юридическомъ значеніи мотива. Онѣ представляютъ по мысли мало интереса. Въ первой изъ нихъ всѣ разсужденія автора сводятся къ выводу, что „не должно смѣшивать права съ моралью“ (вотъ, дѣйствительно, новое открытіе!) и что для права „необходима живая, органическая связь съ моралью“. Въ главѣ же 4-ой совершенно излишне перечисленіе (стр. 89—100) главнѣйшихъ признаковъ новаго направленія въ уголовномъ правѣ—они хорошо извѣстны всякому. Достаточно было только указать, что признаніе необходимости считаться съ мотивами въ каждомъ преступленіи, это заслуга и одно изъ существенныхъ положеній новаго направленія, стоящее въ связи со всѣми остальными его принципами.

Многіе полагаютъ, что трудность распознаванія мотива судьею лишаетъ его юридическаго значенія. Авторъ, опираясь, главнымъ образомъ, на мнѣніе нѣмецкаго криминалиста Закера, что классъ преступниковъ бѣденъ въ духовномъ отношеніи, бѣденъ представленіями, чувствованіями, мыслями и мотивами,—приходитъ къ обратному выводу. Задача судьи вообще не легка; отъ него требуется много проницательности и знанія жизни; легко ли, напр., опредѣлить наличность предумышленности, а между тѣмъ не отрицается значеніе этого элемента преступленія только изъ-за трудности его опредѣленія. Въ распознаваніи мотивовъ неизбѣжны ошибки, но онѣ неизбѣжны и вообще въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Говорятъ еще, что признаніе мотивовъ должно непремѣнно поколебать репрессію, но почему же судьи должны непремѣнно останавливаться только на смягчающихъ мотивахъ и не придавать значенія мотивамъ неблагопріятнымъ: при безпристрастномъ взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ какъ тѣ, такъ и другіе не могутъ терять своей силы, имѣя равное значеніе психическихъ причинъ даннаго преступленія.

Какъ на одно изъ наиболѣе серьезныхъ возраженій, указываетъ авторъ на мнѣніе Листа, что невозможно классифицировать мотивы, такъ какъ характеръ ихъ измѣняется въ каждомъ данномъ случаѣ сообразно съ условіями; самъ по себѣ мотивъ, напр., не можетъ быть признанъ ни соціальнымъ, ни антисоціальнымъ. Защищая свое положеніе, авторъ возражаетъ, что нѣтъ смысла разсматривать мотивъ изолированно, но нужно брать соотношеніе между нарушеннымъ и достигнутымъ благомъ черезъ преступленіе. Для поддержки своего положенія авторъ приводитъ благопріятныя для него мнѣнія современныхъ криминалистовъ, но въ то же время критикуетъ ихъ теоріи, говоритъ, что цитируемыя работы не имѣли никакого значенія (стр. 126, 132); это крайне рискованный пріемъ для убѣжденія въ справедливости собственныхъ выводовъ и какое-то жестокое научное кокетство: взять, какъ своихъ единомышленниковъ и союзниковъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ раскритиковать совершенно.

Вторая часть книги заключаетъ въ себѣ разборъ законодательствъ. Авторъ дѣлитъ ихъ на три группы. Къ первой онъ относитъ всѣ тѣ, которыя принципіально не признаютъ значенія мотива и только въ рѣдкихъ, единичныхъ случаяхъ принимаютъ его во вниманіе при опредѣленіи наказанія: таковы наше уложеніе и дѣйствующіе кодексы, французскій, бельгійскій и австрійскій.

Ко второй группѣ, т. е. къ законодательствамъ, признающимъ мотивъ принципіально, принадлежатъ германскій, венгерскій и голландскій кодексы и французскій проектъ; въ нихъ признаніе значенія мотива ограничивается общей частью, въ особенной—или не упоминается вовсе, или только въ нѣкоторыхъ, отдѣльныхъ случаяхъ, за то судьѣ предоставляется (голландскій кодексъ) чрезвычайная свобода въ опредѣленіи мѣры наказанія, и это даетъ ему возможность принимать въ соображеніе мотивы преступнаго дѣянія. Къ третьей группѣ авторъ причисляетъ законодательства, наиболѣе полно и послѣдовательно проводящія ученіе о мотивѣ какъ въ общей, такъ и въ особенной части; но, конечно, полнота эта и послѣдовательность только относительная, въ сравненіи съ остальными законодательствами; къ этой группѣ относятся итальянскій кодексъ и проекты австрійскій, швейцарскій и норвежскій. Къ ней же пытается авторъ отнести и русскій проектъ, но сейчасъ же дѣлаетъ оговорку, что *особенная* часть проекта никоимъ образомъ не можетъ быть отнесена къ третьей группѣ.

Между тѣмъ въ общей части ясно высказывается мысль, что не могутъ подлежать однороднымъ наказаніямъ преступленія, совершенныя какъ по антисоціальнымъ мотивамъ, такъ и по соціальнымъ, когда правонарушеніе можетъ свидѣтельствовать только о „неумѣніи подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона". Такой широкій взглядъ на значеніе мотивовъ вызвалъ особыя похвалы проекту со стороны иностранныхъ криминалистовъ, но, думаетъ г. Чубинскій, только потому, что они не познакомились съ особенною частью. Во вниманіе къ мотивамъ проектъ признаетъ необходимою замѣну позорящихъ наказаній наказаніями другаго рода, напр. тюрьмы заточеніемъ; между тѣмъ цѣлый рядъ преступленій, перечисляемыхъ особенной частью, несмотря на безнравственность и антисоціальность мотивовъ, карается наказаніями непозорящими, и заточеніе полагается за преступленія, совершаемыя „по корыстному или иному несовмѣстному съ долгомъ службы побужденію" (ст. 540, 541, 560 и др.), или, напр., за скупку хлѣба по несоразмѣрно низкой цѣнѣ съ цѣлью воспользоваться „завѣдомо крайне тягостнымъ положеніемъ продавца"; и, наоборотъ, караются тяжкими и позорящими наказаніями преступленія, не заключающія въ себѣ безнравственныхъ или антисоціальныхъ мотивовъ.

Третью, послѣднюю часть авторъ посвящаетъ ученію о мотивѣ въ связи съ другими уголовно-правовыми ученіями и вопросу о вліяніи мотива на наказаніе.

Для ученія о вмѣняемости особенно важное значеніе имѣетъ вопросъ о нормальной опредѣляемости мотивами. Только вполнѣ и разумно мотивированное правонарушеніе можетъ быть предметомъ вмѣненія. Но авторъ, придерживаясь обычнаго ученія о вмѣненіи, полагаетъ, что не всегда можетъ существовать опредѣленное отношеніе между мотивами и преступленіемъ, и что нерѣдко у здороваго и развитаго человѣка могутъ быть поступки, недостаточно или нелѣпо мотивированные. Поэтому онъ приходитъ къ выводу, что для вмѣненія недостаточно руководствоваться однимъ критеріемъ нормальной опредѣляемости мотивами; даже болѣе, этотъ критерій является только дополняющимъ элементомъ въ опредѣленіи степени вмѣненія; главнымъ же образомъ это опредѣленіе должно основываться „на познаніи общаго содержанія душевной жизни преступника и на сравненіи результатовъ такого познанія съ разработанными психіатріей картинами нарушеній правильнаго хода душевной жизни вообще“.

Съ этимъ выводомъ нельзя согласиться. Въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣляемость мотивами понижена, не можетъ быть и рѣчи о полномъ вмѣненіи; это признается и положительнымъ законодательствомъ, предоставляющимъ судьѣ уменьшить размѣръ наказанія, если преступникъ, вообще здоровый, находился въ исключительномъ, анормальномъ состояніи, т. е. въ такомъ состояніи, когда не могло быть обычной опредѣляемости мотивами. Конечно, общая картина психической жизни преступника имѣетъ несомнѣнное значеніе для опредѣленія вмѣняемости, но преимущественное значеніе должно быть признано за критеріемъ нормальной опредѣляемости, которая стоитъ въ тѣснѣйшей связи со степенью вмѣняемости и находится съ ней постоянно въ прямомъ отношеніи.

Равнымъ образомъ, въ вопросѣ о вліяніи мотива на наказуемость извѣстныхъ проступковъ авторъ признаетъ недостаточнымъ, чтобы мотивъ былъ только соціальнымъ: необходимо также, чтобы въ данномъ случаѣ не могло быть другаго, правомѣрнаго, исхода, и чтобы общій правопорядокъ не терпѣлъ ущерба отъ совершеннаго дѣянія. Но авторъ забываетъ свое же опредѣленіе соціальнаго и антисоціальнаго мотива (стр. 123), гдѣ онъ говоритъ, что для опредѣленія соціальности мотива нельзя брать его изолированнымъ, а должно взвѣшивать соотношеніе между нарушеннымъ и сохраненнымъ соціальнымъ благомъ. Ясно, что такъ пониженный соціальный мотивъ не можетъ принести ущерба правопорядку.

Авторъ приводитъ такой примѣръ: кто-нибудь изъ состраданія насильно освобождаетъ своего друга изъ тюрьмы; онъ руководится гуманными мотивами и кромѣ насилія невозможны были никакіе другіе способы освобожденія; и все-таки, говоритъ г. Чубинскій, государство должно покарать его. Безусловно должно, согласимся и мы; и судья, оставаясь справедливымъ, всегда признаетъ, что въ данномъ случаѣ мотивы, хотя и гуманные, но *антисоціальные*; такимъ образомъ, этотъ примѣръ нисколько не противорѣчитъ положенію, что ненаказуемость дѣянія зависитъ отъ соціальности мотивовъ. Что же касается до вопроса о возможности другаго, не преступнаго исхода, то можно сказать только, что или 1) виновный не могъ знать другихъ исходовъ, такъ какъ для того нужно иногда особое развитіе, исключительная находчивость и сообразительность, а требовать этихъ качествъ, вообще нельзя, или 2) виновный зналъ о возможности другаго исхода, но въ такомъ случаѣ онъ находился подъ вліяніемъ не однихъ соціальныхъ мотивовъ, и не они были рѣшающими.

Установивъ критерій ненаказуемости, авторъ полагаетъ, что нельзя дать его судьѣ для примѣненія его во всемъ объемѣ: самъ законодатель долженъ предусматривать *возможно больше* (?) ненаказуемыхъ случаевъ, а судья можетъ лишь пользоваться критеріемъ только въ особыхъ непредусмотрѣнныхъ случаяхъ, да и то если дѣяніе маловажно и повлекло незначительный вредъ. Стоило устанавливать подробный критерій ненаказуемости, возражать Ферри и Гельшнеру, выискивать примѣръ, чтобы прійти къ подобному выводу!

Въ главѣ, разсматривающей вліяніе мотива на наказаніе, основною мыслью является, что мотивъ долженъ вліять на самый родъ наказанія, а не только на его мѣру. Чтобы прійти къ этому выводу, авторъ возражаетъ Листу и Салейлю, отрицающимъ прямое значеніе мотивовъ для выбора рода наказанія, возражаетъ горячо и убѣдительно. Наказанія, по его мнѣнію, должны быть раздѣлены на *исправительныя* и на *обезпечительныя*; первымъ подлежатъ всѣ тѣ, которые дѣйствовали по антисоціальнымъ мотивамъ; вторымъ—тѣ, которые руководствовались мотивами соціальными. Нельзя считать преступниковъ неисправимыми; государство не должно отказываться отъ исправленія антисоціальныхъ преступниковъ. Значеніе же обезпечительныхъ наказаній заключается исключительно въ поддержаніи авторитета закона. Раздѣленіе это не лишено интереса, но авторъ, предлагая эти термины для на-

казанія, не входитъ въ разсмотрѣніе ихъ сущности; между тѣмъ ясно, что исправленіе въ данномъ случаѣ можетъ быть только *соціальнаго* характера, такъ какъ оно вызывается *антисоціальностью* мотивовъ, и вопросъ не можетъ быть рѣшенъ раздѣленіемъ преступниковъ на двѣ категоріи, ихъ разобщеніемъ и различіемъ режима (стр. 336); наказанія *исправительныя* и *обезпечительныя* оставались бы тогда лишь одними пустыми словами.

Далѣе авторъ приводитъ еще цѣлый рядъ возраженій противъ значенія мотива для рода наказанія; наиболѣе остроумнымъ изъ нихъ является то, что нельзя наказывать дѣятеля и одобрять его мотивы, признавать ихъ вполнѣ соціальными, возвышенными; но, говоритъ авторъ, оцѣнка дѣянія производится не на основаніи одного только мотива, и въ данномъ случаѣ перевѣсъ оказываютъ другіе элементы, которые даютъ минусъ, поглощающій плюсъ мотива.

За признаніемъ значенія мотива для наказанія, является вопросъ, кому же должна быть предоставлена власть избранія наказанія сообразно съ мотивами: законодателю или судьѣ. Эта альтернатива порождаетъ два противоположныя мнѣнія; но г. Чубинскій не примыкаетъ ни къ одному изъ нихъ, а, какъ и въ вопросѣ о ненаказуемости, полагаетъ, что законодатель долженъ предусматривать возможно болѣе „деликтовъ, привилегированныхъ и квалифицированныхъ во вниманіе къ мотиву", а въ остальныхъ случаяхъ это право предоставляется судьѣ,—положеніе неопредѣленное, шаткое. Предусмотрѣны могутъ быть, конечно, случаи наиболѣе частые и важные, и въ нихъ судья всегда будетъ стѣсненъ предѣлами, поставленными законодателемъ; между тѣмъ въ другихъ случаяхъ онъ получаетъ бо́льшую свободу въ пониженіи и измѣненіи наказанія,—получается неравность, нестройность, нѣкоторыя преступленія становятся въ привилегированное положеніе только потому, что они не предусмотрѣны законодателемъ и т. д.

Предоставляя судьѣ право избранія наказанія, какой же должно дать ему критерій для распознаванія и опредѣленія мотивовъ? Съ этою цѣлью авторъ разсматриваетъ существующія классификаціи мотивовъ Гольцендорфа, Листа, Вальберга, Закера, Крауса и приходитъ къ выводу, что классификаціи эти неудовлетворительны. Возможно только общее дѣленіе мотивовъ на соціальные и антисоціальные, которые и влекутъ за собою наказанія обезпечительныя и исправительныя.

Таковы итоги работы г. Чубинскаго. Судья получаетъ право только въ исключительныхъ, немногихъ случаяхъ входить въ дѣйствительную оцѣнку мотивовъ и согласовывать съ ними родъ и мѣру наказанія; между тѣмъ въ началѣ своей работы авторъ говорилъ о мотивѣ, какъ сложномъ психическомъ явленіи, и далѣе—о распознаваніи всей душевной жизни преступника; какъ же согласовать эту связанность судьи и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость широкаго психологическаго изученія каждаго даннаго преступленія? Какъ ужъ замѣчалось выше, авторъ избѣгаетъ ясныхъ, опредѣленныхъ выводовъ и старается свести все къ результатамъ среднимъ, примиряющимъ.

Заканчивая чтеніе книги г. Чубинскаго, должно сказать, что это работа живая, хорошо задуманная, проникнутая желаніемъ найти правду среди противорѣчивыхъ мнѣній о значеніи мотива. Въ основу ея легла обширная литература, съ любопытными выдержками изъ которой и можетъ познакомиться читатель. Интересная критика ихъ, производимая авторомъ, наводитъ на новыя мысли и выясняетъ многое, что̀ оставалось неразработаннымъ и спорнымъ въ ученіи о мотивѣ.

Е. Давыдовъ.

Briefe eines Unbekannten über die Rechtswissenschaft. Eine Gabe zur ersten Geburtstagsfeier des neuen deutschen bürgerlichen Rechts. Leipzig, 1901.

Послѣдовавшее недавно введеніе въ дѣйствіе новаго германскаго уложенія есть, конечно, событіе великой важности для юридической и даже политической жизни Германіи, и если бы нѣмцы, съ этой точки, превозносили до небесъ свое новорожденное законодательное дѣтище, то едва ли кто-нибудь могъ бы что-нибудь противъ этого возражать. Какъ довольство, такъ и недовольство своимъ уложеніемъ съ этой стороны было бы ихъ внутреннимъ, чисто нѣмецкимъ дѣломъ, которое могло бы не касаться и даже не интересовать никого другаго. Но, повидимому, нѣмцы склонны трактовать изданіе своего уложенія, какъ событіе громадной важности не только въ жизни ихъ страны, но и въ жизни .... юриспруденціи,—въ жизни науки о правѣ, которая, вѣдь, не есть только учрежденіе нѣмецкаго Vaterland'a, а, во всякомъ случаѣ, представляетъ собою нѣчто общечеловѣческое, не чуждое ни русскимъ,

ни французамъ, ни итальянцамъ и пр. И къ этой претензіи возвести событіе своей внутренней юридической жизни на степень событія въ цѣлой наукѣ едва ли уже можно относиться совершенно равнодушно.

Тенденція въ указанномъ смыслѣ проявилась среди нѣмецкихъ юристовъ уже давно, еще раньше возведенія уложенія въ законъ. Но сперва она сказалась въ видѣ *опасенія*, какъ бы новое уложеніе, разъ оно вступитъ въ дѣйствіе, не оказало на науку пагубнаго вліянія. Это опасеніе, живо напоминающее собою опасеніе человѣка, бывшаго долго связаннымъ, что онъ тотчасъ упадетъ, какъ только его развяжутъ, ярко сказалось въ извѣстной рѣчи *Zitelmann*'а „Die Gefahren des bürgerlichen Gesetzbuches für die Rechtswissenschaft". Авторъ здѣсь почти причитаетъ на тему о томъ что научная работа въ правѣ потеряетъ всякую привлекательность, какъ только Corpus juris civilis будетъ замѣненъ уложеніемъ новаго образца [1]). Но это пессимистическое настроеніе быстро смѣнилось радостнымъ и оптимистическимъ, лишь только связанный дотолѣ римскимъ правомъ нѣмецкій ученый юристъ почувствовалъ себя свободнымъ отъ многовѣковыхъ традиціонныхъ узъ и въ то же время нисколько не падающимъ, а твердо стоящимъ на собственныхъ ногахъ—лицомъ къ лицу передъ новой, свѣже-испеченной гражданской кодификаціей. И подобно тому, какъ раньше свою боязнь законодательной свободы и самостоятельности онъ прямо переносилъ въ область науки, считая послѣднюю въ опасности, такъ теперь свой тріумфъ онъ переноситъ туда же, считая его событіемъ великой радости для всей науки права. Совсѣмъ недавно устами другаго нѣмецкаго ученаго юриста, *Leonhard*'а, новое нѣмецкое уложеніе провозглашено уже „поворотнымъ пунктомъ" для науки гражданскаго права! [2]).

Теперь предъ нами еще одна книжка (заглавіе ея выписано выше), возникшая на той же самой почвѣ—глубокаго нѣмецкаго убѣжденія въ томъ, что изданіе новаго германскаго уложенія составляетъ эпоху для науки [3]). Авторъ ея избралъ для своихъ

---

[1]) См. стр. 7—9 въ этой рѣчи.

[2]) Rud. Leonhard, „Studien zur Erläuterung des bürgerlichen Rechts", 1 Heft „Das neue Gesetzbuch, als Wendepunkt der Privatrechtswissenschaft", 1900.

[3]) Попутно я могу привести еще одну иллюстрацію того, что нѣмецкіе юристы считаютъ свое уложеніе призваннымъ не только регулировать граждан-

размышленій форму, уже испробованную нѣкогда знаменитымъ Руд. Іерингомъ [1]), такъ что по внѣшности книжка представляетъ собою, собственно, смѣлое подражаніе трудно досягаемому образцу. Что же касается внутренняго ея содержанія, то оно въ высокой степени любопытно, главнымъ образомъ, съ отрицательной стороны. Внѣшнимъ поводомъ для написанія книжки послужило, какъ уже сказано, убѣжденіе автора, что новое нѣмецкое уложеніе дѣлаетъ переворотъ въ юриспруденціи, почему онъ и ставитъ своей задачей опредѣлить, въ чемъ же заключается этотъ переворотъ,—или, какъ весьма характерно выражается самъ г. Unbekannte, онъ желаетъ разрѣшить вопросъ: „wie wir jetzt, nach der Einführung des neuen bürgerlichen Rechts, von der Rechtswissenschaft zu denken haben"—„какъ намъ теперь, послѣ введенія новаго гражданскаго права, полагать о наукѣ права"? [2]) Отвѣту на этотъ вопросъ и посвящено главное содержаніе книжки. Для оцѣнки этого отвѣта не лишне имѣть въ виду, что авторъ увѣряетъ насъ будто онъ лишь *громко* высказываетъ то, что̀ многіе изъ его коллегъ втихомолку (im Stillen) уже давно считаютъ правильнымъ, но не рѣшаются открыто исповѣдывать [3]).

Итакъ, что̀ же намъ думать о наукѣ права послѣ изданія новаго германскаго уложенія?

„Часто задумывался я"—говоритъ г. Unbekannte—„надъ тѣмъ, почему это наука права осталась такъ далеко позади тѣхъ великихъ успѣховъ, какіе сдѣланы, въ теченіе XIX столѣтія, въ большей части прочихъ наукъ. И основная причина этого становилась

скій бытъ Германіи, но и рѣшать спорные научные вопросы, и рѣшать, повидимому, безповоротно. Авторъ большаго тома подъ заглавіемъ „Anspruch und Klagrecht", Jena, 1900, проф. Конрадъ Гельвигъ, въ предисловіи къ своему труду, между прочимъ, говоритъ: „Эта работа касается, большею частью, тѣхъ матерій, которыя до сихъ поръ, въ систематическихъ курсахъ гражданскаго права, обыкновенно трактовались подъ рубрикой: „Защита правъ". Эту часть доктрины именовали *пограничной* между матеріальнымъ правомъ и процессомъ,—обозначеніе тѣмъ болѣе подходящее, что здѣсь шла рѣчь о матеріяхъ, относительно которыхъ велся оживленный споръ, слѣдуетъ ли ихъ относить, по ихъ внутренней природѣ, къ *той* или *другой* правовой области.—Эти сомнѣнія теперь *разрѣшены* кодификаціей гражданскаго права и пересмотромъ права процессуальнаго"... Op. cit., Vorwort, S. VII.

[1]) Ihering, „Vertrauliche Briefe über die heutige Jurisprudenz" von einem Unbekannten.

[2]) Op. cit., Vorwort, S. IV.

[3]) Op. cit., S. 56.

для меня все яснѣе и яснѣе. Она лежитъ въ чрезмѣрномъ культѣ *исторіи права*, каковому предавались ученые юристы въ теченіе нынѣшняго столѣтія" [1]). Къ прошлому права, говоритъ дальше авторъ, юристы обращались и раньше, но въ благоразумной, скромной мѣрѣ. Уже недѣйствовавшія учрежденія права разсматривались, какъ нѣчто такое, чѣмъ они дѣйствительно и были, т. е. просто, какъ нѣчто отжившее, какъ „antiquitates juris"—не больше того. Да и занимались ими лишь немногіе, внутренно склонные больше къ филологіи юристы; остальные же касались столь отдаленныхъ вещей лишь въ случайныхъ замѣчаніяхъ, больше для декоративныхъ цѣлей. Но вотъ—все это измѣнилось, благоразуміе было забыто, и послѣдовалъ „Umschwung" исторіи въ области права. Открыто было провозглашено, что истинное благо правовѣдѣнія заключается въ возможно полномъ и заботливомъ изслѣдованіи *историческаго развитія* права (курсивъ г. Unbekannte), и что главная задача юриспруденціи состоитъ въ томъ, чтобы точно изслѣдовать происхожденіе права и его „источники". Такимъ образомъ, прежнее стремленіе науки по возможности удовлетворять потребностямъ дѣйствующаго права и юридической практики было оттѣснено на задній планъ [2]).

Авторъ рѣшительно не одобряетъ этой замѣны изученія дѣйствующаго права изученіемъ права прошлаго и думаетъ, что она не была вызвана ни потребностями правовой жизни, ни потребностями судебной практики. Но, въ такомъ случаѣ, что̀ же вызвало этотъ пагубный научный переворотъ? *Романтика*—подчеркиваетъ авторъ,—просто романтика, въ соединеніи съ тѣмъ полнымъ фантазіи порывомъ чувства и мысли, который столь бурно овладѣлъ всей нѣмецкой духовной жизнью въ началѣ XIX столѣтія. Вѣдь, Савиньи, этотъ сперва краснорѣчивый герольдъ, а затѣмъ покрытый славою вождь исторической школы, въ своей юности состоялъ въ тѣснѣйшихъ отношеніяхъ съ завзятыми романтиками и именно отъ нихъ и получилъ самые интимные, наиболѣе глубоко лежащіе задатки своего духовнаго развитія [3]). Правда, авторъ не отрицаетъ совсѣмъ исторіи права, онъ даже не считаетъ ее совершенно безполезной для юриста, но онъ думаетъ, что самое бо́льшее, на что̀ можетъ претендовать исторія права по отношенію

---

[1]) Ibid., S.S. 56—57.
[2]) Op. cit., S.S. 57—58.
[3]) Ibid., S. S. 59 60.

къ юриспруденціи, это—на роль вспомогательной для нея науки, въ ряду другихъ такихъ же вспомогательныхъ наукъ, каковы: этика, психологія, народовѣдѣніе, политическая экономія, статистика и др. Считать исторію права *составной частью* юриспруденціи, по мнѣнію автора, совершенно ложно; она есть составная часть исторіи вообще, каковой и принадлежитъ исключительно [1]). А между тѣмъ въ исторіи права захотѣли видѣть не только составную часть юриспруденціи, но самую ея *душу* [2]). Резюмируя свои нападки на историческую школу права, авторъ выражается такъ: „Когда исторія была возведена на тронъ въ юриспруденціи, послѣдняя получила себѣ въ ней чуждаго властелина, и это чуждое господство придало нашей наукѣ совершенно ей *несвойственный*, *фальшивый* (курсивъ автора) характеръ. Юридическая мысль и юридическое изслѣдованіе были въ значительномъ объемѣ отклонены отъ своихъ настоящихъ, истинныхъ цѣлей—углубленія въ дѣйствующую правовую жизнь и разумнаго руководства практикой—и обращены къ задачамъ, которыя подлежатъ разрѣшенію не юриспруденціей, а *другой* наукой“ [3]).

Таково отношеніе автора къ историческому направленію въ юриспруденціи вообще. Но онъ обращается со своимъ: „ridendo dicere verum“ [4]) также и къ любимому дѣтищу исторической школы—обычному праву. Теорія обычнаго права, по мнѣнію автора, есть дитя, рожденное юристами въ союзѣ съ романтикой и представляющее поразительное сходство со своей матерью; все его мечтательно-расплывчатое существо весьма далеко отъ строгаго и точнаго юридическаго мышленія. Самъ авторъ, стремясь глубже вникнуть въ существо права и тщательно вдумываясь въ вопросъ о происхожденіи права, пришелъ къ выводу, что теорія обычнаго права его только путаетъ и потому призналъ за лучшее совершенно ее отбросить какъ негодную [5]). По его окончательному и безповоротному мнѣнію, того, что̀ именуютъ обычнымъ правомъ, просто *нѣтъ* и *никогда* не было! Обычное право есть только *выдумка* ученыхъ, слишкомъ поддавшихся дѣйствію своей фантазіи! [6]).

---

[1]) Ibid., S. S. 62—64.

[2]) Ibid., S. 62.

[3]) Ibid., S. 65.

[4]) Ibid., S. III.

[5]) Ibid., S. 84.

[6]) Чтобы читатель не заподозрилъ насъ въ искаженіи мыслей автора, при-

Но какъ же *нѣтъ* и *не было* обычнаго права, спроситъ, вѣроятно, читатель, если рѣчь о немъ заходитъ даже при современныхъ кодификаціяхъ, а именно при этомъ задаютъ себѣ вопросъ: допускать ли его дѣйствіе на ряду съ правомъ закона, или нѣтъ? Но и на этотъ вопросъ у неизвѣстнаго намъ автора есть готовый и вполнѣ категорическій отвѣтъ: „по моему, хорошо сдѣлали, говоритъ онъ, что при окончательной редакціи уложенія рѣшили ни однимъ словомъ не упоминать объ обычномъ правѣ; вѣдь весь горячій споръ объ этомъ былъ просто споромъ о ничемъ (um ein Nichts)“ [1]).

Едва ли можно было рѣшительнѣе поступить не только съ теоріей обычнаго права, но и съ самимъ обычнымъ правомъ: просто вычеркнуть послѣднее изъ списка бытія; до этого, кажется еще не додумывался никто!

Но если неизвѣстный авторъ такъ сурово осуждаетъ дѣятельность исторической школы, возникновеніе которой мы привыкли считать вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ истинно-научнаго изученія права; если онъ совершенно отвергаетъ существованіе обычнаго права, которое служитъ лучшимъ, наиболѣе нагляднымъ доказательствомъ связи и зависимости права, какъ соціальнаго явленія, отъ общественной среды; если онъ, такимъ образомъ, рѣшительно отклоняетъ науку права отъ ея научныхъ традицій и задачъ,— то, въ такомъ случаѣ, представляется весьма любопытнымъ спросить, въ чемъ же онъ самъ видитъ научную задачу юриспруденціи? Чѣмъ послѣдняя, по его мнѣнію, должна заниматься и что̀ изучать?

Юриспруденція, говоритъ г. Unbekannte, есть область знанія, служащая исключительно *практическимъ* (курсивъ автора) цѣлямъ. Она должна дать намъ возможность настолько полно познать и правильно понять порядокъ, повелительно управляющій нашимъ общежитіемъ, чтобы мы точнѣйшимъ образомъ могли слѣдовать

ведемъ здѣсь его слова въ подлинникѣ: „Eine Zeit, in welcher das Recht unmittelbar, «organisch» aus dem unorganisierten Volke, ohne Sanction durch die Staatsgewalt, lediglich in der Form einer vom «Volk» für rechtsverbindlich gehaltenen Gewohnheit als ein Inbegriff generelle Rechtsgebote hervorgewachsen wäre, kurz, ein Gewohnheitsrecht hat es nie gegeben. Die ganze Gewohnheitsrechtstheorie ist ein Erzeugnis der romantisch-historischen Phantasie!“—Op. cit., S. 109.

[1]) Ibid., S. 109.

его велѣніямъ, а по отношенію къ тѣмъ, которые его нарушаютъ, могли добиться самаго неуклоннаго его примѣненія..... Изъ сказаннаго неотвратимо слѣдуетъ, что правовѣдѣніе направлено исключительно на изслѣдованіе *настоящаго* правопорядка, а не прошлыхъ, уже отжившихъ учрежденій [1]). Истинная цѣль юридическаго мышленія и изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы вникать въ дѣйствующій правопорядокъ и разумно руководить судебной практикой [2]). Авторъ считаетъ неоспоримой истиной, что теорія права просто состоитъ на службѣ дѣйствующаго права и его примѣненія (ganz und gar im Dienste des wirklichen Rechtslebens, der Rechtsanwendung, der Rechtspflege). Юриспруденція всегда была и только и можетъ быть слугой (der Diener), который несетъ факелъ передъ судебной практикой, чтобы указывать и освѣщать ей правильный путь [3]).

При такомъ, совершенно рѣшительномъ и ничѣмъ не прикрытомъ, низведеніи науки о правѣ до роли слуги-факелоносца судебной практики получается, по мнѣнію автора, одна существенная выгода: уничтожается всякая рознь между юридической теоріей и юридической практикой,—рознь, на которую постоянно жаловались и до сихъ поръ жалуются обѣ заинтересованныя стороны.

И съ этимъ заключеніемъ автора нельзя не согласиться, если только признать его представленіе о роли и задачѣ юридической теоріи. Какая же рознь можетъ еще оставаться между двумя дѣятельностями, послѣ того какъ одна изъ нихъ отдана просто въ услуженіе другой! Но за то авторъ вынужденъ сознаться, что признанное имъ желательнымъ положеніе науки несетъ съ собою для послѣдней и одну большую опасность. Въ самомъ дѣлѣ, если наука о правѣ есть не болѣе, какъ слуга судебной практики, то не можетъ ли случиться, что слуга будетъ признанъ ненужнымъ господину и будетъ совсѣмъ отпущенъ на свободу за полной его ненадобностью? Что́ же тогда дѣлать этому слугѣ, привыкшему, а, можетъ быть, только и способному носить факелы передъ своимъ господиномъ? Эта опасность живо безпокоитъ нашего почтеннаго автора, который, видимо, принимаетъ близкое участіе въ участи

---

[1]) Ibid., S. S. 62—63.

[2]) Ibid., S. 65.

[3]) Ibid., S. S. 125—126.

слуги и вовсе не желаетъ, чтобы онъ совсѣмъ остался безъ мѣста. И опасность эта, по увѣренію автора, въ Германіи теперь вовсе не призрачная и не воображаемая, а вполнѣ реальная и она—увы—связана не съ чѣмъ инымъ, какъ съ фактомъ изданія новаго гражданскаго уложенія. Оказывается, что въ Германіи есть лица, которыя думаютъ, что съ обнародованіемъ кодификаціи факелъ науки права дѣлается совершенно излишнимъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, дѣйствующее право, говорятъ эти лица, доведено въ новомъ уложеніи до полной или, по крайней мѣрѣ, возможно полной степени ясности и достовѣрности. Значитъ, зачѣмъ его еще освѣщать факеломъ какой-то науки? Наконецъ, если бы что-либо оказалось въ кодификаціи неяснымъ, то есть подъ руками „мотивы" всѣхъ отдѣльныхъ статей, есть протоколы засѣданій коммисій, подкоммисій, рейхстага и пр., живы, наконецъ, лица, принимавшія участіе въ составленіи уложенія,—не правильнѣе ли будетъ искать разрѣшенія возможныхъ недоумѣній на основаніи всѣхъ этихъ „источниковъ", вовсе не прибѣгая къ услугамъ юридической науки, которая, къ тому же, такъ склонна къ разногласіямъ, полемикѣ, контроверзамъ, а, иногда, и къ запутыванію яснаго смысла законовъ? Вѣдь „факелъ" науки, какъ и всякій факелъ, не только свѣтитъ, но и чадитъ, и даже, можетъ быть, больше чадитъ, чѣмъ свѣтитъ?

Вотъ противъ этихъ нападокъ на науку, указаній на то, что практика можетъ теперь, съ уложеніемъ въ рукахъ, и совсѣмъ обойтись безъ науки, авторъ также вооружается всѣми своими силами и всѣмъ имѣющимся въ его распоряженіи остроуміемъ.

Изъ изложеннаго видно, что задача, поставленная себѣ авторомъ „писемъ о юриспруденціи", представляется, въ нѣкоторомъ родѣ, войной на два фронта: съ одной стороны, противъ тѣхъ, кто хотѣлъ, хочетъ и пытался дать наукѣ о правѣ самостоятельную задачу и самостоятельное содержаніе, а, съ другой стороны, противъ тѣхъ, которые хотятъ отпустить слугу-юриспруденцію совсѣмъ на покой за ненадобностью. Не мѣшайте слугѣ работать, не отвлекайте его въ сторону отъ его службы, но и не отказывайтесь отъ его услугъ, возмнивши себя способными обойтись безъ нихъ,—вотъ внутренній смыслъ всей книжки неизвѣстнаго автора, полагающаго, конечно, что онъ сражается за честь и славу юриспруденціи. Впрочемъ, лично онъ, авторъ, находитъ для себя полное удовлетвореніе въ томъ фактѣ, который онъ въ послѣднемъ своемъ письмѣ обозначаетъ, какъ „побѣду законодательства надъ истори-

ческимъ правовѣдѣніемъ“ [1]). Что̀ бы тамъ ни было, а нѣмецкій юристъ можетъ все-таки тріумфировать: „столѣтіе, въ началѣ котораго законодательству былъ выданъ довѣрчиво принятый аттестатъ на неспособность, закончилось самой блестящей его *побѣдой*,—закончилось такой воодушевленной, обширной и разносторонней законодательной дѣятельностью, какой никогда еще не переживалъ нѣмецкій народъ“ [2])! Вмѣстѣ съ тѣмъ, „радостный“ опытъ, продолжаетъ авторъ, показалъ, что имперская кодификація каждой части права всякій разъ приносила съ собой и значительный подъемъ теоретическаго изслѣдованія. И законодательство давало при этомъ наукѣ о правѣ не одинъ только измѣнившійся *предметъ* для ея изслѣдованій, но и *внутренно ее обновляло*, возбуждая ее къ *болѣе дѣятельной и болѣе здоровой жизни* [3]). Итакъ, хвала и благодарность новому нѣмецкому уложенію! [4])—вотъ возгласъ, который долженъ заполнить собою науку права, если „теперь“, послѣ введенія въ дѣйствіе этого уложенія, думать о наукѣ права такъ, какъ о ней „полагаетъ“ авторъ „писемъ о юриспруденціи“.

Послѣ всего изложеннаго, я надѣюсь, читатель согласится со мною, что разобранная нами книжка, дѣйствительно, любопытна, и именно съ отрицательной стороны. Только мнѣ кажется, что нельзя всѣхъ этихъ перловъ относить только за счетъ одной „побѣды“ нѣмецкаго имперскаго законодательства. Правда, эта „побѣда“, повидимому, вызываетъ и создаетъ въ нѣмецкихъ юристахъ почти такое же настроеніе, какое было вызвано во всемъ нѣмецкомъ народѣ „побѣдами“ 1870—71 г.г., но все же одного этого настроенія все-таки было бы мало, чтобы договориться до того, что „прошлое право“ и „исторія права“ должны быть совсѣмъ выброшены за бортъ юриспруденціи, какъ науки, и что обычнаго права нѣтъ и никогда не было! Нужно, чтобы наука переживала глубокій внутренній кризисъ; нужно, чтобы въ наукѣ происходила перестройка самыхъ коренныхъ понятій и представленій, нужно, чтобы въ ней поколеблено было чувство прочности всего пріобрѣтеннаго—для того, чтобы создать почву для появленія такихъ

---

[1]) Таковъ самый заголовокъ послѣдняго письма: „Sieg der Gesetzgebung über die historische Rechtswissenschaft“, S. S. 123—140.

[2]) Ibid, S. 133.

[3]) Ibid., S. 134.

[4]) Такъ, дѣйствительно, и озаглавлено первое письмо автора.

памфлетовъ, какъ „письма“ г. Неизвѣстнаго. Когда наука находится въ устойчивомъ состояніи, когда въ ней происходитъ нормальная творческая работа, когда ея адепты завоевываютъ новое, а не подвергаютъ пересмотру старое, тогда такое хозяйничанье съ достояніемъ науки, какое мы видѣли со стороны г. Неизвѣстнаго, бываетъ совершенно невозможнымъ. Въ этомъ смыслѣ разобранная нами книжка имѣетъ яркое симптоматическое значеніе. Выражаясь языкомъ историковъ, можно сказать, что *поводомъ* къ ея появленію послужило, конечно, изданіе новаго германскаго уложенія, но *причина* лежитъ глубже—въ самомъ состояніи науки, которая переживаетъ теперь весьма серьезный и далеко еще не закончившійся кризисъ.

Н. Гредескулъ.

Словарь юридическихъ и общественныхъ наукъ подъ редакціей А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова, въ 3-хъ томахъ—15 р. Т. I, вып. I, А/а—Аристотель. Ц. 1 р. 50 к.

Въ предисловіи къ настоящему словарю гг. редакторы называютъ его „крупнымъ изданіемъ“, „немалымъ и нелегкимъ трудомъ“. Дѣйствительно, объ этомъ едва ли можно спорить. Правосознаніе находится у насъ, можно сказать, на весьма низкой ступени развитія. Не только отсутствуетъ пониманіе своихъ правъ и обязанностей, но не обнаруживается серьезнаго стремленія, интереса къ достиженію этого пониманія, и нерѣдко даже въ интеллигентныхъ слояхъ общества можно слышать жалобы на законы, которые не сумѣли оградить лицо отъ послѣдствій какой-нибудь сдѣлки, необдуманно имъ заключенной. Основное правило современнаго юридическаго быта—„никто не можетъ отговариваться невѣдѣніемъ закона“ не только не признается, но, напротивъ, къ закону предъявляется претензія, чтобы онъ опекалъ дѣеспособныхъ гражданъ и оберегалъ ихъ отъ легкомысленныхъ поступковъ.

При такихъ условіяхъ изданіе настоящаго словаря, который долженъ дать возможность легко и быстро оріентироваться въ вопросахъ права, несомнѣнно имѣетъ крупное общественное значеніе. Но, конечно, значеніе словаря далеко не исчерпывается приведенными узко практическими цѣлями. Какъ справедливо указываетъ предисловіе,—„распространеніе познаній въ

области правовой и государственной жизни имѣетъ особое значеніе и особую цѣнность..., въ качествѣ фактора, возбуждающаго интересъ и содѣйствующаго сознательному и разумному отношенію къ вопросамъ политики права въ общемъ смыслѣ: къ законодательнымъ вопросамъ, ежедневно возникающимъ и обсуждаемымъ во всякомъ культурномъ государствѣ, а равно и къ вопросамъ политики управленія". Однако гг. редакторы вовсе не желаютъ ограничивать кругъ дѣйствія словаря большой публикой, они имѣютъ въ виду доставленіе частныхъ удобствъ и частной (?!) пользы тѣмъ лицамъ, которыя нуждаются въ справочномъ руководствѣ по вопросамъ права, государства и народнаго хозяйства: *профессіональнымъ юристамъ* и т. д.

Такимъ образомъ, огромное общественное значеніе предпринятаго изданія стоитъ, какъ намъ кажется, внѣ всякаго сомнѣнія. А для надлежащей оцѣнки трудности предпріятія слѣдуетъ еще принять во вниманіе крайній недостатокъ научныхъ силъ и ихъ инертность по сравненію съ Западной Европой, гдѣ въ такого рода изданіяхъ постоянно выступаютъ корифеи науки.

При такихъ условіяхъ „Словарь", а особенно первый выпускъ его, не можетъ быть, конечно, свободенъ отъ недостатковъ, и, отмѣчая эти недостатки въ дальнѣйшемъ изложеніи, мы имѣемъ въ виду способствовать этими указаніями устраненію ихъ въ дальнѣйшихъ выпускахъ и тѣмъ самымъ содѣйствовать успѣху „Словаря".

Однимъ изъ главныхъ недостатковъ мы считаемъ отмѣченное уже выше чрезмѣрное расширеніе круга задачъ „Словаря". Это—ошибка, которая способна уничтожить всякое значеніе предпринятаго изданія. Не нужно очевидно доказывать, что, смотря по характеру читателя, характеръ и объемъ сообщаемыхъ свѣдѣній, способъ и система изложенія должны быть весьма разнообразны: очень цѣнныя, напр., для спеціалистовъ статьи явятся балластомъ и могутъ лишь отпугнуть большую публику—и наоборотъ; а въ общемъ—должно получиться нѣчто въ родѣ „французскаго съ нижегородскимъ". Просматривая словарь, мы наталкиваемся, скажемъ, на слово Actio, подъ которымъ напечатана обстоятельная монографія (с. 187—241), (составленная нѣсколькими лицами и оттого, вѣроятно, страдающая повтореніями), которая съ точки зрѣнія объема могла бы занять почетное мѣсто въ любомъ курсѣ пандектовъ (ср., напр., Дернбурга, 6-ое изд., т. I ч. 1, 2-ая глава 5 отдѣла). Статья эта, очевидно, разсчитана только на специали-

стовъ, ибо неспеціалистъ не пойметъ, что́ такое „формулярный процессъ“ (с. 189), который словарь предполагаетъ извѣстнымъ своимъ читателямъ, „присяжный судья“ (190) и т. п., да впрочемъ и многіе профессіональные юристы врядъ ли получатъ частную пользу „и частныя удобства“, врядъ ли многіе изъ нихъ поймутъ пересыпанный длиннѣйшими латинскими цитатами текстъ. А съ другой стороны можно указать на статью „алкоголизмъ“, какъ хорошо написанную, но имѣющую совершенно полемическій, злободневный, газетный характеръ, пересыпанную блестками остроумія, ироніи. Говоря о числѣ посѣтителей кабаковъ, авторъ замѣчаетъ: „врядъ ли это были англійскія леди со своими бэби, или: „одинъ *досужій англичанинъ* произвелъ спеціальное изслѣдованіе“, отзывы администраціи о результатахъ винной монополіи „носятъ на диво однообразный характеръ“ (с. 338). Резюмируя дѣятельность попечительствъ о народной трезвости, авторъ ограничивается свидѣтельствомъ Оренбургскаго корреспондента „Вѣстника Финансовъ“ (с. 331). Такія статьи не могутъ опять-таки принести „частной пользы“ и „частныхъ удобствъ“, а разсчитаны только на большую публику. Наконецъ, есть статьи (sic), которыя, sit venia verbo, „ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга“, какъ, напр., статья г. В. Э. Вальденберга: „абсолютныя права“. Выписываемъ ее дословно: „такъ называются тѣ права“, соотвѣтствующая которымъ обязанность лежитъ на всѣхъ другихъ лицахъ (или, какъ думаютъ нѣкоторые, на всѣхъ тѣхъ, на кого распространяется обязательность даннаго положительнаго права). Противоположность этимъ правамъ составляютъ права относительныя, соотвѣтствующая которымъ обязанность лежитъ на одномъ или нѣсколькихъ опредѣленныхъ лицахъ, какъ бываетъ напр. въ обязательствахъ“ (с. 14). Спрашивается, что́ можетъ прибавить это любезное сообщеніе г. В. Э. Вальденберга къ нормальнымъ, такъ сказать, свѣдѣніямъ профессіональнаго юриста, и что́ можетъ понять здѣсь профанъ?

Этому основному недостатку—неопредѣленности и смѣшенію задачъ изданія—сопутствуетъ полнѣйшая несоразмѣрность отдѣльныхъ статей между собою. Повидимому—все зависитъ отъ авторовъ (которые, кстати сказать, весьма обязательно подписываютъ статьи даже въ 4, 5, 6 строкъ): кто сколько захочетъ, тотъ столько и напишетъ, своя рука владыка. Поэтому, напр., аболиціонизму (отмѣнѣ рабства) посвящено 33 строки, а а/а (adacta)—46 строкъ; абсентеизму—$1^1/_2$ столбца, абсолютизму—страница, столько же,

сколько „аллонжѣ“; авторское право занимаетъ 4 стр., а авалъ—5 страницъ, акцептъ—около 6 страницъ, арестъ движ. имущества—8 страницъ. Особеннымъ многословіемъ отличается г. Барацъ, отдѣлъ котораго (коммерческія знанія) включенъ въ видѣ добавленія, поскольку эти знанія „представляютъ интересъ для юриста и экономиста“ (предисл. с. VII). Но мы весьма сомнѣваемся, напр., въ томъ, чтобы для юриста и экономиста представляли интересъ такія, напр., свѣдѣнія: „эта особенность лицевой стороны аллонжи предпринимается въ видахъ внѣшняго изящества векселя, экономіи во времени и пр.“ (с. 343). Нѣкоторые авторы всегда начинаютъ ab orvo: такъ, въ статьѣ Аварія разсказывается о родійскомъ законѣ съ поименованіемъ его на греческомъ діалектѣ (с. 31), а другіе ограничиваются туманными намеками, какъ напр. въ статьѣ объ автономическомъ (?!) правѣ г. Вальденбергъ увѣряетъ насъ, что въ нормахъ этого права „иногда видятъ и нѣчто подобное юрид. сдѣлкамъ, т. е. распоряженіе своими правами“ (с. 63). Одни авторы приводятъ подробныя библіографическія указанія на русскую и иностранную литературу съ обозначеніемъ года и мѣста изданія; другіе ссылаются на сочиненія, содержащія такія указанія (с. 230); третьи цитируютъ сокращенно: Петражицкій, Einkommen (сочиненіе называется—Die lehre vom Einkommen), W. L. V. (с. 10); четвертые къ двумъ-тремъ названнымъ сочиненіямъ прибавляютъ „ и пр.“ (с. 408); пятые—вовсе не приводятъ указаній (с. 12—подъ статьей „абсолютизмъ“).

Несогласованность идетъ гораздо дальше и забирается и во внутреннюю сторону. Подъ словомъ „апелляція“ помѣщены двѣ статьи: объ апелляціи въ гражданскомъ процессѣ и уголовномъ. Въ первой говорится, что „апелляція есть *просьба* тяжущагося о перерѣшеніи дѣла“, а во второй,—что апелляція съ точки зрѣнія догмы русскаго уголовно-процессуальнаго законодательства—есть *средство* обжалованія. По вопросу объ адвокатурѣ нѣтъ общей статьи, а есть двѣ отдѣльныхъ, посвященныхъ: одна—адвокатурѣ въ уголовномъ процессѣ, а другая—адвокатурѣ въ гражданскомъ процессѣ, при чемъ въ первой статьѣ отчасти (на с. 112) повторяется то, что̀ сказано раньше въ статьѣ объ advocati, отчасти говорится вообще объ адвокатурѣ (с. 113, 114), а статья вторая—опять возвращается къ римскимъ patroni и advocati (с. 116), отчасти повторяетъ первую (с. 120).

Что же касается внутреннихъ качествъ помѣщенныхъ статей, то уже a priori—изъ намѣченной выше разнокалибер-

щины—можно заключить, что въ этомъ отношеніи господствуетъ полнѣйшее разнообразіе. Есть статьи безукоризненныя и совершенно безтолковыя, вполнѣ объективныя и характера справочнаго (въ лучшемъ смыслѣ этого слова) и окрашенныя опредѣленной тенденціей, есть, наконецъ, и такія, которыя сообщаютъ свѣдѣнія, безусловно невѣрныя.

Для образца безтолковости—приведемъ, напр., любопытный примѣръ: въ статьѣ объ Аваріи (с. 30) опредѣленіе этого понятія заимствовано буквально у Шершеневича (Курсъ торг. пр., изд. 3, с. 876), но съ измѣненіемъ одного слова, совершенно лишающимъ опредѣленіе смысла. У Шершеневича мы читаемъ: „подъ именемъ аваріи понимается *вредъ*, причиненный судну или грузу или тому и другому чрезвычайнымъ событіемъ“, а въ словарѣ напечатано: „аварія—*убытки*, причиненные судну или грузу (или тому и другому) чрезвычайнымъ событіемъ“. Какъ можно однако судну или грузу причинить убытокъ, мы рѣшительно не понимаемъ, хотя бы даже согласиться съ авторомъ, что судно это морское торговое заведеніе!! (с. 3 въ словѣ Абандонъ).

Наконецъ, въ качествѣ примѣровъ невѣрныхъ свѣдѣній отмѣтимъ, что, по словамъ автора статьи объ апелляціи, г. Гомолицкаго, „до разрѣшенія дѣла судомъ второй инстанціи рѣшеніе первой не можетъ быть исполнено“, какъ будто нашъ уставъ вовсе не знаетъ предварительнаго исполненія рѣшеній; здѣсь говорится о какихъ-то встрѣчныхъ апелляціяхъ безъ всякаго объясненія о томъ, что́ это за институтъ, о которомъ нашъ уставъ гражд. судопр. ничего не говоритъ. Въ статьѣ объ адвокатурѣ г. Чемберсъ говоритъ, что такса для вознагражденія прис. повѣренныхъ утверждается министромъ юстиціи (с. 118), между тѣмъ какъ, согласно 396 ст. учр. суд. уст., она утверждается въ законодательномъ порядкѣ. Актовыя книги, какъ оказывается, должны быть ведены нотаріусомъ не для удостовѣренія вносимыхъ актовъ, а и въ интересахъ равномѣрности взысканія нотаріальныхъ пошлинъ по единообразной формѣ (с. 242)!!

Повторяемъ опять, что мы остановились подробно на отрицательныхъ сторонахъ настоящаго изданія именно потому, что придаемъ ему особую важность и желаемъ ему самаго широкаго распространенія, которое служило бы отраднымъ признакомъ пробуждающагося правосознанія. Конечно, такой трудъ, какъ словарь, можетъ быть выполненъ не иначе, какъ коллективными силами, вслѣд-

ствіе чего въ немъ неизбѣжно должно сказаться разномысліе, несогласованность и т. д. Но именно поэтому едва ли не наиболѣе важной частью въ такихъ словаряхъ является общая редакція, которая въ настоящемъ изданіи положительно вовсе не даетъ себя чувствовать.

Будемъ надѣяться, что въ слѣдующихъ выпускахъ отмѣченные нами недостатки будутъ устранены, и словарь явится тѣмъ свѣточемъ, въ которомъ наша юридическая жизнь такъ давно нуждается.

І. Гессенъ.

Г. Блосфельдтъ.—Сборникъ законовъ о россійскомъ дворянствѣ. На основаніи оффиціальнаго изданія законовъ о состояніяхъ 1899 г., съ дополненіями изъ другихъ частей Свода законовъ, изъ Полнаго Собранія Законовъ и по новѣйшимъ узаконеніямъ и съ разъясненіями по рѣшеніямъ и опредѣленіямъ Правительствующаго Сената и по циркулярамъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Изданіе кн. магаз. юридич. литер. Д. В. Чичинадзе. 1901 г., 8°, XII+443 стр., цѣна 3 р.

Мѣропріятія послѣдняго времени, направленныя къ поднятію государственнаго значенія и благосостоянія помѣстнаго дворянства, возбуждаютъ особенный интересъ къ этому первенствующему россійскому состоянію. Со времени учрежденія особаго совѣщанія по дѣламъ о дворянскомъ состояніи появился цѣлый рядъ книгъ, посвященныхъ исторіи дворянства, его современному значенію и изложенію дѣйствующаго о немъ законодательства. Къ числу книгъ послѣдняго рода относится и Сборникъ Г. Блосфельдта, составленный на основаніи новѣйшаго изданія тома девятаго Свода законовъ и дополненный позднѣйшими узаконеніями, распубликованными по 20 февраля 1901 года.

Сборникъ г. Блосфельдта состоитъ изъ двухъ частей: въ первой излагаются правила законовъ о состояніяхъ, касающихся дворянства (съ сохраненіемъ нумераціи статей оффиціальнаго изданія и подведенныхъ подъ ними цитатъ), комментируемыя подлежащими постановленіями изъ прочихъ томовъ Свода законовъ и другими правительственными распоряженіями, указанными въ заглавіи книги; во второй части сборника сгруппированы, въ формѣ

дополненій къ первой части, остальные касающіеся дворянства законы и правила, имѣющіе болѣе или менѣе самостоятельное значеніе, напр. объ учебныхъ заведеніяхъ для дворянскаго юношества (съ перечнемъ дворянскихъ стипендій и безплатныхъ вакансій въ кадетскихъ корпусахъ), о заповѣдныхъ и временно-заповѣдныхъ имѣніяхъ, а также о маіоратахъ, уставъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка, согласованный со всѣми новѣйшими узаконеніями, постановленія о частныхъ дворянскихъ повинностяхъ, о дворянскихъ выморочныхъ имуществахъ, о порядкѣ дворянскихъ обществъ, объ опекахъ, о форменной одеждѣ для дворянъ и для служащихъ по выбору дворянства, такса на расходы по художественнымъ украшеніямъ актовъ и документовъ, выдаваемыхъ департаментомъ герольдіи Правительствующаго Сената, правила объ испрошеніи Высочайшихъ наградъ, со всѣми новѣйшими измѣненіями, и пр.

Такъ какъ для отысканія правъ состоянія давности не положено (зак. сост., ст. 13), то въ Сборникѣ приведены узаконенія, опредѣлявшія условія пріобрѣтенія дворянства въ прежнее время, начиная съ указа 16 января 1721 года; къ числу такихъ же узаконеній относятся не включенныя въ новое изданіе тома IX правила изданія 1876 года о правахъ на дворянское достоинство грековъ, магометанъ, молдаванъ, б. польской шляхты, а равно не содержащіяся въ сводѣ, но необходимыя для утвержденія въ дворянствѣ по Закавказью, правила о разводѣ по имѣнію между Имеретинскими и Гурійскими князьями и ихъ азнаурами.

Въ Сборникѣ весьма тщательно изслѣдованы и изложены всѣ особенности, дѣйствующія только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Имперіи, напр. правила о цензѣ для участія въ дворянскихъ выборахъ, примѣняемыя въ губерніяхъ, гдѣ не введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ. Большое практическое значеніе имѣетъ сдѣланный въ Сборникѣ перечень всѣхъ обязанностей предводителей дворянства.

Хотя, по своему главному содержанію, Сборникъ касается только того россійскаго дворянства, права коего опредѣляются томомъ девятымъ Свода законовъ, тѣмъ не менѣе въ него внесены и особыя дѣйствующія въ губерніяхъ Царства Польскаго постановленія о порядкѣ пріобрѣтенія дворянскаго состоянія, о порядкѣ веденія тамъ родословныхъ книгъ и т. п.

Подробное разсмотрѣніе Сборника Г. Блосфельдта не можетъ не привести къ заключенію о глубокомъ знаніи его составителя

избранной имъ части нашего законодательства. Полное и всестороннее изученіе имъ законовъ о дворянскомъ состояніи съ особенною наглядностью обнаруживается въ подстатейныхъ примѣчаніяхъ, объясняющихъ кодификаціонныя основанія къ измѣненію, по новому 1899 года изданію, текста статей законовъ о состояніяхъ изданія 1876 года; относительно постановленій этого прежняго изданія, вовсе не внесенныхъ въ новое, подлежащія объясненія приведены въ составѣ сравнительныхъ указателей статей о дворянствѣ по обоимъ упомянутымъ изданіямъ. Сдѣланныя объясненія, помимо практическаго значенія, представляютъ несомнѣнный научный интересъ, и юристы должны по достоинству оцѣнить это нововведеніе, какое намъ не приходилось еще видѣть въ однородныхъ сборникахъ.

Къ Сборнику приложено нѣсколько указателей, облегчающихъ пользованіе имъ, въ томъ числѣ алфавитно-предметный. Книга напечатана отчетливымъ шрифтомъ, на хорошей бумагѣ и, вообще, издана очень изящно.

С. Б.

Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Блосфельдтъ, Г.—Сборникъ законовъ о россійскомъ дворянствѣ. На основаніи оффиціальнаго изданія Законовъ о Состояніяхъ 1899 г., съ дополненіями изъ другихъ частей Свода Законовъ, изъ Полнаго Собранія Законовъ и по новѣйшимъ узаконеніямъ и съ разъясненіями по рѣшеніямъ Правительствующаго Сената и по циркулярамъ М—ства В. Д. Спб. 1901. (Стр. I—XII+1—443). Ц. 3 руб.

Волковъ, А. Ф. и Филиповъ Ю. Д.—Словарь юридическихъ и государственныхъ наукъ. Томъ I. Выпускъ I. Спб. (Стр. VII+1—479). Ц. 1 р. 50 к.

Гордонъ, В. М.—Уставъ гражданскаго судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами и разъясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Департамента, Общ. Собранія и Соединеннаго Присутствія 1-го и Кассац. Д—товъ Прав. Сената и циркулярамъ М—ства

Юстиціи. Систематическій сборникъ съ алфавитнымъ указателемъ. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1901. (Стр. XII+1—896). Ц. 4 руб.

Дебольскій, В. Н.—Духовныя и договорныя грамоты Московскихъ князей, какъ историко-географическій источникъ. Спб. 1901 (Стр. 35).

Катковъ, В. Д.—Наука и философія права. Берлинъ. 1901. (Стр. VIII+115). Ц. 1 р. 50 к.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—Будущіе участковые судьи и земскіе начальники. Спб. 1901. (Стр. 45). Ц. 40 к.

Линцбахъ, Я. И.—Универсальная стенографія, какъ запись моментовъ движенія органовъ рѣчи. Теорія, усваиваемая въ 2 дня. Москва. 1901. (Стр. 14). Ц. 50 коп.

Матеріалы по вопросу о фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ, съ прил. Законопроекта. Изд. редакціи журнала „Вѣстникъ Винодѣлія". Одесса. 1901. (Стр. IX+1—270+1—58+1—33). Ц. 2 руб.

Отчетъ правленія Виленскаго общества исправительныхъ земледѣльческихъ колоній и ремесленныхъ пріютовъ для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ за 1900 годъ. Вильна. 1901. (Стр. 51.)

Палибинъ, М. Н.—Законы о состояніяхъ, съ дополнительными узаконеніями, разъясненіями Правит. Сената и Св. Синода, циркулярами М—ства В. Д. и алфавитнымъ указателемъ. Спб. 1901. (Стр. XXVII+1—420). Ц. 3 р.

Пергаментъ, О. Я.—Приданое по Бессарабскому праву. Опытъ комментарія законовъ Арменопула и Донича. Одесса. 1901. (Стр. IV+1—145)

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній Министерства Юстиціи. Вып. XV. Часть первая. Свѣдѣнія о личномъ составѣ и дѣятельности судебныхъ установленій Европейской Россіи за 1899 годъ. Съ двумя картограммами, изображающими географическое распредѣленіе какъ общаго числа гражданскихъ дѣлъ, такъ и гражданскихъ дѣлъ важнѣйшихъ категорій. Спб. 1901. (Стр. 223).

Таганцевъ, Н. С.—Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1885 года. Изд. 11-е, пересмотрѣнное и дополненное. Спб. 1901. (Стр. 925). Ц. 4 р. 50 к.

Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета. Варшава. 1899. Вып. XVI. Способы улучшенія регистраціи состоянія и движенія населенія края. О задачахъ и дѣятельности Варшавскаго Статистическаго Комитета со вре-

мени возникновенія его. Развитіе края въ первое 10-лѣтіе послѣ реформъ 1864 г. (Стр. 167). Вып. XVII. Крестьянское землевладѣніе въ десяти губерніяхъ Царства Польскаго въ 1870 г. и 1899 г.г. Варшава. 1900. (Стр. 1—44+ +XLI+1—115).

Шершеневичъ, Г. Ф.—Курсъ гражданскаго права. Т. I. Введеніе. Вып. первый. Казань. 1901. (Стр. 206). Ц. 2 руб.

Редакторъ В. Дерюжинскій.

НОВЫЯ КНИГИ,
ПОСТУПИВШІЯ ВЪ ЮРИДИЧЕСКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Н. К. МАРТЫНОВА

(С.-Петербургъ, Невскій, 50).

Анисимовъ А. (Нотаріусъ) Новый уставъ о герб. сборѣ, съ законодмотивами, разъясненіями, инструкціями Мин. Фин. и подробнымъ предметнымъ указателемъ. Изд. 10-е 901. 1 р. 50 к. въ перепл. 1 р. 80 к.

Его же. Алфавитный указатель совершеннолѣтнимъ лицамъ, ограниченнымъ въ правоспособности, со включеніемъ свѣдѣній о прекращеніи неправоспособности. Сост. по 1 января 901 г. 4 р., въ перепл. 4 р. 60 к.

Алфавитъ довѣренностей, уничтоженныхъ публикаціями въ Сенатскихъ Объявленіяхъ съ 1880 по 1 январь 901 г. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

Асосковъ К. Разрѣшитель вопросовъ по нотаріальному и матеріальному праву 1 р. 25 к. Продолженіе къ нему 901 г. 1 р.

Гордонъ В. Уставъ гражданскаго судопроизводства съ разъясн. и алфав. указателемъ. Изд. 2. 901. 4 р., въ перепл. 4 р. 60 к.

Демкинъ И. Общедоступное законовѣдѣніе, относящ. до крестьянск. быта и сельскаго хозяйства. 901. 75 к.

Его же. Краткій повторительный курсъ гражданскаго права. Ч. общая 1 р., ч. особ. (права вещное, обязат., сем. и насл.). 901. 1 р. 50 к.

Краткій повторительный курсъ политической экономіи. 901. 1 р.

Открытыя тайны ораторскаго искусства. Проф. *К. Гильти.* 901. 25 к.

Палибинъ М. Законы о состояніяхъ, съ дополнит. узаконеніями, разъясн. Сената и Синода, цирк. Мин. Внутр. Дѣлъ и алфавитн. указателемъ. 901. 3 р., въ перепл. 3 р. 50 к.

Подробная программа по гражданскому праву. Изд. 4. 901. 60 к.

Таганцевъ Н. Улож. о наказ. угол. и испр., съ разъясн. 11 изданіе, 901. 4 р. 50 к., въ перепл. 5 р. 25 к.

Филиповъ Ю. Межевые законы съ разъясн. 3 р., дополненіе къ нимъ 901 г. 30 к.

ОКАНЧИВАЮТСЯ ПЕЧАТАНІЕМЪ:

Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей. Пятое (посмертное) изданіе. *П. Макалинскаго*, ц. 6 р., въ пер. 7 р. 20 к.

и **Формы дѣлопроизводства судебныхъ слѣдователей** (Приложеніе къ руководству) ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

Въ Сенатской типографіи отпечатаны и поступили въ продажу слѣдующія изданія:

НОВЫЙ УСТАВЪ О ГЕРБОВОМЪ СБОРѢ

И ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ОНОМУ РАСПОРЯЖЕНІЯ МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Цѣна **25** коп.

ПОЛОЖЕНІЕ О РИЖСКОМЪ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Цѣна съ пересылкою **20** коп.

ПРАВИЛА ДЛЯ ВНОВЬ ОБРАЗОВАННАГО ФОНДОВАГО ОТДѢЛА

ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ БИРЖѢ.

Цѣна съ пересылкою **15** коп.

I. Именной Высочайшій указъ. Объ отмѣнѣ ссылки на житье и ограниченіи ссылки на поселеніе по суду и по приговорамъ общественнымъ.—**II. Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта.** Объ отмѣнѣ ссылки и утвержденіи временныхъ правилъ о замѣнѣ ссылки на поселеніе и житье другими наказаніями.

Цѣна съ пересылкою **15** коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ РѢШЕНІЙ

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,

ПО ВОПРОСАМЪ ОБЪ ОТВѢТСТВЕННОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХЪ ЛИЦЪ АДМИНИСТРАТИВНАГО ВѢДОМСТВА ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ ДОЛЖНОСТИ (1868—1896 г.).

Составили: Членъ Консультаціи, при Министерствѣ Юстиціи учрежденной, исп. обяз. Товарища Оберъ-Прокурора 1-го Департамента Правительствующаго Сената *В. И. Тимофеевскій* и бывшій Оберъ-Секретарь того-же Д—та *С. П. Кузнецовъ.*

Печатанъ съ разрѣшенія Г. Министра Юстиціи.

Цѣна **4** руб., съ пересылкою—**4** руб. **50** коп.

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ ВОПРОСОВЪ,

РАЗРѢШЕННЫХЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯМИ ОБЩАГО СОБРАНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ И СЪ УЧАСТІЕМЪ I И II ДЕПАРТАМЕНТОВЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА,

съ 1866 по 1 Января 1900 г.

Составилъ Оберъ-Секретарь Общаго Собранія Кассаціонныхъ Департаментовъ Правительствующаго Сената *Н. Н. Быстровъ.*

Цѣна **4** р., съ перес. **4** р. **50** к.

Книгопродавцамъ обычная уступка.

Съ требованіями просятъ обращаться въ г. С.-Петербургъ, въ Сенатскую Типографію, а также въ книжные магазины: „Новаго Времени“ (Невскій проспектъ № 40) и Вольфа (Гостиный Дворъ № 19).

Новые нагрудные

ЗНАКИ

Высоч. утвержд. 14 декабря 1900 г. Собр. узак. № 20—1901 г. для окончившихъ

ДЕМИДОВСКІЙ юрид. лицей; С.-ПЕТЕРБУРГ. и НѢЖИН. историко-филолог. инстит.; Лазарев. инстит. восточн. языковъ и Восточный инст. (Владивостокъ) — высылаются налож. платеж. *Полный иллюстр.* прейсъ-курантъ этимъ знакамъ и университетскимъ, академич., инстит., должности. знакамъ, орденамъ, медалямъ, жетонамъ высылается *безплатно*. Адресъ—для заказч. *изъ провинціи*: С.-ПБургъ, Юргенсъ, сел. Император. фарфор. завода, 27; для покупки *лично* въ С.-Петерб.: Знаменская ул., д. № 1, магазинъ Новокшенова, близъ Невскаго.

НОВАЯ КНИГА:

„ПРАВИЛА О ПРОИЗВОДСТВѢ СУДЕБНЫХЪ ДѢЛЪ И ВРЕМЕННЫЯ ПРАВИЛА О ВОЛОСТНОМЪ СУДѢ“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Выписывающіе отъ автора по адресу: Переяславъ, Полтавской губ. Х. Д. Брейтбурду—за пересылку не платятъ.

Въ книгѣ кромѣ разъясненій Сената и Мин. Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи *впервые помѣщена еще и кассаціонная практика* одного изъ губернскихъ присутствій—Полтавскаго, представляющая богатый матеріалъ для разрѣшенія весьма многихъ вопросовъ, могущихъ возникнуть при примѣненіи на практикѣ означенныхъ правилъ.

ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ (отъ 3-хъ руб. въ мѣсяцъ) на

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ“.

(начатый проф. **И. Е. Андреевскимъ**)

подъ редакціей

К. К. Арсеньева и заслуженнаго проф. **Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго.**

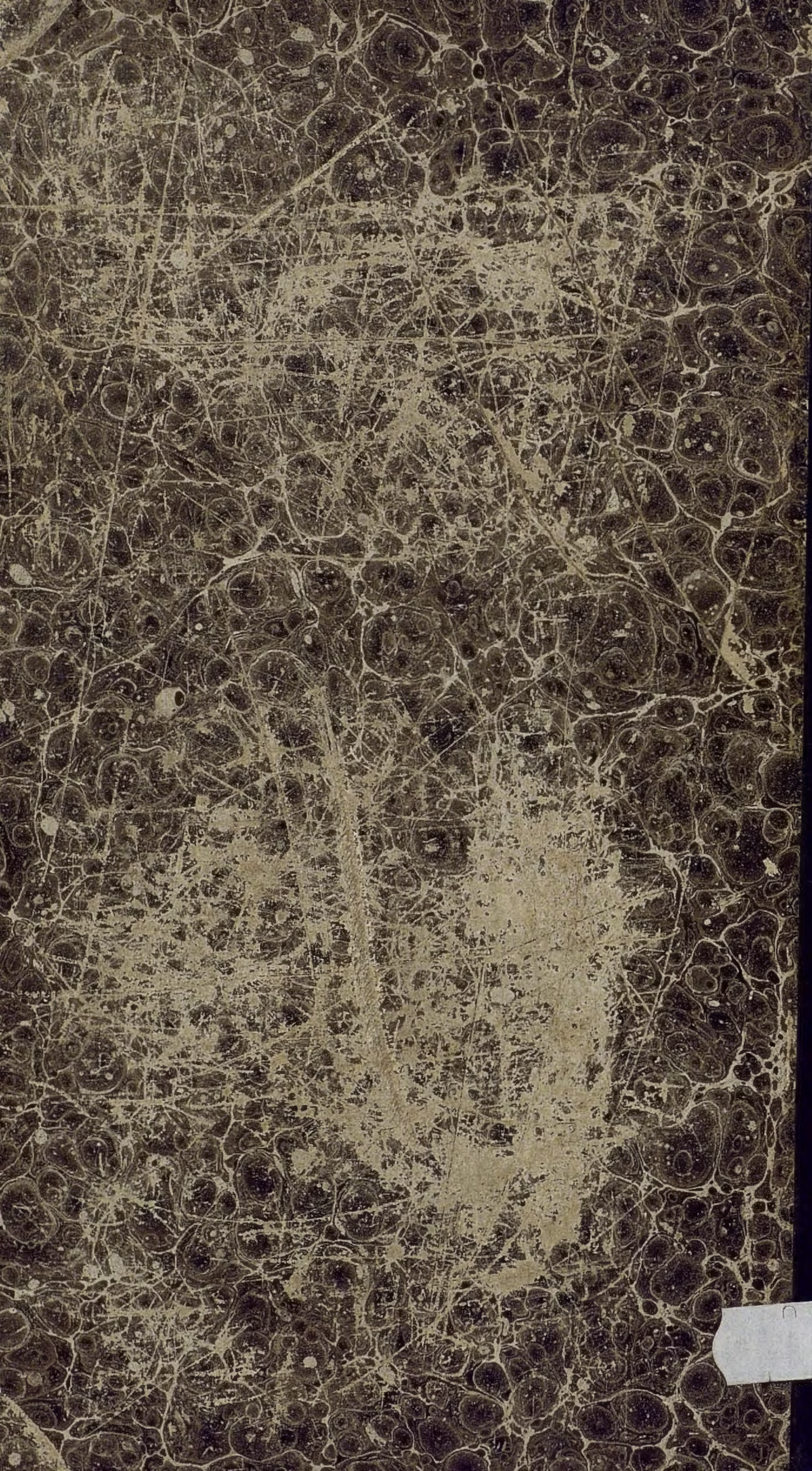
При участіи редакторовъ отдѣловъ:

С. А. Венгерова	отдѣлъ	исторіи литературы.
Проф. **А. И. Воейкова**	„	географіи.
Проф. **Н. И. Карѣева**	„	исторіи.
Академика **А. О. Ковалевскаго** / Проф. **В. Т. Шевякова**	„	біологическихъ наукъ.
Проф. **Д. И. Менделѣева**	„	химико-техническій и фабрично-заводскій.
Э. Л. Радлова	„	философіи.
Проф. **А. В. Совѣтова**	„	сельско-хозяйственный.
Проф. **Н. Ѳ. Соловьева**	„	музыки.
А. И. Сомова	„	изящныхъ искусствъ.
Академика **И. И. Янжула**	„	политической экономіи и финансовъ.

Словарь выходитъ полутомами черезъ каждые **два** мѣсяца. **Цѣна** за каждый полутомъ въ переплетѣ **3** р., безъ переплета **2** р. **70** к. (безъ пересылки).

Въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ и Казани каждый полутомъ доставляется **на квартиру** по указанной цѣнѣ (3 руб. или 2 руб. 70 к.). Во всѣ остальныя мѣста Россіи книги высылаются по почтѣ, при чемъ за пересылку взимается **40** коп. съ полутома. **Условія подписки:** 1) Подписавшіеся получаютъ всѣ вышедшіе полутомы. 2) Для лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, подписка въ разсрочку производится черезъ **гг. казначеевъ** или **начальниковъ** учрежденій, за отвѣтственностью которыхъ высылаются книги, при чемъ: а) Разсрочка платежа производится **помѣсячно** или **въ иные промежутки времени** по желанію подписчика, съ разсчетомъ не менѣе 36 руб. въ годъ, или по 3 руб. въ мѣсяцъ съ каждаго подписчика. б) Разсчетъ съ конторою редакціи производится въ сроки, устанавливаемые по соглашенію съ гг. казначеями или начальниками учрежденій; въ концѣ каждаго года контора высылаетъ подробный счетъ. в) Подписное требованіе должно быть **оффиціальное** за надлежащею подписью. 3) Лица, не состоящія на государственной службѣ, для полученія разсрочки платежа благоволятъ обратиться за условіями въ контору Редакціи (С.-Петербургъ, Прачешный пер., 6).

Издатели { *Ф. А. Брокгаузъ* (Лейпцигъ). *И. А. Ефронъ* (С.-Петербургъ).

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

00083778
ЮФ СПбГУ